

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СХСV.

РЯЗАНСКИЙ
ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТ
ИМ. С. А. ЕСЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Изм. № *091362*

**Фонд
редких книг**

г. Рязань ул. Свободы,
БИБЛИОТЕКА
Гос. университета

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАЦЕВА

Екатерининской напаль, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90¹ 1.

1878.

Проверено

20 *04* год

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

~~ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ~~ ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

8. (5-го декабря 1877 года). Объ учрежденіи стипендіи при Казанской Маріинской женской гимназіи.

Вдова статскаго совѣтника М. И. Сокольская, представивъ въ попечительный совѣтъ Казанской Маріинской женской гимназіи временное свидѣтельство 1877 г. за № 51189 на облигацію восточнаго займа въ 1.000 руб.,—ходатайствовала объ учрежденіи, на проценты съ означеннаго капитала, при упомянутой женской гимназіи, стипендіи имени покойнаго ея мужа Ивана Аванасьевича Сокольскаго.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

9. (5-го декабря 1877 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Московская городская дума, желая почтить изъясненіемъ общественной признательности память покойнаго гласнаго думы Самарина, пожертвовала капиталъ въ шесть тысячъ руб., на учрежденіе изъ процентовъ онаго одной стипендіи его имени при Московскомъ университетѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендію Юрія Федоровича Самарина“.

10. (5-го декабря 1877 года). Объ учрежденіи стипендіи при Владимірской женской гимназіи.

Владимірское губернское земское собраніе, во вниманіи къ ревностному исполненію, въ теченіе многихъ лѣтъ, статскимъ совѣтникомъ Александромъ Петровичемъ Смирновымъ обязанности секретаря того собранія и къ особымъ трудамъ его на пользу земства, собравъ по открытой между губернскими гласными подпискѣ, 600 руб., ходатайствовало объ учрежденіи, на проценты съ означеннаго капитала при Владимірской женской гимназіи стипендіи „имени А. П. Смирнова“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

11-го ноября 1877 года (№ 9). Утверждается: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Осокинъ — вновь ректоромъ сего университета на четыре года, съ 17-го сентября 1877 года.

Командируется за границу съ ученою цѣлію: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Путята — на два года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: почетному смотрителю С.-Петербургскаго Рождественскаго городскаго училища, надворному совѣтнику Воронину—по 1-е іюля 1878 года.

Ординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета, статскому совѣтнику Ковалевскому, по болѣзни, по 15-е августа 1878 года.

Увольняется въ отпускъ за границу: попечитель Дерптскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сабуровъ — на двадцать девять дней.

Объявляется Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе: члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Корнилову—за временное управленіе С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ (Высоч. пов. ⁵/77 ноября 1877 года).

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 26-й день ноября текущаго года, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, серебряными медалями съ надписью „за усердіе“ на Александровской лентѣ для ношенія на груди: учителя начальнаго училища при Самарской учительской семинаріи коллежскаго регистратора Николая Арычкина, старшихъ учителей двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Великосельскаго, Ярославскаго уѣзда, Николая Кутузова, Давыдовскаго Романовоборисоглѣбскаго уѣзда Павла Успенскаго и Глѣбовскаго Рыбинскаго уѣзда Михаила Успенскаго, учителя Холмскаго городскаго приходскаго училища, Исковской губерніи, Алексѣя Ермакова, учителя старшаго отдѣленія Курганскаго приходскаго училища Николая Михайлова, учителя Туринскаго приходскаго училища Михаила Силина, учителей народныхъ училищъ: Добрынскаго, Кромскаго уѣзда, окончившаго курсъ богословскихъ наукъ въ Орловской семинаріи, Павла Генерозова, Шепетовскаго однокласнаго начальнаго Заславскаго уѣзда, Ивана Гелимбатовскаго, Малошкаревскаго начальнаго, Заславскаго уѣзда, Петра Суси и Новоекатеринославскаго двухкласснаго начальнаго министерства народнаго просвѣщенія, Купянскаго уѣзда, изъ военныхъ поселеній Григорія Шидловскаго, учителя Коржевскаго сельскаго училища, Корсунскаго уѣзда, Никиту Крайнева, завѣдывающаго Гусевскимъ двухкласснымъ училищемъ, Меленковскаго уѣзда, студента Владимірской духовной семинаріи Виктора Тихонравова, учителей приходскихъ училищъ: Шумскаго Николая Волкова и окончившаго курсъ въ педагогическихъ курсахъ при Владимірскомъ уѣздномъ училищѣ Владимира Лекторскаго и перваго Киржадскаго, Покровскаго уѣзда, Александра Благовѣщенскаго, учителя Красносельскаго народнаго училища, Гороховецкаго уѣзда, окончившаго курсъ во Владимірской духовной семинаріи по 2-му разряду Василія Пришлецова, учителя Федоровскаго сельскаго училища Покровскаго уѣзда, окончившаго курсъ во Владимірской духовной семинаріи Николая Бесѣдина, учителя Коршальскаго начальнаго иноводческаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія Алексѣя Панина, учителя Николоширскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министер-

ства народнаго просвѣщенія Кологривскаго уѣзда, окончившаго курсъ въ Костромской духовной семинаріи Николая Драницына, учителя Уренскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Варнавинскаго уѣзда, окончившаго курсъ въ Костромской духовной семинаріи Николая Аменицкаго и учителя Кондушскаго двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Олонецкой губерніи, окончившаго курсъ въ Олонецкой духовной семинаріи Илью Суморина.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

5-го ноябрі 1877 года. (№ 15). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира, статскій совѣтникъ Иконниковъ—деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на три года, съ 16-го сентября 1877 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Поповъ—деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, съ 8-го октября 1877 года по 25-е марта 1880 года.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, магистръ греческой словесности Никитинъ—ординарнымъ профессоромъ сего института по предмету греческой словесности, съ 24-го мая 1877 г.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Жуковъ и коллежскій совѣтникъ Терещенко—вновь почетными попечителями прогимназій: первый — Александровской Серпуховской и второй — Глуховской, на трехлѣтіе.

Отставной войсковой старшина Астаховъ — почетнымъ смотрителемъ Хоперскаго окружнаго училища, по май 1879 года.

Причисляется: къ министерству народнаго просвѣщенія: дворянинъ Алексѣй Путята, съ 8-го октября 1877 года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Осокинъ, съ 21-го іюля 1877 года.

Директоръ Каменецъ-Подольской гимназій, статскій совѣтникъ Должиковъ, съ 20-го октября 1877 года.

Увольняются въ отпускъ за границу: исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Зингеръ — съ 20-го декабря 1877 г. по 8-е января 1878 года.

Учитель Варшавской 1-й мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Роде — на зимнее вакаціонное время.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ Ковалевскій — на четыре мѣсяца, по болѣзни.

Исключается изъ списковъ умершій: почетный смотритель Хоперскаго окружнаго училища, войсковой старшина Симоновъ.

В. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книги подъ заглавіями:

1) „Учебникъ зоологіи“. Сост. А. А. Гердъ. Часть I. „Безпозвоночныя“. Съ 239 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 2 р. Для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и для основныхъ и ученическихъ библиотекъ гимназій.

2) „Янъ Амосъ Коменскій. Великая Дидактика“. Изд. редакціи журвала Семья и школа. С.-Пб. 1875—1877 г. — рекомендовать для приобрѣтенія въ основныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а равно и для учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книгу: „Начальный курсъ физики“, составленный Ѳ. Петрушевскимъ (текстъ и атласъ чертежей. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 2 р. — рекомендовать какъ руководство физики для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книги подъ заглавіемъ: „Шекспиръ, его жизнь и сочиненія“. Соч. Рудольфа Жене. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею А. Н. Веселовскаго, преподавателя словесности московской 2-й женской гимназіи, съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. И. Стороженко, доцента московскаго университета. Съ портретомъ Шекспира и его факсимиле. Москва. 1877 г. — одобрить для фундаментальныхъ и уче-

ическихъ библіотекъ гимназій (мужскихъ и женскихъ) реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

2) „Брію и Букэ“. Тригонометрія. „1 прямолинейная тригонометрія“. Переводъ и изданіе Н. И. Мамонтова. Москва, 1877 г.—допустить въ фундаментальныя библіотеки гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Упражненія и задачи по начертательной геометріи“. Сост. преподаватель реального училища А. Бѣляевъ. С.-Пб., 1877 г. Съ атласомъ чертежей. Цѣна 75 к.—допустить въ фундаментальныя библіотеки при реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Исторія Греціи и Рима“. Курсъ систематическій. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Изд. 2-е. С.-Пб., 1877 г. Цѣна 1 р. 25 к.—одобрить какъ руководство при преподаваніи древней исторіи въ V и VIII кл. гимназій.

— „Учебникъ французскаго языка“. Сочиненіе лектора Императорскаго Московскаго университета Гемиліана. Часть III. „Хрестоматія, замѣчанія къ каждой статьѣ. Словарь корней и производныхъ. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е съ значительными дополненіями. Москва, 1876 г.“—допустить въ основныя библіотеки гимназій какъ пособіе для преподавателей. Часть 4-я того же учебника. „Статьи для перевода съ русскаго языка на французскій. Замѣчанія и слова. Этимологія и синтаксисъ для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва, 1877 г.“—допустить какъ пособіе при преподаваніи французскаго языка въ тѣхъ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ, по программамъ, полагаются переводы съ русскаго языка на французскій.

— Книгу: „Русская хрестоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями, съ словаремъ и указателемъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ профессоръ Московскаго университета Ѳ. Буслаевъ. Изд. 2-е, исправленное. Москва, 1877 г. Цѣна 1 р. 50 к.“—одобрить, какъ учебное пособіе, при прохожденіи грамматики церковно-славянскаго языка, а равно при прохожденіи исторіи древне-русской литературы и разборѣ памятниковъ древне-славянской литературы и народной словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а именно, въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ институтахъ и семипаріяхъ.

— Книгу: „Начало тригонометріи А. Давыдова, ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета. Москва, 1877 г.

Цѣна 1 р.—допустить въ основныя библіотеки гимназій и реаль-ныхъ училищъ.

— Книгу: „Геродотъ и его Музы“. Историко-литературное изслѣдованіе Ф. Н. Дьячана. Часть I. Варшава, 1877 г.—допустить въ ученическія библіотеки и одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Новая русская литература“ (отъ Петра до настоящаго времени). Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Сост. П. В. Евстафьевъ, преподаватель русской словесности въ С.-Петербургскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб., 1877 г. Цѣна 1 р. 75 к.—одобрить какъ учебное пособіе при чтеніи и разборѣ литературныхъ образцовъ въ гимназіяхъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ книжку подъ заглавіемъ „Божеское правосудіе“. Три разказа А. Погоесскаго. С.-Пб., 1872 г. Цѣна 20 к.—мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, призналъ возможнымъ рекомендовать названную книгу для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

Открытіе училищъ.

26-го ноября минувшаго года, открыто двухклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ Сергіевскомъ посадѣ, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи. Въ день открытія названнаго училища принято въ оное 300 учащихся изъ коихъ 181 мальчикъ и 119 дѣвочекъ.

— 6-го декабря прошлаго года послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Ставровѣ, Владимірской губерніи и уѣзда. Въ день открытія сего училища принято въ оное 126 учениковъ.

— 25-го октября минувшаго года послѣдовало открытіе Рельевского однокласнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Коротоляскаго уѣзда, Воронежской губерніи.

— По донесенію попечителя Одесскаго учебнаго округа, въ истек-

шесть году открыты слѣдующія училища министерства народнаго просвѣщенія въ Екатеринославской губерніи:

1) 11-го сентября двухклассное училище въ с. Романковѣ при 43 учащихся.

2) 29-го октября, Пелушковское двухклассное училище при 38 учащихся.

3) 30-го октября — Чермалыкское одноклассное училище при 66 учащихся, и

4) 8-го ноября — Ивановское двухклассное училище при 76 учащихся.

— По донесеніямъ попечителя Оренбургскаго учебнаго округа: 1) начальныя сельскія училища въ заводахъ Саткинскомъ и Юрюзанскомъ, Златоустовскаго уѣзда, Уфимской губерніи преобразованы въ двухклассныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія на средства мѣстнаго земства; первое преобразовано 20-го октября, а второе 13-го ноября. Учащихся въ дни преобразованія этихъ училищъ было: въ Саткинскомъ училищѣ 126 и въ Юрюзанскомъ 70 человекъ и 2) 9-го ноября открыто въ д. Махневой, Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи двухклассное училище министерства народнаго просвѣщенія. Въ первый классъ вновь открытаго училища поступило въ день открытія 26, а во второй 10 учениковъ.

— 1-го октября прошлаго года открыта начальная для инородцевъ не христіанъ школа въ д. Старо-Ямурзинной, Бирскаго уѣзду, Уфимской губерніи; въ день открытія сей школы поступило 20 черемисскихъ мальчиковъ и 2) 14-го минувшаго ноября открытъ 1-й классъ двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ сл. Куртамышевской, Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи. Въ день открытія 1-го класса названнаго училища состояло 54 ученика.

— 22-го ноября преобразовано начальное народное училище въ с. Флорештахъ, Соракскаго уѣзда, Бессарабской губ. въ одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія при 48 учащихся.

— 3-го ноября преобразовано начальное училище въ с. Калинештахъ, Яскаго уѣзда, Бессарабской губ., въ одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія при 42 учащихся.

— 4-го декабря открыто одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Яловенахъ, Кипиневскаго уѣзда, Бессарабской губ., при 40 учащихся.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ И ЗАДУНАЙСКАЯ СЛАВЯНЩИНА

передъ глазами московскаго царя Михаила Федоровича. 1626.

(Посвящается Ольгѣ Платоновнѣ М****.)

I.

Борьба Польши съ Москвою выражала стремленіе Западной Европы подчинить себѣ православный Востокъ. Защищая себя отъ польскихъ вторженій, Московское царство давало устои всему восточному христіанству въ отособленіи его отъ христіанства западнаго. Въ Москвѣ, можетъ быть, этого и не сѣзнавали, но въ центрахъ западной политики оно чувствовалось. Западная Европа, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей — религіантовъ, безпокоилась, видя неодолимую государственную силу, которая возникла на Сѣверѣ изъ невѣдомаго современнѣмъ историкамъ хаоса темныхъ народностей и возбуждала болѣе или менѣе опредѣленныя надежды — съ одной стороны, въ не достигнутыхъ католиками-Нѣмцами Славянахъ на Западѣ, а съ другой, въ не доведенныхъ мусульманами-Турками христіанахъ на Востокѣ. Безпокойство Западной Европы было нѣсколько ослаблено перевѣсомъ польскаго оружія надъ русскимъ и успѣхами римской политики, направившей это оружіе для своихъ собственныхъ цѣлей. Совокупная работа военныхъ людей и церковныхъ дипломатовъ, начавшаяся еще въ эпоху Ивана Грознаго, привела, наконецъ, дѣла къ тому, что Московское царство очутилось въ одно и то же время въ рукахъ у Поляковъ и у Шведовъ, у католическихъ Славянъ и у протестантскихъ Нѣмцевъ. Торжество Запада надъ Востокомъ было близко; паденіе послѣдняго оплота восточнаго христіанства казалось неизбежнымъ.

Но лучшія силы Русскаго народа, создателя единовластной Москвы, взяли верхъ надъ силами, извращенными тиранніей Ивана Грознаго,

цареубійствомъ Бориса Годунова, поруганіемъ царскаго достоинства въ эпоху самозванцевъ, — и государство, находившееся въ распоряженіи разновѣрныхъ напастниковъ, опять стало принадлежать православному. 1612 годъ изумилъ весь міръ неожиданнымъ переворотомъ дѣлъ въ Московскомъ государствѣ и самому народу Русскому показался работою нечеловѣческаго духа. Съ призваніемъ на царство Романовыхъ началось въ немъ съ новою силою прерванное на время строеніе тѣхъ сочетаній отдѣльныхъ единицъ въ органическое цѣлое по ихъ природѣ, которымъ выразился самостоятельный характеръ Русскаго народа въ исторіи; и казалось, что Поляки не осмѣлятся вернуться на мѣста мимоетной славы своей, завершившейся безславіемъ. Но черезъ шесть лѣтъ послѣ голоднаго сидѣнія въ Кремлѣ и позорнаго изгнанія изъ Москвы, исконные соперники русскаго господства въ сѣверной Славянщинѣ еще разъ появились подъ стѣнами русскої столицы.

Въ 1618 г. партія людей миролюбиво осторожныхъ поддалась въ Польшѣ партіи воинственно мечтательной. Живы и здоровы еще были храбрые ротмистры, которые разбили войско царя Василія Шуйскаго при Клушинѣ и овладѣли самодержавною Москвою. Живъ былъ еще и герой клушинской битвы, плѣнитель Московскаго царя, Станиславъ Жовковскій ¹⁾. Ошибка Сигизмунда III, захотѣвшаго царствовать во время— оное вмѣсто сына, сдѣлалась очевидною и для него самого. Поляки предоставили исправить ее королевицѣ Владиславу, достигшему совершеннолѣтія; самъ Жовковскій, отговаривавшій короля отъ его безразсуднаго плана, не противился героическому порыву молодого поколѣнія; и Владиславъ Жигимонтовичъ, какъ называлъ онъ себя въ прокламаціи, явился оспаривать Мономахову шапку у новаго царя Михаила Ѳеодоровича.

Вмѣстѣ съ Поляками поднялись на Россію и ихъ дикіе питомцы; ихъ измѣнчивые союзники, ихъ опасные враги — днѣпровскіе казаки. Подъ предводительствомъ самаго талантливаго изъ своихъ гетмановъ, Петра Конашевича Сагайдачнаго, они повторили въ единовѣрной и единоплеменной имъ странѣ тѣ страшные подвиги убійства, грабежа и опустошенія, по имени которыхъ предыдущее нашествіе шляхты и

¹⁾ Это червонно-русское имя мы привыкли писать по-польски Жолѣвскій, равно какъ и другія русскія имена, принадлежащія польскимъ полководцамъ и политикамъ. Во Львовѣ до сихъ поръ существуютъ ворота Жовковскія, которыхъ даже и Поляки не называютъ Жолѣвскими.

казаковъ прозвано московскимъ раззореніемъ. Будущіе творцы Руины ¹⁾ потрясли еще однажды едва оправившееся государство ради своей добычи, ради своей дикой славы, и заставили его сдѣлать въ Деулинѣ Полякамъ уступки, которыя, въ иномъ положеніи внутреннихъ дѣлъ, могли бы быть названы позорными.

Но четырнадцатилѣтнее Деулинское перемиріе было періодомъ, благотворнѣйшимъ для государственнаго организма Россіи. Въ этотъ періодъ Московское царство стало крѣпчать и приходитъ въ устройство такъ быстро, что русскій Югъ, подвластный безпорядочной Польшѣ, началъ смотрѣть на Россію, какъ на идеальную тихую, благоденствующую страну. Къ такому взгляду на возставшее изъ своего упадка государство приводило русскихъ южанъ не столько дѣйствительное благосостояніе державы Романовыхъ, сколько отсутствіе въ ней внутренней распри, постоянно волновавшей русскія области Польской Рѣчи Посполитой. Въ Московскомъ царствѣ была одна вѣра и одна верховная власть. Въ Польшѣ разновѣріе раздражало отдѣльные дома и цѣлыя корпораціи противъ королевской партіи, а верховная власть надъ низшими классами раздѣлена была между „великими папами“, которыхъ простой народъ и низшая шляхта съ досадою прозвали королями.

Ни одно сословіе не пытало къ этому порядку вещей такого отвращенія, какъ православное духовенство, воспитанное своими преданіями въ духѣ единовѣрія и единовластія. Въ то время, когда Поляки раззоряли Московское царство, южнорусское духовенство терпѣло подобное же раззореніе церкви своей отъ собственныхъ отступниковъ уніатовъ, руководимыхъ завзятыми папистами. Торжество русской силы въ Москвѣ надъ польскою было для него торжествомъ христіанства надъ папизмомъ ²⁾. Но русская сила колебалась на Сѣверѣ въ

¹⁾ Синонимъ казацко-шляхетскихъ войнъ Богдана Хмельницкаго и его преемниковъ, обратившихъ въ пустыню Киевскую землю, Волынь, Подолію и большую часть Червоной Руси.

²⁾ Въ борьбѣ за православіе съ уніатами и католиками южно-русскіе предки наши называли свою вѣру просто *христіанскою*, не допуская и мысли, чтобы, кромѣ одного христіанства, существовало какое-либо еще другое. Такъ Іоаннъ Вишенскій писалъ съ Авона: «Нынѣ русскіе князья все оеретичились между ляхами и отступили отъ христіанства, отъ истинной вѣры» (Ист. Воєс. Р., т. I, 296). Такъ Исая Колянекій наказывалъ черезъ священника Гедсона въ Москву, что поляки векорѣ намѣрены «наступити на *христіанскую ступу*» (Матер. для Ист. Воєс. Р., т. I, 126). Такъ и безвѣстный составитель Бѣлорусской Боркулабовской Хроникъ писалъ подъ 1588 годомъ: «Явилася промѣжь панами»

смутное время Московскаго государства не столько подъ напоромъ иноплеменниковъ, то-есть, Поляковъ, польскихъ наемниковъ Нѣмцевъ и польскихъ соперниковъ Шведовъ, дружно съ католиками довершавшихъ разореніе Московіи, сколько отъ тѣхъ Русичей, которые оказались подъ предводительствомъ польскорусской шляхты, выросли въ борьбѣ съ польскою олигархіей до многочисленной военной корпораціи, и привлекаемые легкою добычею въ разоренномъ царствѣ, помогали врагамъ православія рушить Москву, эту послѣднюю надежду томившихся подъ агарянскимъ игомъ христіанъ, этотъ второй Иерусалимъ, какъ величали ее на всемъ пространствѣ отъ Кіевской земли до Аравіи и Еѳіопіи. Религіозно-интеллигентные предки наши, сидѣвшіе въ кіевскихъ монастыряхъ, не могли этого не знать и не видѣть; но отвлечь днѣпровскихъ добычниковъ отъ союза съ отступниками православія и съ коренными его противниками — русско-польскими дворянами — было немислимо для представителей южнорусскаго духовенства. Ни изъ какихъ историческихъ свидѣтельствъ и источниковъ не видно, чтобы казаки, геройствовавшіе съ Заруцкими, Гонсѣвскими и Струсями въ смутное время Русской земли, или тѣ, что повторили московское разореніе въ 1618 году, находились подъ влияніемъ этого убогаго, разобщеннаго и загнаннаго сословія, — тѣмъ болѣе, что съ 1607 г. оно не имѣло уже въ своемъ составѣ ни одного архіерея, и назидая паству свою, само уподоблялось разсѣянному стаду безъ пастыря ¹⁾. Напротивъ, намъ извѣстно, что воинственная

великая немилость (нелюбіе), показалася отщепенство и великое гоненіе у святой вере на церкви Христовы, и наболей на веру католическую, на веру христіанскую» (Тамъ же, стр. 55). Этотъ, по видимому, простодушный взглядъ есть истинно историческій и философскій, усвоенный нашими богословами преемственно отъ апостоловъ первобытной церкви.

¹⁾ Въ 1607 году умеръ послѣдній изъ протестовавшихъ противъ церковной уніи православныхъ архіереевъ, Гедеоны Болобанъ. И не упустилъ здѣсь изъ виду Михаила Перемышльскаго, скончавшагося въ 1612 г.; но это была до того бездѣйственная личность, что даже королевская партія игнорировала его существованіе. Авторъ Боркулабовскій Хроники (Матер. для Ист. Возв. Р., т. I, 62) приводитъ универсалъ Сигизмунда III отъ 11-го марта 1592 года, въ которомъ король объявляетъ свои милости русскимъ епископамъ за пріятіе уніи и въ числѣ ихъ не упоминаетъ одного Перемышльскаго. Въ борьбѣ по поводу уніи Михаилъ Перемышльскій не игралъ никакой роли. На мѣсто Гедеоны посвященъ Іеремія Тисаровскій, по порученію Константинопольскаго патріарха, Волошскимъ митрополитомъ; но онъ оставался въ сторонѣ отъ Кіева и былъ поглощенъ собственными дѣлами въ то время, когда дѣло шло о спасеніи южнорусской церкви.

дѣйровская орда, даже въ эпоху славы Сагайдачнаго, считала присутствіе въ своемъ войскѣ священника вредоноснымъ для военнаго счастья ¹⁾. Она попеременно служила то „яровитому католику“ ²⁾ Свигизмунду III противъ православной Москвы, то императору Фердинанду II противъ чешскихъ уtrakвистовъ ³⁾, — тому Фердинанду, который, будучи еще принцемъ, поклялся у ногъ папы истреблять иновѣрцевъ по всей своей имперіи и лучше превратить ее въ пустыню, нежели допустить въ ней какое-либо вѣроисповѣданіе, кромѣ римско-католическаго ⁴⁾. Казачья орда только считалась православною; но православный міръ терпѣлъ отъ нея тѣ же набѣги, грабежи и убійства, что и отъ всякихъ иныхъ добычниковъ. Надобно было совершиться въ русскомъ мірѣ событіямъ чрезвычайнымъ, чтобы приостановить вредоносную для него дѣятельность дѣйровскаго казачества, котораго кадры состояли изъ безпощаднаго въ своей нищетѣ, метительности и распутствѣ отребія русско-польскаго общества. Такими чрезвычайными событіями были подвиги русскаго духа, возстановившіе государственную силу націи и тѣмъ самымъ положившіе предѣлы стихійному разливу анархической вольницы. Съ возстаніемъ Московскаго царства изъ многолѣтняго упадка началась новая эпоха и въ отношеніяхъ такъ называемаго Запорожскаго войска къ православному міру на русскомъ Сѣверѣ и Югѣ.

Въ силу Деулинскаго договора былъ возвращенъ изъ польскаго плѣна Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, отецъ избраннаго въ 1612 г. царя Михаила Феодоровича, и занялъ патріаршій престолъ, остававшійся празднымъ послѣ великаго Гермогена. На это сѣдалище, сдѣлавшееся въ эпоху испытанія Россіи истинно священнымъ, возвелъ его патріархъ Іерусалимскій Теофанъ, пріѣхав-

¹⁾ Археогр. Сб., I, 265. Нельзя при этомъ не вспомнить сочиненія Лютера «Von Kriege wider der Türken», въ которомъ онъ, съ своей точки зрѣнія, говоритъ, что христіане терпѣли поражение въ войнахъ противъ Турокъ отъ Владислава Варнскаго до Людовика Венгерскаго потому, что въ ихъ арміяхъ находились попы (S. 19). Вспомнимъ протестанта Зборовскаго, гетманявшаго у казаковъ. Протестантизмъ имѣлъ въ ихъ средѣ много представителей своего отрицанія сложившейся отъ вѣковъ церкви и ея священства.

²⁾ Такое названіе даетъ ему одна современная лѣтопись.

³⁾ То-есть, причащавшихся подѣ двумя видами, подѣ видомъ хлѣба и вина.

⁴⁾ Въ 1620 году наемное казацкое войско участвовало въ знаменитомъ пораженіи Чеховъ на Бѣлой Горѣ подѣ Прагою (Бумаги Флорент. центр. архива, изд. гр. Бутурлинскимъ, II, 212).

шій въ Москву за милостынею. Когда такимъ образомъ Россія возстановилась и получила прежнее значеніе державы, крѣпко сплоченной единствомъ церковной и свѣтской власти, казаки Сагайдачнаго вспомнили московскую службу своихъ предводителей въ XVI столѣтіи, и въ свою очередь, постарались заслужить благоволеніе православнаго царя, у котораго недавно пытались вырвать изъ рукъ скипетръ и державу для католическаго королевича ¹⁾.

Пребываніе въ Москвѣ патріарха Теофана и прибытіе туда же представителей Запорожскаго войска знаменуетъ начало весьма важнаго событія въ южно-русскомъ православіи. Но въ виду неточнаго и преувеличеннаго въ нашей литературѣ понятія объ участи дѣтировскихъ добычниковъ въ дѣлахъ южно-русской церкви, необходимо сперва указать здѣсь на общій характеръ казацкой вольницы

II.

Дѣтировскіе казаки, появившись на исторической сценѣ въ одно и то же время съ казаками татарскими подъ конецъ XV вѣка, держали себя въ началѣ какъ неподвластная никакому государю орда, на манеръ Нагайскихъ, Азовскихъ, Бѣлгородскихъ или Булжацкихъ Татаръ и за деньги, за кожухи, шапки, жупаны и военные снаряды, служили христіанскимъ государямъ безразлично противъ ихъ мусульманскихъ противителей, а подчасъ и мусульманамъ противъ христіанъ. Въ XVI вѣкѣ они сдѣлались предметомъ вербовки для людей, пытавшихся отразить мусульманскую силу на пограничьяхъ христіанскаго міра, подъ влияніемъ Римскихъ папъ, постоянно возбуждавшихъ западное рыцарство къ подвигамъ самопожертвованія XVI вѣкъ былъ послѣднимъ вѣкомъ религіозно-рыцарскаго энтузіазма. Въ то время не перевелись еще люди, отрицавшіеся знатности, богатства и всѣхъ житейскихъ благъ для борьбы съ врагами христіанства. Въ то время часто подъ одеждою воина можно было встрѣтить крестоносца-аскета, который вѣровалъ въ силу молитвы больше, чѣмъ въ силу оружія, и добровольно, даже преднамѣренно, подвергалъ себя всѣмъ лишениямъ и опасностямъ военнаго быта, чтобы на боевомъ полѣ заслужить небесный вѣнецъ мученика. Таковъ былъ въ древней казац-

¹⁾ Мотивъ похода королевича Владислава былъ именно домогательство московскаго престола (см. прокламацію, царя и великаго князя Владислава Жигимонтовича вся Русь въ Московское государство, въ Ист. Россіи *Соловьева*, IX, 136, изд. 1-е).

18399
комъ рыцарствѣ Предиславѣ Ландкоронскій. Такимъ является намъ въ молдавскомъ походѣ Николай Мелецкій ¹⁾. Такимъ изображаетъ геральдикъ XVI вѣка Папроцкій и князь Богдана Рожинскаго. Подобные предводители казацкой вольницы не знали болѣе сильныхъ побужденій къ войнѣ, какъ желаніе очистить грѣхи юности своей, грѣхи невѣдѣнія своего, и стяжать славу христіанскаго рыцаря. Они были религіозны въ рыцарскомъ значеніи слова и на все казачество, въ глазахъ Европы, набрасывали цвѣтъ христіанскихъ воиновъ. Такъ характеризуетъ одного изъ казацкихъ гетмановъ Гамберни, секретарь папскаго нунція при дворѣ Стефана Баторія, и этимъ гетманомъ былъ, какъ надобно думать, извѣстный Янъ Оришовскій, подстаростичъ Чечерскій и Пропойскій. Онъ говорилъ о своемъ рыцарскомъ призваніи съ энтузіазмомъ, сѣтовалъ на короля за жестокое обращеніе съ казаками въ угоду Туркамъ и въ интимныхъ бесѣдахъ съ Италіанцемъ открывалъ ему задушевное желаніе воевать съ невѣрными „во славу Божию и на вѣчную память казацкаго имени“ ²⁾.

Но среди Ландкоронскихъ, Мелецкихъ, Рожинскихъ, Оришовскихъ уже и въ первомъ періодѣ казацкихъ подвиговъ былъ возможенъ казакъ Байдѣ, какъ прозывался князь Димитрій Вишневецкій, который служилъ съ своими Запорожцами сперва Польскому королю, потомъ — Турецкому султану, далѣе — Московскому царю и наконецъ опять Польскому королю. Характеръ вождя давалъ то или другое направленіе казацкой дѣятельности, которая имѣла главною своею цѣлью добычу и соединенную съ добычей боевую славу.

Войны Стефана Баторія и московскаго самозванца размножили казацкія кучи, наполнили ихъ разновѣрнымъ сбродомъ и пріучили разбойничать во владѣніяхъ православнаго царства безъ всякаго вниманія къ его святынямъ. Баторій, изъ политическихъ расчетовъ, отвлекалъ казаковъ отъ войны съ мусульманами, прогонялъ ихъ со-всѣмъ съ днѣпровскаго Низу на донской Низъ, манилъ къ себѣ жалованьемъ, рыцарскою славою въ Московщинѣ и богатою поживою ³⁾ у народа западнаго, наконецъ предоставилъ Запорожскому

¹⁾ Ист. Воев. Р., т. I, 79.

²⁾ Документальныя извѣстія объ этомъ гетманѣ читатель найдетъ въ статьѣ В. В. Макушева: «Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкѣ», написанной по неизданнымъ италіанскимъ источникамъ (Слав. Сб., III).

³⁾ Вотъ слова короля Стефана Баторія, обращенныя къ низовцамъ: «Przedsięwzięcie to nasze było, zeszmywasz napostugę nasze przeciw Moskiewskiemu, s ktorym wojnę zaczynamy, wezwawcz, gdzie każdy z was mógłby miecz placz y serce

войску въ исключительную собственность городъ Трахтомировъ съ его монастыремъ, въ которомъ казаки могли бы устроить складъ военныхъ запасовъ и давать пристанище своимъ инвалидамъ. Множество низшей шляхты стало тогда казаковать въ видѣ военного промысла, замѣнявшаго ей невѣрное на пограничьи земледѣліе, не говоря уже о тѣхъ шляхтичахъ, которые шли въ казаки, промотавъ батьковщину или утративъ права гражданства; а Сигизмундовское принужденіе мѣщанъ къ уни заставило искать „казацкаго хлѣба“ не только простыхъ мѣщанъ, но и войтовъ, бурмистровъ, райцевъ, лавниковъ, вытѣсненныхъ изъ магистратскихъ лавицъ за сопротивление королевскимъ распоряженіямъ. Всего же больше шло въ казацкія купы шляхетской и мѣщанской молодежи, которой въ пограничныхъ, сравнительно убогихъ, воеводствахъ житье было вообще плохое, которую томила тогдашняя суровость домашней власти, и которую тѣмъ еще сильнѣе прельщала казацкая добыча вмѣстѣ съ безконтрольною казацкою вольностью. Днѣпровскіе казаки изъ небольшой военной корпорации сдѣлались цѣлою частью польско-русскаго населенія юго-восточныхъ окраинъ Рѣчи Посполитой. Они гиѣздились въ пограничныхъ городахъ и мѣстечкахъ отъ похода до похода, отъ поживы до поживы ¹⁾ и всегда были къ услугамъ того, кто сулилъ имъ деньги на вооруженіе, а въ перспективѣ — богатую добычу съ боевою славою.

Эта готовность обошлась Москвѣ очень дорого. Московское разреше- ніе не было бы такъ ужасно, а можетъ быть, и совсѣмъ не существовало бы въ исторіи, еслибы польская безледица не размножила казаковъ и не привела бы ихъ на поживу сперва въ царство Ивана Грознаго, а потомъ въ царство Бориса Годунова и Василя Шуйскаго. Москва и прежде возымѣла о днѣпровскихъ казакахъ не выгодное для нихъ мнѣніе, которое въ 1594 году думные дьяки выразили император- скому послу какъ нельзя опредѣлительнѣе. „Это — люди дикіе“, говорили они, — „не обузданные, не имѣющіе страха Божія, и на вѣрность ихъ нельзя рассчитывать“ ²⁾. Послѣ смутнаго времени и тѣхъ поджоговъ,

męskie y dzielność z wczciwszą sławą swą y s lepszym pozytk em, anizli do Wołoch chodzący, pokazasz». (Матер. для Ист. Возе. Р., т. I, 4—5). Они знали людей, которымъ указывалъ на лучшее поприще славы и добычи, чѣмъ турецкая Во- лощина, и не ошибся въ своей увѣренности.

¹⁾ Въ казацкой цѣснѣ поется:

И день и нощь войны ждемъ,
Поживы не маемъ...

²⁾ Чтеніе Общ. Ист. и Др. Росс. 1873 г., кн. 2, стр. 269.

которыми ознаменовали себя казаки Сагайдачнаго въ 1618 году, на нихъ стали въ Москвѣ смотрѣть, какъ на татарскую орду, не имѣющую съ православіемъ ничего общаго ¹⁾. Казаки, съ своей стороны, не симпатизировали Москвѣ. Возстановленные въ этомъ царствѣ строгости прогоняли къ нимъ отчаянныхъ преступниковъ, а пожалуй и несправедливо обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Отъ этихъ бѣглецовъ казаки слышали одно дурное о московскихъ порядкахъ. Въ лицѣ своихъ предводителей, которыми почти всегда дѣлались несорившіеся съ обществомъ и государствомъ шляхтичи да магистратскіе чиновники, казаки были озлоблены противъ преобладающихъ властей, каковы бы онѣ ни были, и потому сочувствовали мстительности московскихъ бѣглецовъ. Самая дружба Днѣпровскихъ казаковъ съ Донцами, къ которымъ уходило изъ Москвы все буйное и вороватое, отчуждала эту часть южныхъ Русичей отъ Русичей сѣверныхъ. Походъ казаковъ Сагайдачнаго въ 1618 году, сопровождавшійся опустошеніемъ цѣлаго ряда городовъ, пригородовъ, царскихъ, боярскихъ и монастырскихъ имѣній отъ литовскаго рубежа до самой Москвы, казалось, перессорилъ на вѣки днѣпровскихъ добычниковъ съ правительствомъ, которому они служили не разъ противъ Крымцевъ со время Ивана Грознаго. Но казаки до того привыкли къ хищничеству и убійствамъ, что совѣтъ не сознавали, какъ позорны поступки ихъ. Черезъ два года по заключеніи Деулинскаго перемирія, тѣ самые люди, которые проторили что называется татарскій шляхъ къ Москвѣ черезъ раззоренные ими города Путивль, Ливны, Елецъ, Лебедянь, прислали въ Путивль 15 своихъ товарищей казаковъ, подъ предводительствомъ атамана Одинца, съ пойманными ими подъ самою „Перекопью“ татарскими „языками“, и предлагали царю свои казацкія услуги по старинѣ, лишь бы царь жаловалъ Запорожское войско своимъ вспоможеніемъ для войны съ невѣрными.

Татарскіе языки были нужны царю для развѣдокъ обо всемъ, что дѣлается въ басурманщинѣ; но посланцевъ казацкихъ не захотѣлъ онъ видѣть и послалъ къ пограничнымъ воеводамъ указъ — дать имъ царское жалованье у себя въ Путивлѣ. Казаки между тѣмъ сумѣли такъ подѣйствовать на воеводъ, что тѣ, не дождавшись царскаго указа, „отпустили ихъ къ Москвѣ“. Дѣлать было нечего.

¹⁾ Очевидный свидѣтель подвиговъ Сагайдачнаго въ 1618 году отзывается о казакахъ, какъ о разбойникахъ и раззорителяхъ православныхъ церквей (Ист. Возс. Р., т. III, 81, примѣч.).

Изъ посольскаго приказа въ Путивль написанъ царскій выговоръ, чтобы впередъ воеводы „такихъ великихъ дѣлъ не дерзали, и своєю глупостью царскимъ дѣламъ порухи не чинили“, а посланцевъ Запорожскаго войска приняли въ Москвѣ честно; только подъ предлогомъ великаго поста, который царь употреблялъ на посѣщеніе святыхъ мѣстъ, не были они удостоены царскаго лицезрѣнія.

Казацкое посѣщеніе Москвы было для думныхъ бояръ тѣмъ не пріятнѣе, что они боялись раздражить головорѣзовъ пренебреженіемъ, должны были подавать имъ при свиданіи руку, должны были выставять предъ ними для парада стрѣльцовъ, наряженныхъ въ лучшее платье, и даже извиняться, что царь не можетъ видѣть Одица и его товарищей по случаю богомолья. Но за то „Запорожскіе Черкасы“ своимъ неожиданнымъ поворотомъ на давно оставленную служилую дорогу напомнили имъ о положеніи православной церкви въ польскихъ владѣніяхъ. Въ Москвѣ слѣдили за успѣхами церковной уни. Въ Москвѣ знали, что въ Кіевской митрополіи и подвластныхъ ей владѣтельствахъ архіерействуютъ униаты; что православные Южноруссы не имѣютъ уже ни одного епископа; что вѣра ихъ держится только монастырями, и что на эти послѣднія убѣжища древняго русскаго благочестія направлены сеймовыя интриги шляхетноурожденныхъ искателей такъ называемыхъ духовныхъ хлѣбовъ. Во всемъ Россійскомъ государствѣ носился слухъ, что король вознамѣрился подчинить у себя православную церковь окончательно Римскому папѣ и для того мирится съ Турецкимъ султаномъ и Нѣмецкимъ цесаремъ. Москвичи понимали, что обращеніемъ подвластнаго Польшѣ Русскаго народа въ унию и латинство связь между южною и сѣверною Русью была бы расторгнута, и православный міръ значительно стужился бы. Того мало: Польша, сдѣлавшись католикоуніатскою, подавила бы у себя протестантовъ, а протестанты, подавленные въ Польшѣ, усилили бы ресурсы папы для подавленія ихъ во всей Европѣ. Послѣ этого Римскому первосвященнику оставалось бы только устремить на Россію такихъ воинственныхъ государей, какимъ былъ Стефанъ Баторій, и господство „единаго пастыря“ надъ христіанскимъ міромъ было бы довершено. Не теряя никогда изъ виду политики католическаго міра ¹⁾,

¹⁾ Флетчеръ (въ книгѣ своей *Of the Russe common Wealth*) предполагаетъ, что папа, въ 1588 году подслалъ въ Москву патріарха Константинопольскаго Іеремію для расположенія царя къ подчиненію русской церкви Риму. Такой взглядъ на прибытіе Іереміи изъ Рима въ Москву могъ быть взглядомъ цар-

царскіе совѣтники собирали вѣсти о положеніи дѣлъ за московскимъ рубежемъ черезъ пограничныхъ воеводъ, черезъ торговыхъ людей, черезъ прѣзжавшихъ за милостынскою южнорусскихъ монаховъ. Они не преминули случая освѣдомиться и у казаковъ Сагайдачнаго, въ какихъ отношеніяхъ находятся эти отважные воины съ латинцами, яко люди, принадлежащіе къ тѣснямой папистами церкви.

III.

Между тѣмъ пребываніе представителей Запорожскаго войска въ Москвѣ совпало съ пребываніемъ тамъ одного изъ первосвященниковъ восточнаго православія, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ исполнилъ важное дѣло въ Кіевѣ, именно посвятилъ новыхъ православныхъ архіереевъ на мѣсто тѣхъ, которые, 24 года тому назадъ, присоединились къ римско-католической церкви. Намъ извѣстно, что патріархъ іерусалимскій Теофанъ искалъ и нашелъ въ Москвѣ „людей мудрыхъ, православныхъ богослововъ, которые знали и греческій языкъ“¹⁾. Съ ними онъ, безъ сомнѣнія, бесѣдовалъ о судьбѣ южнорусской церкви, и есть основаніе догадываться, что выѣхавъ онъ изъ Москвы въ Кіевъ уже съ выработаннымъ проектомъ возстановленія здѣсь православной митрополіи. Къ сожалѣнію, статейный списокъ о пребываніи Теофана въ Москвѣ утраченъ; но въ житіи преподобнаго Діонисія, котораго онъ защитилъ отъ церковныхъ обскурантовъ и изъ тюрьмы возвратилъ на Троицкую архимандрію, находимъ нѣсколько строкъ, свидѣтельствующихъ, что Іерусалимскій патріархъ былъ человѣкъ слова и дѣла. Тамъ сказано, что четыре восточные патріарха, посовѣтовавшись между собою и со всею церковью о спасеніи насажденнаго Гречами въ Русскомъ народѣ православія отъ напастей и гибели, „избраша воеводъ крѣпка и сильна, могуща тещи путь отъ Востока до Запада, ни оруженосцевъ, ни брони мужескихъ, но тово едино слово Божіе во устѣхъ имуща, могущее разорити тверди

скихъ совѣтниковъ, сообщеннымъ ими Флетчеру. Извѣстный географъ Масса, проживавшій въ Москвѣ во время государственныхъ смутъ по случаю самозванщины, составилъ свои записки о Москвитинѣ по интимнымъ бесѣдамъ съ московскими боярами. Въ этихъ запискахъ онъ приписываетъ разореніе Московскаго государства политическимъ махинаціямъ Римскаго папы (Сказанія Массы и Германа о смутномъ времени въ Россіи, изд. Археогр. Ком. 1874).

¹⁾ Рузон. Рум. музея «Палинодія», соч. Захарія Колысненскаго, л. 377. Драгодѣиный автографъ этого памятника борьбы съ папизмомъ хранится въ Варшавской библіотекѣ гр. Красинскихъ.

неодолима, — свѣдѣнаго патріарха Теофана, прекраснаго душою и тѣломъ“. Въ томъ же житіи сказано, что Теофанъ дѣйствовалъ въ русской землѣ, „созидаи и утверждаше обои предѣлы“, то-есть, Великую и Малую Россію.

Какъ бы то ни было, только намъ нельзя оставлять безъ вниманія то обстоятельство, что за нѣсколько мѣсяцевъ до возстановленія Киевской митрополіи подъ эгидою Сагайдачнаго, посланцы его были въ Москвѣ одновременно съ Іерусалимскимъ патріархомъ, который въ этомъ великомъ по своимъ послѣдствіямъ актѣ явился главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Вопросъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся казаки Сагайдачнаго съ католическимъ правительствомъ, какъ члены тѣснимои папстами церкви, этотъ вопросъ былъ предложенъ представителямъ Запорожскаго войска, и мы должны припомнить себѣ, вопервыхъ, какъ именно онъ былъ выраженъ, а вовторыхъ, какъ именно отнеслись къ нему казаки.

Думный дьякъ Иванъ Грамотинъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью: „Здѣсь въ Россійскомъ государствѣ пронесся было слухъ, что польскій король заключилъ съ Турками миръ и хочетъ наступить на вашу вѣру. Такъ объявите намъ: какъ стоять у короля дѣла съ Турецкимъ султаномъ, съ Римскимъ папою, съ Нѣмецкимъ цесаремъ, и нѣтъ ли отъ нихъ на вашу вѣру какого посяганья?“

Казаки вовсе не были приготовлены къ переговорамъ о подобныхъ предметахъ: они хлопотали только о своемъ казацкомъ промыслѣ и потому отвѣчали, что съ Турецкимъ султаномъ Польскій король въ миру; а на море имъ на турецкихъ людей ходить не запрещено изъ Запорожья, запрещено ходить только изъ малыхъ рѣчекъ, и на Крымъ также ходить имъ не заказано; про цесаря и про папу они ничего не знаютъ, потому что земля ихъ отъ цесаря и папы отдалена; а „посяганья на нихъ казаковъ отъ Польскаго короля ни котораго не бывало“¹⁾.

Такимъ образомъ казаки Сагайдачнаго совершенно отстранились отъ вопроса, который въ Москвѣ занималъ крѣпко еще Іоанна III. Еще при великомъ „сбирателѣ Русской земли“ Москвичи съ безпокойствомъ узнавали, что въ Литвѣ „все православное христіанство хотятъ окрестить“, и Московскій государь наказывалъ своей дочери Еленѣ, бывшей замужемъ за Александромъ Литовскимъ, „чтобъ она

¹⁾ Подробности посольства Сагайдачнаго см. въ I томѣ Матер. для Ист. Возс. Р., 89—99.

пострадала до крови и до смерти, а вѣры греческой не оставляла¹⁾. Москва, стало быть, раскидывала умолю широко, если ея самодержецъ жертвовалъ дочерью въ интересахъ православія тому пазадѣ болѣе ста лѣтъ. Не могли члены московскаго государственнаго совѣта теперь, по возвращеніи царскаго отца, своего архипастыря, изъ польскаго плѣненія, не воспользоваться такою случайностью, какъ одновременное пребываніе у нихъ въ гостяхъ представителя восточной церкви и посланцевъ Запорожской республики, которой оружіе такъ вредоносно направлялось католиками на православное Русское царство.

Мысль эта подтверждается внезапною, ни чѣмъ другимъ не объяснимую переменю въ отношеніяхъ Днѣпровскихъ казаковъ къ передовымъ борцамъ за православную вѣру и русскую народность, къ руководителямъ церковныхъ братствъ и мѣщанской стойкости въ вѣрѣ отцовъ своихъ — ученымъ монахамъ.

Съ появленія казачества въ средѣ мѣстной шляхты и мѣстнаго мѣщанства, лѣтописи православныхъ священниковъ¹⁾, монастырскіе акты²⁾ и жалобы городскаго духовенства³⁾, говорятъ намъ только о хищничествѣ казаковъ, не щадившемъ ни церквей, ни выпшихъ лицъ духовнаго званія⁴⁾. Это хищничество не исключаетъ возможности пожертвованія нѣкоторыми изъ добычниковъ части добычи своей на церковь, не исключаетъ возможности даже вступленія въ монахи наѣздниковъ, покаившихся въ тяжкихъ грѣхахъ своихъ. Примѣры того и другаго бывали во всѣхъ странахъ, подвергавшихся ужасамъ вооруженнаго своевольства. Но мимо Днѣпровскихъ казаковъ прошли, безъ ихъ участія, такіа событія исторіи русской церкви, какъ основаніе церковныхъ братствъ и синоды духовныхъ и свѣтскихъ ревнителей древняго русскаго благочестія въ противодѣйствіе махинаціямъ римской куріи. Возникшая по поводу церковной униполемика проходить казаковъ молчаніемъ, но безпрестанно говорить объ энергической защитѣ церкви и православія мѣщанами и духовенствомъ. Самыя паписты, бросавшіе въ православную общину такіи брошюрами, какъ „Воскресшій Наливайко“, не могли предста-

¹⁾ Боркулабовская хроника (Матер. для Ист. Возс. Р., т. I).

²⁾ Акты Межигорскаго мон., хран. въ Кіевской дух. акад.

³⁾ Жалоба православныхъ священниковъ города Могилева Сигизмунду III на петербургское ихъ церквами и ими самими раззореніе отъ казаковъ Наливайки.

⁴⁾ Въ актахъ Межигорскаго монастыря описана тиранія казаковъ Косинскаго надъ игуменомъ Іосифомъ Копотемъ (см. Описаніе Кіева, *Закревскаго*).

вить ни одного факта, который свидѣтельствовалъ бы о солидарности нашихъ борцовъ за вѣру и народность не только съ массою казаковъ, но и съ ихъ предводителями. Такъ шли казацкія дѣла отдѣльно отъ церковныхъ дѣлъ до опустошенія казаками Сагайдачнаго московскихъ областей въ 1618 году и до появленія передъ царскими боярами посланцевъ его въ 1620 году. На вопросъ думнаго дьяка Грамотина представители Занорожскаго войска отозвались равнодушно о томъ, что приносила въ Москву молва на счетъ католической политики Польскаго короля. Въ Москвѣ казакамъ не было дѣла ни до насъ, ни до его сотрудниковъ по распространенію въ Европѣ католичества. Но когда велѣдъ за тѣмъ Іерусалимскій патріархъ Теофанъ прибылъ въ Малороссію, они привѣтствовали его подъ Прилукою въ Густынскомъ монастырѣ, конвоировали до Кіева, оберегали въ Кіевѣ, проводили до турецкой границы и, во время его пребыванія въ Кіевѣ доставили ему возможность посвятить Иова Боренскаго на митрополію, которую законнымъ порядкомъ король предоставилъ уніату Іосифу Венямину-Рутскому.

При этомъ обращаетъ на себя наше вниманіе въ особенности то обстоятельство, что Теофанъ снѣлъ съ Конашевича Сагайдачнаго великій грѣхъ вторженія съ казаками во единовѣрное царство. Едва ли починъ этого дѣла принадлежалъ самому Сагайдачному. До 1620 года мы знаемъ его только наѣздникомъ, который одинаково относился и къ мусульманскимъ, и къ христіанскимъ городамъ. До 1620 года Сагайдачный является передъ нами такимъ же шляхтичемъ среди предводимыхъ имъ добычниковъ, какими были протестантъ Зборовскій, латинецъ Косинскій, православный Лобода; а въ его казакахъ мы видимъ людей, которымъ не было никакого дѣла ни до епископскихъ казедръ, ни до церковныхъ братствъ. Самый способъ войны его въ Московскомъ государствѣ, описанный очевидцемъ ¹⁾, показываетъ, какъ онъ былъ далекъ отъ раскаян्या въ подвиряхъ казацкаго ремесла своего. Въ 1618 году, наступая «съ нѣмецкими хитростями»

¹⁾ Описаніе очевидца начинается слѣдующими словами: «Въ лѣто 7126 (1618) король польскій и литовскій Жимомонтъ посла сына своего Владислава со многими людьми и вой подѣ царствующій градъ Москву, а на украину (разумѣется польская украиня Московскаго государства) посла гетмана, именемъ Петра Конашевича-Сагайдачнаго, и съ нимъ за пороги до двадцати тысячъ. Который, яко начальникъ сему пагубному воровству и разорителю Московскаго государства, внезапно приде съ вой своими на Христова стадо и, яко волкъ и людіи воды хмизницы, напавша на градъ Ливны» и т. д.

(то-есть, съ иноземною тактикою) на единоуѣрцевъ своихъ, запиравшихся въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, Сагайдачный кричалъ бывало осажденнымъ: „Не блазнитесь о нашей силѣ: городъ вашъ, какъ птицу, рукою мою возьму, жилища ваши на пожаръ пущу, а всѣмъ жителямъ, великому и малому, руку и ногу отсѣчь и исамъ повергнуть повелю!“ А въ 1620 тотъ же Сагайдачный возчувствовалъ потребность покаянія и искупилъ свои грѣхи служеніемъ церковнымъ интересамъ. Эту перемену въ его понятіяхъ и чувствахъ надобно приписать скорѣе всего тому, кого въ Москвѣ изобразили, яко „воеводу крѣпка и сильна, могуща теши путь отъ Востока до Запада, ни оруженосцевъ, ни броней мужескихъ, но токмо одно слово Божіе во устѣхъ имуща, могущее разорити тверди неодолимая“. Покоряясь могуществу Божіа слова, непобѣдимый наѣздникъ перешелъ изъ одной крайности въ другую. Онъ принялъ на свою отвѣтственность передъ королемъ возстановленіе въ Кіевѣ православной митрополіи и вписался въ число церковныхъ братчиковъ „со всѣмъ Залорожскимъ войскомъ“: слова въ его устахъ не пустыя, такъ какъ его военное счастье имѣло магическую силу надъ умами добычниковъ, и гдѣ былъ Сагайдачный, тамъ была и казацкая сила. Онъ зналъ о громадныхъ приготовленіяхъ Османа II къ походу въ Польшу; зналъ и безсиліе Польши отразить нападеніе; зналъ и то, что одинъ онъ былъ способенъ соединить подъ свой бунчукъ всѣ казацкія ватаги, и что за эту услугу король готовъ сдѣлать ему какія угодно уступки. Въ Кіевѣ, подъ эгидой вождя готовыхъ на все наѣздниковъ, совершилось непримѣрное въ лѣтоисяхъ Польши дѣло: въ виду митрополіи, подвластной Римскому папѣ, возстановлена митрополія, подчинявшаяся Константинопольскому патриарху и своимъ появленіемъ среди христіанскаго міра изобличавшая Польскаго короля въ подлогѣ. Но грозное движеніе Османа отъ Дуная къ Днѣпру заставило королевскую партію смириться передъ популярнымъ защитникомъ схизмы (то-есть, раскола), какъ называла она православіе.

Такъ появились казаки на новомъ, чуждомъ имъ дотолѣ попріицѣ. Для правильнаго пониманія казацкой дѣятельности въ интересахъ православія читатель долженъ имѣть въ виду, что казаки скоро вернулись къ прежней своей роли опустошителей православнаго царства подъ польскими знаменами, и что даже въ 1620 году, когда одни казаки, въ лицѣ Сагайдачнаго, защищали православіе въ Кіевѣ, другіе подъ предводительствомъ невѣдомыхъ исторіи атамановъ, побивали Чеховъ на Вѣлой Горѣ съ императоромъ Фердинандомъ II. Іерусалимскій

патріархъ, очевидно, привелъ къ раскаянію только немногихъ казаковъ, подобныхъ Сагайдачному. Прочіе, какъ въ Москвѣ Одинецъ, не дѣлали даже различія между людьми, утверждавшими христіанъ въ православіи только силою слова Божія, и тѣми людьми, которые свидѣтельствовали о праведности католичества плавающими кострами ¹⁾.

О возвращеніи казаковъ къ завоеванію Москвы въ пользу Польши скажемъ обстоятельнѣе въ своемъ мѣстѣ. Теперь прослѣдуемъ казакія дѣянія по отношенію къ королевской партіи съ одной стороны, къ православнымъ Южпоруссамъ съ другой и къ московскому правительству съ третьей, такъ какъ этими дѣяніями, ничтожными въ своей отдѣльности, влзутся событія продолжающія вліять на насъ и въ настоящее время.

На православную іерархію, возставшую изъ своего небытія въ тревожное время Хотинской войны, накинудись паписты, лишь только въ королевскую раду пришло исвѣстіе о неожиданномъ для нея подвигѣ Іерусалимскаго патріарха. Король подписалъ поднесенные ему универсалы къ мѣстнымъ властямъ объ изловленіи Іова Борецкаго и его товарищей, яко самозванныхъ архіереевъ, возмутителей общественнаго спокойствія; но вслѣдъ затѣмъ эти мандаты были отмѣнены, такъ какъ Сагайдачный объявилъ королевскимъ посламъ къ Запорожскому войску, что казаки не пойдутъ къ Хотину, если посвященные Теофаномъ архіереи не будутъ оставлены въ покоѣ. Тѣмъ не менѣе, по минованіи опасности, схизматическую іерархію стали тѣснить, во имя закона, всевозможными беззаконіями. Знаменитый казацкій гетманъ скончался весною 1622 года отъ полученныхъ осенью 1621 года ранъ, а казаки, безъ Сагайдачнаго, были не надежною защитой православныхъ архіереевъ, и даже то обстоятельство, что все Запорожское войско фигурировало въ братскомъ „ѹписѣ“ ²⁾

¹⁾ О раззоритель Кодапа Сулимъ литовскій канцлеръ Альбрехтъ-Станиславъ Радзивиль, въ своемъ дневникѣ, пишетъ, что свѣ сдужить усердно папѣ Павлу V и получилъ отъ святаго отца золотую медаль съ его портретомъ, что передъ своею казнью Сулима принялъ католичество и просилъ положить къ себѣ въ гробъ изображение папы, какъ свидѣтельство о своихъ рыцарскихъ подвигахъ (Pam. Albr. Stan. Radziwilla, 1, 289). Нельзя не обратить вниманія на странное обстоятельство, что со времени изданія дневника Радзивила протекло 38 лѣтъ, что о Сулимѣ было писано въ эти годы не менѣе 38 разъ, и что историографія ни разу не упомянула характеристической черты казацкаго рыцаря.

²⁾ Собственно говоря, въ братскомъ ѹписѣ фигурировало только имя Сагайдачнаго, съ обыкновенною припискою словъ: «со всемъ войскомъ Запорожскимъ».

оказалось бесполезною для Киевскаго братства демонстраціей Сагайдачнаго ¹⁾. Казаки подѣлились опять на купы, враждебныя одна другой ²⁾, и дальновидѣйшіе изъ нихъ стали помышлять о томъ, куда имъ дѣваться въ случаѣ столкновенія съ королевскими ополченіями.

Столкновеніе было неизбежно. Король, отразивъ Османа съ помощью казаковъ, желалъ заключить съ Турками такъ называемый вѣчный миръ; а казаки не могли существовать безъ пиратства на Черномъ морѣ и своими разбоями въ турецкихъ владѣніяхъ не давали Польшѣ обезопасить юго-восточную границу. Королю, какъ усердному слугѣ Рима, надобно было направить свои силы противъ ревностнаго протестанта Густава-Адольфа; а казаки, вооружая противъ него Турокъ, заставляли коронныхъ гетмановъ обращаться лицомъ въ противоположную сторону. Съ своей стороны, пограничные землевладельцы, испытывая на себѣ всѣ неудобства постоянного размноженія казачества, давно уже настаивали на повтореніи расправы, какую совершилъ надъ казаками Жовковскій въ 1596 году, и эта рѣшительная мѣра къ освобожденію края отъ чуждскаго пролетаріата была отстраняема только искусствомъ и личнымъ значеніемъ Сагайдачнаго, который, по словамъ украинской лѣтописи, жилъ съ панами въ миру. Теперь „бачнѣйшіе“ казаки, не находя способа обуздать казацкую „голоту“ ³⁾ и предвидя повтореніе кровавой грозы, все чаще и чаще обра-

¹⁾ Казаковъ было подъ Хотиномъ въ 1621 году болѣе 30,000 (а всѣхъ ихъ считывали до 60,000). Еслибы Запорожское войско было членами братства, то однимъ взносомъ назначенной при вступленіи въ братство лехты оно составило бы значительную сумму денегъ. Между тѣмъ намъ извѣстно, что Киевское братство исчисляло свои средства сотнями и десятками злотыхъ.

²⁾ И при Сагайдачномъ были бунты однихъ казацкихъ купъ противъ другихъ; но онъ умѣлъ господствовать надъ казаками такъ, что своевольному ихъ гетману Бородавкѣ заставлялъ самихъ казаковъ отрубить голову въ полномъ сборѣ Запорожскаго войска. Передъ выступленіемъ Сагайдачнаго къ Хотину, «киевскіе обыватели», вписавшіеся въ казаки, просили его не обращать вниманія «на простакіе бунты молодыхъ необачныхъ» (Археогр. Сб., I, 265).

³⁾ Подъ именемъ казацкой голоты у насъ весьма часто подразумеваютъ мужиковъ, ободранныхъ панами и наполнившихъ казацкія купы. Между тѣмъ *Voluntaria Legum* называютъ голотою шляхтичей, утратившихъ недвижимую собственность. Этотъ классъ (*golota*, *odartus impossessionatus*) подлежалъ городскому, а не земскому суду, не имѣлъ права занимать государственныя должности и участвовать въ сеймахъ. Одартусы или оборвыши, *impossessionati*, обыкновенно тѣснились въ городахъ подъ именемъ бруковой шляхты, пользовались вся-

пцали взорѣ свои на Московское царство, представлявшее разительную противоположность безпокойному и безсудному Польскому королевству; наконецъ сошлись въ мысляхъ своихъ съ гонимыми архіереями.

Архіереи были безопасны въ своихъ убогихъ убѣжищахъ лишь до тѣхъ поръ, пока правительство не управится съ двѣровскою вольницею. Лишь только Запорожское войско будетъ приведено къ опредѣленному закону числу 6000 реестровыхъ казаковъ, лишь только переставеть оно быть опаснымъ въ глазахъ дерзкой и трусливой королевской партіи,—православные іерархи останутся при однихъ мѣщанахъ да чернецахъ; а въ польскорусскихъ областяхъ было уже много примѣровъ безсилія торговаго класса и малодушія монашескихъ общежитій. Высшему малорусскому духовенству, такъ точно и „лучшимъ людямъ“ въ казацкомъ войскѣ, грозили различныя стѣсненія, даже серьезныя опасности, въ виду объединенія въ Польшѣ народностей, о которомъ постоянно хлопоталъ „Сигизмундъ Шведъ“, руководимый римскою куріей. Какого рода могли быть эти стѣсненія, эти серьезныя опасности? Если повторять молву, которую постоянно распускали въ народѣ монахи, попы и казаки съ одной стороны, и которую царскіе вѣстовщики, большею частью люди торговые, постоянно ловили съ другой, то пришлось бы и намъ, по примѣру нѣкоторыхъ историковъ, говорить о наступленіи Поляковъ на православную вѣру. Но дѣло состояло въ томъ, что королевская партія, отдѣльно отъ польскаго общества, работала въ русскихъ городахъ и монастыряхъ надъ образованіемъ большинства голосовъ въ пользу папизма и этимъ, только этимъ способомъ угрожала православію весьма серьезно. Съ образованіемъ въ православной средѣ большинства склонныхъ къ признанію главенства Римскаго папы, православіе съ каждымъ годомъ таяло, какъ отъ внутренняго недуга, на всемъ пространствѣ отъ Вислы до Сулы, и никакая самозащита не могла остановить этого таянія, этой чахотки въ нравственномъ организмѣ націи. Большинство членовъ православной церкви, совращенное въ унию или въ католичество речегатами русской народности, представляло въ самомъ дѣлѣ наступленіе на православную вѣру, котораго въ буквальномъ смыслѣ слова Поляки никоимъ образомъ не могли предпринять въ обще-

кой вербовкой для куска хлѣба и чаще всего «прятавали въ казаки». Вотъ настоящіе кадры казацкаго войска, сильно вліявшіе на его нравственность. Историкъ, представляющіе казачество выраженіемъ жизни малорусскаго хлѣбороба, въ однихъ случаяхъ возвышаютъ мужика до понятій, ему не свойственныхъ, а въ другихъ—унижаютъ его сравнительно добрыя нравы.

ствѣ, ультра-свободномъ относительно вѣры, чести, имущества и жизни¹⁾. Законъ, въ строгомъ значеніи своемъ, каковъ онъ былъ въ Польшѣ, не могъ запретить шляхтичу Борецкому и шляхтичамъ товарищамъ его по іерархіи принять на себя духовный санъ отъ восточнаго патріарха, все равно какъ не могъ онъ запретить диссиденту сдѣлаться пасторомъ и суперинтендентомъ. Но тотъ же законъ и по однимъ и тѣмъ же причинамъ не могъ утвердить за самозванцемъ того сана, который утвержденъ имъ отъ имени конституціоннаго большинства за лицомъ, признающимъ церковную унію. Онъ попускалъ схизматикамъ владѣть монастырями и нѣкоторыми монастырскими землями, но не по принципу, а единственно потому, что въ шляхетской республикѣ недоставало единодушія въ прекращенію владѣнія незаконнаго. Это была одна изъ безчисленныхъ экзорбитанцій, которыя шляхта терпѣла вопреки установленному ею же самою праву. Точно такъ не было у польскаго закона возможности запретить шляхтичамъ и мѣщанамъ-магдебургцамъ составлять военнопromышленное товарищество. Запрещеніе казачество простиралось только на обыкновенныхъ королевскихъ и панскихъ подданныхъ. Но никогда не утверждалъ законъ числа казаковъ свыше 6000 реестровыхъ, и потому всѣхъ пешляхетныхъ членовъ казацкаго товарищества объявлялъ своевольниками, подлежащими не войсковому, а старостинскому и панскому присуду у Экзорбитанція казачества, благодаря шляхетской безурядицѣ, довела число Запорожскаго войска до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Вожди этого войска не хотѣли принизиться до значенія предводителей небольшихъ отрядовъ и естественно обращались къ своимъ исповѣдникамъ архіереямъ за совѣтомъ, что дѣлать имъ въ случаѣ наступленія на нихъ короннаго и панскаго ополченія, какъ силы, посредствомъ которой правительство останавливало разливъ казачества на счетъ мирныхъ занятій и вгоняло его въ нормальное, безопасное для общества число 6000 реестровиковъ. Естественно было и противозаконнымъ архіереямъ указывать своей воинственной паствѣ тотъ путь спасенія отъ облегающихъ золь, которымъ, въ случаѣ крайности, они были готовы слѣдовать сами. Москва не должна отвергнуть ставленіе

¹⁾ Употребляю здѣсь эти слова потому, что они фигурируютъ въ заглавіи, данному Археогравическою Комиссіей апокрифическому универсалу Богдана Хмельницкаго (Документы, объясн. ист. Западнор. край, стр. 312). Этотъ универсалъ составляетъ одинъ изъ краснорѣчивыхъ камней, на которыхъ покоится панславянское зданіе исторіи Малороссіи.

никовъ Іерусалимскаго патріарха, который посвятилъ и для нея достойнаго преемника Гермогена. Москва для говимыхъ иновѣрныхъ королемъ архіереевъ дѣлалась истиннымъ отечествомъ. Москва, казалась имъ, должна отворить настежь ворота и для угрожаемыхъ избиеніемъ православныхъ воиновъ.

IV.

Вслѣдствіе такого совпаденія нужды и мыслей, въ декабрѣ 1622 года, къ пограничнымъ воеводамъ въ Путивль прибылъ отъ одного изъ православныхъ архіереевъ посолъ съ предложеніемъ необыкновеннымъ. Посломъ этимъ былъ священникъ Мгарскаго монастыря, что подъ Лубнами, по имени Гедеонъ. Когда воеводы остались съ нимъ безъ свидѣтелей въ сѣзжей избѣ, онъ объявилъ, что прислалъ его Сѣверскій архіепископъ Исаія Копинскій, строитель нѣсколькихъ монастырей на лѣвой сторонѣ Днѣпра, съ просьбою къ царю о поддержкѣ его въ „церковномъ строеніи“, и разказалъ о наступленіи Поляковъ на христіанскую вѣру.

Въ переводѣ на языкъ исторіи наступленіе Поляковъ состояло въ работѣ королевской партіи надъ приведеніемъ православныхъ подъ главенство Римскаго папы тѣми способами, которые можно было прикрыть законностью. Раздача дигнитарствъ зависѣла самымъ законнымъ образомъ отъ короля, и Сигизмундъ III, стремясь къ объединенію вѣроисповѣданій въ своемъ государствѣ, такъ искусно привлекалъ пановъ къ вѣроисповѣданію господствующему, что, заставши сенатъ состоящимъ изъ иновѣрцевъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ католиковъ, подъ конецъ своего царствованія имѣлъ удовольствіе засѣдать въ сенатѣ, заключавшемъ въ себѣ не болѣе столькихъ же разновѣрныхъ членовъ. Та же объединительная политика была примѣнена имъ съ одинаковымъ успѣхомъ и къ второстепеннымъ дигнитарствамъ для уменьшенія, въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, какъ православныхъ, такъ и другихъ иновѣрныхъ дворянъ. Но и помимо королевской партіи, работавшей надъ разрушеніемъ всѣхъ иновѣрческихъ церквей для созданія въ Польшѣ одной римско-католической церкви, господствующей надъ общественною совѣстью нераздѣльно, — крупные и мелкіе землевладѣльцы, преимущественно же люди Русскіе, оставляли вѣру отцовъ своихъ для лютеранства, кальвинства, аріанства, и когда разочаровывались въ новой вѣрѣ, не возвращались уже въ старую, а дѣлались членами церкви римской. Мѣщане тѣмъ же порядкомъ, за магистратскія должности свои, зависѣвшія

отъ короля, принимали латинство и унию; а церковныя стѣсненія въ торговлѣ, „горькая волокита по судамъ“, устраиваемая клерикалами во имя общественнаго польскаго права, соблазны, лести, наконецъ — подкупъ ¹⁾ выработывали то въ одномъ, то въ другомъ городѣ болѣшинство папистовъ, съ которыми мѣщанамъ — православникамъ было несравненно труднѣе бороться, чѣмъ съ предрержащею католическою властью.

При такихъ обстоятельствахъ положеніе православныхъ архіереевъ, безъ всякаго преслѣдованія со стороны правительственныхъ чиновниковъ, сдѣлалось крайне бѣдственнымъ. Члены королевской партіи вытѣснили ихъ законнымъ порядкомъ изъ владычествъ и архимандрій, пользованіе которыми было предоставлено униатской іерархіи государственнымъ правомъ. Съ своей стороны, совратившееся въ унию духовенство обороняло отъ нихъ, съ помощью мѣстныхъ властей, свои пребнды и бенефиціи, какъ духовныя хлѣбы, купленные отступничествомъ; а мѣщане — униаты отстранялись отъ представителей покинутой по волѣ и по неволѣ церкви изъ опасенія ссоры съ новымъ духовенствомъ своимъ, состоявшимъ подъ покровительствомъ короля и сената. Наконецъ диссиденты, называя православное духовенство дѣтьми Веліала, равно какъ и католическое, тѣснили нашихъ архіереевъ въ монастырскихъ убѣжищахъ на столько, на сколько были сильны, какъ землевладѣльцы. Посмищенные Іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ въ 1620 году іерархи считались у короля и его сената, какъ нельзя естественнѣе, дерзкими наущниками черни, нарушителями общественнаго спокойствія, ловившими рыбу въ мутной водѣ, словомъ — людьми зловредными, которые пользуются невѣжествомъ украинныхъ жителей для своей антигосударственной пропаганды. Ихъ чуждались даже и тѣ изъ великихъ паповъ, которые держались еще русскаго православія. Имъ не было мѣста пидѣ, кромѣ пограничной Кіевской земли, то-есть, Кіевщины, Черкащины, Переяславщины. Но этотъ край стоялъ въ то время

¹⁾ Съ самаго начала римской реакціи распространяющемуся въ Польшѣ протестантизму, католическіе синоды доносили въ Римъ, что всего успѣшнѣе возможно увеличить католическую паству раздачею денегъ мірянамъ: *Si clerus bene viveret, si saeculares in suis paupertas adjuvaret, si filios illorum in studiorum disciplinis fovaret, si eorum filias, quo honeste nubere possint, aliqua elemosina selaretur, ut prisca patres nostri facere consueverant, facile rancor et inhiatio ista tolli posset, nihil enim magis infensorum odium placat, quam liberalitas, elemosina et elargitio.* (Relacye Nuncyuszów Apost. I, 51).

почти сплошною пустынею; народъ былъ въ немъ вообще бѣденъ, Татары не давали въ немъ простора ни сельскому хозяйству, ни городскимъ промысламъ, ни торговлѣ. Житіе гонимымъ и отвергаемымъ сверху архіереямъ было здѣсь крайне плохое. Они питались весьма скудною милостиней, а ихъ монашескія общежитія держались только работой собственныхъ рукъ.

Представивъ путивльскимъ воеводамъ, съ своей точки зрѣнія, такое положеніе православной церкви на русскомъ подвластномъ Поляхъ югѣ, мгарскій священникъ Гедeonъ просилъ донести царю, что архіепископъ Исаія Копинскій желаетъ перейти въ Московское царство со всею братіей своею, которой будетъ человекъ полтора, такъ какъ Поляки не скорѣ намѣрены наступить на „христіанскую вѣру“, и духовнымъ людямъ „отъ ихъ гоненья негдѣ преклонить головы“. „Да и всѣ здѣсь православные христіане (наказывалъ Копинскій) и Запорожскіе казаки, въ случаѣ притѣсненія отъ Поляковъ, хотятъ многіе переселиться въ Московское царство“.

У Московскаго правительства былъ обычай—просителей милостины, не заслуживающихъ особеннаго вниманія, снабжать царскимъ подаишемъ въ самомъ Путивлѣ, и только избранныхъ требовать въ Москву. Посла Копинскаго повелѣно было „отпустить къ Москвѣ“ съ приставомъ на ямскихъ подводахъ, съ тѣмъ чтобы въ дорогѣ никто съ нимъ ни подъ какимъ предлогомъ не разговаривалъ.

До насъ не дошли извѣстія о пребываніи священника Гедeона въ Москвѣ; но то, что могъ онъ сообщить царскимъ боярамъ и думнымъ дьякамъ о готовности Запорожскихъ казаковъ переселиться съ королевской на царскую землю, не должно было пройти въ государственномъ совѣтѣ безъ обсужденія. Казаки Сагайдачнаго въ 1620 году просили царя только пособія для войны съ басурманами; а тѣ, которыхъ интересы заявилъ въ 1622 году священникъ Гедeонъ, тѣ присоединяли свои голоса къ голосамъ гонимыхъ архіереевъ, и вмѣстѣ со „всеми православными христіанами“ выражали готовность переселиться въ Московское царство „въ случаѣ притѣсненія отъ Поляковъ“.

Выше уже сказано, что, съ утратой Сагайдачнаго, казаки, въ сознаніи войсковою неурядицы своей, стали бояться, что ихъ обычное самоуправство вызоветъ наконецъ со стороны правительства строгія мѣры, которыя, въ глазахъ казацкаго большинства, были ничто иное, какъ „притѣсненія“. О положеніи православной церкви заботились

немногіе изъ казаковъ, какъ это всего лучше доказываютъ намъ нищенскія средства церковныхъ братствъ и самого митрополита Іова Борецкаго ¹⁾. Въ такъ называемыхъ казацкихъ городкахъ Васильковѣ, Стайкахъ, Трипольѣ, Каневѣ, Корсунѣ, Трахтомпровѣ, Крыловѣ, Переяславѣ, Нѣжинѣ, Прилукѣ, словомъ—во всѣхъ пустынныхъ, коекакъ державшихся укрѣпленныхъ пунктахъ польско-татарскаго и польско-московскаго пограничья, гдѣ казаки были терпимы по волѣ и по неволѣ, посяганья на православіе никогда не было и даже не могло быть. Но зная, чѣмъ интересовалась благочестивая Москва, казаки, въ одно слово съ монахами, твердили о измѣреніи Поляковъ наступить на христіанскую вѣру. Прошло только два года съ того времени, какъ посланцы Сагайдачнаго заявили въ Москвѣ, что посяганья на ихъ вѣру отъ Польскаго короля ни котораго не бывало,—и казаки являются ревностными приверженцами православной церкви. Но въ этомъ они были вѣрны своему характеру,—характеру политической измѣчивости. Въ 1622—1623 годахъ они вопіяли къ Москвѣ о принятіи ихъ съ Божіими церквами подъ высокую царскую руку; въ 1633—1634 годахъ они помогли королю Владиславу IV отвоевать у Москвы нѣсколько древнихъ удѣльныхъ княжествъ ²⁾, а съ 1648 года снова начали вопіять къ Москвѣ, что Поляки побиваютъ ихъ за вѣру и выставляли знамя вѣры до тѣхъ поръ, пока въ 1658 году не побили московскаго войска подъ Конотопомъ въ пользу Поляковъ.

Было бы странно со стороны наблюдательныхъ собирателей Русской земли придавать казакамъ Сагайдачнаго значеніе представите-

¹⁾ Во все свое игуменство и архіерейство Іовъ Борецкій не могъ собрать и столько денегъ, чтобы построить въ Михайловскомъ монастырѣ, своей резиденціи, каменную колокольню. (см. его духовное завѣщаніе въ *Кіевск. Еп. Вид.* 1863 г., № 21).

²⁾ Участіе казаковъ въ походѣ короля Владислава оправдываютъ тѣмъ, что они, будучи побиты Конепольскимъ въ 1625 и въ 1630 годахъ, пошли де съ Поляками въ походъ на своихъ единовѣрцевъ, яко люди подначальные. Но по закону, только 6,000 казаковъ было вписано въ реестръ, а воевать единовѣрную Москву вызвалось 15,000, и притомъ казаки сражались вовсе не такъ, какъ это дѣлали бы по принужденію. Литовскій канцлеръ Альбрехтъ-Станиславъ Радзивиль, въ известныхъ своихъ запискахъ, ставитъ ихъ отвагу въ примѣръ коронному войску (Pam. Albr. Stan. Radziwilla, I, 172, 174). О пламенномъ рвеніи казаковъ къ битвамъ съ войскомъ воеводы Шенна свидѣтельствуетъ также авторъ современнаго мемуара, напечатаннаго въ I томѣ Русской исторической бібліотеки (см. стр. 735).

лей Малорусскаго народа. Москва не высказывалась даже и передъ покровительствуемымъ ею духовенствомъ малорусскимъ относительно своей завѣтной мысли воссоединить расторгнутую Русь подъ рукою своего самодержца. Но поворотъ казацкаго флюгера къ сѣверу не могъ быть въ ея глазахъ явленіемъ, не заслуживающимъ вниманія. Она знала, что покойный Сагайдачный, изъ уваженія къ Борецкому, и можетъ быть, по внушенію Теофана, ходатайствовалъ на сеймѣ о православной іерархіи отъ имени всего „войска Запорожскаго“. Она радовалась, когда ей доносили, что польскіе паписты, въ своихъ замыслахъ противъ православія, „оглядываются на казаковъ“. Приятно ей было пугать католическую Польшу тою самою силою, которую Польша съ такимъ успѣхомъ направляла на раззореніе московскихъ областей. И однакожь, принять къ себѣ бѣглецовъ изъ сосѣдняго государства Москва отнюдь не желала. Это прервало бы заключенное съ Польшею на 14 лѣтъ перемиріе и вовлекло бы цари въ новую войну, когда его только что возставшему изъ запустѣнія царству было всего нужнѣе спокойствіе.

Тѣмъ не менѣе съ 1622 года мы замѣчаемъ въ ея обращеніи съ представителями Малой Россіи, духовными лицами, что-то новое. Словесный наказъ, данный Исаіей Копинскимъ священнику Гедеону, прошелъ въ боярской думѣ какъ бы не замѣченнымъ. Царскіе бояре ограничились только выдачею ему пособія на церковное строеніе; но обычныя сношенія Москвы съ Киевомъ по предмету благочестивой поддержки древнихъ русскихъ церквей участіемъ. Царь и его отецъ, патріархъ Московскій и всея Россіи, очевидно, предпочитали Исаіи Копинскому Іона Борецкаго, какъ чловѣка съ болѣе широкимъ кругозоромъ, и притомъ отличеннаго патріархомъ Теофаномъ верховника Южнорусской церкви. Борецкій, по званію Киевскаго митрополита, имѣлъ сношенія со всѣми мѣстностями Малой, Бѣлой и Червонной Россіи. Онъ доставлялъ царю извѣстія о положеніи дѣлъ въ Рѣчи Посполитой и посылалъ въ Москву „за милостынею на церковное строеніе“ такихъ людей, черезъ которыхъ можно было передавать и то, что не вѣрялось бумагѣ. Между Іовомъ Борецкимъ съ одной стороны и московскимъ правительствомъ съ другой началась теперь частная „ссылка“, на которую правительство польское смотрѣло съ тревожною подозрительностью. Въ лицѣ разобщенныхъ, какъ водилось у него, членовъ своихъ, оно высказывало ясно, въ чему клонится дѣло, и можетъ быть, только заступничество князя Христо-

фора Радзивила спасало Борецкаго отъ судебного допроса на сеймѣ относительно его сношеній съ врагами отечества ¹⁾.

Въ благосклонности, оказываемой царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ Кіевскому митрополиту, принималось въ расчетъ и казачество-Казакамъ въ Кіевской землѣ все болѣе и болѣе грозило такъ называемое ими притѣсненіе отъ Поляковъ. Казаки видѣли благоволеніе „восточнаго царя“ въ Борецкому и льнули къ нему, яко къ ходатаю за нихъ у великаго самодержца. Еслибы Москва и не дала въ 1620 году почина общенію казацкихъ предводителей съ передовиками православнаго движенія въ Малороссіи, то и въ такомъ случаѣ это общеніе было бы ей пріятно. Беззащитное на Югѣ православіе пріобрѣтало въ казацкихъ вождахъ хоть какую-нибудь защиту, и—съ другой стороны — хищная предприимчивость казачества могла быть отвращаема православными архіереями отъ единовѣрной Москвы въ случаѣ возобновленія войны съ Польшею. На счетъ послѣдняго пункта московскіе дипломаты, какъ мы уже знаемъ, ошиблись. Раскаяніе Сагайдачнаго не могло быть общимъ чувствомъ его сподвижниковъ. Съ его смертію Московское царство должно было снова представляться большинству запорожскихъ атамановъ ареною легкой добычи и громкой боевой славы, какую сдѣлалось оно для казаковъ по указанію Стефана Баторія, и несъма можетъ быть, что въ то самое время, когда одни казацкіе вожди, подобныя православному Сагайдачному, искали у царя приближенца отъ наступившей на нихъ правительственной грозы, другіе, подобныя протестанту Зборовскому, ждали

¹⁾ Священникъ Филиппъ, приближенный Борецкаго, въ 1626 году сообщалъ царскимъ людямъ во Мценскѣ, что паны угрожаютъ позвать Борецкаго на сеймъ къ отвѣту въ его политическихъ поступкахъ (Матер. для Ист. Росс. Р., т. I, 259, 262). Когда, въ 1630 году, Іовъ Борецкій отправилъ къ царю на службу своего младшаго сына и племянника, это возбудило новыя безпокойства въ королевской партіи. Пограничные воеводы московскіе, со словъ Путивльца Василія Новикова, доносили царю слѣдующее: «Приказывалъ дѣ ему въ Кіеве Кіевской митрополитъ Іевъ Борцкой: какъ дѣ, по твоему, государь, указу, поѣдетъ къ нему изъ Путивля въ Кіевъ Путивлецъ Григорей Гладкой, и оиъ бы дѣ дорогою ѣхалъ бережно, и приехавъ въ Кіевъ, ему митрополиту явился тайно: потому что вѣдомо дѣ въ Кіеве про нево митрополита, что приезжаетъ дѣ къ нему въ Кіевъ оиъ Григорей Гладкой, и что оиъ митрополитъ Іевъ Борцкой отпустилъ къ тебѣ, государю, сына своего и племянника на твое государство ими. А вѣдомо дѣ про то въ Кіеве учинилось съ Свицкіе ярмонки, какъ изъ Кіева зытовскіе люди съ товары приезжали для торгу въ Свицкскъ». (Гл. арх. инв. ин. д., двѣа малор., св. 2-я).

только случая для вторженія по татарски въ его владѣнія ¹⁾. Такой именно случай и представился съ истеченіемъ 14-лѣтняго Деулинскаго перемирія. Въ 1633—1634 году казаки помогли Полякамъ въ торжествѣ надъ Русскими еще существовавшей, чѣмъ въ 1618 году. Но пока былъ живъ Ювъ Борецкій, казаки казались опасными больше для Польши, чѣмъ для Россіи, и вопросъ о перевѣсѣ одного государства надъ другимъ зависѣлъ, по видимому, отъ того, на чьей сторонѣ будетъ стоять Запорожское войско.

ЛНАОДЪ

Вторгъ

V.

Вопросъ между тѣмъ состоялъ собственно въ томъ: кто дикую силу казачества сумѣетъ обратить въ силу рабочую для строенія государства. Въ первой четверти XVII вѣка эта задача занимала не только Польшу и Москву, но даже и Западную Европу.

Европейскія боевыя общества были полны молвой о нашемъ степномъ рыцарствѣ ужъ и тогда, когда Днѣпровскіе казаки были почти исключительно войскомъ сухопутнымъ. Слава ихъ возросла быстро съ упадкомъ Оттоманской имперіи послѣ блистательнаго и несчастнаго царствованія убійцы своихъ сыновей и внуковъ Солимана Великолѣпнаго. Неспособность его преемниковъ и начавшееся еще при немъ владычество серала надъ войскомъ и флотомъ благопріятствовали развитію въ Турціи анархическаго элемента на счетъ правительственнаго полномасштаба. Послѣ истребленія турецкаго флота въ Левантскомъ заливѣ (1571 г.), на Черномъ морѣ появились дерзкіе пираты-райзы, а на сухопутьѣ—безиравственныя перебѣжчики. Ренегаты христіанскіе дѣлались въ развращенной Турціи ренегатами мусульманскими, перебѣгали съ Босфора на Днѣпръ и водили казацкія флотиліи къ турецкимъ плохо снабженнымъ военною силою кораблямъ, къ турецкимъ кое-какъ защищеннымъ пристанямъ и базарамъ. Черноморская торговля страдала отъ казаковъ такъ точно, какъ и караваны ходившіе „битымъ Бѣлогородскимъ шляхомъ“ ²⁾ черезъ приморскія Очаковскія степи въ Москву и Астрахань. Удачныя разбои казацкой вольницы, огирававшіеся на днѣпровскій и донской низъ,

¹⁾ Самуилъ Зборовскій, какъ извѣстно, предпринялъ свое плаваніе по Днѣпру съ цѣлью вторгнуться съ казаками въ московскіе предѣлы (Ист. Воез. Русн. т. I, 114).

²⁾ Сарницкій, описывавшій казацкія походы на этомъ торговомъ пути въ концѣ XVI вѣка, называетъ его *via trita et celebris*.

дѣлали Запорожское войско, въ глазахъ иноземныхъ политиковъ, зародышемъ новаго политическаго тѣла съ великою будущностію. Уже во времена Стефана Баторія, въ Венеціи и Римѣ составляли проекты „союза съ казаками“ на случай войны съ Турціей. Казацкія становища за Порогами были предметомъ особеннаго любопытства людей, заинтересованныхъ стратегическою обстановкою Турціи. Итальянцы знали такія подробности о казакахъ, которыя не дошли до насъ путемъ польской и русской письменности. Имъ было извѣстно, что казаки, зимую на днѣпровскихъ островахъ, окружали себя ледяными крѣпостями, укрѣпляли острова дубовыми засѣками, изрѣзывали траншеями и т. п. Казаковъ заскивали, казаковъ ласкали, казаковъ превозносили и католики, и протестанты; но все это дѣлалось въ томъ смыслѣ, что ихъ можно употребить, какъ истребительное орудіе противъ любого непріятеля. Когда же приходилось имѣть съ ними дѣло, оказывалось, что они столь же опасны для своихъ союзниковъ, какъ и для тѣхъ, противъ кого ихъ направляли.

Служили казаки Турецкому султану Солиману Великолѣпному, подъ предводительствомъ князя Дмитрія Вишневецкаго, и разошлись такими съ нимъ врагами, что, когда спустя десять лѣтъ Вишневецкій очутился въ Стамбулѣ военнопленнымъ, его сбросили съ башни на желѣзныя крючья ¹⁾.

Служили они съ тѣмъ же княземъ Вишневецкимъ Московскому царю Ивану Грозному, но и съ русскимъ самодержцемъ Вишневецкій разстался не лучше, чѣмъ съ Турецкимъ султаномъ. „Пришелъ какъ песь, и ушелъ какъ песь“: вотъ что написалъ объ немъ Иванъ Грозный Сигизмунду-Августу.

Служилъ Косинскій съ низовцами князю Острожскому въ качествѣ охранителя его владѣній, но кончилъ тѣмъ, что изъ охранителя

¹⁾ О турецкой службѣ князя Дмитрія Вишневецкаго Сигизмундъ-Августъ писалъ отъ 15-го іюня 1553 года къ Радзивилу Черному: «А ziechał ze wszystką rotą swą, to iest, s tym wskystkim kozactwem a chłopstwem, ktore około siebie bawieł». Скорою съ султаномъ объясняется жестокая казнь Вишневецкаго, какой не подвергали Турки ни одного казацкаго предводителя. Преданіе говоритъ, что Вишневецкому предлагали ренегатство, или по казацки—потурничество (отъ слова *потурчиться*). Это весьма вѣроятно. Ренегатство предлагали Турки всемъ военнымъ пѣнникамъ, въ томъ числѣ и знаменитому Станиславу Конецпольскому (1620 г.). Смертью казнили только тѣхъ, кто пытался уклониться отъ окупа бѣгствомъ или измѣнялъ клятвѣ. Но и тутъ еще можно было купить у Турокъ пощеду уплатою значительной суммы денегъ.

сдѣлался опустошителемъ, и отъ культиваторовъ дикаго края перешелъ на сторону враговъ гражданственности.

Служилъ Наливайко съ казацкою дружиною своею Нѣмецкому императору Рудольфу II, но оказался такимъ ужаснымъ для его подданныхъ постояльцемъ, что Нѣмцы выпроводили его за границу своихъ земель по добру по здорову.

Побитые въ 1596 году подъ Лубнами, казаки, вмѣстѣ съ своими побѣдителями, поддерживали московскую самозванщину въ теченіе длиннаго ряда годовъ, и общими подвигами выработали въ несчастномъ царствѣ Шуйскаго такой типъ казака подъ именемъ лисовчиковъ, который сдѣлался синонимомъ отрицанія не только всего общественнаго, но и всего человѣчнаго. Польша, своевольная и безсудная Польша единодушнымъ приговоромъ своего сейма извергла прочь это ужасное олицетвореніе польскаго своевольства и польской безсудности. Она изгнала казаковъ Лисовскаго изъ отечества въ качествѣ лишенныхъ чести банитовъ (*odsadzonych czci banitów*), и рыцари московскаго разоренія нашли по себѣ службу только у императора, который изъ католическаго фанатизма готовъ былъ обратить свою имперію въ пустыню.

Но и тѣ Днѣпровскіе казаки, которые не годились въ лисовчики по своему плохому вооруженію¹⁾, тѣмъ не менѣе усвоили себѣ ихъ знаменитую манеру войны. „*Theatrum Bugoracum*“, замѣнявшій въ свое время газету, подъ 1620 годомъ описываетъ вторженіе въ Австрію и Моравію днѣпровскихъ хищниковъ совершенно такъ, какъ московскіе лѣтописцы изображали опустошителей Россіи въ смутное время.

Всѣ заискивали казаковъ для военнаго дѣла, и ни одно государство не могло выносить ихъ посреди мирныхъ жителей. Но Западная Европа продолжала дивиться казацкой отвагѣ и выносливости. Морскіе походы Сагайдачнаго, страшные для черноморской торговли.

¹⁾ Выше, въ одномъ изъ примѣчаній къ гл. I, сказано, что Запорожцы, не переставая считаться товарищами низоваго войска, входили въ составъ лисовчиковъ. Это, безъ сомнѣнія, былъ цвѣтъ днѣпровскаго казачества. Изъ переписки объ Александрѣ Ахивъ (Матер. для Ист. Возс. Р., т. I. 212, 215) извѣстно, что рядовые лисовчики нанимались къ нему въ службу за 8 сеимковъ въ мѣсяць, а Запорожцы—конные за 6, пѣшіе за 4 сеимка. Татары представляли еще низшую степень казачества, и именно по своему плохому вооруженію. Въ 1579 году Стефанъ Баторій двумъ тысячамъ Вѣлгородской орды за два мѣсяца службы обѣщала 2,000 талеровъ (Тамъ же, стр. 16).

обратили на дѣтировское казачество вниманіе всего католическаго міра; а когда Османъ II былъ отраженъ подъ Хотиномъ и вернулся въ свою столицу съ позоромъ, римскіе политики стали предполагать возможнымъ распаденіе Турецкой имперіи, которымъ казаки и подобные имъ охотники до войны могли бы, подъ предводительствомъ королевича Владислава, завоевать въ Турціи отдѣльное царство ¹⁾. Въ Западной Европѣ пораженіе Турокъ въ Левантскомъ заливѣ сдѣлало восточный вопросъ, возбужденный еще папою Львомъ X ²⁾, самымъ живымъ изъ всѣхъ политическихъ вопросовъ. Это событіе сопровождалось вѣшними восторгами торжества надъ мусульманами и внутреннимъ сознаніемъ величайшей оплошности, въ какой когда-либо упрекало себя христіанское воинство. Истребленіе турецкаго флота произвело въ оттоманской столицѣ такую панику, что еслибы союзный христіанскій флотъ тотчасъ же послѣ побѣды двинулся впередъ, то всѣ Турки бѣжали бы изъ Константинополя ³⁾. Другаго случая овладѣть этимъ ключемъ отъ обоихъ береговъ Босфора никогда уже не представилось; но разъ увидѣвъ быстрый переходъ оттоманскаго могущества въ полное безсиліе, западные государи постоянно бредили восточнымъ вопросомъ.

Изгнаніе Турокъ изъ Европы лежало на совѣсти у Римскихъ папъ и католическихъ государей. Турки были обязаны успѣхами въ Малой Азіи и Европѣ всего больше нравственному превосходству своихъ воиновъ и полководцевъ надъ Европейцами ⁴⁾. Наконецъ и они обратились подобно европейскимъ правительственнымъ обществамъ; и они сдѣлались подкупны и лживы, какъ презираемые ими гурры. Когда Солиманъ Великолѣпный, подобно Ивану Грозному, превратился изъ героя и мудреца въ игральце самыхъ безпутныхъ наущ-

¹⁾ Римская курія, отправляя въ 1622 году папскаго нунція въ Польшу, дала ему инструкцію — внушать королю, чтобы онъ позволялъ казакамъ и другимъ охотникамъ помогать королевичу Владиславу основать себѣ въ распадающейся Турціи отдѣльное царство (*Relacye Nuncyzów Apostolskich*, II, 175).

²⁾ См. у *Циксейзена*, *Gesch. des osm. Reiches*, II, 580 и слѣд.

³⁾ Слова Джона Лотропа Мотлея въ III т. его сочиненія: *The Rise of the Dutch Republic*.

⁴⁾ Въ XV столѣтіи одинъ изъ польскихъ шляхтичей былъ отуреченъ и служилъ въ янычарахъ. Его записки, извѣстныя подъ именемъ *Pamiętniká Jan-czaga Polaka*, показываютъ намъ, чѣмъ собственно взяли турецкіе завоеватели въ борьбѣ съ христіанскими войсками. Въ сочиненіи Лютера: *Vom Kriege wider den Türken* находится сознаніе безпутства европейскихъ ополченій, выраженное представителемъ нѣмецкой интеллигенціи.

никовъ, европейскіе политики почували возможность побороть Турцію, и еще при жизни этого губителя оттоманскаго могущества стали составлять проекты изгнанія Турокъ изъ Европы и Малой Азіи. Одинъ изъ такихъ проектовъ, представленный папѣ Пію V, особенно замѣчательнъ. „Всѣ христіанскіе государи (сказано въ его заглавіи) должны помышлять объ этомъ днемъ и ночью: ибо такимъ образомъ объединилась бы наша святая христіанская вѣра“¹⁾. Эти слова весьма выразительно объясняются въ текстѣ. Авторъ проекта совѣтуетъ вѣрстонаспамъ взять съ собою хорошихъ проповѣдниковъ для скорѣйшаго обращенія еретиковъ (то-есть, православныхъ) въ католическую вѣру.

Дѣло въ томъ, что турецкая война для католическихъ политиковъ была войною религіозною въ смыслѣ господства Римскаго папы надъ христіанскимъ населеніемъ Турціи. Съ этою собственно цѣлью и христіанскіе союзники, король Испанскій, императоръ Германскій, государства италіанскія послали къ Левантскому заливу свои флоты подъ предводительствомъ Донъ-Жуана Австрійскаго. Съ этою цѣлью, спустя нѣсколько лѣтъ, и энергическій Сикстъ V благословилъ Стефана Баторія на войну противъ Москвы. Сперва сама Москва должна была оставить свой расколъ (схизму) ради католичества; потомъ Турція, завоеванная соединенными силами Польши и подвластной ей Московіи, должна была открыть просторъ для римской вѣры, отвергнутой восточною церковью. Сикстъ V собралъ было громадный по тому времени капиталъ для довершенія фантастическаго предирітія Стефана Баторія. Когда Стефанъ Баторій умеръ въ цвѣтѣ воинственныхъ надеждъ, образовался союзъ противъ султана изъ Трапильванскаго князя Сигизмунда Баторія, господарей Молдавіи и Валахій Аарона и Михаила, императора Рудольфа II и нѣсколькихъ италіанскихъ и нѣмецкихъ князей. Этотъ союзъ рушился, не смотря на всѣ усилія и жертвы Римскаго папы. Но мысль подчиненія восточнаго христіанства намѣстнику Христа продолжала дѣйствовать на Западѣ съ тою же неуклонностью, что и прежде. Римская курія, не услѣвъ ничего сдѣлать на Югѣ, перенесла свои надежды снова на Сѣверъ. Въ похищенномъ Годуновымъ у Рюриковичей царствѣ, по

¹⁾ Этотъ важный документъ открытъ въ одномъ изъ италіанскихъ архивовъ В. В. Макушевымъ (Слав. Об. т. III, ст. 1-я). Характеристика его въ подлинникѣ такова: «Al che notte et giorno si doveria attendere da tutti li principi christiani, perche con tal mezo si riunirebbe et ancora s'ampiarebbe la nostra religione et fede di nostro Signor Giesu Christo».

ей очевидно, хотя документально и утаенному проекту, явился самозванецъ. Воспитанный въ традиціонной политикѣ Западной Европы, замышленный ею Димитрій бредилъ турецкою войною подобно записнымъ апостоламъ всемірнаго владычества папы ¹⁾. Его внезапная гибель открыла намѣченный Баторіемъ путь королевичу Владиславу, и хотя Владиславъ былъ принужденъ оставить свои покушенія на овладѣніе Москвою, но католическая Европа не теряла надежды — такъ или иначе подчинить русскій міръ, а съ нимъ вмѣстѣ и все восточное христіанство Римскому папѣ.

VI

Три однородные, хоть и окольные, пути вели ее къ этой завѣтной цѣли. Первымъ путемъ было торжество польскаго оружія надъ московскимъ; вторымъ — слияніе безразлично въ польскій народъ русскаго населенія Рѣчи Посполитой, составлявшаго въ ней громадное большинство; третьимъ — возбужденіе Грековъ и Задунайскихъ Славянъ противъ Турціи.

Что расчеты на подчиненіе себѣ Московскаго царства чрезъ посредство Польши не были праздною мечтою со стороны Римской куріи, это мы знаемъ по унижайтельному для русскаго оружія походу короля Владислава IV къ Смоленску въ 1633 году и горестному для Москвы Поляновскому миру 1634 года. Такъ названное „вѣчное докончанье“ стараго спора сѣверныхъ Славянъ между собою, ознаменованное уступкою Польшѣ древнѣйшихъ русскихъ владѣній, было тѣмъ знаменательнѣе на политическихъ вѣсахъ подвластной Риму Европы, что генералитетъ Владислава состоялъ изъ людей русскихъ, обращенныхъ въ католичество весьма недавно, а энергическою, побѣдоносною силою въ польскомъ войскѣ были тѣ самые казаки, которые, въ лицѣ Сагайдачнаго, предложили свои услуги Московскому царю по старинѣ, потомъ сложили съ себя грѣхъ братоубійства въ руки Иерусалимскаго патріарха и наконецъ отпугнули королевскую фракцію отъ возстановленной въ Кіевѣ митрополіи. Въ этомъ, какъ и въ другихъ польскихъ походахъ на Россію, довершались, можно ска-

¹⁾ Нигдѣ такъ выразительно не высказалась римская курія, до какой степени турецкая война была необходима для ея цѣлей, какъ въ инструкціи, данной въ 1622 году нунцію Ливеллотти, отправлявшемуся ко двору Сигизмунда III. Существованіе Польши является въ этомъ документѣ важнымъ для нея лишь настолько, на сколько Польша заключала въ себѣ элементы для разрушенія Турціи (Rel. Numc. Apost., II).

затѣ, усобицы сѣверныхъ Русичей съ южными Русичами, изъ которыхъ одни были ослѣплены лукавою римскою вѣрою, другіе—дикою боевою славой, третьи—разбойною поживою. Натравливалъ южныхъ Русичей на сѣверныхъ, вожди католичества торжествовали надъ православіемъ одну изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ своихъ.

Не былъ праздною мечтою со стороны Римской куріи и расчетъ на ополяченіе тѣхъ Русскихъ, которые все еще сознавали въ Польшѣ свою народность, могучимъ дѣйствіемъ церковныхъ преданій. Только пять-шесть церквей въ столицѣ русскаго православія (Кіевъ¹⁾), да нѣсколько церквей, разбросанныхъ по отдаленнымъ отъ нея бѣлорусскимъ, волынскимъ и червононорусскимъ городамъ, да немногіе убогіе монастыри и церкви въ пустынной подиѣпровской Украинѣ, выдерживали, покажѣсть, неравную борьбу съ тѣми ресурсами, которыми располагала Римская курія. Вся стойкость православія въ отторгнутыхъ отъ русскаго міра земляхъ опиралась на привязанность мѣщанъ и темной шляхты къ старинѣ да на энергію немногихъ личностей между православными иноками. Эти пророки русской народности только недавно привлекли къ себѣ, путемъ покаянія, вождей казачества, безнравственнаго въ своей религіозности и бессмысленнаго въ своей политикѣ. Съ помощію Іерусалимскаго патріарха, они овладѣли умами разбойничьихъ атамановъ лишь на нѣкоторое время, и отвлекали хищныя казацкія куны отъ православной Москвы только до смерти Іова Борецкаго, какъ это показали событія 1633—1634 года, въ которыхъ казаки выполняли программу католичества вмѣстѣ съ отступниками вѣры отцовъ своихъ. Русская шляхта давно уже начала гордиться польскимъ именемъ, а русское торговое сословіе обнаруживало слабость именно съ той стороны, которая въ XVI столѣтіи дала ему силу для образованія церковныхъ братствъ,—со стороны зажиточности. Руководители уніи были мѣщанъ по карману съ очевиднымъ для cadaго и грознымъ для русской будущности успѣхомъ. Этотъ второй путь къ подчиненію русскаго міра римской политикѣ представлялся еще болѣе надежнымъ, чѣмъ первый. Сливъ во-едино вѣроисповѣданія и народности Рѣчи Посполитой, Поляки отгѣснили бы Русскихъ дальше Смоленска съ одного края и Путивля

¹⁾ По свидѣтельству Кальнофойскаго, напечатавшаго свою «Тератургію» въ 1637 году, въ Кіевѣ считалось только 13 церквей. До Петра Могилы, возстановившаго св. Софію, Десятинную церковь и другіе православныя храмы, ихъ было гораздо меньше.

съ другаго, заключили бы Москву въ ея мѣстныя области, и можетъ быть, сдѣлали бы ее вѣчною данницею рыцарствующей Польши.

Но третій путь къ торжеству христіанскаго Запада надъ христіанскимъ Востокомъ, по своей логической послѣдовательности, былъ еще вредоноснѣе для русской независимости. Онъ долженствовалъ расторгнуть связь Московскаго царства съ православнымъ Востокомъ. Отъ ближайшихъ христіанскихъ частей Турецкой имперіи до самаго Іерусалима, еще со временъ Палеологовъ, разсыяны были по всему Востоку факторіи Римскаго папы, не перестававшія работать по римски надъ соединеніемъ церквей. Между тѣмъ въ Италіи, особенно въ Неаполитанскомъ королевствѣ и въ Маркѣ Анконской, было много греко-славянскихъ колоній, сохранявшихъ еще въ XVII вѣкѣ свой языкъ и родственныя связи съ турецкими подданными ¹⁾. Въ рукахъ римскихъ католиковъ, италіанскіе Греки и Славяне были наилучшими пропагандистами папизма въ покоренной Турками Византіи, которымъ Римская курія не переставала внушать, что турецкое иго было божественная кара, ниспосланная на Восточную имперію за ея расколъ, устроенный отступникомъ Фотіемъ. Кромѣ того, папа содержалъ при своемъ дворѣ греческихъ архіереевъ и архимандритовъ, которые по наружности принадлежали къ православной церкви, но въ сущности были проповѣдниками римскаго вѣроученія и предназначались для обработки православныхъ, появившихся въ Римѣ по политическимъ, торговымъ или научнымъ надобностямъ ²⁾. Все вмѣстѣ составляло духовныя мрежи, закинутыя намѣстникомъ Іисуса Христа отъ Люблина, Вильны и Кіева до Царьграда и Іерусалима. Оставалось только ихъ бережно вытаскать на римскую почву, такъ чтобъ онѣ не порвались отъ слишкомъ обильнаго улова. Единственною помѣхой тому были протестанты, отвлекавшіе, съ 1619 года, главныя силы католическихъ государей для начавшейся въ Чехіи войны, которой суждено было продлиться цѣлые три десятка лѣтъ. Но Франція и Польша ободряли вождей католичества и съ этой

¹⁾ См. Monum. histor. Slav. meridion., изд. В. В. Макушевскаго и его же статью о Славянахъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ въ *Зап. Акад. Наукъ* 1870 г. Италіанскіе источники для изученія колонизаціи пустынныхъ мѣстностей Апеннинскаго полуострова Албанцами указаны въ статьѣ того же профессора Макушева: «Вост. Вопросъ въ XVI и XVII вѣкѣ», напечатанной въ т. III *Слав. Сборника*.

²⁾ Объ этомъ разказывалъ и Александръ Ахія во время своего пребыванія въ Мценскѣ (*Матер. для Ист. Возс. Р.*, т. I, 205).

стороны: въ той и другой странѣ богатѣйшіе и образованнѣйшіе люди, изъ любви къ утонченнымъ правамъ и соединенному съ ними просвѣщенію, оставляли враждебный Риму лагерь и возвращались на лоно единой спасающей церкви. Реформація, по видимому, дѣлалась достояніемъ одного бюргерства, котораго борьба съ высшимъ сословіемъ находилась еще въ сомнительномъ положеніи. Вѣщеносные демагоги, какъ Вильгельмъ Нидерландскій, Генрихъ III и Генрихъ IV Французскіе, падали отъ разбойничьяго оружія, направляемаго фанатиками истинной вѣры; сама Елизавета Англійская не была отъ него безопасна ¹⁾; а ужасающая инквизиція съ одной стороны и увлекательное апостольство іезуитовъ съ другой—обѣщали въ недалекомъ будущемъ обезопасить главенство Римскаго первосвященника во всей вселенной.

Судя по всеѣмъ видимостямъ, старинный идеаль всемірнаго господства долженъ былъ осуществиться скоро въ видѣ единаго стада и единаго пастыря. Другими словами: Россія, побывавшая въ рукахъ у польскихъ интригановъ и подъ копытами у польскихъ набѣдниковъ, рано или поздно должна была оправдать замыселъ Сикста V и Стефана Баторія; побѣдоносныя силы Польши, набравшіяся преимущественно изъ Русскаго племени, должны были окончательно потерять сознаніе своего происхожденія; а надежды турецкихъ христіанъ, опиравшіяся до сихъ поръ на Русскаго царя, должны были перенесены на главу католическаго міра. Что касается до міра протестантскаго, то повсемѣстный перевѣсъ католичества надъ православіемъ рѣшалъ судьбу его если не въ близкомъ, то въ отдаленномъ будущемъ. Всемірному господству новыхъ язычниковъ, возродившихся въ христіанскомъ Римѣ какъ фениксъ изъ пепла, не представлялось никакихъ препятствій.

Впрочемъ, протестантская часть Западной Европы, при всемъ своемъ антагонизмѣ съ католическою, представляла нѣчто единое и нераздѣльное съ нею по отношенію къ вопросу о торжествѣ Запада

¹⁾ Сэръ Эдуардъ Стаффордъ, англійскій посланникъ въ Парижѣ, увѣдомлялъ свое правительство, что по выѣзду у него свидѣній, добытымъ въ испанскомъ министерствѣ, у католиковъ заготовлены уже люди для умерщвленія королевы Елизаветы. Въ то же время Вильямъ Герль писалъ изъ Голландіи объ убійцахъ, посылавшихся съ тою же самою цѣлью въ Англію изъ католической семинаріи въ Діеппѣ. Эти убійцы должны были дѣйствовать подъ руководствомъ прокрававшихся туда же іезуитовъ (*Motley, History of the United Netherlands, 1860, I, 5*).

надъ Востокомъ. Западная Европа получила младенческое и юношеское воспитаніе свое отъ Рима. вмѣстѣ съ возрожденнымъ гуманизмомъ классическихъ язычниковъ и восторжествовавшими надъ теологическою наукою опытными знаніями, она усвоила отъ своего духовнаго отца, отъ своего пѣстуна и дядьки тотъ взглядъ на международныя отношенія, который выработанъ средневѣковою Италіей, а приведенъ въ систему нравственныхъ убѣжденій Макиавелли и Лойолою. Такимъ образомъ, начала новой цивилизаціи получены западнымъ міромъ изъ Италіи съ началами паденія въ человѣческомъ сознаніи чистаго чувства правды и добра. Не смотря на ссору протестантовъ съ папою за чистоту евангельскаго ученія, они въ политической жизни не отдѣляли того, что мы разумѣемъ подъ именемъ католичества, отъ того, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ христіанства, такъ опредѣлительно, какъ это сдѣлало, въ простотѣ своихъ воззрѣній на правду и добро, „древнее русское благочестіе“. По крайней мѣрѣ относительно русскаго міра западно-европейскій міръ оставался все тѣмъ же католическимъ міромъ и тамъ, гдѣ мѣсто преемниковъ Льва X заступили преемники Лютера и Кальвина. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ исторія враждебныхъ отношеній европейскаго Запада въ Россіи. Еще наши отцы были свидѣтелями наступленія на Россію двадцати западныхъ народовъ, среди которыхъ протестанты не отличались отъ католиковъ пощадю русскихъ святылицъ и уваженіемъ русскаго народнаго чувства. Наши прадѣды видѣли протестантскую армію Карла XII, готовую разорвать Россію на куски не хуже католиковъ. Наши еще болѣе отдаленные предки, въ смутное время Московскаго царства, можно сказать — уже въ лежащемъ положеніи, ждали послѣдняго удара разомъ и отъ Поляковъ, и отъ Шведовъ. Не честолюбіе завоевателей и не заботы иностранныхъ дворовъ о политическомъ уравнишеніи Европы были главными двигателями этихъ великихъ покушеній на уничтоженіе русской силы, на подавленіе русской государственности: вся политическая пресса Западной Европы свидѣтельствуешь, что различныя вѣры и вѣковыя соперничества Романскихъ и Германскихъ народовъ примирялись всего легче тогда, когда въ нихъ оживала надежда вытѣснить Россію изъ ея широкаго займища. Никогда война противъ Турціи не связывала въ тѣсный союзъ Англичанина съ Французомъ, Шведа съ Полякомъ, римскаго католика съ лютераниномъ и кальвинистомъ. Только твердыня восточнаго христіанства, Россія, внушала разновѣрнымъ представителямъ христіанства западнаго едино-

душное убѣжденіе, что изъ-за разрушенія этой твердыни общими силами надобно позабыть распаденіе католическаго міра на части и возвратиться къ былому, грозному для Грековъ и православныхъ Славянъ единенію перессоренныхъ Лютеромъ и Кальвиномъ народовъ.

Переживая въ наши дни новое шатаніе языковъ и газетное поученіе людей тщетному, мы не безъ гордости оглядываемся на тѣ великія жертвы, которыми Русскій народъ столько разъ искупилъ свою государственную независимость. Но эти жертвы были только видимымъ выраженіемъ народнаго темперамента, который истинно великія дѣла совершаетъ въ незримомъ для большинства круга гражданственныхъ представителей своихъ. Такимъ кругомъ было избранное общество перваго царя Романова, энергически строившее вновь изъ развалинъ Русское государство среди обыкновенной у народа, въ повседневной жизни его, беззаботности о цѣломъ и привязанности къ интересамъ исключительнымъ. Изысканія слѣдовъ тихой дѣятельности этихъ богатырей государственнаго строительства приводятъ насъ иногда къ высокой оцѣнкѣ того общества, которое было во всей Европѣ признано если не зѣвски-свирѣлымъ, то раболѣпно-варварскимъ. Иначе было бы даже не понятно, когда и какъ успѣло образоваться въ Русскомъ народѣ столько людей дѣйствительно русскихъ, что всѣ крайности иностранствующихъ представителей правительства и общества въ Россіи оставались до нашихъ дней безсильными поколебать основы національной самобытности. Русское варварство, въ великую по своимъ строительнымъ подвигамъ эпоху царя Михаила Ѳедоровича, представляло разительную противоположность просвѣщенію Западной Европы здоровою стойкостью въ нравственномъ отособленіи католическо-протестантскаго міра и неспособностью руководиться хитрыми правилами политики вмѣсто внушеній простосердечно повимаемой религіи. Это—образъ нашего настоящаго, помѣченный основными чертами въ отдаленномъ отъ насъ прошедшемъ. Два съ половиною столѣтія нашей и не нашей жизни ушли въ Европѣ какъ будто только на то, чтобы подготовительный набросокъ этого образа явился въ видѣ dokonченной картины несогласимаго контраста. Въ то время, какъ и въ наше, Турція была ареною, на которой такъ или иначе долженъ былъ разыгаться заключительный актъ то явной, то глухой борьбы западнаго христіанства съ христіанствомъ восточнымъ; только иная была обстановка громаднѣйшей сцены дѣйствія, и иныя употреблялись орудія для подчиненія одного христіанскаго міра другому. Для большей выразительности древняго

русскаго лика, затемненнаго въ нашемъ сознаниі усвоенными отъ иноземцевъ идеалами народной жизни, мы должны возобновить въ нашей памяти и тогдашнюю сцену международной борьбы за существованіе, и характеры подвизавшихся на ней дѣятелей.

VII.

Турки начали воевать съ Византійскими императорами со второй половины XI столѣтія и дѣлались все болѣе и болѣе могучимъ народомъ по мѣрѣ того, какъ христіанскій міръ ослабѣвалъ отъ внутреннихъ несогласій своихъ.

Первою причиною несогласій христіанъ съ христіанами была взаимная вражда послѣдователей греческаго и римскаго вѣроученія, зародившаяся во времена патріарха Фотія (862 г.) и достигшая крайняго своего развитія въ періодъ существованія основанной крестоносцами на Восторѣ Латинской имперіи (1204—1261 гг.). Фраза: „лучше покориться Туркамъ, чѣмъ Латинцамъ“, это часто встрѣчаемая въ устахъ у болгарскихъ, сербскихъ, македонскихъ и морейскихъ предводителей фраза весьма стара въ христіанскомъ Востокѣ. Даже въ то время, когда Магометъ II осаждалъ Царьградъ, патріархъ Геннадій, бывший сторонникъ Флорентинской уніи, говорилъ, что ему отраднѣе видѣть въ греческой столицѣ турецкую чалму, чѣмъ папскую тиару ¹⁾.

При такомъ расположеніи умовъ стѣсненнаго въ осажденной столицѣ греческаго общества, Магомету II могли помогать въ овладѣніи имперіей Палеологовъ не однѣ военныя, но и политическія способности. Еще больше помогло Туркамъ въ завоеваніи малозіатскихъ и европейскіхъ частей бывшей Восточной Римской имперіи то обстоятельство, что между ними продолжались начавшіяся издавна мелкія войны за господство земли надъ землею, племенн надъ племенемъ. Взаимныя набѣги полуварваровъ, сопровождаемыя тиранніей наследственной вражды, придавали иногда могущественнымъ завоевателямъ враждующихъ значеніе не только верховныхъ судей, но и защитниковъ. Западное рыцарство, пытавшееся вытѣснить Турокъ изъ Балканскаго полуострова, обнаруживало передъ ними, въ свою очередь, тотъ же недостатокъ единодушія, которымъ они пользовались въ Сербіи, Бол-

¹⁾ Ducae Michaelis Ducae Nepotis Historia Byzantina. Venetis, 1729, p. 119.

гаріи, Македоніи, и вмѣсто торжества надъ невѣрными открывало имъ доступъ во внутренность Европы.

Но ни воинственность, ни умѣнье пользоваться антагонизмомъ раздраженныхъ другъ противъ друга христіанъ не были столь сильными дѣятелями въ быстромъ распространеніи предѣловъ Оттоманской имперіи, какъ общее торжество религіозной нравственности тогдашнихъ мусульманъ надъ испорченностію, которую Римъ и Византія, каждый по своему, разливали въ образѣ мыслей и обществѣннѣи зависѣвшихъ отъ нихъ народовъ. Торжество это состояло прежде всего въ строгой соподчиненности всѣхъ членовъ государства, отъ рядового воина до великаго визиря, отъ мелкаго торгаша и земледѣльца до верховнаго муфтіи. Потомъ оно выражалось искреннею преданностію подданныхъ своему государю, готовностію умереть за отечество, настоячивостію въ трудахъ, неустрашимостію въ опасностяхъ, простотой жизни и нравовъ, общемою воинственностію націи и необыкновенною любовью къ славѣ.

Эти отличительныя свойства завоевателей Византіи поражали наблюдательныхъ Европейцевъ именно потому, что въ христіанскихъ государствахъ они являлись только рѣдкими исключеніями. Нашествіе Турокъ вовсе не было нашествіемъ разрушителей гражданскаго благоустройства: это было появленіе людей порядка и самообладанія среди общей безсудности и продажности, среди повсемѣстной тираніи сверху, лѣни и подлой угодливости снизу. Каково бы ни было воззрѣніе мусульманской массы на христіанство, какъ на религію, мы достовѣрно знаемъ, что предводители этой массы, подобные Магомету II, черпали свой завоевательный энтузіазмъ больше всего въ негодованіи на тѣ пороки, которые прикрывали божественнымъ именемъ Иисуса Христа. Коварная политика христіанскихъ правительствъ и лицемерная святость христіанскаго духовенства возмущали до глубины души коронованнаго преемника Пророка, который честное слово и честное дѣло клалъ въ основаніе новаго общества, созданнаго имъ среди язычниковъ. Въ пламенной ревности къ правдѣ Магометъ II не отличалъ нисколько лживыхъ послѣдователей „сына Маріи“ отъ идолопоклонниковъ, столь ненавидимыхъ основателю новаго ученія о единомъ Богѣ. На другой годъ по взятіи Турками Царьграда, ученый венеціанскій дипломатъ Сангудино доносилъ оттуда королю Обѣихъ Сицилій, что Магометъ II „бредитъ истребленіемъ христіанскихъ государей“, что онъ „пылаетъ и му-

чится ненавистью къ христіанскому имени“¹⁾. Этого 23-лѣтняго султана Сангудино изображаетъ подобіемъ Александра Македонскаго. По его разказу, Магометъ II время, которое другіе проводили въ сладострастіи, чревоугодіи, охотѣ, забавахъ плясунами, пѣвцами и скоморохами, употреблялъ на бесѣды съ людьми, хорошо знающими латинскую и греческую литературу, въ томъ числѣ и съ Константинопольскимъ патриархомъ Геннадіемъ. Онъ постоянно былъ занятъ чѣмъ-нибудь изъ того, что было имъ предположено, и предавался трудамъ съ невѣроятною настойчивостью. Когда дѣло шло о чести, о пользѣ царства, о славѣ, не боялся онъ ни трудности дороги, ни дурной погоды, ни наводненія, ни неприступныхъ горъ; переносилъ жаръ, стужу, голодъ, жажду. „Мало сказать: онъ бѣгаетъ“, писалъ Сангудино, — „вѣрнѣе сказать: онъ летаетъ“. При этомъ венеціанскій дипломатъ распространяется о человѣколюбіи и любезности просвѣщеннаго Турка, качествахъ тѣмъ болѣе замѣчательныхъ, что Магометъ II вовсе не составлялъ благороднаго исключенія въ своемъ роду, о чемъ распространяться здѣсь не мѣсто, но что извѣстно изъ современныхъ отзывовъ христіанскихъ наблюдателей Турціи при отцѣ Магомета, Амуратѣ II, при его наслѣдникѣ Баязетѣ II и Селимѣ II, отцѣ Салимана Великолѣпнаго. Отзывъ Венеціанца Сангудино о завоевателѣ Царьграда оправдывается и другими письменными извѣстіями, по свидѣтельству которыхъ этотъ султанъ, кромѣ родного, хорошо зналъ пять языковъ: греческій, латинскій, арабскій, халдейскій и персидскій. Ученый, вѣчно жаждавшій дѣятельности и стремившійся къ господству надъ изолгавшимися народами, повелитель правовѣрныхъ, по словамъ ближайшихъ его наблюдателей, „направлялъ всѣ свои дѣйствія къ униженію святаго креста“²⁾, и подобно какому-то демону, не дѣлалъ никому уступки въ томъ, что было имъ опредѣлено³⁾. Когда люди опытные въ дѣлахъ войны и политики отклоняли его отъ намѣренія завоевать Италію, онъ (по словамъ Сангудино) называлъ ихъ совѣтъ старческимъ малодушіемъ (*verba angusti et senilis animi*) и съ непоколебимою твердостью постановилъ

¹⁾ Посланіе Николая Сангудино найдено В. В. Макушевымъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ XV вѣка, принадлежащемъ муниципальной библіотекѣ въ Болоньѣ.

²⁾ Et tutte cose fa contra lo honore di santa croce (Анонимная записка: *Copia de la nove ricevute de Constantinopoli*, найденная В. В. Макушевымъ въ Миланскомъ архивѣ. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1872, октябрь, стр. 300).

³⁾ Questi è uno dimonio et vole ogni cosa a suo modo (Тамъ же).

рѣшить мечемъ вопросъ: кому владѣть міромъ—христіанамъ, или магометанамъ.

Но „пылая и мучась ненавистью къ христіанскому имени“, первые обладатели береговъ Босфора были далеки отъ нетерпимости въ подвластныхъ имъ христіанскихъ странахъ. Всѣ они были подражатели величайшаго изъ завоевателей, всемірнаго героя народныхъ и книжныхъ легендъ, славнаго до нынѣ по всему Востоку Искандера Македонскаго. Другъ послѣдняго Византійскаго императора, Георгій Франца, свидѣтельствуетъ, что Магометъ II усидчиво занимался чтеніемъ жизнеописаній и дѣяній Александра Великаго и другихъ знаменитыхъ мужей древности, изыскивая и изслѣдуя способы, которыми могъ бы превзойти ихъ въ государственной мудрости. Если по всему Балканскому полуострову и по всей Мореѣ повторялись досадныя для западнаго христіанства слова: „Лучше покориться Туркамъ, чѣмъ латинцамъ“,—то ихъ въ значительной мѣрѣ надобно приписать благоразумной политикѣ турецкихъ завоевателей. Не только не тѣснили они своихъ иновѣрныхъ подданныхъ изъ религіозной нетерпимости; напротивъ, привлекали ихъ къ господству надъ сосѣдними странами вмѣстѣ съ правовѣрными. Христіане служили и въ янычарахъ, и въ наемныхъ войскахъ султана; а когда являлась надобность въ поголовномъ ополченіи края, они, наравнѣ съ мусульманами, были обязаны идти на войну. Въ такихъ случаяхъ султанъ объявлялъ по всему царству, что христіане, вступившіе въ военную службу, получаютъ отъ него хорошее жалованье, будутъ у всѣхъ въ почетѣ, и каждому, кто приведетъ съ собою 20 человѣкъ, онъ дастъ подъ начальство 30, и такъ далѣе, соотвѣтственно приводимымъ отрядамъ. Кромѣ того, всѣ христіанскіе добровольцы будутъ освобождены отъ всякаго рода преступленій, даже и такихъ, какъ убіеніе турка. Такое извѣстіе о дружелюбномъ общеніи Турокъ съ христіанами сообщилъ своему правительству современный Мурату II миланскій посолъ въ Венеціи, Леонардо Ботта. Съ этимъ согласуется разказъ полу-Русса и полу-Поляка Стрыйковскаго, что онъ слушалъ народныя рыцарскія пѣсни турецкихъ и славянскихъ менестрелей на царградскихъ улицахъ и базарахъ. Торжество турецкаго оружія надъ европейскими арміями не было исключительно магометанскимъ праздникомъ. „Когда въ 1574 году“, говорятъ Стрыйковскій,—„взаты были въ Африкѣ у Испанцевъ Тунисъ и Голета, всюду по улицамъ распѣвались прекрасныя пѣсни на турецкомъ и на славянскомъ языкахъ; нищія пѣли ихъ въ гостиницахъ и въ домахъ крикливымъ голосомъ, прославляя под-

виги янычаръ и высокія доблести башей, санджаковъ, чаушей, спяховъ¹⁾. Правительство поощряло бродячую уличную музу, и по словамъ того же Стрыйковского, содержало на счетъ казны записныхъ слагателей героическихъ пѣсень¹⁾.

Такъ какъ у Турокъ не было ничего подобнаго европейскому потомственному дворянству, и люди возвышались надъ простонародною массою только вознагражденіемъ личныя заслугъ своихъ, то можно себѣ вообразить, какъ были сближены между собою всѣ классы общества. Основатели Турецкой имперіи были проникнуты демократическими понятіями о человѣкѣ и въ исполненіи своего правосудія не взирали на лица. Не было у нихъ также различія на судѣ между мусульманскими и христіанскими подданными. Европейцы, побывавшіе въ турецкой неволѣ, поражали слушателей своихъ разказами о чрезвычайной справедливости и удивительномъ управленіи султановъ. Венеціанцы называли эти разказы *cose stupende della summa justicia et mirando governo in tutte la cosa*²⁾; а Поляки не могли надивиться, что въ Турціи переходы войскъ не причиняли жителямъ никакого убытка. Извѣстный въ исторіи польской литературы янычаръ Полякъ, писавшій свои воспоминанія въ концѣ XV вѣка, приводитъ одинъ случай янычарскаго грабежа, состоявшаго въ томъ, что одинъ изъ янычаровъ не заплатилъ поселянкѣ денегъ за вынутый имъ кувшинъ молока. Потребованный передъ султана, онъ былъ уличенъ въ своемъ обманѣ тѣмъ, что ему тутъ же распоролъ брюхо. Грубое подражаніе правосудію царя Соломона правилось не далеко ушедшимъ въ гуманности турецкимъ христіанамъ. Въ 1455 году герцогу Миланскому доносили официально, что Албанцы весьма преданы Турецкому султану по причинѣ его хорошаго и человѣчнаго управленія (*sono molto affeti al Turco, el quale gli fa una bona e humana Signoria*); а Дубровчанинъ Павелъ Джорджичъ, пробывшій въ Турціи 15 лѣтъ и изъѣздившій ее по всѣмъ направленіямъ, свидѣтельствуетъ, что еще въ 1580 году состояніе турецкихъ христіанъ было самое счастливое: они пользовались свободою, были богаты, Турки ихъ не притѣсняли, судъ былъ справедливъ³⁾. Сербы, пожалуй, пѣли о своемъ Коссовомъ полѣ,

¹⁾ Kron. Polska, Litewski etc., poświęconie.

²⁾ Изумительными случаями совершенной справедливости и удивительнаго во всемъ управленія.

³⁾ В. В. Макушевъ, по рукописямъ Миланскаго архива и Амвросіанской бібліотеки (Ж. М. Н. Пр. 1872, окт., стр. 311).

Болгары вспоминали о славѣ государей своихъ, а Македоняне, Албанцы и Морейцы—о политической свободѣ; но то были дикіе порывы героической фантазіи, неспособной возсоздать старицу со всеми ужасами ея воинственности. Турецкіе султаны не имѣли ни возможности, ниже надобности подавлять мѣстный патриотизмъ Славянъ и Грековъ, а христіанскую религію охраняли они отъ энтузіастовъ ислама изъ политическихъ видовъ своихъ. Если горные гайдуки да неженатые юнаки и занимались набѣгами на турецкія колоніи, подобно нашимъ казакамъ, то ни свѣтскіе главари, ни духовныя власти отнюдь не были причастны къ ихъ походамъ. Напротивъ, имѣя въ памяти племенную вражду Славянъ со Славянами и внутреннія распри во Фракіи, Албаніи, Морѣѣ, лучшіе представители каждой народности видѣли ясно, что только подъ турецкимъ единоначаліемъ оправились ихъ области отъ тѣхъ потрясеній, которыя производили онѣ одна въ другой во время мнимой независимости. Разсудительные главы народовъ и народцевъ, населяющихъ два смежные полуострова не имѣли достаточныхъ основаній даже для ропота на завоевательный разбой турецкихъ государей: эти народцы сами, подобно Туркамъ, посягали на независимость другъ друга, только не имѣли ни силы, ни ума, съ которыми мусульмане наложили руку на борющихся между собою братій,—братій если не по племени, то по вѣрѣ. Что касается до свободы христіанской совѣсти, то подвластные султану Греки и Славяне, глядя издали на пылавшіе въ католическихъ земляхъ костры и слушая разказы объ ужасахъ инквизиціонныхъ судилищъ, могли только благословлять судьбу, укrywшую ихъ подъ широкою властью султана отъ жадности и тираниіи латинцевъ.

Западная Европа очень хорошо, какъ мы видимъ, знала, что западная Славянщина, равно какъ и все православныя Востока, пребывала подъ оттоманскимъ владычествомъ въ мирѣ и благоденствіи, которые для нихъ были невозможны и невысказаны во времена оны. Но миръ и благоденствіе православнаго населенія нигдѣ и никогда не были предметомъ попеченій романско-нѣмецкой политики. Миръ и благоденствіе восточнаго христіанства представляли для христіанства западнаго невозможность вмѣшательства во внутреннее и внешнее устройство своихъ о Христѣ братій, а это было для него крайне неприятно. Вмѣшательство въ дѣла восточнаго христіанства у руководителей христіанства западнаго съ незапамятныхъ временъ прикрывалось желаніемъ распространить блага высшаго просвѣщенія на христіанъ низшей культуры; но въ сущности оно выражало стремленіе

къ обогащенію на счетъ недорослой цивилизаціи. Когда Турки стали торжествовать надъ европейскими арміями по мѣрѣ своего нравственнаго превосходства, Европа напрасно прибѣгала къ мужеству и самопожертвованію для подавленія мусульманской силы: эти чувства были въ ней такою рѣдкостью, что Сервантесъ олицетворилъ ихъ наконецъ въ полусумасшедшемъ Донъ-Кихотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, попытки изгнать изъ Европы Турокъ, блестящія по своимъ замысламъ и ничтожныя по выполненію, были внушаемы мечтательнымъ умамъ Западной Европы тѣмъ энтузіазмомъ, который заставлялъ великодушнаго рыцаря Ламанчи держать голову выше окружавшей его дѣйствительности. Въ члелѣ націй, увлежавшихся надеждами наложить снова заgreбистую руку на Царьградъ, какъ въ XIII вѣкѣ, — Венеціанская республика была сперва самою нылкою. Одинъ изъ ея знаменитыхъ воиновъ, Франческо Бальби, представилъ сенату въ присутствіи дожа такое средство для одолженія мусульманъ, чтобъ издать законъ, опредѣляющій смертную казнь тому, кто сталъ бы говорить о мирѣ съ Турками, пока они не будутъ изгнаны изъ Европы. Но подобныхъ энтузіастовъ между синьоріею св. Марка было мало: въ ней преобладалъ тотъ сортъ людей, котораго правила жизни нашли себѣ выраженіе въ Макиавелли. Нація ловкихъ эксплуататоровъ чужаго добра, съ свойственною ей дальновидностью, приняла относительно Турціи политику развращенія мусульманскаго правительства. Въ то время, когда другія государства тратили деньги на защиту своихъ владѣній отъ Азіатцевъ посредствомъ крѣпостей и армій, Венеція откупалась отъ ихъ вторженій щедрыми подарками самому султану, визирямъ и башамъ. Этимъ способомъ она развивала въ послѣдователяхъ воздержнаго Пророка страсть къ роскоши съ тѣмъ гибельнымъ успѣхомъ, которымъ въ исторіи гражданскихъ обществъ всегда отличался расчетъ на низшія свойства человѣческой природы. Роскошь вела за собою продажность, а новыя потребности мусульманскаго быта понуждали цѣлую массу начальствующихъ людей выжимать изъ христіанскаго населенія Турціи деньги, которыхъ не было возможности ни заслужить, ни заработать, ни добыть въ военныхъ походахъ. Лишь только Турки дали христіанамъ почувствовать, что они терпятъ притѣсненія, какъ иновѣрцы, религіозность Грековъ и Славянъ соединилась у нихъ съ чувствомъ національности; и къ этому-то времени подобно отнести народныя пѣсни, изображающія въ преувеличенномъ видѣ доблести предковъ и свирѣпость ихъ поработителей. Чувства преданности, которыми главари и духовныя власти Славянъ и Грековъ

были преисполнены къ правосуднымъ султанамъ своимъ, были заглушены тайною и явною враждою къ врагамъ святаго креста. Съ своей стороны Турки, встрѣчая въ христіанахъ ненависть и мстительность за свои насилія, тѣмъ еще болѣе считали себя въ правѣ тѣснить гнуровъ. Взаимная недовѣрчивость положила конецъ участію христіанъ въ турецкихъ ополченіяхъ. Турки изъ судей, защитниковъ и миротворцевъ христіанскихъ народовъ и народцевъ сдѣлались пришельцами, разсѣянными по обширнымъ владѣніямъ своимъ, и въ то время, когда внутри имперіи они должны были прибѣгать, ради своей безопасности, къ новымъ и новымъ мѣрамъ тираніи, извѣ имъ грозили возобновляемыя покушенія христіанъ вытѣснить ихъ изъ Европы.

Еслибы Западная Европа въ этотъ опасный для Турціи моментъ была способна дѣйствовать единомысленно, имперія Магомета II, Селима I и Солимана Великолѣпнаго распалась бы скорѣе, чѣмъ она создавалась изъ примиренныхъ завоевателями частей своихъ. Но разединяя новый міръ, созданный политикою магометанъ на Востокѣ, деморализуя Турокъ съ одной стороны и подучивая христіанъ къ бунтамъ съ другой, европейскіе народы продолжали внутреннюю между собою борьбу, которой усиѣхъ зависѣлъ у нихъ не столько отъ личныхъ доблестей вовлеченныхъ въ эту борьбу единицъ, сколько отъ политическихъ козней руководящихъ ими правительствъ. Западные государи, нося титулы христіаннѣйшихъ, прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ для грабежа однихъ христіанъ руками другихъ, а когда домашнихъ средствъ было для того недостаточно, они стали обращаться за помощью другъ противъ друга къ врагамъ святаго креста, объ изгнаніи которыхъ, во времена папы Пія V ¹⁾, католическіе политики внушали всѣмъ христіанскимъ государямъ „помышлять днемъ и ночью“. Видя ожесточенную борьбу западныхъ христіанъ съ христіанами и поддерживая между ними равновѣсіе, Турки были успокоены на счетъ возстановленія у себя дома иновѣрцевъ противъ магометанъ; а зло, вкоренившееся въ мусульманскомъ правительствѣ отъ пріятельскихъ сношеній съ республикою св. Марка, продолжало между тѣмъ дѣйствовать. Питомцы макиавеллизма слѣдили за его развитіемъ, какъ отравитель слѣдитъ за дѣйствіемъ медленнаго, но смертельнаго яда, и не упускали случая пользоваться начинавшимся разложеніемъ государственнаго организма Турціи. Пока турецкіе христіане благоденствовали подъ мусульманскимъ правленіемъ, они были

¹⁾ Былъ папою съ 1566 по 1571 годъ.

недоступны для политическихъ получиваній со стороны папистовъ. Теперь имъ стали подсказывать революціонные замыслы, стали поощрять къ возстанію денежными пособіями и манили перспективой политической свободы за возвращеніе къ церковному единству съ католичествомъ. Эти внушенія были тѣмъ дѣйствительнѣе, что состояніе Турецкой имперіи съ каждымъ новымъ царствованіемъ ухудшалось, и возможность ея покоренія латинцами представлялась туземнымъ христіанамъ все живѣе и живѣе; Лепантская побѣда 1571 года, не смотря на свою бесплодность для европейской военной ассоціаціи, произвела сильное впечатлѣніе не только на Грековъ и Славянъ, подвластныхъ Турціи, но и на самихъ Турокъ. Неспособность цѣлаго ряда правителей вмѣстѣ съ подкупностью, вошедшею въ нравы членовъ дивана и всего серала, въ теченіе полустолѣтія низвели нравовѣрныхъ до того, что ихъ стала побѣждать наконецъ и безпорядочная польская шляхта, вспомоствуемая еще болѣе безпорядочными казаками. Походъ Османа II къ берегамъ Днѣстра подъ Хотинъ въ 1621 году раскрылъ глаза всей Европѣ на слабость турецкаго единовластія и на разстройство еще недавно могущественной имперіи. Польскій посолъ доносилъ своему правительству изъ Царьграда, что грозные янычары и спахи суть не что иное, какъ привилегированные разбойники, опустошающіе провинціи собственнаго отечества; что турецкій флотъ состоитъ всего изъ нѣсколькихъ ветхихъ галеръ съ трусливыми и неспособными къ морскому дѣлу матросами; что земледѣліе и скотоводство находятся въ крайнемъ упадкѣ, и что, еслибы транспортнымъ судамъ запретить устья Дуная и Дарданеллы, то жители столицы умирали бы съ голоду ¹⁾.

Свидѣтельству этого очевидца вторять современный англійскій посланникъ въ Царьградѣ Рое и Дубровчанинъ Градичъ, хорошо знавшій Турцію по своимъ сношеніямъ съ мѣстными купцами и слышавшійся о ней отъ своего дѣда Петра Бенесы, секретаря папы Урбана VIII. Въ противоположность Николаю Сангудино и его современникамъ, описывавшимъ благосостояніе Турціи, Градичъ изображаетъ ее слѣдующими словами: „Мѣсто прежней справедливости къ покореннымъ народамъ и воздержности заступили алчность и гордость. Не уважается польза ни государственная, ни частная; господствуетъ полнѣйшій произволъ владыкъ надъ рабами; дворъ продаженъ, законами торгуютъ; почести приобрѣтаются куплею; продается право совер-

¹⁾ Матер. для Ист. Возс. Р., т. I.

шать преступленія; истощенныя народныя богатства не удовлетворяютъ корыстолюбію башей и санджаковъ. Вслѣдствіе того обширныя и плодородныя поля остаются не воздѣланными; большіе города опустѣли; все пришло въ разрушеніе. Военное искусство въ упадкѣ. Лучшія земли запыли сахи; но теперь они уже не отличаются воинственностью, силою, терпѣливостью, скромностью, какъ прежде: теперь они сдѣлались презрѣнны, вялы, робки, сладострастны и за деньги поставляютъ за себя наемниковъ, большею частью христіанъ, чему весьма способствуетъ корыстолюбіе башей и продажность чиновниковъ. Чтò же сказать о янычарахъ? Многочисленность этой сволочи поглощаетъ всѣ государственныя налоги. Цепокорные, лѣнныя, гнусныя, вовсе не воинственныя, эти презрѣнныя выродки способны только къ грабѣжамъ; ихъ своеволіе перешло предѣлы¹⁾.

Такое положеніе дѣлъ въ Турціи оживило надежды католической Европы на подчиненіе римскому папѣ русскаго міра, а съ нимъ и всего восточнаго христіанства. Хотя въ Москвѣ и не удалась ей тѣ замыслы, которые она соединяла съ выработанною въ своихъ тайникахъ самозванщиною; но отъ происшедшихъ по этому поводу столкновеній между двумя половинами сѣверной Славянщины получился результатъ весьма важный. Потомки древнихъ Русичей, подъ католическими знаменами, потрясли до основанія государственную независимость своихъ московскихъ братій; а сбродныя дружины казаковъ, считавшихся въ Римѣ яростными защитниками греческой схизмы, оказались такими же безпощадными добычниками въ ея убѣжищѣ— Россіи, какъ и въ самой Турціи. Выдѣлка изъ Русскихъ людей разрушительныхъ для русской самобытности орудій, съ этой стороны, удалась папѣстамъ какъ нельзя лучше. Съ такимъ же успѣхомъ подвизались на другомъ поприщѣ другаго сорта Русскіе люди, передѣланые въ истребителей отеческихъ преданій посредствомъ церковной уніи. Если Жовковскіе съ дворянами, а Сагайдачныя съ казаками сдѣлали важный починокъ въ крушеніи великой твердныи православія въ одномъ отношеніи, то Рутскіе и Кунцевичи настойчиво продолжали еще болѣе зловѣщее дѣло— въ другомъ. Теперь настала очередь подрыва православной силы чрезъ посредство христіанъ, подвластныхъ Турціи.

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1872 г., окт., стр. 314.

VIII.

Съ того самаго времени, какъ имперія Палеологовъ очутилась во власти Агарянь, ея политико-религіозное значеніе стало переходить на русскій Сѣверъ, и свѣжая пародными силами Москва сдѣлалась еще болѣе надежнымъ центромъ восточнаго христіанства, чѣмъ была зараженная наслѣдственными пороками античнаго міра и развращенная въ добавокъ латинцами Византія. Все, что было въ этой имперіи сохранено отъ нравственной гибели евангельскимъ ученіемъ, все истинно, а не номинально православное, стало въ ней смотрѣть съ родственнымъ чувствомъ на христіанское общество Москвы, хотя и въ ней было не безъ лукавыхъ Византійцевъ. Въ особенности же расположились къ ней соплеменные русскимъ Болгары и Сербы, у которыхъ съ Москвой не было кровавыхъ счетовъ, какъ съ Византіей. Помимо строгой власти мусульманъ, успокоившей Славянъ и Грековъ отъ областныхъ разбоевъ, во всемъ христіанскомъ населеніи Турціи распространялась тихая, озаренная поэтическими надеждами будущаго власть православной Москвы, восторжествовавшей надъ своими поработителями Татарами. Христіанскій авторитетъ пребывалъ уже не въ городѣ Константина Великаго и даже не на Аѳонѣ какъ прежде, а въ свободномъ отъ иновѣрной власти московскомъ обществѣ. Влеченіе къ Москвѣ было такъ сильно, довѣріе такъ велико, что даже люди, подобныя Максиму Греку, обогатись познаніями въ западныхъ университетахъ, искали въ ней поприща для распространенія среди православныхъ свѣта всемірной науки. Этыхъ людей постигала въ Москвѣ иногда участь Бруно и Галилея, но ихъ неизмѣнная привязанность къ русскому элементу свидѣтельствуетъ, что въ ихъ глазахъ онъ имѣлъ много высокихъ представителей.

Дальновиднѣйшее изъ наблюдавшихъ Турцію государствъ, республика венеціанскихъ нобилей, прежде всѣхъ обратила вниманіе на знаменательную связь, установившуюся между двумя половинами восточно-христіанскаго міра. Венеціанскій посланникъ при Амуратѣ III доносилъ въ 1576 году своему правительству, что всѣ народы Болгаріи, Сербіи, Босніи, Морен и Греціи весьма преданы Московскому царю по единовѣрію и готовы возстать поголовно противъ Турокъ, чтобы подчиниться его власти. Около того же времени и эмиссаръ Донъ-Жуана Австрійскаго писалъ къ нему изъ Царьграда, что восточные христіане надѣются быть освобожденными отъ турецкаго раб-

ства не вѣмъ инымъ, какъ Русскими. Еще рѣшительнѣе выразилъ ту же мысль неизвѣстный авторъ описанія Турціи въ 1594 году. Онъ говорилъ, что Турокъ страшно боится русской силы, которая, состоя изъ удивительныхъ воиновъ, безъ труда можетъ проникнуть въ Черное море и угрожать Константинополю ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ Іоаннъ IV продолжалъ внутреннюю политику Сильвестра и Адашева, а во внѣшней выдержалъ до конца характеръ завоевателя Казани и Астрахани,—Восточный вопросъ могъ бы потребовать отъ него разрѣшенія такъ настоятельно, какъ оно требуется отъ Россіи въ нынѣшнее царствованіе. Но пламенный духъ Іоанна, не поддержанный его ближайшею средою, перешелъ въ политическое безуміе, и Россіи, по видимому, готовилась участь имперіи Салимана Великолѣннаго. Люди, подобные Поссевину, какъ будто только и ждали, чтобы стойкій и въ своемъ малодушіи поборникъ православія сошелъ съ политической сцены. Іоаннъ умеръ въ 1584 году, а къ 1595 году созрѣла на русскомъ Югѣ церковная унія, долженствовавшая разлучить его на вѣки съ русскимъ Сѣверомъ. Событія польско-русской жизни въ началѣ XVII столѣтія должны были вознѣсти сильное вліяніе на Болгарію и Сербію, равно какъ и на весь православный Востокъ. Съ одной стороны Кіевская митрополія, устами своихъ архіереевъ—Ипатія, Потѣя и Кирилла Терлецкаго признала въ Римѣ главенство папы и очутилась во власти отступниковъ православія, а съ другой Московскій народъ возмутился противъ своего царя въ пользу таинственнаго царевича, воспитаннаго среди католиковъ. Наконецъ, католическія знамена стали развѣваться въ самомъ центрѣ православнаго міра, и польскій королевичъ провозглашенъ Русскимъ царемъ. Всѣ эти событія слѣдовали быстро одно за другимъ. Благоприятная для римской политики молва о нихъ усердно повторялась римскими факторіями и ходила вокругъ Средиземнаго моря съ его Архипелагомъ, съ его греческими, малоазіатскими, сирійскими и африканскими берегами, по всѣмъ стезямъ первыхъ апостоловъ православія. Латинская пропаганда дѣлала всюду завоеванія на счетъ истины и привела дѣло къ тому, что турецкіе христіане перестали связывать судьбу свою съ судьбой русскаго міра. Имъ указанъ былъ

¹⁾ Интересныя извлеченія по этому предмету изъ италіанскихъ архивовъ напечатаны В. В. Макушевымъ при его статьѣ о Болгаріи въ *Ж. М. Н. Пр.* 1872 г., окт.; у Цинкейсена, въ его *Gesch. des osm. Reiches*, см. т. III, стр. 529.

иной центръ тяготѣнія. Россія осталась какъ бы за предѣлами христіанской системы.

Когда такимъ образомъ царство Рюриковичей, не поддававшееся папѣ со временъ Владиміра Равноапостольнаго, испытало на себѣ могучее дѣйствіе латинской политики, когда оно, по программѣ Римской курии, было принижено къ землѣ передъ глазами всего свѣта, — католичество сдѣлало большіе успѣхи въ Задунайской Славяницѣ, и папа выигралъ во мнѣніи турецкихъ христіанъ на столько, на сколько потерялъ своего значенія царь, которому единодушный голосъ православнаго міра далъ знаменательный титулъ Восточнаго Царя. Албанія, ближайшая къ католическимъ берегамъ страна, сдѣлалась операціоннымъ базисомъ политической пропаганды въ извѣстномъ направленіи и первая заговорила о низверженіи турецкаго ига. Латинство такъ густо засѣло въ православномъ населеніи Албаніи, что въ числѣ воиновъ, готовыхъ ополчиться на Турокъ, однихъ католиковъ считалось въ этой странѣ 40.000. Отсюда агитація противъ господства мусульманъ перешла въ Сербію, Босну и Болгарію, такъ что въ 1595 году папскому кліенту Сигизмунду Баторію Семиградскому Дубровчанинъ Павелъ Джорджичъ представилъ Болгаръ и живущихъ среди нихъ Албанцевъ готовыми къ возстанію, лишь бы снабдили ихъ оружіемъ. Только двуличная, основанная на подкупѣ, политика нобилей св. Марка задержала движеніе революціи, подготовленной Римомъ на Балканскомъ полуостровѣ. Тѣмъ не менѣе искусно раздаваемые славянскимъ главарямъ деньги изъ сокровищницы св. Петра соединяли всѣ умы тою мыслью, что спасенія отъ агарянской неволи надобно ждать изъ Рима.

Этотъ поворотъ общественныхъ убѣжденій Задунайской Славяницы въ пользу католичества былъ уже самъ по себѣ торжествомъ латинства надъ православіемъ. Но мы видѣли на русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой, что Римскій папа, подобно Турецкому султану, не довольствовался однимъ отступничествомъ своихъ приверженцевъ: онъ устремлялъ ренегатовъ православія на то дѣло, котораго не въ силахъ были сдѣлать старые кліенты его; онъ Русскими людьми побивалъ русскую стойкость въ отеческихъ преданіяхъ и этимъ полагалъ вѣчную преграду къ воссоединенію совращенныхъ въ папизмъ членовъ православной церкви. Ту самую политику совращенія въ латинство и вѣчной разлуки съ отеческими преданіями мы видимъ и въ пропагандѣ папизма на Балканскомъ полуостровѣ. Когда въ ухахъ славянскихъ и греческихъ главарей было выработано убѣжденіе въ

возможности поколебать и даже уничтожить съ помощью Рима, могущество Турокъ, главнымъ дѣтелемъ католической политики среди Славянъ и Грековъ явился православный Болгарскій патріархъ Аѳанасій. Этотъ необыкновенный по своей дѣятельности чловѣкъ выступилъ на сцену въ 1596 году, именно вслѣдъ затѣмъ, какъ Южнорусская церковь подчинилась напѣ. По сказанію венеціанскаго адмирала, имѣвшаго съ Аѳанасіемъ свиданія въ Албаніи, ему было тогда 36 лѣтъ; онъ имѣлъ пріятную наружность и отличался столько же умомъ, сколько и скромностью. Семнадцать епископовъ находились отъ него въ зависимости и относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Патріархъ Аѳанасій предпочиталъ сперва имѣть дѣло въ республикой св. Марка; наконецъ ея уклончивость заставила его перенести свои надежды на могущественнѣйшаго въ то время изъ католическихъ монарховъ, на короля Испанскаго. Все такъ еще и въ 1602 году Албанцы предлагали въ распоряженіе Венеціи 100,000 отважныхъ воиновъ, на половину Сербовъ, съ надеждою на всеобщее возстаніе Задунайской Славянщины и съ готовностью идти на Царьградъ подъ знаменемъ св. Марка. Но Венеція проводила ихъ отсрочками и неопредѣленными обѣщаніями цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ. Въ теченіе этого времени Болгарскій патріархъ не переставалъ работать надъ своимъ планомъ изгнанія Турокъ изъ Европы. Онъ обошелъ всю Сербію, Босну, Далмацію, Албанію, верхнюю и нижнюю Македонію, Грецію, Фракію, Болгарію, Архипелагъ, словомъ—всѣ турецкія владѣнія въ Европѣ; и сто вездѣ поражало то обстоятельство, что христіане составляютъ огромное большинство населенія, занимаютъ горные проходы, владѣютъ даже нѣкоторыми замками; что турецкіе правители непослушны Портѣ; что повсюду царствуютъ несправедливость, жестокость, грабежъ; что разбойники дѣлятся добычей съ властями и этою цѣною покупаютъ себѣ безнаказанность; наконецъ, что войско утратило привычку подчиненности, отвыкло отъ правильныхъ походовъ и если не грабитъ христіанъ, то занимается торговлей, а военную службу отбываетъ наемниками. Изучивъ Оттоманскую имперію этнографически и статистически, Аѳанасій организовалъ въ ней повсемѣстно возстаніе чрезъ посредство своихъ архіепископовъ, епископовъ и священниковъ, которые на исповѣди подготавливали воинственныхъ людей къ святому дѣлу, обязывая ихъ клятвою къ молчанію. Необходимость обращать очистительное таинство вѣры для цѣлей политическихъ Аѳанасій объяснялъ тѣмъ, что иначе—Греки, Албанцы, Болгары и Валахи, будучи людьми честоло-

бывыми, гордыми и злыми, могли изменить общему предприятию во всякое время и погубить одни других своими усобицами; но по приемамъ Болгарскаго патріарха нельзя не видѣть въ немъ питомца католическихъ прелатовъ, которые столь часто дозволяли себѣ pro bono publico жертвовать достоинствомъ своего сана и святостью религіи. Аѳанасій зналъ, что всѣ Славяне проникнуты одинаковою ненавистью къ Туркамъ, и не сомнѣвался, что подчиненные его патріархату Дукачины, Клементы и Пастровичане возстанутъ поголовно на первый призывъ къ войнѣ. Въ этихъ областяхъ было уже частное возстаніе; мѣстные жители изрубили въ куски всѣхъ водворенныхъ между ними Турокъ, и съ того времени Турки не покушались больше господствовать надъ ними. На островахъ Архипелага исчислено было Аѳанасіемъ 70,000 христіанъ, способныхъ къ войнѣ. Большую часть этихъ острововъ посѣтилъ Аѳанасій лично, а на другіе посылалъ надежныхъ людей и уговорился съ мѣстными главарями. Островъ Митилень представлялъ ему наилучшій операціонный базисъ для овладѣнія Царьградомъ. Находясь въ 80 миляхъ отъ столицы и имѣя въ окружности 360 миль, этотъ плодородный островъ заключалъ въ себѣ обширный портъ, не защищенный турецкими укрѣпленіями и окруженный христіанскими селами. Овладѣвъ Митиленомъ, имѣющимъ всего одну полуразрушенную крѣпостцу, да еще двумя столь же удобными къ занятію и выгодными въ стратегическомъ отношеніи островами, Тенедосомъ и Милосомъ, и пользуясь венеціанскимъ островомъ Кандіей, готовымъ выставить 25,000 вооруженныхъ добровольцевъ, Болгарскій патріархъ не сомнѣвался, что весь Архипелагъ поднимается противъ Турокъ. Онъ выработалъ даже проектъ поджога Царьграда съ четырехъ, если не съ шести сторонъ, рассчитывая на деревянные дома столичныхъ предмѣстій. Общее возстаніе христіанъ и пожаръ въ столицѣ, которымъ Аѳанасій предполагалъ управлять лично, должны были произвести панику подобную той, которая овладѣла было Турками въ 1571 году при вѣсти о Лепантскомъ погромѣ¹⁾, и возвратить оттоманскую столицу въ руки христіанъ, то-есть, латинцевъ.

Составивъ такой планъ дѣйствія, предприимчивый Болгаринъ напелъ челоуѣка, довольно энергическаго и довольно сильнаго для его

¹⁾ Планъ болгарскаго патріарха извѣстенъ изъ его записки, поданной Неаполитанскому королю 1615 года и найденной В. В. Макушевымъ въ архивѣ города Палермо: Real Segnetaria (Слав. Сборникъ, III, 20).

выполненія, въ особѣ герцога д'Оссуна, неаполитанскаго вице-короля. Это была одна изъ тѣхъ личностей, которыя мирятъ историка съ классомъ людей, существующимъ какъ будто только для интригъ, пороковъ и преступленій. Опираясь на свои связи при дворѣ Филиппа III, герцогъ д'Оссуна распорикался королевствомъ Обѣихъ Сицилій самовластно, но диктатуру свою направлялъ противъ сильныхъ и богатыхъ злодѣевъ, противъ разбойниковъ и корсаровъ на пользу торговли, промышленности и народнаго благосостоянія. Увеличенный имъ флотъ возымѣлъ такое превосходство надъ флотомъ турецкимъ, что онъ и безъ патріарха Аеанасія чертилъ уже планы завоеванія нѣкоторыхъ турецкихъ областей. Майноты, обитатели гористой оконечности Мореи, вооруженные герцогомъ д'Оссуна, помогали ему захватывать турецкіе корабли съ дорогими грузами. Планъ Аеанасія окрылилъ его предприимчивость. Даже случайныя неудачи въ походахъ на Турокъ способствовали воодушевленію талантливаго и славолюбиваго вице-короля. Въ 1619 году составилъ онъ лигу противъ Турціи изъ папы, великаго герцога Тосканскаго и Мальтійскихъ рыцарей. Война готова была получить значеніе, рѣшающее судьбу Востока. Но въ то время, когда героическія натуры стремились къ великому, люди низменные подкатывались подъ нихъ для удовлетворенія своего пустого честолюбія. Огневанный передъ королемъ, герцогъ д'Оссуна былъ арестованъ, отправленъ въ Испанію и умеръ отъ яду въ 1621 году, то-есть, какъ разъ въ то время, когда Османъ II своимъ гибельнымъ походомъ на Поляковъ представлялъ ему дорогой случай для овладѣнія Царьградомъ.

Такъ рушилось одно изъ самыхъ сложныхъ предпріятій западной политики, обнаруживъ въ ней недостатокъ былаго единства дѣйствій, надъ восстановленіемъ котораго трудился разсѣянный по всей Европѣ орденъ іезуитовъ.

II. Кулишъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СВѢДѢНІЯ О ЖАЙНАХЪ И БУДДИСТАХЪ.

Жайнская секта принадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ анти-брахманическихъ сектъ въ Индіи. Жайны встрѣчаются тамъ повсюду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, на примѣръ, въ Бомбайскомъ президентствѣ, въ Ражпутанѣ, въ центральной Индіи и на югѣ ихъ особенно много. До сихъ поръ во многихъ мѣстахъ торговля главнымъ образомъ сосредоточена въ рукахъ исповѣдующихъ эту религію, и повсюду, гдѣ находятся Жайны, существуютъ древніе и новые памятники ихъ архитектуры, отличающіеся оригинальностью и необыкновеннымъ изяществомъ. Въ древности они были, весьма вѣроятно, еще многочисленнѣе, и есть указанія на пребываніе ихъ въ Индіи въ предѣлахъ нынѣшняго Авганистана: въ странѣ Каписѣ. Тамъ владѣли Индо-Скиомъ, и одинъ изъ индо-скиоскихъ царей на своихъ монетахъ прямо называетъ себя царемъ Каписы ¹⁾. Недавнія раскопки въ Матхурѣ свидѣтельствуютъ, что многіе изъ этихъ индо-скиоскихъ царей, называвшіе себя „сынами боговъ“, исповѣдывали жайнизмъ ²⁾, самый уже городъ въ нѣкоторыхъ старо-индійскихъ источникахъ именуется городомъ сыновъ божьихъ, то-есть, городомъ

¹⁾ Hiouen Thsang, Mémoires sur les contrées occidentales, tome I, стр. 40. Г. Григорьевъ (см. Кабулистанъ и Капристанъ, стр. 819) сравниваетъ «Капису» съ славянскимъ «капище» и говоритъ слѣдующее: *Каписи*. . . у туземцевъ произошло, но всей вѣроятности, *Капиша*: сравн. славянское «капище». Къ сожалѣнію ученый комментаторъ Риттера не поясняетъ ближе, какихъ именно туземцевъ онъ разумѣетъ, а также откуда у него взялась эта вѣроятность. О Каписѣ, владѣтель Каписы, см. *Thomas*, The early Faith of Asoka въ *Journal of Royal Asiatic Society*. New series, vol. IX, part. II, стр. 211 и пр.

²⁾ О послѣднихъ раскопкахъ въ Матхурѣ см. *Archeological Survey of India*, vol. III, стр. 13 и слѣд., *Growse*, *Muthurâ a District Memoir*, part. I, стр. 72 и слѣд., part. II, стр. 171.

индо-скинскихъ царей ¹⁾, откуда, быть можетъ, и произошло греческое описательное названіе города (у Птолемея): *Μόδεσρα ἢ τῶν Θεῶν*. Въ эпоху господства этихъ индо-скинскихъ царей, по всей вѣроятности, жайнизмъ, покровительствуемый ими, нашелъ выходъ за предѣлы Индіи.

Эта секта до сихъ поръ однакоже весьма мало изучена, хотя и обладаетъ обширною, древнею литературою. Духъ прозелитизма окончательно, какъ кажется, вымеръ между Жайнами: въ захолустьяхъ Индіи, въ мѣстахъ, мало посѣщаемыхъ Европейцами, Жайны отличаются нетерпимостью и недоверіемъ къ Европейцамъ. Неохотно показываютъ они свои литературныя сокровища, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже не позволяютъ прикасаться въ листамъ своихъ рукописей. Этою скрытностью въ особенности отличаются Дигамбары или тѣ Жайны, которые, по преданію, должны ходить нагими; конечно, въ Британской Индіи такой скандалъ не допускается, и „облаченные въ пространство“ или Дигамбары не показываются голыми внѣ дома, но разказываютъ, что ихъ монахи до сихъ поръ соблюдаютъ обѣтъ наготы при вкушеніи пищи. Светамбары или „облаченные въ бѣлое“, гораздо общительнѣе и откровеннѣе, особенно же въ большихъ городахъ, гдѣ имъ приходится часто сталкиваться съ пытливостью Европейцевъ; отъ нихъ-то главнымъ образомъ доставались жайнскіе литературные памятники, и въ настоящее время литература Светамбаровъ, сравнительно, лучше извѣстна, нежели памятники ихъ собратьевъ Дигамбаровъ. Впрочемъ нельзя отрицать, что въ наше время даже нѣкоторые изъ Дигамбаровъ бывають податливы, и что отъ нихъ при нѣкоторой настойчивости и немалыхъ усиліяхъ можно достать кое-какіе памятники и обрывки ихъ древней и богатой литературы.

Не недостатокъ источниковъ, но трудность доступа къ нимъ были причиною того, что до послѣдняго времени Жайны оставались мало изученными: источники эти хотя давно уже открыты, большею частью были доступны только въ Индіи. Европейскія же библіотеки понинѣ отличаются сравнительною бѣдностью жайнскихъ памятниковъ; только въ самое послѣднее время эти пробѣлы европейскихъ книгохрани-

¹⁾ Въ буддійскомъ сборникѣ легендъ *Rasavāhini* Матхура называется devaputtapagara, см. л. *khū*, л. *ghā* (рукопись—моя собственность). Devaputta, то-есть, сынъ божій, есть одинъ изъ титуловъ индо-скинскихъ царей см. *Growse*, I. с. 57

лишь стали пополняться, и вмѣстѣ съ тѣмъ началось изученіе жайнской литературы.

Знакомство съ жайнскою религіей и литературой остается пока самымъ поверхностнымъ: вопросы о первомъ появленіи Жайновъ, ихъ исторіи, объ отношеніи ихъ къ буддійскому ученію до сихъ поръ не разрѣшены; и самые противоположные и трудно согласимые отвѣты даются на эти вопросы; о происхожденіи Жайновъ, о ихъ древности и т. д. высказываются самыя смѣлыя предположенія. Но при этомъ, расходясь въ мнѣніяхъ по самымъ крупнымъ вопросамъ, всѣ европейскіе ученые согласны въ томъ, что Жайны и буддисты — двѣ секты сходныя и родственныя. Это сходство бросается въ глаза при первомъ взглядѣ на священныя изображенія или на монаховъ той и другой секты; оно еще болѣе подтвердилось послѣ перваго знакомства съ литературными памятниками обѣихъ религій.

Одинъ изъ первыхъ по времени изслѣдователей Жайнской секты и глубокой знатокъ индійской древности отличительныя, наиболѣе знаменательныя, особенности этой секты видѣлъ въ томъ, что Жайны также какъ и буддисты, отрицаютъ божественный авторитетъ ведъ¹⁾; обѣ секты воздаютъ божеское почитаніе нѣсколькимъ святымъ и въ то же время не отрицаютъ существованія почти всѣхъ боговъ правѣрныхъ Индусовъ, признавая въ нихъ существа низшія, подчиненныя могуществу своихъ святыхъ.

Не одинаково передаютъ Жайны и буддисты исторію обоготворенныхъ ими существъ; отсюда можно было бы заключить, что у обѣихъ сектъ были различныя основатели: но основное представленіе о „святомъ“ у той и другой секты одинаково. Колебрукъ при этомъ указываетъ, что послѣдователи ведъ въ своей ведантійской теологіи развиваютъ ученіе о томъ, какъ человѣческая душа, будучи частицею божественнаго универсальнаго духа, можетъ вполне соединиться съ божественною сущностью; они вѣруютъ и учатъ, что это единеніе и отождествленіе достигается посредствомъ познанія бога; познаніе бога приводитъ къ тому, что душа сама становится богомъ: но ведантисты не развили мифологіи изъ исторіи лицъ.— достигшихъ по ихъ почитаніямъ — божественности, не сдѣлали ихъ центральнымъ предметомъ національнаго культа.

¹⁾ Observations on the sect of Jains, см. H. T. Colebrooke, Miscellaneous Essays, vol. III, стр. 172 и слѣд.

Замѣчанія Колебрука несомнѣнно вѣрны, но должны быть отвѣсены только въ древней ученой, теологической литературѣ.

Этотъ центральный догматъ и центральный предметъ культа, отвлеченное представленіе о „святомъ“ (о Жинѣ и Буддхѣ) и отношеніе къ нему на практикѣ, отличая буддистовъ и Жайновъ отъ ведантистовъ, сближаетъ ихъ, съ другой стороны, съ массою другихъ sectъ, нарождавшихся въ Индіи позднѣе и появляющихся до сихъ поръ. Этотъ культъ и это догматическое ученіе суть національныя индійскія явленія.

Всѣ великія религіи Азіи произошли изъ проповѣди историческихъ лицъ, и эти лица обожались и обожаются; весьма естественно, что адепты всякой новой религіи, враждебно вступающей противъ старой, стараются возвысить то лицо, отъ котораго ихъ религія ведетъ свое начало. Чѣмъ выше это лицо, тѣмъ истиннѣе и возвышеннѣе должно казаться его ученіе. Проповѣдникъ отвѣтственъ за новое слово, возвышенное имя, и всѣ нападки на это слово начинаются съ нападокъ на проповѣдника; если его адепты съ умѣли отразить и опровергнуть нападки, чрезъ то самое ихъ религія спасена. Но въ Индіи, сверхъ этихъ общихъ всѣмъ странамъ причинъ, есть рядъ другихъ условій, способствующихъ развитію обоготворенія чело­вѣка. Здѣсь по сіе время мионы вырастаютъ изъ историческихъ фактовъ, люди непрестанно превращаютъ людей въ боговъ, чело­вѣкъ считаетъ чело­вѣка за нисшедшее божество, за эманацию святаго духа и изъ случаевъ въ его жизни, изъ разказовъ о его поступкахъ слагаетъ мионы. Индійскій умъ всего сильнѣе поражается чело­вѣческой личностью и характеромъ. Впечатлѣніе, производимое выдающеюся личностью, тѣмъ сильнѣе и интенсивнѣе, чѣмъ ниже степень развитія воспринимающаго; Индіецъ на низшей ступени развитія подчиняется вполне выдающейся и почему-либо симпатичной личности; онъ не можетъ и не хочетъ освободиться отъ этого впечатлѣнія, разсѣять его анализомъ. И вотъ выдающаяся личность становится для него полновластнымъ господиномъ въ жизни и смерти; въ его глазахъ она всемогуща; заходъ солнца, буря, всѣ явленія природы подчиняются ей, и память о таковой чудесной личности въ формѣ міаа переживаетъ поколѣнія.

Въ Индіи разказываютъ о цѣломъ орденѣ факировъ Хазара, не поклонявшихся идоламъ и чтившихъ особаго бога Никкул-саинъ. И этотъ богъ Никкулсаинъ былъ никто иной, какъ генераль Николь-

совъ, убитый при взятіи Делги, во время индійскаго возстанія, въ 1857 году ¹⁾.

Такое явленіе не единично: всѣ индійскіе спиритуалисты, проповѣдники чистой нравственности и субъективныхъ религій, должны были покоряться грубому матеріализму массъ. Выдающіеся проповѣдники прививались и до сихъ поръ признаются за боговъ или за видимыя воплощенія божественной силы. Настроеніе среды такъ мощно, что осилить чистыя намѣренія проповѣдника: его отрицаній не послушаютъ, и въ концѣ концовъ онъ станетъ богомъ, хотя бы для немногихъ.

Единственный вопросъ, по прежнему могущій возбудить въ Индіи общій интересъ, есть религіозный, и при всемъ томъ религіозныя идеи и учрежденія не достигли тамъ той законченности, за которою необходимо слѣдуетъ нетерпимость.

Въ Индіи масса всегда была и есть готова идти за новымъ учителемъ или молиться новому богу; она не заботится, на сколько это новое противорѣчитъ или согласно со старымъ; за старое масса продолжаетъ держаться и не считаетъ нужнымъ отказываться отъ него. Для нея новый учитель есть новая манифестация невѣдомой, но страшной силы, и она чтитъ его и обожаетъ согласно съ этимъ представленіемъ. Это обожаніе не оскорбляетъ правовѣрія, ибо правовѣріе ничего не имѣетъ противъ умноженія пантеона.

Великіе вопросы о тайнахъ жизни и смерти занимали умъ Индійца уже въ отдаленной древности; глубокой спиритуалистъ, но неправильный до капризности въ своихъ созданіяхъ, онъ, постоянно находясь подъ сильнымъ гнетомъ не разрѣшенныхъ вопросовъ, всегда стремился обоготворять нѣчто такое, къ чему можно было бы въ то же время относиться по человѣчески. И его боги по большей части тѣ же люди, другая фаза земныхъ существъ, сильныхъ, поражавшихъ его своею силою и произволомъ. Какъ на землѣ сильные мира, такъ и боги на небѣ были великою тяготою для него въ его личномъ существованіи, и у него родилось стремленіе не просто покочичить съ земнымъ существованіемъ и отправиться славословить

¹⁾ Sir H. S. Maine, European views of India, стр. 13: One brave soldier and skilful statesman is remembered in India, not only for his death at the head of the storming party which had just made its way into Delhi, but for having found himself the centre of a new faith and the object of a new worship, and for having endeavoured to coerce his disciples into disbelief by hearty and systematic flogging.

боговъ, но отождествиться съ божествомъ или безусловно уничтожиться.

Что проку въ смерти и въ пребываніи на небѣ? Умершіе возвращаются на землю, воплощаются въ новыя существа; боги являются на землю разрѣшить вопросы, непосильные человѣку. И какъ люди становятся богами, такъ и боги рождаются людьми. И всюду скорбь и тягота личнаго существованія. Постичь тотъ путь, который вывелъ бы его изъ широкихъ предѣловъ всеобщей скорби за границы личнаго существованія—въ этомъ состоялъ основной вопросъ всей индійской философіи и всѣхъ индійскихъ религій.

Однѣ изъ многихъ опытовъ разрѣшить этотъ вопросъ представляютъ ученія Жайновъ и буддистовъ. Обѣ секты имѣютъ особое значеніе по своей прошлой исторіи, по своему вліянію на индійскую жизнь и исторію и всего болѣе потому, что выходили за предѣлы Индіи.

I.

Обзоръ важнѣйшихъ европейскихъ трудовъ о Жайнахъ.

Первыя извѣстія о сектѣ Жайновъ европейскіе писатели получили не чрезъ изученіе письменныхъ памятниковъ; воспользовавшись устными сообщеніями самихъ сектаторовъ, они сами сообщили нѣкоторые факты изъ исторіи этой секты, а также нѣсколько чертъ изъ ея ученія. Устнымъ сообщеніямъ сектантовъ, не подтвержденнымъ выписками изъ ихъ священныхъ книгъ, нельзя волиѣ довѣрять, но такъ какъ огромная жайнская литература до сихъ поръ не изучена, и большинство памятниковъ даже не доступно ученымъ въ Европѣ, то и извѣстія старѣйшихъ по времени писателей пока не утратили вполне своего значенія.

Первымъ по времени писателемъ о Жайнахъ, вѣроятно, нужно считать Макензи. Свои показанія объ этой сектѣ онъ собиралъ у священнослужителей секты. Историческія свѣдѣнія о Жайнахъ въ его статьѣ не многочисленны: Жайны не имѣли гуру или учителя до рожденія Вршабханатха, ихъ перваго Тиртхакары. Онъ былъ ихъ первый гуру и реформаторъ; ему приписываются законы этой секты ¹⁾;

¹⁾ Account of the Jains, collected from a priest of this sect, at Mudgeri: translated by Cavally Boria, Brâhmen, for Major C. Mackenzie. См. Asiatic Researches, vol IX (8 vo), стр. 244.

слѣдующимъ устнымъ извѣстіямъ, полученнымъ отъ другаго лица ¹⁾, тотъ же авторъ сообщаетъ, что Вршабханатъ сочинилъ четыре книги: Пратхамануѳога, Каранануѳога, Чаранануѳога и Дравжануѳога. Онъ же установилъ обязанности для людей и указалъ на слѣдующія средства къ существованію: мечъ, чернило, земледѣліе, торговля, скотоводство. Раздѣлилъ людей на четыре касты: на брахмановъ, вшатріевъ, вайсьевъ и судровъ. Этими кастамъ онъ поручилъ храненіе своихъ четырехъ книгъ. Языкъ этихъ книгъ мало по малу становился темнымъ и мало понятнымъ людямъ, и вслѣдствіе этой причины на книги эти написаны были объясненія на языкахъ различныхъ странъ.

Въ той же статьѣ есть нѣсколько подробностей о послѣднемъ или двадцать-четвертомъ Тиртхакарѣ, Варддхамана Свѣми. Онъ былъ современникомъ Среники, царствовавшего въ Ражгрхѣ. Царь Среника покровительствовалъ религіи Жайновъ и самимъ Жайнамъ. Послѣ его смерти называются слѣдующіе цари: Чамундараѳа, Жанаптарараѳа, девять царей, по имени Чолару, и девять другихъ по имени Баллоль. Цари эти правили въ Индустанѣ до времени царя Бижжал-раѳи, славно правившаго въ городѣ Калжанѣ. Послѣ этого Деканъ былъ поворенъ сектою Сабдапрамановъ, то-есть, тѣхъ, которые признаютъ авторитетъ ведъ. Вслѣдъ за этимъ въ Индіи царствовалъ Пратап-Рудра царь Ворапгалла, а по его смерти цари Бижапанагара, прозванные Рауѳи, до времени Кришна-раѳи и Рама-раѳи. Затѣмъ Деканъ подпалъ власти Мосульманъ ²⁾. По извѣстіямъ Макензи, Варддхамана Свѣми умеръ за 663 г. до Р. X. ³⁾. Кромѣ этихъ свѣдѣній Макензи, сообщаетъ нѣсколько подробностей о важнѣйшихъ святыхъ мѣстахъ Жайновъ ⁴⁾. Важнѣйшимъ мѣстопробываніемъ жайнскихъ гуру считается Сравана Беллигола (Sraavana Belligola). Мѣсто это считается самымъ святымъ, и здѣсь пребываетъ ихъ первый гуру; въ Mooda, Beedeery Сагоосолон, Soda живутъ подчиненные ему гуру, а также жайнскіе отшельники (санѳаси). Въ Беллиголѣ находится громадная статуя Гоматесвара-свѣми. Исторія святаго мѣста восходитъ въ (см. стр.

¹⁾ Notices of the Jains, received from Châruncirtî Achârya, the Chief Pontiff, at Belligolla, in Mysore, см. ibid., стр. 259.

²⁾ Ibid., стр. 247.

³⁾ Ibid., стр. 264. Varddhamâna-Svâmi... attained beatitude (Moksha) 2,464 years before the year of the cycle Durmotî (or A. D. 1802). Колебрунъ въ прим. на это мѣсто говоритъ: I have been informed by Jâinas in Bengal that they reckon Varddhamâna to have lived 580 years before the era of Vicramâditya. Н. Т. С.

⁴⁾ Ibid., стр. 255.

262—271) глубокую древность и полна легендарныхъ подробностей; не лишены значенія для исторіи секты списки преемства беллигольскихъ учителей (стр. 265) и извѣстія о столкновеніи Жайновъ съ Вишнуитами (стр. 268, 271).

Статья Бьюканена, появившаяся одновременно съ статьею Макензи, составлена была также на основаніи устныхъ показаній самихъ Жайновъ ¹⁾. Не многочисленныя свѣдѣнія, сообщенныя Бьюканеномъ, служатъ какъ бы дополненіемъ къ тому, что разказывалъ объ этой сектѣ Макензи. Онъ говоритъ, на примѣръ, что жайнскіе гуру (учителя) суть отшельники (санѣси), покинувшіе міръ и отвергнувшіе всякое плотское удовольствіе. Эти гуру считаютъ своимъ верховнымъ того, кто живетъ въ Сранана-Беллиголь, близъ Серинга-патаны, въ четырехъ миляхъ отъ Chingá-pattan. По Pandita Acharya Swamí, то-есть, лицо, сообщавшее Бьюканену свѣдѣнія о Жайнахъ, считалъ себя по крайней мѣрѣ равнымъ беллигольскому учителю. Въ каждомъ matha (то-есть, монастырѣ) есть отшельникъ (санѣск); умирая, онъ даетъ надлежащія наставленія своему преемнику, который долженъ покинуть міръ и отказаться отъ мірскихъ наслажденій. Отшельниками могутъ быть брахманы и люди изъ другихъ кастъ, но не изъ касты судръ. Санѣси по смерти дѣлается чудотворцемъ (siddha). Онъ не обязанъ чтить боговъ, ибо божества ниже его. Отшельники не брѣютъ волосъ на головѣ, но вырываютъ ихъ съ корнями. Они никогда не носятъ турбановъ; только разъ въ день имъ позволено ѣсть и пить; вообще они очень воздержны. Старый Свámí, съ которымъ бесѣдовалъ Бьюканенъ, не смотря на свою слабость, въ ожиданіи скорой смерти страшно умерщвлялъ свою плоть. Гуру имѣетъ власть налагать пеню на своихъ провинившихся послѣдователей за обманъ, ложь, убійство и прелюбодѣяніе. Пена отдается богу, то-есть, его служителю. Отлученію подвергаются вкусившіе отъ мясной пищи или имѣвшіе половое сообщеніе съ не Жайнами. Между женатыми брахманами выбираютъ служители богамъ и пурохиты (то-есть, домовые священники). Жайны могутъ выбирать всякаго брахмана для послѣдней должности. Брахманы получаютъ милостыню и обязаны священнодѣйствовать при бракахъ, похоронахъ и помин-

¹⁾ См. As. Res., vol IX, стр. 279, Particulars of the Jains. Extracted from a journal by doctor F. Buchanan, during Travels in Canara». Having invited Pandita Acharya Swamí the *Guru* of the Jains, to visit me, he came, attended by his most intelligent disciples, and gave me the following account of his sect.

кахъ по умершимъ предкамъ и сектантамъ. Жайны распространены по всей Индіи; но, по словамъ Бьюканена, въ настоящее время ихъ много только въ Тулавѣ (Tulava). Они утверждаютъ, что прежде они были распространены по всей Арја или Бхаратакхандѣ, и что всѣ тѣ, которые считали себя происходящими изъ касты кшатріевъ, принадлежали къ ихъ сектѣ. Несомнѣнно, что на югѣ Индіи до появленія Раманужы, Жайнами были многіе могущественные цари. Жайны утверждаютъ также, что въ древности они были многочисленны въ Аравіи, но что за 2500 лѣтъ они подверглись жестокому преслѣдованію въ Меккѣ, по приказанію царя Парсва Бхатгараки. Вслѣдствіе этого преслѣдованія многіе изъ нихъ переселились въ Индію. Этого царя они считаютъ основателемъ магометанства ¹⁾.

Объ названія статьи подверглись обстоятельнымъ обсужденіямъ Колебрука ²⁾, о работахъ котораго будетъ говорено ниже.

Д-ръ Бьюканенъ Гамильтонъ написалъ двѣ статьи о жайнахъ ³⁾—о философскомъ ученіи и догматахъ секты, но въ этихъ статьяхъ сообщается очень немного, и это немного извлечено авторомъ не изъ книгъ, а изъ устныхъ показаній самихъ сектантовъ. Свѣдѣнія были собраны авторомъ въ Патнѣ ⁴⁾. Здѣсь ему сообщили, что всѣ жайны міряне называются Вайсеја, потому что всѣ они занимаются торговлею, но его увѣрили въ то же время, что въ западной Индіи весьма многіе изъ Жайновъ называются судрами, потому что они или занимаютъ земледѣліемъ или пастушествомъ; нѣкоторые изъ нихъ называются кшатріями, потому что посвятили себя военному дѣлу. Множество ражпутовъ въ Жајанагарѣ, въ Бунделѣ, въ Меварѣ, въ Марварѣ, въ Кхандхарѣ, въ Лахаурѣ, въ Виканирѣ, въ Жодхпурѣ принадлежатъ къ жайнской сектѣ. Владѣтели Жајанагары были Жайнами до временъ Пратâпа (сына Sewae Jaysinha). Пратâпъ першелъ въ вишнуизмъ и принялъ посвященіе отъ брахмановъ. По словамъ Бьюканена, никто не могъ сообщить ему о томъ, бываютъ ли брахманы жайнскаго вѣроисповѣданія. Жайны дѣлятся на нѣсколько жâти, то-есть, родовъ, кастъ. Браки между лицами, принадлежащими къ

¹⁾ Ibid., стр. 283 и сл.

²⁾ См. ibid., стр. 287. Observations on the of Jains sect by H. T. Colebrooke.

³⁾ См. *Transactions of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, vol I, стр. 523; Description of Temples of the Jains in South Bihar and Bhagalpur by Dr. Buchanan Hamilton, M. R. A. S.; стр. 531; On the Srawacs or Jains. By Dr. Buchanan Hamilton M. R. A. S.

⁴⁾ Ibid. см. стр. 531.

разнымъ жати, невозможны; они даже не ѣдятъ вмѣстѣ. Названія нѣкоторыхъ изъ этихъ родовъ Бьюканенъ приводитъ: Pariwal, Puriwal, Puliwal, Kariwal, Agarwal, Yasawal, Srimal, Srisrimal, Karawal, Barawal, Golsingha, Gujjawal ¹⁾, Bagherwal, Golilal. Жайны долгое время были раздѣлены на двѣ секты: Дигамбаровъ и Светамбаровъ ²⁾. Въ послѣднее время въ этихъ сектахъ стали появляться расколы ³⁾. Дигамбары называются также: Bhattāka'ми. Они преобладаютъ главнымъ образомъ на югѣ ⁴⁾. Секта эта подраздѣляется на восемьдесятъ-четыре gacha. Каждый кланъ (gacha) въ дѣлахъ духовныхъ управляется учителемъ, именуемымъ Sripūjya. Отдѣльныя лица по произволу могутъ переходить изъ одного gacha въ другой. Другія подробности, сообщаемыя здѣсь же Бьюканеномъ, мы опускаемъ въ настоящей статьѣ.

Весьма много о жайнскихъ сектахъ сообщилъ маіоръ Ж. Деламенъ ⁵⁾. По словамъ этого писателя, Жайны, преслѣдуя свои цѣли, исказили преданіе и исторію, и въ ихъ сказаніяхъ трудно отличить вымыселъ отъ истины. Авторъ далѣе говоритъ, что во многихъ жайнскихъ храмахъ есть надписи, но надписи эти очень не древни ⁶⁾; сообщаетъ имена и нѣсколько подробностей объ извѣстныхъ ему сектахъ ⁷⁾, о происхожденіи секты Светамбаровъ ⁸⁾, объ отличіяхъ этой секты отъ Дигамбаровъ ⁹⁾, о Ришабхѣ и миѳическомъ началѣ жайнизма ¹⁰⁾, о Парсванатхѣ ¹¹⁾ и нѣсколько скудныхъ подробностей

¹⁾ Ibid., стр. 532.

²⁾ Ibid., стр. 533.

³⁾ Ibid., but of late... schisms have arisen, and several people have pretended to find new ways to heaven, by what are called the *Torepanthi* and *Vispanthi* (that is, the thirteen and the twenty roads); while others, called *Duriyas*, have separated still farther from former opinions.

⁴⁾ Здѣсь Бьюканенъ перечисляетъ нѣкоторыя изъ книгъ этой секты.

⁵⁾ См. ibid., стр. 413: Of the Srawacs or Jains. By Major *James Delamain*. Bengal Army. Communicated by Major-General Sir *John Malcolm*, G. C. B. etc

⁶⁾ Ibid., стр. 414: I have seen no inscriptions upon the pedestals of either sitting or standing figures older than the twelfth century of the *Samvat*. Въ настоящее время, послѣ находокъ въ Матхурѣ (см. ниже), это утвержденіе лишено всякаго значенія.

⁷⁾ Ibid., см. стр. 414, 419.

⁸⁾ Ibid., стр. 416.

⁹⁾ Ibid., стр. 436 и слѣд.: Of the *Carmas*.

¹⁰⁾ Ibid., стр. 424—425.

¹¹⁾ Ibid., стр. 426, 428.

о самой литературѣ ¹⁾). Авторъ полагаетъ, что жайнизмъ не старое вѣроученіе и находится въ ближайшемъ родствѣ съ буддизмомъ ²⁾). Вообще статья Деламена сообщаетъ много такихъ фактовъ, которые не повторяются другими писателями.

Вмѣстѣ съ тремя послѣдними, сейчасъ названными статьями появилась статья Франклина; въ ней однако же нѣтъ никакихъ подробностей объ ученіи Жайновъ или о ихъ исторіи; статья содержитъ въ себѣ лишь очень любопытное описаніе храма ³⁾.

Уордъ въ своей книгѣ ⁴⁾ посвящаетъ Жайнамъ нѣсколько страницъ; сообщаетъ нѣсколько извѣстій о жизни Махавиры, о времени составленія его жизнеописанія или Калнасѹтры ⁵⁾, о существованіи между Жайнами пяти сектъ и указываетъ на брахманическіе источники, въ которыхъ говорится о Жайнахъ ⁶⁾. Но разница между Жайнами и буддистами не была ему вполне ясна ⁷⁾.

Дюбуа посвящаетъ въ своей книгѣ изложенію жайнскаго ученія цѣлую главу ⁸⁾. Свѣдѣнія его объ этомъ предметѣ не разнообразны и не отличаются характеромъ полной достовѣрности. Его предположенія о происхожденіи секты въ высшей степени гадательны ⁹⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 438.

²⁾ Ibid., стр. 427, the usual idea of the *Jains* being a modern sect may not be erroneous, the doctrines originating with Rishabha, and continued by Arhanta, dividing at periods of schism into more distinct, classes, of which the *Jains* or *Srāwacs*, as now established, form one, and the modern *Buddhists*, as in *Burma*, *Siam*, *Ceylon*, *Tibet*, etc. another.

³⁾ Ibid., стр. 527, Description of the Temple of *Pārswa nātha* at *Samet Sikhar*. By *Lieut. Col. W. Franklin*, M. R. A. S.

⁴⁾ A View of the History, Literature, and Religion of the *Hindoos*... by the *Rev. W. Ward* (the Fifth edition. *Madras* 1863) стр. 326 и слѣд.

⁵⁾ Ibid., стр. 329. *Kundilacharyu* collected a number of *sages* at *Muthoora*, and compiled the work called *Kulpu-sootru*, the contents of which had existed in the minds of the principal disciples of *Muhaveeru* from past time.

⁶⁾ Ibid., см. стр. 334.

⁷⁾ Ibid., см. стр. 335 и слѣд.

⁸⁾ *Moeurs, institutions et Ceremonies des peuples de l'Inde*; Par *M. l'Abbé J. A. Dubois*, vol. II, стр. 499, *Secte des Djeinas*.—Différences qui existent entre eux et les *Brahmes*.

⁹⁾ См. напр. стр. 500, гдѣ разказывается, что Жайны составляли съ брахманами одно цѣлое; когда же послѣдніе стали искажать свою первоначальную, чистую религію, Жайны стали противиться этимъ нововведеніямъ (ne cessèrent dès l'origine de s'opposer de tout leur pouvoir à ces changements). Дюбуа называетъ Жайновъ защитниками первоначальной религіи, принявшими настоящее

Нѣсколько подробностей о культѣ Жайновъ ¹⁾ и объ отношеніи Европейцевъ къ жайнскимъ святилищамъ ²⁾ не лишены нѣкотораго интереса. Но даже самое слово Жайна авторъ толкуеть совершенно ложно ³⁾.

Тодъ упоминаеть о Жайнахъ лишь вскользь и сообщаетъ объ этой сектѣ немного, но это немногое полно интереса, какъ наблюденія умнаго и свѣдущаго писателя. Тѣмъ же характеромъ отличаются сообщенія Бьюканена въ его описаніи Майсора ⁴⁾.

Первыми строго научными изслѣдованіями о жайнской сектѣ и ея ученіи нужно считать статьи Колебрука и Вильсона.

Колебрукъ посвятилъ изложенію жайнскаго ученія нѣсколько статей ⁵⁾. Первая его статья явилась въ 1807 году, какъ дополненіе и обсужденіе тѣхъ извѣстій, которыя были сообщены Мекензи. Мекензи, не будучи знакомъ съ восточными языками, не читалъ жайнскихъ памятниковъ и сообщилъ въ своей статьѣ то, что узналъ изъ разпросовъ ⁶⁾. Въ статьѣ Колебрука мы имѣемъ первое

название послѣ разрыва съ брахманами (ce fut alors seulement que les défenseurs de la religion primitive dans toute sa pureté, prirent le nom de djeinas.).

¹⁾ Ibid., стр. 520. On voit souvent des femmes stériles adresser leur vœux à ces idoles inmodestes, pour obtenir d'elles la fécondité. Par un acte de dévotion grossièrement expressif, elles terminent toujours leur invocation par aller baiser la statue sur un endroit que la pudeur m'empêche de nommer.

²⁾ Ibid. Ce temple de Bala-gola, n'étant qu'à une journée de Seringapatam, recevait fréquemment la visite des Européens... Souvent encore, o scandale! les curieux s'y rendaient accompagnés de leurs chiens et de leurs domestiques pariahs: ici l'on mettait en ragoût, là on faisait rôtir des pièces de boeuf à la barbe même de l'idole, dont l'odorat était horriblement affectée par la fumée qui s'exhalait de cette cuisine infame...

³⁾ См. *ibid.*, стр. 499. Le nom de djeina est un mot composé, désignant une personne qui a renoncé à la manière de vivre et de penser du commun des hommes.

⁴⁾ *Annals and antiquities of Rajasthan by Lieutenant-Colonel Jams Tod*. Second edition (Madras 1873) vol. I, стр. 446 и слѣд.; *Buchanan's Travels in Mysore*. Нѣкоторыми старыми статьями, разсѣянными въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, я не могъ пользоваться за неимѣніемъ этихъ изданій въ С.-Петербургѣ.

⁵⁾ См. *Miscellaneous Essays by H. T. Colebrooke*, (London 1873), vol. II, стр. 42: *On Indian Sectaries*; vol. III, стр. 171: *Observations on the Sect of Jains*; стр. 276: *On Inscriptions at Temples of the Jaina Sect in South Bihâr*.

⁶⁾ См. *Miscellaneous Essays by H. T. Colebrooke*, vol. I, стр. 259, письмо Мекензи къ Колебруку: «I must own that my curiosity would have been little satisfied, had not chance thrown in my way one valuable person whose ardour and do-

по времени изслѣдованіе жайнскихъ литературныхъ памятниковъ; Колебрукъ приводитъ однако же таковыхъ немного: онъ пользовался глоссаріемъ Хемачандры (нынѣ изданнымъ) и калпасутрою (изданною Стевенсопомъ въ переводѣ)¹⁾. Время составленія перваго сочиненія было ему неизвѣстно, появленіе же втораго онъ относитъ за полторы тысячи лѣтъ²⁾. Кромѣ того, при изложеніи жайнской космографіи онъ пользовался еще двумя оригинальными источниками: Saṅgrahānī-gatna и Lokapāb-sūtra³⁾. Въ статьѣ объ одной жайнской надписи изъ южнаго Вихара Колебрукъ ясно высказалъ свои воззрѣнія на отношеніе этой секты къ буддизму...⁴⁾. По его мнѣнію, обѣ секты: Жайны и буддисты имѣютъ общее начало⁵⁾. У Махавіры было одиннадцать учениковъ; изъ нихъ двое пережили учителя: Судхарма и Гаутама (или Индрабхѣти). У Судхармы были ученики духовные наслѣдники, у Гаутамы же таковыхъ не было. По мнѣнію Колебрука, это преданіе нужно толковать такъ: у Гаутамы были послѣдователи, но они не были Жайнами, а буддистами, имѣвшими ученіе, сходное съ жайнскимъ, но развившими оригинальную миѳологію или басно-

cility has compensated for my want of Hindu letters in a country where the use of six languages is necessary for communicating with the inhabitants». Біографъ Колебрука на это мѣсто письма замѣчаетъ: Captain Mackenzie's assistant was a Brahmin, possessing only a smattering of Sanscrit, but in other respects well qualified to aid his researches.

¹⁾ Ibid. Mr. Colebrooke... who had procured at Benares some authentic works by members of the Jain sect, added his own remarks in a separate paper. По словамъ біографа, статья эта имѣетъ особое значеніе для исторіи развитія Колебрука: см. *ibid.*, стр. 260. It has a peculiar value in the history of Mr. Colebrooke's writings, as containing his matured opinion on the relative antiquity of the Buddhist and Brahmin religions.

²⁾ См. *Essays.*, vol. III, стр. 197. Онъ говоритъ о Хемачандрѣ, какъ авторѣ гимновъ къ Жинѣ и въ примѣчаніи замѣчаетъ: A commentary on these hymns is dated in Śāka 1214 (A. D. 1292); but how much earlier Hemachandra lived is not yet ascertained. О Калпа-сутрѣ *ibid.* стр. 193 говорится: The author of the Kalpa-sūtra mentions, in several places, that when he wrote, 980 years had elapsed since this apotheosis. According to tradition, the death of the last Jina happened more than two thousand four hundred years since; and the Kalpasūtra appears, therefore, to have been composed about fifteen hundred years ago.

³⁾ См. *ibid.*, стр. 198, примѣч. 2.

⁴⁾ *Ibid.* стр. 276. On inscriptions at temples of the Jaina sect in south Bihar.

⁵⁾ См. *ibid.*, стр. 276. It is certainly probable, as remarked by Dr. Hamilton and Major Delamaine, that the Gautama of the Jainas and of the Bauddhas is the same personage; and this leads to the further surmise, that both these sects are branches of one stock.

словную исторію своихъ святыхъ ¹⁾. Основателемъ секты Колебрукъ считаетъ Парсванатха; ученіе его было развито и прочно установлено ²⁾ Махавірою и ученикомъ этого послѣдняго Судхармою; по смерти Махавиры между его учениками произошла рознь: часть ихъ отдѣлилась, стала послѣдователями Гаутамасвѣми, коего они обоготворили ³⁾, и изъ нихъ образовалась секта буддистовъ. Между буддистами и Жайнами при нѣкоторой разницѣ есть много сходнаго; ученія ихъ представляютъ много аналогичныхъ сторонъ. Обѣ секты одинаково считаютъ колыбелью своей религіи южный Вихаръ; время дѣятельности Гаутамы Буддхи и Махавиры, по преданію секты, почти совпадаютъ ⁴⁾.

Третья статья Колебрука посвящена изложенію философскаго ученія Жайновъ. Его источниками были комментаторы ведантическихъ сѹтръ ⁵⁾. Вильсонъ ⁶⁾, писавшій о Жайнахъ позднѣе Колебрука, пользовался для изложенія жайнскаго ученія не одними полемическими сочиненіями, направленными противъ секты. Все, что писано было о Жайнахъ до него, было ему извѣстно, но кромѣ того жайнская литература была извѣстна ему гораздо лучше, нежели Колебруку и всѣмъ предыдущимъ писателямъ ⁷⁾; свой очеркъ жайнскаго ученія и исторіи секты онъ составилъ на основаніи жайнскихъ же источниковъ ⁸⁾. Статья Вильсона, по богатству сообщенныхъ въ ней фак-

¹⁾ Ibid., стр. 277: Two only out of eleven survived Mahāvira viz. Indrabhūti and Sudharma: the first, identified with Gautamaswāmi, has no spiritual successors in the Jaina sect. The proper inference seems to be, that the followers of this surviving disciple are not of the sect of Jina, rather than that there have been none. Gautama's followers constitute the sect of Bauddha, with tenets in many respects analogous to those of the Jainas, or followers of Sudharma, but with a mythology or fabulous history of deified saints quite different. и т. д.

²⁾ Ibid., стр. 278.

³⁾ Ibid., 278.

⁴⁾ Ibid. 277.

⁵⁾ Essays., vol. II, стр. 404 и слѣд. Колебрукъ приводитъ комментаріи Санкары и Раманужи.

⁶⁾ Works by the late *Horace Hayman Wilson*, vol. I. A sketch of the religious sects of the Hindus, стр. 276 и слѣд.

⁷⁾ Ibid., см. стр. 278 и слѣд.

⁸⁾ Ibid., стр. 286: For such accounts as are here given, the Vocabulary of Hemachandra, with his own Commentary, the *Mahāvira Charitra* of the same author, the *Kalpasūtra*, the *Acaśyakavrihad. Vritta*, the *Bhagavatyaṅga—Vritta*, *Nava Tattva bodha*, und *Jiva Vichāra* have chiefly been consulted.

товъ, по сіе время можетъ считаться вполнѣ необходимою для перваго ознакомленія съ ученіемъ Жайновъ и ихъ исторіей. Изъ статьи Вильсона, кромѣ очерка жайнской философіи, мы узнаемъ многое другое, о чемъ ни одинъ изъ послѣдующихъ европейскихъ писателей не говорилъ, и это обстоятельство даетъ особую цѣну труду Вильсона. Особенно же богатъ свѣдѣніями историческій отдѣлъ Вильсоновой статьи. Кромѣ жизни Махавиры ¹⁾, перечисляются его ученики ²⁾, дальнѣйшее преемство учителей, излагается различіе между двумя сектами Дигамбаровъ и Светамбаровъ ³⁾, которую Вильсонъ считаетъ болѣе позднѣйшею, говорится также о новѣйшихъ сектахъ ⁴⁾, объ архитектурѣ жайнскихъ храмовъ ⁵⁾, о кастахъ у Жайновъ ⁶⁾, о ихъ родахъ ⁷⁾, о ихъ отношеніи къ Вишнуитамъ ⁸⁾ и мн. др.

Относительно происхожденія секты Вильсонъ держится совершенно оригинальныхъ воззрѣній. По его мнѣнію, Махавира умеръ приблизительно за пятьсотъ лѣтъ до Р. X. ⁹⁾, но жайнская секта, не смотря на этотъ фактъ, — одна изъ позднѣйшихъ индійскихъ сектъ ¹⁰⁾. Ея раннее существованіе не доказывается извѣстіями классическихъ писателей объ Индіи; литература Жайновъ и ихъ архитектурныя памятники-поздвяго происхожденія. Рядъ соображеній приводитъ Вильсона къ заключенію, что Жайны только въ VIII или въ IX вѣкѣ по Р. X. стали усиливаться и покровительствоваться, какъ самостоятельная секта; они существовали, вѣроятно, и прежде, но какъ расколъ между буддистами; уничтоженіе буддистовъ въ Индіи способствовало ихъ усиленію ¹¹⁾. Развивая и стараясь доказать это положеніе, Вильсонъ

¹⁾ См. *ibid.*, стр. 291 и слѣд.

²⁾ *Ibid.*, стр. 298, 303, о преемствѣ учителей см. стр. 336.

³⁾ *Ibid.*, стр. 339.

⁴⁾ *Ibid.*, см. стр. 341.

⁵⁾ *Ibid.*, см. стр. 343.

⁶⁾ *Ibid.*, см. стр. 344.

⁷⁾ Гачча или жайнскіе роды перечисляются *ibid.*, на стр. 345.

⁸⁾ *Ibid.*, стр. 346.

⁹⁾ См. *ibid.* стр. 305.

¹⁰⁾ См. *ibid.*, стр. 324.

¹¹⁾ См. *ibid.*, стр. 327, 329, 330, 334... the Jains are a sect of comparatively recent institution, who first came into power and patronage about the eight and ninth century: they probably existed before that date as a division of the Baudhas and owed their elevation to the suppression of that form of faith to which they contributed... There is every reason to be satisfied, therefore, that the total dis-

сообщаетъ очень любопытныя свѣдѣнія о географическомъ распространѣніи Жайновъ ¹⁾.

Мнѣнія Вильсона и Колебрука о происхожденіи Жайновъ прямо противоположны: одинъ полагаетъ, что Жайны предшествовали буддистамъ, явившимся уже по смерти Махавиры. По соображеніямъ Колебрука, Гаутама, непосредственный ученикъ Махавиры, далъ начало буддѣйской сектѣ. Вильсонъ напротивъ того утверждаетъ, что Жайны явились позднѣе буддистовъ; они существовали долгое время, какъ расколъ въ буддизмѣ, и только по исчезновеніи послѣдняго изъ Индіи обособились и стали сильны. Эти два противоположныя мнѣнія о происхожденіи секты до сихъ поръ держатся въ наукѣ, вслѣдствіе того, что по сіе время жайнская литература весьма мало изслѣдована. Позднѣйшіе писатели, приставая къ одному какому-либо изъ сейчасъ названныхъ мнѣній, болѣе или менѣе остроумно видоизмѣняли ихъ.

Стивенсонъ, переведшій *Калпасутру* ²⁾, въ предисловіи къ названной книгѣ высказываетъ мнѣніе, совершенно сходное съ Колебруковымъ: Жайны суть приверженцы буддѣйской доктрины ³⁾, явившейся по смерти Махавиры. Основатель буддизма Гаутама есть ученикъ Махавиры ⁴⁾. Жайны утверждаютъ, что Гаутама не имѣлъ послѣдова-

appearance of the Buddha in India proper is connected with the influence of the Jains, which may have commenced in the sixth or seventh centuries, and continued till the twelfth.

¹⁾ См. *ibid.*, стр. 330 и слѣд. Кромъ этой статьи, Вильсонъ возвращается къ жайнской литературѣ много разъ, и о другихъ его работахъ будетъ говорено ниже, при изложеніи самаго ученія Жайновъ.

²⁾ *The Kalpasūtra and Navatvatva: two works illustrative of the Jain Religion and philosophy. Translated from the Māgadhī... by the Rev. J. Stevenson D.D. London, MDCCCLVIII.*

³⁾ *Ibid.*, emp. VII: The Jains are now well known to the learned in Europe as the only representatives in Hindustan of the adherents to the tenets of Buddhism...

⁴⁾ *Ibid.*, стр. VIII: Mahāvira by the Jains of the Carnatic, is said to have died B. C. 663, by those of Bengal, according to Mr. Colebrooke, in B. C. 637, by those in Gujarāth, in B. C. 527, or as they state it, 470 years before the commencement of the era of Vikrama. Mr. Prinsep in his Useful Tables, Part. II, p. 33, makes this event to have happened in B. C. 569, at the age of seventy. This I am inclined to believe is the correct date, not only on account of Mr. Prinsep's great accuracy and tact in all these matters, but also because it agrees best with the statement of the Jains, that Mahāvira was the preceptor of the great Gautama Buddha. The Ceylonese date of the death of Buddha is B. C. 543. and the death

телей; обстоятельства этого сектанты не объясняютъ, потому что не хотятъ признать факта основанія Гаутамою новой секты, затмившей на долгое время старѣйшую ¹⁾. Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ статей ²⁾ тотъ же авторъ утверждаетъ, что жайнизмъ есть та начальная оппозиція брѣхманизму, которая впоследствии еще сильнѣе велась подъ знаменами буддизма ³⁾. Въ этой статьѣ онъ отождествляетъ Жайновъ съ тиртхаками, съ сектою враждебною буддизму и весьма часто упоминаемою у буддѣйскихъ писателей. По его же мнѣнію, Гимнософисты классическихъ писателей суть Жайны ⁴⁾. Веберъ, отвергая мнѣніе Вильсона о позднемъ происхожденіи Жайновъ ⁵⁾, склоняется къ предположенію, что Жайны возникли изъ одной какой-либо буддѣйской секты; сначала онъ отождествлялъ ихъ съ сектою Саммитѣя ⁶⁾. Позднѣе тотъ же авторъ высказался нѣсколько иначе, но болѣе опредѣленно: онъ относитъ возникновеніе Жайновъ ко времени втораго собора при Асокѣ и считаетъ тождественными съ буддѣйскою сектою Пражнаптивѣда ⁷⁾. Лассенъ, говорившій о Жайнахъ,

of the Tirthankara having taken place in B. C. 569, we obtain the reasonable period of twenty six years, for the demise of the preceptor before his pupil.

¹⁾ Ibid., стр. XIII: When pressed for the reason they are silent and mysterious evidently averse to disclose the fact that he became the founder of a new and rival sect, which for a long time wholly eclipsed their own... Срв. ibid., даже Gautama however, by the force of natural genius, threw their system entirely into the shade till the waning light of Buddhism permitted its fainter radiance to reappear on the Western horizon.

²⁾ См. *Jour. of the Bombay Branch of the Roy. As. Soc.*, vol V, стр. 401. The Tithyas or Tirthakas of the Buddhists, and the Gymnosophists of the Greeks, Digambar Jains. By the Rev. J. Stevenson, D. D., President.

³⁾ Ibid., стр. 401: and to me it appears as evident that Jainism had begun that opposition to the prevalent ceremonial system, which was afterwards more rigorously carried on under the banners of Buddhism.

⁴⁾ Ibid., стр. 406: There are two grand characteristics, then, of those Tirthakas, which are in exact agreement with the oldest books and traditions of the Jains — the existence among them of Digambar sages, and the total abstinence from animal food. Neither of these are applicable to either the Brahmins or Buddhists of ancient times... ibid., стр. 407. The Tirthakas of the Buddhists, then, could be none but Digambar Jains; and the very same considerations show that the Gymnosophists of the Greeks must have belonged to the same class...

⁵⁾ См. Ueber das Çatrunjaya Mähätmyam. Ein Beitrag zur Geschichte der Jaina. Von Albrecht Weber (въ *Abhandlungen für Kunde des Morgenlandes*. I. Band. № 4. Leipzig 1858).

⁶⁾ См. ibid., стр. 7.

⁷⁾ Ueber ein Fragment der Bhagavati. Ein Beitrag zur Kenntniss der heiligen

еще въ то время. когда послѣднія работы о Жайнахъ Вебера и другихъ ученыхъ не были обнародованы, пришелъ къ заключенію, что секта эта возникла въ первомъ или во второмъ столѣтіи по Р. Хр. ¹⁾.

Изъ сочиненія о Жайнахъ, появившихся въ послѣднее время, особенно богаты историческими фактами двѣ статьи Бхаудажі ²⁾; на нихъ будетъ обращено вниманіе при дальнѣйшемъ изложеніи ³⁾.

II.

II. Начало жайнизма: древнѣйшее названіе секты и ея хронологія.

Жайны извѣстны подѣ различными именами и прозвищами: ихъ называютъ „безъ одѣній“ (vivasana или muktavasa), „лишенными покрововъ“ (muktambara) „облаченными, въ пространство“ (digambara) ⁴⁾. Во всѣхъ этихъ названіяхъ сказывается характерная виѣшняя черта ихъ ученія. Они учатъ: „Нагота прирождена человѣку. Нага душа приходитъ; нагою уходитъ въ иное бытіе; а потому всюду су-

Sprache und Litteratur der Jaina, von *A. Weber* (Aus den *Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin* 1865), I Theil, стр. 369, прим. 368. Ср. также его же *Akademische Vorlesungen über Indische Literaturgeschichte* (Berlin 1876), стр. 316, прим. 349. Тому же автору принадлежатъ еще нѣсколько изслѣдованій о жайнской литературѣ: Ueber ein indisches Würfel Orakel въ *Indische Streifen*. B. I, стр. 275; Ueber den auf der Kön. Bibl. zu Berlin befindlichen Codex der *Sūryaprajnapiti* въ *Indische Studien* X, стр. 254; *Pancadandachattraprabandha. Ein Märchen von König Vikramāditya* Von *A. Weber* (Aus den *Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin* 1877).

¹⁾ См. *Indische Alterthumskunde*, B. IV, стр. 763: Vorläufig schlage ich vor die ersten Anfänge der Jaina-Lehre etwa in das erste oder zweite Jahrhundert nach Chr. Geb. zu setzen.

²⁾ *The Inroads of the Scythians into India, and the Story of Kālakāchārya*. By *Bhau-Dāji*, Vice President; Его же *Merutunga's Therāvali; or Genealogical and Succession Tables*, by *Merutunga*, a Jain Pandit. Обѣ статьи появились въ *The Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society*, Vol IX, стр. 138 и слѣд., стр. 147 и слѣд.

³⁾ Здѣсь не упоминаются всѣ тѣ статьи, въ которыхъ описываются архитектурные памятники Жайновъ. На нихъ и также на немногочисленные изданія жайнскихъ памятниковъ будетъ обращено вниманіе ниже. Настоящій обзоръ далеко не полонъ; о многихъ работахъ по этому вопросу было бы излѣпше и неудобно распространяться именно въ настоящей статьѣ; онѣ будутъ упомянуты въ своемъ мѣстѣ.

⁴⁾ *Life and Essays of H. T. Colebrooke* Vol. II, стр. 404.

щую наготу чтутъ всевѣдующіе. Безстрастные, твердо блюдушіе обѣты цѣломудрія, изъ мудрецовъ князья, міромъ презрѣвшіе оставили покровы и пр.... Не тотъ нагъ, кто хотъ нагъ да въ покровы нравственности облаченъ; нагъ тотъ, кто одѣянными прикрытъ и заповѣдямъ нравственности чуждъ. А потому для благодати трехъ міровъ чтится нагота святыхъ¹⁾... Сами себя они называютъ часто „безъ узъ“ (*nirgrantha*), то-есть, существами, презрѣвшими тѣло, покинувшими одѣянія и всякіе другіе узы²⁾. Своего учителя они называютъ *nirgrantha* „безъ узъ“, для нихъ оставленіе узъ есть высшее подвижничество. „Нѣтъ Бога выше безстрастнаго, нѣтъ учителя выше оставившаго узы“, нѣтъ ученія выше проповѣданнаго побѣдителемъ, нѣтъ подвига выше „оставленія узъ“³⁾. Это названіе, которое Жайны дали сами себѣ, дало возможность отождествить ихъ съ тѣми „нагими нищими“, о существованіи которыхъ въ южной Индіи говоритъ Сюанъ-цзанъ⁴⁾. Но *nirgrantha* нагой нищій какъ названіе секты существовало гораздо ранѣе VII ст. по Р. Х. Въ легендахъ о жизни Будды въ числѣ враждебныхъ ему учителей упоминается одинъ, по имени *Nirgrantha-jñāti* Путра⁵⁾; о враждѣ съ *nirgrantha* буддисты сохранили нѣсколько легендарныхъ извѣстій. Они разказываютъ, что при томъ именномъ царѣ, который въ своихъ эдиктахъ, высѣченныхъ на скалахъ, проповѣдывалъ полную терпимость въ дѣлахъ религіи, произошло великое избіеніе *nirgrantha*; въ эдиктахъ царя Асоки *nirgrantha* упоминаются вмѣстѣ съ сектою *ājīvika*; то были также терпимы и покровительствуемы царемъ⁶⁾

¹⁾ Yaśodharasūtra (рукопись), л. 27 и слѣд.

²⁾ Wilson's Works, vol. I, стр. 204, прим. 2.

³⁾ Kaumudikathā (рукопись), л. 52 пр.

⁴⁾ The Indian Antiquary, vol. I, стр. 310, прим. The *Nirgranthas* are generally asserted to be naked Brahman mendicants... but as the Mimāṃsists oppose them, it is difficult to see how they could be Brahmans... That they were really *Digambaras* is, I think, proved by the *Atthapāhudaka gāthās* in which *nirgrantha* is continually used as an epithet of true Jains etc (Burnell) Срв. Bühler въ *Indian Antiquary*, June, 1877, стр. 150 — — — the Jainas existed in the third century before Christ, and even occur in Piyadasi-Aśoka's inscriptions under their ancient name *Nigantha*, i. e. *Nirgrantha*.

⁵⁾ О шести враждебныхъ Буддѣ учителяхъ см. Burnouf Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien, стр. 162; *Ab. Remusat*, Fo koue ki, стр. 149, Spence Hardy, A Manual of Buddhism стр. 290.

⁶⁾ См. въ *J. of os. Soc. of Bengal*, vol VI, стр. 577—80: The lat of Feroz

вѣроученія. Но секты, одинаково покровительствуемыя царемъ, могли однако же враждовать между собою; главы сектъ могли завидовать другъ другу, и соперничать между собою, ненавидѣть другъ друга за разность релігіозныхъ и философскихъ убѣжденій; послѣдователи шли еще далѣе: всѣ они жили подааніями на счетъ общества вѣрующихъ, и каждый видѣлъ въ другомъ занятомъ тѣмъ же промысломъ соперника, помѣху своего обезпеченнаго существованія. Жалобы на оскудѣніе подаанія вслѣдствіе появленія новой секты много разъ описываются въ легендахъ ¹⁾. Отсюда происходили вражда и распря: „Въ это время“ (то-есть, во время Асоки), говоритъ легенда, — „въ городѣ Пувдхравардханѣ одинъ приверженецъ секты Ниргрантховъ мірянинъ повергъ къ ногамъ Ниргрантхи и раскрасилъ ²⁾ изображеніе Будды ³⁾. Буддистъ, мірянинъ извѣстилъ объ этомъ царя Асоку. Услышавъ объ этомъ царь и отдалъ приказъ: „Приведите его поскорѣ!“ Привели преступника къ царю. Разгнѣванный царь отдалъ приказаніе убить въ Пувдхравардханѣ всѣхъ ѣжѣвиковъ. И вотъ въ одинъ день ихъ было убито осьмнадцать тысячъ. Случилось опять, что въ Паталипутрѣ одинъ мірянинъ, приверженецъ ниргрантховъ, повергъ къ ногамъ Ниргрантхи и раскрасилъ изображеніе Будды. Услышавъ объ этомъ царь и въ нетерпѣннѣйшій приказалъ ввести мірянина вмѣстѣ съ его роднею въ домъ и спалилъ ихъ огнемъ. Отдавъ былъ приказъ и возвѣщенъ: „кто мнѣ голову ниргрантхи принесетъ, тому я дарую динарій“ ⁴⁾. Изъ буддійскихъ легендъ мы узнаемъ, что одновременно съ первымъ появленіемъ буддійскаго ученія существовала секта нагихъ нищенствующихъ, именовавшая себя ѣжѣвиками или ниргрантхами; послѣднимъ именемъ называютъ себя также Жайны. И такъ какъ всюду въ легендахъ секта ниргрантховъ-ѣжѣвиковъ представляется, какъ таковая, которую Будда застала вполнѣ развитою, а не какъ вновь народившаяся, то изъ этого можно было заключить, что начало жайнскаго ученія древнѣе буддій-

Shāh near Delhi (именно 5 § въ Transcript of the inscription round the Column. Срв. также Lotus de la bonne loi, стр. 708).

¹⁾ См. *Burnouf*, Introduction etc, стр. 163, а также *Hardy*, Manual, во многихъ мѣстахъ.

²⁾ *Burnouf*, l. c., стр. 423 переводитъ: aux pieds d'un mendiant. Но *ниргрантха* здѣсь можетъ значить и не живое существо, а статую Жанны.

³⁾ *Burnouf*, ibid., переводитъ въ одномъ мѣстѣ la brisa, въ другомъ—la mit и pièces. Но citrāpitā въ рукописи не можетъ имѣть этого значенія.

⁴⁾ Вся легенда была переведена *Burnouf*, Introduction etc, стр. 358 и слѣд.

скаго. Къ сожалѣнію, подробности о томъ, чему ниргрантхи учили, весьма скудны. О ихъ наготѣ дѣйствительно свидѣтельствуютъ легенды ¹⁾ и этотъ внѣшній признакъ сближаетъ Ниргрантховъ буддѣйскихъ легендъ съ Жайнами. Объ аживкахъ, кромѣ того, извѣстно также, что они ѣли изъ рукъ, обходились безъ чашки. Смѣшавъ въ пригоршнѣ супъ и приправы, ѣли такимъ образомъ; а потому буддѣисты не желая походить на ниргрантховъ, никого не посвящали безъ чашы ²⁾. Подробности ученія ниргрантховъ въ книгѣ Гарди извлечены изъ позднѣйшихъ сингалскихъ источниковъ, а потому самому не рѣшаютъ вопроса относительно древнихъ; точно также слѣдуетъ замѣтить объ извѣстіяхъ одного буддѣйскаго комментатора ³⁾. Ниргрантхи (по его словамъ), нагіе бродяги, говорятъ, убіеніе живаго, хотя бы и неумышленное, есть беззаконіе для свершившаго; это совершенно также, какъ обжогъ происходитъ отъ прикосновенія къ огню, хотя бы и неумышленного и непреднамѣреннаго. Они учили, что грѣхъ для того, кто хотя бы и неумышленно взглянулъ на чужую жену или коснулся ея, и объяснили такимъ же уподобленіемъ. Буддѣистъ отвергалъ это ученіе и доводилъ его до абсурда разными примѣрами: выходило, что учитель ниргрантховъ грѣшнѣе, ибо онъ, приказавъ своимъ послѣдователямъ вырывать, а не брить волосы, причинилъ имъ чрезъ то неумышленно боль, а причиненіе боли, хотя бы и неумышленное, есть грѣхъ. Тотъ, кто давалъ пищу человѣку умершему отъ спазма, вслѣдствіе несваренія пища, грѣшнѣе (ибо онъ былъ невольною причиною его смерти) и т. д. Нельзя не узнать въ этомъ отрывкѣ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей жайнскаго ученія: ихъ болѣзнь умертвить, хотя бы неумышленно, что-либо живое объясняется именно ученіемъ о грѣховности всякаго убіенія, будь оно умышленно или нѣтъ; для этого-то они носятъ метелки изъ павлиньихъ перьевъ, дабы отвратить возможность убіенія всякаго живаго существа, напримѣръ, насѣкомаго, ползущаго по дорогѣ. Видергиваніе волосъ также въ обычаѣ у Дигамбаровъ. Тотъ же авторъ сообщаетъ еще одну подробность о ниргрантхахъ: они учили, что желанный плодъ бываетъ только на доб-

¹⁾ См. Burnouf, Introduction, стр. 312, Hardy, Manual стр. 325.

²⁾ Изъ Mahāvagga. Черта эта напоминаетъ Дигамбаровъ. См. Colebrooke, Essays, II, 452. The Digambaras pluck out their hair, they carry peacocks tails in their hands, they drink from their hands etc.

³⁾ Hardy, Manual стр. 266; The history of Upāla. Yaçomitra, Abhidharma-kosaśāstrā, стр. 197, 211.

ромъ полѣ, на дурномъ полѣ онъ не вырѣваетъ. Подаяніе ворами и пр. не приноситъ желаннаго плода.

На основаніи сейчасъ приведенныхъ фактовъ становится вѣроятнымъ предположеніе о томъ, что Жайны, какъ секта, оппозиціонная брахманизму, получила начало или одновременно, но независимо отъ буддйскаго движенія—или даже, быть можетъ, нѣсколько раньше перваго появленія буддистовъ. Свое лѣтосчисленіе Жайны ведутъ отъ смерти послѣдняго святаго учителя Махавиры ¹⁾, и въ ихъ преданіяхъ сохранилось нѣсколько данныхъ, дающихъ возможность опредѣлить, когда случилось это событіе.

По жайнскимъ легендамъ, Махавира былъ современникомъ царя Магадхскаго Среники; то же самое утверждаютъ буддисты о своемъ великомъ учителѣ: и Гаутама Будда былъ современникомъ Бимбисары, царя Магадхскаго, иначе называемаго Среника. Между нимъ и Чандрагунтою насчитывается рядъ царей, но перечисленіе Жайновъ разнится во многомъ отъ перечисленія буддистовъ.

По преданію Жайновъ, сынъ Среники назывался Куника и царствовалъ въ Чампѣ ²⁾. Удаји его сынъ выстроилъ Паталипутру и былъ извѣстнически убитъ. Власть его, по сказанію легендъ, распространилась на многія царства ³⁾. Сынъ одного изъ низложенныхъ имъ царей явился въ Паталипутру и задумалъ убить Удаји, — дѣйствительно, царевичу удалось свершить это злодѣяніе. Долго онъ вы-

¹⁾ См. Merutunga's Theravali etc. By *Bhāu Dāji* въ *The J. of the Bombay Branch of the Roy. As. Soc.*, Vol. IX, стр. 147: In the month of Kārtika, 15 th of the dark half of the Moon, Sri Viras Nirvana, or death took place. This is stated in the work S'rikalpa.

²⁾ Парисистапарван, VI. 22. «За этимъ, когда въ градѣ Чампѣ скончался Куника, сынъ Среники, былъ царь именемъ Удаји».

³⁾ Ibid: «И всѣ отдаленные цари думали: до тѣхъ паръ, пока Удаји живъ, не радостно наше царствованіе. И вотъ провинился нѣкій царь, Удаји отнялъ у него храбрымъ железомъ царство и подданныхъ. Царь, лишенный царства, поибъ. Единственный его сынъ, бродя по странамъ, зашелъ въ Ужжаини». «Здѣсь царевичъ поступилъ на службу къ мѣстному царю». «Ставъ слугою, царевичъ доложилъ царю: По твоему приказу, царь, я убью Удаји, но ты со мною не поступи дурно. Никто, презрѣвъ жизнь, понапрасну не свершаетъ насилья... Царь согласился и царевичъ отправился въ Паталипутру, въ столицу Удаји». «Ушелъ въ Паталипутру и сталъ тамъ слугою царя Удаји; непрестанно всматривая царскую слабость, жилъ онъ тамъ, какъ визитаръ (злой духъ) подлая злого колдуна и увидѣлъ, что въ домъ Удаји, сильнаго приверженца Жайновъ, жайнскимъ мудрецамъ постоянно входъ не былъ возбраненъ. Пробраться въ домъ къ царю желая, царевичъ принялъ отъ одного мудреца обѣтъ посвященія.

смастривалъ случай, какъ пробраться къ царю: во дворецъ царя никогда не былъ возбраненъ входъ жайнскимъ монахамъ. Предатель, замѣтивъ это, принялъ обрядъ посвященія. Однажды во время совершенія пошадхы, Удаѣи пригласилъ монаховъ къ себѣ во дворецъ; убійца пробрался туда за другими; когда послѣ проповѣди мудрецы и царь успокоились, убійца, перерѣзавъ ножомъ горло царю, скрылся никѣмъ не замѣченный ¹⁾.

Со смертью Удаѣи прекратилась династія Фревики, и въ Паталипутрѣ воцарился Нанда. Случилось это черезъ шестьдесятъ лѣтъ по смерти Махавиры. Нанда былъ низкаго происхожденія; онъ былъ сынъ блудницы и цырюльника. Однажды ему снилось, что его внутренности обтянулись вокругъ всего города Паталипутры. Проснувшись, онъ пошелъ къ своему учителю и разказалъ ему свой сонъ. Учитель повѣлъ значеніе этого сна, принялъ Нанду въ свой домъ, женилъ его на своей дочери. По обычаю страны, послѣ свадьбы молодой, возсѣвъ въ колесницу, объѣзжалъ городъ. Случилось, что въ это же время умеръ Готрѣ, сынъ царя Удаѣи, народъ искалъ новаго царя: именитые люди, окропивъ съ молитвами слона, коня, зонты, сосудъ и буйволы хвосты (чѣмары), обходили кругомъ города. Эта процессія повстрѣчалась съ Нандою, и при этомъ заревѣлъ слонъ и конь заржалъ. Царь былъ найденъ. Взяли именитые люди Нанду и помазали его на царство ²⁾.

¹⁾ Принявъ рѣшеніе убить Удаѣи, и какъ жайнскій монахъ, имѣя доступъ въ царскій домъ, царевичъ однажды вмѣстѣ съ другими монахами пробрался во дворецъ. Въ этотъ день свершилась пошадха, и монахи проповѣдывали царю: «Изложивъ законъ, заснули монахи, и царь, утомленный чтеніемъ, заснулъ, растлупившись на полу... Сей же лежачи движникъ желѣзный ножъ, языку Гамы подобный, возложилъ на горло соннаго царя. И разрѣзалъ имъ царское горло и живому стеблю лотуса подобное. Потекла струя, какъ изъ горлышка сосуда красная жидкость. Грѣшнень тѣломъ и помысловъ, онъ вышелъ оттуда, не опрошенный привратниками, считавшими его за монаха.

²⁾ Ibid.: Жилъ въ этомъ городѣ Девакѣрти, и былъ у него сынъ отъ блудницы рожденный, Нанда по имени. Этотъ брадобрѣя сынъ, однажды на разсвѣтѣ видѣлъ сонъ; (будто) вокругъ Паталипутры его внутренности обтянулись. Проснувшись Нанда и наставнику сонъ повѣдалъ. Наставникъ, смыслъ сна познавъ, увелъ его въ свой домъ; на радостяхъ нарядами онъ украсилъ Нанду и собственную дочь выдалъ за него. Молодаго зятя Нанду наставникъ въ торжественный палатникъ посадилъ и сталъ обносить вокругъ города. Межъ тѣмъ умеръ Готрѣ, сынъ Удаѣи. Съ молитвами окропили пять божественныхъ вещей: слона въ главахъ, высоко цѣннаго коня, зонты и чашу съ буйволы хвостами. По дворцу

Новая династія Нандовъ имѣла девять царей; девятый Нанда былъ свергнутъ Чандрагуптою при помощи Чанаки. Династія Маурьева воцарилась чрезъ сто пятьдесятъ пять лѣтъ по смерти Махавиры ¹⁾.

Послѣ Чандрагупты царствовали Биндусара, Ашока. Объ Ашокѣ Жайны сообщаютъ, что онъ строилъ монастыри въ странахъ не арійскихъ. Такимъ образомъ, изъ жайнскихъ легендъ можно извлечь слѣдующій рядъ царей: 1) Среника. 2) Куника. 3) Удѣји, его сынъ Готри. 4) Нанда (чрезъ шестьдесятъ лѣтъ по с. МВ). 5) Его преемники Нанды (всего съ первымъ девять царей). 6) Чандрагупта (чрезъ 155 лѣтъ по с. МВ). 7) Биндусара. 8) Ашока, его сынъ Кунала. 9) Внукъ Самирати.

Отъ смерти Махавиры до воцаренія Чандрагупты, по сказаніямъ Жайновъ, прошло сто пятьдесятъ лѣтъ; Чандрагупта же, какъ извѣстно, воцарился въ 317 или 315 г. до Р. Х. ²⁾. Слѣдовательно, Махавира умеръ за 472 или 470 лѣтъ до Р. Х.

Отсюда естественно возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи эта хронологическая дата къ году смерти Будды?

Буддисты, какъ извѣстно, точно также разказываютъ, что ихъ великій учитель былъ современникомъ царя Среники или Бимбисары, но затѣмъ ихъ преданіе сохранило нѣсколько различныхъ списковъ царей, и всѣ эти списки Магадскихъ царей расходятся съ жайнскими генеалогіями.

1-й списокъ.

1) Бимбисара. 2) Ажаташатру. 3) Удаѣбхаддако, царствовалъ 16 лѣтъ. 4) Ануруддхако. 5) Мундо, вмѣстѣ съ предшествовавшимъ царствовалъ 8 лѣтъ. 6) Нагадасако царствовалъ 24 года. 7) Сусундго

пять небесныхъ вещей послали и затѣмъ вынесли оттуда. Увидѣли паланкинь съ молодымъ Нандою: зарезвѣлъ слонъ громомъ тучи осенней, изъ полной чаши окропилъ его и посадилъ его слонъ на себя. Заржалъ конь радостно, благополучіе возвѣщая, развернулся какъ лотусъ на зарѣ. Развернулись и вертѣсь заплесали буйволковы хвосты, именитые люди со всѣмъ народомъ смѣютъ радостно отпраздновали помазаніе Нанды. Сталъ Нанда царемъ по истеченіи шестидесяти лѣтъ отъ Нирваны Махавиры.

¹⁾ По истеченіи ста и пятидесяти пяти лѣтъ по смерти Махавиры сталъ Чандрагупта царемъ.

²⁾ См. *Lassen*, *Indische Alterthumskunde*, В. II. (2-е изд.), стр. 65: Man wird aber nicht viel irren wenn man 317 oder 315 als den Anfang seiner Herrschaft ansetzt (то-есть Чандрагупты).

18 лѣтъ. 8) Каласока 20 лѣтъ. На десятомъ году царствованія этого царя истекло столѣтіе со смерти Будды. При немъ второй соборъ ¹⁾. 10) Десять сыновъ Каласоки царствовали въ продолженіе 22 лѣтъ. 11) Девять Нандъ царствовали 22 года. 12) Чандрагупта царствовалъ 34 года. 13) Биндусара царствовалъ 28 лѣтъ. 14) Ашока царствовалъ 37 лѣтъ. Такъ перечисляютъ Магадскихъ царей цейлопскіи хроники.

Непальскіе буддійскіе тексты сохранили намъ другую генеалогію Ашоки:

2-й списокъ.

1) Бимбисара. 2) Ажаташатру. 3) Удайю или Удайбхадра. 4) Мунда. 5) Какавариннъ. 6) Сахали. 7) Тулакучи. 8) Махимаедала. 9) Праснажитъ. 10) Нанда. 11) Биндусара; его сыновья: Сусима и 12) Ашока ²⁾.

Таранатка приводитъ гораздо большее количество фактовъ изъ исторіи буддизма, но такъ какъ онъ не излагаетъ этой исторіи послѣдовательно по годамъ и царствованіямъ, то не смотря на всю важность тибетскаго источника, пока не представляется никакой возможности пользоваться его извѣстіями для установленія правильной хронологіи.

Сличая извѣстія Жайновъ и буддистовъ, мы приходимъ къ заключенію, что не смотря на вѣкоторыя противорѣчія, преданія обѣихъ сектъ согласны въ опредѣленіи важнѣйшихъ датъ: великіе учителя, Будда и Махавира, были современниками одного и того же царя. Пресмниковъ царя Среники обѣ секты называютъ не одинаково и приводятъ не одно и то же число ихъ: Вопервыхъ, Жайны говорятъ, что послѣ Среники до новой династіи Нандовъ было только два царя, и отъ смерти Махавиры до воцаренія Нанда прошло шестьдесятъ лѣтъ. Вторыхъ по извѣстіямъ цейлонскихъ хроникъ, отъ смерти Будды до воцаренія династіи Нанда прошло сто тридцать два года, и въ этотъ промежутокъ царствовали девять царей. Жайны утверждаютъ, что чрезъ сто-пятьдесятъ пять лѣтъ по смерти Махавиры воцарилась династія Маурьевъ; по буддійскимъ извѣстіямъ, то же событіе случилось по истеченіи ста пятидесяти двухъ лѣтъ со смерти ихъ учителя. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ весьма незначительную

¹⁾ См. The Mahāvamsa, стр. 15, 21.

²⁾ Изъ Divyāvadāna (рукопись С.-Петербургскаго университета). Срв. *Vinson*, Introduction a l'histoire du Bouddisme Indien, стр. 358 и *Lassen*, Indische Alterthumskunde, стр. 89.

разницу трехъ лѣтъ. Въ полтора ста слишкомъ лѣтъ, по сказаніямъ буддистовъ, смѣнились три династіи: 1) династія Среники, 2) Сусунаговъ; 3) Нандовъ; всего царствовало 10 царей, такъ какъ Нанды царствовали вмѣстѣ въ продолженіе двадцати-двухъ лѣтъ. Жайны принимаютъ, что въ тотъ же промежутокъ времени смѣнились двѣ династіи:

1) Династія Среники и 2) Династія Нандовъ. Нанды царствовали не одновременно въ продолженіе двадцати-двухъ лѣтъ, но послѣдовательно одинъ за другимъ, въ продолженіе девяносто-пяти лѣтъ. Такимъ образомъ отъ Среники до Чандрагупты они знаютъ одиннадцать перемѣнъ на престолѣ. При недостаточности источниковъ невозможно рѣшить, на чьей сторонѣ правда, но нельзя не признать, что извѣстія двухъ сектъ, расходясь въ подробностяхъ, почти согласны въ хронологическомъ опредѣленіи такого крупнаго факта, какъ появленіе Маурьевъ и царствованіе Чандрагупты.

Критики хронологическихъ датъ буддистовъ обыкновенно указываютъ на то, что сами буддисты расходятся въ опредѣленіи времени царствованія Асоки Великаго: одни, то-есть, цейлонскія извѣстія, относятъ начало его царствованія къ первымъ годамъ третьяго столѣтія по смерти Будды, другіе, такъ-называемые сѣверные буддисты, говорятъ, что онъ воцарился по истеченіи ста лѣтъ со смерти Будды. Противорѣчія эти дѣйствительно трудно согласить, и обыкновенно отдаютъ преимущество послѣднему извѣстію, то-есть, свидѣтельству сѣверныхъ буддистовъ, забывая два весьма важныя обстоятельства: во-первыхъ, что сѣверные буддисты не единогласны въ своихъ показаніяхъ относительно эпохи царствованія Асоки: въ санскритскихъ буддійскихъ книгахъ изъ Непала есть также извѣстіе, что Асока царствовалъ спустя двѣсти лѣтъ ¹⁾; и, во-вторыхъ, что противоположное же извѣстіе есть только отдѣльный фактъ цѣлой, въ настоящее время трудно разяснимой, хронологической системы. Въ сѣверно-буддійскихъ источникахъ упоминается также о томъ, что Маурьи предшествовали Нандамъ, за Нандами царствовали Чандрагупта, а затѣмъ варвары ²⁾. Такъ какъ эпоха Чандрагупты, его отношенія къ Нандамъ

¹⁾ *Burnouf*, Introduction, стр. 432, 436. Въ рукописи, которою я пользовался (*avadāna śataka* въ *India off. Library*) на л. 309 стоитъ: чрезъ сто лѣтъ по нирванѣ Будды. Парижскія рукописи того же сочиненія гораздо лучше лондонской.

²⁾ *Lankāvatāra* (рукопись с.-петербургск. университетск. библіотеки) л. 61 об.

и въ Маурьямъ внѣ всякихъ сомнѣній, благодаря не индійскимъ источникамъ, то едва ли предвидится какая возможность признать вѣрною эту хронологическую систему сѣверныхъ буддистовъ и еще менѣе пользоваться отдѣльными фактами изъ нея.

Наконецъ, въ настоящее время, указывая на надписи самого Асоки, мы можемъ опредѣлить съ несомнѣнною точностью, какой промежутокъ времени прошелъ между его царствованіемъ и смертью Будды или Махавиры.

Жайнскія данныя для опредѣленія года смерти Махавиры не состоятъ въ противорѣчій съ ихъ другими хронологическими датами. Ихъ преданіе сохранило намъ не только имена старѣйшихъ учителей (стхавира), но и также точныя указанія, сколько лѣтъ каждый изъ этихъ учителей правилъ дѣлами и стоялъ во главѣ общества вѣрующихъ (сангхи). Первымъ учителемъ по смерти Махавиры былъ Судхарма; онъ стоялъ во главѣ сангхи въ продолженіе 20 лѣтъ ¹⁾. 2) Жамбӯ-свамї 41 года и умеръ спустя шестьдесятъ-четыре года по смерти Махавиры-Будды. 3) Прабхава 11 лѣтъ. 4) Саямбхава 23 года. 5) Ясобхадра 50 лѣтъ. 6) Самбхутавижаја 8 лѣтъ. 7) Бхадрабаху 14 лѣтъ и умеръ спустя сто семьдесятъ лѣтъ по смерти Махавиры-Будды. 8) Стхулабхадра 45 лѣтъ. У него было двое учениковъ ²⁾: 9) Махагири 30 лѣтъ. 10) Сухастинъ 46 лѣтъ. Оба были современниками царя Сампрати, сына Куналы и внука Асоки ³⁾.

Извѣстно также, что буддисты имѣютъ совершенно подобные списки своихъ учителей, по такъ какъ эти учителя не тѣ же, что у Жайновъ, то для рѣшенія хронологическаго вопроса они не имѣютъ значенія.

Изъ сейчасъ приведеннаго списка учителей видно, что въ третьемъ столѣтіи по смерти Махавиры во главѣ Сангхи стояли два учителя: Махагири и Сухастинъ. О нихъ разказывается, что оба были современниками внука Асоки Великаго. Предшествовавшій имъ учитель Стхулабхадра стоялъ во главѣ общества вѣрующихъ въ продолженіе сорока пяти лѣтъ и умеръ по простествіи двухсотъ пятнадцати лѣтъ по смерти Махавиры. Дѣятельность его двухъ учениковъ началась при Асокѣ и такъ какъ Сухастинъ былъ главою Сангхи въ продолженіе сорока шести лѣтъ, а Асока царствовалъ тридцать-семь лѣтъ,

¹⁾ Bhāu Dājī въ *J. of R. As. Soc.*, vol. IX, стр. 150.

²⁾ Parīśishta p., л. 63; Bhāu Dājī Op. cit., стр. 151.

³⁾ Parīśishta p., л. 63 и слѣд.

то извѣстіе о томъ, что Сухастинъ еще жилъ при внукѣ и послѣдникѣ Ашока, нисколько не невѣроятно и можетъ быть разсматриваемо какъ свидѣтельство въ пользу точности жайвскихъ хронологическихъ данныхъ.

Такимъ образомъ, по преданіямъ Жайновъ, ихъ святой учитель Махавіра умеръ за 472 г. до Р. Х.; новѣйшія наиболѣе достовѣрныя изслѣдованія о годѣ смерти Будды приводятъ къ такому же почти результату относительно его эпохи Нирваны ¹⁾; этотъ результатъ неожиданно подтверждается недавно найденными надписями Ашоки.

Въ планъ настоящей статьи не входитъ разборъ всѣхъ существующихъ изслѣдованій о годѣ смерти Будды, но считаю нужнымъ упомянуть въ немногихъ словахъ о трехъ важнѣйшихъ статьяхъ, явившихся въ послѣднее время. Двѣ изъ нихъ страдаютъ совершенно произвольнымъ искаженіемъ фактовъ, сохранныхъ двумя независимыми другъ отъ друга преданіями—буддйскимъ и жайвскимъ, и хотя обѣ статьи, при несомнѣнной учености авторовъ, отличаются необыкновеннымъ остроуміемъ, но окончательные выводы этихъ изслѣдованій гадательны, а потому, какъ не доказанные, не могутъ быть приняты.

Къ числу самыхъ остроумныхъ соображеній объ этомъ трудномъ и важномъ вопросѣ индійской хронологіи нельзя не отнести нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ В. П. Вас. въ его статьѣ о буддизмѣ ²⁾. Стиль статьи, способъ изложенія, глубина знанія, новыя, доселѣ никому изъ европейскихъ ученыхъ неизвѣстныя факты, сообщаемые на страницахъ этой статьи, изобличаютъ въ авторѣ давно извѣстнаго въ русской литературѣ талантливаго изслѣдователя буддизма; къ тому же самъ авторъ статьи, упоминая (на стр. 397) о переводѣ Даранаты, какъ о своемъ, прямо даетъ возможность разгадать подъ начальными буквами имя одного изъ нашихъ немногихъ замѣчательныхъ ориенталистовъ.

Къ сожалѣнію, соображенія г. Васильева, отличающіяся необыкновеннымъ остроуміемъ и оригинальностью, въ то же время весьма смѣлы и мало убѣдительны: „Всякая религія“, говоритъ г. Васильевъ,—„лю-

¹⁾ Ch. Lassen, Indische Alterthumskunde, 2-е изд., ч. I, стр. 602, *ibid.*, vol. II, стр. 53. Здѣсь разобраны изслѣдованія М. Миллера, Вестергарда и др. См. также *Al. Cunningham's Archaeological Survey of India*, vol. III, стр. 126.

²⁾ Русскій энциклопедическій словарь, издаваемый Н. Н. Березинимъ, отдѣлъ I, А—Б., выпускъ IV, тетрадь I стр. 385, статья В. П. Вас. «Буддизмъ».

бить опираться на древность своего происхожденія¹⁾.... „То сказаніе, которое даетъ меньшую древность, имѣетъ за собою болѣе вѣроятія“²⁾. Въ этихъ словахъ высказаны основныя положенія автора для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Г. Васильевъ не опредѣляетъ точно года смерти Будды; согласно съ принципомъ, положеннымъ въ основаніи всего изслѣдованія, онъ долженъ былъ такъ разсуждать: извѣстія Китайцевъ, Тибетцевъ наименѣе вѣроятны, потому что они отсылаютъ смерть Будды въ глубокую древность; болѣе вѣроятна хронологія Цейлонцевъ; еще вѣроятнѣе случайное извѣстіе Сюань-цзана и тибетскаго историка Вудона³⁾; несомнѣнно вѣрны его собственныя соображенія. Вудонъ приводитъ мнѣніе нѣкоторыхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, принимавшихъ, что Будда умеръ за 291 г. до Р. Х. Проф. Васильеву это кажется недостаточно вѣроятнымъ, и онъ строитъ рядъ таковыхъ предположеній:

1) Въ 291 г. не Будда умеръ, а истребленъ былъ его родъ; вслѣдствіе этой катастрофы Будда сдѣлался сначала отшельникомъ, а затѣмъ проповѣдникомъ⁴⁾. 2) Ця-да-си надписей не есть Асока, а Ажаташатра современникъ Будды. 3) Асока же есть одно и то же лицо

¹⁾ Тамъ же, стр. 387.

²⁾ Тамъ же, стр. 388.

³⁾ Тамъ же, стр. 388. У Сюань-цзана мы находимъ упоминаніе, что въ VII вѣкѣ нашей эры, по нѣкоторымъ со смерти Будды не прошло еще тысячи лѣтъ; точно такое же упоминаніе находится и у тибетскаго писателя Вудона, жившаго тремя столѣтіями ранѣе Даранаты; онъ говоритъ, что, по нѣкоторымъ толкователямъ на Калачакру, которыхъ мнѣнія онъ, разумѣется, не раздѣляетъ, до 1322 г. въ который онъ писалъ свою исторію вѣры, прошло всего только со смерти Будды 1613 лѣтъ, то-есть, смерть Будды случилась въ 291 году до Р. Х.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 388, и если мы допустимъ (но зачѣмъ допускать, и какъ доказать это предположеніе?), что въ этомъ году умеръ не Шакіамуни, а послѣдовало избіеніе рода Шакія Вирудакой, другомъ (?) Чандрагупты (вступилъ на престолъ около 315 года), отца Биндусары (или Бимбасары) (?), отца Ажаташатры (Деймаховскаго: Амित्रашатры, у Индійцевъ собственныя имена лицъ были неболѣе какъ эпитеты (?), потому одно лицо и является подъ различными именами; такъ напримѣръ, Ашагоша по Даранатѣ имѣлъ болѣе десяти именъ), правившаго при Шакіамуни всего 8 лѣтъ, то, и т. д. Далѣе слѣдуетъ второе предположеніе. Срв. стр. 386 можно предположить скорѣе, что Аргасидда или Сиддарта, какъ назывался собственно Шакіамуни, наследникъ Шакіяскаго престола, долженъ былъ отказаться отъ трона, не добровольно, какъ увѣрили легенды, движимый только чувствами отвращенія отъ міра, и именно *вслѣдствіе истребленія своего рода* и что онъ, спасшись отъ смерти, сдѣлался невольнымъ Муни, то-есть, сподвижникомъ (читай: молчаливымъ, отшельникомъ).

съ царемъ Ху-цзю-ку китайскихъ историковъ, „котораго ошибочно приняли за одно съ Канишкой или Канеркой“.

Изложивъ этотъ рядъ предположеній, проф. Васильевъ не сдѣлалъ окончательнаго вывода изъ нихъ, и объ этомъ нельзя не пожалѣть. Ближайшее разсмотрѣніе этихъ предположеній должно выяснитъ какъ степень достовѣрности ихъ самихъ, такъ и характеръ того невысказаннаго вывода, къ которому мы должны прійти, разъ принявъ предположенія проф. Васильева.

Проф. Васильевъ въ своихъ предположеніяхъ начерталъ намъ исторію перваго возникновенія буддизма такъ: На сѣверѣ Индіи жилъ народецъ Шакья ¹⁾. Въ 291 г. до Р. Х. на Шакіевъ напалъ царь Вирудака, по словамъ проф. Васильева—не только современникъ, но и другъ Чандрагупты. Эпоха же Чандрагупты, при которомъ Индію посѣтилъ Мегасѣенъ, намъ извѣстна. Началъ онъ царствовать за 315 л. до Р. Х., или быть можетъ, нѣсколько раньше (см. выше). Вирудака, напавъ на Шакіевъ, истребилъ всѣхъ ихъ; затѣмъ умеръ Вирудака, умеръ также его другъ Чандрагупта. Воцарился сынъ послѣдняго Биндусара, котораго проф. Васильевъ почему-то считаетъ за одно лицо съ другимъ царемъ; Биндусара, поцарствовавъ, также умеръ. Воцарился его сынъ Ажаташатру, и при немъ, то-есть, въ третьемъ поколѣніи по истребленіи Шакіевъ, царевичъ Сиддхартха, лишенный престола за три поколѣнія, дѣлается отшельникомъ и основателемъ буддизма. Долго же думалъ несчастный царевичъ!

По преданію, упомянутые цари слѣдовали по времени въ совершенно другомъ порядкѣ: Шакьямуни началъ свою дѣятельность при Бимбисарѣ и умеръ при Ажаташатру. Чандрагупта, основатель династии Маурьевъ, царствовалъ позднѣе.

Такъ какъ профессоръ Васильевъ переставляетъ этихъ царей: дѣлаетъ позднѣйшихъ царей болѣе древними и на оборотъ древнѣйшихъ болѣе позднимъ, составляетъ изъ нихъ одну династію, при этомъ не подкрѣпляетъ свою перетасовку ссылками на какія-либо новыя источники и не опровергаетъ общеизвѣстныхъ источниковъ, то мы въ правѣ считать его первое предположеніе, очень оригинальною, но совершенно не доказанною выдумкой.

Отъ Ажаташатру, называемаго Даранатою Шиддаси или Нридарсиномъ ²⁾—исходятъ эдикты. Таково второе предположеніе Васильева.

¹⁾ Не входимъ здѣсь въ разсмотрѣніе предположенія проф. Васильева о томъ, кто были эти Шакья. См. тамъ же, стр. 386.

²⁾ Тамъ же, стр. 388. «Можемъ допустить, что именно этотъ Ажа-та-шатру

Но Пиядаси эдиктовъ самъ говоритъ, что онъ жилъ двѣсти пятьдесятъ шесть лѣтъ по смерти Будды (см. ниже); слѣдовательно, Пиядаси надписей не могъ быть современникомъ Будды. Какъ бы предвидя это возраженіе, профессоръ Васильевъ дѣлаетъ новое предположеніе, что есть два рода надписей: настоящія и понадѣланныя буддистами, то-есть, ложныя ¹⁾.

Въ третьемъ предположеніи оказывается нужнымъ отнести Асоку гораздо позднѣе и сдѣлать изъ него одно и то же лицо съ Ху-цзю-ку ²⁾. Почему явилась такая настоятельная необходимость—не изъ чего не видно; не ясно также, какимъ образомъ изъ имени Асока Китайцы ухитрились сдѣлать Ху-цзю-ку. А между тѣмъ давно извѣстно, что Асока имѣлъ эпитетъ: Пиядаси, благовидный ³⁾.

Давно извѣстно, что индійская хронологія недостоверна; весьма вѣроятно, что опредѣленіе года смерти Будды или Махавѣры не вполне точно, и быть можетъ, будетъ когда-нибудь исправлено; но конечно, не избранный профессоромъ Васильевымъ путь хронологическихъ розысканій приведетъ къ какимъ-либо точнымъ выводамъ. Перестроивъ по своему скуднымъ свѣдѣніямъ буддійской исторіи, онъ пришелъ къ неясному выводу, что ученіе Будды явилось гораздо позднѣе, нежели какъ то предполагаютъ малосвѣдущіе буддисты, не отрицающіе преданія. Но при его способахъ хронологическихъ розысканій, онъ не могъ сказать и дѣйствительно не сказалъ, когда же именно жилъ Будда.

Изслѣдованіе д-ра Керна ⁴⁾ отличается менѣе смѣлымъ произволомъ, и хотя онъ также безъ всякой нужды перестраиваетъ по своему преданію, но въ концѣ концовъ приходитъ къ результатамъ, не столь радикальнымъ какъ выводы профессора Васильева.

и есть тотъ Пиядаси — или Пріядаршинъ — пріятно видимый, какъ называетъ его и Дараната.»

¹⁾ Тамъ же, стр. 387: «Можетъ быть другія копія съ этого памятника *даже понадѣланы* были ими, (то-есть, позднѣйшими буддистами).

²⁾ Тамъ же, стр. 388: «Асоку же *надобно отнести* гораздо позднѣе, именно *это будетъ* тотъ самый китайскій Ху-цзю-ку, котораго ошибочно приняли за одного съ Канишкой или Конеркой.

³⁾ См. Note on the identity of Piyadasi and Asoka. By *Mudaliyar Louis de Zooya* въ *Journal of the Ceylon Branch of the Roy. As. Soc.* 1874, part. 1, стр. 7.

⁴⁾ *The Indian antiquary*, vol. III, 1874, стр. 77 в свѣд., Prof. *H. Kern's* Dissertation on the era of Buddha and Asoka inscriptions. By J. Muir.

По мнѣнію д-ра Керна, хронологія такъ называемыхъ южныхъ буддистовъ, древнѣйшій источникъ которой находится въ сказаніяхъ цейлонскихъ хроникъ, болѣе вѣроятна, нежели опредѣленіе года смерти Будды, принятое у Китайцевъ, Японцевъ и Тибетцевъ; но ученые, безусловно принявшіе цейлонскую хронологію, признаютъ, что между ея датами и извѣстіями Грековъ есть значительное противорѣчіе ¹⁾. Изъ этого само собою вытекаетъ, что хронологія эта только относительно вѣроятна и не можетъ считаться безусловно достовѣрною; хронологія же сѣверныхъ буддистовъ дѣйствительно сильно погрѣшаетъ въ опредѣленіи года смерти Будды, но въ древнѣйшихъ книгахъ сѣверныхъ буддистовъ находятся другія даты, опредѣляющія время первыхъ двухъ соборовъ; ²⁾ весьма естественно обратиться къ этимъ датамъ для опредѣленія времени Будды. Такъ какъ однаже литература сѣверныхъ буддистовъ до сихъ поръ намъ извѣстна не вполне, то конечно, и результатъ такихъ исправленій цейлонской хронологіи можетъ быть приблизительно вѣренъ. Кромѣ времени царствованія Чандрагупты, въ южной хронологіи есть еще нѣсколько сомнительныхъ пунктовъ; такъ цейлонскіи хроники знаютъ три собора: первый былъ непосредственно по смерти Будды, второй—черезъ сто лѣтъ при царѣ Кала-Асоки, третій—черезъ 118 или черезъ 135 лѣтъ послѣ того при Асокѣ Великомъ или Джармасокѣ. Д-ру Керну кажется невѣроятнымъ послѣдовательное созваніе двухъ соборовъ двумя царями одного и того же имени (1) ³⁾; онъ указываетъ, на

¹⁾ Ibid., стр. 78. And yet the first maintainers of this view, as Turnour and Lassen, admit that in this calculation there is an error of 60 years in reference to King *Chandragupta*, the *Sandrakoptos* of the Greeks, whose date we know with certainty from classical sources.

²⁾ Ibid., стр. 78.... yet their older books contain other data, consisting of a determination of the time of the first two councils and of A'soka's reign. And, the question is, whether, with the help of these data, the age of Buddha may not be fixed with more probability than it can be following the Cingalese books.

³⁾ Ibid., стр. 78. Here we have 1) the improbability of two successive councils being held by kings of the same name; 2) neither the Buddhistic nor the non-Buddhistic books of the North know anything of two A'sokas; 3) the name Kala-A'soka, the chronological A'soka, is suspicious; 4) the *Mahāvanso* is at variance with itself, for in chapter V. 218 years are said to have elapsed between the Nirvāna and the inauguration of A'soka, which took place four years after his accession; whilst at the end of the same chapter we are told that the third council took place in the 17-th years of A'soka's reign. The third council would thus, according to the *Mahāvanso*, have been held in the 235 th year after the Nirvāna, though on p. 22

то, что двухъ Асокъ не знаютъ ни не-буддійскіе источники, ни свѣрно-буддійскія книги (2). Самое имя: Кала-Асока ему представляется подозрительнымъ (3). И наконецъ, въ заключеніе онъ замѣчаетъ, что Махаванса или Цейлонская хроника сама себѣ противорѣчить: въ пятой главѣ сказано, что Асока короновался четыре года спустя по восшествіи на престолъ, и что въ годъ его коронаціи прошло 218 лѣтъ по смерти Будды; въ концѣ той же главы сказано, что третій соборъ былъ созванъ Асокою на семнадцатомъ году его царствованія. Такимъ образомъ третій соборъ, по свидѣтельству хроники, былъ созванъ на 235 г. по смерти Будды; но та же самая хроника (стр. 22) въ другомъ мѣстѣ свидѣтельствуется, что отъ Нирвѣны Будды до третьяго собора прошло 218 лѣтъ. По мнѣнію д-ра Керна, извѣстія свѣрныхъ буддистовъ заслуживаютъ полнаго вниманія и не заключаютъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; свѣрные буддисты признаютъ два собора до Асоки: одинъ непосредственно по смерти Будды, въ тотъ же годъ, другой чрезъ сто десять лѣтъ, при Асокѣ. Третій соборъ они относятъ ко времени царя Канишки, болѣе нежели четыреста лѣтъ по смерти Будды. Правильное опредѣленіе промежуточнаго времени между Асокой и Канишкой по мнѣнію Керна, есть свидѣтельство въ пользу достовѣрности свѣрнаго преданія. Въ силу этихъ соображеній и многихъ другихъ не менѣе остроумныхъ Кернъ приходитъ къ заключенію о недостовѣрности пейлонской хронологіи ¹⁾ и затѣмъ обращается къ опредѣленію года смерти Будды. По его мнѣнію, Чандрагупта воцарился въ 322 г. до Р. Х. Онъ царствовалъ двадцать-четыре года, сынъ его двадцать-восемь; сумма лѣтъ двухъ царствованій составитъ пятьдесятъ-два года, а потому Асока долженъ былъ воцариться въ 270 году до Р. Х. ²⁾ Умеръ онъ въ 234 или 233 г. до Р. Х., смотря по тому, какое изъ двухъ преданій: брахманическое или буддійское, будетъ принято ³⁾. Принимая далѣе преданіе свѣрныхъ буддистовъ о томъ, что Будда умеръ за сто

of the same work it is said to have occurred 218 years after that event which is indeed, the ordinary assumption.

¹⁾ *Ibid.*, стр. 79.

²⁾ *Ibid.*, стр. 79. He places the beginning of Chandragupta's reign in 322 B. C. He reigned 24 years, and his son 28, making together 52 years. The A'soka who came next, became Emperor in 270 B. C.

³⁾ *Ibid.*, стр. 79. According to the Vayu-Purana A'soka reigned 36 years, and 37 years according to the Mahavanso. His death is consequently to be placed in 234 or 233 B. C.

десять лѣтъ до водаренія Асоки, мы получимъ 380 г. до Р. X. какъ годъ Нирвѣны Будды¹⁾. Въ заключеніе Кернъ высказываетъ нѣкоторыя соображенія о томъ, какъ могла возникнуть ошибка въ хронологіи южныхъ буддистовъ; по эта часть его изслѣдованія не такъ важна для нашей цѣли. Д-ръ Кернъ не останавливается окончательно на 380 г. до Р. X., какъ годъ смерти Будды; онъ колеблется между 380 и 388 г. до Р. X.²⁾

Наконецъ, въ самое новѣйшее время тотъ же хронологическій вопросъ подвергся новому разсмотрѣнію по поводу недавно открытыхъ Кешингэмомъ надписей. Г. Бюлеръ, впервые издавшій эти надписи³⁾ приписываетъ имъ великое историческое значеніе⁴⁾: по его мнѣнію, при посредствѣ датъ, встрѣчающихся въ этихъ надписяхъ, теперь возможно утвердительно сказать, сколько времени прошло отъ Нирвѣны Будды до Асоки: 1) надписи эти доказываютъ точность хронологіи, по крайней мѣрѣ относительно Пидіи, принятой у южныхъ буддистовъ; 2) даты, встрѣчающіяся въ этихъ надписяхъ вмѣстѣ съ извѣстіями греческихъ историковъ доказываютъ, что Будда умеръ между 483—82 или 472—71 до Р. X., 3) и наконецъ, указываютъ намъ самый путь, по которому должны идти будущіе изслѣдователи.

Надписи эти, не смотря на свою краткость, несомнѣнно очень важны; при разсмотрѣніи ихъ содержанія возникаетъ нѣсколько вопросовъ, которые хотя задаетъ себѣ также г. Бюлеръ, но всякое со-

¹⁾ Ibid. If we assume with the A'soka-avadāna (see *Burnouf's* Introduction, etc p. 370) that Buddha's Nirvāna took place 100 years before A'soka's accession, we obtain 380 B. C. as the date of the former event. Срв. прим. тамъ-же стр. 80.

²⁾ См. Ibid., стр. 80: Возрѣніе Керна изложено въ сочиненіи, *Over de Jaartelling der Zuidelijke Buddhisten en de Gedenkstukken van Asoka den Buddha'st door H. Kern. Uitgegeven door de Koninklijke Academie van Wetenschappen te Amsterdam. C. G. Van der Post, Amsterdam, 1873, pp. 120, 40. Я пользовался статьею Мюбра, заглавіе которой приведено выше.*

³⁾ Three new edicts of A'soka by G. Bühler, въ *The Indian Antiquary*, Vol. VI, part. LXVIII, June 1877, стр. 149 и слѣд.

⁴⁾ Ibid. стр. 149. The great historical value of the new edicts lies herein: 1 stly:—That they absolutily fix the length of time which elapsed between Buddha's nirvāna and Asoka; 2 ndly:—That they prove the accuracy of the chronology of the southern Buddhists, as far as India is concerned; 3 rdly:—That their data, together with the information of the Greek historians, prove Buddha's nirvāna to have taken place between the years 483—82 and 472—71 B. C.; and 4 thly:—That they indicate the direction in which future efforts to find the exact date of Buddha's nirvāna ought to be made.

мнѣніе въ точности его рѣшеній не устранено окончательно. Къ этимъ вопросамъ, однакоже мы надѣемся вернуться впоследствии, а пока принимаемъ вмѣстѣ съ г. Бюлеромъ, что надписи эти написаны царемъ буддистомъ, что царь этотъ былъ Асока ¹⁾ и что онъ ведетъ свое лѣтосчисленіе отъ смерти Будды. Разсмотрѣніе содержанія надписей приводитъ г. Бюлера къ такому результату: надписи принадлежатъ царю Маурійской династіи или современнику Мауріевъ. Царь этотъ былъ буддистомъ—міряниномъ въ продолженіе тридцати двухъ лѣтъ съ половиною и около года членомъ Саиґхи, то-есть, онъ былъ буддистомъ въ продолженіе болѣе тридцати-трехъ лѣтъ съ половиною и на тридцать-четвертомъ году отъ принятія имъ буддизма прошло 256 лѣтъ отъ Нирваны, иными словами—257 годъ отъ Нирваны соответствуетъ второй половинѣ 34-го года, считая отъ его обращенія. Въ III вѣкѣ по смерти Будды намъ извѣстны только два ревностные поборника буддизма, именно: Асока и сынъ его Дасаратха. Послѣдній царствовалъ только семь лѣтъ, а потому самому, надпись не можетъ принадлежать ему. Асока царствовалъ болѣе тридцати-семи лѣтъ, и слѣдовательно, надпись можетъ принадлежать ему ²⁾.

О царствованіи Асоки весьма подробно разказываетъ Махаванса: по извѣстіямъ Цейлонской хроники, абхишека, то-есть, коронованіе Асоки произошло по истеченіи 218 лѣтъ послѣ Будды или на 219 году по смерти Будды. Отъ года коронованія индійскіе цари считаютъ годы своего царствованія. Также нужно считать годы царствованія Асоки ³⁾; необходимо также принять одну поправку въ лѣтосчисленіи хроники: при сложеніи всегда помнить, что мы имѣемъ круглыя цифры, то-есть, мѣсяцы и дни выпущены. Принявъ эти весьма вѣроятныя исправленія, мы придемъ къ результату, что надпись была начертана въ началѣ 257 г. по смерти Будды, Асока же умеръ въ концѣ того же года ⁴⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 149. Both the title of the writer, and the alphabet which the edicts show, make it very probable that this king belongs to the third century before Christ, and to the Maurya dynasty. For it has hitherto not been proved that the title was used by later kings, or that the so called Asoka or Lat characters were adopted by any one but the Mauryas, their subjects and contemporaries. *ibid.* стр. 150.... there is every reason for adhering to the generally received opinion that both Asoka and his grandson Dagaratha, and other later Maurya princes, were Buddhists or patrons of Buddhism. Ср. также стр. 151.

²⁾ Ibid., стр. 152.

³⁾ Ibid., стр. 151.

⁴⁾ Ibid., стр. 153. *Date of the inscriptions* 33 years and 6 months and odd

Этотъ результатъ естественно приводитъ къ заключенію, что для согласенія цейлонской хронологіи съ греческими извѣстіями нѣтъ необходимости прибѣгать къ насильственному сокращенію или удлиненію промежутка времени между царствованіемъ Асоки и Нирваною ¹⁾). Вычисленія М. Мюллера и Кеннингэма должны быть приблизительно точны ²⁾, и смотря по тому, пріймется 321 г. до Р. Х. или 310 г. за начало царствованія Чандрагупта, годъ нирваны Будды долженъ быть отнесенъ или къ 483—82 г. до Р. Х. или же 472—71; такъ какъ извѣстно, что по сказанію Цейлонской хроники Маурьи воцарились 163 года по смерти Будды.

Къ почти таковымъ же выводамъ приводятъ, какъ мы сейчасъ видѣли, сказанія Жайповъ, и совершенно непонятно, почему г. Бюлеръ такъ строго и несправедливо отнесся къ нимъ ¹⁾).

days after conversion, i. e. in the beginning of 257 A. B. *Death of Açoka* 37 years and say 10 months after *abhisheka*, i. e. in the end of 257 A. B.

¹⁾ Ibid., стр. 153. The necessary consequence of this discovery is that all attempts to adjust the Ceylonese chronology to that of the Greeks by means of a reduction or of a lengthening of the distance between the *Nirvana*, and Asoka have to be given up.

²⁾ Ibid., стр. 154. «For all practical purposes the date for the *Nirvana*, 477—78 B. C., fixed by Professor M. Müller, by General Cunningham, and others, is perfectly sufficient. The new inscriptions show that it cannot be very far wrong. The two outside termini for the beginning of *Chandragupta's* reign are 321 B. C. on the one side, and 310 B. C. on the other. For this reason, and because the Ceylonese date for the beginning of the Mauryas, 163 A. B. must now be considered to be genuine, the *Nirvana* must fall between 483—82 B. C. and 472—71 B. C. If, therefore, the date 477—78 for the *Nirvana* should eventually be proved to be wrong, the fault cannot be more than five or six years one way or the other.

¹⁾ Въ заключеніе Бюлеръ обращается къ жайвскимъ извѣстіямъ: онъ имѣлъ въ виду извѣстія, сообщенныя Бхау-Дажн (см. выше) и Сатрунжаја-махатмѣя (см. выше) и заключаетъ такъ: Under these circumstances I give the Jaina account merely as a curiosity, and in order to warn against its being used, without further inquiry, as a means to find the exact date of Chandragupta's accession and of the *Nirvana*. См. *ibid.* стр. 154.

И. Минаевъ.

РУССКО-ВИЗАНТІЙСКІЕ ОТРЫВКИ.

VIII. Житіе Георгія Амастридскаго.

(По неизданному греческому подлиннику).

При Генрихѣ IV, въ самомъ концѣ XVI столѣтія, поступило въ Парижскую королевскую бібліотеку богатое собраніе рукописей латинскихъ и греческихъ. Оно было составлено еще въ Италиі однимъ изъ Медичисовъ, ученымъ кардиналомъ Ридольфи, племянникомъ папы Льва X, при помощи знатнаго греческаго переселенца, славнаго тогда еллинаста Іоанна Ласкариса († 1534 г.); потомъ, послѣ смерти перваго владѣтеля († 1550 г.), куплено было французскимъ маршаломъ П. Строцци, такимъ же цѣнителемъ греческихъ рукописей и знаткомъ греческаго языка, какъ и Ридольфи; затѣмъ, когда маршалъ былъ убитъ при осадѣ города Тіонвилля, это собраніе захватила въ свое владѣніе королева Катерина Медичи, давъ при этомъ обѣщаніе, оставшееся не исполненнымъ, вознаградить надлежащимъ образомъ сына убитаго воина. Послѣ кончины не добромъ прославленной королевы Италианки, составленная ею богатая бібліотека попала въ руки ея кредиторовъ, и только благодаря стараніямъ ученаго президента Н. Де-Ту, была у нихъ отобрана по двумъ королевскимъ указамъ и доставила бібліотекѣ королевской особый отдѣлъ драгоценныхъ медіцейскихъ рукописей. Въ числѣ сокровищъ, обозначаемыхъ этимъ названіемъ, находился большой греческій кодексъ, содержащій цѣлый рядъ произведеній духовной литературы, и между ними—Житіе Георгія Амастридскаго ¹⁾.

¹⁾ Что кодексъ, о которомъ болѣе подробно будетъ еще говорено ниже, принадлежалъ къ Медіцейскимъ (Mediceus), это извѣстно по каталогу рукописей Парижской бібліотеки и по сообщенію Газа. Но исторія собранія королевы Катерины Медичи разказана нами по новѣйшимъ болѣе точнымъ изслѣдованіямъ. См. *Léop. Delisle, Le Cabinet des manuscrits, I, 207 (les manuscrits de Catherine de Médicis).*

Въ 1648 году іезуитъ Болландъ, славный въ лѣтописяхъ науки какъ основатель монументальнаго великолѣннаго зданія, именуемаго „Дѣянія святыхъ“ (Acta sanctorum), обнародовалъ три тома своего сборника, за февраль мѣсяць. Здѣсь, подъ 21-мъ числомъ, помѣщено было и Житіе Георгія Амастридскаго, но не въ подлинномъ греческомъ текстѣ медицейскаго кодекса, а въ латинскомъ съ него переводѣ. Издатель и комментаторъ сдѣлалъ замѣчаніе, которому впрочемъ онъ не придавалъ никакой важности, что въ концѣ Житія говорится объ одномъ изъ первыхъ нашествій Русскихъ на Византійскую имперію.

Прошло двѣсти лѣтъ, прежде чѣмъ не лишенное важнаго историческаго содержанія назидательное произведеніе древняго византійскаго агиографа нашло себѣ не только благочестиваго—такихъ мы должны предполагать большое число,—но въ то же время и научно образованнаго читателя въ той странѣ, которой всякое древнее извѣстіе и всякая новая подробность о народѣ „Росѣ“ всего ближе касались. Ни иностранные насадители ученой исторической критики въ нашемъ отечествѣ—мы разумѣемъ основателей скандинавской теоріи происхожденія Русскаго народа и государства,—ни первые ихъ русскіе противники не обнаружили знакомства съ изданіемъ болландистовъ; между тѣмъ для послѣднихъ Житіе Георгія Амастридскаго, несомнѣнно, могло бы послужить вполне пригоднымъ оружіемъ. Только въ 1844 году, въ первомъ томѣ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей, появилась небольшая статья „о походѣ Русскихъ на Сурожъ“, сообщенная М. П. Погодинымъ и потому долго признававшаяся его собственнымъ произведеніемъ, по какъ теперь извѣстно, на самомъ дѣлѣ написанная покойнымъ и незабвеннымъ въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія дѣятелемъ, протоіереемъ А. В. Горскимъ. Обладавшій обширною начитанностію, авторъ обращалъ вниманіе русскихъ изслѣдователей на два легендарные источника, въ которыхъ одинаково рѣчь шла о какихъ-то весьма древнихъ военныхъ походахъ Руси, то-есть, на сказаніе о чудесахъ св. Стефана Сурожскаго, ужь отчасти извѣстное тогда изъ описанія Румянцевскихъ рукописей Востокова, и на Амастридское Житіе, оставшееся, какъ сказано, совершенно невѣдомымъ. По своей обычной скромности, Горскій не дѣлалъ никакого шума и никакихъ рѣзко поставленныхъ выводовъ изъ своихъ сообщеній; онъ только полагалъ, что разказъ о чудѣ, совершившемся надъ Русскимъ княземъ въ Сурожѣ, то-есть, въ городѣ южнаго Крымскаго берега, объясняется разказомъ о подобномъ же

событіи при нашествіи Русскихъ на Амастриду, лежащую на противоположномъ малоазіатскомъ побережьи Чернаго моря, и такимъ образомъ, подалъ поводъ къ неправильному представленію о тождествѣ историческаго событія, лежащаго въ основѣ обоихъ сказаній. Какъ бы то ни было, Амастридская легенда, вмѣстѣ съ Сурожскою, сдѣлалась послѣ появленія статьи Горскаго, новымъ предметомъ распри между двумя школами изслѣдователей древнѣйшей русской исторіи. Скандинавская школа, ученый скниетръ которой переходилъ въ руки А. А. Купика, должна была доказывать, что въ Амастридской, равно какъ и въ Сурожской легендахъ, не только не слѣдуетъ видѣть какого-либо свидѣтельства о не отмѣченныхъ русскою лѣтописью дѣяніяхъ народа Руси ранѣе 862 года, что, очевидно, подрывало бы лѣтописный разказъ о призваніи Рюрика съ братьями,—но что, напротивъ, въ обѣихъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же давно извѣстномъ фактѣ, именно о походѣ на Царьградъ и осѣдлѣніи Византійскіи владѣнія норманно-русскаго вожди Аскольда и послѣдовавшемъ его обращеніи въ христіанскую вѣру, что, какъ извѣстно, произошло не ранѣе 865 года. Въ такомъ смыслѣ написаны были первые статьи А. А. Купика, посвященные этому вопросу,—и устарѣвшія только въ томъ отношеніи, что позднѣе онъ болѣе освободился отъ впечатлѣнія статьи Горскаго и увидѣлъ совершенную разность содержанія двухъ легендъ, вслѣдствіе чего Сурожскую легенду приурочилъ къ походу Владиміра въ Тавриду и къ его крещенію. Противники скандинавской теоріи, а равно и нестрогіе, холодные ея послѣдователи не имѣли никакого интереса сводить Сурожскую и Амастридскую повѣсти все къ одному и тому же походу 865 года; они сейчасъ же признали, что тутъ разумѣются два событія различныя между собою и отличныя отъ Аскольдовой исторіи 865 года, и даже стали утверждать, что нашествіе Руси на Амастриду относится къ до-рюриковскимъ временамъ. Такой взглядъ былъ высказанъ въ вышедшей черезъ два года послѣ появленія статьи Горскаго (въ 1846 году) „Исторіи христіанства въ Россіи до св. Владиміра“—архим. Макарія. С. М. Соловьевъ тоже признаетъ, что какъ извѣстіе, находящееся въ Житіи Стефана Сурожскаго, о нападеніи на Сурожъ Русскаго князя Бравалина и о крещеніи его тамъ, такъ равно подобное же извѣстіе въ жизнеописаніи Георгія Амастридскаго, относятся къ двумъ событіямъ болѣе раннимъ, чѣмъ Аскольдовъ походъ; почтенный русскій историкъ до сихъ поръ остается при такомъ мнѣніи, хотя отъ него отказался первый его выразитель, преосв. Макарій, на коего дѣ-

лается ссылка въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. С. А. Геденовъ въ „Отрывкахъ изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ“ (Записки Академіи Наукъ 1862—1863 гг.) высказалъ такую догадку, что обѣ легенды Амастридская и Сурожская, „взяты изъ одного древнѣйшаго греческаго источника, восходившаго въ первоначальной редакціи за 865 годъ“, и слѣдовательно, гласившаго о до-рюриковской Руси. Въ позднѣйшей обработкѣ прежнихъ изслѣдованій въ одно цѣльное сочиненіе „Варяги и Русь“ онъ тоже остается вѣрнымъ своему предположенію, не пытался чѣмъ-нибудь подкрѣпить его, и напротивъ—признаваясь, что критикѣ еще только предстоитъ выяснить это „въ высшей степени важное свидѣтельство о существованіи Славянской до-Варяжской Руси“¹⁾. Новѣйшіе антинорманисты если упоминаютъ объ Амастридскомъ событіи, то естественнымъ образомъ относятъ его къ до-Рюриковскимъ временамъ и находятъ здѣсь лишнее доказательство въ пользу исконнаго существованія Славянской или во всякомъ случаѣ не Норманнской Руси. Такъ поступаютъ Д. И. Иловайскій (Розсканія, стр. 158) и Д. Θ. Щегловъ; другіе представители этой школы, какъ Е. И. Забѣлинъ, обходятъ молчаніемъ повѣсть греческаго житія и довольствуются однимъ Сурожскимъ сказаніемъ.

Съ той и другой стороны высказано много вѣрныхъ замѣчаній. Но вообще говоря, аргументы, направленные противъ норманистскихъ изслѣдованій академика Куника, основываются болѣе на общихъ соображеніяхъ, на историческомъ чутьѣ, тогда какъ онъ представилъ формальныя, чисто-ученыя, такъ—сказать, техническія доказательства въ пользу своей теоріи, по которой Амастридское сказаніе остается тождественнымъ въ своемъ содержаніи съ другими извѣстіями о нашествіи Росовъ 865 года.

Уже въ 1847 году русская исторія получила отъ него драгоценный подарокъ, греческій текстъ той части Амастридскаго Житія, въ которой идетъ рѣчь о нашествіи Росовъ на Пафлагонскій берегъ Малой Азіи. Важность этого приобрѣтенія, сдѣланнаго при помощи ученыхъ связей съ знаменитымъ парижскимъ еллинистомъ. Газе, никто не былъ способенъ оцѣнить, какъ самъ его виновникъ. Онъ сличилъ греческую фразеологію отрывка, описывающаго дѣйствія и характеръ варварскихъ посѣтителей Амастриды, съ характеристикою тѣхъ же самыхъ свирѣпыхъ и жестокихъ Росовъ въ окружномъ по-

¹⁾ Варяги и Русь, II, СХІІ, прил. 293.

славян патріарха Фотія и открылъ многія черты буквального сходства между двумя текстами; а это не иначе могло быть объяснено, какъ заимствованіемъ, при которомъ оригиналомъ служило произведеніе патріарха, а копіей—фразеологія неизвѣстнаго по имени агіографа. Такъ какъ окружная грамота Фотія къ восточному духовенству была разослана только въ 866 году, то отсюда вытекаетъ прямое заключеніе, что Житіе Георгія Амастрідскаго написано позже этого года и что оно не сообщаетъ какихъ-либо, самостоятельныхъ свѣдѣній о Руси, Росахъ, а только повторяетъ или присволяетъ себѣ извѣстія объ Аскольдовыхъ Росахъ 865 года, къ которымъ относится слова Фотіевой энциклики. Такой аргументаціи, повторенной недавно на русскомъ языкѣ въ статьѣ о Запискѣ Готскаго топарха, другая сторона не могла до сихъ поръ противопоставить какого-либо рѣшительнаго и въ такой же степени осязательнаго, такъ-сказать—матеріальнаго опроверженія. Указанія на то, что и Георгій Амастрідскій, и Стефанъ Сурожскій жили оба въ концѣ VIII вѣка, и что чудеса, совершившіяся вскорѣ по ихъ кончинѣ, могутъ относиться еще къ первой половинѣ IX вѣка, что это было бы даже естественнѣе, что нѣтъ никакой необходимости отвергать возможность русскихъ набѣговъ на при-Понтійскія страны ранѣе 866 (= 865), года—это суть только общія и постороннія разсужденія, если между Амастрідскимъ Житіемъ и Фотіевою грамотою въ самомъ дѣлѣ существуетъ такое близкое родство, какое указывалъ А. А. Куникъ. На первый взглядъ болѣе вѣско замѣчаніе С. А. Геденова, что еслибы слагатель Амастрідской легенды имѣлъ въ рукахъ посланіе Фотія, онъ не могъ бы умолчать о послѣдовавшемъ за походомъ 865 года крещеніи Руси, что съ другой стороны русскій агіологъ Сурожской легенды никогда не замѣнилъ бы славное имя Владиміра темнымъ указаніемъ на бранливаго князя. Но противъ послѣдняго возраженія довольно припомнить только собственное правдоподобное мнѣніе автора „Отрывковъ о Варяжскомъ вопросѣ“, что древнѣйшій источникъ Сурожской легенды есть греческій: въ такомъ случаѣ именно въ немъ-то и могло не быть русскаго собственнаго имени, и слѣдовательно, русскому агіографу приходилось не замѣнять, а только удерживать выраженія подлинника. А что касается молчанія о крещеніи Руси, то 1) можно найти нѣсколько объясненій такому пропуску, въ родѣ того, что крещеніе свершилось внѣ Пафлагоніи, и слѣдовательно, выходило изъ тѣсной рамки событій, имѣющихъ отношеніе къ основной темѣ сочиненія и т. п.; а 2) съ другой стороны въ Житіи все-таки могутъ

быть усмотрѣны довольно прозрачныя намеки на имѣющее послѣдовать обращеніе и крещеніе предводителя пораженныхъ чудесною силою русскихъ варваровъ.

Сомнительная и слабая сторона объясненій А. А. Куника заключается въ томъ, что онъ не подвергъ изученію всего памятника, а взялъ только одну его послѣднюю и небольшую часть; между тѣмъ въ виду важности вопроса и предполагаемыхъ результатовъ нужно было употребить всѣ усилія для отысканія признаковъ, опредѣляющихъ ближе принадлежность автора къ той или другой эпохѣ. Спрашивается притомъ: выдается ли языкъ автора при описаніи русскаго нашествія какими нибудь особенностями отъ обычной его фразеологіи, и такъ ли значительны эти особенности, чтобы необходимо было искать имъ объясненія въ заимствованіи чужихъ оборотовъ и отдѣльныхъ выраженій?.. Пробѣль, нами указываемый, отчасти объясняется тѣмъ, что А. А. Куникъ только гораздо позже своихъ изслѣдованій, опредѣлившихъ его взглядъ на данный вопросъ, получилъ полный списокъ Житія, находящагося въ извѣстномъ кодексѣ Парижской національной бібліотеки. Онъ самъ указалъ возможность проверки его результатовъ и необходимость подвергнуть строгой критикѣ весь составъ Житія. Для своей работы, предпринятой съ такою именно цѣлю, мы получили возможность пользоваться полною копіей Аматридской легенды, свѣренною съ подлинникомъ самимъ Газе и пожертвованною А. А. Куникомъ въ бібліотеку Академіи наукъ, и обязаны выразить свою глубокую благодарность за его содѣйствіе при этомъ случаѣ. Само собою разумѣется, что когда изслѣдованіе должно основываться на изученіи стила и особенностей рѣчи, никакіе самыя точныя переводы не могутъ замѣнить подлинника.

При своемъ изслѣдованіи, точно также какъ и въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ, мы будемъ заботиться не только о томъ, чтобы прійти самимъ къ правильному по возможности заключенію, независимо отъ какой бы то ни было теоріи или отъ какого бы то ни было хотя бы самаго почтеннаго авторитета, но и о томъ, чтобы доставить возможность каждому желающему составить свое собственное убѣжденіе, для чего и служатъ всѣ дѣлаемые нами облегченія для знакомства съ самимъ содержаніемъ и текстомъ подлежащихъ разсмотрѣнію памятниковъ или документовъ. На сей разъ мы удержали тотъ же методъ, и не смотря на всю тяжелую и утомительную растянутость, скучную риторику и тяжелый, надутый языкъ нашего Житія, постарались передать его основное содержаніе въ близкомъ

буквально изложеніи, въ важнѣйшихъ мѣстахъ прибѣгая прямо къ переводу и къ выпискамъ греческаго текста. Сначала, однако мы считаемъ нужнымъ сообщить нѣсколько свѣдѣній объ Амастридѣ, гдѣ былъ епископомъ Георгій, и нѣсколько болѣе подробное описаніе вышеупомянутаго парижскаго кодекса, заключающаго въ себѣ его Житіе. Главный и наиболѣе существенный вопросъ, о времени написанія Житія, мы будемъ разсматривать уже во второй части нашей статьи, вслѣдъ за изложеніемъ содержанія, сосредоточивая около этого вопроса всѣ другія частныя объясненія и комментаріи.

II.

Амастрида (*Ἀμαστρία*, ген.—*ἡ*) или Амастра (*Ἀμαστρα*), теперь Амассра, приморскій городъ въ Малой Азійи между Певдеракліей и Синопомъ, въ странѣ Пафлагоніи, расположенный насупротивъ „Бараньяго мыса“ (Аю-дага) на Таврическомъ полуостровѣ, по словамъ Страбона, возникла вслѣдствіе соединенія въ одну общину четырехъ старинныхъ поселеній, Сизама, Киторы, Кромпы, упоминаемыхъ еще у Гомера, и Тія, скоро, впрочемъ, отставшаго отъ союза. Главною виновницей образованія составнаго города (*πολιτεία*) была жева Діонисія, тиранна Гераклейскаго, и племянница Дарія Кодомана, сообщившая городу свое имя. Центръ или акрополь новой общины, собственная Амастрида, находилась на мѣстѣ древняго Сизама, то-есть, на болѣе узкомъ мѣстѣ полуострова, вдающагося въ море, гдѣ онъ имѣетъ видъ перешейка между двумя портами съ той и другой стороны. Большія плотины въ развалинахъ, остатки великолѣпныхъ подземныхъ водопроводовъ, построенныхъ изъ гранита и кирпича—принадлежатъ, вѣроятно, періоду, когда здѣсь господствовали уже Турки (съ 1460 года) и держали свои торговые склады Генуэзцы. Но за то, позади садовъ теперешней амастридской низменности, сохранились еще основанія и стѣны обширнаго дворца византійской эпохи, а да-дѣе, близъ горы св. Георгія, остаются мраморныя ворота, имѣющія видъ триумфальной арки, но безъ всякой надписи. Въ двухъ километрахъ отъ города, между горами Цхакра (*Τοχάκρα*) къ востоку, и между высотами Бартии (Паревенія) къ югу, на вершинѣ большаго холма, заросшаго густымъ, едва проходнымъ лѣсомъ, находятся слѣды древняго кладбища съ остатками старинной церкви, со множествомъ высѣченныхъ въ скалѣ гранитныхъ усыпальницъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ сходство съ римскими колумбаріями и по всѣмъ признакамъ древнѣе стѣнъ города Амастриды, относящихся къ ви-

зантійской эпохѣ¹⁾. Свидѣтельства писателей подтверждаютъ то, что говорятъ развалины, и указываютъ прямо на цвѣтущее состояніе города въ продолженіе византійскаго господства, а также на его исконныя торговыя связи съ противоположнымъ берегомъ Чернаго моря. Никита Пафлагонянинъ, писатель, относимый къ концу IX и началу X вѣковъ, съ восторгомъ восклицаетъ: „Амаістра (Amastrea), око Пафлагоніи, а лучше сказать, едва ли не всей вселенной. Въ нее, какъ въ обще торжище, стекаются Скиѣы, живущіе по сѣверной сторонѣ Евксина, а равно и тѣ, которые расположены къ югу; они приносятъ сюда свои (товары) и получаютъ въ замѣнъ то, что есть у нея. Это городъ, находящійся въ центрѣ между цѣлымъ восточнымъ предѣломъ и такимъ же западнымъ; во всемъ, что привозится сушию или моремъ, здѣсь нѣтъ недостатка; онъ щедро снабженъ всѣми удобствами—пышными постройками и крѣпкими стѣнами, прекрасными гаванями и жителями издревле знатными“²⁾. Константинъ Багрянородный (въ послѣдней главѣ сочиненія объ управленіи имперіею) говоритъ о пафлагонскихъ корабляхъ, которые привозили въ Корсунь, кромѣ другихъ товаровъ, вино и хлѣбъ, и заставляетъ предполагать постоянное присутствіе судовъ корсунскихъ въ пафлагонскихъ портахъ. Но конечно, не Корсуняне разумѣются подъ именемъ Скиѣовъ, живущихъ на сѣверныхъ берегахъ Понта, а всего скорѣе Русскіе, о торговыхъ сношеніяхъ которыхъ съ Византіею свидѣлствуютъ ихъ мирные договоры съ Греками, и быть можетъ, Таврическіе Готы; о связяхъ сихъ послѣднихъ съ противоположнымъ берегомъ и въ частности съ Амастридою свидѣлствуютъ извѣстныя намъ факты изъ Житія Іоанна Готскаго...

Первое насажденіе христіанства въ Амастридѣ мѣстнымъ преданіемъ приписывало св. апостолу Андрею, который, по словамъ монаха Елифанія, жившаго въ иконоборческую эпоху и описавшаго хожденіе Первозваннаго апостола,—посѣтилъ „Кромну, послѣ именуемую Амастридой“, и поставилъ здѣсь епископомъ Пальма. Пальмомъ же назывался тотъ епископъ церкви Амастридской и Понтійской, который

¹⁾ Запечтены эти свѣдѣнія изъ статьи, помѣщенной въ константинопольскомъ *Σύλλογος* за 1870—1871 гг. (V, 47). Ср. *Texier, L'Asie mineure*, p. 622, 623. Здѣсь Амастридѣ посвящено только нѣсколько строкъ. Въ греческой статьѣ общается приложеніе надписей, найденныхъ въ Амастридѣ, но въ томъ экземплярѣ «Силлогоса», который у насъ былъ въ рукахъ приложенія нѣтъ.

²⁾ *Nicetae Paphlagonis, in Laudem S. Hyacinthi Amastreni. Migne Patrologia graeca, t. CV, 421.*

былъ въ сношеніяхъ съ Діонисіемъ Коринѣскимъ, и слѣдовательно, жилъ въ III вѣкѣ¹⁾. Христіанство восторжествовало здѣсь не безъ борьбы, какъ объ этомъ напоминали мощи мученика Гіацинта, главная мѣстная святыня города, и по выраженію Никиты, епископа въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, Далибрахъ, лучшей его оплотъ и защита противъ враговъ. Каждый годъ въ день, посвященный воспоминанію о святомъ мученикѣ, предъ гробницею, заключавшею въ себѣ священные останки, совершалось особенное чудо, состоявшее въ томъ, что изъ глубины ея вылеталъ съ шумомъ прахъ или пепель²⁾.

Въ церковно-іерархическомъ отношеніи Амастрида входила въ составъ Гангрской митрополіи и была простою епископіей до времени, о которыхъ повѣствуется уже въ нашемъ памятникѣ. Мы увидимъ, что только вслѣдствіе стараній Георгія и расположенія къ нему Византійскаго двора Амастридская церковь достигла самостоятельнаго положенія и болѣе высокаго ранга.

Кодексъ, въ которомъ находится Житіе Георгія Амастридскаго, заключаетъ въ себѣ, по печатному каталогу рукописей, слѣдующія статьи:

1) Acta Tryphonis Martyris. Desideratur initium. 2) Miracula ejusdem. 3) Sophronii, Hierosolymitani patriarchae, homilia in purificationem. 4) Vita Nicolai Studitae. 5) Martyrium S. Agatae. 6) Martyrium Abraamii episcopi. Pars maxima desideratur. 7) Vita Parthenii episcopi Lampsaceni. 8) Martyrium S. Theodori, militum praefecti. 9) Nicetae philosophi oratio in laudem Theodori martyris. 10) Vita Georgii episcopi Amastridis. 11) Theodoretus, Cyri episcopus, de Zacharia propheta. 12) Certamen Nicephori martyris. 13) Vitae ejusdem metaphrasis, auctore s. Ioanne, Sardium episcopo. 14) Certamen Charalampii Martyris. 15) Martyrium Blasii, episcopi Sebasteni et sociorum. 16) Sancti Ioannis Chrisostomi homilia in laudem sancti Meletii Antiocheni. 17) Sancti Meletii Vita in epitomen redacta, auctore anonymo. 18) Certamen trium millium Nicomediae passorum. 19) Vita Martiniani. 20) Vita Auxentii. 21) Onesimi apostoli, qui Pauli discipulus fuit, martyrium, Eusebio Pamphili auctore. 22) Pamphili, Valentis, Pauli, Seleucii et Juliani martyrium, auctore Eusebio. 23) Martyrium sancti Theodori, militum praefecti. 24) Chrysippi, Presbyteri Hierosolymitani oratio in laudem sancti Theodori Martyris. 25) Martyrium sanctorum Leonis et

¹⁾ Eusebii Histor. eccles., IV, 25, 6.

²⁾ Объ этомъ говорится въ Похвалѣ Іакинѣу Никиты Пеллагонянина.

Parigorii. 26) Vita Auxibii, archiepiscopi in insula Cipro. 27) Vita Alexandri. 28) Martyrium Mauricii et septuaginta discipulorum. 29) Martyrium s. Polycarpi. 30) Ecclesiae Smyrnensis de sancti Polycarpi martyrio, epistola. 31) Narratio de invento capite S. Ioannis. 32) Tarasii, patriarchae Constantinopolitani vita, auctore Ignatio monacho. 33) Vita Porphyrii episcopi Gazae. 34) Martyrium Nestoris, episcopi Pergae. 35) Vita Pauli Corinthii.

И такъ, оказывается, чего, по видимому, не замѣтили ни составители каталога, ни ученый Газе, что кодексъ № 1452 содержитъ въ себѣ собраніе Житій святыхъ на февраль мѣсяцъ и есть ни болѣе, ни менѣе, какъ одна часть древнѣйшей греческой Минеи-Четыи. Въ этомъ легко убѣдиться всякому, кто захотѣлъ бы сравнить порядокъ статей кодекса или съ близкими къ нему по времени Флорентинскими святцами X вѣка, напечатанными у Бавдини (въ каталогѣ рукописей Флорентійской библиотеки), или даже съ современнымъ календаремъ. Есть, конечно, отличія, и одно изъ нихъ касается именно дня, посвященнаго памяти Георгія Амастридскаго: принимая въ расчетъ тѣ случаи, когда одному и тому же святому удѣлены по двѣ статьи, то-есть, исключивъ №№ 2-й и 9-й, мы получимъ восьмое число февраля, какъ день его памяти. Такъ это и стоитъ въ заглавіи самаго Житія, и такъ этому приходилось быть согласно съ отмѣченными въ Житіи днемъ кончины Георгія; но въ настоящее время и даже въ весьма древнихъ Минеяхъ празднованіе памяти Амастридскаго епископа по какой-то причинѣ перенесено на двадцать-первое февраля, а во Флорентійскихъ святцахъ восьмое февраля еще остается не замѣненнымъ и пустымъ днемъ. Изучая далѣе составъ Минеи, мы убѣждаемся, что въ ней нѣтъ статей позднѣе второй половины IX вѣка по содержанію, и первой половины X вѣка по времени сочиненія. Наиболѣе позднія статьи суть: 1) Житіе (подъ № 32) патріарха Тарасія, написанное діакономъ Игнатіемъ, его младшимъ современникомъ (около половины IX вѣка; 2) Похвала (подъ № 9-мъ великомученику Θεодору Тирону, авторъ которой есть Никита Философъ, то-есть, или тотъ самый Никита Давидъ Пафлагонянинъ, который написалъ Житіе патріарха Игнатія и былъ нѣсколько моложе патріарха Фотія, либо другой Никита Философъ-Византіецъ, уже современникъ Фотія, то-есть, еще болѣе ранній писатель ¹⁾; 3) Житіе

¹⁾ О томъ, нужно или нѣтъ различать двухъ Никитъ, носящихъ ученые титулы то философа, то ритора, намъ здѣсь нѣтъ нужды разсуждать; отсылаемъ

(подъ № 4) Николая Студита; онъ скончался въ 868 году, какъ это указано въ концѣ сочиненія безыменнымъ его авторомъ, жившимъ, во всякомъ случаѣ, равнѣ возвращенія Крита подъ власть византійскую, то-есть, 961 года; 4) Иоаннъ Сардійскій, авторъ статьи подъ № 13, жилъ во время иконоборства, извѣстенъ по письмамъ Θεодора Студита, къ нему адресованнымъ; а 5) Обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи (№ 31), воспоминаемое 24-го февраля, подразумѣваетъ, вѣроятно, событіе, совершившееся въ 452 году.

Результатъ, отсюда вытекающій касательно древности кодекса, вполне сходитя съ замѣчаніемъ составителей каталога, что онъ по своему почерку долженъ быть относимъ къ X вѣку, какъ это, въ свою очередь, подтверждалъ и такой большой знатокъ палеографіи, каковымъ былъ Газе ¹⁾. Житіе Георгія Амастридскаго, вошедшее въ составъ сборника, очевидно, еще древнѣе, и подобно другимъ статьямъ вышенеречисленнымъ, должно быть признано произведеніемъ девятаго вѣка, „самое позднее — второй его половины“ (выраженіе Газе). Отъ себя мы прибавимъ, что еслибы нашлись надежные внутренніе признаки, доказывающіе принадлежность всего нашего памятника или какой-либо части его еще первой половинѣ IX вѣка, по времени написанія, то съ точки зрѣнія внѣшней исторіи его текста нельзя было бы представить никакихъ возраженій противъ соответствующаго заключенія. Послѣ этихъ замѣчаній, мы переходимъ къ изложенію нашихъ извлеченій изъ Житія. Чтобы впередъ заинтересовать читателя, мы теперь же объясняемъ, что намъ кажется весьма страннымъ и своеобразнымъ отношеніе автора къ вопросу объ иконопочитаніи, и потому мы отмѣчаемъ всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ встрѣчаются выраженія „εἰκόνη, τόπος, ἀρχέτοπος и т. п. Другія выписки изъ подлиннаго текста имѣютъ въ виду сравненіе языка и фразеологіи, какъ въ разныхъ частяхъ памятника, такъ и въ отношеніи къ другимъ близкимъ по времени писателямъ.

III,

Приводимъ заглавіе статьи, подлежащей нашему анализу: „Житіе съ похвалою иже во святыхъ отца нашего и чудотворца Георгія, архіепископа Амастриды. Того же мѣсяца 8-го дня“.

къ статьѣ Алліція de Nicetis (*Mai*, Nova Bibliotheca Patrum, t. VI, и къ сочиненію Гергепретера: Photius II, стр. 645 и сл.

¹⁾ См. Отрывокъ изъ его письма къ анад. А. А. Куннику въ *Bulletin historico-philolog.*, t. III, 35.

Ἦς σου ἐχώρας εἰς τὸν ἐν ἁγίοις
 Πατέρα ἡμῶν καὶ θαυματουργόν
 Γεώργιον, τὸν Ἀρχιεπίσκοπον Ἀμάστριδος.
 Μηνὶ τῷ αὐτῷ ἦ.

Вступленіе начинается обычнымъ въ произведеніяхъ такого рода заявленіемъ автора о своемъ недостоинствѣ и неспособности надлежащимъ образомъ исполнить свою задачу. Однако посреди общихъ мѣстъ можно отличить фактическія указанія на то, что авторъ въ первый разъ беретъ за литературный трудъ, состоящій въ составленіи Житія, долженствующаго быть прочитаннымъ публично, то-есть, при церковномъ богослуженіи, и что онъ при этомъ уступаетъ поощреніямъ и увѣщаніямъ старшихъ. „Приготовляющіеся къ гимнастическимъ состязаніямъ допускаются къ тому не прежде, чѣмъ они покажутъ въ предварительныхъ упражненіяхъ физическую къ тому способность, соотвѣтствующую опыту. А насъ и прежде всякаго опыта и нимало не запасшихся чѣмъ-либо достойнымъ предстоящаго состязанія, духовные подвигоположники выталкиваютъ на арену словесной борьбы“ и т. д. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на предварительное общее прославленіе святаго, составляющее какъ бы программу цѣлаго сочиненія. „Кто не знаетъ божественнаго Георгія, котораго слава прозвучала отъ концовъ до предѣловъ міра ¹⁾. Кто не знаетъ чудесъ и подвиговъ того, который былъ почтенъ для царей ради своего пророческаго дара и уважаемъ сановниками (σατράπης) за свои чудотворенія; который былъ извѣстенъ патріархамъ равнѣ своего священства; того, который сдѣлался украшеніемъ іереевъ и опорой мірянъ (μυάδων), былъ страшнымъ для враговъ и желаннымъ помощникомъ для своихъ?“ и т. д. Важно то, что здѣсь уже заключаются намеки не только на дѣянія святаго при жизни, но и на посмертныя его чудеса.

Потомъ начинается самое жизнеописаніе.

Родители святаго были люди благородные и знатные, но болѣе живущіе по Богу, чѣмъ внимающіе плоти. Отецъ носилъ имя Θεοδοσία, а мать называлась Μεγεο (Μεγεθώ). Была ли она наименована такъ согласно съ тѣмъ, чѣмъ она сдѣлалась, или же она сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ ей слѣдовало быть по ея прозванію,—но во всякомъ случаѣ она дѣйствительно была „величайшимъ храмомъ“ добродѣтелей. Даръ Божій (ἡ Θεοῦ δόσις), сошедшій съ „величіемъ благодати“, принесли

¹⁾ Οὗ ἀπὸ πειράτων μέχρι τεταύτων τὸ κλέος ἐξήχθηται.

плодь, вполне достойный божественнаго даянія (θεῖας ἀπαξίου δόσεως) ¹⁾. Они жили въ городѣ Кромнѣ, находившемся по сосѣдству съ знаменитою Амастридой. Кромва не славилась ни богатствомъ, ни какимъ-либо значеніемъ, и если сдѣлалась извѣстною, то развѣ какъ мѣсто жительства родителей святаго ²⁾. Чета долго оставалась бездѣтною и только послѣ продолжительныхъ и усердныхъ молитвъ Богъ даровалъ ей сына, заранѣе обреченнаго на служеніе Ему.

Во время беременности Мегеѡ посѣщала усердно божественные храмы и горячо молилась. Случилось однажды, что лица, принадлежавшія къ городскому управленію, сидя въ преддверіяхъ храма, увидѣли ее, и принявъ посѣтительницу за обычную простую женщину, обошлись съ нею непочтительно, какимъ-то образомъ оскорбили ее. Ночью каждый изъ нихъ посѣщенъ былъ одинаковымъ видѣніемъ: какой-то страшный мужъ съ палицею въ рукахъ и съ убійственнымъ взглядомъ грозилъ имъ всѣми злыми карами. Когда виновные, не понимая своей вины, обращались съ вопросами о причинѣ гнѣва, то услышали въ отвѣтъ, что вина ихъ есть неуваженіе, оказанное собственному „ихъ архіерею“, а затѣмъ разъяснилось, что архіерей былъ тотъ младенецъ, который находился въ утробѣ оскорбленной ими женщины. На другое утро всѣ какъ бы по соглашенію явились въ матери святаго, и припадая къ стопамъ ея, просили прощенія, при чемъ объяснили ей причину своего раскаянія. Послѣ этого жена отправилась къ одному богоносному мужу, чистотою жизни приобрѣвшему даръ видѣть будущее, рассказала ему о случившемся, и отъ него узнала о будущемъ съ такою же отчетливостію, какъ бы это уже было настоящее; именно — узнала о рожденіи у нея сына, о его наименованіи, о его священномъ помазаніи, о предстоящей ему славѣ. Черезъ нѣсколько времени дѣйствительно у благочестивыхъ родителей родился младенецъ мужескаго пола. Когда младенцу былъ третій годъ, онъ разъ подвергся большой опасности, что въ Житіи приписывается прямому дѣйствию злой дьявольской силы. Младенецъ, остававшійся наединѣ, попалъ въ огонь, и ползая на четверенькахъ, обжегъ себѣ руки и ноги. Однако въ—время вынутый изъ огня и послѣ надлежащей врачебной помощи, Георгій остался въ живыхъ ..

¹⁾ Авторъ довольно искусно, но уже слишкомъ долго играетъ словами: Мегеѡ, которое происходитъ отъ существительнаго, означающаго *величіе*, и Θεοδωσίη, что значитъ *даръ Божій*, даяніе Божіе.

²⁾ Οὗτοι δὲ οὗτοι τῆς πλησίον τῆς περιβλήτου Ἀμαστρίδος οἰκίητορες γεγονότες τῶν Κρομμυρῶν πόλιος.

Когда онъ сдѣлался способнымъ къ ученію, его отдали школьнымъ наставникамъ. Онъ прошелъ все „енкиклическое образованіе — какъ „наше“, то-есть, духовное, такъ и „виѣшнее“, то-есть, свѣтское, первое усвоивъ вполне, изъ другаго извлекая полезное.

Когда онъ достигъ мужескаго возраста, преуспѣвая въ практической философіи, то его дядя, занимавшій епископскую кафедру на его родинѣ (то-есть, въ Амастридѣ), причислилъ его къ церковному клиру, чтобъ онъ могъ усвоить себѣ церковные законы и всякое церковное благоустройство и порядокъ. Съ этого времени онъ дѣлается „желаннымъ“ своему дядѣ, еще болѣе желаннымъ всему церковному чину, преобразуя всѣхъ къ лучшему — однихъ словами, другихъ своимъ образомъ жизни. Онъ у всѣхъ считался іереемъ еще ранѣе священства и жрецомъ прежде (дарованной къ тому) благодати (*ιεραὺς πρὸ τῆς ιεροσύνης καὶ θεόπολος τοῖς πᾶσιν ἐλογίζετο πρὸ τοῦ χαρίσματος*). Онъ отличался кротостію, тихостію и мягкостію нрава, твердостію разума, дружелюбною рѣчью и красотою дѣлъ.

Онъ возжелалъ совсѣмъ удалиться отъ міра, искать жизни пустынной, дабы въ полной безмятежности ума ежедневно бесѣдовать съ Богомъ, подражая Или, Моисѣю, Предтечѣ.. Вслѣдствіе того онъ тайно покидаетъ свое отечество (отечественный городъ), не позаботившись о какихъ-либо удобствахъ путешествія, не взявъ съ собою ни сумы, ни жезла, не нося съ собою мѣди въ поясѣ, не сопутствуемый толпою рабовъ: только одинъ домашній слуга (*οἰκέτης*) и одно вьючное животное достаточно было для всѣхъ потребностей его исхода. Всего менѣе онъ заботился о старости родителей: это пресловутое и благовидное препятствіе на пути въ лучшему ¹⁾.

Достигнувъ подножія горы, которая называлась Агріосирийскою — *Ἀγριοσυρηκὴ τὴν τῆ ὄρει ὄνομα*, — онъ отсылаетъ и отрока съ подъяремнымъ животнымъ домой, уединяется отъ всякаго мірскаго сношенія, приближается къ Богу, и руководимый имъ, направляется во внутреннѣйшія части этой горы (*χεῖραγωγεῖται πρὸς τὰ τοῦ ὄρους ἐνδότερα*). Лѣсъ разнообразныхъ и всяческихъ деревьевъ, выросшій самъ собою кругомъ ея вершины, служитъ здѣсь какъ бы живою оградю (*ἀντὶ ἔρκους*); трудно проходимаыя скалы запирали доступъ со всѣхъ сторонъ. Сюда не достигалъ никакой городской шумъ, и ничто не привлекало сюда какого-либо путника. На самой вершинѣ горы Георгій оты-

¹⁾ *Ἦκιστα μὲν γονέων φροντίσας γῆρας· τούτο δὴ τὸ πολυθέουλον καὶ τῆς ἀμείνωνος ὁδοῦ ἐβλογον κάλυμα.*

скаль пещеру, въ которой нашель себѣ убѣжище одинъ мужъ, отрекшійся отъ всякой мірской суеты и чистотою своей жизни такъ угодившій Богу, что сподобился пророческаго дара. Къ этому подражателю Моисѣя и Иліи теперь приходитъ мужъ, подобный Аарону или Елисейю, ибо, согласно съ извѣстнымъ изреченіемъ (*κατὰ τὸ δὴ λεγόμενον*), Богъ приводитъ подобнаго къ подобному. Георгій былъ принятъ старцемъ съ большимъ благорасположеніемъ и поселился вмѣстѣ съ нимъ въ пещерѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ постриженъ въ иноки почтеннымъ старцемъ и надѣлъ на себя монашескую схиму. Предъ своею кончиною, близость которой онъ заранѣе предугадывалъ, старецъ-подвижникъ призвалъ къ себѣ Георгія, предсказалъ ему будущее и велѣлъ ему переселиться въ монастырь, который у туземцевъ именуется Вонисса, и въ которомъ его ожидалъ безпрепятственный и благорасположенный пріемъ. Это—та Вонисса, говоритъ биографъ, о которой такъ много говорятъ, и которая славится добродѣтелью, въ которой совокупность монаховъ ведетъ на землѣ равноангельскую жизнь, освободившись отъ всякаго земнаго помышленія. Поселившись здѣсь, Георгій продолжалъ преуспѣвать въ благочестіи и подвигахъ аскетическихъ... Онъ непрестанно размышлялъ о Священномъ Писаніи и внимательно читалъ переданныя письменно житія блаженныхъ мужей: въ нихъ онъ находилъ какъ бы нѣкія „одушевленные иконы“ для жизни по Богу ¹⁾. Не мало прошло такимъ образомъ времени, но вмѣстѣ съ временемъ возрастали подвиги совершенствованія у Георгія. Возшедши на высшую ступень лѣстницы добродѣтелей и очутившись какъ бы въ воздушной высотѣ, онъ не могъ болѣе оставаться невидимымъ, какъ не можетъ скрыться свѣтильникъ, стоящій вверху горы. Слава его достигла родины. Когда тамъ скончался предстоятель той церкви, Господь внушилъ соотечественникамъ святаго совѣтъ преподобный и весьма подходящий къ тогдашнему времени—избрать въ архіереи того, который былъ іереемъ до своего рожденія, и отправить къ нему посольство, чтобъ онъ уступилъ и принялъ священноначаліе. И вотъ отправляется къ нему избранная часть города, частію члены священнаго собора, частію представители городского управленія—и прибывши въ монастырь, держатъ рѣчь къ Георгію отъ имени города, его воспитавшаго, и церкви, его воздвигшей. Однако они не могли убѣдить избранника принять на себя

¹⁾ Καὶ τοὺς βίους τῶν μακαρίων ἀνδρῶν ἀναγρίπτους παραδεδομένους, οἷόν τινας εἰκόνας ἐμφύτους τῆς κατὰ θεὸν πολιτείας — εὐρίσκεισθαι.

избраніе: Георгій настойчиво отказывался, предоставляя другимъ желающимъ и честь предстоительства въ народѣ и помазаніе архіерейства, такъ какъ самъ онъ навсегда отрекся отъ міра и жизни въ мірѣ. Когда послы убѣдились въ непреклонности подвижника, они рѣшились на дѣло нѣсколько дерзновенное, если можно такъ выразиться, а не слѣдуетъ скорѣе догадываться о внушеніи свыше. Они совѣщаютъ совѣтъ, исполненный благочестія и дерзости: насильственной рукой они увлекаютъ святаго противъ воли. Надъ нимъ совершена была добрая тиранія (τὴν καὶ ἡν ἑταρᾶννήθη ταραννίδα). Когда такимъ образомъ положено было нѣкоторое начало надеждѣ, они, то-есть, городскіе представители, отправились съ возможною поспѣшностію въ царствующій городъ: длина пути сокращалась усердіемъ и надежда облегчала бывающіе въ путешествіи трудности, а вѣра приготавливала успѣхъ, превращая трудное въ легкое. Въ самомъ дѣлѣ въ столицѣ все оказалось благопріятнымъ для цѣли. Патріархомъ былъ Тарасій, который не только былъ расположенъ въ пользу выбора, но даже призналъ въ избранномъ лицѣ себѣ знакомое... Вотъ въ чемъ состояла исторія, относящаяся еще ко времени юности Георгія. Когда еще великій Тарасій не восходилъ на первосвященнической тронъ, а числился въ придворномъ штатѣ, исполняющемъ тайную царскую службу, что на языкѣ италійскомъ называется секретарствомъ, случилось однажды, что когда онъ совершалъ всенощное псалмопѣніе и раздавалъ плату народу, прибылъ въ храмъ великій Георгій, сопровождавшій своего дядю, и подобно другимъ своимъ сверстникамъ, принималъ участіе въ пѣнопѣніи. Псалмопѣніе было кончено, и время было раздавать пѣвцамъ плату. Тарасій выдалъ ее по порядку каждому, но когда очередь дошла до Георгія, то онъ отказался принять деньги, сказавъ, что получить лучшую награду въ будущей жизни. Воспоминаніе объ этомъ случаѣ, возбудившемъ нѣкогда удивленіе Тарасія къ добродѣтели и уму мальчика, воскресло теперь въ его памяти. Патріархъ былъ расположенъ сейчасъ же исполнить желаніе амастридскихъ жителей и посвятить Георгія. Но посольство отъ императора, а лучше сказать — дѣйствіе зависти, остановило на нѣкоторое время готовность патріарха. Ἄλλ' ἢ τοῦ βασιλέως ἀποστολή, μᾶλλον δὲ ἢ τοῦ φθόνου προσβολή μικρόν τι τὴν ὀρμὴν ἐπισχευῆναι τοῦ πατριάρχου παρεσκεύασεν. Ибо на тотъ же самый епископскій престолъ назначался самимъ императоромъ другой (Ἐἰς τὸν αὐτὸν γὰρ τῆς ἐπισκοπῆς θρόνον πρὸς αὐτοῦ τοῦ αὐτοκράτορος ἐψηφίζετο ἕτερος). Но приказаніе (πρόσταγμα) самодержца ни-

какъ не заставило божественнаго архіерея (τὸν θεῖον ἀρχιερέα) предпочесть ложь истинѣ, почтить лицо царское или убоиться руки тиранской, или же уступить лести. Тарасій, созвавши весь духовный соборъ (τὸ ἱερόν — — — σύστημα) и выведши на средину обоихъ мужей, какъ Матѳея и Ниванора, сдѣлалъ испытаніе обоимъ (πειρασάμενος τῶν ἀσυγκρίτων καὶ συγκρίτων), какъ во всемъ другомъ, такъ особенно въ томъ, что касалось церковнаго благоустройства. (Ἐν τε ἄλλοις καὶ τοῖς τῆς ἐκκλησιαστικῆς εὐταξίας).

Оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, только то, что золото есть золото, и что положенное рядомъ съ оловомъ, оно кажется еще болѣе блестящимъ. Согласіе іереевъ и общій голосъ рѣшили дѣло въ пользу Георгіа. Онъ получаетъ помазаніе іерейства (τὸ τῆς ἱεροσύνης χρίσμα) и отсылается на родину, но съ тѣмъ, что опять воротится въ столицу (Πρὸς τὴν πατρίδα ἐκπέμπεται ἀνὼν μὲν τῇ ἀναχωρήσει τὴν βασιλεύουσάν). Въ это время онъ сдѣлался всеѣмъ извѣстнымъ, для всѣхъ желаннымъ и почтеннымъ — для царей, влaстителей и влaствуемыхъ, для династовъ и бѣдныхъ (δοῦσταῖς καὶ πένησιν). Получивъ отъ патріарха то, чего искали, представители Амастриды воротились домой вмѣстѣ съ своимъ избранникомъ.

И такъ, Георгій прибылъ въ отечество, которое онъ потомъ сдѣлалъ славнымъ и знаменитымъ. Пользуясь своимъ дерзновеніемъ предъ царемъ, онъ между прочимъ доставилъ своему отечеству то преимущество, что оно перестало быть подъ чужою властію ¹⁾. Ибо тотъ, кто въ это время управлялъ Гаяггрскою митрополіей, встрѣтилъ весьма недружелюбно Георгіа, обнаруживъ злонавіе и грубость тщеславнаго или же ненавидящаго людей чловѣка ²⁾, не почтивъ въ немъ благодати Духа Свитаго. Ибо, согласно съ извѣстнымъ изреченіемъ, благочестіе есть мерзость для грѣшника, и все доброе находитъ себѣ похвалу и уваженіе только у добрыхъ, а въ противномъ случаѣ возбуждаетъ вражду. Онъ оттолкнулъ великаго митрополита вышняго Іерусалима, когда сей подъ образомъ послушанія явился къ нему на представленіе (εἰς ἐπίσκεψιν). Можетъ быть, въ этомъ цужно видѣть дѣло Промысла, все устрояющаго ко благу, ибо это жестокосердіе повело къ тому, чтобы лучшее не

¹⁾ Ὅς τὰ τε ἄλλα αὐτῇ περιποιήσατο καὶ τὸ μὴ ὑπὸ τινος ἀρχεσθαι ἐχαρίσατο, παρρησίᾳ πρὸς τὸν βασιλέα χρησάμενος.

²⁾ Σοβαρὸν ἐνδεικνύμενος καὶ ἀλαζονείας τρόπῳ, μᾶλλον δὲ μισανθρωπίας τὸ ἀπηνέες ἐνδεικνύμενος.

оставалось подъ властію худшаго. Именно: это было причиною, что отечество Георгія перестало быть подчиненнымъ (въ іерархически-церковномъ отношеніи) какому-либо другому престолу, и что согласно съ прошеніемъ святаго царская рука устроила это иначе и согласно съ требованіями справедливости ¹⁾. Впрочемъ, это случилось, оговаривается нашъ жизнеописатель,— много послѣ и упомянуто здѣсь потому, что къ этому пришла рѣчь. Пусть она теперь возвратится къ своему предмету, то-есть, къ прибытію святаго на родину.

Когда городу было возвѣщено его прибытіе, то можно было видѣть всеобщее стеченіе народа: старцы, забывъ о своей старости и обнаруживая юношескую бодрость, спѣшили на встрѣчу, больные получали крѣпость, женщины отрицались своей слабости и т. д. Принятый съ горячею любовію, Георгій съ своей стороны обнаружилъ такую же ревность къ устройству своей церкви, впрочемъ поступая въ этомъ дѣлѣ вполне рассудительно и разумно. Въ одно и то же время все совершалось и все было предметомъ вниманія, и прежде всего—благочиніе алтаря, устройство священнаго чина. Смотри на него, какъ на пѣкое начертаніе первообраза, члены Амастридской паствы получали въ своихъ душахъ неизгладимое отраженіе образовъ добродѣтели, начертаваемыхъ рѣзкими чертами ²⁾. Заботливость Георгія о своей родинѣ, о ея внѣшнемъ благосостояніи и безопасности также не подлежитъ сомнѣнію и была доказана многими примѣрами.

Было нашествіе непріятелей, и притомъ болѣе тяжкое какихъ-либо и когда-либо упоминаемыхъ нашествій. Всякій полъ и всякій возрастъ былъ увлекаемъ въ плѣнъ руками незаконныхъ. Тѣ, которые были способны къ оружію, а равно старцы и дѣти, были предаваемы смерти мечомъ. Съ одними такъ поступали изъ страха, чтобъ они не предприняли что-либо смѣлое или же дерзкое; другіе были истребляемы какъ бесполезные и не обѣщающіе никакой выгоды—или вслѣдствіе того, что они были сокрушены старостію, или же вслѣдствіе несовершенности. А то, что къ оружію было не способно, но еще къ чему-либо годно, то отдѣлялось на службу въ позорномъ рабствѣ. Полна была земля крови, села полны рыданій, все полно плача, все изображало (ἐξεικονίζοντα) персидскій плѣнъ Іу-

¹⁾ Τοῦτο γὰρ αἰτίον τοῦ μὴ τὸν τῆς πατρίδος ὑπὸ τινος ἀρχεῖται χρόνον συμβεβηκε βασιλικῆς χειρὸς τῆ τοῦ ἁγίου αἰτησεῖ τοῦτο οἰκονομησάσης.

²⁾ Εἰς αὐτὸν γὰρ ὡσπερ εἰς ἀρχέτυπον ἀφορῶντες πίνακα τοῦς τῶν ἀρετῶν χαρακτῆρας ἐναργεῖς ἀπειλάσσοντο, ἀνεξάλειπτους τὰς τῆς ἀρετῆς εἰκόνας τῆ ψυχῆ ἀνετυπούντο.

деевъ. Агарянское колѣно относительно жестокости не уступаетъ нисколько персидской свирѣпости, но еще во столько же превосходитъ Персовъ грубостію, во сколько уступаетъ имъ въ мужествѣ. Вообще на сколько понижается сила, на столько возрастаетъ безчувствіе въ случаѣ побѣднаго торжества, и на оборотъ—чѣмъ больше напряженіе силы, тѣмъ больше состраданія. На рукахъ матерей ихъ милія дѣти подвергались безвременной смерти мечомъ; онѣ сами впередъ подставляли шею острію меча, чтобы не видѣть собственными глазами, какъ гибнутъ бѣдныя питомцы ихъ отъ рукъ непріятельскихъ. Кто бы могъ живо представить все многообразіе этого бѣдствія: суровость, жестокость и звѣрство враговъ и то, какъ дитя въ одно и то же время принадлежало къ матернимъ сосцамъ и получало смертельный ударъ въ свои внутренности; какъ бѣдная мать держала грудь въ устахъ дитяти и принимала кровь въ родное лоно! Часто врагъ, сильный своею рукою, однимъ ударомъ меча поражалъ и мать вмѣстѣ съ ея младенцемъ. Кто бы могъ описать вопли и рыданія отцовъ, послѣднія объятія смятой! Дѣти, покидаемыя изъ рукъ отцовскихъ, представляли страшное зрѣлище для родителей. Но вотъ чудо: среди всѣхъ этихъ сценъ святой (Георгій) не растерялся душой отъ страха, не думалъ о томъ, какъ бы избѣжать собственнаго плѣна, не помыслилъ и не сдѣлалъ ничего неблагороднаго, но высоко поднявъ свою главу, взявъ въ руки побѣдное знамя креста, и держа щитъ вѣры, пробѣгаетъ сосѣднія села; при нашествіи враговъ, какъ добрый пастырь при нашествіи волковъ, собираетъ всѣхъ пасомыхъ, и утвердивъ ихъ внутри града, какъ бы внутри ограды, самъ обходитъ кругомъ внѣ безоружный, подвергался опасности за отечество, полагая душу за овцы, подражая пастырю, архіерею и Господу. Что же Господь чудесъ, дѣлающій одного способнымъ преслѣдовать тысячу и двумъ дающій силу противу многихъ тысячъ? Тотъ, кто обходомъ семи іереевъ и разночисленнымъ трубнымъ звукомъ низвергъ Іерихонскія стѣны, спасаетъ теперь обходомъ одного іерея городъ многолюдный и обращаетъ вспять народъ, исполненный бѣшенства, стремящійся стереть съ лица земли все наслѣдіе Христа, поражая его и побѣждая молитвами, какъ стрѣлами, и заставляя унести домой свой стыдъ. По истинѣ, согласно съ извѣстнымъ изреченіемъ (*ὄντως κατὰ τὸ δὴ λεγόμενον*), добродѣтель мужа уважаетъ и врагъ— хотя и не по доброй волѣ, но по принужденію. Такъ и тогда можно было видѣть бѣгущихъ, когда никто не преслѣдовалъ, падающихъ, когда никто не

пускалъ стрѣль... Что можетъ быть страннѣе, чѣмъ это истинное событіе? Въ древности Моисѣи обратилъ въ бѣгство Амалика воздѣланіемъ рукъ, нося образъ и начертаніе большаго таинства (μηστηρίου μείζονος φέρων εἰκόνα καὶ παραχάραγμα); во не безъ труда и не безъ крови достался ему тогда трофей, онъ все-таки нуждался для этого во многихъ отрядахъ мужей желѣзноносныхъ...

Ἐφοδος ἦν πολεμίων καὶ τῶν πρότετε μνημονευομένων ἐφόδων χαλεπωτέρα τυγχάνουσα. Εἴλκετο χερσὶν ἀνόμων γένος ἅπαν δορυάλων, καὶ ἡλικία πᾶσα. ὅσον μὲν πρὸς μάχην ἔχον ἐπιτηδείως, ὅσον δὲ γηραῖον ἢ νηπιῶδες, τῷ διὰ ξίφους θανάτῳ παραπεμπόμενον· τὸ μὲν δεῖε τοῦ μὴ τι νεανικώτερον ἢ καὶ θρασύτερον ἐπιδείξασθαι· τὸ δὲ ὡς ἀχρεῖον καὶ μηδεμίαν φέρον ὦνησιν· τὸ μὲν ὡς τετραχωμένον τῷ γήρατι· τὸ δὲ τῷ ἀτελεῖ τῆς ἡλικίας ἐμποδιζόμενον. τὸ λοιπὸν ὅσον πρὸς μάχην μὲν ἀνεπιτηδεῖον, οὐκ ἀχρεῖον δὲ πρὸς ὑπηρεσίαν τῇ ἀτίμῳ δουλείᾳ ἀποκληρούμενον. πλήρης αἰμάτων ἢ γῆ, πλήρεις οἰμηγῶν αἰ κόμαι, ὄδουρμῶν πάντα μεστὰ, τὴν παρὰ περσῶν ἰουδαϊκὴν αἰχμαλωσίαν ἐξεικονίζοντα· οὐδὲ γὰρ ἐλάττω τῆς περσικῆς ὠμότητος τὸ Ἀγαρηγῶν ἐνδείκνυται φύλον τὴν ἰταμότητα· τοσοῦτο δὲ μᾶλλον καὶ λίαν ἀπηνέστερον ὅσον τῆς ἐκείνου ἀνδρείας ἀπολείπεται· ὅση μὲν γὰρ τῆς ἰσχύος ὕψους, τοιαύτη τῆς ἀπονοίας ἢ ἔνδειξις, ἡνικα νικᾶν προσγένηται ὡς περ ὅση τῆς ἰσχύος ἢ ἐπίτασις, τοσαύτη τῆς συμπαθείας. Μητέρων ἐν χερσὶ φίλα τέκνα τὸν διὰ ξίφους ὑπεμενον ἄωρον θάνατον. αἱ δὲ τὸν αὐχένα τῇ τοῦ ξίφους ἀκμῇ προὑπετέθεντο, ὡς ἂν μὴ ἴδωσι τοῖς ὀφθαλμοῖς τὰ δέιλαια βρέφη διαφθειρόμενα. Τίς ἂν τὸ πολύτροπον τῆς συμφορᾶς τραγωδήσειε; τὴν τῶν πολεμίων ἀπηνεῖαν, τὴν ὠμότητα, τὴν θηριωδίαν; πῶς τὸ βρέφος ὁμοῦ τὲ τῷ μαζῷ προσεφύετο καὶ διὰ τῶν σπλάγχχνων τὴν καιρίαν ἐλάμβανε· πῶς ἢ δέιλαια μήτηρ τὴν θυλὴν ἐπέιχεν τῷ τοῦ νηπίου στόματι, καὶ τὸ αἷμα τοῦ τέκνου τοῖς κόλποις ἐδέχετο. Πολλάκις δὲ τῇ ῥύμη τῆς χειρὸς ὁ πολέμιος, τῇ μιᾷ τοῦ ξίφους ὀρμῇ, τὸ τέκνον τῇ μητρὶ συνδιήλασε. πῶς ἂν τις τῶν πατέρων διηγῆται τὰς ἀνακλήσεις, τὰς οἰμηγὰς, τὰς τελευταίας τῶν τέκνων περιπλοκάς, πατρικῶν ἐκ χειρῶν παῖδες ἀρπαζόμενοι, ἐλευσινὴν τοῖς φύσασι τραγωδίαν ἠφίσσαν. Ἐν τούτοις δὴ καὶ τοῖς τοιοῦτοις, ὡ τοῦ θαύματος, οὐ παρεσύρη τὴν ψυχὴν τῷ τῆς δειλίας πάθει ὁ ἅγιος· οὐ τὸ οἰκτεῖον ὅπως διαφύγη τὴν αἰχμαλωσίαν ἐσκόπησεν. οὐκ ἀγεννές τι ἐνενοήθη ἢ διεπράξατο, ἀλλ' ὕψου τὴν κεφαλὴν διάρας καὶ τὸ τοῦ σταυροῦ φραζάμενος τρόπαιον, καὶ τὸν τῆς πίστεως θυραῖον ἀναλαβόμενος διατρέχει τὰς γειτνιώσας κόμας, — ἐπισυνάγει πάντας καθάπερ ποιμὴν ἄριστος τῇ τῶν πολεμίων ὡς λύκων ἐπιδρομῇ... и т. д.,..... Ἐνός ἱερέως περιόδῳ σώζει πόλιν μυριάνδρον καὶ ἀποστρέφει ἔθνος γέμον μανίας....

Другое чудо, которое авторъ Житія называетъ еще болѣе удиви-

тельнымъ, состояло въ слѣдующемъ: „Взяты были въ плѣнъ купцы его города (τῆς αὐτοῦ πόλεως) и заключены были подъ стражею въ Трапезунтѣ вслѣдствіе ложнаго доноса о нарушеніи таможенныхъ правилъ. По истинѣ страшная вещь ябеда, порожденіе зависти: конецъ обоихъ — убійство. Граждане Амастриды были схвачены и преданы были воеводою (παρὰ τοῦ στρατηγούτου) на заключеніе въ государственной темницѣ, въ ожиданіи смерти отъ меча. И можно было видѣть, какъ у этихъ людей на подобіе злодѣевъ, ожидающихъ смерти, измѣнились и онали лица, омрачилась всякая красота, ослабѣла всякая физическая сила, помрачилось отъ слезъ зрѣніе. Дѣти, домашніе и сродники взывали къ Богу, обращались ко святому: „Поспѣши на помощь нашу, избавь отъ несправедливой казни невинныхъ, не попусти имъ погибнуть смертію злодѣевъ. Да не совершитъ среди насъ зависть свойственное ей злодѣяніе; да не причинитъ нашей родинѣ позора наша кровь, пролитая на чужой землѣ“. При этомъ они разрывали одежды, посыпали главы пепломъ. Такая печаль и такіа моленія подѣйствовали на Георгія. Онъ не убоился длинноты предстоящаго ему пути, ни зимняго времени и труднаго плаванія, но какъ скоро услышалъ просьбы, тотчасъ добровольно собрался въ путешествіе. Онъ взошелъ на корабль и поплылъ на помощь несправедливо угнетеннымъ. Все оказалось благопріятнымъ его намѣренію: море вроткимъ движеніемъ своихъ волнъ тихо несло корабль далѣе и только что не говорило голосомъ о своей готовности служить человѣку Божию... ¹⁾. Но діаволь однако забѣжалъ впередъ и приготовилъ препятствія святому въ самомъ Трапезунтѣ, нашедши себѣ орудіе въ лицѣ помощника воеводы, который на діалектѣ италійскомъ именуется кортисъ (то-есть, comes cortis) ²⁾. Этотъ чиновникъ, какъ скоро узналъ о причинѣ прибытія святителя, привелъ въ движеніе заостренный на подобіе бритвы языкъ свой и возобновилъ противъ Амастридянъ обвиненія, на нихъ изведенныя, даже усилилъ, отягчилъ оныя и прямо заявлялъ, что они достойны смерти. Его внѣшніямъ поддавался и воевода (στρατάρχης). Чтò же дѣластъ Господь? Онъ поражаетъ слѣпотою зрѣніе его (то-есть, воеводы) супруги за то, что онъ явился непослушнымъ предъ рабомъ Его. Наказаніе послужило

¹⁾ Не смотря на всю естественность факта, писатель, по своей обычной склонности находить вездѣ чудо, и здѣсь распространяется на ту тему, что святому должна служить вся природа.

²⁾ Τοῦ γὰρ στρατηλάτου ὑπακιστήν τῆς κόρτης οὕτω; τῆ Ἰταλῶν διαλέκτῃ λεγόμενον.

къ вразумленію упорнаго; онъ прибѣгнулъ теперь ко святому съ просьбами, мольбами, слезами и рыданіями, исповѣдѣя грѣхъ, обѣщая исправленіе ¹⁾. Георгій тотчасъ возвратилъ божественною силою зрѣніе супругѣ правителя. Теперь когда они явнымъ и неподлежащимъ сомнѣнію образомъ испытали чудотворную силу Георгія, они уже немедленно освободили заключенныхъ, прося у святаго прошенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ... Во время пребыванія въ Трапезунтѣ одна благочестивая жена, старая божественною любовію, просила святаго отслужить въ ея „молитвенномъ домѣ“ (ἐν τῇ ἐαυτῆς εὐκτηρίῳ οἴκῳ) литургію. Георгій согласился, но при этомъ также не обошлось безъ чуда. Женщина, принявшая Георгія въ домъ, забыла приготовить хлѣбъ и вино, необходимыя для совершенія богослуженія, но когда потребность въ нихъ наступила, то они, по молитвѣ епископа, явились сами собою неизвѣстно откуда (слѣдуетъ очень длинное, исполненное невыносимой декламации, прославленіе этого чуда).

Послѣ того какъ Трапезунтъ сподобился такихъ чудесъ, святой долженъ былъ воротиться въ отечество, которому онъ принесъ какъ бы въ даръ освобожденныхъ согражданъ; а отсюда ему пришлось отправиться опять въ столицу, ибо онъ столь сдѣлался желаннымъ для императрицы Ирины, державшей тогда скипетръ Римской имперіи, и для ея сына, Константина, что они не могли вынести долгаго его отсутствія, но открыто вынуждали его всегда оставаться съ ними, раздѣлять съ ними царство и благонаправлять бразды власти, хотя онъ всегда отвращался отъ пребыванія во дворцѣ и отъ близости къ самодержцамъ, какъ бы считая это чѣмъ-то въ высшей степени постыднымъ. Во время пребыванія въ царственномъ городѣ опять случилось нѣчто странное, обнаружившее присутствіе пророческаго дара въ Георгіѣ. Въ эти годы государственными доходами завѣдывалъ Логоветъ Никифоръ, находившійся въ числѣ первыхъ друзей и знакомыхъ Георгія, при чемъ онъ не только въ дѣлахъ, касающихся души, но и въ томъ, что касалось мірскаго поведенія, имѣлъ руководителемъ святаго ²⁾. Этотъ-то Никифоръ пожелалъ приобрести покупкою домъ и сообщилъ о своемъ намѣреніи всегдашнему своему наставнику. Стремленіе его было

¹⁾ Πεφύλασι γὰρ οἱ περισσώτερον εὐχμερίας προσούσης ὡς τὰ πολλὰ ἀλαζονευόμενοι, σφοδρότερον εἰς τοῦναντίον περιτραπέντες ταπεινωσθαι...

²⁾ Ὁ κατ' ἐκείνῳ καιρῷ τῶν δηροσίων φόρων προσεστώς, Νικηφόρος ἦν τῷ λογοθέτῳ ὄνομα — — — βιωτικῆς ἀγωγῆς ποιούμενος καθηγούμενος.

остановлено, но за то подано было указаніе на ожидающее его царское достоинство. Именно, святой сказалъ ему, что спустя не много времени онъ сдѣлается наслѣдникомъ одной вдовствующей жены, владѣющей большими домами. Рѣчь шла, какъ оказалось послѣ, о царицѣ Принѣ, послѣ которой Нивифоръ получилъ власть. И тогда онъ не понималъ загадочнаго смысла словъ, а когда предсказанное сбылось, то онъ уразумѣлъ пророческій даръ святаго и уже ни во что цѣнилъ царскую діядему и всю свою власть въ сравненіи съ тѣмъ преимуществомъ, чтобы раздѣлять время и пищу со святымъ. Онъ презиралъ и самую порфиру для того, чтобы тайно одѣваться въ его рубашку и покровъ (τριβώνιον), и это онъ считалъ за нѣкоторый талисманъ (φουλακτήριον) и укрѣпленіе своего царства. Онъ пренебрегалъ высокими кроватями и повергалъ себя на землю, чтобы участвовать въ этомъ высокомъ возлежаніи на землѣ и бдѣніи. Такъ это было (ταῦτα μὲν ὅσως). Теперь же, припомнивъ еще единое изъ многого, будемъ направлять слово къ окончанію.

Совершая однажды плаваніе черезъ Евксинскій Понтъ въ свое отечество, святой прибылъ на одно мѣсто, гдѣ находится устье рѣки Сангарія, текущей по странѣ Галатовъ. Вѣтеръ, дувшій съ твердой земли, вздымалъ волны и поднималъ такую страшную бурю, что не было никакой возможности держаться на морѣ и нѣсколько пловцовъ уже погибли вмѣстѣ съ своими судами. Тогда святой, едва выбравшись на сушу при помощи гребцовъ, сталъ на берегу, и воздѣвъ руки къ небу, запретилъ вѣтру и укротилъ бурю, и вслѣдъ затѣмъ этотъ буйный вѣтеръ сейчасъ же остановился, ни разу не дунувъ, связанный какъ бы узамъ приказаніемъ святаго. Какое чудо можетъ сравниться съ этимъ по своей силѣ! восклицаетъ писатель Житія. — Изгонять демоновъ, исцѣлять болѣзни, совершать рои другихъ чудесъ, которыми полны всякое писаніе и всякое твореніе (συγγραφή καὶ ποιησις), — не великое дѣло для святыхъ, сохранившихъ незапятнаннымъ подобіе образу (ἀκηλίωτον τὸ κατ' εἰκόνα). Но повелѣвать вѣтрами и бурями — это уже дѣло божескаго естества (τοῦτο δὲ τοῦτο τῆς θείας φύσεως ἔργον), которому Георгій уподобился, сколько это доступно, высотой своего безстрастія и чистоты. Никто не остался лишеннымъ доли участія въ его чудесахъ. Тѣ, которые по рожденію были участниками его жизни, уже тогда самымъ щедрымъ образомъ были облагодѣтельствованы послѣдовательнымъ рядомъ его удивительныхъ чудотвореній; а тѣ, которымъ этого не досталось на долю, которые еще только имѣли явиться на свѣтъ въ ближайшее имѣющее

наступить время, для тѣхъ его благодѣяній, какъ въ сокровищницѣ, хранились для будущаго, пока они не были оказаны ¹⁾. Даже было бы позволительно сказать, что и прежніе, давно усопшіе святые получили нѣкую долю славы отъ этихъ чудесъ, потому что подражаніемъ имъ онъ достигъ способности творить ихъ. Великое дѣло видѣть предъ собою такіе первообразы (ἀρχέτυπα), но еще болѣе великое дѣло—имѣть такого себѣ подражателя. Отличный живописецъ, воинъ, подражавшій въ бою мужеству царя, равнымъ образомъ переноситъ славу на первообразъ.—Затѣмъ слѣдуетъ длинное и весьма риторическое сравненіе Георгія съ другими святыми: сравненіе, составлявшее, по видимому, необходимую принадлежность „Похвалы“, написанной по правиламъ школы. Онъ изобразилъ въ себѣ Иосифа, Моисѣя и Аарона (ἐναργῶς ἐξείκονισε). Онъ показалъ твердость мучениковъ и т. д. О самой кончинѣ Георгія говорится довольно кратко. Онъ умеръ за два дня до десятаго дня мѣсяца Дистра (то-есть, восьмого февраля) ²⁾. При его погребеніи можно было видѣть стеченіе царей и архіереевъ и ихъ слезы, неутѣшный плачъ правителей и управляемыхъ... Онъ скрытъ былъ во гробѣ, какъ приличествовало человѣку, но однако не покрывается забвеніемъ, но блистаетъ чудесами, какъ мы это покажемъ немногими примѣрами изъ многихъ. Слѣдуютъ два посмертныя чуда.

„Мы не будемъ описывать“, говоритъ авторъ Житія,—„безчисленнаго множества его чудесъ послѣ разлученія съ земною жизнію. Но согласно съ извѣстнымъ изреченіемъ, что левъ узнается по когтямъ, покажемъ его дерзновеніе и близость къ Богу на самомъ дѣлѣ, упомянувъ объ одномъ или двухъ изъ его такихъ чудесъ, и затѣмъ окончимъ свою рѣчь. Былъ сильный дождь, способный покрыть всѣхъ когда-либо существовавшихъ множествомъ водъ и подобный какъ бы новому потоку. Дома, храмы были полны водой, отчасти текущею сверху черезъ крышу, отчасти проникающею снизу черезъ двери; городъ, на который со всѣхъ сторонъ напирала волна, какъ бы плавалъ въ морѣ, колебался въ своихъ основаніяхъ и угрожалъ разрушеніемъ, еслибы только Высшій Промыслъ, все обращающій на пользу, сверкающій мечомъ наказанія, но однако не спускающій удара, а открывающій намъ путь покаянія, не остановилъ те-

¹⁾ Οἷς δὲ τοῦτο μὲν τέως οὐκ ἐξήγγελετο, ὁ δὲ πικρὸν χρόνος ἐμελλεν ὑποδέχασθαι, τοῦτοις πρὸς τὸ μέλλον τὰ τῆς εὐεργεσίας ἕως ἰδέσθαι ἐταμίευετο.

²⁾ Ἐκδήμαί τοῦ σάχνου τῆ πρὸ δύο τῆς δεκάτης τοῦ Δίστρου μηνός.

ченія и не виявъ заступленію святаго ¹⁾. Заступленіе это обнаружено было слѣдующимъ чудомъ. Когда храмъ наполнился водою, то эта вода никакъ не приближалась къ гробу святаго, но можно было видѣть, какъ влажная и жидкая стихія превратилась въ нѣчто совсѣмъ противоположное, и стала по ту и другую сторону гроба, какъ нѣкая вѣтхая и неподвижная стѣна, такъ что гробница не коснулась даже малѣйшая сырость. Затѣмъ слѣдуетъ переходъ къ послѣднему, наиболѣе для насъ важному чуду (*καὶ ταῦτα μὲν οὕτως, τὰ δὲ ἑτέρας ὡς λίαν παράδοξα*).

„Было вшествіе варваровъ, Руси—народа, какъ все знаютъ, въ высшей степени дикаго и грубаго, не носящаго въ себѣ никакихъ слѣдовъ челоуколюбія. Звѣрскіе правами, безчеловѣчные дѣлами, обнаруживая свою кровожадность ужь однимъ своимъ видомъ, ни въ чемъ другомъ, что свойственно людямъ, не находя такого удовольствія, какъ въ смертоубійствѣ, они—этотъ губительный и на дѣлѣ и по имени народъ,—начавъ раззореніе отъ Пропонтиды и посѣтивъ прочее побережье, достигли наконецъ и до отечества святаго, посѣкая нещадно всякій полъ и всякій возрастъ, не жалѣя старцевъ, не оставляя безъ вниманія младевцевъ, но противу всѣхъ одинаково вооружая смертоубійственную руку и спѣша вездѣ принести гибель, сколько на это было у нихъ силы. Храмы испровергаются, святыви оскверняются: на мѣстѣ ихъ (нечестивые) алтари, незаконныя воздѣлія и жертвы, то древнее таврическое избіеніе иностранцевъ, у нихъ сохраняющее свою силу (процвѣтающее). Лугамъ, источникамъ и деревьямъ воздается поклоненіе. Верховный промысль допускаетъ это—можетъ быть, для того, чтобы умножилось беззаконіе, что, какъ мы знаемъ, много разъ испыталъ Израиль. Пастырь добрый не былъ на лицо тѣломъ, а духомъ былъ съ Богомъ, и въ непостижимыхъ судахъ Его читая, какъ посвященный, лицомъ къ лицу, медлилъ заступленіемъ и откладывалъ помощь. Но въ конецъ онъ не возмогъ презрѣть, и вотъ онъ и здѣсь чудодѣйствуетъ не меньше, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Когда варвары вошли во храмъ и увидѣли гробницу, они вообразили, что тутъ сокровище, какъ и дѣйствительно это было сокровище. Устремившись, чтобы раскопать оное, они вдругъ почувствовали себя расслабленными въ рукахъ, расслабленными въ ногахъ, и связанные невидимыми узами, оставались со-

¹⁾ Εἰ μὴ τὸ ἄνωγον — πρῶτον, ἢ ἀποβῆσα μὲν πῦρ τῆς πυρρῆας ῥομφαίας, μὴ ἀπαύουσα ἐκ τῆς τομῆς, ἀλλὰ μετὰ τῆς ἡαῖς ὄφθῃ βλαναύουσα αὐτῆς.

вершенно неподвижными, жалкими, будучи полны удивленія и страха, и ничего другаго не имѣя силъ сдѣлать, какъ только издавать звуки голоса. А ихъ предводитель, когда увидѣлъ необычайное явленіе, исполнился тоже страха и ужаса, и приказавъ подвести одного изъ уведенныхъ въ плѣнъ, спрашивалъ его, что означаетъ случившееся и какого Бога это сила, и что такое было здѣсь закопано, и какимъ образомъ пострадали воины. Тотъ отвѣчаетъ: „Это сила Бога, все приведшаго изъ небытія въ бытіе и творящаго все ему угодное, которому никто не можетъ противорѣчить—ни царь, ни тираннъ, ни князь, ни варваръ, ни кто-либо другой, кого только ты можешь назвать, ни даже цѣлый народъ: ибо Имъ цари царствуютъ и власти-тели владѣютъ землею“. Что же отвѣчаетъ варваръ?—„Развѣ мы не приносимъ“, говоритъ онъ,—„каждый день жертвы богамъ, устраивая алтари и возліянія?“—„Но, человѣче, это никакъ не суть истинные боги, которымъ вы совершаете возліянія: не такія жертвы угодны нашему Богу; ни въ чемъ не нуждается тотъ, кто надъ всѣми владычествуетъ“. „Но существуетъ ли какая другая жертва, которая бы угодна была вашему Богу?“ „Самъ онъ ни въ чемъ не нуждается, но будучи благимъ, принимаетъ благія дѣянія, приносимыя ему отъ чистаго помышленія. Кто же явился чистымъ предъ Нимъ своими благими дѣлами, тотъ удостоивается величайшей чести и при жизни и по смерти“. „А какая это честь?“ спрашиваетъ варварскій князь. „Все, что ни зачѣли бы творить во имя Его и благодѣтельствовать почитающимъ Его, и останавливать тѣхъ, кто покушается не воздавать ему чести. Вслѣдствіе того и твои воины, какъ видишь, осмѣлившись раскопать этотъ гробъ (были наказаны): такъ какъ прикосновеніе нечистыхъ рукъ варварскихъ было оскорбленіемъ лежащему въ немъ, то по своему дерзновенію предъ Богомъ онъ связалъ руки и ноги ихъ. И если хочешь узнать, что все это истина, то принеси Ему дары, умиловивъ чрезъ посредство насъ, христіанъ, и люди твои освобождены будутъ отъ обдержавшихъ ихъ печалей“. „А какими дарами можно Ему угодить, и какія приношенія Онъ принимаетъ?“ „Елей и воскъ, какъ это обычно у христіанъ, и освобожденіе плѣнныхъ, сохраненіе почтенія къ храмамъ. Если все это хочешь сотворить и соблюсти, то увидишь своихъ воиновъ здоровыми, какъ прежде“. Варваръ, пораженный этимъ, обѣщалъ все сдѣлать какъ можно скорѣе. Давъ вольность и свободу христіанамъ, онъ поручилъ имъ кодайтство предъ Богомъ и предъ святымъ. И вотъ устраивается щедрое возженіе свѣтильниковъ (освѣщеніе) и всеночное стояніе, и пѣс-

нопѣніе; варвары освобождаются отъ божественнаго гнѣва, устраивается нѣкоторое примиреніе и сдѣлка ихъ съ христіанами, и они уже болѣе не оскорбляли святыхъ, не попирали божественныхъ жертвенниковъ, уже не отнимали болѣе нечестивыми руками божественныхъ сосудовъ, уже не оскверняли храмовъ кровію. Одинъ гробъ былъ достаточно силенъ для того, чтобъ обличить безуміе варваровъ, прекратить смертоубійство, остановить звѣрство, привести свирѣпыхъ волковъ къ кротости овецъ и заставить тѣхъ, которые поклонялись рошамъ и лугамъ, уважать божественные храмы.

„Видишь ли силу гроба, поборовшаго силу цѣлаго народа? Видишь ли силу гроба, заставившаго волка пасться рядомъ съ агнцемъ, какъ это говорится у Исаіи, и тигра покоиться вмѣстѣ съ оленемъ? Видишь ли славу гроба, сіяющую чудесами, какъ лучами солнца? Видишь ли прахъ сильнѣйшій многихъ стрѣлъ и копьевъ? Видишь ли останки (мощи), смягчившія силу, поражающую въ сердце? О, видимый гробъ и мысленное сокровище! О, гробъ, искупившій гробы и многимъ доставившій миръ! О, гробница, слава которой достигла до предѣловъ океана! О, прахъ, развѣявшій варваровъ и сокрушившій оружіе, сѣкуру и войну? О, останки, скрываемыя, но драгоценнѣйшія злата, свѣтлѣйшія многоцѣнныхъ камней и пышнѣйшія виссона и порфира, могущественнѣйшія царей, христіанъ сила и гордость! О, божественное насажденіе, на землѣ посѣянное земледѣльчествомъ духовнымъ и выросшее до небеси, благовременно пожатое и сложенное въ житницѣ, а въ свое время щедро раздаваемое безъ напоминанія о возвратѣ, раздробляемое и не уменьшающееся, расточаемое, но не оскудѣвающее, потребляемое, но умножающееся! О, древо высоколиственное, насажденное при истокахъ духовныхъ водъ и во время жатвы дающее чудеса, котораго листъ не опадаетъ! О, житель горняго Іерусалима и служитель истинной скиніи, зритель неизреченной красоты! Воззри на насъ свыше, сохраняй твоихъ исповѣдцевъ, освобождая отъ грѣховъ, охраняя отъ паденій, спасая отъ ударовъ, бѣдствій, обстояній, опасностей и всякой скверны! Въ твоихъ чудесахъ мы имѣемъ дѣйствительныя доказательства твоего предъ Богомъ дерзновенія, недвусмысленную благодать, непостыдное заступленіе! Снизойди къ смѣлости, съ которою я взялся за предпріятіе похвалъ твоихъ, по благосклонно прійми (доброе) произволеніе, такъ какъ и оно угодно Богу! Мое предпріятіе не есть проявленіе легкомыслія, но произведеніе горячей вѣры и дружбы къ подвигнувшему меня на него—знаменитому и славному Іоанну, любителю

изнѣпаго. Побуждаемый его увѣщаніемъ, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ непослушаніи, я пустился въ это моря похвалъ. Потерпѣвъ неудачу, я радуюсь столько же, сколько бы въ другихъ случаяхъ радовался, одержавъ побѣду. Ибо (въ этомъ случаѣ) поражение только доказываетъ самымъ дѣломъ величіе восхваляемаго: оно обнаруживаетъ высоту добродѣтели. А сама она является ручательствомъ близости къ Богу. Того ради явился намъ заступникомъ, помощникомъ и защитникомъ! Подаждь намъ еще больше поводовъ къ похваламъ, (повою) придачею чудесъ твоихъ! По дерзновенію твоему предъ Богомъ, охрани градъ сей, соблюди сіе твое стадо во Христѣ Господѣ нашемъ, которому слава въ нескончаемыя вѣки вѣковъ. Аминь“.

Καὶ ταῦτα μὲν οὕτως τὰ θιπέτης ὡς ἑλίαν παράδοξα. Ἐφοδος ἦν βαρβάρων τῶν Ῥῶς ἔθνους, ὡς πάντες ἴσασιν, ὁμοτάτου καὶ ἀπηνούς, καὶ μηδὲν ἐπιφερομένου φιλανθρωπίας λείψανον. θηρώδεις τοῖς τρόποις, ἀπάνθρωποι τοῖς ἔργοις· αὐτῇ τῇ ὄψει τὴν μαιφονίαν ἐπιδεικνύμενοι, ἐπ' οὐδενὸς τῶν ἄλλων ὧν πεφύκασιν ἄνθρωποι χαίροντες, ὡς ἐπὶ φονοκτονίᾳ τοῦτο δὴ τὸ φόροποιὸν καὶ πρᾶγμα καὶ ὄνομα, ἀπὸ τῆς Προποντίδος ἀρξάμενοι τῆς λοιμῆς, καὶ τὴν ἄλλην ἐπινημηθῆν παράλιον, ἔφθασαν καὶ μέχρι τῆς τοῦ Ἁγίου πατρίδος κόπτων ἀφειδῶς γένος ἅπαν· καὶ ἡλικίαν πᾶσαν, οὐ πρεσβύτας οἰκτεῖρον, οὐ νήπια παρορῶν, ἀλλὰ κατὰ πάντων ὁμοῦ τὴν μαιφόνον ὀπλίζων χεῖρα τὸν ὀλεθρον ἐσπευδεν ἀικβῆναι ὄση δύναμις, καὶ καταστροφόμενοι, ἅγια βεβηλούμενα· βωμοὶ κατὰ τόπον ἐκείνων, σπονδαὶ· παράνομοι καὶ θυσίαι, ἡ ταυρικὴ ξενοκτονία ἐκείνη ἢ παλαιὰ παρ' αὐτοῖς νεάζουσα· παρθέτων σφαγαί, ἀρρένων τέ καὶ θηλειῶν ὁ βοθηῶν ἄοδεις, ὁ ἀντιπαρταττόμενος οὐκ ἦν· λειμῶνες καὶ κρήναι καὶ δένδρα σεβαζόμενα· ἢ ἄνωθεν παραχωροῦσα πρόνοια, ἴσως διὰ τὸ τὴν κακίαν πληθύνῃναι· οἷα πολλὰ πεπονθέναι τὸν Ἰσραὴλ παρὰ τῆς Γραφῆς μεμαθήκαμεν.

Ὁ ποιμὴν ὁ καλὸς, οὐ παρῆν μὲν τῷ σώματι, συνῆν δὲ Θεῷ τῷ πνεύματι, καὶ τοῖς ἀνεφίκτοις ὡς ἐνώπιος ἐνώπιω ἐντυγχάνων καὶ μουόμενος κρίμασιν, τῆς πρεσβείας ἡμέλει καὶ τὴν βοήθειαν ἀναβάλλετο· ἀλλ' εἰς τέλος παρῆεν οὐκ ἠνέσχετο· θαυματουργεῖ δὲ τῶν ἄλλων κἀντιῶθα οὐκ ἐλάττων· εἰς γὰρ τὸ ἱερόν τῶν βαρβάρων εἰσελθόντων καὶ τὸν τάφον θεοσχεμένων θησαυρόν εἶναι τὸν ὄντως θησαυρόν ὑπετόπισαν· καὶ δὴ τοῦτον ἀνωρύξει ἁρμήσαντες, παρειμένοι πόδας, καὶ δεσμοῖς ἀοράτοις πεδηθέντες, ἔμειναν ὅλως ἀκίνητοι, ἐλεεινοὶ, θάμβους καὶ δέους μεστοί· οὐδὲν ἄλλο δυνάμενοι, ἢ φέγγεσθαι.

Ὁ δὲ σφῶν ἡγεμῶν, ἐπεὶ τὸ παράδοξον εἶδε τοῦ πράγματος, δέους ἐπ-

λήσθη και ἀκλήτῃως· και τινα τῶν τῆ αἰχμαλωσία ὑπηγμένων προσαγωγῶν, ἐπέβητο πρὸς αὐτὸ, τί ἂν εἴη τοῦτο τὸ γεγονός, και ποίου Θεοῦ ἢ τοιαύτη δύναμις, και τί ἂν εἴη τὸ κατορωρυγμένον ἐκεῖ, και τίνι τρόπῳ ἔπαθον οἱ στρατιῶται; (Слѣдуетъ разговоръ князя съ плѣнникомъ, котораго мы здѣсь опускаемъ).

Ἐφ' οἷς καταπλεγείς ὁ βάρβαρος πάντα ποιεῖν ὑπισχεῖτο ὡς τάχιστα· και τὴν ἐλευθερίαν και παρρησίαν δοῦς Χριστιανοῖς, αὐτοῖς και τὴν πρὸς τὸν Θεὸν και τὸν Ἄγιον πρεσβεΐαν ἐπέτρεψεν. και δὴ γίνεται φωταυγία θαφιλῆς και πάνυχορ στάσις και ψαλμωδία, και ἀφίενται οἱ βάρβαροι τῆς θεηλάτου ὀργῆς, και γίνεται καταλλαγή τις και κατάστασις τούτων πρὸς Χριστιανούς· και οὐκέτι ἐξέβριζον εἰς τὰ ἅγια, οὐκέτι θυσιαστηρίων καταρχοῦντο θείων, οὐκέτι χερσίν ἀνοσίους ἱερά ἀφηροῦντο κειμήλια, οὐκέτι αἵμασιν ἐκκλήσται ἐμολύνοντο, ἀλλ' ἤρκεσεν εἰς τάφος· ἐλέγξει βαρβάρων ἄνοιαν· ἀλλὰ παῦσαι τὴν πολλὴν μαιφονίαν, ἀλλὰ καταστεῖλαι τὴν θηριωδίαν, και εἰς προβάτων μεταγαγεῖν ἡμερότητα τοὺς λύκων ἀνημερωτέρους, ἀλλὰ θείους αἰδεῖσθαι ναοὺς τοὺς ἄσκη και λειμῶνας σεβαζομένους.

Εἶδες τάφου δύναμιν, σθένους ἔθνους ὅλου καταπαισάντοσ; εἶδες τάφου δύναμιν συμβουσκῆθῆναι λόκον μετὰ ἀνός παρασκευάσαντος, κατὰ τὸν Ἡσαΐαν, και ἀπόδαλιν μετὰ ἐρίφου συναναπαύσασθαι; εἶδες σοροῦ δόξαν ὡς ἡλιακὰς αὐγάς, προβαλλομένην τὰ θαύματα; εἶδες κόνιν πολλῶν οἰστῶν και δοράτων ἰσχυροτέραν; εἶδες λείψανον ἰσχὺν καρδίαν ἀντιτυποῦσαν μαλάξασαν; ὦ τάφε φαινόμενε και θησαυρὲ νοοῦμενε! ὦ τάφε τάφους ζημιώσας και πολλοὺς ζῶην προξενήσας, ὦ σορὸς ἧς ἡ δόξα μέχρις ἔφθασεν ὀρίων ὠκεανοῦ, ὦ κόνις λιχμήσασα βαρβάρους και συντρέψασα ὄπλον και ρομφαίαν και πόλεμον, ὦ λείψανα κρυπτόμενα, χρυσοῦ τιμιώτερα, λίθων πολυτελῶν περιφανέστερα· βύσσου και πορφύρας λαμπρότερα· βασιλέων δυνατώτερα· Χριστιανῶν κράτος και καύχημα. ὦ θεῖον γεώργιον ἐπὶ γῆς σπαρὲν τῆ τοῦ πνεύματος γεωργία, και ἔως οὐρανοῦ ἀΐξηθὲν, και εὐκαίρως τρυγηθὲν, και οὐρανίαις ἀποθήκαις ἐναπιστεθὲν, και κατὰ καιρὸν θαφιλῶς διανεμόμενον και μὴ πληρούμενον διαθρυπτόμενον, και μὴ ἐλαττούμενον, διαδιδόμενον, και μὴ κενούμενον· δαπανώμενον και πληθυνόμενον, ὦ δένδρον ὑψίκομον ἐν διεξόδοις πνευματικῶν ὑδάτων ἐμφυτευθὲν, και ἐν καιρῷ τῶν καρπῶν τὰ θαύματα παρασχόμενον, ὡ τὸ φύλλον τῶν χαρισμάτων τὸ κάλλος και πληθὺς οὐδαμῶς ἀπορρύησεται οὐδὲ πληρωθήσεται.

Ὁ τῆς ἄνω Ἱερουσαλήμ πολίτα, και τῆς ἀληθινῆς σικηνῆς λειτουργέ, και τοῦ ἀνεκφράστου κάλλους ἐπόπτα, ἐποπτεύοις ἡμᾶς ἄνωθεν, και περιέποις τοὺς σοὺς ὑμνητάς, ἐλευθερῶν μὲν ἁμαρτιῶν, ἐλευθερῶν δὲ πταισμάτων, ἀπαλλάττων θλίψεων, συμφορῶν, περιστάσεων, κινδύνων, παντός οὐτινοσοῦν ἀνταροῦ. ἔχομεν ἐκ τῶν θαυμάτων τῆς πρὸς Θεὸς παρρησίας σου ἐναργεῖς τὰς ἀπο-

δείξεις, οὐκ ἀμφίβολος ἡ χάρις, ἡ πτεροβεία ἀκαταίσχυρος· καὶ τοῦ μὲν τὸ ἄλλο μῆματος τῆς τῶν σῶν ἐγκωμίων ἐγχειρήσεως σύγγνωθι, τῆς δὲ προαιρέσεως ἀπόδεξαι· ἐπεὶ καὶ Θεῷ τοῦτο εὐάρεστον· οὐ γὰρ προπετείας ὁ τρόπος, πίστεως δὲ διαπόροσ τὸ σπούδασμα, καὶ τῆς τοῦ εἰς τόδε συνωθήσαντος ἐγχειρήματα φιλίας. Ἰωάννου τοῦ κλεινοῦ καὶ τῶν καλῶν ἐραστοῦ, οὗ καὶ τῆ παραινέσει πεισθεῖς, ὡς ἂν μὴ παρακοῆς ἐπισπάσοιμι ἐγκλήμα, εἰς τοῦτο ἐμαυτὸν καθῆκα τῶν ἐγκωμίων τὸ πέλαγος. καὶ χαίρω μὲν ἐν τούτοις ἠττώμενος, ὅσον ἐν ἄλλοις ἐπιφερόμενος τὰ νικητήρια. ἡ γὰρ τῶν λόγων ἤττα, τῶν ἐγκωμιαζομένων ἔργα διαγράφει τὸ μέγεθος. τοῦτο δὲ τὸ ὑψηλὸν τῆς ἀρετῆς διαδείκνυσιν. ἡ δὲ τῆς πρὸς Θεὸν ἐγγύτητος ὑπερφαίνει τὸ βέβαιον. διὸ φάνηθι προστάτης, ἀρωγός, ὑπερασπιστής. δὸς ἡμῖν ἐγκωμίων πλείονας ἀφορμὰς, τῆ τῶν θιαμάτων σου ἐπιδόσει, ἐν τῇ πρὸς Θεὸν παρρησίᾳ σου, τὴν πόλιν σου ταύτην φροῦρησον, τὴν ποιμνὴν σου ταύτην φύλασον, ἐν Χριστῷ τῷ Κυρίῳ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα εἰς τοὺς ἀπεράντους αἰῶνας τῶν αἰῶνων. Ἀμήν.

В. Васильевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

О СВѢТСКИХЪ ФИСКАЛАХЪ И ДУХОВНЫХЪ ИНКВИЗИТОРАХЪ.

Учрежденіе должности свѣтскихъ фискаловъ и духовныхъ инквизиторовъ относится къ эпохѣ Петра Великаго. Преобразовывая государственное и гражданское управленіе Россіи, Петръ Великій ближайшею задачею своихъ преобразованій поставлялъ то, чтобы устроить государственный порядокъ и водворить правосудіе на твердыхъ началахъ закона и справедливости. Съ этою мыслию были созданы великимъ преобразователемъ новыя на мѣсто прежнихъ установленія, учрежденія на неизвѣстныхъ древней Россіи началахъ. Главными изъ этихъ началъ должно признать: коллегіальное устройство всѣхъ установленій времени Петра Великаго, образованіе сословныхъ судовъ и раздѣленіе нѣкоторыхъ функций въ отправленіи правосудія. Производя эти перемѣны по всѣмъ частямъ и вѣдомствамъ государственнаго управленія, Петръ Великій заботился о томъ, чтобы во всѣхъ вновь учрежденныхъ имъ установленіяхъ вполне достигались требованія государственной пользы и справедливости. Съ этою именно цѣлю великій преобразователь старался не только опредѣлить дѣятельность вновь созданныхъ имъ установленій твердымъ и яснымъ закономъ, но и побудить служащихъ въ этихъ установленіяхъ лицъ къ неуклонному и добросовѣстному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей особою присягою, въ которой каждый обѣщался и клялся, подъ опасеніемъ строгихъ и неизбѣжныхъ наказаній, добросовѣстно, „не щадя живота“, исполнять законъ и его предписанія. Какъ бы и послѣ этого не довѣря добросовѣстности служащихъ лицъ, а равно и благонамѣренному исполненію каждымъ изъ подданныхъ своихъ обязанностей, Петръ усиливался отыскать новыя болѣе наглядныя, по его мнѣнію, гарантіи во внѣшнемъ, постороннемъ надзорѣ и въ наблюденіи за сохраненіемъ всѣми государственнымъ интереса. Къ удовлетворенію этой-то послѣдней цѣли и служитъ институтъ свѣтскихъ фискаловъ и духовныхъ инквизиторовъ.

I.

Одни изъ изслѣдователей ставятъ происхожденіе должности фискаловъ въ неразрывную связь съ печальнымъ состояніемъ русской администраціи, какъ въ до-Петровскія времена, такъ и въ царствованіе Петра Великаго, и въ частности съ массою тѣхъ злоупотребленій служащихъ лицъ, которыя имѣли мѣсто, какъ въ столицѣ, такъ и въ уѣздахъ Московскаго государства. Между этими злоупотребленіями считались: повальное взяточничество, давленіе сильнымъ слабого, разнузданность управителей, господство произвола вмѣсто законности, пренебреженіе и неисполненіе указовъ, стремленіе всячески обойти законъ и другія подобныя явленія. Эти злоупотребленія необходимо и настоятельно развивали потребность въ бдительномъ надзорѣ, который не только предупреждалъ бы, но и преслѣдовалъ ихъ. Между тѣмъ въ до-петровской Россіи не было ни одного установленія, которое контролировало бы дѣйствія и распоряженія правительственныхъ и вообще служащихъ лицъ. Все основывалось на жалобахъ обиженныхъ и на личномъ досмотрѣ государя; но государю самому не усмотрѣть за всѣмъ, а жалобщиковъ могло и не быть, Петръ ясно сознавалъ гибельныя послѣдствія подобныхъ нестроеній, и чтобъ искоренить ихъ, рѣшился учредить фискаловъ съ спеціальною цѣлю надзора и наблюденія за злоупотребленіями въ интересахъ государственной пользы и справедливости ¹⁾. Другіе изъ изслѣдователей напротивъ видятъ въ фискалахъ установленіе, назначенное для удовлетворенія сколько государственнымъ, столько и народнымъ потребностямъ. Два существенные недостатка, объясняютъ эти изслѣдователи, — вытекали изъ системы московскаго управленія: соблюденіе законовъ опиралось исключительно на добросовѣстности служалаго сословія, а интересы народнаго спокойствія и правосудія искали подпоры въ дѣятельности самаго народа, такъ какъ только въ XVIII столѣтіи полиція и судъ были окончательно признаны государственнымъ интересомъ. Устраняя эти два недостатка, правительство должно было прибѣгнуть къ такой должности, которая имѣла бы цѣлю стоять на стражѣ закона, не довѣряя способностямъ служащихъ лицъ, и восполняла бы дѣятельность народа въ дѣлѣ охраненія личной безопасности и общественнаго спокойствія. Такой потребности должны

¹⁾ *Петровский*, О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, стр. 98—100, 135.

были удовлетворить фискалы ¹⁾. Объясняя такимъ образомъ появленіе должности фискаловъ, тѣ же изслѣдователи прибавляютъ, что фискалы были необходимымъ вспомогательнымъ установленіемъ для вновь учрежденнаго сената, примѣнительно къ его непосредственному назначенію и первоначальной дѣятельности. Учреждая сенатъ, законодатель имѣлъ въ виду сосредоточить въ немъ верховный контроль надъ всѣми государственными учрежденіями, но имѣя правительственное назначеніе, сенатъ не имѣлъ административной организаціи. Для того, чтобы сдѣлать его дѣятельность органомъ контроля, необходимо было еще учрежденіе съ чисто личнымъ административнымъ характеромъ, созданное для непрерывнаго надзора и преслѣдованія ²⁾.

Смотря неодинаково на происхожденіе должности фискаловъ, изслѣдователи расходятся между собою и въ опредѣленіи ея назначенія и занятій. Одни признаютъ за фискалами исключительно финансовое значеніе и видятъ въ нихъ истцовъ со стороны казны, казенныхъ стряпчихъ, подобныхъ монастырскимъ по дѣламъ монастырскимъ и патриаршимъ по имѣніямъ патриарха стряпчимъ. При этомъ названные изслѣдователи то отличаютъ фискаловъ отъ прокуроровъ, которые были преимущественно блюстителями законовъ и смотрѣли за тѣмъ, чтобы присутственныя мѣста не отступали отъ законовъ, то не усматриваютъ строгаго различія между фискалами и прокурорами, считая ихъ должности во многихъ отношеніяхъ совершенно одинаковыми ³⁾. Другіе видятъ въ фискалахъ зародышъ должности Генераль-прокурора, завѣнчавшей и объединившей систему надзора, и слѣдовательно, смотрятъ на институтъ фискаловъ, какъ на подготовительное установленіе прокуратуры ⁴⁾.

Отъ высказанныхъ въ печати взглядовъ на институтъ фискаловъ, обращаемся къ фактическимъ разъясненіямъ законодательства и исторіи.

Учрежденіе должности фискаловъ слѣдуетъ отнести ко времени учрежденія правительствующаго сената на томъ основаніи, что Петръ, образовавъ 22-го февраля 1711 г. на случай своихъ отлучекъ пра-

¹⁾ Градовскій, Высшая администрація Россіи XVIII ст. и Генераль-прокуратуры, стр. 82.

²⁾ Тамъ же, стр. 82—83.

³⁾ Кавелинъ, Сочиненія, ч. I, стр. 224 и 263.

⁴⁾ Градовскій, Высшая администрація, стр. 82.

вительствующій сенатъ для управленія ¹⁾, въ слѣдующемъ своемъ указѣ, именно отъ 2-го марта, опредѣляя кругъ занятій сената, между прочими порученіями послѣднему поименовалъ и то, чтобы „учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ, и какъ бытъ имъ—пришлется извѣстіе“ ²⁾. Подобнымъ извѣстіемъ Петръ не замедлилъ. Указомъ отъ 5-го марта, опредѣляя порядокъ занятій и дѣлопроизводства въ сенатѣ, Петръ обозначилъ и общіе пункты фискальской должности, въ которыхъ, между прочимъ, сказано: „Выбрать оберъ-фискала, человека умнаго и добраго (изъ какого чина ни есть), имѣть ему нѣсколько подъ собою провинціалъ-фискаловъ, у каждаго дѣла по одному, которые еще подъ собою нѣсколько нижнихъ имѣютъ“ ³⁾. Черезъ мѣсяць послѣ сего указа, именно 6-го апрѣля, по именному повелѣнію былъ назначенъ первый оберъ-фискалъ Яковъ Былинскій, дьякъ Преображенскаго приказа, который и сохранялъ эту должность до 1712 г., пока не былъ отправленъ въ Петербургъ для постройки дома вн. Ѳедору Ромодановскому, по просьбѣ послѣдняго ⁴⁾.

Торопливость, съ которою Петръ старался учредить разсматриваемую должность, показываетъ, что преобразователь видѣлъ въ учрежденіи фискаловъ особенную надобность, но та же торопливость была и причиною того, что институтъ фискаловъ и въ учредительныхъ о немъ актахъ, и въ первоначальномъ своемъ устройствѣ не получилъ полной организаціи и законченности. Подобный недостатокъ понятенъ въ новомъ установленіи, которое должно было испытать извѣстный процессъ постепеннаго развитія и устройства въ своихъ частяхъ. Такъ указомъ отъ 5-го марта 1711 г. только было повелѣно выбрать одного оберъ-фискала, который долженъ имѣть подъ своимъ вѣдѣніемъ провинціалъ-фискаловъ и подчиненныхъ послѣднимъ нижнихъ фискаловъ, но не указано ни количества упомянутыхъ лицъ, ни порядка ихъ избранія и распредѣленія между ними занятій, ни того, изъ какого сословія они должны быть выбраны. Вслѣдствіе сего, назначенный оберъ-фискаломъ, дьякъ Былинскій, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, 10-го августа 1711 г. обратился въ сенатъ съ представленіемъ, въ которомъ просилъ разрѣшенія по 10 пунктамъ, касавшимся его должности, между прочимъ и о томъ: „Провинціалъ-фискаламъ сколькимъ человекамъ и изъ коихъ

¹⁾ П. С. З., т. IV, № 2321.

²⁾ П. С. З., т. IV, № 2330 и д.

³⁾ Тамъ же, № 2331; 3 ст. № 2414.

⁴⁾ Сборникъ Русск. Истор. Общества., т. XI, стр. 174, № 15.

чиновъ и у какихъ у каждаго дѣла по одному быть и подъ собою нижнихъ по скольку человекъ и изъ какихъ же чиновъ имъ имѣть. и, усмотря на кого въ чемъ неправду, прежде доношенія ихъ въ сенатъ, они о томъ же объявлять оберъ-фискалу повиннымъ?" Сенатъ съ своей стороны далъ слѣдующую резолюцію по настоящему пункту: „росписать каждое дѣло и сколько по какому дѣлу провинціаль-фискаловъ и подъ ними нижнихъ чиновъ надобно имѣть“; то-есть, сенатъ, не разрѣшая представленія Былинскаго въ семъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, поручилъ самому Былинскому заняться приведеніемъ въ предварительную извѣстность настоящаго предмета. Неполнота и неопредѣленность постановленій объ организаціи фискальной части и о порядкѣ завѣдыванія дѣлами послѣдней продолжались до 17-го марта 1712 г., когда послѣдовалъ указъ, опредѣлившій въ точности устройство фискальской должности. По этому указу положено быть при государственномъ правленіи, то-есть, при сенатѣ, одному оберъ-фискалу съ четырьмя зависящими отъ него помощниками, съ тѣмъ, чтобы въ числѣ послѣднихъ двое были изъ купеческаго сословія, „которые бы“, какъ выразился указъ, — „могли купеческое состояніе тайно вѣдать; при каждомъ же губернаторскомъ правленіи, то-есть, въ каждомъ губерискомъ или провинціальномъ городѣ должны находиться четыре фискала, изъ коихъ одинъ долженъ именоваться провинціаль-фискаломъ, а въ каждомъ городѣ указано быть одному или двумъ фискаламъ, смотря по количеству его населенія ¹⁾).

Начерченное указомъ 17-го марта 1714 г. устройство фискальной части оставалось безъ измѣненія до учрежденія коллегій, которое составило эпоху въ развитіи разсматриваемой должности. Независимо отъ того, что генеральнымъ регламентомъ, содержавшимъ въ себѣ общія начала и правила устройства и порядка дѣйствій коллегій, было постановлено: „каждому коллегію своего фискалу имѣть“, — указомъ отъ 22-го декабря 1718 г. были произведены важныя измѣненія въ устройствѣ должности фискала. По этому указу положено быть оберъ-фискалу при государственной юстиць-коллегіи, а провинціаль-фискаламъ при надворныхъ судахъ, прочимъ же фискаламъ быть въ городахъ по прежнему опредѣленію ²⁾. Перечисленіе провинціаль-фискаловъ отъ губернаторскихъ канцелярій къ надворнымъ судамъ, а оберъ-фискала отъ сената къ юстиць-коллегіи оставляло означенныя уста-

¹⁾ П. С. З., № 2746.

²⁾ П. С. З., № 3608, стр. 213, конецъ.

новленія безъ надзора и тѣмъ указывало на необходимость новой со-ответственной должности. Таковою должностію для губернскихъ прав-лений, надобно полагать, явилась должность земскихъ фискаловъ. для правительствующаго же сената должность государственнаго фискала. Последняя по причинѣ своей важности не мало затрудняла Петра выборомъ на нее достойнаго кандидата и потому заставила его при-бѣгнуть къ слѣдующему компромиссу. Въ указѣ отъ 18-го января 1721 г., объявленномъ сенату княземъ Меншиковымъ, читаемъ: „По-пеже государственнаго фискала вскорѣ еще выбрать не можемъ, того ради, пока оный учиненъ будетъ, опредѣляемъ одному изъ штабъ-офицеровъ отъ гвардіи быть при сенатѣ, черемѣняясь помѣсячно, ко-торому отъ насъ даны пункты, что будутъ при ономъ чинить“. По этимъ пунктамъ дежурные штабъ-офицеры должны были смотрѣть за правильнымъ и законнымъ теченіемъ и производствомъ дѣлъ въ се-натѣ, за неотложнымъ и своевременнымъ исполненіемъ указовъ внѣ сената. „Долженъ штабъ-офицеръ гвардіи“, буквально гласили пун-кты, — „смотрѣть: 1) дабы сенатъ свою должность исправлялъ по данной имъ инструкціи, 2) дабы указы не только-что на письмѣ были сдѣланы, но чтобы экзекуція на всѣ указы, какъ возможность допустить, чи-нена была; 3) дабы все чинилось въ сенатѣ по 2-му пункту, который написанъ въ должности оберъ-секретарю ¹⁾ Щукину, и по оному испол-нять ему немедленно. Ежели кто чинить того не будетъ, то три раза напомянуть, а буде кто по третьемъ словѣ не будетъ чинить, тот-часъ идти къ намъ или писать какъ тамъ въ указѣ изъяснено“. Въ пополненіе къ этому указу прибавлено: „А ежели кто станетъ бра-ниться или невѣжливо поступать, такого арестовать и отвезть въ

¹⁾ Въ означенномъ пунктѣ именнаго указа отъ 13 февраля 1720 г. было ска-зано: «Прочетши (дѣло) поговорить и подумать полчаса, развѣ зѣло тяжкое дѣло, а будутъ просить до другаго дня, ежели возможно, буде же такое дѣло, которое отсрочки не терпитъ, то прибавить еще полчаса или часть, а по самой крайней нуждѣ до 3-хъ часовъ, для чего имѣть песочные часы; и по прочтеніи обернуть и когда выдетъ, тотчасъ поднести бумагу и чернила дабы всякій свое мнѣніе написавъ, или спрашивать каждаго и записывать каждаго мнѣнія, а потомъ всѣмъ каждому подъ своими словами закрѣпить своею рукою. А ежели кто изъ чле-новъ сената сего чинить не будетъ, то секретарю все покняувъ идти тотчасъ и объявить намъ, кто такъ будетъ чинить, гдѣ бы мы ни были, а въ отлученіи нашемъ писать именно, кто что противъ сего чинить будетъ. Равнымъ же обра-зомъ доложить намъ оберъ-секретарю и о томъ, ежели въ сенатѣ, хотя что ма-лое уклонится противъ указа, даннаго о должности 1718 г. декабря въ день (И. С. З., т. V, № 3264), подъ такимъ же смертнымъ наказаніемъ, которое, конечно, безъ пощады учинено будетъ, ежели пренебрежеть» (И. С. З., т. VI, № 3519).

крѣпость и намъ потомъ дать знать. Сіе чинигь не лицемѣрно, а ежели пренебрежетъ, то лишень будетъ всего, и къ тому смертію казненъ или шельмованъ будетъ“¹⁾).

Приведенные пункты показываютъ, что упомянутые штабъ-офицеры отъ гвардіи не были начальствующими лицами въ іерархіи фискаловъ и не имѣли къ членамъ послѣдней никакого отношенія; напротивъ того, означенные штабъ-офицеры по существу ихъ занятій и вообще по положенію въ сенатѣ должны быть признаны лицами, удаляющимися отъ фискаловъ и приближающимися болѣе къ прокурорскому институту. Подобное обстоятельство заставляетъ заключить, что назначеніемъ упомянутыхъ штабъ-офицеровъ въ сенатѣ, подъ предлогомъ невозможности избрать въ скорости государственнаго фискала, но и съ возложеніемъ на нихъ обязанностей, отошедшихъ впоследствии къ прокурорскимъ, Петру хотѣлось только выиграть время и практически разъяснить для себя вопросъ: ограничиться ли однимъ институтомъ фискаловъ для наблюденія за состояніемъ и теченіемъ дѣлъ въ государствѣ, или прибѣгнуть къ установленію прокуратуры. Несомнѣнно съ этою цѣлю Петръ, по отчисленіи оберъ-фискала къ юстицъ-коллегіи наблюдателемъ за правильностью дѣйствій сената, оставилъ одного оберъ-секретаря Щукина, заступившаго обязанности прежняго генераль-ревизора Зубова²⁾, а по смерти Щукина, послѣдовавшей въ началѣ 1721 г., Петръ какъ не возложилъ обязанности умершаго на его преемника Познякова, такъ и не назначилъ государственнаго фискала, но ограничился однимъ помѣсячнымъ дежурствомъ штабъ-офицеровъ. Подобная неопредѣленность со стороны преобразователя разрѣшилась тѣмъ, что въ 1722 г. была учреждена прокуратура въ полномъ и оконченомъ видѣ, съ подчиненіемъ прокурорамъ фискаловъ³⁾, а въ 1723 г. назначенъ и глава послѣднихъ генераль-фискаль полковникъ Мякининъ, и даво окончательное устройство фискальной части, которое изображено въ указѣ Екатерины отъ 20-го апрѣля 1725 г. По этому указу генераль-фискаль и его помощникъ государственный оберъ-фискаль должны находиться въ резиденціи Ея Величества; прочіе провинціаль-фискалы и фискалы—въ коллегіяхъ, въ провинціяхъ и въ городахъ, каждый—въ учрежденномъ для него мѣстѣ. Генераль-фискаль и государственный оберъ-фискаль должны были имѣть для вспоможенія четырехъ человекъ фискаловъ, въ томъ

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 3721.

²⁾ П. С. З., № 2957.

³⁾ П. С. З., т. VI, № 3877, ч. 4, 5; №№ 3880, 3978, ч. 4, 3979, ч. 4, 7.

числѣ двухъ изъ купечества, которые могли бы купеческое состояніе тайно вѣдать. Въ каждой губерніи и провинціи долженъ былъ быть одинъ провинціалъ-фискаль съ помощникомъ — „гдѣ кто изъ какихъ чиновъ будетъ достоинъ“, въ каждомъ же провинціальномъ городѣ — одинъ или два фискала, смотря по пропорціи города ¹⁾. Подобное устройство фискальной части показываетъ, что фискалы въ видѣ сѣти покрывали всю Россію, представляя по своей организаціи іерархически-сплоченный особый и отдѣльный отъ другихъ установленныхъ институтъ въ государствѣ. Эта отдѣльность и если можно такъ выразиться, особость дѣлала институтъ фискаловъ самостоятельнымъ учрежденіемъ для специальныхъ ему одному свойственныхъ занятій. Представимъ подробности устройства этого института.

Оберъ-фискалы и впослѣдствіи генералъ-фискалы назначались самимъ государемъ или по личному его выбору, или изъ кандидатовъ, представленныхъ сенатомъ ²⁾. Въ оберъ-фискалы къ генералъ-фискалу и въ фискалы коллегій выбиралъ генералъ-фискаль и представлялъ избраннаго сенату на утвержденіе. Въ провинціальные фискалы выбиралъ съ начала оберъ-фискаль, пока онъ считался главою фискальнаго института, а затѣмъ генералъ-фискаль. Избранные или прямо представлялись сенату въ то время, когда оберъ-фискаль состоялъ при сенатѣ, или чрезъ посредство юстицъ-коллегіи, когда тотъ же оберъ-фискаль находился при ней. Городовые фискалы выбирались мѣстными городскими жителями при участіи провинціалъ-фискаловъ, какъ удостовѣряетъ въ этомъ указъ сената отъ 9-го іюля 1718 г., гдѣ сказано, что „городовые фискалы должны быть выбраны, за выборомъ провинціалъ-фискаловъ и всѣхъ того города купецкихъ людей“. Избранные такимъ образомъ съ рекомендаціей провинціалъ-фискаловъ представлялись въ первое время оберъ-фискалу, а впослѣдствіи генералъ-фискалу, которые и представляли сенату объ утвержденіи избранныхъ. Надо думать, что въ первое время фискальной должности оберъ-фискаль пользовался исключительнымъ правомъ въ дѣлѣ избранія и назначенія фискаловъ. По крайней мѣрѣ указъ отъ 22-го февраля 1723 г. замѣчаетъ, что фискалы въ началѣ распорядка статскихъ дѣлъ въ скорости выбраны были изъ самыхъ нижнихъ людей безъ свидѣтельства, а указъ отъ 27-го іюля 1729 г. прямо заявляетъ,

¹⁾ П. С. З., т. VII, № 4698, п. 1, 2.

²⁾ Такъ по личному выбору государя были назначены оберъ-фискалы Былинскій и Пестеровъ, изъ представленныхъ же сенатомъ кандидатовъ — генералъ-фискаль Мякинъ (Петровский, О сенатѣ, стр. 109).

что „при бывшемъ оберъ-фискалѣ Нестеровѣ многіе провинціалъ-фискалы и фискалы опредѣлены по его прихотямъ безъ высшаго указа“¹⁾.

Въ званіе фискаловъ указывалось избирать людей добрыхъ и правдивыхъ, „которые, имѣя добрую совѣсть предъ Богомъ, могли бы никому не махнуть и никого напрасно не оскорблять, особливо безпорочно служащихъ“. Въ частности относительно оберъ-фискала сказано, что онъ долженъ избираться „изъ какихъ чиновъ ни есть, лишь бы былъ человекъ умный и добрый“, а относительно провинціалъ-фискаловъ— „изъ какихъ чиновъ достойнъ“. Что касается помощниковъ ихъ, половина изъ нихъ должна была быть изъ купечества, а половина изъ шляхетства. Въ указѣ сената отъ 9-го іюля 1718 г., по поводу жалобы на выборъ фискаловъ изъ многосемейныхъ и первостатейныхъ купцовъ, разъяснено, что „въ губерніяхъ во всѣхъ городахъ, смотря по пропорціи города, быть изъ купечества по одному и по два человека фискаловъ, какъ о томъ Его Царскаго Величества именной указъ прошлаго 1714 г. марта 17-го дни повелѣваетъ, но токмо не изъ первостатейныхъ и не изъ тѣхъ, которые платятъ большіе оклады, дабы не учинить въ платежѣ табельнаго окладу недобору, а опредѣлять въ фискалы изъ средней статьи, а достойныхъ и изъ меньшей; которые же купецкіе люди до сего указу взяты въ фискалы изъ первостатейныхъ и платежа большихъ окладовъ, отъ фискальскаго дѣла отставить, а быть имъ по прежнему въ посадахъ и всякія подати платить съ купецкими людьми вмѣстѣ“²⁾. Фискалы изъ шляхетства должны быть не моложе 40 лѣтъ, а не достигшихъ означеннаго возраста велѣно отставить отъ должности³⁾.

Избранные въ свои должности чины фискальнаго института во взаимныхъ отношеніяхъ представляли строгую послѣдовательность іерархической подчиненности, которая обнаруживалась не только въ томъ, что фискалы не могли со своими донесеніями обращаться въ высшее присутственное мѣсто, помимо провинціалъ-фискала, а провинціалъ-фискалы мимо оберъ-фискала и генералъ-фискала, но и въ томъ, что фискалы относительно прохожденія своей должности и исполненія обязанностей находились въ непосредственномъ наблюденіи у провинціалъ-фискала, а провинціалъ-фискалы у оберъ- и генералъ-фискала. Для дѣйствительности сего наблюденія и вообще для выраженія зависимости городскихъ фискаловъ отъ провинціальныхъ, въ

¹⁾ П. С. З., т. VIII, 5431.

²⁾ П. С. З., т. V, № 3211.

³⁾ П. С. З., т. V, № 2786, п. 9.

первоначальныхъ законоположенійхъ предписывалось послѣднимъ: „той губерніи города объѣздить самому въ годъ однажды и осмотрѣть состояніе фискаловъ, гдѣ какъ оныя отправляются“. При этомъ законъ уполномочивалъ провинціаль-фискала, въ случаѣ усмотрѣнія небрежности или какихъ-либо злоупотребленій со стороны фискаловъ, смѣнить ихъ собственною властію: „и буде“, гласилъ указъ отъ 17-го марта 1714 г., „—изъ фискаловъ кто явится въ своемъ дѣлѣ неприлежень и нерадѣтеленъ, такого отъ того чина отставлять“¹⁾. Въ послѣдующихъ законоположеніяхъ это право провинціаль-фискаловъ, относительно фискаловъ, обставлено новыми поясненіями, въ коихъ сказано, что провинціаль-фискалъ долженъ объѣзжать города своей провинціи два раза, и только въ случаѣ невозможности, однажды въ годъ, но съ тѣмъ, чтобъ о послѣдствіяхъ своей ревизіи рапортовать генераль- и оберъ-фискалу, не предпринимая рѣшительныхъ дѣйствій къ устраненію неприлежныхъ и нерадѣтельныхъ изъ фискаловъ отъ должности: „а буде“, говоритъ указъ отъ 20-го апрѣля 1725 г., „—кто изъ фискаловъ явится въ своемъ дѣлѣ неприлежень и нерадѣтеленъ, о такихъ доносить генераль-фискалу, а ему въ сенатъ, представляя другаго годнаго на то мѣсто съ подлиннымъ показаніемъ, отчего прежній не потребенъ“²⁾. Нужно полагать, что подобными же правами въ свою очередь пользовались оберъ и генераль-фискалы относительно провинціаль-фискаловъ въ случаѣ усмотрѣнной за послѣдними небрежности. Находясь въ такой зависимости отъ высшихъ, провинціальныя и городовыя фискалы стояли другъ къ другу въ равноправныхъ отношеніяхъ, которыя на практикѣ сопровождались тѣмъ, что одинъ провинціальный или городской фискалъ не могли вмѣшиваться въ область другаго, а должны были ограничиваться предѣлами собственнаго участка. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что настоящее правило не соблюдалось въ первое время дѣятельности фискаловъ, какъ въ этомъ удостовѣряетъ указъ отъ 20-го апрѣля 1725 г., въ которомъ сказано: „Каждому провинціаль-фискалу доносить то, что усмотритъ въ своей провинціи, а въ другія провинціи дѣла, какъ было прежде, отнюдь не вступать, ибо при прежнемъ оберъ-фискалѣ оныя чинили, несмотря должности своей, и на многихъ подавали за какую-либо противность къ нимъ или ссору деревенскую или за свои партикулярныя обиды, отчего

¹⁾ П. С. З., т. V, № 2786, п. 9.

²⁾ П. С. З., т. VII, № 4698, п. 9.

въ надлежащихъ дѣлахъ чинилась остановка для ихъ непотребныхъ ссоръ, что нынѣ весьма пресѣкается, и хотя который провинціалъ-фискаль о какихъ непотребныхъ дѣлахъ, чинимыхъ не въ своей провинціи и увѣдаетъ, однакожь надлежитъ ему прежде съ тѣмъ провинціаломъ, въ которой провинціи оное увѣдаетъ, списаться, что онъ о томъ свѣдалъ и чего ради не протестуетъ; будетъ же оный, котораго онъ о томъ увѣдомить, то уничтожить, а онъ подлинно о томъ свѣдомъ будетъ: тогда ему о томъ доносить генералу или оберъ-фискалу. Такимъ же образомъ точно поступать и фискаламъ обрѣтающимся въ городахъ и доносить своимъ провинціалъ-фискаламъ". Слѣдуетъ присовокупить, что настоящимъ законоположеніемъ отнято у фискаловъ право дѣлать какіе бы то ни было доносы безъ предварительнаго заявленія о томъ провинціалъ-фискаламъ. Впрочемъ и провинціалъ-фискалы, а равно и фискалы, находившіеся въ Петербургѣ, могли дѣлать доносы отъ своего имени не иначе, какъ съ вѣдома генерала и оберъ-фискала, которые обязаны были предварительно разсмотрѣть каждое донесеніе со стороны правильности и достовѣрности его содержанія ¹⁾).

Должность фискаловъ считалась государственною службой и потому занимавшимъ ее сообщала извѣстныя преимущества и положеніе въ ряду другихъ чиновъ и должностей государственной службы. Впрочемъ въ первой таблицѣ о рангахъ чиновъ воинскихъ, статскихъ и придворныхъ, отъ 24-го января 1722 г. поименована только должность оберъ-фискала и фискаловъ при надворныхъ судахъ и губерніяхъ. Должность перваго почислена въ седьмомъ классѣ наравнѣ съ чиномъ подполковника; должности послѣднихъ въ четырнадцатомъ на ряду съ должностью фендрика ²⁾, должности же городскихъ фискаловъ вовсе не поименованы, и слѣдовательно, оставались безъ всякихъ ранговъ. Подобное обстоятельство при непривлекательности другихъ сторонъ фискальской должности, нужно полагать, и послужило причиною того, что, не смотря на разъясненія указовъ, на означенную должность избирались лица, которыя ни по внѣшнимъ, ни по внутреннимъ качествамъ не соответствовали ея условіямъ. Вслѣдствіе сего мы и встрѣчаемся съ такимъ именнымъ указомъ, даннымъ сенату отъ 22-го февраля 1723 г. „Господа сенать! Велите публиковать указъ слѣдующій: Понеже фискалы въ началѣ распорядка

¹⁾ П. С. З., т. VII, № 4698, п. 1, 3, 4.

²⁾ П. С. З., т. VI, № 3890, стр. 487—489.

статскихъ дѣлъ во скорости выбраны были изъ самихъ нижнихъ людей безъ свидѣтельства, которые ранговъ не имѣли, кромѣ оберъ-фискала, которые нынѣ явились въ великихъ преступленіяхъ и злодѣйствахъ. А нынѣ опредѣлены фискалы изъ знатныхъ офицеровъ: того ради ихъ ранги опредѣлены, слѣдующіе ниже сего, и для того табель о рангахъ для сего перепечатать велѣно, дабы всякъ зналъ, для чего табель о рангахъ перепечатанъ¹⁾. По новой табели должность генераль-фискала почислена въ 4-мъ классѣ противъ генераль-маіора; оберъ-фискала—въ 5-мъ противъ бригадира, оберъ-фискаловъ въ Москвѣ—въ 7-мъ противъ подполковника, провинціаль-фискаловъ и фискаловъ магистрата—въ 9-мъ противъ капитана¹⁾. Въ дополненіе къ сему указу 23-го ноября 1724 г. вышелъ новый, коимъ велѣно провинціаль-фискаловъ въ губерніяхъ при губернаторахъ считать въ капитанскомъ чинѣ, а въ провинціяхъ при воеводахъ и надворныхъ судахъ въ рангѣ поручика²⁾. Относительно городскихъ фискаловъ было только потребовано мнѣніе, въ какихъ имъ быть чинахъ и притомъ въ одинаковыхъ ли, какъ въ знатныхъ, такъ и въ меньшихъ городахъ³⁾. Подобное исключеніе въ отношеніи къ городскимъ фискаламъ удобно можетъ быть объяснено тѣмъ, что они по своему происхожденію принадлежали къ купеческому, то-есть, торговому сословию и главнымъ служебнымъ своимъ преимуществомъ имѣли то, что освобождались отъ взноса податей, платимыхъ за нихъ гражданами того города, въ которомъ они состояли на службѣ⁴⁾.

Сложное устройство фискальнаго института и многочисленность его членовъ напередъ уже говорятъ о широкой и много объемлющей его дѣятельности. И дѣйствительно, первый оберъ-фискалъ Былинскій, недоумѣвая о правахъ возложенной на него должности, спрашивалъ сенатъ: „велѣно ему надсматривать за сборомъ казны и провѣдывать про неправый судъ, и то ему чинить въ одной ли Московской губерніи или и въ прочихъ?“ Сенатъ отвѣчалъ: „смотри́ть во всѣхъ губерніяхъ“. Далѣе Былинскій спрашивалъ: „въ патріаршихъ и архіерейскихъ приказахъ Московской же и прочихъ губерній надъ судьями вышеупомянутаго всего смотри́ть ли?“ Сенатъ и на это лаконически отвѣчалъ: „смотри́ть надо всѣми⁵⁾“. Простирая такимъ образомъ

¹⁾ П. С. З., т. VII, № 4170.

²⁾ Тамъ же, № 4602.

³⁾ Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XI, № 391.

⁴⁾ П. С. З., т. V, № 3211.

⁵⁾ П. С. З., т. IV, № 2414, ч. 1.

свое наблюдение на всѣ мѣстности государства, оберъ-фискаль первыми данными ему наставленіями уполномочивался доносить о всякомъ лицѣ, какъ бы оно высоко ни стояло въ ряду чиновной іерархіи ¹⁾. Какими правами пользовался оберъ-фискаль въ отношеніи ко всѣмъ мѣстамъ и лицамъ государства, тѣми же располагали другіе фискалы въ предоставленныхъ исключительно ихъ наблюдению мѣстностяхъ. Первоначальный указъ о фискалахъ отъ 5-го марта 1711 г. такъ опредѣлялъ въ общее назначеніе лицъ фискальской должности: „Надо всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, такъ же въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинить, на того доносить и уличать ²⁾“. Въ послѣдующемъ указѣ разъяснено, что вниманіе фискаловъ должно быть обращено исключительно на такъ называемыя „безгласныя дѣла“, то-есть, не имѣющія за себя челобитчика. Съ этою же цѣлію фискаламъ еще прежде было запрещено вмѣшиваться въ какія бы то ни было частныя дѣла и привлекать по нимъ къ отвѣтственности виновныхъ ³⁾.

Между безгласными дѣлами въ указѣ о должности фискаламъ поименованы: 1) всякія преступленія указовъ, 2) всякія взятки и кража казны и прочее, что ко вреду государственному интересу быть можетъ, какого бы оное имени ни было, 3) народныя дѣла, за которыя нѣтъ челобитчика, напримѣръ, ежели какого прохожаго убьютъ, или наслѣдникъ послѣдній въ своей фамиліи въ младенчествѣ умретъ безъ завѣту духовной предковъ его, и прочія тому подобныя безгласныя дѣла, иже не имѣютъ челобитчика о себѣ ⁴⁾. Между этими дѣлами преслѣдованіе за несоблюденіе казеннаго интереса составляло преимущественную обязанность фискаловъ, такъ что частныя лица, пользуясь правомъ чинить лично отъ себя доносъ о какомъ зломъ умыслѣ противъ персоны Его Величества, или измѣнѣ, также о возмущеніи или бунтѣ ⁵⁾, о похищеніи казны, должны были объявлять фискаламъ, которые и давали дальнѣйшее движеніе дѣлу подъ собственною отвѣтственностью ⁶⁾. Указомъ Екатерины I

¹⁾ П. С. З., т. IV, № 2330, п. 9.

²⁾ П. С. З., т. IV, № 2331, п. 3.

³⁾ Въ указѣ отъ 24-го апрѣля 1713 г. эта мысль выражена такимъ образомъ: «Великій государь указалъ фискаламъ въ челобитчиковы дѣла ни въ какія не вступать, а вѣдаться челобитчику съ отвѣтчикомъ самимъ, такъ же и въ неправомъ рѣшенѣ на судью въ сенатѣ имъ челобитчикамъ бить челомъ самимъ же, а фискаламъ до того дѣла нѣтъ».

⁴⁾ П. С. З., № 2786, п. 1—3.

⁵⁾ П. С. З., т. V, № 2877.

⁶⁾ Тамъ же, № 3261, п. 7.

частныя лица всѣ свои доносы обязывались представлять фискаламъ, которые и давали имъ дальнѣйшее движеніе, при чемъ частныя лица лишь допускались къ доказательству по этимъ доносамъ съ подлинными документами ¹⁾. Чтобы предоставить наблюденію фискаловъ болѣе свободы и устранить возможность какого бы то ни было укрывательства съ ихъ стороны, законъ предписывалъ, — фискаловъ вообще не приглашать ни къ какимъ подрядамъ, ни къ поручительству по послѣднимъ для того, что „въ иныхъ подрядахъ надлежитъ имъ провѣдывать, чтобы какихъ фальшивыхъ подрядовъ и денегамъ передачи не было“ ²⁾. Въ предупрежденіе подлоговъ и другихъ злоупотребленій фискаламъ было предоставлено, по собственному желанію или по заявленію частныхъ лицъ, просматривать крѣпостныя дѣла и книги, чтобы „непорядочнымъ образомъ для злой хитрости устроены не были“ ³⁾; равнымъ образомъ они же были приглашаемы къ описи и оцѣнкѣ тѣхъ имуществъ, которыя отписывались въ казну на великаго государя съ тѣмъ, чтобы „никакой въ той описи утайки и въ оцѣнкѣ убавки, и отъ нихъ фискаловъ въ чемъ какого спора не было“ ⁴⁾. Какъ широкъ былъ, въ этомъ отношеніи, запросъ на фискаловъ — о томъ свидѣтельствуетъ поданная правительствующему сенату оберъ-фискаломъ Нестеровымъ жалоба на недостатокъ у него помощниковъ и накопленіе дѣлъ. Въ этой жалобѣ Нестеровъ между прочимъ писалъ: „Да сверхъ нашей же должности фискальской, просятъ всегда изо всѣхъ коллегій и канцелярій и приказовъ и въ другія разныя мѣста фискаловъ къ осмотрамъ и описямъ, и оцѣнкамъ всякихъ подрядныхъ и разныхъ дѣлъ“. Если оберъ-фискалъ исполненіе означенныхъ обязанностей признавалъ „сверхъ фискальской должности“, то еще менѣе можно ставить въ неразрывную связь съ тою же должностью наблюденіе за тѣмъ, чтобы служащія лица занимали свои мѣста по рангамъ, не присвоивъ себѣ высшаго и не поступающъ въ пользу низшаго, чтобы производство въ чинъ не по порядку совершалось за дѣйствительную выслугу положеннаго числа лѣтъ ⁵⁾. Подобныя порученія показываютъ, что правительство пользовалось фискалами, какъ особо довѣренными лицами, во всѣхъ представлявшихся ему случаяхъ. Такъ въ одномъ указѣ сенатъ предписываетъ счесть ратушу и боль-

¹⁾ П. С. З., т. VII, № 4768.

²⁾ П. С. З., т. V, № 3033.

³⁾ П. С. З., т. V, № 3436, п. 23.

⁴⁾ П. С. З., т. IV, № 2564.

⁵⁾ П. С. З., № 3890, п. 3 и 13.

пую московскую таможенную съ тѣмъ, чтобы при этомъ счетѣ были два фискала ¹⁾; въ другомъ требуетъ, чтобы тѣ же фискалы вмѣстѣ съ комендантами участвовали въ составленіи списковъ подъячихъ, приказныхъ, площадныхъ, таможенныхъ и кабацкихъ избъ и дѣтей ихъ во всѣхъ губерніяхъ, кромѣ Москвы и Петербурга, для высылки половины изъ нихъ въ канцелярію сената ²⁾.

Содержаніе фискалы получали отъ своей должности, а правильнѣе отъ штрафовъ, взыскивавшихся съ виновныхъ: „И буде уличить“, говорилось въ первомъ указѣ о должности оберъ-фискала, то-есть, отъ 5-го марта 1711 г., „то половина штрафа въ казну, а другая ему фискалу“ ³⁾. Та же мысль, но съ большею подробностію, развита въ послѣдующемъ указѣ отъ 17-го марта 1714 г. о должности вообще фискаловъ: „Изъ штрафныхъ денегъ, которыя по фискальскимъ дѣламъ взяты будутъ, половину имать въ казну, а другую раздѣлить надвое и одну часть изъ того отдать тому фискалу, чрезъ чье изысканіе штрафныя деньги взяты будутъ, а другую оставить на раздѣлъ общій провинціаль-фискалу со всѣми городскими фискалами той губерніи, изъ которой 20-ю часть отдѣляя прислать оберъ-фискалу съ товарищами“ ⁴⁾. Такіе же точно способы содержанія и раздѣла фискальныхъ доходовъ оставлены и указомъ отъ 20-го апрѣля 1725 г. о должности генераль-фискала и его помощника государственнаго оберъ-фискала, то-есть, весь взысканный съ виновнаго штрафъ дѣлился на двѣ части, изъ коихъ одна поступала въ казну, а другая, за отдѣленіемъ половины, поступала въ пользу донесшаго фискала, отдѣленная же половина, за вычетомъ слѣдуемой части, отсылавшейся въ пользу оберъ-фискала съ помощниками, раздѣлялась между провинціаль и городскими фискалами той губерніи ⁵⁾. Въ документахъ архива св. синода, мы встрѣтились со слѣдующимъ свидѣтельствомъ о жалованьи и содержаніи свѣтскихъ фискаловъ. Духовный протоинквизиторъ Макарій Хворостининъ, жалуясь св. синоду на необеспеченность своего положенія сравнительно съ свѣтскимъ оберъ-фискаломъ, о содержаніи послѣдняго говорилъ: „Нестерову въ прошлыхъ годахъ по нынѣшній 1721, изъ правительствующаго сената давали денегъ сотъ по пяти и меньше и больше на годъ въ зачетъ штрафныхъ до

¹⁾ П. С. З., т. IV, № 2672, п. 4.

²⁾ Тамъ же, № 2679.

³⁾ П. С. З., т. IV, № 2331.

⁴⁾ П. С. З., т. V, № 2786, п. 11.

⁵⁾ П. С. З., т. VII, № 4698, п. 13.

вершенія дѣлъ, по доношеніямъ фискальскимъ; а нынѣшняго 1721 года учинено ему оберъ-фискалу Нестерову въ правительствующемъ сенатѣ Великаго Государя годовое жалованье и за хлѣбъ деньгами противъ дьяковъ С.-Петербургскихъ, а именно: на годъ денегъ 240 р., хлѣба 120 четвертей; онъ же оберъ-фискаль и прочіе фискалы въ домства его имѣютъ за собою вотчины и дворы, а въ купечествѣ фискалы купечество, къ тому же и штрафныя деньги отъ дѣла получаютъ и тѣмъ довольствуются безъ нужды¹⁾.

Первый оберъ-фискаль Былинскій, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, въ докладныхъ пунктахъ между прочимъ спрашивалъ сенатъ: „Нынѣ о доношеніи дѣлъ предъ сенатъ, есть отъ обидимыхъ принужденіе, а для управленія оберъ-фискалу ничего не дано: и бумагу, и чернила, свѣчи откуда взять, и буде явятся колодники, и имъ гдѣ за карауломъ быть не опредѣлено“. Въ отвѣтъ на это сенатъ далъ резолюцію: „Бумагу, чернила, свѣчи, дрова и иную расходную мелочь давать ему изъ канцеляріи правительствующаго сената, а колодниковъ по дѣламъ сажать въ приказахъ, гдѣ захочетъ и о томъ послать указы“. Далѣе въ тѣхъ же пунктахъ оберъ-фискаль спрашивалъ сенатъ: „Для разсылокъ по Москвѣ и въ отъѣзды куда прилучится кому быть? и подводы и на нихъ прогоны откуда имъ давать?“ Сенатъ отвѣчалъ: „Для тѣхъ разсылокъ опредѣлить изъ гарнизонныхъ солдатъ по разсмотрѣнію, которымъ быть при немъ, оберъ-фискаль всегда однимъ безъ отлучки“²⁾. Изъ приведенныхъ вопросовъ оберъ-фискала и данныхъ на нихъ резолюцій сената видно, что на первыхъ порахъ своей дѣятельности оберъ-фискаль не имѣлъ особой канцеляріи, подъячихъ для письма, солдатъ для посылокъ, помѣщенія для отправления своей должности и испытывалъ крайнее неудобство и затруднительность въ этомъ отношеніи, а правительствующій сенатъ не нашелъ возможности удовлетворить оберъ-фискала всѣмъ этимъ надлежащимъ образомъ. Неимѣніе оберъ-фискаломъ особой конторы даже въ 1721 г. подтверждается свидѣтельствомъ св. синода, который на ходатайство петербургскаго протоиноквизитора Хворостинина: „опредѣлить ему контору“, отвѣчалъ: „Особливой конторы Хворостинину не опредѣлять, потому что сенатскому оберъ-фискалу (каковымъ въ то время былъ Нестеровъ), особой конторы нѣтъ“³⁾. Надо замѣтить, что приведенное

¹⁾ Опис. докум. и дѣлъ архива св. синода, т. I, № 655, стр. 703—704.

²⁾ П. С. З., т. IV, № 2414, п. 8.

³⁾ Опис. докум. и дѣлъ арх. св. Синода 1725 г., № 294.

свидѣтельство синода относится ко времени переходнаго состоянія фискальскаго института, когда оберъ-фискаль былъ отчисленъ къ юстицъ-коллегій, а при сенатѣ еще не было назначено государственнаго фискаля, и вслѣдствіе сего, въ устройствѣ фискальской части необходимо должна была обнаружиться нѣкоторая неполнота. Какъ бы то ни было, только отсутствіе особой конторы при оберъ-фискалѣ не могло не имѣть вреднаго вліянія на успѣшное исполненіе фискальскихъ обязанностей и не могло остаться при обончательномъ устройствѣ фискальской части. Вслѣдствіе сего въ 1724 г., мая 22-го дня, мы встрѣчаемся съ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ о существованіи особой фискальской конторы, именно въ предложеніи св. синоду тогдашняго оберъ-прокурора полковника Болтина, который, предлагая синоду учредить особую для инквизиторскихъ дѣлъ контору, говорилъ: „Въ свѣтской командѣ опредѣлена для приему фискальскихъ доношеній особливая контора, въ которой у надлежащаго по такимъ доношеніямъ слѣдованія обрѣтаются особливые секретари и канцеляристы“¹⁾. Равнымъ образомъ, въ указѣ о должности генераль-фискаля и его помощника оберъ-фискаля отъ 20-го апрѣля 1725 г. при означенныхъ лицахъ представляется существующею особая канцелярія съ нѣсколькими служащими. Въ этой канцелярії сосредоточивалось все дѣлопроизводство по фискальской части и въ нее поступали донесенія отъ провинціальныхъ и городскихъ фискаловъ, гдѣ и разсматривались²⁾. Изъ поданнаго генераль-фискаломъ Мякининымъ донесенія правительствующему сенату о выдачѣ жалованья служителямъ фискальской канцелярії видно, что въ составѣ послѣдней были: одинъ дякъ, десять канцеляристовъ, два копееиста, два сторожа. Опредѣляя выдать означеннымъ лицамъ на 1725 г. заслуженное жалованье по окладамъ изъ штатсъ-конторы сибирскими товарами, правительствующій сенатъ на томъ основаніи, что генераль-фискалу по фискальской должности надлежитъ имѣть канцелярію съ нѣсколькими канцелярскими служителями, указалъ на будущее время быть въ той канцелярії: одному секретарю, одному протоколисту, двумъ канцеляристамъ, четыремъ копееистамъ, двумъ сторожамъ, четыремъ разсыльнымъ, а излишнихъ приказныхъ служителей отослать немедленно въ герольдмейстерскую контору. На жалованье означеннымъ чинамъ и на содержаніе самой канцелярії примѣнительно къ канцеляріямъ

¹⁾ Опис. дѣлъ арх. св. синода 1725 г., № 294.

²⁾ П. С. З., т. VII, № 4698, п. 4.

коллегій, сенатъ назначилъ выдавать изъ штатсъ-конторы изъ сборныхъ по фискальскимъ дѣламъ штрафныхъ дѣлъ 1,523 р. 38 к., изъ нихъ 1,323 р. 38 к. на жалованье служащихъ, 200 р. на канцелярскіе расходы. Жалованье приказнымъ служителямъ генераль-фискаль обязанъ былъ выдавать каждому опредѣленную сумму, по усмотрѣнію трудовъ ихъ, какъ было принято во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ ¹⁾. Означенная фискальская канцелярія просуществовала до 1730 г., когда правительствующій сенатъ, вслѣдствіе донесенія бывшего провинціалъ-фискала Дирина, приказалъ: „бывшей фискальской канцеляріи рѣшенные дѣла принять въ сенатскій архивъ по описи съ роспискою, а кои подлежатъ слѣдствію,—такія съ подъячими, такожъ и забранные по подряднымъ дѣламъ образцы разослать въ надлежащія мѣста, а приходныя и расходныя книги, и буде есть на лицо денежныя казна и счетныя выписи въ камеръ-коллегію и канцелярскіе приборы принять въ сенатскую канцелярію“ ²⁾. Что касается провинціалъ-фискаловъ и фискаловъ, то у нихъ также были особы помѣщеніи для канцелярій, подъячіе для письма и солдаты для посыловъ; этихъ лицъ они получали отъ мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ ³⁾. Существо фискальской должности по отношенію ко всѣмъ, подлежащимъ ихъ наблюденію дѣламъ и лицамъ, замѣчалось въ томъ, что они обязаны были только „провѣдывать и доносить и при судѣ обличать, а самимъ ничѣмъ ни до кого отнюдь ни явно, ни тайно не касаться подъ жестокимъ штрафомъ, или разореніемъ и ссылкой (смотря по дѣламъ, чего будетъ достоинъ), также какъ въ письмахъ, такъ и на словахъ въ позывѣ всякаго чина людямъ безчестныхъ и укорительныхъ словъ отнюдь не чинить“. Равнымъ образомъ предписывалось имъ „осторожно и основательными свидѣтельствами поступать и никого безвинно въ подозрѣніе не приводить“ ⁴⁾. Вслѣдствіе сего, еслибы фискаль рѣшился „ради какой страсти или злобы, или собственной корысти“, укрывъ виновнаго, донести на невиннаго и былъ бы уличенъ въ этомъ предъ судомъ, въ такомъ случаѣ онъ подлежалъ бы тому же самому наказанію, которому подвергся бы оговоренный фискаломъ; такому же взысканію подлежалъ фискаль и въ томъ случаѣ, еслибы онъ, зная о какомъ-либо преступленіи и „безъ всякаго уважительнаго основанія, а за взятку, или для дружбы“, не

¹⁾ П. С. З., т. VII, № 4794.

²⁾ П. С. З., т. VIII, № 5557.

³⁾ *Петровский*, О сенатѣ, стр. 108—109.

⁴⁾ П. С. З., № 2331, п. 3; 2786, п. 4; 3006, гл. 42, п. 3; 4678, т. 4.

донесъ на виновнаго ¹⁾. Ограждая подобными предписаніями произволь и упущенія со стороны лицъ фискальской должности, законъ содержалъ и поощрительныя предписанія къ тому, чтобы фискалы, по возможности, не упустили случая пользоваться доносомъ: „буде же фискаль, гласила его инструкція, на кого и не докажетъ всего, то ему въ вину не ставить (ибо невозможно о всемъ оному аккуратно вѣдать), а буде ни въ маломъ не уличить, во всѣ доносы его будутъ не правы, однакожь ежели оный то учинить ни для какой корысти, или злобы, то взять штрафъ съ него легкой, дабы впредь лучше осмотрясь доносилъ“ ²⁾. По письмамъ и слухамъ отъ постороннихъ лицъ фискалы обязывались чинить доносы не иначе, какъ предварительно развѣдавъ о подлинности и достовѣрности означенныхъ писемъ и слуховъ ³⁾. Для того, чтобы фискалы могли правильнѣе исполнять свои обязанности и удобнѣе слѣдить за исполненіемъ указовъ, они пользовались правомъ получать копія со всѣхъ публичныхъ и генеральныхъ указовъ, какъ изъ сената, такъ изъ коллегій и канцелярій. Фискалы обязаны были смотрѣть, чтобы означенные указы своевременно и въ точности были исполняемы подлежащими мѣстами и лицами ⁴⁾. Въмѣстѣ съ симъ фискаламъ предписывалось „смотрѣть накрѣпко, чтобы у церквей по праздникамъ и воскреснымъ днямъ послѣ литургіи тѣ публичныя Его Императорскаго Величества указы отъ священниковъ для вѣдома народу прочитываемы были неотмѣнно, а о всякихъ замѣченныхъ нарушеніяхъ и упущеніяхъ доносить подь опасеніемъ штрафа“ ⁵⁾.

Обязывая фискаловъ къ подобной дѣятельности и снабжая ихъ столь широкими правами, законъ требовалъ отъ нихъ, чтобы они своими наблюденіями и изысканіями не восходили далѣе усломеннаго времени. Въ указѣ отъ 17-го марта 1714 г. этотъ предѣлъ былъ обозначенъ въ такихъ словахъ: „въ дѣлахъ взысканіе имѣть съ 1700 года, а далѣе не начинать“. Цѣль сего ограниченія очевидно та, чтобы не дать фискаламъ возможности своими разслѣдованіями удаляться слишкомъ въ глубь давноминувшаго и не привлекать къ отвѣтственности за такіа преступленія, къ констатированію которыхъ

¹⁾ П. С. З., № 2786, п. 6, 7; 3006, гл. 42, п. 4, 3081—3485, стр. 15; 4698, п. 67.

²⁾ П. С. З., т. V, № 2786, п. 5; 3000, т. 42, п. 4; т. VI, № 3485, гл. 8.

³⁾ П. С. З., п. V, № 3081.

⁴⁾ П. С. З., т. IV, 2331, п. 3; 2414, п. 4; т. VI, № 4050.

⁵⁾ П. С. З., № 4050.

была утрачена всякая возможность и разслѣдованіе которыхъ, кромѣ потери времени и труда, не привело бы ни къ какому результату. Въ свое время въ 1725 г. императрица Екатерина I въ память смерти императора Петра I указала: „старыхъ дѣлъ всё дѣла по фискальскимъ и доносительнымъ доношеніямъ оставить, а производить тѣ, которые впали въ погрѣшеніе съ 1721 г., а по 1721 оставить“. Исключеніе въ семь случаевъ назначалось лишь для тѣхъ старыхъ дѣлъ, которыя во времени означеннаго указа или были рѣшены, но не исполнены, или только изслѣдованы и подготовлены къ рѣшенію; такія дѣла вѣдно рѣшить сенату ¹⁾.

Дѣйствуя въ означенныхъ предѣлахъ времени и не пользуясь правомъ лично сами отъ себя предпринимать какія-либо дѣйствія относительно заподозрѣнныхъ ими въ преступленіи, фискалы обязаны были со своими донесеніями о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ обращаться къ мѣстнымъ властямъ по принадлежности: бывшіе въ провинціи и городахъ фискалы — къ воеводамъ, ландратамъ, комендантамъ и вообще начальствовавшимъ въ извѣстной мѣстности лицамъ; бывшіе въ губерніи провинціалъ-фискалы — къ генералъ-губернаторамъ и вице-губернаторамъ, а оберъ-фискалъ — въ сенатъ. Еслибы фискалъ не получилъ надлежащаго распоряженія по своему донесенію отъ перечисленныхъ провинціальныхъ и городскихъ начальниковъ, въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ обращаться съ своимъ донесеніемъ къ губернатору и вице-губернатору, но не иначе, какъ чрезъ подлежащаго провинціалъ-фискала; въ свою очередь провинціалъ-фискалы могли обращаться съ своими донесеніями на поименованныхъ лицъ въ сенатъ не иначе, какъ чрезъ оберъ-фискала. Только „въ самыхъ нужныхъ дѣлахъ“ оберъ-фискалъ уполномочивался дѣлать донесенія непосредственно самому царскому величеству ²⁾. Съ учрежденіемъ коллегій и въ частности съ образованіемъ юстицъ-коллегіи и съ открытіемъ надворныхъ и пизжнихъ судовъ, къ коимъ перешли „судебныя и расправныя дѣла“, фискалы должны были обращаться съ своими донесеніями въ поименованныя установленія, но со времени учрежденія прокуратуры не иначе, какъ чрезъ прокуроровъ означенныхъ установлений. Къ прокурорамъ же фискалы должны были обращаться и въ томъ случаѣ, еслибы они замѣтили неправильность дѣйствій со стороны коллегій и судовъ. Въ случаѣ же не-

¹⁾ П. С. З., т. VII, № 4738.

²⁾ П. С. З., т. V, № 2786, п. 8, № 3011; т. VI, № 4050.

правильности дѣйствій прокуроровъ, фискалы въ порядкѣ подчиненности обращались къ оберъ-фискалу, а впослѣдствіи къ генераль-фискалу, который сносялся съ генераль-прокуроромъ, какъ главою прокурорскаго института. Въ случаѣ, еслибъ оберъ или генераль-фискалъ не донесли или замедлили своимъ донесеніемъ генераль-прокурору, фискаламъ предписывалось донести на оберъ и генераль-фискала генераль-прокурору¹⁾. Въ указѣ императрицы Екатерины I о должности генераль-фискала и его помощника государственнаго оберъ-фискала отъ 20-го апрѣля 1725 г. начертанъ слѣдующій порядокъ для подачи фискалами своихъ донесеній: „Въ самихъ нужныхъ дѣлахъ, въ чемъ необходимо есть и въ сенатѣ, а провинціаль-фискаламъ въ губерніяхъ и провинціяхъ въ подлежащихъ судахъ. А ежели по доносамъ фискальскимъ праваго и скорого розыску чинить не будутъ, или учинять неправдиво, и о томъ городovýmъ фискаламъ писать къ провинціаль-фискаламъ, а имъ доносить на тѣ суды высшимъ ихъ начальствамъ. Если же и въ томъ судѣ какой неправый розыскъ чинить будутъ, или и сами впадуть въ какое погрѣшеніе, и о томъ провинціаль-фискалу писать къ генераль-фискалу съ товарищемъ, а имъ доносить въ коллегіяхъ, которыя дѣла гдѣ принадлежатъ, а о важныхъ и въ сенатѣ. А ежели и въ сенатѣ о тѣхъ важныхъ дѣлахъ рѣшеніи учинено не будетъ, то позволяется о томъ доносить самой ея величеству государынѣ императрицѣ. А oprичъ такого вышесаннаго порядка городovýmъ фискаламъ самимъ мимо провинціаль-фискала, а провинціаль-фискаламъ мимо генераль-фискала съ товарищемъ въ сенатѣ и въ коллегію ни о чемъ не писать и не доносить, если за ними не усмотрятъ какой неправды“. При этомъ тѣмъ же указомъ предписывалось: „Генераль-и оберъ-фискалу принимать донесенія отъ провинціаль-фискаловъ съ яснымъ доказательствомъ и основательными свидѣтельствами, а принявъ тѣ донесенія, замѣчать и записывать въ протоколъ и потомъ накрѣпко разсматривать истины, и разсмотря подлинно, буде надлежитъ произвести въ дѣйство, то представлять по дѣлу въ обвиненіи къ суду, гдѣ по указамъ и по регламентамъ надлежитъ, а не разсмотря и не развѣдавъ истины (такъ какъ было прежде) не доносить, будетъ же разсуждать, что то чиниться будетъ медленно, однакожь состоять порядкомъ, а не такимъ слабымъ безпорядкомъ, какъ при прежнемъ оберъ-фискалѣ, кто бы на кого какое донесеніе не подалъ, не смотря истины.

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 3979, п. 4 и 7.

всѣ приняты и произведены въ дѣйство, отъ чего только произошла излишняя работа канцелярскихъ и въ дѣлахъ отъ нихъ порицаніе на судей, что скоро не вершать, а хотъ изслѣдуютъ, большая часть находится безъ пользы“¹⁾.

Указъ 17-го марта 1714 г., опредѣляя сущность фискальской должности, говорилъ, что фискалы обязаны только „провѣдывать и доносить и при судѣ обличать“. Отсюда видно, что дѣятельность фискаловъ, по исполненію ими своихъ обязанностей, не ограничивалась только провѣдываніемъ о преступленіи и доносомъ на извѣстное лицо: фискаль обязанъ былъ еще доказать свой доносъ и обличить виновнаго. Вслѣдствіе сего указомъ 1719 г. было принято за правило, чтобы допросы обвиняемыхъ по фискальскимъ донесеніямъ производились не иначе, какъ въ присутствіи фискала, донесшаго объ извѣстномъ дѣлѣ, съ тою цѣлю, какъ выразился указъ, установившій подобный порядокъ, — дабы „впредь отъ нихъ, фискаловъ, въ томъ какого спора и на приказныхъ людей донесенія не происходило“. Въ видахъ большей твердости настоящаго порядка и въ особенности для предупрежденія недоразумѣній, тѣмъ же указомъ было предписано брать отъ присутствовавшихъ при допросѣ фискаловъ подписку какъ въ томъ, что обвиняемые были допрошены „право и порядочно“, такъ и въ томъ, что учиненныя изъ допросовъ и прочаго дѣлопроизводства „выписки“ сдѣланы „правильно“. Въ первомъ случаѣ они подписывались подъ допросными пунктами, въ послѣднемъ — подъ составленными изъ дѣла выписками²⁾.

Дѣлопроизводство по фискальскимъ доносамъ въ первое время дѣятельности фискаловъ и существованія сената сосредоточивалось въ семь послѣднемъ. Съ этою цѣлю въ канцеляріи сената, при разделеніи послѣдней въ 1711 г., вмѣсто повѣтій на столы, устроенъ былъ особый столъ для поступающихъ въ сенатъ фискальскихъ дѣлъ³⁾, какъ для переносимыхъ сюда изъ губерній и провинцій, такъ и вчиняемыхъ здѣсь оберъ-фискаломъ. Впрочемъ вскорѣ, по причинѣ множества другихъ дѣлъ, сенатъ призналъ невозможнымъ заниматься фискальскими дѣлами; вслѣдствіе сего 23-го октября 1713 г. онъ распорядился всѣ находившіяся въ сенатѣ дѣла по фискальскимъ донесеніямъ собрать, и записавъ въ книгу, препроводить съ роспиской въ расправную палату, съ тѣмъ, чтобы и впредь означенныя дѣла про-

¹⁾ П. С. З., т. VII, № 4698, п. 1 и 8.

²⁾ П. С. З., № 2393.

³⁾ П. С. З., № 2342.

изводились въ той же палатѣ, которая затѣмъ обязана была каждо-мѣсячно рапортовать сенату о числѣ какъ поступившихъ отъ фискаловъ доносовъ, такъ и рѣшенныхъ по нимъ дѣлъ ¹⁾). Какъ сенатъ, съ своей стороны, при множествѣ другихъ занятій, затруднялся скорымъ и своевременнымъ рѣшеніемъ фискальскихъ доносовъ, такъ и расправная палата не могла въ точности и удовлетворительно выполнить возложеннаго на нее сенатомъ порученія. Вслѣдствіе сего мы и встрѣчаемся съ неоднократными Высочайшими подтвержденіями сенату о неотложномъ рѣшеніи дѣлъ по доносамъ фискаловъ ²⁾). Въ свою очередь оберъ-фискаль Нестеровъ 14-го января 1719 г. обратился въ юстицъ-коллегію съ донесеніемъ о томъ, что много фискальскихъ дѣлъ по разнымъ доносамъ въ сенатѣ, въ расправной палатѣ, въ приказахъ, канцеляріяхъ и губерніяхъ остаются не рѣшенными. По поводу этого донесенія именнымъ указомъ Петра разбирательство фискальскихъ дѣлъ, за исключеніемъ производившихся по особымъ Высочайшимъ указамъ у маіоровъ гвардіи, оберъ-секретаря сената Щукина, вѣлно перевести изъ сената, расправной палаты, приказовъ и канцелярій вмѣстѣ съ бывшими при этихъ дѣлахъ подъячими въ недавно учрежденную юстицъ-коллегію, а производство тѣхъ же дѣлъ въ губерніяхъ поручить назначеннымъ отъ той же коллегіи судьямъ ³⁾). Нечего и говорить, что коллегія не въ силахъ была справиться съ такимъ множествомъ фискальскихъ дѣлъ, которыхъ не могли своевременно рѣшать нѣсколько установлений. Посему въ концѣ того же 1719 г. 16-го ноября юстицъ-коллегія распорядилась часть фискальскихъ дѣлъ разослать по подлежащимъ на дворнымъ судамъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, по нижнимъ, а гдѣ и этихъ еще не заведено, къ губернаторамъ для изслѣдованія и рѣшенія съ тѣмъ, чтобы на будущее время обращались къ ней только съ дѣлами важными, или съ такими, которыхъ означенныя установленія почему либо не въ состояніи рѣшить ⁴⁾).

По изданіи генеральнаго регламента открылось новое для юстицъ-коллегіи облегченіе, такъ какъ въ означенномъ регламентѣ было постановлено, чтобы „всѣ дѣла, которыя подлежатъ доходамъ и счетамъ, кто въ томъ погрѣшитъ, тотъ имѣеть судимъ и наказанъ быть

¹⁾ П. С. З., № 2596. 27. 10.

²⁾ Сborn. Истор. Общ., т. XI, № 44, 110.

³⁾ П. С. З., № 3280.

⁴⁾ П. С. З., № 4453.

въ ревизіонъ-коллегіи¹⁾; сюда такимъ образомъ и должны были фискалы обращаться съ своими доносами по симъ дѣламъ. По уничтоженіи ¹⁾ ревизіонъ-коллегіи послѣдовалъ новый указъ сената, коимъ воспрещено юстицъ-коллегіи разсылать фискальскія дѣла въ надворные суды, а повелѣно отсылать ихъ, смотря по роду, въ надлежащія коллегіи, гдѣ и рѣшать ²⁾. Изъ сенатскаго указа отъ 27-го октября 1725 г. ³⁾ мы узнаемъ, что въ 1724 г. декабря 4-го дня состоялся именной указъ, коимъ велѣно было изо всѣхъ мѣстъ по фискальскимъ и доносительнымъ доношеніямъ не вершеннымъ дѣла для разсмотрѣнія отослать къ генераль-фискалу Мякинину. Вслѣдствіе сего указомъ сената было предписано всѣмъ коллегіямъ и канцеляріямъ выслать означенныя дѣла для производства къ генераль-фискалу. Подобное требованіе отъ сената вѣдѣніемъ было отправлено и въ св. синодъ ⁴⁾. Между тѣмъ во время поступленія высылаемыхъ по означенному указу дѣлъ генераль-фискалъ Мякининъ обратился въ юстицъ-коллегію съ донесеніемъ, въ которомъ, изъяснивъ невозможность вслѣдствіе указа мая 28-го дня 1725 г. принять означенныя дѣла для производства, просилъ коллегію исходатайствовать у правительствующаго сената указъ, „чтобы присланныя къ нему дѣла для разсмотрѣнія повелѣно было разослать по прежнему въ тѣ мѣста, откуда которое прислано“. Правительствующій сенатъ уважилъ ходатайство Мякинина, и производство дѣлъ по донесеніямъ фискаловъ осталось въ прежнему положеніи ⁵⁾.

Подобное странствованіе, пересылки и отпихиваніе фискальскихъ дѣлъ изъ одного присутственнаго мѣста въ другое показываютъ, что

¹⁾ П. С. З., № 3534, гл. 51.

²⁾ П. С. З., № 4309.

³⁾ Въ Полномъ Собраніи Законовъ нѣтъ сего указа, но текстъ его намъ извѣстенъ изъ вѣдѣнія правительствующаго сената св. правительствующему синоду, которое читается такъ: «Прошлаго 1724 г. декабря 4-го дня, по именному его императорскаго величества указу и по приговору правительствующаго сената велѣно: какъ изъ сената, такъ и изъ всѣхъ коллегій и канцелярій и изъ надворныхъ и провинціальныхъ судовъ, гдѣ какія фискальскія и доносительныя доношенія невершенныя есть, описать все, отослать для разсмотрѣнія къ генераль-фискалу немедленно, и о томъ въ коллегіи и въ канцеляріи послать указы отъ сената, а въ губерніяхъ и провинціяхъ изъ коллегій каждой о принадлежащихъ своихъ дѣлахъ и св. правительствующему синоду о вышеписанномъ для извѣстія симъ сообщается». См. для Арх. Св. Синода января 19-го дня, 1725 г., № 23.

⁴⁾ Дѣл. Арх. Св. Синод. января, 19-го 1725 г., № 23.

⁵⁾ П. С. З., т. VII, № 1795.

ни одно изъ нихъ не относилось къ разбирательству ихъ сочувственно, и вслѣдствіе сего происходили немалыя замедленія и нестроенія въ фискальской должности. Послѣдовательныя обращенія оберъ-фискала Нестерова съ своими донесеніями въ юстиць-коллегію ¹⁾ и въ

¹⁾ Весьма характерны въ этомъ отношеніи донесенія оберъ-фискала Нестерова, съ которыми онъ отъ 12-го января 1719 г. и отъ 9-го іюля 1720 г. обращался въ юстиць-коллегію, и въ которыхъ ясно обрисовано для насъ тогдашнее положеіе фискальской части. Въ первомъ донесеніи Нестеровъ писалъ: «Въ прошлыхъ годахъ, съ начала его фискальства по 1715 будучи въ Москвѣ, поданы отъ него и отъ другихъ фискаловъ разныя, многія доношенія, какъ въ канцелярію сената, такъ въ расправную палату, на разныхъ, за кѣмъ что досмотрѣно, интересныхъ и прочимъ указомъ прогивныхъ дѣлъ; изъ которыхъ многія дѣла вершенныя и невершенныя изъ канцелярій сената и изъ расправной разсланы какъ въ Московскую, такъ и въ другія губерніи, а нынѣ посланы изъ Москвы сюда и до нынѣ въ канцелярію сената, да съ 1715 г. и по нынѣшній 1719 годъ, будучи онъ здѣсь въ канцелярію сената и въ адмиралтейство и въ другія здѣшнія канцеляріи и въ ратушу и въ помѣстный приказъ подавъ однихъ его, кромя другихъ фискаловъ, доношеній не малое число, и какъ въ канцелярія сената такъ въ прочіихъ, по многимъ указу и рѣшенія не учинено, а по которымъ немногимъ и рѣшенія есть, и по тѣмъ казны и штрафовъ не отыскано, а дѣла и похищенія казны усмотрѣно много, и пропадаютъ напрасно, отчего и фискальскому дѣйству ясности прямой не показано. Того бы ради повелѣно было изъ коллегіи-юстиціи изъ тѣхъ означенныхъ здѣшнихъ канцелярій и приказовъ оныхъдѣла вышеобъявленныхъ годовъ, для лучшаго рѣшенія вездѣ побрать безостановочно въ коллегію юстиціи и съ повѣтчики, кто у тѣхъ фискальскихъ дѣлъ есть» (П. С. З., т. V, № 3280). Въ другомъ донесеніи Нестеровъ объяснялъ: «Какъ въ сенатѣ фискальство было вѣдомо, такъ уже въ государственную юстиць коллегію поданы отъ него равныя доношенія съ немалою жалобою на губернаторовъ и вице-губернаторовъ съ товарищами и на подчиненныхъ судей, что во всѣхъ губерніяхъ по фискальскимъ доносамъ и обличеніямъ указа и рѣшенія не чинили и вѣдомостей мѣсячныхъ и третнихъ и годовыхъ, какъ въ указахъ прописано, ни о чемъ не присылали, о чемъ какъ изъ сената, такъ изъ юстиць-коллегіи указы къ нимъ паки съ подтвержденіемъ посланы, но и за тѣми посланными указы тожь чинили, а указу же имъ за оное не учинено, и нынѣ же надворныхъ судовъ судьи также прилежаго радѣнія и рѣшенія по фискальскимъ доносамъ и обличеніямъ не чинятъ, но токмо откладываютъ день ото дня и поступаютъ къ фискаламъ съ неприятыми выговорами что де у нихъ и опрячь фискальскихъ дѣлъ есть дѣла, въ чемъ есть фискаламъ печальное подозрѣніе, а отъ обличенныхъ и укоризна, якобы фискальство ничто суть». Жалуясь на это, Нестеровъ просилъ юстиць коллегію, «дабы повелѣно было губернаторамъ и вице-губернаторамъ и съ подчиненными ихъ товарищами, что они по посланнымъ какъ изъ сената, такъ изъ юстиць-коллегіи указамъ по дѣламъ рѣшенія не чинили и вѣдомостей мѣсячныхъ и третнихъ и годовыхъ и о казняхъ штрафамъ не присылали, за преврѣнія указовъ указъ учинить, а въ надворные суды въ судьямъ послать указы также съ подтвержденіемъ, чтобы и

сенать ясно показываютъ, что и юстиць-коллегія и сенать не много могли помочь дѣлу, возбуждавшему крайнее несочувствіе и запущенному со стороны приставленныхъ къ нему установленийъ. Въ донесеніи сенату въ 1721 году, Нестеровъ, жалуюсь на недостатокъ у него помощниковъ и чрезвычайно медленное рѣшеніе дѣлъ, просилъ сенать учредить особый судъ для разбора фискальскихъ дѣлъ. „Того ради“, писалъ Нестеровъ, — „всепокорно и всенижайше еще же во истинно и слезно прошу, дабы повелѣно было для скораго рѣшенія фискальскихъ дѣлъ, опредѣлить здѣсь въ царствующемъ градѣ главнаго, а по губерніямъ подчиненныхъ ему особыхъ судей, которые бы могли какъ здѣсь, такъ и тамъ всѣхъ необходимо судить, и чего тамъ въ губерніяхъ тѣ судьи учинить не могутъ, писали бѣ сюда къ главному, а ему, что самъ не можетъ учинить, докладывать въ сенать“. То-есть, Нестеровъ просилъ объ учрежденіи трехъ инстанцій: одной—въ губерніяхъ, другой—въ С.-Петербургѣ подъ наблюденіемъ самаго сената, какъ третьей и высшей инстанціи. Сенать не уважилъ просьбы Нестерова, но и не оставилъ ея совершенно безъ вниманія: вмѣсто цѣльнаго института съ послѣдовательнымъ рядомъ инстанцій,

они по фискальнымъ доносамъ и обличеніямъ рѣшеніе и указъ чинили безволонитно, для котораго рѣшенія фискальныхъ дѣлъ и дни положить въ недѣлю, какъ положено въ коллегіи юстиціи. Указомъ сената отъ 15-го апрѣля 1719 года вслѣдствіе жалобы того же Нестерова на медленное рѣшеніе дѣлъ назначено въ юстиць-коллегіи слушать дѣла по фискальскимъ доношеніямъ во вторникъ и въ пятницу, такъ что частные челобитчики не могли въ означенные дни обращаться въ коллегію съ жалобами по своимъ дѣламъ. П. С. З., т. V, № 3325). И вѣдомости какъ мѣсячныя и третныя, такъ и годовыя рѣшенію своему и о казнь штрафахъ присылали въ юстиць-коллегію неотложно и къ фискаламъ бы они поступали въ дѣлахъ государевыхъ принто безъ напрасной укоризны и поношенія, въ чемъ бы фискалы не имѣли себѣ подозрѣнія и въ дѣйствіи остановки или помѣшательства». Юстиць-коллегія уважила донесеніе Нестерова и, согласно съ нимъ, указомъ отъ 22-го іюня 1720 г. предписала надворнымъ судамъ о разсмотрѣніи поданныхъ отъ фискаловъ доносовъ безъ замедленія, о нечиненіи имъ напрасной укоризны и поношенія, о присылкѣ мѣсячныхъ вѣдомостей о рѣшенныхъ дѣлахъ, начавшихся по донесенію фискаловъ въ юстиць-коллегію вмѣстѣ съ собранными штрафными деньгами (П. С. З., т. VI, № 3602). Сверхъ сего въ послѣдующемъ указѣ, данномъ на имя вице-президента С.-Петербургскаго надворнаго суда, Клокачева, юстиць-коллегія, подтвердивъ свое требованіе о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ по ея указамъ въ подвѣдомыхъ установленіяхъ, предписала фискаламъ «по должности фискальской смотрѣть за преступниками указовъ и доносить на нихъ и предъ судомъ право истинно обличать, какъ должность ихъ въ томъ состоитъ въ надворныхъ вышнихъ судахъ». П. С. З., т. VI, № 3608.

сенать только предписалъ юстицъ-коллегіи: выбрать въ средѣ ея особаго судью къ фискальскимъ дѣламъ изъ тѣхъ царедворцевъ, которые въ ту коллегію отданы къ дѣламъ. А кого та коллегія выберетъ, о томъ въ сенать объявить доношеніемъ“. Подобнымъ судьей былъ не другой кто-либо, какъ одинъ изъ членовъ той же юстицъ-коллегіи, такъ какъ въ генеральномъ регламентѣ относительно распределения занятій въ коллегіяхъ сказано: „Въ коллегіи не имѣютъ президенты особаго труда, или надзиранія, но генеральную верховную дирекцію или управленіе, а дѣла между совѣтниками и ассессорами такъ раздѣляются, что каждому какъ изъ производящихся въ коллегіи дѣлъ опредѣленное число, такъ и надъ канцелярією и конторами и надъ дѣлами и трудами оныхъ особое надзираніе дается“¹⁾. Въ положеніи Екатерины о должности генераль-фискала и его помощника государственнаго оберъ-фискала не указано никакихъ измѣненій относительно дѣлопроизводства по фискальскимъ дѣламъ. Генераль-и оберъ-фискалы, по разсмотрѣніи поступившихъ къ нимъ донесеній, препровождали ихъ для производства въ подлежащія коллегіи, а о важныхъ случаяхъ представляли въ сенать; производство же по донесеніямъ провинціаль-фискаловъ слѣдовало въ подлежащихъ мѣстныхъ судахъ²⁾. Необходимо присовокупить, что среди всѣхъ разнообразныхъ перемѣнъ, коимъ подвергалось дѣлопроизводство по фискальской части, правительствующій сенать всегда сохранялъ свое собственное ему значеніе, то-есть, занимался производствомъ по важнѣйшимъ фискальскимъ донесеніямъ³⁾, и фискалы никогда не теряли права объ особенно важныхъ случаяхъ доносить самому Государю. Въ такомъ случаѣ къ производству фискальскихъ дѣлъ именованнымъ указомъ назначались офицеры гвардіи и другія довѣренныя отъ Государя лица. Такъ извѣстно, что доносы оберъ-фискала Нестерова на сенатора князя Якова Федоровича Долгорукаго изслѣдовались и разсматривались въ особой комиссіи офицеровъ лейбъ-гвардіи, состоявшей изъ майора Дмитріева-Мамонова, капитана Лихарева, капитанъ-поручика Пашкова и поручика Бахметева. Нѣкоторые потомъ дѣла изъ этой комиссіи поступили для розыска къ оберъ-секретарю сената Шукину, который и разсматривалъ ихъ въ качествѣ довѣренной особы Государя.

¹⁾ П. С. З., № 3534, гл. 8.

²⁾ П. С. З., т. VII, № 4698, п. 8.

³⁾ Поступившія въ сенать фискальскія донесенія вписывались въ особую установленную для сего книгу и затѣмъ отсылались къ производству.

Первый указъ о должности фискаловъ предоставлялъ имъ полную свободу, безконтрольность и безотвѣтственность въ дѣйствіяхъ. Означенный указъ гласилъ: „Буде же (фискаль) не уличить (кого), отнюдь фискалу въ вину (того) не ставить, ниже досадовать подъ жестокимъ наказаніемъ и разореніемъ всего имѣнія“¹⁾. Допущеніе закономъ подобной безнаказанности и безотвѣтственности дѣйствій можно объяснить только тѣмъ, что законодатель слишкомъ глубоко и сильно былъ пораженъ массою тѣхъ злоупотребленій, которыя требовали настоятельнаго и неотложнаго исправленія, и что онъ питалъ самыя пламенныя и широкія надежды на цѣлесообразность и пользу создаваемого имъ института. Дѣйствительность скоро убѣдила законодателя въ его увлеченіи²⁾ и побудила исправить допущенныя крайности. Въ послѣдующемъ указѣ отъ 17-го марта 1714 года, содержащемъ многія важныя и существенныя дополненія и поясненія относительно фискальской должности, внесены разъясненія и на счетъ отвѣтственности фискаловъ за пристрастныя, своекорыстныя и неправильныя ихъ дѣйствія. „Буде же фискаль“, гласилъ этотъ указъ,— „на кого и не докажетъ всего: то ему въ вину не ставить, ибо невозможно о всемъ оному аккуратно вѣдать, а буде ни мало не уличить, но все доносъ его будутъ неправы, однакожь, ежели оный то учинилъ ни для какой корысти или злобы, то взять штрафъ съ него легкой, дабы впредь лучше осмотряся доносилъ. Буде же фискаль какой ради страсти или злобы затѣетъ и предъ судомъ подлинно и истинно отъ того, на кого то взвелъ, обличенъ будетъ, то оному, яко преступнику тожь учинить, что довелось было учинить тому, еслибъ по его доносу подлинно виноватъ былъ“³⁾. Устанавливая подвергать фискаловъ отвѣтственности за необдуманныя и неправильныя дѣйствія, законъ съ свойственнымъ ему благоразуміемъ вводитъ слѣ-

¹⁾ П. С. З., т. IV, № 2331, т. 3.

²⁾ Извѣстна проповѣдь Стефана Яворскаго, сказанная имъ въ день именинъ царевича Алексѣя, въ которой проповѣдникъ сдѣлалъ выходку противъ фискаловъ, нападаая именно на допущенную означеннымъ указомъ безотвѣтственность фискаловъ. «А какой же то законъ», говорилъ Яворскій,— «напримѣръ: поставити надзирателя и дати ему волю кого хочеть обличити, да обличить; поклепъ сложить на ближняго судію—вольню то ему. Не тако подобаетъ симъ быти: искаль онъ моея главы, поклепъ на меня сложилъ, а не довелъ, пусть положитъ свою голову; сътъ мнѣ скрыль: пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ—ископаль; пусть самъ впадетъ въ оны». Ист. Петра В. *Устрялова*, т. VI, стр. 31; *Исторія Россіи Соловьева*, т. 16, стр. 239.

³⁾ П. С. З., № 2786, т. 5 и 6.

дующую постепенность. Онъ или вовсе освобождаетъ фискала отъ отвѣтственности въ томъ случаѣ, если останется недоказанною только часть сдѣланныхъ имъ доносовъ, на томъ основаніи, что „невозможно о всемъ оному аккуратно вѣдать“, или подвергаетъ легкому денежному штрафу въ томъ случаѣ, если фискаль не докажетъ и одного обвиненія изъ своего доноса, но будетъ видно, что онъ сдѣлалъ подобный доносъ не по злобѣ, или своекорыстію, словомъ не по движенію злой воли, но отъ желанія исполнить свою должность добросовѣстно, или наконецъ присуждаетъ фискала къ тому же самому наказанію, которому подлежалъ бы обвиненный имъ въ томъ случаѣ, еслибы обнаружилось и было доказано, что доносчикъ дѣйствовалъ пристрастно, по злему умыслу, преступной волѣ. Подобная градація отвѣтственности фискаловъ, бывъ установлена упомянутымъ указомъ, какъ нашла себѣ подтвержденіе въ генеральномъ регламентѣ относительно дѣятельности коллежскихъ фискаловъ ¹⁾, такъ повторена и въ положеніи Екатерины I о должности генераль-фискала и его помощника государственнаго оберъ-фискала ²⁾.

Представляя особый институтъ по существу своихъ обязанностей и отвѣтственности за нарушение ихъ, фискалы пользовались своего рода изъятіями и привилегіями въ дѣлѣ суда и производства надъ ними слѣдствій. Такъ, еще указомъ 1712 г. отъ 16-го января было постановлено „фискаловъ, которые въ губерніяхъ, не вѣдать ни ихъ, ни деревень ихъ губернаторамъ ни въ чемъ, но только въ сенатѣ быть вѣдомымъ чрезъ государственнаго фискала ³⁾. Если фискалы, по первоначальному положенію о ихъ должности, обязывались звать на судъ всякаго, какой бы высокой степени онъ ни былъ, слѣдовательно, и начальниковъ губерній — губернаторовъ, то ясно, что для успѣха въ такомъ дѣлѣ необходимо было оградить ихъ отъ вліянія мѣстныхъ властей и изъять изъ-подъ вѣдѣнія послѣднихъ съ предоставленіемъ особой привилегіи. Такимъ образомъ неподсудность фискаловъ мѣстнымъ властямъ и подчиненіе ихъ высшему судебному мѣсту, какимъ былъ сенатъ, оказываются вполне естественнымъ и согласнымъ съ существомъ фискальской дѣятельности исключеніемъ. По силѣ этого исключенія, всѣ жалобы на фискаловъ, возникали ли онѣ въ порядкѣ officialнаго, или частнаго обвиненія, то-есть, отъ

¹⁾ П. С. З., № 3534, стр. 45.

²⁾ П. С. З., № 4698.

³⁾ П. С. З., т. IV, № 2467, п. 5.

провинціаль-фискаловъ, или отъ постороннихъ лицъ, должны были сосредоточиваться у оберъ-фискала и имъ должны были быть доложены сенату. Сенатъ, такимъ образомъ одинъ, представлялъ подлежащую судебную инстанцію относительно фискаловъ до тѣхъ поръ, пока указомъ 14-го января 1719 года всѣ фискальскія дѣла не были переданы въ юстицъ-коллегію и самому оберъ-фискалу не предписано состоять при той же коллегіи. Съ сего времени и судъ надъ фискалами сосредоточился здѣсь же. Подобная привилегированная подсудность фискаловъ не только не могла не возбуждать нечувствія по причинѣ даже одного неудобства при отдаленности суда, но и прямо была нарушаема мѣстными властями, особенно въ случаѣ жалобъ на фискаловъ отъ постороннихъ лицъ. Вслѣдствіе сего мы и встрѣчаемся между прочимъ съ нижеслѣдующею просьбой оберъ-фискала Нестерова къ юстицъ-коллегіи отъ 9-го іюня 1720 г.: „А если изъ фискаловъ кто явится неисправенъ, или въ какой винѣ, чтобы писать съ подлиннымъ извѣстіемъ и свидѣтельствомъ въ государственную юстицъ-коллегію, а сами-объ надъ ними въ томъ, не опасався свободно власти, кромѣ государственной юстицъ-коллегіи, не имѣли. понеже, по именному Царскаго Величества указу ¹⁾, фискалы въ томъ вѣдомы были въ сенатѣ, а нынѣ въ государственной юстицъ-коллегіи и вѣдать опричь того нигдѣ не повелѣно“ ²⁾. Въ слѣдующемъ 1721 году тотъ же оберъ-фискалъ Нестеровъ обратился съ подобною жалобою къ правительствующему сенату, въ которой объяснилъ, что, не смотря на именной указъ, коимъ повелѣно фискаловъ и деревни ихъ вѣдать чрезъ оберъ-фискала въ сенатѣ, фискаловъ берутъ какъ въ Преображенскій, такъ и въ другіе разныя приказы, „не предлага дѣла въ сенатъ и не списався съ юстиціей“. Какъ юстицъ-коллегія, по поводу приведенной просьбы оберъ-фискала Нестерова, признала неполсудность фискаловъ мѣстнымъ судамъ, такъ и правительствующій сенатъ, по жалобѣ того же лица, разъяснилъ: фискаловъ въ судныхъ и расправныхъ дѣлахъ, кромѣ государственныхъ тативныхъ и убійственныхъ дѣлъ, не списався съ юстицъ-коллегіей, въ Преображенскій и другіе приказы никого не брать“ ³⁾. Сенатъ, такимъ образомъ, только по тяжкимъ уголовнымъ преступленіямъ призналъ возможнымъ подчинить фискаловъ суду общихъ

¹⁾ П. С. З., № 2467, п. 5.

²⁾ П. С. З., № 3602.

³⁾ П. С. З., т. VI, № 3745.

мѣсть; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ они судились въ юстиць-коллегии. Въ указѣ Екатерины I о должности генераль-фискала и его помощника, государственнаго оберъ-фискала, еще полнѣе разъяснено, что „въ партикулярныхъ дѣлахъ имѣютъ фискалы судимы быть въ надлежащихъ мѣстахъ, какъ и прочіе“¹⁾. По сему разъясненію только въ должностныхъ преступленіяхъ фискалы судились особеннымъ судомъ. Чтобы яснѣе представить себѣ эти особенности, необходимо присовокупить, что какъ прежде въ сенатѣ, такъ впоследствии въ юстиць-коллегіи производился надъ фискалами самый судъ; предварительное же изслѣдованіе заявленныхъ противъ нихъ обвиненій совершалось во всѣхъ другихъ мѣстныхъ подлежащихъ установленіяхъ, какъ-то: въ надворныхъ судахъ, приказахъ, губернаторскихъ канцеляріяхъ, но всегда по предварительномъ представленіи оберъ-и генераль-фискалу, и съ вѣдома — прежде сената, впоследствии юстиць-коллегіи. Съ учрежденіемъ прокуроровъ, послѣдніе приняли ближайшее участіе въ судопроизводствѣ по дѣламъ надъ фискалами, по причинѣ возложенной на нихъ инструкціей генераль-прокурору обязанности: — „смотреть за фискалами въ прохожденіи ими своей должности и доносить“. Подобное участіе съ ясностію обнаружилось въ производствѣ слѣдствія и суда въ 1722 г. надъ обвиненнымъ въ разныхъ преступленіяхъ оберъ-фискаломъ Нестеровымъ и надъ подчиненными ему провинціаль-фискалами Нѣгановскимъ и Попцовымъ. По именному указу Петра слѣдствіе по сему дѣлу долженъ былъ производить сенатъ или генераль-прокуроръ Ягужинскій. Послѣдній принялъ на себя эту обязанность, и когда Нестеровъ, въ срединѣ слѣдствія, заявилъ подозрѣніе на слѣдователей, потребовалъ, чтобы сенатъ самъ производилъ изслѣдованіе, сенатъ, не уваживъ подозрѣнія, писалъ Ягужинскому: „для того, что по тому дѣлу велѣно изслѣдовать тебѣ, генералу, по особливому Его Императорскаго Величества указу, да и по должности вашей какъ за фискалами, такъ и за оберъ-фискаломъ, дабы они въ своихъ должностяхъ исправно поступали, смотришь повелѣно тебѣ, генераль-прокурору“²⁾. Такимъ образомъ Ягужинскій вмѣстѣ съ другими прокурорами окончилъ слѣдствіе надъ Нестеровымъ, но рѣшеніе самаго дѣла происходило не въ сенатѣ, какъ бы слѣдовало, а въ вышемъ

¹⁾ П. С. З., т. VII, № 4698, п. II.

²⁾ Петровский, О сенатѣ стр. 143; Соловьевъ, Истор. Росс., т. XVII, стр. 154—155.

судѣ, подѣ наблюдениемъ самого Петра, гдѣ присутствовали сенаторы, генералитетъ, штабъ-и оберъ-офицеры гвардіи, вмѣстѣ съ дѣлами сенатора и вице-канцлера Шафирова и бывшего оберъ-прокурора сената Скорнякова-Писарева.

Все, что мы сказали, относится въ общимъ, такъ сказать, гражданскимъ фискаламъ, состоявшимъ при сенатѣ, въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ и представлявшимъ собою стройно организованную сѣть для наблюденія за общимъ течениемъ дѣлъ въ государствѣ. Можно присовокупить, что эти фискалы впоследствии получили по преимуществу судебное значеніе, наблюдая за преступниками указовъ и обличая ихъ передъ судомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ указъ юстицъ-коллегии отъ 6-го іюля 1720 г. ¹⁾ Но явившись первоначально при общемъ центральномъ управленіи, то-есть, при сенатѣ и подвѣдомыхъ ему общихъ установленіяхъ, должность фискаловъ скоро была распространена и на отдѣльныя части управленія и составила необходимую принадлежность учрежденныхъ впоследствии коллегій. Такъ, въ воинскомъ уставѣ отъ 30-го марта 1716 года постановлено: „при каждомъ полку надлежитъ быть фискалу, а у дивизіи оберъ-фискалу надъ оными, которые повинны ему все доносить и подѣ его командою быть; въ главномъ же войскѣ надлежитъ быть генераль-фискалу, у котораго подѣ командою всѣ оберъ-фискалы

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 3608. Въ этомъ указѣ написано: «оберъ-фискалу и провинціаль-фискаламъ и фискаламъ всѣмъ объявить, чтобъ они, по должности фискальской, о такихъ преступникахъ доносили, а именно а) ежели отъ которыхъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ и воеводъ въ отправленіи определенныхъ отъ коллегіи юстиціи судахъ, учинится остановка, которые въ дѣла коллегіи юстиціи за посланными определенными судьями вступали, и впредь вступать будутъ, что имъ по даннымъ инструкціямъ чинить не надлежало, буде по посланнымъ изъ коллегіи юстиціи указамъ вскорѣ исполнять не будутъ, или весьма непослушными явятся, ежели они одинъ другому суду, что весьма презрѣннѣе не только исполнять, но съ яростію уничтожать и поносить будутъ, что весьма всего противнѣе быть имѣеть, якобы одинъ судъ другаго ни во что вмѣнять.... И о томъ о всемъ определеннымъ изъ коллегіи юстиціи судьямъ, что они о такихъ противностяхъ на губернаторовъ и вице-губернаторовъ и воеводъ имѣють провинціаль-фискаламъ и фискаламъ сообщать. А имъ фискаламъ о томъ, и что сами подлинно провѣдаютъ, доносить и предѣ судомъ право истинно обличать, какъ должность ихъ въ томъ состоитъ, въ надворныхъ высшихъ судахъ. И онымъ губернаторамъ и вице-губернаторамъ и воеводамъ всѣмъ въ тѣхъ надворныхъ судахъ отвѣтъ противъ фискальскихъ доносовъ имѣть; ибо оныя суды въ губерніяхъ главные есть и для того тамъ и фискалы учинены.

должны быть и ему о всемъ рапортовать“¹⁾. Въ морскомъ уставѣ отъ 13-го января 1720 г. написано: „должны быть во всякой эскадрѣ во флангѣ одинъ оберъ-фискаль“²⁾. Указомъ отъ 16-го августа 1720 года учреждены фискалы и для смотрѣнія за адмиралтейскими морскими дѣлами: „гчинить двухъ фискаловъ, изъ которыхъ одному быть при адмиралтействѣ и смотрѣть адмиралтейскихъ дѣлъ, а другому въ компаніи и смотрѣть надъ морскими“³⁾. Въ генеральномъ регламентѣ отъ 28-го февраля 1723 г. постановлено: „каждой коллегіи надлежитъ своего фискала имѣть“⁴⁾.

Изъ приведенныхъ замѣчаній видно, что поименованные фискалы назначались для спеціального смотрѣнія особой части управленія. Такъ, въ регламентѣ кригсъ-коммиссаріату о должности фискаловъ сказано: „онѣе фискалы должны интересъ Царскаго Величества, что къ пожитку состоитъ, также и убытку хранить, паче своего живота“; въ частности: „смотрѣть того, чтобъ никто какъ изъ вышнихъ, такъ и изъ нижнихъ господъ офицеровъ не употреблялъ какъ драгуна, такъ и солдата и всего даннаго изъ казны Царскаго Величества къ своимъ услугамъ и корысти, сего ради фискалы должны въ томъ обсервовать; также на крѣпко смотрѣть, чтобы никто отъ вышнихъ и нижнихъ господъ офицеровъ и рядовыхъ, чтобы сверхъ указанныхъ порціонныхъ на коштъ не бралъ изъ учрежденныхъ магазиновъ, къ казеннымъ лошадямъ подлежащихъ порціоновъ и драгунскихъ и солдатскихъ провіантовъ имать не дерзали, а ежели въ томъ кто приличится, прямо разыскивать“⁵⁾. По воинскому уставу фискаламъ, сверхъ обязанности доносить о всѣхъ безгласныхъ дѣлахъ и всякихъ преступленіяхъ, предоставлялось смотрѣть за каждымъ членомъ—„такъ ли всякій должностью истинно служить и въ прочихъ дѣлахъ врученныхъ ему поступаетъ“⁶⁾. О должности состоявшихъ во флотѣ фискаловъ въ морскомъ уставѣ сказано: „Ихъ должность есть смотрѣть во всѣхъ должностяхъ за всѣми офицерами. Ежели кто какой своей должности не исправитъ по учиненному уставу, и о томъ доносить фискаламъ отъ эскадръ своему оберъ-фискалу, а ему аншефъ-командующему. А ежели аншефъ - команду-

¹⁾ П. С. З., т. IV, № 3006, гл. 42, стр. 251; см. № 2456, гл. 14, и № 2412

²⁾ П. С. З., т. VI, № 3156, гл. 8, стр. 15.

³⁾ П. С. З., № 362.

⁴⁾ П. С. З., т. VI, № 3534, гл. 45, стр. 156.

⁵⁾ П. С. З., т. IV, № 2456, п. 10 и 23, стр. 766—770.

⁶⁾ П. С. З., т. IV, № 3006, гл. 42 п. 12

ющій что не право будетъ дѣлать, то доносить въ адмиралтействъ-коллегію подъ такими же штрафами, чему тѣ виновные достойны, о которыхъ онъ доносить". О должности состоявшаго при адмиралтействѣ фискала въ именномъ указѣ отъ 16-го августа 1720 г. сказано: „смотрѣть адмиралтейскихъ дѣлъ, и въ чемъ усмотритъ какое погрѣшеніе, доносить адмиралтействъ-коллегіи". О должности коллежскихъ фискаловъ въ генеральномъ регламентѣ сказано: „должны смотрѣть, чтобы все порядочно по даннымъ регламентамъ и указамъ управляемо было правдой и доброю ревностію, а кто въ томъ погрѣшитъ, о томъ онъ о всемъ фискальски въ коллегію доносить долженъ, какъ его инструкция показываетъ. А ежели онъ за президентомъ, или кто въ его небытность управляетъ, что противнаго увидитъ, о томъ доносить генеральному фискалу".

Представляя особый институтъ отъ общихъ фискаловъ по своему назначенію и организаціи, фискалы отдѣльныхъ частей управленія и не испытывали тѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергались фискалы общіе. Исключеніе въ семь случаевъ представляютъ военные фискалы, которые, по изданной 21-го сентября 1732 г., то-есть, въ царствованіе Анны Иоанновны, инструкции, специально для воинскихъ оберъ-фискаловъ и фискаловъ, получили новую организацію. По этой инструкціи оберъ-фискалы должны были находиться одинъ—при военной коллегіи, двое—при арміи, фискалы же при каждой полевой дивизіи и при гарнизонахъ—по одному. Тѣ и другіе, будучи назначены „смотрѣть и взысканіе имѣть всѣхъ интересныхъ и безгласныхъ дѣлъ", также „надзирать, за каждымъ чиномъ, такъ ли всякій должность свою исправляетъ, вѣрно и прилежно служить и въ прочихъ врученныхъ ему дѣлахъ поступаетъ", обязывались подавать свои дописанія „съ ясными доказательствами" генераль-инспектору и военнымъ инспекторамъ, „не смотря на особу какого бѣ ранга ни былъ". Въ тѣхъ случаяхъ, еслибы по поданнымъ отъ фискаловъ донесеніямъ производилось медленное или неправое изслѣдованіе, полевые и гарнизонные фискалы обязывались писать объ этомъ къ оберъ-фискаламъ „съ изъясненіемъ тѣхъ неправыхъ поступковъ и своего въ томъ оправданія", а оберъ-фискалы доносить военной коллегіи. Оберъ-фискалы назначались по представленію генераль-и военныхъ инспекторовъ, но по разсужденію военной коллегіи изъ поручиковъ, а фискалы изъ прапорщиковъ, или подпоручиковъ отъ сорока лѣтъ и выше, впрочемъ, и ниже сорока лѣтъ, если только представленные были люди „доброю совѣсти и честнаго житія и способные то дѣло править". Въ

дѣлахъ по частнымъ жалобамъ оберъ-фискалы и фискалы судились въ общихъ подлежащихъ мѣстахъ, въ преступленіяхъ же по должности они подлежали суду военной коллегіи. Что касается другихъ сторонъ устройства и дѣятельности военныхъ фискаловъ, то данная имъ инструкция повторяетъ тѣ же постановленія, которыя изложены въ законоположеніяхъ прежняго времени, относящихся къ должности общихъ или гражданскихъ фискаловъ ¹⁾.

Въ законодательствѣ о фискалахъ содержатся постановленія, относящіяся къ специальному виду такъ называемыхъ земскихъ фискаловъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что земскіе фискалы составляли особый родъ фискаловъ, которые явились, по учрежденіи коллегій, въ то время, когда по причинѣ разграниченія вѣдомствъ выдѣлились изъ всей массы фискаловъ съ одной стороны, фискалы, имѣвшіе судебное значеніе, какъ преслѣдователи преступленій и безгласныхъ дѣлъ, подчиненные юстицъ-коллегіи, а съ другой—земскіе какъ блюстители государственныхъ интересовъ, подчиненные камеръ-коллегіи ²⁾. Другіе, напротивъ, не допуская подобнаго дѣленія между фискалами, отрицаютъ самое существованіе земскихъ фискаловъ на томъ основаніи, что ни о существованіи, ни о дѣятельности сихъ фискаловъ нѣтъ никакого слѣда въ законодательныхъ актахъ, кромѣ учредительныхъ, ни въ архивныхъ документахъ, и высказываютъ предположеніе что учредительныя постановленія о земскихъ фискалахъ остались безъ прижизненія ³⁾. Не имѣя возможности документально сказать что-либо въ пользу или противъ существованія земскихъ фискаловъ, ограничимся изложеніемъ воззрѣній законодательства на лица сей должности. Инструкціей или наказомъ земскимъ фискаламъ лица разсматриваемой должности назначались прежде всего смотрѣть, дабы „впредь какія его Царскаго Величества села и деревни, земли, промыслы или иные какіе-либо доходы, кто не похитилъ и оными не покорыствовался, или ущербъ какого въ томъ не учинилъ“. Далѣе наблюдать, чтобы „служащія въ губерніяхъ лица поступали во всемъ согласно даннымъ имъ инструкціямъ и регламентамъ и о замѣченныхъ со стороны ихъ упущеніяхъ своевременно и правдиво доносить; присутствовать при ординарныхъ судахъ и расположеніяхъ сборовъ, при досмотрахъ земель и прочихъ публичныхъ отправленияхъ, дабы при томъ напоминать, что его цар-

¹⁾ П. С. З., т. VIII, № 6187, ср. П. С. З., т. IV, № 2786; т. VII, № 4698.

²⁾ Градовскій, Высшая администрація Россіи XVIII ст., стр. 85—86.

³⁾ Петровскій, О сенатѣ въ царств. Петра Вел., стр. 110—116.

скому интересу надлежитъ, также и при томъ смотрѣть и исправлять, что ему по чину его повелѣно“. Сверхъ сего, земскіе фискалы обязывались доносить „объ усмотрѣнныхъ ими главныхъ преступленійхъ, какъ-то: разбояхъ на дорогахъ, убійствахъ, насильствахъ, прелюбодѣйствахъ, содомскомъ грѣхѣ, чародѣйствѣ и подобныхъ имъ великихъ погрѣшеніяхъ, также о преступленіяхъ противныхъ государственнымъ уставамъ и уложеніямъ въ дѣлахъ государевыхъ и народныхъ, куда отнесены: богохульные слова, обманъ, зернь, заповѣдная продажа питья и прочія, въ чемъ нѣтъ челобитчика“; равнымъ образомъ, развѣдывать „о преступленіяхъ, противныхъ торговымъ уставамъ, положеніямъ о сборѣ податей и пошлинь, объ излишнихъ поборахъ, налогахъ и притѣсненіяхъ, чинимыхъ подданнымъ во время прохода войскъ или общихъ нарядовъ на государственную службу“. Выѣсть съ этимъ земскіе фискалы обязывались смотрѣть „за исправнымъ содержаніемъ проѣзжихъ дорогъ, поставленныхъ на нихъ столбовъ и находящихся мостовъ и прилежно развѣдывать: „нѣтъ ли гдѣ бѣглыхъ, гулящихъ, подозрительныхъ людей, также шпионовъ, лазутчиковъ и вообще подозрительныхъ людей изъ чужихъ сторонъ, не производится ли торговля запрещенными товарами, не уходятъ ли изъ государства подозрительные люди за границу и за рубежь“. О замѣченныхъ безпорядкахъ и преступленіяхъ земскіе фискалы обязывались съ подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ доносить губернаторамъ и воеводамъ письменно съ тѣмъ, чтобы послѣдніе или представили о замѣченныхъ фискалами нарушеніяхъ законовъ въ подлежацій судъ, или приняли зависяція отъ нихъ мѣры къ устраненію замѣченныхъ безпорядковъ и упущеній. Въ случаѣ, еслибы губернаторы и воеводы не сдѣлали надлежащаго распоряженія по донесенію фискала, послѣдній уполномочивался обратиться прямо въ камеръ-коллегію. При прохожденіи своей должности земскіе фискалы не только обязывались не вмѣшиваться въ образъ и кругъ дѣйствій мѣстныхъ властей, но и должны были находиться въ ближайшемъ вѣдѣніи и зависимости отъ губернаторовъ и воеводъ, исполнять всѣ ихъ приказанія и руководствоваться ихъ совѣтами и постановленіями въ затруднительныхъ и превышающихъ власть фискала случаяхъ. По окончаніи каждаго года земскіе фискалы обязаны были представлять губернатору отчетъ о своей дѣятельности въ двухъ спискахъ за собственными подписями и съ приложеніемъ своей печати; одинъ изъ этихъ списковъ губернаторъ оставлялъ въ земской канцеляріи при дѣлахъ, а другой препровождалъ въ камеръ-коллегію, дабы „оная

изъ того могла увѣдомиться, съ какимъ прилежаніемъ, попеченіемъ и вѣрностію земскій фискаль врученное ему дѣло управлять“. Въ вознагражденіе за свои труды земскіе фискалы имѣли пользоваться третьею частью изъ тѣхъ штрафныхъ денегъ, которыя могли быть собраны съ обвиненныхъ по ихъ доносамъ. Въмѣстѣ съ симъ земскіе фискалы освобождались отъ платы судныхъ пошлинъ во время веденія ими судныхъ дѣлъ по должности и пользовались готовыми подводами для разъѣзда по губерніямъ и провинціямъ. „И понсже“, заключала инструкція, — „земскаго фискала чинъ тяжолъ и несправидливъ: того ради Его Царское Величество всѣхъ земскихъ фискаловъ, которые вѣрность свою показывать будутъ, въ своемъ милостивомъ защищеніи содержать изволил“. Сіе милостивое защищеніе состояло въ томъ, что учинившіе обиду или побои фискаламъ подвергались наказанію по закону, и всѣ мѣстныя власти обязывались оказывать фискаламъ должное вспоможеніе. Соотвѣтственно сему и земскіе фискалы въ назначенной для нихъ присягѣ клялись: „ни на кого по несправидливости или недружбѣ и невинно не доносить и не досаждать, ниже кому что умышленно попускать и въ прочемъ поступать, какъ добродушному и совѣстливому человѣку принадлежитъ, и какъ въ томъ предъ Богомъ, Его Царскимъ Величествомъ и Его государственнымъ камеръ-коллегіумомъ и всякимъ честнымъ человѣкомъ отвѣтъ дать слѣдуетъ“¹⁾.

Изъ соображенія признаковъ, которыми обставлена должность земскихъ фискаловъ, необходимо заключить, что лица сей должности слѣдуетъ отличать отъ всѣхъ подобныхъ имъ и по назначенію, и по правамъ ихъ дѣятельности, и по положенію въ обществѣ. Въ то время какъ ближайшее назначеніе общихъ или гражданскихъ фискаловъ, а также и фискаловъ отдѣльныхъ частей управленія, заключалось въ томъ, чтобы смотрѣть и наблюдать за служащими лицами государства и вообще за лицами, имѣвшими возможность злоупотреблять своею властію и положеніемъ, нарушить и обойти предписанія закона, поживиться на счетъ казны, злоупотребить правами суда и администратіи, земскіе фискалы назначались прежде всего и главнымъ образомъ смотрѣть за содержаніемъ въ надлежащей исправности казенныхъ селъ, земель, деревень и вообще доходныхъ статей и правильнымъ добываніемъ съ нихъ прибыли. Общія гражданскіе фискалы если и вмѣшивались въ такъ называемыя „народныя дѣла“, то только

¹⁾ П. С. З., т. V, № 3479.

въ случаяхъ особенной и исключительной важности совершенныхъ преступлений, напротивъ того, земскіе фискалы въ своемъ наблюденіи должны, такъ сказать, сторожить нравственное и религіозное поведеніе подданныхъ, охранять ихъ интересы и наблюдать за всѣми проживавшими въ ихъ провинціи людьми. Съ точки зрѣнія такихъ обязанностей земскіе фискалы, безъ преувеличенія могутъ быть названы полицейскими агентами, доносившими о всемъ замѣченномъ мѣстному административному начальству и находившимися въ полной отъ него зависимости относительно прохожденія своей должности, тогда какъ гражданскіе фискалы, представляя собою особый іерархически сплоченный институтъ, служили цѣлямъ высшаго надзора и правосудія во всемъ государствѣ. Вслѣдствіе сего, гражданскіе фискалы, имѣя своего глазнаго представителя при высшемъ центральномъ установленіи, содѣйствовали объединенію низшихъ органовъ суда и администраціи съ высшими и распространяли свое наблюденіе одинаково на всѣ части государства, содѣйствуя торжеству закона и правосудія, неприкосновенности государственнаго интереса, земскіе въ свою очередь, не имѣя никакого представительства внѣ предѣловъ мѣстной территоріи, служили дѣлу благоустройства народной жизни въ сей послѣдней. Подобное различіе гражданскихъ и земскихъ фискаловъ, не позволяя смѣшивать тѣхъ и другихъ, указываетъ и на различные результаты ихъ дѣятельности въ томъ отношеніи, что дѣятельность гражданскихъ фискаловъ, необходимо достигая высшихъ сферъ администраціи, становилась видимою и доступною наблюденію изслѣдователя въ сохранившихся памятникахъ, между тѣмъ какъ дѣятельность земскихъ вся вращалась въ предѣлахъ мѣстной администраціи и не выходила за предѣлы известной территоріи. Такое скромное положеніе земскихъ фискаловъ, сравнительно съ фискалами гражданскими, значительно объясняя намъ то, почему о дѣятельности послѣднихъ могли и должны были сохраниться полныя и обстоятельныя свѣдѣнія, а о дѣятельности первыхъ—никакихъ, много подрываетъ дѣлаемое на этомъ основаніи заключеніе, будто бы земскихъ фискаловъ въ дѣйствительности не существовало, и будто бы разсуждающіе о нихъ законодательные акты остались мертвою буквою безъ примѣненія.

Если теперь сообразимъ сказанное объ устройствѣ, образѣ дѣйствій и назначеніи фискальскаго института, то безъ труда заключимъ, что лица разсматриваемой должности не могутъ быть ни сравниваемы съ казенныхъ дѣлъ стряпчими, ни отождествляемы съ послѣ нихъ явившеюся прокуратурою. Не говоря о совпаденіи круга занятій лицъ

фискальской должности съ поименованными органами, существеннымъ отличіемъ фискаловъ отъ тѣхъ и другихъ служить то, что фискалы, будучи назначены только „провѣдывать и доносить“ о преступленіяхъ и нарушеніяхъ указовъ, о несоблюденіи казеннаго интереса, не только не принимали затѣмъ участія въ обсужденіи тяжести и важности этихъ преступленій и нарушеній, но напротивъ того имъ положительно было запрещено вмѣшиваться въ дѣйствія и распоряженія надлежащихъ властей, тогда какъ казенныхъ дѣлъ стряпчье и въ особенности прокуроры непосредственнымъ образомъ вліяли на существо самыхъ опредѣленій тѣмъ, что останавливали ихъ, давая протесты и вообще до нѣкоторой степени заправляли рѣшеніемъ. Правда, кажущееся сближеніе должности фискаловъ съ обязанностями стряпчихъ усматривается въ томъ, что и фискалы обязывались наблюдать интересы казны, при составленіи вѣрностныхъ актовъ, а съ назначеніемъ прокуроровъ—въ томъ, что состоявшіе при коллегіяхъ фискалы также обязывались смотрѣть, чтобы все по даннымъ регламентамъ и указамъ управляемо было правдою и доброю ревностію; но это кажущееся сближеніе и разъединяетъ сравниваемые установленія тѣмъ, что фискалы могли только смотрѣть и доносить, не предпринимая никакихъ другихъ дѣйствій къ прекращенію усмотрѣнныхъ нарушеній. Такая особенность дѣятельности фискаловъ, дѣлая эту должность установленіемъ особаго рода (*sui generis*), заставляетъ признать ее самобытною и самостоятельною въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ законодателя. Въ этой должности великій преобразователь усиливался найти возможно вѣрное и надежное средство для борьбы съ пренебреженіемъ къ офиціальному и общественному долгу, возлагаемому на каждаго закономъ и пользою государства, для прекращенія всѣхъ злоупотребленій въ офиціальной и частной сферѣ. Для успѣшнаго дѣйствія разсматриваемаго института въ видахъ предположенной цѣли, Петръ старался обставить свое учрежденіе всевозможными гарантіями свободы, самостоятельности и даже нѣкоторой безотвѣтственности и распространить это учрежденіе на всѣ отдѣльныя части управления, съ предоставленіемъ особенныхъ, но одинаковыхъ по характеру правъ „надсматриванія, провѣдыванія и донесенія“ о всемъ подлежащемъ ихъ наблюденію. Если фискалы и не оправдали вполне намѣреній и ожиданій своего учредителя, то причина сего скрывается сколько въ нѣкоторыхъ органическихъ недостаткахъ сего учрежденія, дававшего слишкомъ много простора его дѣятелямъ и потому требовавшего отъ нихъ, какъ необходимой гарантіи правильности дѣйствій, извѣстной

высоты нравственныхъ понятій и убѣжденій, столько и въ самомъ обществѣ, въ сферѣ котораго приходилось дѣйствовать фискаламъ, и которое при всякомъ удобномъ случаѣ старалось противодѣйствовать имъ въ исполненіи своихъ обязанностей и несправедливо ихъ. Въ подтвержденіе первой мысли довольно указать на то, что самъ Петръ не стѣсняясь, заявлялъ сенату о томъ, что фискалы явились „въ великихъ злоупотребленіяхъ“ отъ неразборчиваго выбора лицъ на эту должность, и что, какъ извѣстно, самый энергическій и неутомимый оберъ-фискалъ Нестеровъ съ другими своими товарищами, будучи обвинены въ разныхъ преступленіяхъ—лихоимствѣ, взяткахъ, укрывательствѣ виновныхъ, казнены смертію. Притомъ фискальство не только не представляло въ себѣ такихъ условій, которыя ручались бы за ревностное и усердное прохожденіе оной должности несшими ее лицами, кромѣ собственной ихъ къ тому расположенности, напротивъ давало поводъ принимавшимъ оную лицамъ уклоняться отъ дѣйствительной службы и не приносить пользы. Вотъ, напримѣръ, что писалъ Нестеровъ, будучи еще только помощникомъ оберъ-фискала Желябужскаго и стараясь выказать Петру свое усердіе. Жалуясь на московскихъ фискаловъ, отстававшихъ отъ него въ усердіи, Нестеровъ о фискалахъ другихъ губерній прибавлялъ: „А въ другихъ губерніяхъ многіе фискалы ничего не смотря и ни съ кѣмъ отстуды принять не хотятъ; добились чрезъ оберъ-фискала своихъ мѣстъ, чтобы отбыть службы и посплечь и живутъ, какъ сущіе тунеядцы въ своихъ деревняхъ; я положилъ на нихъ штрафы, а оберъ-фискалъ сложилъ, потому что у него общая дворянская компанія, а я между ними замѣшался только одинъ съ сыномъ моимъ, котораго обучаю фискальству“¹⁾. Такимъ образомъ представляя въ собственной своей средѣ симптомы нестройства, фискалы еще болѣе со стороны другихъ встрѣчали къ себѣ несочувствіе, охлаждавшее ихъ рвеніе. Вотъ какой пріемъ былъ оказанъ фискаламъ на самыхъ первыхъ порахъ ихъ дѣятельности со стороны лицъ и установленій, которыя по своему административному значенію должны были благоприятствовать сему учрежденію. „Изволилъ ваше царское величество“, такъ писали въ жалобѣ царю въ апрѣлѣ 1712 г. трое фискаловъ: оберъ-фискалъ Желябужскій съ своими помощниками: Нестеровымъ и Шепелевымъ, — „учинить фискальское дѣло, для чего, по указу изъ сената опредѣ-

¹⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XVI, стр. 241. Здѣсь же и о дѣятельности оберъ-фискала Нестерова, стр. 233.

лены мы. И мы рабы твои, по должности своей всячески провѣдывая и усмотри какъ въ сборахъ, такъ и въ расходахъ, и объ иныхъ нуждахъ подали въ сенатъ многія разныя доношенія. А по другимъ дѣламъ въ разныхъ приказахъ какъ за судьями, такъ и за приказными, людьми сыскали всякую неправду, о чемъ написали порознь въ нашихъ особливыхъ доношеніяхъ и обличеніяхъ, по которымъ, противъ твоихъ пунктовъ, указу и опредѣленія не учинено и по се число, и на судъ намъ неправду сотворившихъ не только котораго судью, но и послѣдняго подъячаго ко обличенію не поставлено. А когда приходилъ въ сенатъ съ доношеніями, и отъ князей Якова Θεодоровича (Долгорукаго), да отъ Григорія Племянникова безо всякой пашей вины бываетъ къ намъ съ непорядочнымъ гордымъ гнѣвомъ всякое немилосердіе, еще жъ съ непотребными укорины и поношеніемъ позорнымъ, зачѣмъ намъ, рабамъ твоимъ, къ нимъ и ходитъ опасно. Племянниковъ называетъ насъ уличными судьями, а князь Яковъ Θεодоровичъ—антихристами и идутами¹⁾. Начавъ свою дѣятельность подобными жалобами на невнимательность къ нимъ и оскорбленія со стороны правительственныхъ лицъ и установленій, фискалы и впоследствии испытывали тѣ же отношенія къ нимъ; доказательствомъ сего служатъ тѣ неоднократныя „стужанія“, съ которыми смѣнявшій Желябужскаго оберъ-фискалъ Нестеровъ обращался въ юстицъ-коллегію, правительствующій сенатъ и къ самому царю, объясняя, что нижніе судьи, воеводы, вице-губернаторы и губернаторы относятся невнимательно къ фискальскимъ донесеніямъ и не исполняютъ посланныхъ имъ по сему предмету указовъ, что въ самомъ сенатѣ и въ юстицъ-коллегіи многія фискальскія дѣла остаются безъ рѣшенія и указа, что вследствие сего у тѣхъ лицъ, на которыхъ сдѣланы доносы, закрадывается мнѣніе, „якобы фискальство ничто есть“. Всего болѣе и почти исключительно недолюбливали фискаловъ тѣ лица, которымъ приходилось подпадать ихъ обвиненіямъ, и которыя вызвали самое учрежденіе фискаловъ своими несправедливостями въ отношеніи къ общественному, казенному и частному интересу это—люди, участвовавшіе въ администраціи, ведшіе торговлю, принимавшіе на себя разные подряды, поставки и подобное, словомъ—имѣвшіе возможность злоупотреблять своимъ положеніемъ во вредъ другимъ. Страдавшій отъ подобныхъ злоупотребленій низшій классъ народа, и при своемъ приниженномъ положеніи, нуждавшійся въ какомъ бы то ни было посто-

¹⁾ Тамъ же, стр. 232—233.

ропнемъ заступленіи, не только не питалъ непріязненныхъ чувствъ къ фискаламъ, но напротивъ того видѣлъ въ нихъ лучшихъ защитниковъ противъ своихъ притѣснителей, каковыми являлись въ то время всякія лица, имѣвшія какую бы то ни было власть. Вотъ на примѣръ, что доносили устюжскіе фискалы своему главѣ оберъ-фискалу для доклада сенату о злоупотребленіяхъ посланныхъ устюжскимъ комиссаромъ Акишевымъ подъячихъ и солдатъ послѣ того, какъ выборные отъ разоренныхъ волостей принесли жалобу на дѣйствія притѣснителей: „Для подлиннаго о вышеозначенномъ разореніи“, доносили фискалы, — „посылаемъ мы, сироты твои, въ Устюжскій уѣздъ изъ насъ провинціаль-фискаловъ, и по той посылкѣ изъ волостей отъ соцкихъ, и отъ сборщиковъ и отъ разныхъ крестьянъ во многихъ разныхъ сказкахъ и доношеніяхъ заручныхъ объявлено на подъячаго Вологожанина, на Якова Зубова, и съ нимъ на солдата на вологожанина жъ на Ивана Круглаго съ товарищи Южской трети изъ 14 волостей, Двинской трети изъ 6 волостей въ сказкахъ объявлено: великими и непомѣрными всякими муками мучили одного человѣка священника, 38 человѣкъ мужеска, 30 человѣкъ женска половъ; въ томъ числѣ у одного мужа изломаны руки и ноги, да у одной жены казни перстѣ отсѣкли, да у жены жъ выломали зубъ и руки изломали, да трехъ дѣвицъ мучили жъ и ругательски нагихъ водили, и куда водили за срамомъ не сказывали, да трехъ младенцевъ ругательски отъ матернихъ грудей въ снѣгъ бросили, да отъ великихъ непомѣрныхъ тиранскихъ мукъ померло два человѣка мужеска, два человѣка женска половъ, да отъ непомѣрныхъ же мученій жена извергла дву человѣка младенцевъ мертвыхъ, всего отъ мученій померло шесть человѣкъ. Блуднымъ воровствомъ сильно обезчестили двухъ женъ, да одну жену жъ возили долгое время и отъ великихъ побой была безпамятна и сказать подлинно какъ надъ ней ругались не вѣдаемъ; да въ церковныхъ трапезахъ мучили шесть человѣкъ мужеска четыре женска половъ, въ томъ числѣ четыре человѣка окровавлены и мертвы были долгое время“. Далѣе въ тѣхъ же сказкахъ объявлено о другихъ насиліяхъ частію съ цѣлію вынудить поборы ¹⁾. Обнародывая подобные факты изъ бумагъ архива министерства юстиціи, г. Петровскій прибавляетъ: „Акишевыхъ было не мало, и мы могли бы привести не одинъ подобный примѣръ, гдѣ за угнетаемыхъ вступались фискалы, и гдѣ утѣснителями являлись уже не какіе-нибудь незначительные

¹⁾ Петровскій, О сенатѣ, стр. 150—151, прим.

Акишевы, а сыновья самыхъ высокопоставленныхъ лицъ въ родѣ Александра Гавриловича Головкина, сына канцлера Гаврилы Ивановича ¹⁾). А если такъ, то мы съ своей стороны въ правѣ сказать, что фискалы въ этомъ отношеніи были ближайшими споспѣшниками правительства, которое, благодаря ихъ доведеніямъ, могло во-время предупредить и уничтожить возникавшія и существовавшія злоупотребленія. Но всѣ дѣйствительныя заслуги фискаловъ не могли уничтожить съ самаго начала возникшія и во все послѣдующее время ихъ дѣятельности, болѣе и болѣе развивавшіяся въ высшемъ классѣ ненависть и нерасположеніе къ фискаламъ, какъ къ лицамъ, поставленнымъ надзирать и наблюдать за дѣятельностію означеннаго класса. Главная, болѣе или менѣе уважительная причина этой ненависти и нерасположенія скрывалась въ томъ, что фискалы пользовались возможностью, не подвергаясь особенной отвѣтственности, взводить какія угодно обвиненія на правого и виновнаго и подвергать ихъ всѣмъ невыгодамъ тогдашней фискальской процедуры суда. Подобная возможность, при отсутствіи у фискаловъ нравственныхъ качествъ правдолюбія и честности, дѣлала ихъ страшными и ненавистными даже людямъ, которые не знали за собою никакихъ злоупотребленій; та же возможность, сопровождавшаяся дѣйствительными фактами, вооружала противъ нихъ и правительство, которое, при малѣйшемъ несочувствіи къ реформамъ Петра, должно было неблагоклонно взглянуть и на фискаловъ. Дѣйствительно, послѣ того какъ въ царствованіе Екатерины I фискальскій институтъ успѣлъ достигнуть полнаго своего развитія, въ царствованіе перваго ея преемника Петра II мы встрѣчаемся съ неблагопріятными для разсматриваемаго института распоряженіями. Имѣемъ въ виду именной указъ отъ 27-го іюня 1729 года, который, объявляя, что при бывшемъ оберъ-фискалѣ Нестеровѣ многіе провинціаль-фискалы и фискалы опредѣлены по его прихотямъ безъ вышняго указа, а „потомъ губернаторы и воеводы, тѣхъ изъ нихъ отставляя, опредѣлили другихъ собою жъ, а кто гдѣ нынѣ имѣются, и по какимъ указамъ опредѣлены о томъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ и въ сенатѣ извѣстія не имѣется“, предписывалъ: „изо всѣхъ губерній, провинцій и городовъ, кромѣ завоеванныхъ, всѣхъ провинціаль-фискаловъ и фискаловъ, такожъ которые отъ фискальства и отставлены, а нынѣ ни у какихъ дѣлъ не обрѣтаются, а хотя которые и у дѣлъ, по опредѣленіямъ губер-

¹⁾ Тамъ же, стр. 151.

наторскимъ и воеводскимъ, а не по указамъ сенатскимъ, кромѣ тѣхъ, которые были изъ купечества для купеческихъ дѣлъ, всѣхъ выслать въ Москву въ сенатъ на поверстный срокъ по указу¹⁾ съ представленіемъ въ сенатъ рапортовъ о присланныхъ. Сверхъ сего, означенный указъ требовалъ высланнымъ фискаламъ составить списокъ въ сенатъ съ обозначеніемъ каждаго лѣтъ и чина, мѣста и рода службы, времени поступленія въ фискалы и по какому указу, и немедленно представить на смотръ въ верховный тайный совѣтъ²⁾. Означенный указъ былъ исполненъ въ скорости и точности. Присланныхъ въ сенатъ провинціаль-фискаловъ и фискаловъ именнымъ же указомъ отъ 24-го декабря того же 1729 года велѣно распределить такимъ образомъ: „которые были изъ шляхетства, годныхъ опредѣлить въ военную службу и къ дѣламъ, это куда достоинъ, а негодныхъ написавъ въ валовой списокъ отпустить въ дома до указа; а которые изъ людей боярскихъ тѣхъ годныхъ написать въ солдаты, а негодныхъ представить въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ“³⁾. Приведенные указы съ мыслию объ очищеніи фискальскаго института отъ лицъ, достигшихъ фискальской должности безъ указа сената, заключали въ себѣ и мысль о сокращеніи дѣйствій означеннаго института. Слѣдуетъ прибавить, что почти вслѣдъ за симъ, именно отъ 15-го мая 1730 года, мы встрѣчаемся съ сенатскимъ указомъ о закрытіи фискальской канцеляріи и о разсылкѣ дѣлъ ея по принадлежности³⁾. Подобными распоряженіями подведенъ былъ итогъ дѣятельности фискальскаго института, о которомъ уже и не упоминается въ послѣдующемъ законодательствѣ, такъ что на этомъ мы можемъ и окончить наше разсужденіе о свѣтскихъ фискалахъ и перейти къ параллельному имъ установленію духовныхъ инквизиторовъ.

II.

Духовный регламентъ, опредѣляя права и обязанности вновь учрежденной духовной коллегіи и лицъ, подвѣдомыхъ ей, въ отдѣлѣ „о дѣлахъ епископскихъ“ въ п. 8, обязывая епископовъ смотрѣть, дабы „мовахи не волочились безпутно, дабы никакихъ безлюдныхъ церквей не строено, дабы никакихъ ложныхъ чудесъ не вымышлено, также о

¹⁾ П. С. З., т. VIII, № 5431.

²⁾ Тамъ же, № 5494.

³⁾ Тамъ же, № 5557.

вликшахъ и тѣлесахъ мертвыхъ не свидѣтельствованныхъ и прочаго всего того добрѣ наблюдать“ присовокупляетъ: „все тое чтобъ удобнѣе пошло въ дѣло, указалъ бы епископъ по всѣмъ городамъ, чтобы протопопы или нарочно опредѣляемые къ тому благочинные, аки бы духовные фискалы, тое все надсматривали и ему бы епископу доносили, если бы такое что-то гдѣ проявилось, подъ виною изверженія, кто бы утаить похотѣлъ“¹⁾. Далѣе тотъ же духовный регламентъ въ томъ же отдѣленіи „о дѣлахъ епископскихъ“, снова напоминая о томъ, чтобъ епископъ смотрѣлъ, „хранятся ли по его епархіи отъ пресвитерей и монаховъ и прочихъ должныя оныя заповѣди“, присовокупляетъ, „чтобъ онъ, то-есть, епископъ, имѣлъ на сіе духовныхъ фискаловъ“²⁾.

Такимъ образомъ уже духовнымъ регламентомъ, какъ впоследствии выразилась инструкція протоинквизитору, была постановлено, чтобъ „у надсмотрѣнія всякаго духовнаго дѣйствія, какого бы званія оное ни было, во всѣхъ епархіяхъ всего Всероссійскаго государства были духовные фискалы“³⁾.

Вслѣдствіе сего и въ совершенной сообразности съ свѣтскими фискалами св. синодъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій, а именно 1-го марта 1721 года, опредѣлилъ: „какъ въ Санктъ-Петербургѣ при томъ же духовномъ синодѣ, такъ и въ Москвѣ при церковномъ духовномъ же правленіи, быть изъ духовныхъ персонъ по одному протоинквизитору и по два человѣка инквизиторовъ, да и въ великороссійскихъ городахъ и во всѣхъ архіерейскихъ епархіяхъ по инквизитору“.

Изъ сего опредѣленія видно, что св. синодъ, учреждая новую должность инквизиторовъ въ смыслѣ духовныхъ фискаловъ, полагалъ на первое время весь инквизиторскій институтъ ограничить двумя протоинквизиторами, назначивъ одного для С.-Петербурга, другаго для Москвы, четырьмя инквизиторами, по два къ каждому изъ протоинквизиторовъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ, и наконецъ, однимъ инквизиторомъ въ каждой епархіи. Подобное число духовныхъ фискаловъ далеко не могло быть достаточно „для постояннаго и неослабнаго наблюденія всякаго духовнаго дѣйствія во всѣхъ епархіяхъ“

¹⁾ Почв. собр. постан. и распор. по вѣдом. прав. испов. Рос., имперіи, т. I, № 1, стр. 9—10.

²⁾ Тамъ же, стр. 13.

³⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 16.

всего Россійскаго государства". Посему въ слѣдующемъ своемъ опредѣленіи отъ 19-го іюля 1721 г. по сему предмету св. синодъ восполнилъ означенное число и вообще постановилъ инквизиторскую часть устроить такимъ образомъ: сверхъ двухъ назначенныхъ состоять при московскомъ протоинквизиторѣ, синодъ указалъ опредѣлить къ нему еще трехъ, также въ знатные степенные монастыри и въ каждый заказъ поставить по одному инквизитору, независимо отъ состоящихъ при архіерейскихъ епархіяхъ. Въ означенномъ опредѣленіи св. синода по сему предмету буквально говорилось слѣдующее: „для вспоможенія въ Москвѣ по инквизиторскимъ дѣйствамъ, выбравъ опредѣлить изъ мірскаго священства трехъ человѣкъ; а въ степенные знатные монастыри для лучшаго усмотрѣнія выбрать въ инквизиторы по одному человѣку, да въ городахъ изъ мірскаго священства въ каждомъ заказѣ по одному человѣку, а въ городахъ бывшей патріаршей области не въ одномъ монастырѣ, въ которомъ инквизиторъ жительствомъ опредѣленъ будетъ, но и другіе къ тому монастырю въ близости присмотромъ ему опредѣлить, а въ архіерейскихъ епархіяхъ опредѣлить въ каждую по собственному инквизитору, которые бѣ были по примѣру учрежденныхъ въ свѣтскомъ правленіи провинціалъ-фискаловъ“¹⁾.

По силѣ сего опредѣленія духовные инквизиторы, въ совершенное соотвѣтствіе свѣтскимъ фискаламъ, должны были, на подобіе сѣти, распространяться по всей Великой Россіи, имѣя свои частные средоточные пункты въ епархіяхъ въ лицѣ провинціалъ-инквизиторовъ и общіе въ Петербургѣ и Москвѣ—въ лицѣ двухъ особыхъ протоинквизиторовъ. Впрочемъ подобное двоевластіе въ инквизиторскомъ институтѣ, представлявшее исключеніе сравнительно съ устройствомъ фискальской должности, продолжалось не долго. Въ слѣдующемъ по учрежденіи инквизиторовъ 1722 году 9-го апрѣля св. синодъ разсудилъ: „Понеже по именному Его Императорскаго Величества указу повелѣно быть у государственныхъ свѣтскихъ дѣлъ одному оберъ-фискалу, того ради и у духовныхъ дѣлъ быть одному протоинквизитору“, коимъ и оставленъ состоявшій въ Москвѣ на томъ основаніи, что петербургскаго протоинквизитора св. синодъ нашелъ „въ званіи недѣйствительнымъ“²⁾.

Оба первые протоинквизитора были выбраны и назначены самимъ

¹⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 130.

²⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 526.

св. синодомъ: въ С.-Петербургѣ іеромонахъ Макарій Хворостининъ, бывшій до назначенія въ настоящую должность оберъ-іеромонахомъ во флотѣ и управителемъ духовныхъ дѣлъ на островѣ Котлинѣ ¹⁾, а въ Москвѣ іеродіаконъ Александро-Невскаго монастыря Пафнугій ²⁾. Тому и другому протоинквизитору для отдѣльнаго завѣдыванія была назначена своя особая „диспозиція“, то-есть, округа, обнимавшіе нѣсколько епархій. Такъ наприимѣръ, „диспозиція“ с.-петербургскаго протоинквизитора обнимала епархіи Новгородскую, Псковскую, Вологодскую, Устюгскую, Холмогорскую, Вятскую и Сибирскую ³⁾. Диспозиція московскаго протоинквизитора обнимала бывшую патриаршую область и остальныя епархіи въ Великороссіи. Та и другая диспозиція, по уничтоженіи должности петербургскаго протоинквизитора, составили одну нераздѣльную область, поступившую въ вѣдѣніе находившагося въ Москвѣ протоинквизитора, іеродіакона Пафнугія.

Въ первомъ опредѣленіи Св. Синода объ учрежденіи инквизиторской должности уже было сказано, чтобы „къ надлежащему въ то званіе опредѣленію написать вѣдомымъ изъ монашескаго чина лицамъ, въ приказныхъ дѣлахъ искуснымъ и должность того званія исправить могущимъ, реестръ, который опредѣленія ради правительствующему духовному синоду и предложить немедленно“. Нѣтъ сомнѣнія, что главными разсадниками таковыхъ „въ приказныхъ дѣлахъ искусныхъ лицъ“ должны были явиться Свято-Троицкая и Александро-Невская лавры и московскіе монастыри, изъ коихъ и были набраны первые инквизиторы ⁴⁾, изъ московскихъ монастырей—преимущественно для Москвы ⁵⁾, изъ Александро-Невской лавры—для С.-Петербурга и Новгорода ⁶⁾. Впрочемъ, что касается первоначальнаго укомплектованія инквизиторской части, то св. синодъ, выбравъ протоинквизиторовъ, имъ и поручилъ дальнѣйшее замѣщеніе инквизиторскихъ должностей способными лицами въ подвѣдомыхъ каждому диспозиціяхъ ⁷⁾. Вслѣдствіе сего мы и видимъ усиленное стараніе Хворостинина привести инквизиторскую часть въ подвѣдомой ему диспозиціи въ надлежащій

¹⁾ Опис. докум. и дѣлъ архив. св. синода, т. I, № 142, 221, стр. 128.

²⁾ Тамъ же, № 345, стр. 420.

³⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. сив., т. I, стр. 612, № 553 П. С. П. и Р., т. I, № 253.

⁴⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 16.

⁵⁾ Тамъ же, № 37.

⁶⁾ Тамъ же, № 253.

⁷⁾ Тамъ же, № 130.

видъ ¹⁾. Само собою понятно, что укомплектовать всѣ мѣста инквизиторской должности кандидатами одного Невскаго монастыря было невозможно; вслѣдствіе сего Хворостининъ обратился въ св. синодъ съ донесеніемъ, въ которомъ, объяснивъ, что въ принадлежавшія къ его диспозиціи епархіи: Псковскую, Вологодскую, Устюжскую, Холмогорскую, Вятскую и Сибирскую „нынѣ въ С.-Петербургѣ изъ монаховъ выбрать некого“, просилъ у синода позволенія, „не упуская времени“, отправиться въ подлежащія епархіи съ тѣмъ, чтобы изъ монаховъ тамошнихъ монастырей набрать къ инквизиторскимъ дѣйствіямъ достойныхъ“, а также и „послушнаго указа“ къ мѣстнымъ „вышнимъ и нижнимъ духовнымъ персонамъ“, находившимся „въ смотрѣніи дѣла“. Давая по сему донесенію свое опредѣленіе, св. синодъ предписалъ Хворостинину „выбрать въ епархіяхъ въ монастыряхъ изъ братства изъ добрыхъ монаховъ и достойныхъ тому званію, кромѣ начальствующихъ“, и въ семъ смыслѣ далъ указъ Хворостинину ²⁾.

Неизвѣстно, воспользовался ли до своего увольненія отъ должности протоинквизитора даннымъ ему отъ синода дозволеніемъ Хворостининъ, или св. синодъ потому и нашелъ „его въ званіи своемъ недѣйствительнымъ“, что Хворостининъ медлилъ исполненіемъ означеннаго распоряженія, сдѣланнаго по его донесенію; во всякомъ случаѣ, подобныя мѣры не предпринимались въ диспозиціи московскаго протоинквизитора, гдѣ дѣло обходилось проще: обыкновенно протоинквизиторъ старался найти и указать св. синоду достойныхъ кандидатовъ для инквизиторской должности. Синодъ, въ свою очередь, предписывалъ подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ выслать указанныя лица къ протоинквизитору для отправленія на должность. По данной св. синодомъ въ руководство протоинквизитору Пафнугію инструкціи долженъ былъ наблюдаться слѣдующій порядокъ избранія и назначенія чиновъ инквизиторской должности: Провинціалъ-инквизиторы должны были избираться самимъ протоинквизиторомъ изъ „монашескаго чина“, изъ людей „доброжительныхъ и въ ономъ званіи дѣйствительными быть могущихъ, паче же чистосовѣстныхъ и правдивыхъ“. Избранныхъ такимъ образомъ протоинквизиторъ обязанъ былъ представить св. синоду, если къ тому была возможность, напримѣръ, если это было въ С.-Петербургѣ—въ постоянной резиденціи синода, или въ Москвѣ.

¹⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. еп., № 142, 345, 528 и др.; Стат. опис. с.-петерб. епархіи, т. I, стр. 114.

²⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. синода, т. I, № 552; П. С. П. и Р., № 253.

куда въ первое время своего существованія св. синодъ очень часто переѣзжалъ, и гдѣ имѣлъ засѣданія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда избранные принадлежали къ отдаленнымъ отъ мѣстонахожденія св. синода епархіямъ, протоинквизиторъ, не представляя ихъ лично св. синоду, обязанъ былъ письменно довести послѣднему объ ихъ избраніи. Синодъ, съ своей стороны, о назначеніи и утвержденіи таковыхъ посылалъ указы и инструкціи мѣстнымъ архіереямъ. Съ учрежденіемъ въ Москвѣ „московскаго синодальнаго правленія канцеляріи“ обыкновенно въ сей послѣдней и сосредоточивались дѣла избранія и назначенія провинціаль-инквизиторовъ и инквизиторовъ. Избранные и утвержденные провинціаль-инквизиторы сами избирали инквизиторовъ для монастырей изъ лицъ монашествующихъ, для приходскихъ же церквей въ городахъ и уѣздахъ по заказамъ изъ лицъ бѣлаго священства и представляли ихъ на утвержденіе епархіальнымъ архіереямъ ¹⁾.

Подобный порядокъ избранія и назначенія какъ провинціаль-инквизиторовъ, такъ и инквизиторовъ, не могъ представлять успокоительныхъ гарантій уже потому, что предоставлялъ все существенное при избраніи и назначеніи провинціаль-инквизиторовъ протоинквизитору и инквизиторовъ—провинціаль-инквизиторамъ, которые легко могли злоупотребить предоставленнымъ имъ полномочіемъ, какъ это и обнаруживаетъ между другими примѣръ провинціаль-инквизитора Холмогорской епархіи іеродіакона Александра Тихонова, сдѣлавшаго инквизиторомъ въ Соловецкій монастырь монаха Мирона, заподозрѣннаго братствомъ означеннаго монастыря въ расколъ ²⁾. Неудобство и неудовлетворительность сего порядка мы поймемъ еще яснѣе, когда представимъ, что и самъ протоинквизиторъ, живя въ Москвѣ, долженъ былъ, какъ говорится, заглазно, по постороннимъ слухамъ, рекомендовать находившіяся въ отдаленныхъ епархіяхъ лица на инквизиторство. Вслѣдствіе сего подобныя рекомендаціи оказывались иногда крайне неудобными и неудачными. Такъ напримѣръ, по указу св. синода, отъ 2-го іюля 1722 года изъ московскаго синодальнаго правленія канцеляріи, между другими 27-ю человекѣми, рекомендованными приказомъ инквизиторскихъ дѣлъ, на инквизиторскую должность, были присланы изъ Казани два монаха Свіяжскаго Богородицкаго монастыря іеродіаконъ Софроній и монахъ Макарій Бурцевъ, которые

¹⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 321, стр. 335; П. С. П., т. 17, № 387.

²⁾ Дѣло арх. св. синода за 1725 г., іюля 16, № 155.

по прибытіи въ Москву въ инквизиторскій приказъ 5-го декабря 1722 года подали слѣдующее донесеніе: „По Его Императорскаго Величества, отъ вашего святѣйшества присланному въ Казань къ преосвященному Тихону митрополиту указу, высланы мы въ Москву къ вашему святѣйшеству, а отъ вашего святѣйшества присланы въ инквизиторскій приказъ для опредѣленія въ инквизиторы. А мы, Софроній и Макарій, какъ въ бѣльпахъ, такъ и въ монастырѣхъ, у приказныхъ никакихъ дѣлъ не бывали и приказному никакому дѣлу неизобикновенны. А есть въ Казанской епархіи въ разныхъ обителяхъ іеромонахи и монахи, которые, какъ въ бѣльцахъ, такъ и въ монастырѣхъ, у многихъ дѣлъ бывали и люди знатные, а именно: въ Казани, въ Спасскомъ Преображенскомъ монастырѣ изъ старыхъ подъячихъ монаховъ Иларіонъ Хомуцкой, іеромонахъ Андрей Худой, въ Зилантьевѣ монастырѣ монахъ Іосифъ, который былъ въ томъ же монастырѣ казначеемъ, въ Раевской пустынѣ монахъ Максимъ, который былъ въ Москвѣ въ Казанскомъ дворцѣ подъячимъ“. Доносъ объ этомъ обстоятельстве св. синоду, прѣтоинквизиторъ Пафнугій, съ своей стороны, спрашивалъ св. синодъ: „и о семъ какъ ваше святѣйшество благоволите“, и присовокуплялъ въ свое оправданіе: „понеже кто-либо какъ изъ блага священства, такъ изъ монашества избираемые въ инквизиторы вси отрицаются кійждо своими недостатками. А мнѣ самому ихъ чрезъ другихъ голосъ заочно въ конецъ не возможно, паче же и присутствующихъ не весьма могу малоумія моего ради совершенно по внутреннему состоянію видѣть. Понеже нѣкоторые изъ нихъ являются (съ) недостатками въ нѣкоторыхъ и въ подозрѣніи, о чемъ я при болѣзньхъ своихъ и печалію смертно сокрушаюсь“. Для устраненія на будущее время подобныхъ неудобствъ, Пафнугій, съ своей стороны, предлагалъ слѣдующую мѣру: „того ради прошу ваше святѣйшество о семъ милостиваго разсмотрѣнія, дабы по требованію приказа инквизиторскихъ дѣлъ, въ инквизиторы отъ вашего святѣйшества ко архіереямъ послать указы, чтобы они способныхъ къ тѣмъ дѣламъ людей высылали къ вашему святѣйшеству, понеже оны архіереи отъ подручныхъ своихъ всячески свѣдомы быть могутъ. А отъ вашего святѣйшества или по волѣ вашей отъ приказа инквизиторскихъ дѣлъ оны присылаемые опредѣляемы были въ требуемыя мѣста, кому куда удобно явится“¹⁾.

Приведенное донесеніе показываетъ какъ то, по какимъ рекомен-

¹⁾ Дѣло арх. св. синода, 1723 г., января 23-го, № 58, л. 1 и 2.

даціямъ инквизиторскій приказъ представлялъ кандидатовъ на инквизиторскія должности, такъ и то, въ какой степени иногда были неудачны эти выборы, и чѣмъ инквизиторскій приказъ думалъ помочь настоящему дѣлу. Но св. синодъ не обратилъ вниманія на заявленіе упомянутаго приказа, и съ своей стороны, по разсмотрѣніи приведеннаго донесенія надлежащею справкою постановилъ: „объ опредѣленіи оныхъ монаховъ (то-есть, Софронія и Макарія) къ инквизиторскому управленію разсмотрѣніе учинить въ приказѣ инквизиторскихъ дѣлъ; понеже оные высланы въ Москву по требованію изъ того приказа, а объявленныхъ, обрѣтающихся въ Казанской епархіи разныхъ монастырей монаховъ... которые показаны, что пострижены они изъ приказныхъ людей и къ правленію инквизиторскому значатся необходимыми, для этого опредѣленія прислать въ св. синодъ и о томъ изъ синодальной канцеляріи къ Казанскому архіерею и въ приказъ инквизиторскихъ дѣлъ послать указъ ¹⁾“.

Недостатокъ въ порядкѣ назначенія инквизиторовъ, на который указывалъ синоду Пафнуцій, и объ исправленіи котораго онъ ходатайствовалъ, былъ исправленъ синодомъ, и именно въ духѣ Пафнутіевскаго представленія, но только спустя два года и по инициативѣ собственнаго разсужденія св. синода. Въ протоколѣ 16-го апрѣля 1725 г. подъ № 2 о семъ предметѣ читаемъ: „Св. синодъ, разсуждая о недолженіи инквизиторской инструкціи, въ сочиненныхъ въ прошлыхъ годахъ пунктахъ, а именно: о избраніи и опредѣленіи духовныхъ персонъ въ провинціалъ и просто въ инквизиторы и по разсужденіи приказали: въ оную инструкцію написать о томъ провинціалъ-инквизиторовъ и инквизиторовъ избраніи и опредѣленіи, сочавъ особый пунктъ, изъяснивъ въ немъ о свидѣтельствѣ про нихъ тѣми монастырями и мѣстами, гдѣ они жили и постриглися, обстоятельно и по тому свидѣтельству были бы опредѣляемы, провинціалы съ разсужденія синодальнаго, а инквизиторы съ разсмотрѣніа архіереевъ тѣхъ епархій, отъ которыхъ и о провинціалъ-инквизиторахъ свидѣтельство требовать, буде которые въ той епархіи пребываніе имѣли ²⁾“.

Мотивомъ къ настоящему опредѣленію, какъ видно изъ изложенія редакціи вновь исправленнаго пункта, послужило то, что въ давной протонинквизитору инструкціи только предписывалось избирать въ инквизиторы „людей

¹⁾ Тамъ же, л. 7.

²⁾ См. книгу прош. св. синода за 1725 г., 7, 1. см. дѣла арх. св. синода 1725 г., апрѣля 16-го, № 317.

добродетельныхъ, чистосовѣстныхъ и правдивыхъ“, но не указывалось, какимъ образомъ слѣдовало удостовѣряться въ принадлежности избираемому требуемыхъ качествъ; посему синодъ и обратился къ свидѣтельству поименованныхъ лицъ. Въ этомъ свидѣтельствѣ должны были означаться полныя и подробныя біографическія свѣдѣнія о кандидатахъ, не исключая даже имени и званія его родителей, весь послужной его списокъ, а также жизнь и поведеніе избранныхъ съ подробнымъ объясненіемъ причинъ и времени вступленія въ монашество и нахождения въ ономъ состояніи ¹⁾.

Предъ вступленіемъ въ свою должность протоинквизиторъ, про-

¹⁾ Вотъ что сказано въ помѣщенномъ въ двѣ, проектѣ вновь сочиненнаго пункта: «Понеже во оригиналѣ протоинквизиторской инструкціи объ избраніи и опредѣленіи духовныхъ персонъ въ провинціаль- и просто въ инквизиторы, которые усмотрѣны будутъ, дабы они были добродетельные и въ такомъ званіи действительные и чистосовѣстные и правдивые, хотя и написано, но только какимъ образомъ оныхъ добродетельность и безпорочное житіе познавать не изображено. Того ради, кто назначенъ будетъ въ провинціаль- или просто въ инквизиторы, о тѣхъ свидѣтельствовать тѣмъ монастырямъ и мѣстамъ, гдѣ кто жилъ и постригся, обстоятельно, слѣдующимъ образомъ: назначеннаго въ провинціаль- и просто въ инквизиторы отецъ и мать кто были именно, и какихъ чиновъ и жителство ихъ и рожденіе его въ которыхъ городахъ или уѣздѣ и селѣ были и кѣмъ отъ младенчества воспитанъ и грамотѣ ученъ и по возрастѣ, гдѣ именно, какое время, и въ какихъ чинахъ, и по какимъ опредѣленіямъ жилъ, и въ военной или гражданской какой службахъ былъ, и домъ свой и жену и дѣтей имѣлъ ли, и чѣмъ довольствовался и какимъ случаемъ изъ свѣтскаго чина отлучился, и гдѣ и въ которое время монашество воспріялъ, и въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ, и для чего, не отъ причины ли какой, не бѣгая ли отъ службы, и не отъ женой ли жены, чего ради и кѣмъ постриженъ и въ которомъ монастырѣ, и былъ ли въ правильномъ того монашества искусствѣ и каковое время и въ монастырскихъ службахъ былъ ли, и въ какихъ именно, и въ семь ли въ одномъ монастырѣ при обѣщаніи своемъ жилъ, или когда исходилъ и въ какія мѣста, и зачѣмъ, и съ позволенія ли настоятеля, и съ письменнымъ ли отпущеніемъ или безъ оного, и не чинилъ ли гдѣ правиламъ противнаго и указами возбраненнаго и которое время, гдѣ въ которыхъ мѣстахъ пребывалъ и въ мірѣ, по воспріятіи монашества, въ монастыряхъ и въ прочихъ мѣстахъ, не имѣлъ ли за собою какого въ похищеніи казны и прочаго подозрѣнія, и не было ли отъ кого какого отъ него доносу, и потому не подозрѣденъ ли. А ежели усмотрѣно будетъ изъ священнаго чина, то кѣмъ и гдѣ посвященъ и въ какомъ времени и куда и по чьему прошенію и то посвященіе свидѣтельствующую грамоту имѣлъ ли, котораго свидѣтельства требовать отъ архіереевъ тѣхъ епархій, буде который въ той епархій пребываніе имѣлъ, по которому свидѣтельству были опредѣляемы провинціаламъ по рѣсужденію синодальному и инквизиторы съ усмотрѣніемъ архіереевъ тѣхъ епархій». Дѣло арх. св. синод. 1725 г. апрѣля 16-го, № 317, л. 2—3.

провинціаль-инквизиторы и инквизиторы обязаны были учинить присягу предъ евангелиемъ по особо составленной для нихъ формѣ. Присяги эти давались протоинквизиторами въ синодѣ, провинціаль-инквизиторами въ приказѣ инквизиторскихъ дѣлъ, инквизиторами въ епархіальныхъ управленіяхъ при провинціаль-инквизиторѣ. При вступленіи въ свою должность лицо инквизиторскаго званія обязано было предъ-явить свою инструкцію, въ своей диспозиціи „всѣмъ до кого должность смотрѣнія его касалась, дабы извѣстно было, какъ ему по инструкціи дѣйствовать опредѣлено ¹⁾“. Въ прохожденіи же своей должности инквизиторы, подобно свѣтскимъ фискаламъ, ближайшимъ образомъ были подчинены своему собственному управленію. Протоинквизиторъ наблюдалъ за провинціаль-инквизиторами, провинціаль-инквизиторы— за инквизиторами; всѣ вмѣстѣ представляли особое установленіе, имѣя собственное самостоятельное управленіе въ лицѣ приказа инквизиторскихъ дѣлъ. Инструкція обязывала протоинквизитора обстоятельно рапортовать въ св. синодъ о состояніи инквизиторской части по истеченіи года неотлагательно. Въ свою очередь, то же самое обязывались дѣлать и провинціаль-инквизиторы, съ тѣмъ различіемъ, что въ св. синодъ они могли рапортовать только въ тѣхъ случаяхъ, когда усматривали что-либо противное за протоинквизиторомъ ²⁾; въ обыкновенномъ же порядкѣ всѣ донесенія провинціаль-инквизиторовъ сосредоточивались въ приказѣ инквизиторскихъ дѣлъ.

Образованіе сего приказа слѣдуетъ отнести къ началу существованія инквизиторской должности. Отправляя въ Москву вновь избраннаго протоинквизитора іеродіакона Пафнутія, св. синодъ въ опредѣленіи о дальнѣйшемъ устройствѣ инквизиторской части въ Москвѣ высказалъ: „опредѣленнымъ, по данной ему (протоинквизитору) инструкціи, изъ монашескаго чина инквизиторамъ двумъ человѣкамъ, которые при немъ въ Москвѣ будутъ жительство имѣть въ большемъ патриаршемъ дому, а для вспомошествованія въ Москвѣ по инквизиторскимъ дѣйствамъ, выбравъ, опредѣлить изъ мірскаго священства трехъ человѣкъ ³⁾“. Состоявшіе при протоинквизиторѣ эти пять инквизиторовъ и составляли присутствіе инквизиторскаго приказа, помѣщавшагося въ синодальномъ домѣ въ Москвѣ въ пристойной палатѣ. „При немъ протоинквизиторѣ“, гласила инструкція, — „у протоинквизи-

¹⁾ Инструкція п. 44.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ П. С. П. в Р., т. I, № 130.

скихъ дѣлъ быть для отправления и посылокъ инквизиторамъ, изъ монаховъ двумъ, да изъ мірскаго священства тремъ человѣкамъ". Канцелярію же сего приказа, по той же инструкціи, должны были составлять 10 человѣкъ подъячихъ, въ томъ числѣ 2 старыхъ и 8 человѣкъ молодыхъ, да для карауловъ изъ отставныхъ солдатъ 4 человѣка. Въ началѣ 1722 года въ составѣ этой канцеляріи находились два старостатейныхъ подъячихъ и шесть молодыхъ, которымъ еще не было опредѣлено въ то время годоваго жалованья, „понеже“, какъ объяснилъ протоинквизиторъ Пафнугій въ своемъ донесеніи св. синоду, — „онъ приказъ зачинается вновь“, и заявилъ, что подъячіе „о дачѣ жалованья просили непрестанно“, такъ какъ такихъ дѣлъ, какія имѣются въ прочихъ приказахъ, „отъ которыхъ подъячіе имѣютъ довольствованіе, въ приказѣ инвизиторскихъ дѣлъ не имѣется“. При этомъ Пафнугій жаловался синоду, что „за малолѣтствомъ“ подъячихъ у него въ приказѣ „дѣлъ отправить не возможно“, такъ какъ изъ 8 числившихся въ то время подъячихъ одинъ неизвѣстно для чего былъ взятъ въ тайную канцелярію, другой же находится въ отпускѣ ¹⁾. По табели представленныхъ въ сенатъ отъ св. синода штатовъ подвѣдомственныхъ ему мѣстъ въ канцеляріи инквизиторскихъ дѣлъ показаны обрѣтающимися и быть долженствующими: протоинквизиторъ 1, инквизиторъ 2, канцеляристовъ 2, копистовъ и сторожей 2 ²⁾. Необходимо прибавить, что въ такомъ составѣ канцелярія приказа инквизиторскихъ дѣлъ оставалась и во все послѣдующее время, до самаго уничтоженія разсматриваемой должности. Говоримъ это на томъ основаніи, что св. синодъ, разсматривая 14-го января 1726 г. донесеніе объ опредѣленіи къ протоинквизитору канцеляріи съ служителями по примѣру генералъ-фискала, опредѣлилъ: „Протоинквизитору канцелярію и служителей содержать по прежнему до указа неотмѣнно ³⁾“.

Не смотря на разногласіе официальныхъ данныхъ, на приведенныя жалобы, которыя заявлялъ св. синоду московскій протоинквизиторъ Пафнугій, о недостаточномъ устройствѣ ввѣренной ему инквизиторской части, положеніе послѣдней находилось въ наилучшемъ видѣ, сравнительно съ положеніемъ инквизиторской части въ С.-Петербургѣ. С.-Петербургскій протоинквизиторъ не имѣлъ при себѣ даже и тѣхъ двухъ помощниковъ инквизиторовъ, которымъ указано было состоять

¹⁾ Опис., т. II, № 93.

²⁾ П. С. П. и Р., т. II, стр. 613.

³⁾ Книга протоко. св. синода за 1726 г. п. 1, подл. 14 января, № 2.

при немъ по первому синодскому опредѣленію объ инквизиторской части. У Хворостинина былъ всего одинъ помощникъ Венедиктъ Коптевъ ¹⁾, назначенный къ нему синодомъ изъ іеродіаконовъ Невскаго монастыря ²⁾; другой же инквизиторъ, монахъ Троицко-Сергіева монастыря Іосифъ Кулебакинъ, не явился къ дѣламъ службы и просилъ синодъ назначить его въ Спасо-Ярославскій монастырь келаремъ ³⁾. Письменную часть при Хворостининѣ исправляли два молодыхъ, неопытныхъ приказныхъ, которые и писать не умѣли ⁴⁾. Хворостининъ жаловался синоду на подобное положеніе и писалъ, что у него нѣтъ конторы для управленія протоинквизиторскими дѣлами, нѣтъ денегъ для найма квартиры, нѣтъ опредѣленнаго числа подъячихъ и никакого трактамента для нихъ, и вслѣдствіе сего, просилъ синодъ „опредѣлить ему контору“, прислать подъячихъ, одного средней статьи, четырехъ молодыхъ, вмѣсто состоящихъ при немъ неопытныхъ и не умѣвшихъ писать. Но синодъ, вмѣсто удовлетворенія подобной просьбы, приговаривалъ: „особливой конторы Хворостинину не опредѣлять, потому что и сенатскому оберъ-фискалу особой конторы нѣтъ, подъячими быть при немъ прежнимъ, потому что, за недостаткомъ подъячихъ въ синодѣ, замѣнить ихъ некъмъ, а трактаментъ опредѣлить имъ одинаковый съ трактаментомъ подъячихъ при свѣтскомъ оберъ-фискалѣ“ ⁵⁾.

Все это показываетъ, что попытки петербургскаго протоинквизитора о лучшемъ устройствѣ инквизиторской части на самыхъ первыхъ порахъ не только остались безуспѣшными, но и на всегда отклонены св. синодомъ. Между тѣмъ, образовавшійся въ Москвѣ при тамошнемъ протоинквизиторѣ приказъ инквизиторскихъ дѣлъ продолжалъ существовать во все время инквизиторской дѣятельности. Сначала этимъ приказомъ завѣдывалъ протоинквизиторъ Пафнутій, затѣмъ смѣнившій Пафнутія Аввакумъ, игумень Угрѣшскаго монастыря ⁶⁾. Въ изданномъ 4-го сентября 1722 года росписаніи инстанцій духовнаго суда и подвѣдомыхъ ему дѣлъ къ вѣдомству приказа инквизиторскихъ дѣлъ отнесены „о всякихъ преступленіяхъ и безглас-

¹⁾ Статист. опис. С.-Петербур. епарх., т. I, стр. 113.

²⁾ Опис. докум. и дѣлъ арх. св. синода, т. I, стр. 534.

³⁾ Тамъ же, стр. 528 и 530.

⁴⁾ Ст. опис. С.-Пб. епарх., т. I, стр. 113—114, Опис. док. и дѣлъ арх. св. синода, т. I, № 495.

⁵⁾ Опис. дѣлъ арх. св. синода, т. I, № 495, 528.

⁶⁾ П. С. П. и Р., т. IV, № 1264.

ныхъ дѣлахъ доношенія, которыя по примѣру гражданскихъ случаевъ до фискальской должности надлежитъ подавать учиненнымъ отъ св. правительствующаго синода въ подобномъ фискаламъ дѣйствѣ, въ Москвѣ протоинквизитору, а въ епархіяхъ и городахъ и монастыряхъ инквизиторамъ¹⁾.

Состоявшіе при епархіяхъ провинціаль-инквизиторы не имѣли никакихъ особенныхъ помѣщеній или палатъ для производства своихъ дѣлъ и рассматривали оныя въ архіерейскихъ домовыхъ приказахъ; для исправленія письменной части при нихъ полагался одинъ подъячій, котораго провинціаль-инквизиторъ бралъ изъ числа подъячихъ архіерейскаго приказа; служа провинціаль-инквизитору, эти лица получали жалованье изъ архіерейскихъ домовъ противъ равночинныхъ имъ. Что касается инквизиторовъ, монастырскіе инквизиторы обязывались „всякія по званію ихъ случающіяся письма исправлять обрѣтающимися въ тѣхъ монастыряхъ у монастырскихъ дѣлъ подъячими, безъ требованія собственныхъ имъ подъячихъ и мѣсть, на томъ основаніи, что у нихъ не всегда много письменной отправки случаться можетъ“. Необходимыя на приказные расходы, какъ-то — на бумагу, чернила, свѣчи и тому подобное, деньги указывалось брать протоинквизитору изъ суммъ синодальнаго казеннаго приказа въ Москвѣ, а провинціаль-инквизиторамъ и инквизиторамъ отъ духовныхъ дѣлъ въ епархіяхъ „безъ излишества съ росписками“²⁾.

Инквизиторская, какъ и фискальская, должность не обѣщала особенныхъ служебныхъ преимуществъ проходившимъ оную лицамъ. Ближайшимъ поощреніемъ для инквизиторовъ въ усердномъ прохожденіи ими сей должности служила лишь мысль „объ указномъ по правдивымъ доношеніямъ изъ штрафовъ награжденіи“. Но это указное познагражденіе духовному инквизитору опредѣлялось въ томъ же размѣрѣ, какъ и свѣтскому фискалу, то-есть, изъ половины штрафныхъ денегъ: одна часть назначалась тому инквизитору, доносомъ котораго было возбуждено дѣло, другая же поступала въ раздѣлъ между протоинквизиторами и инквизиторами той диспозиціи. Общій вопросъ объ обезпеченіи членовъ инквизиторской должности представляется въ слѣдующемъ видѣ: Назначенному въ Москву протоинквизиторомъ Пафнутію св. синодъ не только предписалъ выдать

¹⁾ П. С. П. и Р., т. VI, № 4081.

²⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 321, стр. 36 — 38, 40; ср. П. С. З., т. VI, № 3870.

100 рублей на прогоны отъ С.-Петербурга до Москвы, но и опредѣлить его настоятелемъ Данилова монастыря съ званіемъ строителя. Слѣдовательно, положеніе Пафнутія съ перваго раза сдѣлалось обезпеченнымъ. Инымъ совершенно представляется матеріальное обезпеченіе Петербургскаго протоинквизитора іеромонаха Макарія Хворостинина, который въ первое и послѣдующее время своей службы принужденъ былъ хлопотать предъ св. синодомъ и о квартирѣ, и о жалованьѣ. Такъ вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность Хворостининъ писалъ синоду: „въ 1721 г. апрѣля въ 19-й день, въ св. правительствующемъ синодѣ сказанъ мнѣ указъ царскаго величества о бытности въ томъ правительствующемъ синодѣ протоинквизиторомъ, а квартиры гдѣ жить и о дачѣ мнѣ его великаго государя жалованья, откуда и по чему въ годъ опредѣлено будетъ, не объявлено“. Въ отвѣтъ на это ходатайство, по справкѣ, сдѣланной въ синодѣ, послѣдній предписалъ выдать Хворостинину только 100 рублей „въ зачетъ изъ синода отъ пребудущаго его изъ штрафныхъ денегъ полученія“ въ сообразность тому, что другой протоинквизиторъ Пафнутій, какъ удостовѣрили наведенныя въ синодѣ справки, получилъ столько же подъемныхъ денегъ при отправленіи въ Москву. О квартирѣ и о жалованьѣ Хворостинину синодъ не постановилъ ничего, между тѣмъ какъ изъ той же справки было видно, что московскому протоинквизитору сверхъ выданныхъ денегъ было назначено: „пребываніе имѣть въ Даниловѣ монастырѣ, что въ Москвѣ, въ которомъ и настоятелемъ быть, а именно строителемъ“¹⁾.

Неравномѣрная обезпеченность и какъ бы нѣкоторая невнимательность со стороны св. синода къ Хворостинину сравнительно съ Пафнутіемъ развивали въ первомъ чувство досады и обидчивости. Вслѣдствіе сего спустя малое время Хворостининъ снова обратился въ св. синодъ съ прошеніемъ, въ которомъ прямо сравнивая свое положеніе съ положеніемъ московскаго протоинквизитора Пафнутія и свѣтскаго оберъ-фискала Нестерова, писалъ: „Пафнутію опредѣлено для всякаго удовольствія Московскій Даниловъ монастырь, съ вотчиной и врсельянами, и для управленія дѣлъ инквизиторскихъ въ домѣ патриаршемъ палатѣ, и тамъ онъ занасовъ и дровъ и прочаго не покупаетъ, та и квартиры и служителей себѣ не нанимаетъ, также подъячими и разсылными людьми и для поѣздовъ въ лошадяхъ и въ проводникахъ нужды не имѣетъ“, а Нестерову „въ прошлыхъ годѣхъ по нынѣш-

¹⁾ Опис. дѣлъ арх. св. синода, т. I, № 375.

ній 721 изъ правительствующаго сената давано денегъ сотъ по пяти и меньше и больше на годъ, въ зачетъ штрафныхъ, до вершенія дѣлъ по доношеніямъ фискальскимъ, а нынѣшняго 721 года учинено ему оберъ-фискалу Нестерову въ правительствующемъ сенатѣ великаго государя годовое жалованье и за хлѣбъ деньгами противъ дьяковъ С.-Петербургскихъ, а именно: въ годъ денегъ 240 рублей, хлѣба 120 четвертей; онъ же оберъ-фискалъ и прочіе фискалы вѣдомства его имѣютъ за собою вотчины и дворы, а въ купечествѣ фискалы—купечество, къ тому же и штрафныя деньги отъ дѣлъ получаютъ и тѣмъ довольствуются безъ нужды“. Заклучая свою просьбу, Хворостининъ изъявлялъ желаніе, чтобы въ случаѣ отказа ему въ этомъ ходатайствѣ, его уволили отъ протоинквизиторской должности и отпустили куда-либо въ монастырь въ число братства ¹⁾. Синодъ и на этотъ разъ оставилъ безъ вниманія просьбу Хворостинина. Въ виду подобныхъ распоряженій синода, трудно дѣлать какія-либо предположенія на счетъ видимой его нерасположенности въ петербургскому протоинквизитору и замѣтнаго сочувствія къ московскому по той причинѣ, что синодъ самъ и въ частности его члены, живя въ Петербургѣ, испытывали множество невыгодъ и неудобствъ въ матеріальномъ отношеніи, и посему, еслибъ онъ и желалъ что-либо сдѣлать и чѣмъ-либо помочь положительно бѣдствовавшему протоинквизитору безъ квартиры и содержанія, то не имѣлъ къ тому въ готовности средствъ въ Петербургѣ, какими онъ располагалъ въ Москвѣ, имѣя тамъ свой домъ, множество монастырей и другія угодыя, на счетъ которыхъ можно было оказать помощь нуждающемуся. Но за то, съ другой стороны, едва ли справедливо будетъ неудовлетворительность состоянія инквизиторской части въ С.-Петербургѣ объяснять „недѣйствительностью“ Хворостинина, какъ отозвался синодъ, увольняя его отъ должности ²⁾. Что касается провинціаль-инквизиторовъ, по первоначальному синодскому опредѣленію было постановлено, чтобы они помѣщеніе имѣли въ архіерейскихъ домахъ, отъ которыхъ должны были получать и содержаніе въ размѣрѣ „противу трехъ братовъ“ ³⁾. Въ инструкціи эта мысль развита подробнѣе. „Въ пропита-

¹⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. синода, I, № 655.

²⁾ По увольненіи отъ должности Хворостининъ указомъ синода былъ опредѣленъ настоятелемъ въ домовый патріаршій Череповскій Воскресенскій монастырь съ возведеніемъ въ санъ игумена. См. Опис. док. и дѣлъ, т. II, №№ 37, 318.

³⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 130.

ніе онымъ провинціаль-инквизиторамъ получать изъ архіерейскихъ домовъ, коемуждо противъ опредѣляемой противъ двухъ монаховъ дачи, а именно денегъ 10 рублей, хлѣба 10 же четвертей въ годъ, и то опредѣленное должны платить тѣхъ архіерейскихъ домовъ управители давать имъ по третямъ года, записывая оное обычайно въ расходъ съ росписками¹⁾. Содержаніе инквизиторамъ назначалось отъ монастырей, при которыхъ они состояли, въ размѣрѣ „двухъ братовъ“. При чемъ наблюдалось правиломъ, что еслибы извѣстный инквизиторъ былъ назначенъ ко многимъ монастырямъ, то опредѣленное ему содержаніе указывалось собирать со всѣхъ подвѣдомыхъ монастырей соразмѣрно съ числомъ ихъ монастырскихъ домовъ²⁾. Въ инструкціи мысль объ этомъ выражена такъ: „а инквизиторамъ, которые обрѣтаются и впредь будутъ въ монастыряхъ, довольствоваться обыкновенною братскою пищею“³⁾. Всѣ приведенныя свидѣтельства говорятъ лишь о содержаніи провинціаль-инквизиторовъ, жившихъ при архіерейскихъ домахъ и инквизиторахъ, находившихся въ монастыряхъ; тѣ и другіе были изъ монашествующаго духовенства. Что касается инквизиторовъ изъ бѣлаго духовенства, служившихъ при церквахъ, о содержаніи ихъ специально не говорится ни въ опредѣленіяхъ св. синода, ни въ инструкціи объ инквизиторской части, но нѣтъ сомнѣнія, что вознагражденіе ихъ производилось на счетъ штрафныхъ денегъ. Такъ извѣстно, что присланному въ 1721 году въ Новгородскую епархію изъ военной коллегіи поручику Ивану Коштылову для сыска раскольниковъ и для сбора съ нихъ двойныхъ окладныхъ денегъ, а съ небывшихъ у исповѣди и св. причастія штрафныхъ денегъ св. синодъ разрѣшилъ изъ означенныхъ денегъ употреблять на расходы по канцеляріи и между прочимъ на награды нѣкоторымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ увеличенію сбора, какъ на примѣръ провинціальному инквизитору іеродіакону Венедикту Коштеву, инквизитору Деревской и Бѣжецкой пятины Валдайскому священнику Ивану Иванову, и инквизитору Теменской пятины, Карачунецкаго погоста, священнику Аристархову⁴⁾.

По существу своей должности, состоявшей въ „надзорѣ и изслѣдованіи“, инквизиторы необходимо должны были предпринимать тѣ

¹⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 321, стр. 39.

²⁾ Тамъ же, № 130.

³⁾ Тамъ же, № 321, стр. 39.

⁴⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. синода, т. I, № 260, стр. 267.

или другія путешествія по своей диспозиціи. На сей предметъ св. синодомъ было постановлено: протопрефектору, если онъ „для усмотрѣнія даннаго ему дѣла, въ который монастырь или епархію поѣдетъ“, давать по три подводы отъ архіерейскихъ домовъ и по двѣ отъ монастырей¹⁾; провинціалъ-инквизитору инструкціей опредѣлялось получать отъ архіерейскихъ домовъ по двѣ подводы: а инквизиторамъ по одной изъ монастырей²⁾. Въ первомъ опредѣленіи св. синода, сравнительно съ послѣ изданною инструкціей, и въ этомъ отношеніи была та особенность, что инквизитору, наблюдавшему за многими монастырями, дозволялось брать по двѣ подводы „съ опредѣленныхъ монастырей по очередно“, да служителей по два человѣка³⁾. Примѣнительно къ сему инквизиторовъ изъ бѣлаго духовенства, нужно полагать, должны были довольствоваться подводами мѣстные церковные причты.

Кругъ дѣятельности и обязанностей духовныхъ инквизиторовъ былъ тотъ же, какъ и кругъ дѣятельности и обязанностей свѣтскихъ фискаловъ. Съ этою цѣлю въ особо изданной и составленной для первыхъ инструкціи и повторены тѣ основныя законоположенія, которыя относятся къ фискальской должности и заимствованы изъ указа 17-го марта 1714 года о должности фискаловъ изъ генеральнаго регламента о дѣятельности коллежскихъ фискаловъ и изъ воинскаго устава о должности полковыхъ фискаловъ⁴⁾. Но независимо отъ сего въ означенной инструкціи съ точностію и въ подробности разъяснено все, что должно было относиться къ обязанностямъ духовнаго инквизитора по существу предметовъ духовной сферы. Въ этомъ разъясненіи наблюденію инквизиторовъ подчинялись всѣ люди и предметы духовнаго вѣдомства безъ различія чина, званія и положенія.

Такъ, въ отношеніи къ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереямъ лица инквизиторской должности прежде всего и вообще должны были смотрѣть, все ли такъ исправляютъ архіереи „по учиненному своему при поставленіи обѣщанію“ и не нарушаютъ ли онаго чѣмъ либо. Въ частности обязывались смотрѣть „прилежно“ во всемъ ли архіереи поступаютъ по правиламъ и духовному регламенту и по учиненнымъ въ подтвержденіе того и въ приполненіе Его Императорскаго Величе-

¹⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 130.

²⁾ Тамъ же, № 321, стр. 41.

³⁾ Тамъ же, № 130.

⁴⁾ Тамъ же, № 321, стр. 335—336.

ства указамъ изъ св. синода, опредѣленіямъ и установленіямъ, и нѣтъ ли чему какой противности“, наблюдать „опасно“, отдають ли архіереи достойную св. правительствующему синоду честь и всегда ли по подобающему именванію того возносятъ и въ епархіяхъ своихъ возносить приказываютъ ли, и такую ль св. синоду силу и власть приписываютъ, каковая отъ Императорскаго Величества оному дана и послушными ль себя синодальному правительству имѣють, не показываютъ ли въ чемъ какого презрѣнія. „По достолюбомъ нужнѣйшихъ исправленій (по регламенту и указамъ) смотрѣніи“ лица инквизиторской должности обязывались наблюдать— „не рукополагають ли епископы кого-либо въ священники, діаконъ и въ прочіе церковныя чины „на мздѣ“ и выше потребности, безпристрастно-ль достойныхъ производять, въ архимандриты и игумены и въ прочія достоинства людей монашескаго и мірскаго званія, или позволяютъ себѣ „учинить“ таковое произведеніе кому либо „скверныхъ ради прибытковъ“ или если и не ради прибытка“, то производять ли „достойныхъ въ достойная“ и не удостоиваютъ ли ради „какой страсти недостойныхъ вмѣсто достойныхъ“, не взимають ли съ поставленныхъ священниковъ и діаконъ, также съ надписанія грамотъ излишнихъ сверхъ опредѣленныхъ пошлинъ и другихъ вымышленныхъ подъ какимъ либо видомъ взятокъ.

Въ отношеніи къ прочимъ духовнымъ персонамъ, какъ „вышнимъ“, такъ и „нижнимъ“, всѣ инквизиторы обязывались смотрѣть „прилежно“, не имѣють ли какого возбраненнаго святыми правилами, подъ какимъ либо предлогомъ „купечества“, и не получаютъ ли отъ домовыхъ и монастырскихъ угодій и промысловъ „вымыслы своими скверныхъ себѣ прибытковъ“, и не чинятъ ли на свои интересы домовымъ и монастырскимъ доходамъ „истощаніе“, и не обращаютъ ли домовыхъ и монастырскихъ прибылей „на собственныя свои персоны“, равнымъ образомъ наблюдать, чтобы духовныя власти, имѣвшія какія либо угодія, какъ на примѣръ, домовыя и монастырскія мельницы, соляныя заводы, рыбныя ловли, винокуренныя заводы, ружные промыслы, подряды и продажи „по подобію купечества“ распоряжались всѣмъ этимъ „усмотрительно“ съ пользою для подлежащаго установленія. Въ этомъ случаѣ инквизиторы и сами обязывались не чинить „никакого препятствія и помѣшательства“ тщетными доношеніями.

Въ отношеніи къ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ инквизиторы обязывались — вездѣ „съ прилежнотщательнымъ радѣніемъ какъ возможно смотрѣть“, такъ ли означенныя персоны, у которыхъ „рас-

коляническія дѣла и сборы вѣдомы“, поступаютъ, какъ о томъ „Его Императорскаго Величества указы и синодальныя пунеты повелѣваютъ“, и нѣтъ ли отъ кого какого онымъ „ослабленія и понаровки“.

По отношенію къ начальствующимъ въ синодальномъ вѣдомствѣ лицамъ, какъ-то: къ управителямъ синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ, инквизиторы обязывались смотрѣть, чтобы они не брали излишнихъ, сверхъ установленныхъ сборовъ, не удерживали бы оныхъ сборовъ долговременно, не налагали бы новыхъ незаконныхъ сборовъ, не обременяли крестьянъ излишними работами сверхъ настоящихъ домовыхъ и монастырскихъ потребъ.

Сверхъ наблюденія за означенными лицами, къ обязанностямъ духовныхъ инквизиторовъ относилось и то, чтобы смотрѣть, дабы „у духовныхъ какъ высшихъ, такъ и нижнихъ властей и въ вѣдомствѣ монастырскаго приказа государевы и духовныя и челобитчиковы дѣла, кромѣ самыхъ необходимыхъ препятствій и невозможностей, рѣшены были въ опредѣленное генеральнымъ регламентомъ время безъ продолженія“. Наблюдая за симъ, лица инквизиторской должности обязывались въ частности смотрѣть, чтобы „по вершеннымъ дѣламъ, которыя будутъ изслѣдованы по доношеніямъ ихъ, штрафныя деньги въ духовныхъ командахъ и монастырскомъ приказѣ записываемы были въ приходъ особо отъ другихъ сборовъ, означая объ нихъ именно, что они взяты по дѣламъ, которыя изслѣдованы по доношеніямъ инквизиторовъ“.

Наблюденіе и дѣятельность инквизиторовъ должны были ограничиваться дѣлами и предметами вѣдомства духовнаго, притомъ такъ, чтобы они, подобно свѣтскимъ фискаламъ, ни въ какія гласъ имѣющія дѣла ни явно ни тайно не вступались и ничѣмъ до таковыхъ не касались и вообще поступали умѣренно и никакихъ продерзостей не употребляли“. Не входя въ гражданскія дѣла „какого бѣ званія оныя ни были“, инквизиторы смотрѣніе свое должны были ограничивать только предѣлами собственной диспозиціи, не касаясь предѣловъ другихъ епархій. Исключеніе изъ сего правила и въ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ допускалось лишь въ томъ случаѣ, ежели“, гласила инструкция, — „протоинквизиторъ, провинціаль-инквизиторъ и инквизиторъ“ усмотрять или увѣдаютъ, гдѣ что по дѣламъ, или по приходнымъ и расходнымъ книгамъ и по прочему вѣроятному въ мнѣніи, или въ какихъ вещахъ и письмахъ и во прочемъ, какого бѣ званія ни было подозрительное“, въ такомъ случаѣ они уполномочивались установленнымъ порядкомъ немедленно доносить духовной вла-

сти, по распоряженію которой чрезъ особо назначенныхъ для сего лицъ и производился „осмотръ и опечатаніе“ подозрительныхъ предметовъ въ присутствіи какъ мѣстнаго, такъ и того инквизитора, по доносу котораго возникло разслѣдованіе, а равно и свѣтскаго фискаля. „А безъ объявленія и безъ обычной отъ духовнаго начальства послыки“, замѣчаетъ инструкція,—„никакого въ оныхъ дѣйствахъ самовластия не употреблять“¹⁾.

По отношенію ко всѣмъ, подлежащимъ инквизиторскому наблюденію дѣламъ и случаямъ, духовные инквизиторы обязывались только провѣдывать и доносить и при судѣ обличать, а самимъ ничѣмъ ни до кого не касаться, то-есть, вся дѣятельность инквизиторовъ состояла въ томъ, что они провѣдывали о преступленіяхъ, писали объ нихъ доносы и дѣлали представленіе кому слѣдовало, за тѣмъ, въ случаяхъ начавшагося по симъ доносамъ изслѣдованія и разбирательства они, какъ и свѣтскіе фискалы, обязывались представлять доказательства въ подтвержденіе истинны своихъ доносовъ, вовсе не имѣя права собственностию властію привлекать кого-либо къ отвѣтственности, а тѣмъ болѣе употреблять какія-либо мѣры принужденія или задержанія по отношенію къ виновнымъ. Въ своихъ донесеніяхъ инквизиторы должны были поступать слѣдующимъ образомъ. Еслибъ они замѣтили за епархіальными архіереями какіе-либо предосудительные и подозрительные поступки, какъ напримѣръ, нарушеніе въ чемъ либо даннаго ими обѣщанія, неисполненіе синодскихъ указовъ и всякихъ другихъ завоположеній, также неправильное производство въ духовныя степени и церковныя чины, со взиманіемъ излишнихъ пошлинъ, въ такомъ случаѣ инквизиторы обязаны были прежде всего „съ учтивостію“ представить о замѣченномъ самимъ же архіереямъ, и только въ томъ случаѣ, еслибы не послѣдовало со стороны послѣднихъ исправленія, донести въ порядкѣ подчиненности: инквизиторы провинціаль-инквизиторамъ, провинціаль-инквизиторы протоинквизитору; послѣдній же св. синоду „письменно безъ всякаго укрывательства и безъ упущенія времени“. Еслибъ епархіальные архіереи были замѣчены въ неуважительномъ отношеніи и какомъ-либо презрѣніи и преступленіи къ св. синоду, его правамъ и власти, въ такомъ случаѣ инквизиторы обязывались чинить „неукоснительное доношеніе“, то-есть, прямо св. синоду²⁾. Подобнымъ образомъ инквизиторы должны были поступать

¹⁾ Инструкція, п. 19. 20. 24.

²⁾ Инструкція, п. 1-7.

въ своихъ донесеніяхъ на всѣхъ должностныхъ и служащихъ лицъ духовнаго вѣдомства, состоявшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи св. синода. Еслибы предстояла надобность донести на должностное и служащее лицо епархіальнаго вѣдомства, въ такомъ случаѣ они должны были предварительно представить о замѣченномъ ближайшему надъ служащимъ и должностнымъ лицомъ начальнику, и только въ случаѣ невнимательности послѣдняго къ сдѣланному представлению, донести протоиерей-инквизитору въ указанномъ порядкѣ постепенности. Несоблюденіе сего порядка подвергало нарушившаго оный отвѣтственности. Такъ, извѣстно, что въ 1725 г. 16-го августа св. синодъ отрѣшилъ отъ должности провинціаль-инквизитора Псковской епархіи монаха Савватія за то, что оный, не заявивъ предварительно мѣстному архіерею, какимъ въ то время былъ во Псковѣ вице-президентъ св. синода Феофанъ Прокоповичъ, о злоупотребленіяхъ архимандрита Печерскаго монастыря Маркелла Родышевскаго, донесъ прямо тогдашнему обер-прокурору св. синода Болтину. Обуждая поступокъ Савватія, св. синодъ опредѣлялъ „оному провинціаль-инквизитору, монаху Савватію за вышеозначенную противо-учиненную данной ему инструкціи имъ дерзость, что оный, не подавая никакого вышеупомянутому синодальному вице-президенту, архіепископу бывшему тогда Псковскому и Нарвскому и приказнымъ его управителемъ объявленнымъ Печерскаго монастыря на архимандрита Маркелла Родышевскаго дѣла письменнаго доношенія, писалъ къ оному Болтину, по силѣ объявленнаго въ вышеизложенной инструкціи сорока шестаго пункта надлежало быть штрафовану, но для поминовенія высокочлаунаго и вѣчнодостойнаго памяти Императорскаго Величества и для многолѣтняго Ея Императорскаго Величества и всей фамиліи ихъ Императорской здравія, по силѣ состоявшихся милосердыхъ генваря 26-го, 27-го, 30-го, февраля 4-го и 14-го чиселъ сего 725 года указовъ, по которымъ многія винныя и тяжкія многія вины милосердо отпущены, и ему, Савватію, оную вину отпустить и штрафу на него не налагать, токмо провинціаль-инквизиторомъ и инквизиторомъ нынѣ и впредь ему не быть и отослать его изъ синода при указѣ для опредѣленія въ братство въ той Псковской епархіи, въ которой пристойно монастырь, къ синодальному совѣтному преосвященному Рафаилу, епископу Псковскому и нарвскому. А на мѣсто его, Савватіево, въ ту епархію провинціаль-инквизитора выбрать протоиерей-инквизитору по усмотрѣнію своему иного добродѣтельнаго и въ томъ званіи быть достойнаго человека изъ іеромонаховъ и для свидѣтельства объявить его въ Москвѣ оставше-

муса синодальному члену и какъ по усмотрѣнію явится достоинъ, то его и опредѣлить и дать ему обыкновенную инструкцію“. Поступая вышеизложеннымъ образомъ съ своими донесеніями въ случаяхъ замѣченныхъ или усмотрѣнныхъ инквизиторами нарушеній и безпорядковъ въ средѣ духовнаго вѣдомства, инквизиторы обязывались не отступать отъ сего порядка въ своихъ донесеніяхъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, еслибъ они имѣли донести о чемъ-либо подозрительномъ въ приходныхъ и расходныхъ книгахъ, письмахъ и въ прочемъ вѣдомства свѣтскаго ¹⁾. Равнымъ образомъ и съ своими жалобами на причинившихъ имъ обиды и насилія начальствующихъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, инквизиторы могли искать себѣ удовлетворенія тоже у духовной власти и при ея посредствѣ. „А буде“, гласила инструкция, — „паче чаянія который духовный властелинъ вышняго или нижняго чина и мірской какой управитель ради какого злохитрства, или отъ природнаго своего упрямства, или отъ простоты неразумія силы инквизиторской должности учинить въ смотрѣніи дѣлъ и прочаго вышепоказаннаго какое препятіе, то на такового съ истиннымъ обстоятельствомъ доносить въ св. правительствующій синодъ, какъ скоро возможно, на что и резолюція учинена будетъ безъ закосненія, и препятствующіе жестоко штрафованы будутъ“. Въ тѣхъ случаяхъ, еслибы свѣтскій начальникъ изъ нижнихъ чиновъ, нанесъ оскорбленіе лицу инквизиторскаго званія, или учинилъ препятствіе исполненію его обязанностей, инструкция указывала принести жалобу на обидѣвшаго вышему начальству и требовать удовлетворенія у сего послѣдняго за обиду. Еслибы „вышній командиръ“, которому принесена жалоба, не только не учинилъ надлежащаго удовлетворенія просителю, но и съ своей стороны началъ бы оскорблять инквизитора, послѣдній не получившій удовлетворенія и обиженный долженъ былъ „на такихъ командировъ съ основательными обстоятельствами писать въ св. правительствующій синодъ“, который и вступался за права своего подчиненнаго ²⁾. Мимо св. синода въ правительствующій сенатъ, въ коллегіи, канцеляріи и къ мірскимъ персонамъ инквизиторами возбращалось писать „подъ жестокимъ истязаніемъ, ибо сіе весьма противно есть респекту св. правительствующаго синода“. Только о дѣлахъ особенной важности, о которыхъ каждый долженъ былъ доносить, какъ то: о зломъ умыслѣ противъ персоны Его Величества

¹⁾ Инстр., п. 24.

²⁾ Тамъ же, п. 22—23.

или измѣнѣ, также о возмущеніи или бунтѣ, протоинквизитору, провинціаль-инквизиторамъ и инквизиторамъ повелѣвалось доносить „хотя бы и къ самому Императорскому Величеству, токмо чрезъ вѣрнаго и добраго человѣка“¹⁾).

Въ прохожденіи своей должности вообще и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, на которые не было указаній въ данной инструкціи, „понеже всякихъ дѣлъ въ сію инструкцію помѣстить невозможно“, духовные инквизиторы обязаны были руководствоваться законоположеніями, опредѣлявшими образъ дѣйствій и обязанности свѣтскихъ фискаловъ. Еслибы прото- или провинціаль-инквизиторъ и инквизиторъ нашли полезнымъ издать какое-либо постановленіе, клонящееся къ исправленію церковному, или къ интересу государственному и народному, или къ своей должности“, то уполномочивались писать объ этомъ въ установленномъ порядкѣ съ обстоятельнымъ изложеніемъ своего по этому предмету мнѣнія св. синоду, который по разсмотрѣніи сего вопроса полагалъ свое рѣшеніе и увѣдомлялъ указами²⁾. Для болѣе успѣшнаго и безпрепятственнаго исполненія своей должности духовные инквизиторы, подобно свѣтскимъ фискаламъ, пользовались правомъ безъ всякаго противодѣйствія со стороны подлежащихъ мѣстъ и властей собирать потребныя справки и дѣлать выписки изъ указовъ и постановленій во всѣхъ подвѣдомыхъ св. синоду присутственныхъ мѣстахъ, какъ-то: синодальныхъ приказахъ, въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, во всѣхъ приказахъ и въ стѣздныхъ избахъ у духовныхъ правителей и у сборщиковъ, съ соблюденіемъ только правила, чтобы „въ томъ смотрѣніи и выписываніи удержанія онымъ и приказнымъ по нимъ дѣйствамъ помѣшательства не чинить и въ неприличныя имъ, инквизиторамъ, приказныя дѣйства не вступать“. Равнымъ образомъ въ тѣхъ же присутственныхъ мѣстахъ инквизиторы могли пользоваться всѣми источниками законодательства, какъ напримѣръ, Кормчею Книгою, Соборнымъ Уложеніемъ, генеральными и партикулярными его величества указами съ тѣмъ, какъ замѣчено въ инструкціи, что „со временемъ они о всѣхъ дѣлахъ извѣстны быть могутъ и по нимъ къ должности своей дѣйствительны покажутся, а неудовольствованіемъ извиняться уже не возмогутъ“³⁾. Налагаемая подобныя обязанности и облекая подобными

¹⁾ Тамъ же, п. 20—21.

²⁾ Тамъ же, п. 32—33.

³⁾ Тамъ же, п. 28—30.

правами лица инквизиторской должности, инструкция внушала протоинквизитору, провинціалъ-инквизиторамъ и инквизиторамъ „должность и дѣйство свое содержать въ чистой совѣсти безъ мздоимства и всякаго противнаго званію своему, какое оно ни было, непотребства, и ничего продержливо не чинить, опасаяся за такія вины штрафовъ и жестокихъ наказаній, также вѣдать, что въ той диспозиціи, гдѣ тотъ или другой по званью своему дѣйство имѣть будетъ, ни въ какое духовное начальство не произведется, что вѣдая, ни на кого бы въ духовномъ начальствѣ обрѣтающагося напрасно съ надеждою полученія мѣста его, ничѣмъ не напаялъ, но ожидалъ бы указнаго по правдивымъ своимъ доношеніямъ изъ штрафовъ награжденія и лучшаго за вѣрность и усердіе въ другихъ мѣстахъ начальства“. Инструкция заключала: „Протоинквизитору, провинціалъ-инквизиторамъ и инквизиторамъ подобаетъ тшаться всеусердно, дабы въ дѣйствіи своемъ показали себя исправными, изъ чего бы могла возрасти польза св. церкви и государственная и народная, за что награждены будутъ его императорскаго величества милостію по мѣрѣ вѣрныхъ ихъ заслугъ“.

Сображая въ цѣломъ и въ частяхъ данную въ руководство протоинквизитору отъ св. синода инструкцію, нельзя не видѣть, что св. синодъ всячески усиливался создать изъ инквизиторовъ институтъ самаго дѣятельнаго и неослабнаго надзора въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ и предметамъ духовнаго вѣдомства. По духу и содержанию означенной инструкции инквизиторы должны были составить такіе органы, посредствомъ которыхъ св. синодъ хотѣлъ не только вѣдать и знать, но и контролировать и предупреждать всякія нарушенія указовъ, всякія противозаконныя дѣянія, противныя интересу церковныхъ установленій. Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ точности опредѣлить, на сколько на самомъ дѣлѣ инквизиторы оправдали въ этомъ отношеніи желанія и мысли св. синода, по той причинѣ, что донесенія инквизиторовъ, долженствующія служить первыми и лучшими данными къ разъясненію сего вопроса, если и были, то остались въ прежнихъ архіерейскихъ приказахъ и домовыхъ правленіяхъ, также въ Московской духовной династеріи и въ Московской синодальнаго правленія канцеляріи. Достижшія св. синода и разрѣшенныя имъ въ первые годы дѣятельности инквизиторскаго института донесенія изображаютъ намъ дѣятельность инквизиторовъ въ этомъ отношеніи въ слѣдующемъ видѣ: Такъ относительно дѣятельности Московскаго протоинквизитора, іеродіакона Пафнютія мы знаемъ, что онъ,

бывши еще іеродіакономъ Невскаго монастыря, уже доносилъ на намѣстника послѣдняго іеромонаха Варлаама Голениковскаго о его намѣреніи лишить жизни архіепископовъ Новгородскаго Ѳеодосія и Псковскаго Ѳеофана ¹⁾, чѣмъ надо полагать и обратилъ на себя вниманіе св. синода, назначившаго его протоинквизиторомъ въ Москву. Подвизаясь въ семь послѣднемъ званіи, Пафнютій 5-го сентября 1721 г. доносилъ св. синоду, что въ Успенскомъ соборѣ и въ церкви двѣнадцати апостоловъ продолжаютъ стоять при патриаршихъ мѣстахъ патриаршіе посохи, и что по объясненію ризничаго патриаршаго дома Филагрія, патриаршему мѣсту они и донныѣ кланяются „по прежнему обычаю“. Чтобы понять смыслъ сего донесенія, необходимо замѣтить, что съ уничтоженіемъ патриаршества должны были потерять свою силу и обычаи, имѣвшіе связь съ достоинствомъ патриарха, велѣдствіе сего св. синодъ 14-го августа 1721 г. опредѣлилъ: „въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ и въ прежде бывшемъ патриаршемъ домѣ въ церкви двенадцати апостоловъ прежде обыкновеннаго въ священнослуженіяхъ патриаршимъ мѣстамъ поклоненія не творить и въ оныхъ соборѣ и въ церкви и крестовой палатѣ и въ прочихъ тѣмъ подобныхъ обрѣтающіеся при патриаршихъ мѣстахъ патриаршіе посохи отобрать, отдать въ ризницу. По поводу донесенія Пафнютія синодъ сдѣлалъ новое по сему предмету распоряженіе, для исполненія котораго и былъ посланъ протопопу Московскаго Успенскаго собора указъ изъ Московскаго синодальнаго духовнаго приказа ²⁾. Въ томъ же 1721 г. протоинквизиторъ Пафнютій доносилъ Московскому духовному приказу на игумена Повинскаго монастыря Сильвестра въ томъ, что послѣдній не отиравлялъ по новопечатной книгѣ, въ день тезоименитства благовѣрныхъ государыни цесаревны и великія княгини Елисаветы Петровны обыкновеннаго молебствія и не служилъ въ другіе праздники и царскіе ангелы, когда не было ему наряда. Означенное донесеніе протоинквизитора духовный приказъ, съ произведеннымъ по нему изслѣдованіемъ, препроводилъ въ св. синодъ, который призналъ Сильвестра уличеннымъ въ возведенномъ на него обвиненіи и послалъ подъ началь въ Андроніевъ монастырь ³⁾. Въ томъ же году протоинквизиторъ Пафнютій съ подчиненными ему инквизиторами Михаиломъ Тимофеевымъ и Иваномъ

¹⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. синода, т. I, № 187.

²⁾ Опис. докум. и дѣлъ арх. св. синода, т. I, № 456.

³⁾ Опис. докум. и дѣлъ арх. св. синода, т. I, № 597.

Феофтистовымъ опечатали въ приказѣ церковныхъ дѣлъ нѣсколько дѣлъ, казавшихся подозрительными. Судья означеннаго приказа Златоустовскій архимандритъ Антоній, жалуясь св. синоду на подобное обстоятельство, объяснилъ послѣднему, что они сдѣлали это, не предъявивъ на то предписанія и произвели остановку въ производствѣ дѣлъ. Синодъ предписалъ протоинквизитору прислать объясненіе, въ какомъ отношеніи онъ нашелъ запечатанныя имъ дѣла подозрительными и указалъ выдать Антонію неподозрительныя, а подозрительныя „описать, завербить и подлежащее къ слѣдованію чинить“¹⁾. Сверхъ сего извѣстно, что въ томъ же году св. синодъ самъ, по поводу жалобы бывшаго управителя Тверскаго архіерейскаго дома іеродіакона Іоны Ржевскаго на Тверскаго митрополита Сильвестра, за учиненныя ему послѣднимъ разныя обиды, и по поводу ходатайства Іоны освидѣтельствовать хлѣбныя приходорасходныя книги и счастье его за время отправленія имъ житейной должности, опредѣлилъ произвести подобную провѣрку въ монастырскомъ приказѣ, при протоинквизиторѣ іеродіаконѣ Пафнутіѣ²⁾. Въ 1722 г. Пафнутій отъ приказа инквизиторскихъ дѣлъ доносилъ св. синоду, что указъ 1716 г. о переписи раскольниковъ и неисповѣдавшихся и о сборѣ съ нихъ двойнаго оклада и штрафныхъ денегъ исполняется только въ Москвѣ и Нижегородской епархіи, а въ прочихъ епархіяхъ „оного ничего въ дѣйство не приводятъ“. По сему донесенію синодъ 21-го февраля 1722 г. опредѣлилъ во всѣ епархіи къ архіереямъ послать указы, „дабы они учинили подлинныя вѣдомости, коликое число у нихъ въ архіереяхъ, по поданнымъ священническимъ именнымъ росписямъ неисповѣдавшихся явилось, что съ нихъ штрафныхъ денегъ собрано и гдѣ оныя нынѣ хранятся; также коликое число гдѣ явилось раскольниковъ, какихъ чиновъ и коликое число положено на нихъ двойнаго оклада, что во взятыѣ и гдѣ оныя хранятся, или употреблены на расходы, въ какіе и по какимъ указамъ; также что нынѣ на лицо и въ доимкѣ и зачѣмъ вышеупомянутыя штрафы и двойной окладъ не во взятыи сполна и чего ради о исполненіи по тому (1716 г.) указу въ св. синодъ не писано“³⁾. Что касается дѣятельности сверстника Пафнутіева протоинквизитора іеромонаха Макарія Хворостинина, объ этой дѣятельности мы не встрѣтили никакихъ

¹⁾ Тамъ же, № 609.

²⁾ Опис. докум. и дѣлъ арх. св. синода, т. I, № 455.

³⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. синода, т. II, № 141.

свѣдѣній въ дѣлахъ архива св. синода во все время отправления имъ протоинквизиторской должности. Равнымъ образомъ мы не много нашли свѣдѣній и о дѣятельности епархіальныхъ провинціаль-инквизиторовъ и инквизиторовъ. Причина сего понятна и заключается въ томъ, что провинціаль-инквизиторы и инквизиторы съ своими донесеніями должны были обращаться въ приказъ инквизиторскихъ дѣлъ, и уже сей послѣдній, по разсмотрѣніи поступившихъ въ него донесеній, входилъ въ св. синодъ, и это только въ теченіи первыхъ лѣтъ дѣятельности инквизиторскаго института, именно до той поры, когда завѣдываніе дѣлами по инквизиторскимъ донесеніямъ не было передано св. синодомъ въ Московскую синодальную правленія канцелярію. Впрочемъ и изъ поступавшихъ въ этотъ періодъ времени изъ приказа инквизиторскихъ дѣлъ въ св. синодъ донесеній мы узнаемъ, что въ этотъ приказъ поступали донесенія на епархіальныхъ архіереевъ, какъ напримѣръ, на Воронежскаго митрополита Нахомія въ томъ, что онъ „епархіи своей архимандритовъ и игуменовъ, поповъ и дяконовъ и церковныхъ причетниковъ ставитъ на мздѣ“, и утаиваетъ въ свою пользу деньги отъ вѣчныхъ памiateй и другихъ сборовъ, также на архимандритовъ, игуменовъ и строителей монастырей, какъ напримѣръ на архимандрита Тамбовскаго монастыря Иларіона „во взятіи и израсходованіи имъ церковныхъ вещей и припасовъ“, а равно и въ томъ, что этотъ архимандритъ постриженъ изъ ссыльныхъ; на игумена Боголюбскаго, что на Владимірѣ, монастыря Іоанникія „въ непристойныхъ словахъ на государя“, на строителя и казначея Путивльскаго Рождественскаго монастыря монаховъ: Зосиму и Рафаила „въ неорядочныхъ поступкахъ и въ постриженіи ими драгунъ и стрѣльцовъ отъ службы скрывавшихся“. Въ тѣхъ же поступавшихъ въ св. синодъ изъ приказа инквизиторскихъ дѣлъ донесеніяхъ, рядомъ съ донесеніями на духовныхъ властей мы встрѣчаемъ донесенія и на приказныхъ синодальнаго вѣдомства, какъ напримѣръ, на дворецкаго синодальнаго дворцоваго приказа Владыкина въ его злоупотребленіяхъ; на приказъ церковныхъ дѣлъ „въ подозрительномъ содержаніи денежной казны и приходорасходныхъ книгъ“, также донесенія по предметамъ, касающимся вѣры и благочестія, какъ напримѣръ, о разглашаемыхъ въ Холмогорской епархіи сомнительныхъ видѣній и мнимыхъ чудесахъ, въ Устюжскомъ уѣздѣ „о построеніи въ домѣ Николая Волкова Армянскаго костела“, „объ отпращиваніи въ Воскресенскомъ монастырѣ, что на Истрѣ, службы не

по церковному уставу“ и пр. ¹⁾ Псковскій провинціалъ-инквизиторъ монахъ Савватій совмѣстно съ управителемъ архіерейскаго дома архимандритомъ Петромъ доносили на псковскихъ посадскихъ людей о завладѣніи ими церковными землями и крестьянами, которымъ надлежало быть въ вѣдомствѣ архіерейскаго приказа, и о недодачѣ ими съ тѣхъ вотчинъ доходовъ и приходовъ, приходныхъ и расходныхъ книгъ по счету, также о выдачѣ священникамъ съ причетниками малой руги и о своевольномъ приѣмѣ къ церквамъ дьячковъ и пономарей ²⁾. Сверхъ сего, намъ извѣстны два донесенія того же Савватія, поданныя оберъ-прокурору Болтину на архимандрита Печерскаго монастыря, Маркелла Родышевскаго, о присвоеніи имъ себѣ разныхъ церковныхъ серебряныхъ и золотыхъ вещей, крестовъ, цѣпочекъ и прочаго, и о продажѣ имъ всего этого въ Ригѣ ³⁾. Возбужденное означенными донесеніями Савватія дѣло было предписано св. синодомъ изслѣдовать Теофану, епископу Псковскому, который однако не рѣшилъ его; вслѣдствіе сего то же дѣло, по предложенію оберъ-прокурора Болтина, было вытребовано въ св. синодъ, гдѣ и производилось ⁴⁾. Петербургскій инквизиторъ, священникъ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы Тимоѳей Семеновъ доносилъ на матроса Михаила Мелентьева о дерзкихъ и весьма противныхъ его словамъ на св. синодъ. Изслѣдованіе по сему донесенію и наказаніе виновному синодъ предписалъ учинить адмиралтействъ-коллегіи, какъ императорскаго величества указы повелѣваютъ ⁵⁾.

Имѣя въ виду приведенныя фактическія указанія на дѣятельность инквизиторовъ, согласно данной имъ инструкціи, можно заключить, что эта дѣятельность не только не была не производительна, но и касалась самыхъ разнообразныхъ предметовъ въ видахъ сохраненія церковнаго интереса. Къ сожалѣнію, на основаніи такихъ же фактическихъ свидѣтельствъ мы должны присовокупить, что благотѣльные результаты изображенной дѣятельности далеко не покрывали собою тѣхъ печальныхъ слѣдствій, которыя причиняли другіе инквизиторы своими „продерзостными“ и „непотребными поступками и злоупотребленіями“, а иногда самую свою жизнь и поведеніемъ. Если вообще

¹⁾ Въ сіи данныя заимствованы изъ книги протоколовъ св. синода за 1723 г.

²⁾ Дѣло арх. св. синода, января 19-го 1725 г., № 23, л. 5.

³⁾ Дѣло арх. св. синода, апрѣля 9-го 1725 г., № 140, л. 25—43.

⁴⁾ См. означенное 1725 г. № 140 дѣло, въ которомъ собраны все относящіяся къ сему предмету документы.

⁵⁾ Дѣло арх. св. синода, ноября 29-го 1725 г., № 5.

эпоха, въ которую и общество, среди котораго пришлось жить и дѣйствовать духовнымъ инквизиторамъ, не много представляли условій къ воспитанію въ себѣ каждымъ чувства самоуваженія и благородства дѣйствій, если стоявшіе на высшихъ ступеняхъ государственной службы платили дань своему времени, будучи обвиняемы и обличаемы въ разныхъ неодобрительныхъ поступкахъ: лихоимствѣ, взяткахъ, кражѣ казны, превышеніи власти, неуваженіи къ закону и общественному порядку, то сдѣлается достаточно яснымъ, почему и духовные инквизиторы одинаково съ свѣтскими фискалами оставили по себѣ печальную память. Будучи уполномочены закономъ и облечены правомъ „надсматривать“ за другими и доносить на нихъ, инквизиторы очевидно много видѣли въ своемъ положеніи соблазна къ тому, чтобы не слишкомъ строго относиться къ своему поведенію и не давать себѣ отчета въ каждомъ своемъ дѣйствіи. Имѣя спеціальною обязанностію преслѣдовать и обвинять всѣхъ казавшихся подозрительными, инквизиторы естественно представляли и чувствовали себя подъ особымъ покровительствомъ закона и власти, и вслѣдствіе сего, сознательно или по увлеченію позволяли себѣ такіа дѣйствія, которыя привлекали на нихъ всю строгость суда и наказанія. Въ архивѣ св. синода имѣется нѣсколько дѣлъ о разныхъ злоупотребленіяхъ и предосудительныхъ поступкахъ провинціалъ-инквизиторовъ разныхъ епархій, которые по своимъ крайностямъ привели наконецъ, какъ увидимъ ниже, св. синодъ къ мысли объ отмѣнѣ и уничтоженіи самой инквизиторской должности. Въ этихъ дѣлахъ съ яркостію изображается та масса злоупотребленій, которыми въ самое непродолжительное время существованія инквизиторскаго института лица означенной должности успѣли заляпнать свое званіе и возбудить къ себѣ рѣшительное нерасположеніе св. синода. Обратимъ вниманіе и на эту сторону изслѣдуемаго нами института.

Дѣла о непотребныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ провинціалъ-инквизиторовъ, начавшись вскорѣ по учрежденіи этой должности, продолжались не только до уничтоженія этой должности, но и послѣ сего. Таковы между прочимъ дѣла о Холмогорскомъ, Тобольскомъ и Новгородскомъ провинціалъ-инквизиторахъ. Дѣло о Холмогорскомъ провинціалъ-инквизиторѣ іеродіаконѣ Александрѣ Тихоновѣ началось по обвиненію Соловецкаго монастыря архимандрита Варсонофія. Варсонофій обвинялъ Тихонова въ разныхъ неумѣренныхъ и своевольныхъ поступкахъ и между прочимъ въ томъ, что Тихоновъ, назначивъ инквизиторомъ Соловецкаго монастыря іеромонаха Мирона, далъ ему

въ руководство инструкцію, не согласную съ общими предписаніями инквизиторской инструкціи, и что оба названные провинціалъ-инквизиторъ и инквизиторъ позволяли себѣ разныя вымогательства и взятки въ отношеніи къ монастырскимъ крестьянамъ, съ причиненіемъ имъ многихъ обидъ. Во время изслѣдованія по сему обвиненію Тихоновъ подалъ на высочайшее имя донесеніе, въ которомъ обвинялъ себя въ разныхъ преступленіяхъ: кражѣ, взяткахъ и другихъ дѣлахъ. Донесеніе это генераль-прокуроромъ Ягужинскимъ было передано въ св. синодъ. Рѣшая дѣло о Тихоновѣ на основаніи произведеннаго о немъ изслѣдованія, во время котораго Тихоновъ свидѣтельскими показаніями былъ обвиненъ во многихъ и еще болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, св. синодъ нашелъ его виновнымъ въ томъ, что онъ Тихоновъ „будучи въ званіи провинціалъ-инквизитора, многія чинилъ противъ данной ему инструкціи указовъ преступленія и не малыя продерзости и весьма неумѣренныя поступки, къ тому несносныя показывалъ обиды и озлобленія и напасти, чрезъ которыя и взятки многія бралъ и препровождаяся въ прелюбодѣянніи и ко умерщвленію человѣческому давалъ отравы и прочія чинилъ непотребности и въ томъ во всемъ, онъ Тихоновъ, винился своевольно“. Вслѣдствіе сего св. синодъ 19-го мая 1727 г. опредѣлялъ: „обнажа его Александра іеродіаконства и монашества, отослать въ юстиць-кпллегію“ для дальнѣйшаго изслѣдованія и рѣшенія по преступленіямъ, подлежащимъ свѣтскому суду. Въ юстиць-коллегіи Тихоновъ содержался до 21-го сентября 1730 г., когда поданнымъ 14-го августа того же года въ св. синодъ „допошеніемъ“ просилъ „яко покаявшагося принять его въ покаяніе и о возвращеніи монашества указъ учинить“ и обѣщался „многихъ ради неправдъ своихъ плакаться въ коемъ-либо монастырѣ“. По сему „допошенію“ св. синодъ постановилъ: „Хотя означенный бывшій провинціалъ-инквизиторъ Тихоновъ за обьявленныя его такія преступленія всемѣрно прощенія былъ и недостоинъ, но для благополучно совершившейся ея императорскаго величества коронаціи и многолѣтняго ея императорскаго величества здравія, випу его отпустить и крѣпкое его, іюля отъ 6-го числа 727 года, по нынѣ въ юстиць-коллегіи подъ арестомъ тюремное содержаніе и страданіе, въ наказаніе выѣпить и о присылкѣ его Тихонова въ св. синодъ послать въ юстиць-коллегію указъ, а какъ присланъ будетъ, тогда возврата ему монашество по прежнему опредѣлить въ который пристойно монастырь и быть въ монастырскихъ трудахъ до кончины своея неисходно, о чемъ при возвращеніи монашества, дабы впредъ таковыхъ

и тому подобныхъ непотребствъ чинить не дерзалъ, обязать его, Тихонова, въ томъ, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, подѣ страхомъ не токмо лишенія какъ монашества, но и живота неостложно, а поступалъ бы такъ, какъ святыя правила и указы повелѣваютъ неотмѣнно¹⁾.

Бѣлгородскихъ инквизиторовъ, какъ іеромонаха Іова Панова, такъ и преемника его іеродіакона Пгнатія Курапова обвинялъ Бѣлгородскій епископъ Елифаній. Перваго вообще въ непорядочныхъ по инквизиторской должности поступкахъ и въ томъ, что онъ бралъ взятки въ Николаевскомъ монастырѣ Бѣлгородской же епархіи; послѣдняго, то-есть, Курапова въ томъ, что онъ, получивъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1724 г. отъ инквизитора Ахтырскаго монастыря іеромонаха Симона Величкова донесеніе на сумскихъ пановъ Василя и Михаила Кондратьевыхъ, оговоренныхъ въ измѣнѣ, и показавъ означенное донесеніе Елифанію, не только не произвелъ надлежащаго изслѣдованія, какъ приказывалъ Елифаній, при участіи Сумскаго монастыря инквизитора іеромонаха Пахомія и названнаго инквизитора Величкова, но когда Елифаній въ присутствіи многихъ другихъ, нарочно для сего приглашенныхъ имъ лицъ, требовалъ отъ Курапова подалное ему донесеніе, Кураповъ называлъ Елифанія „измѣнникомъ“ и другими бранными именами. Донесеніе Елифанія на Панова св. синодъ призналъ недоказаннымъ со стороны Елифанія, тѣмъ не менѣе Пановъ былъ уволенъ отъ должности провинціалъ-инквизитора вслѣдъ за полученіемъ сдѣланнаго на него доноса. Возникшее по донесенію на Курапова дѣло тянулось очень долгое время и побывало въ разныхъ инстанціяхъ и разныхъ судахъ. Въ Московской синодальной правленія канцеляріи, которой было поручено св. синодомъ разсмотрѣть слѣдственное производство, Кураповъ отказался дать отвѣтъ, обзывая судей „измѣнниками и предателями правосудія“. По препровожденіи дѣла въ св. синодъ и здѣсь Кураповъ отказался отъ отвѣта по взведенному на него обвиненію, заявивъ, что онъ виновенъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, и просилъ препроводить его въ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію. Въ ожиданіи суда означенной канцеляріи Кураповъ долгое время содержался въ числѣ колодниковъ при св. синодѣ и наконецъ былъ осужденъ.

Гораздо любопытнѣе по нѣкоторымъ частнымъ сторонамъ дѣло объ Устюжскомъ провинціалъ-инквизиторѣ монахѣ Іосифѣ Тюменевѣ, котораго разные лица Устюжской епархіи обвиняли въ томъ, что онъ, живя тамъ, держалъ при себѣ „женокъ и дѣвокъ“, приживая съ ними

¹⁾ Дѣло арх. св. синода, 1755 г., іюля 16-го № 155.

дѣтей, и путешествуя по епархіи, бралъ многочисленныя подводы, а также взятки съ монастырей и церквей, наносилъ самовольныя побои монахамъ и вкладчикамъ, сажалъ ихъ на цѣпи и чинилъ прочія про- дерзости". Во время производства по этимъ обвиненіямъ, Тюменевъ подалъ извѣтъ въ „непристойныхъ словахъ“ на судью архіерейскаго дома Троице-Гнединскаго монастыря, архимандрита Іосифа. При до- просѣ по сему извѣту въ Преображенской канцеляріи, Тюменевъ по- казалъ: „въ мірѣ звали его Иваномъ Макаровымъ, служилъ онъ въ домѣ князя Андрея Иванова сына Голицына въ холопствѣ, и тому лѣтъ съ тридцать, когда оный господинъ его умре, тогда, онъ Тюме- невъ, отпущенъ на волю съ отпускною и постригся во Флорищевой пустыни, въ которой и былъ монахомъ лѣтъ десять, потомъ вышелъ въ Кириллевъ монастырь Вологодской епархіи и по опредѣленію бывшаго на Вологдѣ епископа, былъ келаремъ лѣтъ пять, и послѣ опредѣленъ въ Великоустюжскую епархію провинціаль-инквизи- торомъ.“ При этомъ показаніи Тюменевъ повинился, что онъ напрас- но оклеветалъ названнаго архимандрита въ „непристойныхъ словахъ“. Между тѣмъ обвиненный архимандритъ подалъ встрѣчный на Тюме- нева доносъ, въ которомъ утверждалъ, что Тюменевъ какъ во Фло- рищевой пустыни, такъ и нигдѣ не былъ постриженъ въ монахи. Этотъ доносъ подтвердилъ и постриженникъ Флорищевской пустыни, монахъ Досифей. Противъ этого доноса и содержавшагося въ немъ обвиненія Тюменевъ въ той же Преображенской канцеляріи сознался, что въ „оной де Флорищевской пустынѣ онъ жилъ бѣльцомъ токмо въ трапезѣ, желая постричься, но усмотря жестокое монашеское жи- тіе, не постригся и изъ той пустыни вышелъ, платье монашеское купилъ въ пути у прохожаго незнаемаго монаха, идучи въ Вологду, гдѣ въ томъ платьѣ также и въ Москвѣ былъ не постриженъ и по присылѣ въ Преображенскую канцелярію былъ въ такомъ же обра- зѣ. Въ Преображенской канцеляріи, именно за ложный доносъ на упо- мянутаго архимандрита, Тюменевъ былъ наказанъ кнутомъ и оттуда препровожденъ въ св. синодъ для наказанія за другіе его проступки. Св. синодъ, разсмотрѣвъ дѣло, постановилъ: „онаго Ивана Тюмеева за его дерзости, что онъ дерзнулъ собою безъ надлежащаго по- стриженія монашескія на себя вздѣть одежды и воровски назвалъ монахомъ, по проискаму получилъ и инквизиторство, и будучи въ томъ званіи, непорядочныя творилъ поступки, наказавъ плеть- ми и остригши для опредѣленія, куда надлежитъ въ подушный ок- ладъ, и въ подданство отослать въ Московско-губернскую канцеля-
часть схсѣ, отд. 2.

рію или къ подушной переписи безъ отлагательства".¹⁾ Примѣръ Тюменева ясно показываетъ, какъ шаткость административныхъ порядковъ и надзора въ то время въ духовномъ вѣдомствѣ, такъ и то, что недостойныя личности, проникая въ инквизиторскій институтъ, позорили это учрежденіе своими, крайне неблаговидными и предосудительными поступками. Не останавливаясь на судьбѣ другихъ провинціалъ-инквизиторовъ, которые въ свою очередь были обвинены въ подобныхъ же преступленіяхъ, замѣтимъ, что и разсмотрѣнные примѣры не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что неустройство инквизиторскаго института отчасти зависѣло отъ возможности проникать въ этотъ институтъ недостойнымъ и по характеру и по поведенію личностямъ, словомъ, искателямъ приключеній, старавшимся получить эту должность съ тѣмъ, чтобы по-свободнѣе удовлетворить необузданнымъ инстинктамъ своей природы. Мы видѣли, что въ предупрежденіе неудачныхъ опытовъ избранія на инквизиторскія должности, св. синодъ 16-го апрѣля 1725 г. постановилъ цѣлесобразныя на сей предметъ правила; но эти правила возымѣли свое дѣйствіе уже послѣ того, какъ инквизиторы успѣли запятнать себя многими преступленіями, которыя св. синоду пришлось разсматривать во все послѣдующее время и которыя за тѣмъ привели синодъ къ мысли объ уничтоженіи этой должности. Такимъ образомъ, еслибы были приняты надлежащія правительственныя мѣры къ устройству инквизиторской части именно со стороны ея личнаго состава, въ такомъ случаѣ не повторилось бы подобныхъ злоупотребленій, которыми запятнали себя, и въ которыхъ были обвинены многие изъ инквизиторовъ, подвергшіеся осужденію.

Производство дѣлъ по инквизиторскимъ донесеніямъ сосредоточивалось въ тѣхъ мѣстахъ, въ кои инквизиторы должны были обращаться съ своими донесеніями. Таковыми мѣстами въ епархіяхъ служили тѣ домовыя архіерейскія правленія или духовные и судныя приказы, въ которыхъ засѣдали особые управители или судьи архіерейскихъ домовъ и въ которыхъ сосредоточивалось производство административныхъ и судныхъ дѣлъ подлежащей епархіи. Соответственно сему разборомъ тѣхъ же инквизиторскихъ донесеній въ бывшей патріаршей, а теперь синодальной области, занимался духовный приказъ, представлявшій собою параллельное архіерейскимъ приказамъ установленіе для дѣлъ синодальной области. Посему въ перечисленіи пред-

¹⁾ Книга протоколовъ за 1727 г., ч. 1, проток. Марта 15-го, № 15.

метовъ сего приказа и были поставлены дѣла „по инквизиторскимъ донесеніямъ, касающіяся до подчиненныхъ синоду Московскихъ и всей синодальной области обывателей, [кроме такихъ важныхъ, которыя синодскаго разсужденія требуютъ“¹⁾. Со слитіемъ, а лучше сказать, съ замѣною синодальнаго духовнаго приказа въ Москвѣ вновь образованною Московскою духовною династеріей, въ сію послѣднюю поступили и дѣла по инквизиторскимъ донесеніямъ, какъ объ этомъ сказано въ послѣдовательныхъ инструкціяхъ св. синода о вѣдомствѣ и производствѣ дѣлъ въ Московской духовной династеріи²⁾. Въ исторіи Московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія св. синода указано нѣсколько примѣровъ какъ дѣйствительнаго разбирательства дѣлъ Московскою династеріей по жалобамъ и доносамъ инквизиторовъ, такъ и видимой ея нарасположенности къ инквизиторамъ³⁾.

Слѣды династерскаго разбирательства видны и въ рѣшеніяхъ св. синода и изъ сихъ рѣшеній можно заключить, что московская династерія разсматривала именно тѣ инквизиторскія доношенія, которыя касались не особенно важныхъ предметовъ и притомъ относились къ подвѣдомымъ ей лицамъ въ предѣлахъ епархіальнаго управленія синодальною областію. Подлежавшія синодскому разсмотрѣнію дѣла по инквизиторскимъ доношеніямъ обыкновенно сосредоточивались или въ св. синодѣ, или въ Московской синодальной правленія канцеляріи, по учрежденіи послѣдней. Въ св. синодѣ для разсмотрѣнія „инквизиторскихъ“ дѣлъ, какъ и для нѣкоторыхъ другихъ, была образована особая контора, въ которой занимались: совѣтникъ св. синода архимандритъ Московскаго Ново-Спасскаго монастыря Героевъ Прилуцкій и ассесоръ Угрѣшскій игумень Варлаамъ, назначенный потомъ протоинквизиторомъ на мѣсто Цафнутія. Означенная контора, подобно другимъ образованнымъ при св. синодѣ для типографскихъ, судебныхъ и раскольническихъ дѣлъ, должна была разсматривать и рѣшать собственною властію безъ предложенія всему св. синоду, за подписомъ ея членовъ и оберъ-секретаря тѣ изъ инквизиторскихъ дѣлъ, которыя „не зѣло важны и разсмотрѣніемъ ихъ рѣшены быть могутъ“, важныя же и синодальной резо-

¹⁾ П. С. П. и Р., № 693, стр. 370; ср. П. С. З., т. VI, № 4081.

²⁾ Тамъ же, № 508, п. 2; ср. П. С. З., т. VI, № 3954, т. VII, № 4190, п. 20 и 22.

³⁾ Истор. Московск. епарх. упр., т. I, стр. 46 и прим. 145—146.

люціи требующія дѣла, названныя члены объявлялись, „подписавъ свое мнѣніе“, предлагать на разсужденіе всего св. синода, который и предлагалъ по такимъ дѣламъ рѣшенія за подписомъ уже всѣхъ своихъ членовъ“¹⁾. Въ такомъ видѣ и въ такомъ порядкѣ инквизиторскія дѣла производились до 1724 г. Въ этомъ году, именно 22-го мая, синодальный оберъ-прокуроръ полковникъ Болтинъ, по поводу общихъ разсужденій объ устройствѣ лучшаго производства дѣлъ, словесно предложилъ синоду слѣдующее: „Въ свѣтской командѣ опредѣлена для приему фискальскихъ доношеній особливая контора, въ которой у надлежащаго по такимъ доношеніямъ слѣдованія, обрѣтаются особливые секретари и канцеляристы, и дабы по силѣ того опредѣленія повелѣно было и въ синодальной командѣ на инквизиторскія дѣла учинить таковую жъ контору и служителей собственныхъ опредѣлить“. По поводу и въ разрѣшеніе этого оберъ-прокурорскаго предложенія св. синодъ опредѣлилъ: „Онѣя инквизиторскія дѣла вѣдать и отправлять синодальному совѣтнику Героеву, архимандриту Ново-Спасскому, по прежнему, а для вспоможенія и управленія тѣхъ дѣлъ, усмотрѣть ему, совѣтнику, московскихъ или другихъ знатныхъ монастырей изъ архимандритовъ чловѣка добраго и въ приказныхъ дѣлахъ за обыкновеннаго, и быть ему при немъ, синодальному совѣтникѣ, за ассесора, также и секретари изъ подчиненныхъ синоду приказовъ удобнаго и канцелярскихъ служителей, koliko пристойно, которыхъ по усмотрѣнію къ онымъ дѣламъ и опредѣленія обычайно и дать ему, совѣтнику, оному архимандриту инструкцію“²⁾. Для правильнаго пониманія этого опредѣленія необходимо пояснить, что это опредѣленіе было постановлено въ Москвѣ, при возвращеніи св. синода въ Петербургъ, и поименованный въ этомъ опредѣленіи совѣтникомъ св. синода Ново-Спасскій архимандритъ Героевъ, за возвращеніемъ св. синода, въ С.-Петербургъ, долженъ былъ остаться въ Москвѣ въ учрежденной еще въ прошломъ 1723 г. Московской синодальнаго правленія канцелярии и составить присутствіе этой канцелярии вмѣстѣ съ другими лицами, получившими званіе ассесоровъ, а именно: двухъ архимандритовъ, Діонисія Андроніевскаго и Сергія Петровскаго, также судьи „раскольнической розыскныхъ дѣлъ канцелярии“ Топильскаго. Означенному совѣтнику, завѣдывавшему инкви-

¹⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 488, стр. 93.

²⁾ П. С. П. и Р., т. IV, № 1282; см. дѣла арх. св. синода, 1725 г. 15-го января, № 294.

зиторскими дѣлами въ С.-Петербургѣ, св. синодъ поручилъ вѣдать оныя съ сего времени въ Москвѣ съ такимъ опредѣленіемъ: „а инвизиторской конторѣ съ дѣлами, изъ С.-Петербурга привезенными и въ Москвѣ обрѣтающимися, которыя оному совѣтнику поручены и скорого слѣдованія и рѣшенія требуютъ, быть неотлучно въ Москвѣ“. При этихъ дѣлахъ св. синодъ указалъ остаться въ Москвѣ синодскому секретарю Дудину, „доколѣ собственный къ тѣмъ дѣламъ секретарь опредѣлится“, также канцеляристу Башкилову съ подканцеляристами и кошистами ¹⁾. Такимъ образомъ, св. синодъ если и не учредилъ особой конторы согласно предложенію оберъ-прокурора для производства инвизиторскихъ дѣлъ, то позаботился устроить эту часть и въ Москвѣ, какъ она прежде была устроена въ С.-Петербургѣ при синодѣ. Необходимо прибавить, что св. синодъ не ограничился этимъ распоряженіемъ по поводу оберъ-прокурорскаго предложенія. Оставленный въ Москвѣ синодальный совѣтникъ Ново-Спаскій архимандритъ Героевъ, 24-го ноября того же 1724 г., донесъ св. синоду объ опредѣленіи „обращающагося въ синодальной камеръ-конторѣ канцеляриста Телятева, собственно къ инвизиторскимъ при синодѣ дѣламъ въ секретари“. Синодъ, предположивъ опредѣлить Телятева по увольненіи его изъ камеръ-конторы, между прочимъ, постановилъ: „а доколѣ означенное повелѣніе исполнится, въ то время противъ объявленнаго мая 22-го дня 724 г. полковника и синодальнаго оберъ-прокурора Болтина словеснаго предложенія сирывая учинить обстоятельное извѣстіе съ яснымъ показаніемъ въ свѣтской командѣ фискальскихъ дѣлъ, слѣдовательная контора при сенатѣ, или въ которой коллегіи особливо опредѣлена и въ которое время и подъ чьєю дирекціею и коликое число собственно при тѣхъ дѣлахъ секретарей и канцеляристовъ и прочихъ служителей въ штатѣ опредѣлено и нынѣ обрѣтаются и съ какимъ расположеніемъ, дабы и св. синоду удобно было основательное о томъ учинить опредѣленіе безъ сумнѣнія и исправя все вышенисанное въ какой возможно скорости, обстоятельно выисать и предложить въ докладъ неукоснительно, а до того времени обрѣтающіяся въ синодальной канцеляріи инвизиторскія дѣла управлять по прежнему съ прилежаніемъ неотложно ²⁾. Но прежнее производство инвизиторскихъ дѣлъ имѣло слѣдующій видъ: мы упоминали, что опредѣленіемъ св.

¹⁾ П. С. П. и Р., т. IV, № 1311.

²⁾ Книг. Проток. св. синода за 1725 г., ч. I, января 8-го, № 4.

синода отъ 1-го іюня 1724 года оставленному синодальному совѣтнику въ Москвѣ, Ново-Спасскому архимандриту Героою, было представлено:— „для вспоможенія и отправленія инквизиторскихъ дѣлъ усмотрѣть себѣ ассесора изъ архимандритовъ московскихъ монастырей“. Въ исполненіе такого опредѣленія Героою былъ избранъ архимандритъ Андроніева монастыря Іосифъ, которому для исправленія означенныхъ дѣлъ была дана составленная тѣмъ же совѣтникомъ и утвержденная св. синодомъ особая инструкція. По этой инструкціи означенный ассесоръ долженъ былъ принимать инквизиторскія донесенія и производить по нимъ разслѣдованія, при чемъ маловажныя изъ дѣлъ рѣшать собственною своею властію, о немаловажныхъ же или „неудоборазсудительныхъ“ и „опасныхъ“, составивъ изъ нихъ предварительно выписки, докладывать находившемуся въ Москвѣ синодальному совѣтнику, а въ отсутствіе—синодальному члену, какимъ въ то время былъ Леонидъ, архіепископъ Крутицкій, предсѣдательствовавшій въ Московской духовной дивастеріи. Съ сими же лицами упомянутый ассесоръ долженъ былъ разсматривать и рѣшать всѣ дѣла по инквизиторскимъ донесеніямъ, которыя въ чемъ-либо касались личности какого-нибудь архіерея. Въ тѣхъ случаяхъ, еслибы встрѣтилось дѣло, которое, по причинѣ его важности или сомнительности, неудобно было рѣшать и съ оставшимся въ Москвѣ синодальнымъ членомъ, о такомъ съ подлинными справками, съ выписками приличныхъ законовъ и съ приложеніемъ собственнаго мнѣнія представлять въ св. синодъ, съ увѣдомленіемъ объ этомъ находившагося въ то время въ Петербургѣ и синодальнаго совѣтника, которому слѣдовало подавать обстоятельныя ежемѣсячныя рапорты и о рѣшенныхъ дѣлахъ. Разсматриваемою инструкціей упомянутому ассесору предписывались въкоторыя контролирующія дѣйствія и въ отношеніи къ самимъ инквизиторамъ. Организованное такимъ образомъ и на такихъ основаніяхъ присутствіе находилось въ составѣ Московской синодальнаго правленія канцеляріи и занималось разсмотрѣніемъ дѣлъ по инквизиторскимъ доношеніямъ. Въ это присутствіе и препровождалъ инквизиторскій приказъ донесенія инквизиторовъ; сюда же отсылалъ и св. синодъ поступившія къ нему донесенія тѣхъ же лицъ. Такъ напримѣръ, въ 1727 г. марта 23-го, было препровождено св. синодомъ донесеніе города Вѣлополя церкви святыхъ апостоловъ Петра и Павла священника инквизитора, Петра Федорова съ приходскими священниками на протопопа того города, соборной церкви Рождества Богородицы, Григорія Алексѣева, въ томъ,

что онъ обманомъ достигъ сего званія, незаконно присвоилъ себѣ право судьи въ городѣ Бѣлопольѣ и причинилъ разныя насилія и несправедливости. Въ резолюціи св. синода о передачѣ сего дѣла было сказано: „по сему донесенію ему просителю бить челомъ и резолюціи требовать въ Московской св. синода канцеляріи, гдѣ показаннаго дѣла разсмотрѣніе и учинить, какъ императорскаго величества указы и генеральный регламентъ повелѣваютъ, немедленно, чтобъ ему просителю впредь волокиты и большаго разоренія и обидящему упущенія не было“. Для веденія этого дѣла въ означенной канцеляріи просителю и былъ выданъ паспортъ на проѣздъ изъ С.-Петербурга въ Москву ¹⁾. Московская синодальнаго правленія канцелярія съ особо образованнымъ въ ней присутствіемъ и оставалась подлежащимъ мѣстомъ для производства дѣлъ по инквизиторскимъ доношеніямъ, подлежавшимъ синодскому разсмотрѣнію, во все послѣдующее время, словомъ, до самаго уничтоженія инквизиторскаго института. Дѣлаемъ эту прибавку на томъ основаніи, что въ документахъ архива св. синода мы не встрѣтили никакихъ новыхъ по сему предмету свѣдѣній и распоряженій.

Въ св. синодѣ во все время существованія инквизиторскаго института сосредоточивались дѣла по жалобамъ и обвиненіямъ на провинціаль-инквизиторовъ въ ихъ „непотребныхъ и продерзостныхъ поступкахъ“, то-есть, судъ надъ провинціаль-инквизиторами. Общій вопросъ о подсудности инквизиторовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: Инструкціей протоинквизитору было постановлено: „никто бы отъ низайшихъ судей безъ самаго архіерея тѣхъ инквизиторовъ судить не дерзаль, но архіерей бы судилъ при провинціаль-инквизиторѣ, а провинціаль-инквизитора и архіерей судить ни въ чемъ не дерзаль бы, но писалъ бы на него доношеніе въ св. синодъ по обыкновенію“ ²⁾. На основаніи сего постановленія инквизиторы судились епархіальными архіереями, но такъ, что при производствѣ надъ ними слѣдствія и суда долженъ былъ присутствовать и провинціаль-инквизиторъ, въ качествѣ защитника и блюстителя интересовъ правосудія и подсудимаго. До св. синода дѣла суда надъ простыми инквизиторами доходили лишь въ томъ случаѣ, когда подсудимый приносилъ жалобу на причиненныя ему обиды и притѣсненія. Провинціаль-инквизиторы судились въ св. синодѣ, но такъ, что производство этого

¹⁾ Дѣло арх. св. синода 1727 г., марта 31-го, № 809.

²⁾ П. С. И. и Р., т. I, № 321.

суда при руководствѣ дѣйствительными его примѣрами должно быть представлено въ слѣдующемъ видѣ: По существу полученнаго донесенія на того или другаго провинціалъ-инквизитора, св. синодъ чрезъ Московскую св. синода канцелярію предписывалъ мѣстному архіерею произвести правдивое, безпристрастное и обстоятельное изслѣдованіе при участіи другихъ благонадежныхъ и опытныхъ въ приказномъ дѣлѣ лицъ мѣстной или другой епархіи. При семъ это изслѣдованіе непременно должно было производиться въ присутствіи и при участіи кого-либо изъ инквизиторовъ епархіи. Если обвиненія на провинціалъ-инквизиторовъ затрогивали не только духовные, но вмѣстѣ и свѣтскіе интересы, въ такомъ случаѣ въ производствѣ изслѣдованія, по приглашенію св. синода, принимали участіе представители свѣтской власти — губернаторы. Произведенное такимъ образомъ изслѣдованіе съ мнѣніемъ производившихъ оное представлялось ими въ Московскую синодальнаго правленія канцелярію или въ св. синодъ. Московская синодальнаго правленія канцелярія, разсмотрѣвъ въ свою очередь представленное ей слѣдственное производство въ случаѣ усмотрѣнной неполноты и другихъ недостатковъ обращала оное къ дослѣдованію или представляла въ св. синодъ съ своимъ мнѣніемъ на окончательное рѣшеніе. Св. синодъ, осудивъ и наказавъ виновнаго по существу и важности его преступленій, нарушающихъ духовные интересы, передавалъ виновнаго въ руки свѣтскаго правосудія для суда по преступленіямъ свѣтскаго уголовного свойства. Съ пересылкою дѣлопроизводства по разнымъ инстанціямъ путешествовалъ и подсудимый въ обстановкѣ „колодника“. Начертанное судопроизводство сохраняло свою силу во все время существованія инквизиторскаго института, пока по уничтоженіи онаго св. синодъ 7-го іюня 1727 г. не предоставилъ самимъ епархіальнымъ архіереямъ производить изслѣдованіе и полагать окончательное рѣшеніе. „не утруждая св. синодъ“ по обвиненіямъ на провинціалъ-инквизиторовъ. Протоинквизиторы всегда подлежали непосредственному суду св. синода. Практика, къ счастью, не представляетъ намъ примѣровъ этого суда.

Такимъ образомъ обзрѣвая въ цѣломъ и въ частяхъ относящіяся къ инквизиторской должности поставленія, нельзя не заключить, что св. синодъ съ своей стороны заботился обставить инквизиторскую часть потребными постановленіями и начертать для ея дѣятелей твердыя правила; тѣмъ не менѣе эта часть во многихъ сторонахъ въ дѣйствительности оказывалась неблагоустроенною, и инкви-

зиторы, подобно свѣтскимъ фискаламъ, не встрѣтили и не снискали себѣ надлежащаго расположенія въ средѣ духовенства и въ частности у его властей. Одно то, что лица разсматриваемой должности были учреждены и назначены съ тѣмъ, чтобы слѣдить не только за поведеніемъ духовенства, но въ частности за дѣйствіями и распоряженіями духовныхъ властей, съ правомъ и обязанностию доносить всякій разъ подлежащему начальству о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, вооружало противъ инквизиторовъ духовенство и въ особенности властей послѣдняго. Вотъ почему мы и встрѣчаемся съ такими явленіями, что Московская династерія и другія равныя оной установленія нерѣдко производили дѣла по жалобамъ провинціаль-инквизиторовъ и инквизиторовъ о нанесенныхъ имъ побояхъ. Въ свою очередь и инквизиторы, какъ мы видѣли, полагаясь ли на свою независимость отъ мѣстныхъ духовныхъ властей, или увлекаясь своимъ значеніемъ, позволяли себѣ чинить разныя насилія и притѣсненія духовнымъ лицамъ, совершать другіе неодобрительные поступки и открытыя преступленія, словомъ—дѣйствовать противъ давной имъ инструкціи и переступать предѣлы предоставленной имъ власти. Подобныя явленія не могли не обратить на себя вниманія высшаго духовнаго правительства—св. синода, поставленнаго въ необходимость разбирать дѣла по обвиненіямъ на провинціаль-инквизиторовъ и инквизиторовъ въ различныхъ преступленіяхъ иногда самаго возмутительнаго и скандальнаго свойства. Подобныя явленія въ свою очередь вооружали и св. синодъ противъ разсматриваемаго установленія, приближая его къ мысли о бесполезности и вредности существованія послѣдняго. Дѣйствительно, разсуждая 25-го января 1727 г. о холмогорскомъ провинціаль-инквизиторѣ іеродіаконѣ Александрѣ Тиховѣ, который по причинѣ его болѣзненнаго состоянія не могъ быть отправленъ къ допросу въ юстицъ-коллегію по объявленному имъ на себя обвиненію въ словѣ и дѣлѣ, и приводя при этомъ на память непотребныя поступки другихъ провинціаль-инквизиторовъ, св. синодъ поставилъ общій вопросъ объ инквизиторскомъ институтѣ и разрѣшилъ его нижеслѣдующимъ образомъ: приводимъ подлинное опредѣленіе св. синода по сему предмету: „Св. правительствующій синодъ, разсуждая о обрѣтающихся въ синодальной области и по епархіямъ провинціаль-инквизиторахъ и инквизиторахъ, отъ которыхъ многіе неполадочныя происходятъ поступки, духовнымъ и мірскимъ лицамъ чинятся обиды и озлобленія;—понеже то весьма духовному чину не прилично и святымъ правиламъ противно, а особ-

ливо по имениному высокославныи и вѣчподостойныи памяти государя императора указу, каковъ состоялся въ прошломъ 1724 г. февраля 5-го дни, велѣно учинить архимандритовъ надъ вѣсколькими монастырями, въ которыхъ бы были и игумены (чего для архимандритовъ число убавить), также чтобъ оны имѣли парохіальныхъ священниковъ, раздѣля дистриктами, чтобъ надсматривали и доносили архіерею своему. И потому можно оному смотрѣнію правильно быть безъ инквизиторовъ; того ради св. синодъ приказали: сначала опредѣленія оныхъ провинціалъ-инквизиторовъ и инквизиторовъ по состояніи св. синода здѣсь въ С.-Петербуржской и въ Московской синодальнаго правленія канцеляріи, также и въ духовной династеріи и въ приказѣ инквизиторскихъ дѣлъ и въ другихъ мѣстахъ, буде о чемъ надлежитъ оной Московской синодальной канцеляріи, справяся изъ всѣхъ дѣлъ учинить обстоятельныи выписки, съ подлиннымъ изъясненіемъ, кто, когда, куды, изъ какихъ чиновъ въ провинціалъ-инквизиторы и въ инквизиторы, съ какимъ свидѣтельствомъ опредѣлены и учинена ль отъ кого изъ нихъ хотя малая какая правильная польза, также отъ кого изъ нихъ противныи явились поступки, и что какія извѣстія изъ дѣлъ, о тѣхъ ихъ непорядкахъ находятя, дабы все изыскано и написано было безъ всякаго упущенія, и тѣ выписки изъ оной Московской синодальной канцеляріи прислать въ С.-Петербургъ въ св. правительствующій синодъ, и сообщя съ здѣшними, предложить къ разсмотрѣнію. И о томъ здѣшней канцеляріи служителямъ всѣмъ для немедленнаго и достожджнаго исполненія велѣтъ подписаться съ подтвержденіемъ, а въ Московскую синодальную канцелярію послать указы¹⁾. Прежде чѣмъ во исполненіе посланнаго по силѣ сего опредѣленія указа были доставлены изъ подлежащихъ мѣстъ затребованныи выписки, св. синодъ по поводу вскорѣ затѣмъ встрѣтившихся разсужденій по дѣламъ о сибирскомъ провинціалъ-инквизиторѣ іеродіаконѣ Арсеніи Іевлевѣ и великоустюжскомъ монахѣ Іосифѣ Тюменевѣ, 15-го марта снова занялся общимъ вопросомъ объ инквизиторахъ, и рѣшилъ совершенно отмѣнить и уничтожить эту должность въ слѣдующемъ энергическомъ опредѣленіи: „При слушаньѣ имѣющихся въ синодальной канцеляріи о сибирскомъ и великоустюжскомъ провинціалъ-инквизиторахъ дѣлъ, св. правительствующій синодъ, разсуждая и о прочихъ по епархіямъ провинціалъ-инквизиторахъ и ин-

¹⁾ Книга протокол. за 1727 годъ, ч. I; см. дѣло арх. св. синода, 1727 г. № 245, л. 1.

квизиторахъ, отъ которыхъ многіе непорядочные происходятъ поступки, о чемъ по синодальному генваря 25-го дня сего 1727 г. опредѣленію изъ своихъ дѣлъ велѣно, какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ, обстоятельны учинить съ подлиннымъ изъясненіемъ выписки, которыхъ еще не учинено. А также... и въ духовномъ регламентѣ о дѣлахъ епископскихъ подь числомъ осьмымъ напечатано: „указать долженъ епископъ по всѣмъ городамъ, чтобъ закащики, или нарочно къ тому опредѣленные благочинные, али бы духовные фискалы, все надсматривали и ему бы епископу доносили, еслибы нѣчто проявилось подь виною изверженія, кто бы учинить похотѣлъ“; а отъ инквизиторовъ не только пользы церкви святой до нынѣ не явилось, но уже и ясно многіе показали ихъ такому званію весьма противныя и общему народу гнусныя дѣла... Того ради какъ въ синодальной области, такъ и во всѣхъ епархіяхъ, всѣхъ провинціаль-инквизиторовъ и инквизиторовъ отъ дѣлъ ихъ до указу отрѣшить и содержать гдѣ пристойно въ братствѣ, а дѣла ихъ всѣ описать, также и по архіерейскимъ домамъ и по монастырямъ, гдѣ оны инквизиторы были, справясь подлинно, по силѣ вышеупомянутаго синодальнаго опредѣленія вездѣ учинить обстоятельныя и перечневныя выписки, съ подлиннымъ изъясненіемъ и съ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ. Къ тому же и въ городахъ и въ уѣздахъ всѣмъ духовнаго чина людямъ объявить указомъ, что оны инквизиторы отрѣшены, и дабы ежели кто отъ нихъ суть обидимые, доносили о томъ въ епархіяхъ архіереямъ немедленно, а изъ архіереямъ изслѣдовавъ съ приложеніемъ на каждое дѣло мнѣнія и съ резомами присылать къ рѣшенію въ св. синодъ безъ продолженія“. Настоящимъ опредѣленіемъ св. синодъ совершенно уничтожилъ существованіе инквизиторовъ и объявилъ ихъ дѣятельность оконченною для будущаго времени. Прекращая эту дѣятельность, св. синодъ однако не нашелъ возможнымъ предать забвенію и учиненные инквизиторами безпорядочные поступки, и поэтому приглашалъ всѣхъ обиженныхъ немедленно принести свои жалобы архіереямъ, которые, изслѣдовавъ оныя, должны были представить въ синодъ съ своимъ мнѣніемъ для окончательнаго рѣшенія. Не будемъ распространяться о томъ, что подобнымъ распоряженіемъ синода какъ бы открывался путь и для неосновательныхъ жалобъ и притомъ на официальную дѣятельность людей, потерявшихъ уже всякое официальное значеніе; но замѣтимъ, что св. синодъ отказался отъ своего намѣренія, то-есть, самому непосредственно рѣшать дѣла по обвиненіямъ на инквизиторовъ. 7-го іюня того же 1727 года онъ, снова возвратившись къ вопросу

объ уничтоженіи инквизиторовъ, постановилъ: „понеже св. синоду и безъ такихъ дѣлъ въ нужнѣйшихъ церковныхъ исправленіяхъ происходятъ не малыя трудности, того ради кто изъ тѣхъ провинціально-инквизиторовъ и инквизиторовъ въ какихъ вицахъ явится, о томъ въ епархіяхъ изслѣдовавъ и рѣшеніе чинить архіереямъ, какъ указы повелѣваютъ ¹⁾“. На основаніи и во исполненіе такихъ послѣдовательно изданныхъ св. синодомъ постановленій всѣ провинціально-инквизиторы и инквизиторы изъ монашествующихъ были распредѣлены въ число братствъ по тѣмъ монастырямъ, въ которыхъ они до поступленія въ настоящую должность жили и получили постриженіе, а изъ блага священства оставлены на своихъ прежнихъ мѣстахъ подъ вѣдомствомъ духовныхъ управителей, на ряду съ прочими духовными лицами.

Такъ окончилъ свое существованіе институтъ инквизиторовъ—духовныхъ фискаловъ, прожившій не много болѣе шести лѣтъ. Причина такой кратковременности существованія этого института прежде всего заключается въ общемъ нерасположеніи къ такому учрежденію, которое по самой его идеѣ должно было служить бичемъ несправедливости, злоупотребленій и неправды, рассчитываемыхъ на безнаказанность. Если духовные инквизиторы, подобно свѣтскимъ фискаламъ, не оправдали своего настоящаго назначенія и вмѣсто служенія закону и общему благу „преслѣдовали собственныя, корыстныя цѣли, то обвинять за это самое учрежденіе въ его идеѣ нѣтъ основаній, тѣмъ болѣе, что и явившіеся противъ инквизиторовъ обвинители были далеко не безупречны въ своемъ поведеніи и не непричастны къ тѣмъ преступленіямъ, въ которыхъ въ свою очередь обвиняли ихъ инквизиторы. Словомъ, если можно осуждать инквизиторовъ за то, что они часто злоупотребляли своимъ правомъ надъ всѣми надсматривать и обо всемъ доносить вслѣдствіе желанія насолить ближнему, то нельзя совершенно оправдать и тѣ лица, съ которыми сталкивались инквизиторы и которыя, проникнувшись предвзятою ненавистію ко всему учрежденію, искали случая подстеречь и утопить отдѣльныхъ его членовъ. Конечно, подобныхъ наклонностей не могло бы развиться ни съ той, ни съ другой стороны, еслибъ административные и судебные порядки того времени не покровительствовали развитію подобныхъ наклонностей. Вслѣдствіе сего, вовсе не

¹⁾ Приведенныя предписанія см. книг. прот. за 1727 г., ч. I; см. дѣло архі. св. синода 1727 г., января 25-го, № 245.

думая, какъ оправдывать инквизиторовъ въ злоупотребленіяхъ ихъ своимъ офиціальнымъ положеніемъ, таеъ и осуждать вступавшія въ борьбу съ ними личности, необходимо признать безспорно ту мысль, что учрежденіе духовныхъ инквизиторовъ, подобно учрежденію свѣтскихъ фискаловъ, окончило свое существованіе слишкомъ рано—благодаря именно тому, что оно не встрѣтило поддержки въ офиціальной средѣ. Инквизиторы, какъ и свѣтскіе фискалы, замѣчая къ себѣ нерасположеніе со стороны другихъ и въ особенности сильныхъ и вліятельныхъ лицъ не имѣли достаточно самообладанія и благоразумія, чтобы противопоставить развивавшемуся къ нимъ несочувствію добросовѣстное, честное и правдивое исполненіе своихъ обязанностей. Подобнымъ поведеніемъ инквизиторы если и не снискали бы расположенія къ себѣ тѣхъ, которые подверглись ихъ доносамъ, то несомнѣнно на болѣе долгое время предотвратили бы отъ себя тотъ разрушительный ударъ, который положилъ конецъ ихъ существованію. Такимъ образомъ нерасположеніе, которое съ перваго раза обнаружилось къ учрежденію свѣтскихъ фискаловъ и духовныхъ инквизиторовъ, невоздержность послѣднихъ, и наконецъ, недостатокъ надлежащей офиціальной поддержки были главными причинами того, что дѣятельность того и другаго института оказалась малополезнаю и не сохранила ихъ отъ скорого уничтоженія.

Окончившій при изложенныхъ обстоятельствахъ свое существованіе институтъ духовныхъ инквизиторовъ болѣе и не возобновлялся, хотя нельзя сказать, чтобы не было попытокъ къ его восстановленію. Оберъ-прокуроръ св. синода князь Шаховской, 28-го іюня 1745 г., вошелъ въ св. синодъ съ слѣдующимъ предложеніемъ: „понеже въ инструкции моей, въ 3-мъ пунктѣ, изображено, что смотрѣть мнѣ надъ всѣми протоинквизиторами и инквизиторами, дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали, а ежели кто въ чемъ преступить, то оныхъ судить въ синодѣ и всѣ бы протоинквизиторскія и инквизиторскія донесенія синоду предлагать и инстиговать, чтобъ по нихъ исполнено было; также ежели на протоинквизиторы и инквизиторы будутъ доношенія, что они званій своихъ истинно и ревностно не исполняютъ, то ихъ въ судъ представлять синоду же; а по справкѣ же въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ съ дѣлами значится, что оныя инквизиторы, съ далными отъ св. синода инструкціями въ разныхъ подчиненныхъ св. правительствующему синоду мѣстахъ, обрѣтались по 727-й годъ, а въ ономъ году по синодальному разсужденію, велѣно оныхъ протоинквизиторовъ и инквизиторовъ за нѣкоторыя

ихъ по дѣламъ оказавшіяся противныя поступки, до указа отрѣшить, а по дѣламъ ихъ учинивъ архіереемъ выписки, прислать въ св. синодъ, а въ синодальной области и по епархіямъ въ городахъ и уѣздахъ, для надзираія духовнаго чина, по силѣ состоявшагося въ 1724 году февраля 5-го дня указа, опредѣлить закащиками духовныхъ властей и поповскихъ старостъ, а по инструкціямъ инквизиторскимъ смотрѣть никому точно не опредѣлено и утвердительнаго отъ св. синода о вышеозначенныхъ протоинквизиторахъ и инквизиторахъ, что имъ впредь быть и до того по ихъ инструкціямъ, надлежащее смотрѣніе кому имѣть ли, опредѣленія не учинено; того—ради правительствующій синодъ да соблаговолитъ о томъ учинить благопристойное опредѣленіе, дабы и по инструкціи моеи подлежащее по онымъ инквизиторскимъ должностямъ наблюдательство имѣть могъ ¹⁾. Св. синодъ, считая вопросъ о существованіи инквизиторскаго института окончательно разрѣшеннымъ, не сдѣлалъ постановленія по существу приведеннаго предложенія. Вслѣдствіе сего названный оберъ-прокуроръ князь Шаховской 4-го февраля 1747 года вошелъ въ св. синодъ съ новымъ предложеніемъ о томъ же предметѣ: „Понеже“, было сказано въ этомъ предложеніи, „по посылаемымъ изъ св. правительствующаго синода указамъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и въ прочихъ подчиненныхъ св. синоду мѣстахъ повелѣнное исполненіе съ немалымъ продолженіемъ происходитъ, изъ другихъ же мѣстъ требуемыхъ вѣдомостей и прочихъ къ производящимся въ св. синодѣ дѣламъ потребностей, хотя дубликатами и трепликатами подтверждается, потому жъ чрезъ многопрошедшее время и понынѣ не присылается, и въ производствѣ тѣхъ дѣлъ, къ коимъ оныя потребности надлежатъ, многая остановка и излишнее затрудненіе происходитъ, за чтò въ томъ виновныхъ по силѣ генеральнаго регламента 4-й главы и государя императора Петра Великаго 1719 г. марта 19-го дня, 1721 года января 21-го, мая 10-го и 1723 года мая 14-го чиселъ указовъ безъ должнаго штрафованія оставлять не надлежитъ, а дабы такія неисправности и медленія въ дѣлахъ въ подчиненныхъ св. синоду мѣстахъ не происходили, въ томъ протоинквизиторахъ и инквизиторахъ, между прочимъ, смотрѣть и о томъ стараться было поручено, и чтобъ все то исправно надлежащимъ порядкомъ и безъ медленія происходило смотрѣть и понуждать и обязанъ.

ВНУТРЕННІЕ

¹⁾ Записки князя Якова Петровича Шаховскаго, изд. 1872 г. стр. 280—281 приложеній.

КОНЕЦЪ

Но точію оныя протоинквизиторы и инквизиторы отъ св. синода въ 727 г. до указа отставлены, а должность ихъ и понынѣ никому не поручена, того ради, я о тѣхъ по посланнымъ изъ св. синода указамъ неисполненіяхъ и о происходящихъ медлительствахъ учиненныя, со изъясненіемъ означенныхъ указовъ выписку, краткій реестръ и обстоятельныя экстракты, также по опредѣленію вышеозначенныхъ протоинквизиторовъ и инквизиторовъ экстрактъ же для надлежащаго рѣшенія св. синоду и предлагаю¹⁾. И на это предложеніе оберъ-прокурора со стороны св. синода не послѣдовало письменнаго опредѣленія²⁾. Преемникъ Шаховскаго, синодальный оберъ-прокуроръ Львовъ 24-го апрѣля 1754 года, прилагая оберъ-прокурорскую инструкцію, предлагалъ св. синоду о томъ, чтобы „съ оберъ-прокурорской инструкціи точную копию для немедленнаго во всѣ подчиненныя св. правительствующему синоду мѣста къ извѣстію и должному по ней исполненію разослать“. По существу этого предложенія св. синодъ отъ 13-го мая 1754 года постановилъ: „учинить справку: 1) имѣется ли указъ, чтобы съ оберъ-прокурорской должности копіями распубликовать, 2) въ той самой должности о томъ же самомъ распубликованіи есть ли что написано; 3) по опредѣленію прежнихъ синодальныхъ прокуроровъ были ль о распубликованіи, о должности примѣры—и ту справку положить въ полномъ св. синода собраніи“. Настоящая резолюція не удовлетворила Львова; вслѣдствіе сего онъ отъ 3-го іюля сдѣлалъ св. синоду новое предложеніе, въ которомъ ходатайствовалъ прямо объ учрежденіи должности епархіальныхъ прокуроровъ. Вслѣдствіе сего предложенія, св. синодъ 6-го іюля опредѣлилъ учинить выписку: „1) имѣется ли указъ, чтобъ и въ епархіяхъ по духовному правительству быть прокурорамъ, 2) изъ духовнаго регламента о должности епископской чего обѣщался епископъ на своемъ постановленіи смотрѣть изъ того имяннаго архіерейскаго обѣщанія и даемой архіереямъ грамоты,

¹⁾ Тамъ же, стр. 296—297.

²⁾ Въ протоколахъ св. синода за 1747 г., ч. 1, подъ 4-го февраля вложено подлинное вышеприведенное предложеніе кн. Шаховскаго; вверху на листѣ этого предложенія помѣтка оберъ-секретаря: «предложено 1747 г. февраля 4-го дня. Записавъ въ книгу предложить паки къ докладу»; внизу того же листа помѣтка руки протоколиста: «Слушано февраля 4-го дня 1747 года». Между тѣмъ письменной резолюціи по сему предложенію не оказывается ни въ протоколахъ, ни въ журналахъ опредѣленій св. синода. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что св. синодъ на основаніи однихъ словесныхъ разсужденій отклонилъ предложеніе Шаховскаго.

3) того же регламента о являющихся судомъ епископа недовольнымъ лицамъ какъ имъ въ томъ и гдѣ на онаго суда искати, 4) по опредѣленіи прежнихъ синодальныхъ оберъ-прокуроровъ была ль разсылка копій о должности ихъ во извѣстію по епархіямъ". Согласно этому опредѣленію св. синода на справку, между прочимъ, именно по 1-му пункту были выведены постановленія св. синода какъ объ учрежденіи, такъ и объ отмѣнѣ должности инквизиторовъ по духовному вѣдомству. Заключительнаго по сей справкѣ опредѣленія въ дѣлѣ нѣтъ ¹⁾.

Настоятельныя ходатайства названыхъ синодальныхъ оберъ-прокуроровъ, то прямо относительно должности инквизиторовъ, то относительно должности прокуроровъ по епархіямъ показываютъ, что оберъ-прокуроры признавали существованіе той же или подобной должности въ духовномъ вѣдомствѣ необходимымъ. Указываемъ на эти факты только съ намѣреніемъ сказать, что и послѣ уничтоженія должности инквизиторовъ были настойчивыя попытки къ восстановленію этой должности, но эти попытки не привели къ желательному результату. Объяснить причины подобныхъ попытокъ нетрудно: установленные вмѣсто уничтоженныхъ инквизиторовъ, какъ было сказано въ опредѣленіи св. синода, „благочинные, или духовные фискалы“ далеко не только не замѣнили собою инквизиторовъ, но и не наслѣдовали ихъ обязанностей. Дѣло въ томъ, что благочинные были назначены вмѣсто прежнихъ заказчиковъ и остались органами духовной администраціи съ обязанностію смотрѣть и наблюдать за церковнымъ благочиніемъ и благоповеденіемъ въ средѣ православнаго духовенства и отчасти православнаго общества, какъ христіанской паствы. Очевидно, эти органы по своей дѣятельности не могли имѣть и не имѣли никакого отношенія къ наблюденію за исполненіемъ указовъ и постановленій по духовному вѣдомству, а еще болѣе за дѣятельностію административныхъ властей и содѣйствовать синодальнымъ оберъ-прокурорамъ въ ихъ надзорѣ. Отсюда послѣднимъ естественно было желать или возобновленія должности прежнихъ инквизиторовъ, къ обязанностямъ которыхъ относилось и то, чтобы наблюдать за исполненіемъ указовъ и дѣятельностію духовныхъ властей, или учрежденія соотвѣтственной должности епархіальныхъ прокуроровъ. Св. синодъ, уничтоживъ инквизиторовъ, не желалъ и учрежденія епархіальныхъ прокуроровъ, словомъ не желалъ осуществленія полной системы надзора по духовному вѣдомству.

¹⁾ Дѣло арх. св. синода, 1754 г. мая 2-го, № 6.

Подобныхъ явленій не замѣтно и не могло быть въ отношеніи къ свѣтскимъ фискаламъ, по той причинѣ, что дѣятельность ихъ слилась съ занятіями другихъ органовъ, которые по своему устройству были болѣе приурочены для государственныхъ цѣлей. Такими органами были прокуроры и стряпчье, которые, не имѣя инквизиторскаго характера, служили къ обезпеченію соблюденія законовъ и сохраненія общественныхъ выгодъ. Напоминаніемъ о существованіи старинныхъ фискаловъ въ настоящее время могутъ служить установленія того же имени въ губерніяхъ Прибалтійскаго края, именно, въ ряду чиновъ, служащихъ для надзора за производствомъ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ губерній названнаго края; а существуютъ: оберъ-фискаль въ Лифляндіи, губернской фискаль въ Курляндіи и уѣздные фискалы въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ.

Оберъ-фискаль Лифляндской губерніи, состоя при гофгерихтѣ и простирая свои дѣйствія только на производящіяся въ немъ дѣла, обязанъ: 1) блюсти пользу казны во всѣхъ случаяхъ и ходатайствовать за нее въ качествѣ повѣреннаго какъ по дѣламъ, которыя начинаются производствомъ въ гофгерихтѣ, такъ и по тѣмъ, которыя вносятся въ оный по апелляціоннымъ или частнымъ жалобамъ изъ нижнихъ судебныхъ мѣстъ; по внесеніи же таковыхъ дѣлъ въ сенатъ обязанность оберъ-фискала ходатайствовать по нимъ прекращается; 2) ходатайствовать въ гофгерихтѣ по дѣламъ церквей; 3) вчивать по представленію губернскаго правленія уголовные иски противъ должностныхъ лицъ за упущенія по должности и противъ дворянъ за уголовныя преступленія; 4) наблюдать, чтобы денежные штрафы были взыскиваемы безъ упущенія и состоявшіе о штрафахъ опредѣленія исполнялись въ точности; 5) наблюдать и предлагать о наказаніи тяжущихся за непристойное поведеніе ихъ между собою при производствѣ дѣлъ въ гофгерихтѣ и за нарушеніе ими должнаго уваженія къ судьямъ и 6) наблюдать, чтобы чины являлись въ засѣданіе гофгерихта въ законныя часы и чтобы съ не явившихся въ засѣданіе или съ прибывающихъ поздно слѣдующія по закону штрафныя деньги взыскивались безъ упущенія ¹⁾. Подобныя же обязанности возложены и на губернскаго фискала Курляндской губерніи, который, состоя при оберъ-гофгерихтѣ и дѣйствуя по порученію губернскаго правленія, долженъ: 1) защищать при производствѣ въ немъ дѣлъ права и иму-

¹⁾ Сводъ узаконеній мѣстн. установл. губ. Остзейскихъ, 1845 г., ч. I, т. IV, ст. 1655, 1689—1690.

щества казны; 2) вчинать, въ качествѣ публичнаго обвинителя, иски по преступленіямъ должности и по дѣламъ уголовнымъ, съ обязанностию слѣдить за производствомъ тѣхъ дѣлъ въ оберъ-гофгерихтѣ, которыя поступили сюда изъ нижнихъ судебныхъ мѣстъ, но по которымъ имѣли хожденіе уѣздные фискалы ¹⁾. Соответственно названнымъ фискаламъ при каждомъ ландгерихтѣ въ Лифляндской губерніи и въ каждомъ оберъ-гауптманствѣ Курляндской губерніи состоятъ уѣздные фискалы, кои обязаны: 1) имѣть наблюденіе, чтобы присутственныя мѣста и частныя лица предъ судъ представшія поступали на основаніи законовъ; 2) въ случаѣ нарушенія закона должностными лицами дѣлать имъ, смотря по обстоятельствамъ, приличныя напоминанія или же представлять о томъ высшему начальству; а въ случаѣ противозаконныхъ поступковъ частныхъ лицъ предлагать въ судѣ объ опредѣленіи имъ установленнаго наказанія; 3) смотрѣть, чтобы засѣданія продолжались все опредѣленное для оныхъ время и дѣла были производимы по установленному на то порядку; 4) обнаруживать всѣ преступленія и все противное пользамъ правительства, доводить о томъ до свѣдѣнія надлежащаго мѣста и губернскаго прокурора, и, въ случаѣ, когда дѣло по своему существу принадлежитъ къ вѣдомству нижнихъ судебныхъ мѣстъ, вчинать въ нихъ иски и обвиненія на основаніи законовъ о судопроизводствѣ; 5) защищать въ нижнихъ судебныхъ мѣстахъ права и имущества казны, церквей, обществъ и богоугодныхъ заведеній и присутствовать при мѣстныхъ осмотрахъ и слѣдствіяхъ по дѣламъ сего рода; 6) имѣть надзоръ за соблюденіемъ полицейскихъ установленій и обнаруживать всякое нарушеніе ихъ; 7) смотрѣть за скорымъ теченіемъ и окончаніемъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ; 8) осматривать тюремныя помѣщенія и наблюдать за законнымъ продовольствіемъ преступниковъ, доводя о всякомъ упущеніи до свѣдѣнія надлежащаго мѣста; 9) имѣть надзоръ, чтобы никто въ ихъ вѣдомствѣ не присвоивалъ себѣ правъ по состоянію ему непринадлежащихъ и доносить суду, если кто-либо въ округѣ упуститъ учинить должную присягу подданства; 10) наблюдать, чтобы слѣдующіе по закону вычеты съ имѣній переводимыхъ за границу были вносимы; 11) исполнять предписанія губернскаго начальства и прокурора и доставлять ему вѣдомости ²⁾. Въ числѣ обя-

¹⁾ Тамъ же, ст. 1711—1713.

²⁾ Сводъ узак. губ. Остзейск., ч. I, кк. IV, ст. 1715 (по продолж. 1853 г.), 1719, 1728.

занностей названныхъ фискаловъ усматриваются и такія, которыя оказываются тождественными съ обязанностями древнихъ фискаловъ. Подобно послѣднимъ фискалы Прибалтійскихъ губерній, сверхъ содержанія отъ казны, получаютъ еще въ свою пользу третью часть отъ денежныхъ штрафовъ, наложенныхъ судомъ по дѣламъ, въ коихъ фискалы по должности своей были ходатаями ¹⁾. Если прибавимъ къ этому, что въ ряду законоположеній фискальскаго института Прибалтійскихъ губерній содержатся законоположенія, заимствованныя изъ источниковъ шведскаго происхожденія, то получимъ основаніе для заключенія, что и учрежденіе прежнихъ фискаловъ было образовано подъ вліяніемъ шведскихъ же установленій. Но это учрежденіе имѣло свои особенныя, сложившіяся исключительно на русской почвѣ и подъ вліяніемъ русской жизни отношенія. Эти отношенія, дѣлая учрежденіе фискаловъ, какъ мы замѣчали, установленіемъ *sui generis*, отличаютъ его отъ учрежденія прокуроровъ и стряпчихъ, представившихъ институтъ надзора и наблюденія на другихъ основаніяхъ.

И такъ, все наше изслѣдованіе о свѣтскихъ фискалахъ и духовныхъ инквизиторахъ, убѣждая въ мысли, что эти учрежденія, представляя совершенно параллельныя установленія, служили: одиѣ—для всѣхъ вѣдомствъ государства съ спеціальными отгѣнками обязанностей, примѣнительно къ отношеніямъ каждаго, другое—исключительно для вѣдомства духовнаго, примѣнительно къ потребностямъ этого послѣдняго. Оба установленія, будучи вызваны вообще низшимъ уровнемъ идей справедливости въ русскомъ обществѣ и въ частности безотраднымъ состояніемъ администраціи Русскаго государства по всѣмъ его частямъ, самымъ своимъ устройствомъ и организаціей были приоровлены къ тому, чтобы представлять органы надзора и наблюденія, способные какъ все видѣть, такъ и обо всемъ доносить. Тѣ же установленія, во взаимныхъ отношеніяхъ своихъ органовъ представляя твердо сплоченный іерархическою подчиненностію институтъ, являлись особыми учрежденіями въ ряду другихъ установленій какъ по исключительности возложенныхъ на нихъ занятій, такъ и по отдѣльности ихъ управленія. Правительство и законодательная власть прилагали и предпринимали разныя мѣры къ внутреннему устройству разсматриваемыхъ установленій, направляя ихъ дѣятельность въ разныя стороны, но эти мѣры не предупредили внутренняго разложенія, свившаго себѣ гнѣздо въ этихъ установленіяхъ съ самаго нача-

¹⁾ Тамъ же, ст. 1693, 1717.

ла ихъ существованія, а равно и не отклонили того нерасположенія, которое встрѣтили эти установленія со стороны. Вслѣдствіе сего по мѣрѣ того, какъ эти установленія болѣе и болѣе благоустроились внѣшнимъ образомъ, съ внутренней стороны они обнаруживали замѣтную несостоятельность, приведшую къ мысли объ ихъ уничтоженіи, съ одной стороны, именно въ примѣненіи къ свѣтскимъ фискаламъ, въ виду признанной необходимости устроить внутренній, а не внѣшній надзоръ за дѣятельностію государственныхъ установленій въ лицѣ прокуроровъ и стряпчихъ, съ другой—въ отношеніи къ духовнымъ инквизиторамъ по причинѣ признанной бесполезности этого института и возможности достигнуть желательныхъ цѣлей надзора при посредствѣ однихъ административныхъ органовъ въ лицѣ благочинныхъ. Вотъ почему въ то время, какъ институтъ духовныхъ инквизиторовъ былъ прямо уничтоженъ въ виду бесполезности и отчасти вредности его существованія, и предпринимавшіяся попытки къ его возобновенію остались безуспѣшными, учрежденіе свѣтскихъ фискаловъ пало какъ бы само собою, слившись въ нѣкоторыхъ своихъ функціяхъ съ учрежденіемъ прокуроровъ и стряпчихъ, и потому не могло вызвать и не вызвало попытокъ къ своему возобновенію.

Т. Барсовъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ученый журналъ въ Румыніи.

Columna lui Traian. Revistă mensuală pentru istoria, linguistica și literatura populară. Director B. P. Hâșdeu (Траянова Колонна. Ежемесячное обозрѣніе исторіи, языковѣдѣнія и народной словесности. Редакторъ-издатель B. H. Хышдеу). Т. I Bucuresci. 1876.

Западная Европа уже давно знакома съ новорумынской литературой, по крайней мѣрѣ — съ тѣми ея сторонами, которыя могутъ интересовать иностранца; тамъ въ настоящее время есть даже хорошие знатоки литературы и другихъ сторонъ жизни Румыновъ, которые своими посильными трудами знакомятъ своихъ соотечественниковъ съ исторіей, поэзіей, народною словесностью Румыніи, а также съ ея нравами, обычаями, социальнымъ бытомъ и матеріальнымъ положеніемъ. Въ послѣднее время особенно французскіе ученые въ интересахъ научныхъ и ненаучныхъ стали обращать вниманіе на разныя стороны духовной жизни Румыновъ ¹⁾, хотя, правду сказать, Французы допускаютъ иногда грубыя и непростительныя ошибки; нѣкоторые даже въ самой Румыніи подвизаются на этомъ поприщѣ, какъ на примѣръ, издатель *La Roumanie Contemporaine*. Итальянцы также не оставляютъ безъ вниманія новорумынскую литературу; и

¹⁾ Для примѣра укажу на нѣсколько трудовъ, какіе попались мнѣ прежде всего: *Ballades et chants populaires de la Roumanie*. Paris. 1855. — *Nouvelles historiques de la Moldo-Roumanie*, 1859. *Picot*, Documents pour servir à l'étude de dialectes roumains (*Revue de linguistique et de philologie comparée*, t. V. и отдѣльно, Paris, 1875), его же рецензія на «*Istoria critică a Românilor*» г. Хышдеу (*Revue d'anthropologie sous la direct. de M. P. Broca*, t. 4, № 3, 1875) *Reissenberger*, *L'eglise de Curtea d'Arge* (перев. съ нѣм.) Vienne. 1876; много статей въ *Revue des deux Mondes* и въ др.

въ ихъ журналахъ по временамъ появляются статьи о ней, а также и о самыхъ Румынахъ ¹⁾. Есть новыя книги о Румыніи и у Англичанъ ²⁾. Не стану указывать на новыя и старыя сочиненія о Румынахъ, написанныя Греками. Также нечего говорить и о Нѣмцахъ: у нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, давно существуетъ уже цѣлая литература о Румынахъ, ученая и публицистическая.

Съ другой стороны, и сами Румыны не чуждаются Западной Европы; сами они стараются сблизиться съ нею и знакомить ее со своею страной и народомъ, ея прошлымъ и настоящимъ. Кромѣ множества статей самаго разнообразнаго характера, помѣщаемыхъ Румынами въ разныхъ западно-европейскихъ журналахъ и газетахъ, за границей издается не по румынски довольно много отдѣльныхъ сочиненій и брошюръ такого же разнообразнаго характера, между которыми встрѣчаются иногда довольно капитальныя ³⁾. Конечно, въ сочиненіяхъ иностранцевъ о Румынахъ и Румыновъ для иностранцевъ не всегда можно найти много поучительнаго и стоящаго серьезнаго вниманія, но во всякомъ случаѣ, эти книги свидѣлствуютъ, на сколько интересуются эти народы одни другимъ, и какое значеніе имѣютъ ихъ отношенія между собою и какое слѣдствіе могутъ дать эти отношенія...

Дѣлается ли то же самое у насъ, или по крайней мѣрѣ, есть ли хоть стремленіе къ тому? Къ сожалѣнію, до самаго послѣдняго времени, когда было бы больше всего кстати что-нибудь подобное, нѣтъ.

¹⁾ Напримѣръ *Graf*, Della poesia popolare rumena (*Nuova Antologia*, t. XXX. 1875) и др.

²⁾ См. напримѣръ *Murray*, *Gr. Doine, or the national songs, legends of Roumania*. Lond. 1854., *Boner, Ch.*, Transylvania, its products and its people. Lond. 1865.

³⁾ Напримѣръ, *J. Cratiunesco*, Le peuple roumaine d'après ses chants nationaux. Essai de littérature et de morale. Deuxième edit. Paris 1874 (VIII 328).—*Cihac*, Dictionnaire d'etymologie daco-roumaine. Francf. a M. 1870.—*Sturdz* sur le D. A. Ueber-sicht der Münzen und Medallen des Fürstenthums Rumänien (Moldau und Walachei). Men. 1874.—*Stoicescu, Const. J.*, Du frisson (pathogenie et nature) sa valeur sémeiologique pendant l'état puerpéral. Paris., 1876. — *Его же*, Etude sur la naturalisation en droit roumaine, en droit civil et dans le droit de gens, précédée d'un exposé sur la condition politique des personnes à Rome. Paris. 1876.—*Lupu, A. D.* Etienne le Grand et Michel le Brave, précis historique d'après *G. Sinkai, D. Bolintinenu* etc. Bruxelles. 1876. — *Stefanescu*. Maria La Dacia e la Rumenia. Compendio di storia rumena etc. Napoli. 1876.—*Sillénu, St. St.* De pesci elettrici e pseulo-eletrici. Napoli. 1876 и мн. др.

Но такъ ли было прежде? Нѣтъ. Въ прежнія времена, то-есть, съ конца прошлаго и до начала второй половины настоящаго столѣтія, мы гораздо больше и лучше знали Румыновъ; тогда мы и писали о нихъ, и знали ихъ языкъ, и вслѣдствіе того, познакомились съ ихъ литературой; да какъ будто насъ Румыны тогда больше и интересовали; по крайней мѣрѣ мы высказывали больше охоты и стремленія къ тому, чтобы ознакомиться съ ними. Тогда появились у насъ историческіе и филологическіе труды о Румыніи, или по тогдашнему, о Молдавіи и Валахіи — Вельмана, Мартынова, Палаузова, Венелина, Гинкулова; тогда написалъ свою исторію, не изданную еще до настоящаго времени, Н. П. Липранди; тогда у насъ напечатана была и румынская библія, которая, то-есть, это изданіе, еще и теперь въ большомъ употребленіи у стариковъ—Румыновъ; тогда появилось и довольно дѣльно составленное историко-статистическое описаніе Молдавіи и Валахіи Яковенко и изданы были нѣкоторыя сочиненія Кантемира и проч. И здѣсь говорю только объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, а сколько было статей журнальныхъ, газетныхъ и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Тогда и сами Румыны относились къ намъ совсѣмъ иначе; они въ свою очередь многое заимствовали у насъ, переводили нашихъ писателей, какъ наприимѣръ, Крылова (басни), Пушкина, Державина и др. Вообще, нужно сказать, что съ окончанія Крымской кампаніи мы какъ будто разстались совсѣмъ съ Румынами до настоящаго времени, когда событія снова столкнули насъ для общаго дѣла ¹⁾.

Иные, можетъ быть, думаютъ, что тѣсныя сношенія Румыновъ съ Французами, Итальянцами и др. вполнѣ естественны; вѣдь и тѣ, и другіе—одного племени и рода; а съ Нѣмцами они имѣютъ сношенія непосредственныя, такъ какъ большая часть Румыновъ состоятъ въ австрійскомъ подданствѣ.

Что касается того, что нынѣшніе Румыны—чисто Романскаго племени, то можно сказать съ увѣренностью, этого никто еще до настоящаго времени не доказалъ и едва ли когда-нибудь докажетъ. Но что славянскій элементъ довольно значителенъ среди Румыновъ, это видно во всемъ, начиная съ языка и оканчивая мельчайшими подробностями ихъ быта. Кромѣ того, исторія свидѣтельствуетъ, что Славяне

¹⁾ Въ послѣдніе годы у насъ появилось по румынской исторіи только два труда — книга г. Голубинскаго о румынской церкви, да статья г. Кочубинскаго о сношеніяхъ Румыновъ съ Петромъ Великимъ.

имѣли съ Румынами сношенія съ самыхъ древнихъ временъ, а потому и нынѣ Румыны должны имѣть для насъ больше интереса, чѣмъ для Западной Европы, и мы ничѣмъ не можемъ оправдать свое невниманіе къ нимъ. Уже Несторъ даетъ намъ нѣкоторыя указанія относительно мѣстъ, занимаемыхъ нынѣшними Румынами, и на которыхъ нашимъ предкамъ не разъ приходилось сталкиваться съ разными народами. Но помимо этихъ далекихъ временъ должно вспомнить о бракѣ князя Ивана, сына Ивана Грознаго, съ Еленю, дочерью Молдавскаго господари Стефана Великаго (1458—1504 гг.), что указываетъ положительно на давнія и довольно короткія отношенія между обоими народами; вспомнимъ также Петра Могилу и его значеніе въ исторіи образованія Южной Руси, наши сношенія при Петрѣ Великомъ съ Румынскими господарями и до того сношенія Румыновъ съ нашимъ казачествомъ, для исторіи котораго мы найдемъ у Румыновъ много неизвѣстнаго до сихъ поръ; наконецъ, не забудемъ нашихъ старообрядцевъ и раскольниковъ, живущихъ въ Румыніи въ настоящее время въ довольно почтенномъ количествѣ, и о которыхъ мы почти ничего не знаемъ, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ курьезовъ изъ ихъ жизни по газетнымъ корреспонденціямъ. Но помимо всего этого, знать Румынію, ея прошлое и настоящее намъ необходимо и для исторіи южныхъ Славянъ, такъ какъ безъ того мы никогда не будемъ знать послѣднюю, какъ должно. Кромѣ исторіи, намъ нуженъ и языкъ румынскій, который со временемъ окажетъ большія услуги славянской филологіи, такъ какъ въ немъ многія древне-славянскія формы остались окаменѣлостями до нашихъ дней: я разумѣю языкъ народный, а не теперешній литературный, который не представляетъ для насъ съ филологической точки зрѣнія большого интереса. Не должны забывать наши слависты и историки также и того, что при дворахъ Румынскихъ господарей въ XIV, XV, XVI и XVII вѣкахъ употреблялся языкъ славянскій. Изученіе дипломатическаго языка Румыновъ покажетъ намъ, какія перемѣны потерпѣлъ славянскій языкъ среди Румыновъ. Все это чисто научные интересы. Но у насъ есть еще интересы чисто практическіе; Румыны — наши сосѣди; съ ними мы соединены желѣзными дорогами, и нужно ожидать, что наша торговля и промышленность получить отсюда большую выгоду, а этого не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Однимъ словомъ, и Румыны были намъ нужны, и мы имъ, и впредь мы понадобится другъ другу, а потому

мы и должны узнать ихъ хорошенько, да и съ собою ихъ познакомиться.

Какъ Нѣмцы находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Румынами, такъ и мы въ этомъ отношеніи не обижены; въ предѣлахъ Россіи есть нѣкая губернія, Бессарабская, населенная Молдаванами, тѣми же Румынами, которые могутъ служить для насъ, какъ служили и прежде, прекраснымъ средствомъ для изученія Румыновъ. Но знаемъ ли мы хоть этихъ нашихъ бессарабскихъ Молдаванъ, или если не ихъ, то хоть ихъ страну, ея богатства, недостатки? Чтò было написано о ней у насъ до 50-хъ годовъ, то же остается и до сихъ поръ. Но чтò же именно? На сколько мнѣ извѣстно, кромѣ матеріаловъ для географіи и статистики Бессарабской области — г. Защука, и Статистики Бессарабіи — г. Горлова, нѣтъ ничего, на чтò можно было бы обратить вниманіе; но труды гг. Защука и Горлова для нашего времени ужъ устарѣли. Позже появились только Извлеченіе изъ свода мѣстныхъ бессарабскихъ законовъ Арменопуло, составленное г. Егуновымъ (Кишиневъ, 1869)¹⁾, да Замѣтки о гигиеническихъ условіяхъ Бессарабіи въ книжкѣ: Первый съѣздъ земскихъ врачей Бессарабской области (Кишиневъ, 1873), да г. Накко сталъ издавать года два - три тому назадъ выпусками свою „Исторію Бессарабіи“; но изъ этого послѣдняго сочиненія, судя по тому, чтò вышло до этихъ поръ, мало можно узнать о Бессарабіи и даже почти ничего, потому что о самой-то Бессарабіи въ ней и нѣтъ рѣчи.

Наконецъ, въ послѣднее время, по инициативѣ мѣстнаго преосвященнаго, стали помѣщаться въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ историко-статистическія описанія приходовъ, но эти описанія составляются по одному шаблону и не всегда людьми умѣющими, а потому ими можетъ пользоваться только человѣкъ, хорошо знакомый съ характеромъ страны. Кромѣ епархіальныхъ вѣдомостей, матеріаломъ для изученія Бессарабіи могли бы служить Записки и Труды статистическаго комитета (три тома) и мѣстныя Губернскія Вѣдомости, но изданія эти заключаютъ въ себѣ только сырой матеріалъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи изученія Румыновъ мы почти вовсе

¹⁾ Въ прежнее время у насъ появилось и по этой части нѣсколько книжекъ, а именно: *Линовскаго*, О мѣстныхъ бессарабскихъ законахъ. Одесса. 1842. Краткое содержаніе законовъ извлеченныхъ изъ царскихъ книгъ. *Донича*. Кишиневъ, 1850. Переводъ ручной книги законовъ или такъ называемаго шестикнижія. *Арменопуло*. Кишиневъ, 1850.

не пользуемся нашими Молдаванами, какъ австрійскіе Нѣмцы—Румынами Трансильваніи, Боснаты и Буковины.

Также ли относятся къ намъ и Румыны, какъ мы къ нимъ, въ этомъ отношеніи? Отчасти да, но только отчасти, потому что многіе изъ нихъ, и особенно люди, занимающіеся наукой, знакомы довольно хорошо съ русскою литературой, преимущественно ученою. Во всякомъ почти румынскомъ сочиненіи, касающемся прошлаго, старины, археологіи и т. п. Румыніи можно встрѣтить ссылку на русское сочиненіе и на сочиненія, написанныя на какомъ-либо изъ славянскихъ языковъ. Значить, и у Румыновъ есть люди, хорошо понимающіе интересы науки. Конечно, знакомство Румыновъ съ нашею литературой нужно приписать и тому, что нѣкоторые изъ Румыновъ оканчивали свое образованіе въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — духовныхъ академіяхъ и университетахъ; такъ многіе изъ высшихъ духовныхъ въ Румыніи получили образованіе въ Россіи. Эти-то лица и слѣдятъ за нашею литературой, не смотря на то, что доставка русскихъ книгъ въ Румынію очень затруднительна. Кромѣ того, въ Румыніи обращаютъ серьезное, какъ видно, вниманіе на тѣ стороны русской жизни, которыя имѣютъ непосредственное соприкосновеніе съ ихъ жизнію; такъ, еще недавно (1871 г.) епископъ Нижне-Дунайской епархіи Мелхиседекъ, окончившій курсъ въ Кіевской духовной академіи, издалъ книгу о русскихъ старообрядцахъ, собственно Липованахъ, составивъ ее по русскимъ авторамъ и по румынскимъ источникамъ, трудъ довольно обстоятельный, написанный съ званіемъ дѣла и представляющій для насъ много совершенно новаго о старообрядцахъ и раскольникахъ, живущихъ въ Румыніи; здѣсь между прочимъ авторъ помѣстилъ и нѣсколько раскольничьихъ стихотвореній, неизвѣстныхъ еще въ печати.

При такомъ нашемъ незнакомствѣ съ языкомъ, а слѣдовательно, и съ литературой Румыновъ, понятно, что намъ приходится въ случаѣ нужды обращаться къ нашимъ устарѣлымъ сочиненіямъ, на что мы не охотно рѣшаемся, или что дѣлается чаще, къ иностраннымъ, написаннымъ Французами, Нѣмцами и др. Но выше ужъ упомянуто о томъ, какого рода по большей части бываютъ эти сочиненія и особенно предназначенныя для публики. Если въ трудѣ такого извѣстнаго ученаго, какъ Мейеръ, встрѣчаются и невѣрные отзывы, какъ, напримѣръ, объ этимологическомъ словарѣ Чяака ¹⁾, или если

¹⁾ См. *Филол. Записки* 1874 г. в. IV, переводъ *Кирпичникова*.

Реслеръ допускаетъ такія нелѣпости, какъ, напримѣръ, въ объясненіи слова сыкъ, то чего жъ ожидать отъ Пико и ему подобныхъ. Поэтому намъ необходимо познакомиться, такъ сказать, съ самимъ подлинникомъ, непосредственно съ самими Румынами. Для изученія своего прошлаго и настоящаго, Румыны сдѣлали положительные успѣхи; достаточно привести два имени—Леуреану и Хышдеу, лицъ, сдѣлавшихъ довольно много для отечественной исторіи, лингвистики и другихъ отраслей историко-филологическаго званія. Послѣдній работаетъ и понимѣ и извѣстенъ западно-европейскимъ ученымъ. Но кромѣ этихъ двухъ, есть и другіе румынскіе ученые, заслуживающіе полнаго вниманія; масса статей по румынской исторіи помѣщается въ ихъ журналахъ и газетахъ, да, кромѣ того, существуетъ у нихъ довольно порядочная литература по этому предмету. Завелись у нихъ и ученые журналы, посвященные исторіи, лингвистикѣ и проч.; одинъ изъ самыхъ интересныхъ и заслуживающихъ полнаго вниманія ученыхъ — это *Colușna lui Traian*, редакторомъ коего состоитъ г. Хышдеу.

Богданъ Петричейку-Хышдеу—одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей Румыніи на ученомъ поприщѣ въ настоящее время; онъ, какъ хорошій знатокъ сравнительнаго языкованія, состоитъ профессоромъ по этой каедрѣ въ Букурештскомъ университетѣ. Не менѣе хорошо знакомъ онъ и съ исторіей и археологіей Румыніи, что доставило ему мѣсто директора національнаго архива въ Букурештѣ. Какъ уроженецъ русской Бессарабіи, онъ получилъ образованіе въ Россіи, въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ имѣлъ возможность основательно изучить русскій языкъ и хорошо познакомиться съ другими славянскими нарѣчіями и ихъ литературами. Это послѣднее обстоятельство служить для его ученыхъ работъ большимъ подспорьемъ. Весьма естественно послѣ этого, что г. Хышдеу сдѣлалъ много и продолжаетъ еще дѣлать для славянской исторіи, и съ этой стороны, труды его заслуживаютъ полнаго вниманія русской науки ¹⁾. Большую услугу г. Хышдеу оказалъ не только Румыніи, но и намъ, издавшемъ многихъ памятниковъ, между которыми много славянскихъ, въ Румынскомъ историческомъ архивѣ (*Archivă istorică a României, București. 1865—1867. Три большіе тома*). Результатъ его историко-филологическихъ занятій составляетъ его „Критическая исто-

¹⁾ Таково мнѣніе одного изъ нашихъ славистовъ г. профессора Будиловича, см. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1874 г., декабрь, стр. 17.

рія Румыновъ" (*Istoria critică a Românilor*), первый томъ которой вышелъ сравнительно недавно, а между тѣмъ уже выдержалъ второе изданіе еще въ 1874 г.,—и кромѣ того, много очень интересныхъ и капитальныхъ трудовъ и статей, помѣщаемыхъ имъ почти въ каждомъ номерѣ *Columna lui Traian*¹⁾.

Columna lui Traian — ежемѣсячный журналъ въ три и болѣе листа; онъ издается съ 1870 г. и до 1876 г. былъ посвященъ исторіи, наукамъ экономическимъ, праву, естествознанію, поэзи, библиографіи, литературѣ, и проч.; за это время онъ состоитъ изъ семи большихъ томовъ; съ 1876 же года начинается новая серія его, посвященная исключительно исторіи, лингвистикѣ и народной психологіи.

Изъ трудовъ г. Хындеу, помѣщенныхъ въ его журналѣ, безспорно первое мѣсто занимаетъ критико-историко-филологическое изслѣдованіе о еракійскомъ элементѣ въ русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ исторіи румынскаго языка“. Въ первомъ томѣ новой серіи онъ помѣстилъ довольно подробный разборъ, сдѣланный съ знаніемъ дѣла, только двухъ словъ: 1) *ghiuj* (гюж=старичекъ, въ бранномъ и ироническомъ смыслѣ), которое находится въ родствѣ съ алб. *ghius* (гюш=дѣдушка), и 2) неупотребит. *ghiov* отъ употреб. *peghib* = глупый, затѣмъ некрасивый, невзрачный, которое одного корня съ болг. хубавъ, сербск. убав, перс. *khûb*, санск. *svabha*, греч. *σοφός, σαφής, σοφρός*, латинск. *sibus, subidus*, ирландск. *sab*, нѣм. *swabe*. Не лишены также интереса филологическія замѣтки въ *post-scriptum* г. Чихаку по поводу „Этимологическаго словаря дако-румынскаго“ этого послѣдняго; здѣсь г. Хындеу указываетъ сильныя промахи составителя, а также отвѣчаетъ Эмилю Пико по поводу статьи его о румынской литературѣ и этюда о румынскомъ нарѣчій въ Банатѣ. За отрывками первое мѣсто занимаетъ статья издателя: „Бодуэнъ-де-Куртенъ и славяно-туранскій діалектъ въ Италіи. Какимъ образомъ перешли славянскіе элементы въ румынскій языкъ“, въ которой авторъ, сказавъ о достоинствахъ и не-

¹⁾ Изъ другихъ трудовъ г. Хындеу заслуживаютъ вниманія: *Национальная промышленность въ связи съ принципомъ конкуренціи*. — *Ионъ воевода Толстый 1865*. — *Жизнь и сочиненія Луки Строича*. — *Литературный анализъ объ иноземцахъ: Вольфъ, Райчевичъ, Евтропій, Палаузовъ, и др.* — 1864. — *Исторія вѣротерпимости въ Румыніи: протестанты, католики, мухамедане, старообрядцы и евреи 1865*. — *Основанія сравнительной филологіи и др.*

достаткахъ послѣдняго труда профессора Бодуэнъ-де-Куртене: Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ (Резьянскій катихизисъ), на основаніи довольно остроумныхъ, но не всегда строго точныхъ сравненій приходитъ къ заключенію, что славянскій элементъ въ румынскомъ языкѣ силенъ на столько, на сколько италіанскій въ резьянскихъ говорахъ. Эта статья имѣетъ нѣкоторый интересъ для славистовъ-филологовъ. Кромѣ того, г. Хышдеу помѣстилъ нѣсколько довольно интересныхъ критико-библіографическихъ замѣтокъ на разные сочиненія по лингвистикѣ, въ которымъ нужно присоединить еще мелкія, но довольно важныя историко-филологическія замѣтки по вопросамъ топографическимъ и языкованія. Сюда должно отнести и его замѣтки и статьи по народной психологіи и словесности, между которыми весьма интересны нѣкоторыя его сравненія, какъ напримѣръ, „заговора румынскаго съ санскритскимъ“ прогивъ физической слабости (итал. scadimento, нѣм. schwinden) (стр. 335—336); или „Малорусская народная поэзія въ связи съ исторіей Румыніи“ — по поводу изданія „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“ В. Антоновича и М. Драгоманова, гдѣ г. Хышдеу выбираетъ мѣста изъ малорусскихъ думъ, относящихся къ исторіи Румыніи, затѣмъ сравниваетъ ихъ съ аналогическими мѣстами румынскихъ балладъ, напримѣръ, „Місѳга (Овечка)“ и „Смерть казака и конь“. Въ румынской балладѣ роль казака играетъ пастушокъ, а коня — овечка (oita), которой первый предъ смертью завѣщаетъ сказать Вранчану и Уигуряну, его хозяевамъ, что онъ женился на „прекрасной королевѣ, всемірной невѣстѣ, и на свадьбѣ его упала звѣзда, а солнце и луна держали вѣнецъ, буки и ясени были свадебные гости, высокія горы — священники, птицы — музыканты, да кромѣ того на свадьбѣ были тысячи птичекъ, факелами были звѣзды. Но если спросить старая мать, подвязанная поясомъ изъ волны, ходя по полямъ и со слезами на глазахъ спрашивая всякаго встрѣчнаго: а кто могъ распознать, кто видѣлъ красиваго и стройнаго пастушка, какъ будто проведеннаго черезъ кольцо; личико его — молочныя сливки, усыкъ его — пшеничный колосъ, волосикъ его — перо ворона, глазки его — полевныя ожени...!“ то сказать, что женился на дочери короля на аршинѣ земли, но не сообщить ей, что звѣзда упала... Подобную аналогію можно найдти и въ французскихъ народныхъ пѣсняхъ изъ подъ Меца: „L'amant noyé“ и „Le deserteur“ (Comte de Puymaigre. Chants populaires du pays Messin. Paris, 1865). Въ думѣ: „Алеша Поповичъ и буря на Черномъ морѣ“ названіе: Біларанська земля

(1-й вариантъ), Арабска земля (вар. 8-й), земля Орабска (вар. 6-й), относится къ Бессарабіи, на что указываетъ и „Черное море“. Изъ слова Бессарабія чрезъ постепенное фонетическое измѣненіе, упомянутая выше дума, по первому варианту, сдѣлала „Биларанія“, то есть, бѣлая арабія; отъ этой же „Билараніи“ чрезъ отбросъ начального „біл“ осталось въ вар. 8-мъ „Арабія“, откуда потомъ въ вариантахъ 6-мъ и 7-мъ вышла болѣе искаженная форма «Орабія». Въ концѣ концовъ имя „Арабовъ“ подсказала народному воображенію по закону ассоціаціи идей, другое имя „Агаровъ“ или „Агаряцъ“; оба эти названія относятся одинаково къ „невѣрнымъ“ и вообще къ мухамеданамъ, и такимъ образомъ, вмѣсто „Арабія“ или „Орабія“, мы встрѣчаемъ въ нар. 3-мъ и 4-мъ: „Агарія“ и „Агаранія“. Тотъ же процессъ измѣненія видимъ и въ самое древнее время, когда Сербы и Болгары арабизовали Бессарабцевъ на Ольтѣ, процессъ, чрезъ посредство котораго малорусскія думы, благодаря количеству вариантовъ, даютъ намъ возможность, такъ сказать, указать пальцемъ и прослѣдить шагъ за шагомъ всѣ преемственныя фазы преобразования (стр. 334). Г. Хышдеу еще въ „Критической исторіи Румыновъ“, (т. I-й, изд. 2, стр. 98 — 99), указалъ, что въ сербско-болгарскомъ народномъ эпосѣ Румыны являются (иногда въ простой игрѣ словъ) съ эпитетомъ „Арабовъ“ отъ начальной династіи „Бессарабовъ“. На происхожденіе этого названія уже давно обратилъ вниманіе Сильвестръ де-Саси; по его мнѣнію, оно произошло отъ названія императоровъ изъ фамиліи Флавіевъ, и именно во время Веспасіана и сына его Тита, когда Евреи и Арабы впервые познакомились близко съ Римомъ. Такъ какъ весь римскій народъ безъ исключенія для Евреевъ и Арабовъ такимъ образомъ носилъ названіе Флавіевъ, то есть, люди Флавіевъ, по восточному обычаю, то впоследствии времени, когда это значеніе утерялось, слово *flavus* было переведено съ латинскаго на еврейскій словомъ *едомъ* и арабскій — *аласфоръ*, что значитъ желтый, съ красноватымъ оттѣнкомъ, лимоннаго цвѣта ¹⁾. Но очевидно, такое объясненіе слишкомъ натянуто. На половину объясняетъ его самъ г. Хышдеу; онъ говоритъ: „Политическая смѣсь тогдашнихъ Румыновъ съ воинственнымъ племенемъ Кумановъ, которымъ принадлежала вся сѣверная и восточная часть нынѣшней Мол-

¹⁾ *Silvestre de Sacy*, *Fables de Bidpai en hébreu* въ *Notices et extraits*, t. 9. Paris 1813, прим. на стр. 437—8; см. также *Istoria critică a Românilor* or t. I, pag. 97.

дави, превращаетъ насъ, нѣкоторымъ образомъ, въ Татаръ; съ другой стороны. названіе династїи Бесс-Арабовъ бросаетъ, такъ сказать, на насъ отгѣнокъ червоты, и такимъ образомъ, въ одно прекрасное утро самые знаменитые наши князья Валашскіе очутились татаризованными и въ то же время арабизованными по милости монарховъ со-сѣдней намъ Сербїи, съ которыми породнились потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, выдавая своихъ дочерей за ихъ сыновей“ ¹⁾).

Къ разсматриваемому отдѣлу относятся еще статьи: „Кукушка и горлица у Румыновъ и Персіанъ“ (40 — 404) и „Рѣзвость дѣвицы“ (371 — 376). Слѣдуетъ еще упомянуть о „Народной румынской ботаникѣ“ (замѣтка), а также о „Ясени и маленькомъ виноградникѣ“ (албанская народная баллада; текстъ, переводъ и примѣчаніе). Не лишена интереса и замѣтка издателя: „Народная италянская поэзія“ и frunde-verdi (по поводу книги др. Г. Шухардта „Rittornell und Terzine, Halle, 1864), въ которой г. Хышдеу выводитъ, что румынское frunde verdi различно отъ италянскаго fiore, которому соответствуетъ въ русской народной поэзіи „цвѣтокъ“, а въ румынской flo're, floriceâ, florice. Frunde verdi въ румынской народной поэзіи чрезвычайно распространено; имъ начинается почти каждая народная пѣсня, за весьма рѣдкими исключеніями ²⁾. Но я позволяю себѣ придавать болѣе правдоподобія и фактическаго основанія словамъ арабскаго писателя Фируз-Абади, который говоритъ, что Румыны рождались отъ брачнаго союза Италянокъ съ эѳіопскими мужьями, вслѣдствіе чего, то-есть, такой смѣси, произошло поколѣніе красноватаго цвѣта ³⁾; это показаніе достаточно объясняетъ намъ геральдическій ребусъ Бассарабовъ ⁴⁾, сохраненный для насъ Голландцемъ Левиномъ Гульсіемъ ⁵⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ ребусъ до нѣкоторой степени подтверждаетъ самое показаніе.

Изъ историческихъ статей г. Хышдеу обращаетъ на себя внима-

¹⁾ Op. cit., 99.

²⁾ Подробно о томъ см. у г. Хышдеу въ Ist. crit. a Român., t. 2, p. 79 и сл.

³⁾ Ib. 97.

⁴⁾ Три негритянскія головы.

⁵⁾ Chronologia, das ist ein kurze beschreibung was sich in den ländern, so in dieser hierzugehörigen Landtafel begriffen, biss auff dieses 1597 jahr gedencck würdigs verlauffen. Sine loco, typis Christ. Lochneri, 1597 in 4 л. Die Donau, der Fürst aller Europäischen Flüsse, Nürnberg, 1688, in 16, tabel. B. 9, (очень рѣдкая книга). Обо всемъ этомъ см. въ Ist. crit. a Rom., t. I, стр. 95 — 96, примѣч. 1 и 7.

ніе преимущественно его статья: „Страница изъ исторіи печати у Румыновъ въ XVI вѣкѣ“ (съ рисункомъ), въ которой авторъ описываетъ „фоліантъ безъ начала и безъ конца, въ пятнахъ, расшитый, изорванный, но который“, несомнѣнно, составляетъ „одну изъ драгоценностей румынской типо-кеилографіи“ (стр. 200). По тексту это „Пентикостарій“ на церковно-славянскомъ языкѣ, сербской редакціи, въ кожанномъ переплетѣ (нач. XVIII), темнаго цвѣта, на которомъ, то-есть, на переплетѣ стоитъ дата покупателя 7250 (1742 г.); по надписи, сдѣланной позднѣйшею рукой, онъ принадлежалъ церкви въ селѣ Фурдуюштахъ ¹⁾, въ дистриктѣ Аргеша. Найденъ въ библиотекѣ Букурештской духовной семинаріи директоромъ опой г. Барбу-Константинеску. Г. Хышдеу не обращаетъ вниманія на значеніе его для филологіи, то-есть, на языкъ, предоставляя этотъ трудъ славистамъ; его интересуетъ внѣшняя сторона фоліанта. листы котораго не нумерованы, а чрезъ каждыя 16 страницъ обозначенъ счетъ печатныхъ листовъ. Осматривая бумагу, которою обнесенъ переплетъ, г. Хышдеу совершенно неожиданно наткнулся на печатанный отрывокъ—отрѣзокъ „повелѣніе“ Іоѡ Шърбана Воеводы (1679—1689) объ освобожденіи отъ податей какихъ-то его слугъ; это первое печатное постановленіе по этому предмету, открытое до этихъ поръ. Этотъ фоліантъ г. Хышдеу относитъ ко времени правленія Мирчи-воеводы, которому посвящены: „Апостоль“ и „Октоихъ“, то-есть, къ 1550 году.

Но самое важное въ Пентикостаріѣ, на что обращаетъ вниманіе г. Хышдеу, это начальныя буквы съ фигурами, виньетки и въ особенности изображенія или рисунки. Я передамъ подлинныя слова г. Хышдеу: „Начальныя буквы съ фигурами у Румыновъ, или точнѣе, въ валашской печати XVI в. появились въ 1507—1512 г. по подражанію заглавнымъ буквамъ въ рукописяхъ болѣе древняго времени, но къ 1550 г. онѣ стали передѣлываться чрезъ посредство кое-какихъ безвкусныхъ дополненій, сохраняя при этомъ первоначальный характеръ—дерева и плетенаго тростника, соответственно природѣ Румыніи, покрытой въ то время самыми непроходимыми лѣсами, откуда и поэтическая страсть у Румыновъ къ *frunde-verde*“ (стр. 205). Румынскія виньетки совершенно различны отъ византійскихъ, сербскихъ, русскихъ и вообще западныхъ и восточныхъ средневѣковыхъ, относящихся къ половинѣ XVI вѣка и временамъ болѣе позднимъ

¹⁾ Что онъ былъ тамъ еще прежде, показываетъ подпись священника: „Първу отъ Фурдуюшта. Лѣт. 7178 (1670)“.

онѣ представляютъ нѣчто оригинальное, національное, безъ всякаго подобія съ другими народами. Для нѣкотораго разъясненія этого вопроса приводятся г. Хышдеу слова англійскаго румынофоба Чарльза Бонера, который говоритъ: „Ковры, приготовляемые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Трансильваніи простыми поселенками, такъ красивы, что могли бы служить однимъ изъ лучшихъ украшеній любаго салона въ Парижѣ или Лондонѣ. Удивительный вкусъ у поселянокъ въ выборѣ и согласованіи цвѣтовъ; фигуры съ основаніемъ въ восточномъ вкусѣ представляетъ совершенную собственность Румыновъ. Комбинація красокъ и очертаній составляетъ безконечное разнообразіе; выборъ ихъ для поселянокъ такъ легокъ, какъ и расположеніе самой этой мозаики“. Затѣмъ: „Румыны занимаются также плетеніемъ корзинокъ изъ тростника, которыя, будучи сами по себѣ просты, въ то же время просто прелестны. Иногда это столь незамысловатое произведеніе приобретаетъ изящный видъ, и это можно объяснить только особеннымъ вкусомъ этого народа къ арабескамъ“¹⁾. Эти нѣсколько словъ Бонера могутъ отчасти дать понятіе о томъ, въ чемъ состоитъ румынизмъ виньетокъ „Пентикостарія“. Изображенія важны для исторіи ксилографической живописи въ Румыніи въ XVI в. Въ Пентикостаріи восемь изображеній эпизодовъ изъ земной жизни Спасителя, съ славянскими надписями: 1. Страданіе Спасителя безъ надписи. 2. Погребеніе Христово. 3. Воскресеніе Христово. 4. Христосъ явился прѣжде Маріи (послѣ воскресенія). 5. Христосъ исцѣлила ослаблена Ѡ аи лѣт. 6. Христосъ учитъ въ свѣтилище іудейское. 7. Вознесеніе Господне. 8. Христосъ проситъ водѣ Ѡ жени самарѣянина.

Такъ могъ писать только Румынъ и притомъ не хорошо знакомый съ славянскимъ языкомъ. По контуру и перспективѣ горы и другіе предметы на изображеніяхъ Пентикостарія гораздо натуральнѣе, чѣмъ, напримѣръ, на картинѣ Іоанна Госсерта (Gossairt) (1470—1532), находящейся въ Национальномъ баварскомъ музеѣ (сал. 2, № 99), или же на картонахъ того же времени, сохраняющихся въ богатой коллекціи Лувра. Лица и обстановка на румынскихъ изображеніяхъ одного характера съ извѣстными пятью картинами италіанской школы Бартоломео Виварини (1449—1499 гг.) въ Бельведерской галереѣ въ Вѣнѣ, или со многими другими картонами нѣмецкими той же эпохи въ Национальномъ баварскомъ музеѣ, напримѣръ, Шухлейна (1468—1502 г.)—(сал.

¹⁾ Transylvania, its products and its people, p. 241—252.

I, № 13) или Вагнера (1490—1520 г.)—(сал. I, № 40), Голбейна и др. Головы лицъ вообще маленькія, а туловища соразмѣрныя—знакъ законченности искусства. Композиція, то-есть, господствующая мысль и расположеніе элементовъ плана, сдѣланы совершенно въ новомъ вкусѣ, такъ что они и теперь смѣло могутъ служить образцомъ для любого церковнаго живописца.

Этотъ фоліантъ г. Хышдеу относитъ ко второму періоду, которыхъ въ исторіи румынской печати три.

Первый періодъ самый разработанный, благодаря трудамъ г. Одобеску (въ *Revista Română*); къ нему относятся два изданія на славянскомъ языкѣ: 1) Литургія, изданная въ 1507 г. по повелѣнію Мирчи-воеводы; единственный экземпляръ ея принадлежитъ монастырю Быстрицѣ; 2) Евангеліе, напечатанное въ 1512 г. въ правленіе господаря Нягое Бессараба. Пергаменная рукопись находится въ музеѣ въ Бухурештѣ, а печатные экземпляры во многихъ библіотекахъ Россіи, Сербіи, Чехіи и др. Оба эти изданія сдѣланы въ Валахіи стараніемъ „монаха и священника Макарія“, откуда и названіе періода Макаріевскій.

Средній періодъ обнимаетъ время между 1540—1570 гг., онъ менѣе всего разработанъ: къ нему относятся пять изданій: 1) Апостоль, напечатанный въ Търговиштѣ въ 1547, in fol., по повелѣнію Мирчи-воеводы. 2) Извлеченіе изъ „Октоиха“ того же времени. 3) Молитвенникъ, изданный, какъ доказалъ г. Хышдеу (197—199 стр.), между 1560 и 1567 гг., по повелѣнію Петра, сына Мирчи-воеводы ¹⁾. 4) „Часловъ“, то-есть, Часословъ, отъ котораго удалось г. Одобеску найти только кое-какіе отрывки въ монастырѣ Быстрицѣ; печать та же, что и въ „Молитвенникѣ“; 5) Описанный „Пентикостарій“. Этотъ періодъ г. Хышдеу называетъ Мирчіевскимъ, по имени господаря Мирчи, по повелѣнію и подъ покровительствомъ котораго сдѣлана была большая часть изданій.

Третій періодъ менѣе разработанъ, чѣмъ первый; къ нему относятся извѣстныя до этихъ поръ два изданія: 1) Псалтырь на славянскомъ языкѣ, изданный діакономъ Коресси по повелѣнію Александра-воеводы въ Валахіи, по мнѣнію г. Хышдеу (стр. 195), въ 7085 (1577 гг.); первая книга, изданная въ Румыніи съ опредѣленною датою; единственный экземпляръ въ національномъ музеѣ въ Прагѣ. 2) Другая

¹⁾ Шафарикъ относитъ изданіе это ко времени Петра-воеводы, именно между 1534 и 1536 г., но это невѣрно.

Псалтырь на славянскомъ и румынскомъ языкахъ, изданная тѣмъ же діакономъ Коресси и въ томъ же году по неофициальной инициативѣ въ Валахii же; до насъ дошло три экземпляра этой Псалтыри: первый въ библиотекѣ въ Букурештѣ, другой въ императорской библиотекѣ въ Вѣнѣ и третій—принадлежавшій покойному Георгію Саулеску. Въ обоихъ этихъ изданiяхъ печать мелка и нечиста, и менѣе округлена, чѣмъ въ первомъ періодѣ, а бумага толстая. Этотъ періодъ называютъ Корессіевскимъ по имени діакона Коресси, трудами и стараніемъ котораго изданы были эти книги.

Шафарикъ относитъ къ этому же періоду еще два изданiя: 1) Постную Трiодъ, на славянскомъ языкѣ in fol., изданіе Коресси, безъ означенiя года. 2) Евангеліе, изданное тѣмъ же Коресси, in fol., въ 1579 г., безъ означенiя мѣста изданiя ¹⁾).

Не безынтересна также статья: „Баба-Новакъ (эпизодъ изъ исторiи Михаила Храбраго)“, гдѣ г. Хышдеу описываетъ похождение этого румынскаго гайдука, черты характера котораго, какъ вообще бываетъ, почти во всемъ сходны съ чертами южно-славянскихъ гайдуковъ.

Важенъ трудъ г. Хышдеу: „Происхождение Крайовы (Originale Craiovei (1230—1400 г.)“, гдѣ авторъ излагаетъ исторiю имени Крайовы; статья эта интересна и для славистовъ ²⁾). Не лишены интереса изданные впервые г. Хышдеу латинскіе документы: изъ библиотеки палаццо Дорiа-Пацфили въ Римѣ, относящiеся къ исторiи католицизма въ Румынii (1601—1606 г.), также румынскіе—изъ библиотеки Баттiани въ Альбѣ Юліи (1631—1633 г.), относящiеся до исторiи разныхъ румынскихъ государей, и затѣмъ прошеніе на румынскомъ языкѣ отъ монастыря Козiа ³⁾, 1723 г., австрiйскому губернатору князю Кёнигсегу по дѣламъ монастыря.

Накопецъ, не лишнимъ будетъ обратить вниманіе нашихъ славистовъ и историковъ на имѣющіе издаваться матеріалы для румынской исторiи, извлеченные изъ польскихъ и другихъ славянскихъ ар-

¹⁾ *Safarik*, Geschichte des serbischen Schriftthums. Prag. 1865, p. 279—80, 284, 296.

²⁾ Содержаніе слѣдующее: церковь св. Димитрiа въ Крайовѣ. Король Iова. Преданіе. Хронистъ Альберикъ. Альберикъ въ Венгріи. «Команы» на Ольтѣ и «Команы» на Дунаѣ. «Границы Комановъ» (славянская грамота). Союзъ короля Iова съ Франками. Родъ Nariot de Toucy. Король Iомъ у Жуанвилля.

³⁾ Монастырь Козiа, находящiйся въ Ольтенiи, занятъ былъ Австрiйцами въ 1717 г. и оставался за ними по Пожаровацкому трактату до 1739 г., когда былъ возвращенъ Румынамъ по Бѣградскому трактату.

хивовъ, для обозрѣнія которыхъ, г. Хышдеу былъ командированъ въ Австрію въ 1876 году.

Въ журналѣ г. Хышдеу участвуютъ лучшія ученныя силы, какъ мѣстныхъ, такъ и заграничныхъ Румыновъ, какъ, наиримѣрь, гг. Одобеску, Есарку, Ксеноповъ, Маріенеску и другіе; нѣкоторые изъ трудовъ ихъ также имѣютъ право на вниманіе славистовъ и нашихъ историковъ. Отмѣчу, наиримѣрь, труды г. Точилеску, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія „Критическое изслѣдованіе о румынскихъ лѣтописяхъ (какъ изданы наши лѣтописи)“; въ первой части, помѣщенной въ I-мъ томѣ журнала, авторъ довольно обстоятельно рассматриваетъ существующія изданія румынскихъ лѣтописей и хроникъ и отзывается о нихъ не всегда лестно. Но самый интересный его трудъ—это статья его: „Надпись на епитрахили изъ Станештъ“ (со снимкомъ). Эта славянская надпись уже подверглась разбору Кукулевича-Сикцинскаго (въ *Jzvjestje o putovanju kroz Dalmaciju u Napuli i u Rim. U Zagreb. 1857.* и *Arkiv za povjestnicu jugoslavensku t. 4. Zagr. 1857, p. 344 sqq.*), Миклошича (въ *Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosniae, Ragusii, Wiennae. 1858, p. 1*) и затѣмъ Реслера (въ *Rumänische Studien, p. 93 sqq.*). Румыны уже давно обратили вниманіе на эту надпись. Каноникъ Тиль Чипарю первый возбудилъ вопросъ о румынскомъ происхожденіи надписи, а слѣдовательно, и самой епитрахили, подаренной, по его мнѣнію, какимъ-нибудь бояриномъ-Румыномъ означенному въ надписи монастырю (*Arhiva pentru filologiä si istoriä, 1868*). Затѣмъ г. Хышдеу, въ своей статьѣ: „Славянскій языкъ у Румыновъ“, первый доказалъ на основаніи липидарныхъ памятниковъ, актовъ и современныхъ хроникъ и даже языка самой надписи ¹⁾, что, во первыхъ, Кукулевичъ-Сакцинскій и Миклошичъ неправильно прочли годъ — 1114, принявъ цифру *З* за *А*, и что, во вторыхъ, „жупан Строе Вел столник“ надписи есть извѣстный генералъ господаря Михаила Храбраго, Строе Бузеску, а „жупаница Сима“ — его супруга; выводъ сдѣланъ такой, что супруга Строе подарила епитрахиль монастырю въ Станештахъ, основанному Бузеску, въ промежутокъ времени съ 1-го сентября 1600 г. по 1-е сентября 1601 г. включительно, такъ какъ 2-го октября 1601 Строе уже умеръ ²⁾. Паконецъ, и самый

¹⁾ «Жупаница», «монастырь» — формы церковно-славянскаго языка въ Румыніи XVI—XVII вв.

²⁾ *Traian*, годъ I, №№ 82, 86 и 90, статья: Станештская надпись. О родѣ

монастырь находится въ Румыніи за Ольтой. Г. Точилеску реставрируетъ надпись такимъ образомъ:

ЖУПАН СТРОЕ ВЪЛ СТОЛНИКЪ

ЖУПАНИЦА ЕГО СИМА :-:

В[Ъ] ЛѢТ[О] 3'РДІ (1606).

Сіо петрахи[з] да вѣдет[з] монастырь ѿ Стэнешіи.

Не менѣе интересенъ трудъ г. Джорджеску „Цезарь Дапонте и его записки о Румыніи“. Цезарь Дапонте жилъ во второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. Важна для насъ его „Хроника“¹⁾, напечатанная Сабою въ 3-мъ томѣ ново-греческихъ произведеній и переводится на румынскій языкъ авторомъ статьи о Дапонте; въ ней встрѣчаются нѣкоторыя данныя для исторіи нашего казачества. Очень хорошо и рельефно описаны въ ней нѣкоторыя событія, наиримѣръ, походъ Турокъ на Вѣну и осада Вѣны и др. Вообще хроника Дапонте, можно сказать, одинъ изъ самыхъ лучшихъ источниковъ для внутренней исторіи Турціи и Румыніи своего времени, отъ 1648 по 1704 г. Рельефнѣе всего выдаются въ этой хроникѣ интриги при султанскомъ дворѣ, частая смѣна визирей, греческихъ патріарховъ и Румынскихъ господарей. Дапонте почти все описываетъ, какъ очевидецъ, а потому изображаетъ событія очень живо и даже поэтично.

Затѣмъ стоитъ обратить вниманіе на славяно-румынскія грамоты, впервые обнародованныя въ журналѣ г. Хышдеу; и относящіяся къ XV — XVIII вѣкамъ, и на статьи г. Одобеску по археологіи: „Критическое изслѣдованіе о кладѣ, найденномъ въ Петроасѣ“²⁾ (I. Исторія открытія. II. Сковорода), въ которыхъ авторъ подробно описываетъ найденныя золотыя вещи, относя ихъ къ V в., ко времени пребыванія въ предѣлахъ нынѣшней Румыніи Готовъ. Не лишне

Бузеску см.: Монастыри, такъ называемые приклоненные въ Волчѣ и Аргешѣ г. Одобеску (Monăstiri le dise închinatе din Valcea și Arges в Col. lui Traian, 1873, № 10 sqq.) и Толическу: Viata fratilor Buzesci въ Foia societății «Românismul», годъ I (1871) и въ Col. I. Tr. 1871).

¹⁾ Полное заглавіе ея слѣдующее: Хроника Цезаря Дапонте. Исторія событий времени султана Махмета, въ визиратство Кеprили-Мегмета-паши, до дней султана Ахмета, сына того же султана Мехмета, когда былъ визиремъ Данадъ-Гасанъ-паша.

²⁾ Кладъ найденъ въ горахъ Штриць, не далеко отъ Бузеу въ северной Румыніи.

также упомянуть о почтенномъ и серьезномъ трудѣ г. Пападопуло-Калимаха, румынскаго эллиниста: „О не дошедшихъ до насъ древнихъ писаніяхъ, касающихся Дакии, въ которомъ авторъ собралъ отовсюду все, что написано было о Дакии, но не дошло до насъ въ подлинникѣ, а извѣстно только въ извлеченіяхъ, находимыхъ у разныхъ древнихъ и средневѣковыхъ авторовъ. Иногда въ трудѣ г. Пападопуло-Калимаха встрѣчаются довольно интересныя замѣтки, относящіяся къ Славянамъ.

Не слѣдуетъ еще оставить безъ вниманія и сказки и нѣсколько колядокъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ Валахій г. Испереску и Теодореску; тутъ встрѣчаются и такія сказки, которыя весьма интересно будетъ для науки сравнить съ русскими сказками, а также духовными стихами, какъ напримѣръ, сказку „Георгій Храбрый“ (George cel Vitéz, стр. 425—432) съ нашимъ стихомъ о Егоріѣ Храбромъ.

Кромѣ всего этого, въ журналѣ г. Хышдеу печатаются, иногда съ объясненіями, рѣдкія слова, какъ напримѣръ, областныхъ говоровъ, а также выраженія и пословицы, собранныя въ разныхъ мѣстахъ территории, занимаемой Румынами; это—матеріаль для будущаго полнаго словаря румынскаго языка. Г. Хышдеу обращается ко всѣмъ Румынамъ и не Румынамъ съ просьбой о сообщеніи ему такихъ матеріаловъ.

Въ концѣ перваго тома журнала г. Хышдеу приложенъ списокъ книгъ румынскихъ и о Румынахъ на другихъ языкахъ за три года—1874—1876 гг., подъ заглавіемъ: „Три года изъ румынской литературы“; но списокъ этотъ не совсѣмъ полонъ: въ него не вошли многочисленныя румынскія политическія газеты, а также нѣкоторыя диссертациі. Число книгъ доходитъ до 484; цифра, конечно, небольшая, но для Румыновъ нельзя сказать, чтобъ она была слишкомъ мала и даже свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ ихъ литературнаго развитія.

П. Сырку.

Италія. Herausgegeben von *Karl Hillebrand* (Италія. Изд. *К. Гиллебранда*). В. IV. 1877

Доселѣ вышло четыре тома этого сборника, издаваемаго г. Гиллебрандомъ, поставившимъ себѣ задачей знакомить нѣмецкую публику съ современнымъ состояніемъ Италіи. Мы говоримъ „съ современнымъ“ съ состояніемъ, ибо статьи сборника посвящены преимуще-

ственно теперешнимъ политическимъ, финансовымъ, экономическимъ, религиознымъ, литературнымъ и административнымъ вопросамъ на Апеннинскомъ полуостровѣ, но въкоторыя изъ нихъ не ограничиваются этими рамками, а касаются и прошлыхъ судебъ страны. Задачу свою исполняетъ г. Гиллебрандъ какъ нельзя болѣе успѣшно: между сотрудниками его находятся многіе изъ лучшихъ итальянскихъ писателей, какъ напримѣръ, гг. Виллари, де-Губернатисъ, Галленга, Бонги, а также писатели нѣмецкіе — Германъ Гриммъ, Гартвигъ, Ланге, Альфредъ Реймонтъ — приобрѣтшіе почетную извѣстность своими сочиненіями объ Италиі.

Не имѣя возможности перечислить все, что появилось наиболѣе замѣчательнаго въ сборникѣ „Italia“, остановимся лишь на послѣдней его книжкѣ, вышедшей въ свѣтъ въ концѣ истекшаго года.

Здѣсь прежде всего останавливаетъ наше вниманіе небольшая статья г. Паскале Виллари, извѣстнаго біографа Саванаролы и Маккиавелли, подъ заглавіемъ: „Чего иностранцы не примѣчаютъ въ Италиі“ (Was die Ausländer in Italien nicht bemerken). Написана она по поводу упрековъ, часто дѣлаемыхъ Италианцамъ, что хотя въ послѣднее время они совершенно измѣнили свое политическое устройство и перенесли на свою почву различныя учрежденія, которыми гордятся просвѣщеннѣйшія государства Европы, все-таки они достигли весьма незначительныхъ успѣховъ на пути своего внутренняго развитія. „Иностранецъ безъ особаго труда замѣчаетъ“, говоритъ г. Виллари, — „что новые законы, новые порядки не принесли ожидаемыхъ отъ нихъ плодовъ; онъ видитъ, напримѣръ, что у насъ существуетъ въ настоящее время судъ присяжныхъ, но что судъ этотъ дѣйствуетъ далеко не такъ удовлетворительно, какъ въ Англии; онъ видитъ, что и многія другія нововведенія не пустили надежныхъ корней и сѣшить заключить изъ этого, что итальянскій народъ находится въ упадкѣ, что онъ не обладаетъ достаточнымъ запасомъ нравственныхъ силъ и т. п.“. По мнѣнію г. Виллари, подобные выводы совершенно несправедливы. Невыгодныя условія для Италиі заключались въ томъ, что политическій переворотъ совершился въ ней слишкомъ быстро, что если она усвоила себѣ новые порядки, то этому не предшествовала въ самомъ обществѣ продолжительная научная, литературная и промышленная дѣятельность, которая могла бы обезпечить ихъ успѣхъ, что вслѣдствіе того Италию можно уподобить машинѣ, всѣ части коей готовы и какъ нельзя лучше прилажены, но недостаетъ только силы, способной сообщить ей движеніе. „Всякому понятно“, говоритъ авторъ, —

„что далеко не одно и то же основать университетъ тамъ, гдѣ является въ немъ потребность вслѣдствіе широкаго развитія науки, или основать его тамъ, гдѣ съ помощью его только стараются пробудить научныя стремленія; большая разница — построить желѣзную дорогу въ такой мѣстности, гдѣ промышленность и торговля уже достигли высокаго процвѣтанія и нуждаются лишь въ средствахъ сбыта, или построить ее тамъ, гдѣ производство и обмѣнъ товаровъ должны получить отъ нея толчекъ. Справедливо ли было бы и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ ожидать одинаковыхъ результатовъ? Намъ пришлось, на примѣръ, затратить не малое число милліоновъ, чтобы покрыть Италію сѣтью желѣзныхъ дорогъ, но при этомъ мы преслѣдовали исключительно политическія цѣли: улучшенные пути сообщенія служили средствомъ для объединенія страны, и все остальное было принесено этому въ жертву“. Статья г. Виллари, въ которой онъ старается доказать, что на основаніи темершняго состоянія Италіи нельзя дѣлать предсказаній относительно ея будущности, содержитъ въ себѣ много глубокихъ — и какъ кажется — вполне вѣрныхъ мыслей.

Очень интересна и другая статья сборника: „Религіозный вопросъ въ Италіи“. Авторъ ея, г. Витте, дѣлаетъ въ ней обзоръ того движенія противъ притязаній папства на свѣтское владычество, которое обнаруживается въ средѣ самого италіанскаго духовенства, а также попытокъ подобнаго же движенія въ свѣтскомъ обществѣ. Онъ излагаетъ ученія Джіоберти, Ливерани, Пассальи, Курчи, и слѣдитъ за исторіею ассоціаціи, имѣвшей цѣлью установить въ Италіи такъ называемую „національную католическую церковь“. Изъ остальныхъ статей особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: „Судебное устройство въ Италіи“ г. Одоардо Луккини, „Финансы Италіанскаго королевства“ г. Маврогонато и „Современные италіанскіе лирическіе поэты“ г. Фрейберга.

Но собственно насъ преимущественно интересуетъ статья объ италіанскихъ гимназіяхъ, написанная г. Бонги, который занималъ должность министра народнаго просвѣщенія и имѣетъ еще недавно слѣдовательно, возможность основательно судить объ избранномъ имъ предметѣ. Остановимся на ней нѣсколько подробнѣе.

Существующее нынѣ устройство гимназій въ предѣлахъ италіанскаго королевства, было установлено закономъ 15-го ноября 1859 года. „До того времени“, говоритъ авторъ, „учебныя заведенія, приготовлявшія у насъ молодежь къ университетскому образованію, ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, которыя существовали почти во всѣхъ като-

лическихъ странахъ Европы въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Особенно этотъ типъ сохранился въ школахъ, находившихся въ завѣдываніи духовенства, а такъ какъ именно духовенству поручаемо было воспитаніе огромнаго большинства молодыхъ людей, то и всѣ остальные ставили себѣ задачею сообразоваться съ ними. Греческому языку не учили вовсе, или очень мало; преимущественно занимались языками латинскимъ и отечественнымъ; математика была въ пренебреженіи, философія же отведена было видное мѣсто: вотъ тотъ курсъ, на который обречена была молодежь въ теченіе восьми лѣтъ, а иногда даже и болѣе. Изъ подобныхъ школъ выходили воспитанники съ легкимъ и по внѣшности блестящимъ образованіемъ, умѣвшіе при случаѣ щегольнуть латинскою цитатою, или даже сочинить советъ на латинскомъ языкѣ; характеръ этихъ молодыхъ людей отнюдь не пріобрѣталъ надлежащей зрѣлости: они или оставались отупѣвшими на всю жизнь, или же тотчасъ по выходѣ изъ школы становились жертвою перваго потока идей, который встрѣчали на своемъ пути“.

Печальное состояніе среднихъ учебныхъ заведеній давно уже требовало коренной реформы и упомянутый нами законъ 15-го ноября 1859 года имѣлъ въ виду удовлетворить этой потребности. На основаніи его возникли два разряда учебныхъ заведеній: классическія гимназіи и реальныя училища. Что касается этихъ послѣднихъ, то для нихъ назначенъ шестилѣтній курсъ; сообщая своимъ воспитанникамъ преимущественно спеціальныя свѣдѣнія, они даютъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно удовлетворительное общее образованіе. Курсъ реальныхъ училищъ примѣненъ къ потребностямъ различныхъ мѣстностей, а потому въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преобладающее значеніе имѣютъ въ этомъ курсѣ науки, относящіяся къ промышленности и торговлѣ, въ другихъ — къ сельскому хозяйству и т. д. Разумѣется, университетское образованіе недоступно для воспитанниковъ упомянутыхъ училищъ; но они могутъ поступать въ одно изъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, а именно въ Миланскій Техническій институтъ. Г. Вонги упоминаетъ впрочемъ лишь мимоходомъ о реальныхъ школахъ, и мы не можемъ почерпнуть изъ его статьи свѣдѣній о томъ, какими успѣхами ознаменовалась ихъ почти двадцати-лѣтняя дѣятельность.

Оригинальность гимназическаго устройства въ Италіи заключается въ томъ, что гимназія не составляетъ тамъ, какъ вездѣ, единаго учебнаго заведенія, а распадается на двѣ школы, находящіяся впро-

чемъ въ тѣсной связи между собою. Первая изъ этихъ школъ и называется собственно гимназіей, а вторая лицеемъ. Курсъ гимназіи продолжается пять лѣтъ, а лицея — три года, слѣдовательно, весь курсъ средняго учебнаго заведенія обнимаетъ восемь лѣтъ. Въ гимназіи преподають слѣдующіе предметы: греческій и латинскій языки, отечественный языкъ, ариметику, географію, исторію и греко-римскія древности; въ лицей — греческую и латинскую литературу, языкъ отечественный, главнѣйшія основанія математики, физику и химію, философію, исторію и естествовѣдѣніе.

Другая особенность италіанскихъ гимназій заключается въ томъ, что въ училищѣ, которое собственно называется гимназіей, преподаваніе ввѣрено класснымъ учителямъ, то-есть, въ каждомъ классѣ одинъ и тотъ же учитель обучаетъ всѣмъ предметамъ. Такъ какъ всѣхъ классовъ пять, то и учителей назначено такое же число. Напротивъ, въ лицейхъ преподаваніе различныхъ предметовъ распределено между отдѣльными учителями.

Занятія въ гимназіяхъ продолжаются отъ 15-го октября до 15-го августа. Если исключить праздники, то, по расчету г. Бонги, число учебныхъ дней въ году простирается отъ 200 до 220. Къ сожалѣнію авторъ не представилъ подробной таблицы уроковъ въ каждомъ классѣ, но ограничился лишь общимъ замѣчаніемъ, что въ теченіе всего восьмилѣтняго курса на италіанскій языкъ назначено 1420 часовъ, на латинскій 1296, на греческій 327, на исторію и географію 777, на ариметику и математику 590, на естествовѣдѣніе 174, на физику 261 и на философію (которая преподается въ двухъ высшихъ классахъ лицеевъ) 232.

Отнюдь нельзя сказать, чтобы законъ 15-го ноября 1859 года пользовался популярностью въ Италіи. Напротивъ, онъ возбуждаетъ противъ себя общее неудовольствіе по различнымъ причинамъ и прежде всего вслѣдствіе своего происхожденія. Предъ войною, которую Италіанцы, при содѣйствіи императора Наполеона III, вели съ Австріею, правительство облечено было широкимъ полномочіемъ и даже правомъ издавать законы безъ предварительнаго разсмотрѣнія и утвержденія ихъ парламентомъ. Графъ Кавуръ пользовался этимъ правомъ очень осторожно, въ предѣлахъ настоятельной необходимости, но когда послѣ Виллафранкскаго мира онъ вышелъ въ отставку, то преемникъ его г. Ратацци предоставилъ себѣ въ этомъ отношеніи полную свободу дѣйствій. Онъ былъ главнымъ виновникомъ и упомянутаго нами закона, хотя для изданія его благоразуміе очевидно

требовало выждать болѣе спокойнаго времени. Законъ 15-го ноября 1859 года былъ предназначенъ собственно для Пьемонта, Лигурии, Сардиніи и Ломбардіи, но впослѣдствіи, по мѣрѣ расширенія предѣловъ королевства, дѣйствіе его распространялось и на другія провинціи, причемъ правительство не стѣснялось подвергать его различнымъ измѣненіямъ. Эти измѣненія касались перѣдко самыхъ существенныхъ его частей, на примѣръ распредѣленія числа уроковъ для каждаго предмета. Въ 1867 году министръ народнаго просвѣщенія Коппино произвелъ существенныя перемѣны въ этомъ распредѣленіи, но въ 1872 году потребовалось сдѣлать то же самое, а въ 1874 году послѣдовала новая перемѣна. Лица, послѣдовательно занимавшія должность министра народнаго просвѣщенія, не стѣснялись въ этомъ отношеніи, потому что, какъ сказано выше, законъ 15-го ноября 1859 года состоялся безъ участія со стороны парламента, а парламентъ не препятствовалъ имъ опитамъ въ ожиданіи того, что въ скоромъ времени онъ призванъ будетъ заняться пересмотромъ уставовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Обратимся же въ дальнѣйшимъ подробностямъ устройства италіанскихъ гимназій. Выше уже было обращено нами вниманіе на то, что онѣ состоятъ изъ двухъ различныхъ училищъ, но училища эти такъ тѣсно связаны между собою, что повидимому не слѣдовало бы предъявлять никакихъ особыхъ требованій для перехода изъ одного изъ нихъ (низшаго) въ другое (высшее). Казалось бы, что ученикъ, успѣшно окончившій курсъ училища, называемаго собственно гимназіей, и получившій въ этомъ надлежащее удостовѣреніе, могъ бы безпрепятственно вступитъ въ лицей. На дѣлѣ видимъ противное. Для поступленія въ лицей непременно требуется особый экзаменъ и экзаменъ этотъ производится не преподавателями этого учебнаго заведенія, а комиссією изъ лицъ, не имѣющихъ съ ними ничего общаго. Только предсѣдателемъ этой комиссіи состоитъ директоръ лицея; что же касается до ея членовъ (числомъ четырехъ), то они назначаются въ каждой провинціи мѣстнымъ училищнымъ совѣтомъ, въ которомъ засѣдаютъ частью выборные отъ муниципальнаго управленія, а частью лица, назначаемыя министромъ народнаго просвѣщенія. Программа экзамена слѣдующая: 1) переводъ съ латинскаго языка на италіанскій; 2) переводъ съ греческаго языка на италіанскій; 3) переводъ съ италіанскаго на латинскій; 4) сочиненіе на италіанскомъ языкѣ; 5) письменный отвѣтъ изъ исторіи и географіи; 6) ариѳметическія задачи. Въ самое послѣднее время присоединенъ

сюда также и переводъ съ итальянскаго на греческій языкъ. Для каждаго письменнаго упражненія дается пять часовъ времени.

Мы говорили объ испытаніяхъ для перехода изъ гимназій въ лицеи. Что касается до выпускныхъ лицейскихъ экзаменовъ, на основаніи коихъ воспитанники получаютъ аттестаты зрѣлости, то до 1869 года устроены они были слѣдующимъ образомъ: въ каждомъ городѣ, гдѣ находится лицей, завѣдывали ими тѣ же самыя комиссіи, о которыхъ упоминали мы выше, но комиссіи эти имѣли право оцѣнивать только изустные отвѣты учениковъ; что же касается письменныхъ упражненій, то они поступали на разсмотрѣніе особой верховной комиссіи (*giunta esaminatrice*), члены коей назначаются исключительно министромъ народнаго просвѣщенія. Съ 1869 года она ограничиваетъ впрочемъ свою дѣятельность лишь тѣмъ, что разсылаетъ въ лицеи темы для письменныхъ упражненій и слѣдитъ за тѣмъ, какъ исполняютъ свои обязанности мѣстныя комиссіи, которымъ и предоставлено нынѣ производство экзаменовъ какъ письменныхъ, такъ и устныхъ. Окончательныя испытанія для полученія аттестатовъ зрѣлости состоятъ въ слѣдующемъ: 1) сочиненіе на итальянскомъ языкѣ; 2) переводъ съ итальянскаго на латинскій; 3) переводъ съ греческаго на латинскій въ связи съ устными отвѣтами изъ этимологіи и синтаксиса; 4) рѣшеніе математическихъ задачъ. Отвѣты изъ исторіи литературы, изъ исторіи, философіи и физики.

Въ законѣ 15-го ноября 1859 года сказано, что молодые люди, не выдержавшіе экзамена, не могутъ подвергаться ему снова въ томъ же самомъ году. Не смотря на то, вошло въ обычай держать экзамены не стѣсняясь никакими сроками и экзаменаціонныя комиссіи собираются для этого ежегодно два раза, въ іюнь и октябрѣ.

Учители итальянскихъ гимназій и лицеевъ раздѣляются на два разряда: ординарныхъ (*titolari*) и экстраординарныхъ (*regenti*). Первые изъ нихъ назначаются королевскимъ декретомъ, а вторые распоряженіемъ министра; поступають они въ тотъ или другой разрядъ на основаніи конкурса, въ которомъ допускаются не иначе какъ по полученіи ими установленныхъ свидѣтельствъ отъ философскихъ факультетовъ университетовъ. Относительно содержанія, получаемаго ими, существуютъ три категоріи, а именно для ординарныхъ учителей: 1) двухъ высшихъ классовъ гимназій—2.000, 1.800 и 1.600 франковъ; 2) трехъ низшихъ классовъ гимназій—1.800, 1.600 и 1.400 франк. и 3) лицеевъ—2.200, 2.000 и 1.800 франк.; для экстраординарныхъ учителей: 1) двухъ высшихъ классовъ гимназій—1.600,

1.440 и 1.280 франк.; 2) трехъ низшихъ классовъ гимназій—1.440, 1.280 и 1.120 фр. и 3) лицеевъ — 1.760, 1.600 и 1.440 франковъ. Мы видимъ изъ этого, что различное содержаніе назначено даже для учителей одной и той же категоріи: переходъ отъ высшаго къ низшему окладу установленъ по выслугѣ ими каждыхъ шести лѣтъ.

Всѣхъ казенныхъ училищъ, посыщихъ названіе гимназій, находится въ Италіи 104, и распредѣлены они весьма неравномѣрно по различнымъ частямъ королевства. Въ 1875—876 учебномъ году состояло въ нихъ 9.778 воспитанниковъ, а за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1865—866 году, было ихъ 9.556, слѣдовательно въ теченіе послѣдняго дѣсятилѣтія означенное число увеличилось очень мало. Лицеевъ нѣсколько менѣе, чѣмъ гимназій, а именно 80, и въ 1875—876 году воспитывалось въ нихъ 5.530 молодыхъ людей, тогда какъ въ 1865—866 году число воспитанниковъ простиралось лишь до 3.891. Такимъ образомъ мы замѣчаемъ здѣсь совершенно противоположное явленіе чѣмъ въ гимназіяхъ: число учениковъ въ лицейхъ возрастаетъ тогда какъ въ гимназіяхъ оно остается почти неизмѣннымъ, а между тѣмъ лицеи, въ сущности, представляютъ собою не что иное какъ высшіе классы гимназій. Для объясненія столь странной загадки нужно обратить вниманіе на частныя учебныя заведенія въ Италіи.

Этихъ заведеній очень много и раздѣляются они, по закону 15-го ноября 1859 года, на нѣсколько разрядовъ: 1) учебныя заведенія, содержимыя городскими общинами; 2) корпораціями; 3) семинаріи; 4) частныя институты и т. д. Не станемъ говорить здѣсь подробно о ихъ устройствѣ, но замѣтимъ только что значительная часть упомянутыхъ школъ пользуются правомъ выдавать окончивающимъ въ нихъ курсъ воспитанникамъ свидѣтельства на поступленіе въ университетъ. Частныя учебныя заведенія уже издавна существуютъ въ Италіи; общество привыкло къ нимъ; имъ предоставлены такія же преимущества какъ и казеннымъ училищамъ, а потому неудивительно, что они очень многолюдны; этому способствуетъ также и другое обстоятельство, о которомъ скажемъ ниже. Въ 1875—1876 году, какъ упомянуто нами, обучалось въ гимназіяхъ 9,778 молодыхъ людей, а въ томъ же самомъ году число обучавшихся въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ простиралось до 25,128. Вотъ откуда, помимо гимназій, наполняются лицеи. Общинамъ, корпораціямъ и частнымъ лицамъ не воспрещается основывать и такія училища, курсъ коихъ равнялся бы лицейскому, но содержаніе ихъ обходится гораздо дороже, требованія

отъ нихъ несравненно значительнѣе, а потому частная предпримчивость ограничивается преимущественно школами, стоящими на одномъ уровнѣ съ гимназіями, откуда молодые люди и поступаютъ въ казенные лицеи.

Изъ этого краткаго очерка среднихъ учебныхъ заведеній въ Италіи легко убѣдиться въ ихъ недостаткахъ. Общество настойчиво выражаетъ убѣжденіе, что они должны подвергнуться коренной реформѣ, которая и не замедлитъ конечно состояться въ непродолжительномъ времени. Въ настоящее время выяснилось вполнѣ осязательно, чего именно должна коснуться она.

Прежде всего нѣтъ почти ни одного просвѣщеннаго человѣка, который не сознавалъ бы необходимости сліянія гимназій и лицеевъ въ одно учебное заведеніе. Теперешняя разрозненность этихъ училищъ, которыя составляютъ двѣ части одного цѣлаго, не можетъ быть оправдана ни съ какой стороны. Затѣмъ преобразование должно коснуться учителей. Мы уже замѣтили выше, что они раздѣляются на разряды и преподаватели, принадлежащіе къ тому или другому изъ этихъ разрядовъ, получаютъ одинаковое содержаніе безъ всякаго отношенія къ тому, въ какой мѣрѣ обременены они занятіями: такъ, напримѣръ, совершенно уравнены въ лицеяхъ учителя естественной исторіи, имѣющіе по 5 уроковъ въ недѣлю, съ учителями латинскаго языка, имѣющими 22, и учителями языка отечественнаго, имѣющими 13 еженедѣльныхъ уроковъ. Кромѣ того, существуетъ распоряженіе, что учитель, находящійся на штатной службѣ въ какой нибудь гимназіи и лицей, не можетъ заниматься преподаваніемъ въ другомъ учебномъ заведеніи, и за этимъ наблюдается очень строго; понятно, какъ стѣснительно подобное правило для многихъ изъ нихъ, какъ должны имъ тяготиться преподаватели нѣкоторыхъ предметовъ, занятые въ училищѣ, при которомъ они состоятъ, не болѣе одного или двухъ часовъ въ день. Но главнѣйшія возраженія противъ теперешняго порядка вещей касаются учебной программы и распредѣленія учебныхъ предметовъ.

Программа эта представляетъ дѣйствительно много поразительныхъ странностей. Возможно ли повѣрить, напримѣръ, что (мы говоримъ о казенныхъ гимназіяхъ и лицеяхъ) въ нее вовсе не входитъ законъ Божій? Относительно этого предмета въ уставѣ 1859 года содержится лишь слѣдующее постановленіе: „Преподаваніе закона Божія возлагается на духовное лицо, которое для каждой гимназіи и для каждаго лицея будетъ назначаемо министромъ народнаго про-

свѣщенія“. Но въ распредѣленіи классныхъ уроковъ для закона Божія вовсе не отведено мѣсто. Обыкновенно бываетъ такъ, что два или даже одинъ разъ въ недѣлю всѣ воспитанники учебнаго заведенія собираются послѣ классовъ въ залѣ, и священникъ бесѣдуетъ съ ними; понятно, что при такихъ условіяхъ, когда онъ имѣетъ дѣло съ молодыми людьми различнаго возраста, не можетъ быть и рѣчи о сколько-нибудь правильномъ и полномъ преподаваніи предмета. Родители громко жалуются на столь вопіющій недостатокъ. „Они опасаются“, говоритъ авторъ излагаемой нами статьи. — „что въ школѣ, изъ которой совершенно изгнанъ законъ Божій, преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, какъ напримѣръ, философія и исторія, можетъ принять весьма вредное направленіе, и опасенія эти высказываются даже такими людьми, которые не въ состояніи похвалиться слишкомъ сильными религіозными убѣжденіями. Отнюдь не рѣдкость, что депутаты и сенаторы, которые подаютъ голосъ за самыя радикальныя законы относительно церкви, не охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ казенныя гимназіи и лицей“. Этимъ объясняется между прочимъ, почему частныя учебныя заведенія, въ которыхъ преподаванію закона Божія отведено подобающее ему мѣсто, пользуются такимъ успѣхомъ въ Италіи. Вообще въ упомянутомъ нами отношеніи италіанское общество испытываетъ всѣ печальныя послѣдствія той розни, которая возникла въ его средѣ: вслѣдствіе враждебныхъ государству притязаній церкви, государство отстраняетъ духовенство отъ своихъ школъ, опасаясь, что оно явится орудіемъ этихъ притязаній, но въ замѣнъ того молодежь остается безъ религіознаго образованія. Вообще это вопросъ, который не ограничивается только школою, но имѣетъ гораздо большіе размѣры. Въ томъ же сборникѣ „Italia“, въ статьѣ о церковныхъ дѣлахъ, приведены слова извѣстнаго италіанскаго историка Виллари изъ одной его рѣчи: „Народъ также сильно, какъ и въ прежнія времена, ощущаетъ потребность вѣры, а мы не умѣемъ говорить ему о религіи; онъ не довѣряетъ ни нашему рационализму, ни нашему скептицизму и ищетъ себѣ опоры въ духовенствѣ. Скептицизмъ нашего общества и создалъ силу этого духовенства. Если мы не будемъ въ состояніи удовлетворить потребности народа, то я убѣжденъ что ваша нація превратится въ націю клерикаловъ и вольтеріянцевъ“.

Если необходимо ввести законъ Божій въ учебный планъ италіанскихъ гимназій и лицеевъ, то съ другой стороны слѣдуетъ подвергнуть этотъ планъ коренной реформѣ относительно почти всѣхъ другихъ предметовъ. Упомянутыя училища считаются классическими

по той причинѣ, что въ нихъ преподаются древніе языки, но этого очевидно недостаточно: нужно чтобы древнимъ языкамъ обезпечено было преобладаніе надъ остальными предметами, чтобы они лежали въ основѣ учебной системы, а въ Италіи цѣль эта еще не достигнута вполне. Правительство начинаетъ стремиться къ ней ужъ и теперь, не дожидаясь общаго пересмотра уставовъ учебныхъ заведеній, но къ сожалѣнію именно потому, что нынѣ дѣйствующій уставъ считается временнымъ и лица, призываемыя въ управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, почти ничѣмъ не стѣснены относительно его, очень часто одинъ изъ нихъ отмѣняетъ то, что было сдѣлано его предшественникомъ. Въ недавнее время, а именно въ 1875 г., министерство снова обратило свое вниманіе на этотъ вопросъ; собраны были свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ поставлено преподаваніе древнихъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ европейскихъ государствъ; оказалось, что въ германскихъ гимназіяхъ общее число часовъ во всѣхъ классахъ для языковъ греческаго и латинскаго простирается въ году до 4,925, въ австрійскихъ до 3,075, а въ италіанскихъ только до 2,412. Министръ народнаго просвѣщенія озабочился вслѣдствіе того объ усиленіи преподаванія древнихъ языковъ, такъ что вмѣсто 67 недѣльныхъ уроковъ назначено для нихъ 76. Но главнѣйшая причина неудовлетворительныхъ успѣховъ, оказываемыхъ учениками въ этой отрасли знанія, зависитъ отъ рутиннаго и устарѣлаго способа преподаванія. „Можно положительно сказать“, замѣчаетъ г. Бонги, — „что изъ италіанскихъ лицеевъ очень рѣдко выходятъ теперь молодые люди, которые могутъ читать того или другаго латинскаго писателя для удовольствія и которые въ состояніи перевести страницу греческаго автора безъ усиленнаго напряженія“. Такъ какъ со всѣхъ сторонъ слышатся требованія, чтобы гимназіи и лицеи не по имени только были классическими учебными заведеніями, то на упомянутые недостатки будетъ, конечно, обращено главное вниманіе при предстоящей ихъ реформѣ. Усилить преподаваніе древнихъ языковъ можно, конечно, не иначе какъ исключивъ изъ курса нѣкоторые другіе предметы, и въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе созрѣваетъ наконецъ убѣжденіе, что слѣдовало бы, не опасаясь ни малѣйшаго ущерба для дѣла, пожертвовать, напримѣръ, философію. Въ италіанскихъ лицеехъ принято за правило преподавать эту науку такъ, какъ она можетъ быть преподаваема только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: „Слѣдствіемъ этого“, говоритъ авторъ разсматриваемой нами статьи, — „является то, что одни преподаватели совер-

шенно сбиваютъ молодыхъ людей съ толку, а другіе низводятъ науку на степень схоластическихъ и бесплодныхъ тонкостей. Довозательствомъ этого служатъ жалкія нисьменные упражненія по философіи, которыя ежегодно поступаютъ въ центральную экзаменаціонную комиссію. Давно уже нужно было бы вовсе отмѣнить преподаваніе философіи въ лицейхъ, но года четыре тому назадъ министерство еще ухудшило дѣло, а именно сохранивъ означенный предметъ въ учебномъ курсѣ, оно уменьшило назначенное для него число уроковъ; мѣра эта вызвала сильное неудовольствіе преподавателей, испугавшихся, что вскорѣ затѣмъ послѣдуетъ совершенная отмѣна философіи, и министръ Коппино поспѣшилъ возвратиться къ прежнему порядку вещей“.

Мы не послѣдуемъ за г. Бонги въ его изложеніи о томъ, какіе еще вопіющіе недостатки итальянскихъ лицеевъ и гимназій требуютъ устраненія. Изъ статьи его мы видимъ, съ одной стороны, что училища эти переживаютъ теперь критическій періодъ, а съ другой— что уже созрѣла мысль о необходимости подвергнуть ихъ реформѣ, которая поставила бы ихъ на одинъ уровень съ другими подобными имъ учебными заведениями въ Европѣ.

Н. И.

Briefwechsel zwischen Goethe und Marianne von Willemer (Suleika), hrsg. mit Lebensnachrichten u. Erläuterungen von Th. Creizenach (Переписка Гёте съ М. фонъ-Виллемеръ, изд. Т. Крейценаха). Stuttgart, 1877.

Эта книга представляетъ живое свидѣтельство того, съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ относится нѣмецкая наука къ самымъ неважнымъ, но видимому, реликвіямъ отечественныхъ знаменитостей, и къ какимъ блестящимъ результатамъ приводитъ это достойное подражанія вниманіе. Эпизодъ изъ жизни Гёте, освѣщаемый этою перепиской, самъ по себѣ не важенъ, но переписка издана такъ старательно, письма снабжены такими интересными введеніями и примѣчаніями, что книга г. Крейценаха становится однимъ изъ капитальныхъ пособій какъ для будущихъ біографовъ Гёте, въ послѣдній періодъ жизни поэта, такъ и для историковъ литературы этого періода вообще. Маріанна фонъ-Виллемеръ родилась въ 1784 г., была воспитана для сцены и до 16 лѣтъ дѣйствовала на этомъ поприщѣ, потомъ попала въ домъ Франкфуртскаго банкира Виллемера и въ 1814 году стала его женою. Въ томъ же году Виллемеры встрѣтились съ Гёте, а въ слѣдующемъ 1815 надолго сошлись съ нимъ

въ Гейдельбергѣ. Маріанна, не смотря на свои 30 лѣтъ, не утратила еще красоты, а умъ ея именно въ это время достигъ высшей степени развитія. Гёте работалъ тогда надъ своимъ „Западно-восточнымъ диваномъ“ и воспѣлъ Маріанну подъ именемъ Зудейки. Черезъ три года началась между ними переписка, которая продолжалась почти до самой смерти поэта.

Въ этомъ же году вышла другая книжка, вносящая кое-что новаго въ біографію Гёте, но только въ его ранней юности: Friedrike Brion von Sessenheim. Strassburg. 1877. Авторъ ея—священникъ въ томъ же Зессенгеймѣ, гдѣ жила эта первая любовь Гёте; пользовался церковными книгами, онъ дополнилъ свѣдѣнія біографовъ Гёте.

Joseph Vanquier. Bibliographie de la Chanson de Roland. *Ж. Банье* (Библиографія Пѣсни о Роландѣ). Heilbronn. 1877.

Это одна изъ первыхъ попытокъ оказать необходимое пособіе занимающимся національнымъ эпосомъ Франціи, отчасти и филологамъ, которые посвящаютъ труды свои романскимъ нарѣчіямъ; попытка не изъ особенно удачныхъ, далеко отстающая, на примѣръ, отъ того, что сдѣлано Нѣмцами для Нибелунговъ: здѣсь только перечень переводовъ, особыхъ изслѣдованій (съ рецензіями и отдѣльныхъ мѣстъ пассажей въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ другимъ вопросамъ, но касающихся пѣсни о Роландѣ) безъ попытки подвергнуть сдѣланное обсужденію; и перечень въ отношеніи нѣмецкой и англійской литературы далеко не полонъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе нельзя не быть благодарнымъ составителю этой брошюры. Люди, посвятившіе труды свои другимъ областямъ, не могутъ и представить себѣ, какъ страдаютъ отъ недостатка бібліографическихъ указаній занимающіеся исторіею сравнительной литературы. Химикъ, математикъ, зоологъ, лингвистъ, даже археологъ имѣютъ средство безъ особеннаго труда слѣдить за своею спеціальною; просматривая въ мѣсяцъ три-четыре журнала и нѣсколько десятковъ новыхъ книгъ, каждый убѣжденъ, что не упуститъ ничего важнаго; ему нѣтъ необходимости пересматривать литературные журналы и газеты. Между тѣмъ историкъ литературы, сколько ни жертвуй онъ на это труда и средствъ, никогда не можетъ быть au courant всей науки; даже за однимъ отдѣломъ слѣдить вполне невозможно. Для доказательства достаточно просмотрѣть хоть небо-

¹⁾ О русской литературѣ и говорить, конечно, нечего: упоминается только переводъ Б. Н. Алашова.

гатыя указанія Банье: въ какихъ только изданіяхъ не появлялись статьи о пѣснѣ Роландъ? Изъ того, что журналъ, по видимому, не имѣетъ отношенія къ строгой наукѣ, отнюдь не слѣдуетъ, что статья, тамъ помѣщенная, есть жалкая компиляція.

Библиографія пѣсни о Роландѣ теперь особенно своевременна: мы слышали, что даровитѣйшій французскій филологъ Гастонъ Парисъ вмѣстѣ со своими учениками и сотрудниками, уже довольно давно готовить къ печати новое критическое изданіе поэмы и рядъ изслѣдованій; передъ выходомъ его труда полезно оглянуться назадъ.

А. К.

О ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЯХЪ ВОСПИТАННИКОВЪ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ ВЪ НАЧАЛЬНОМЪ УЧИЛИЩѢ.

Вопросъ о практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ учительской семинаріи не очень давно обсуждался на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія въ статьѣ протоіерея М. Ивановскаго ¹⁾. Отдавая полную справедливость правильности въ-которыхъ положеній и выводовъ автора и практичности затронутыхъ имъ вопросовъ, мы не можемъ не замѣтить весьма важнаго пробѣла его статьи, — совершеннаго игнорированія инструкціи для учительскихъ семинарій, изданной министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1875 году. Правда, протоіерей М. Ивановскій основывается на фактахъ, взятыхъ изъ дѣятельности Молодечнянской учительской семинаріи; но, сколько можно судить по его статьѣ, не всё, даже существенныя, требованія инструкціи относительно практическихъ занятій нашпи примѣненіе въ этой семинаріи. На основаніи такихъ данныхъ едва ли можно было сдѣлать какія-либо обобщенія, тѣмъ болѣе предлагать коренныя измѣненія въ устройствѣ учебной части учительскихъ семинарій. Между тѣмъ протоіерей М. Ивановскій находитъ необходимымъ усилить практическія занятія и посвятить на нихъ почти все время послѣдняго года ученія. Не говоря уже о томъ, что подобное усиленіе практическихъ занятій несомнѣнно поведетъ къ пониженію уровня научныхъ познаній воспитанниковъ и ихъ общаго развитія, мы думаемъ, что столь существенныя измѣненія въ учебной части нисколько не оправдываются практикою. Напротивъ, система практическихъ занятій, указанная инструкціею, оказывается на столько цѣлесообразною, что учительскія семинаріи имѣютъ полную возможность достигать двоякой цѣли: доставлять молодымъ людямъ

¹⁾ См. январьскую книжку 1877 г.
часть сѣсѣ, отд. 3.

достаточное общее образование и основательную подготовку къ учительской дѣятельности въ народныхъ школахъ.

Указать особенности этой системы, а также выяснитъ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ постановкѣ и веденію практическихъ занятій въ учительской семинаріи, мы и имѣли въ виду при составленіи настоящей статьи, при чемъ воспользовались нѣкоторыми данными, взятыми изъ дѣятельности Новоторжской учительской семинаріи.

Практическія занятія воспитанниковъ въ начальномъ училищѣ начинаются во 2-мъ классѣ со втораго полугодія и продолжаются до окончанія курса, то-есть, въ теченіе полутора года. Занятія эти трехъ видовъ: 1) посѣщеніе училища воспитанниками 2-го класса, 2) пробныя уроки и 3) недѣльные дежурства въ училищѣ воспитанниковъ 3-го класса. Каждое изъ этихъ занятій имѣетъ свои цѣли и особенности, а потому мы рассмотримъ ихъ отдѣльно.

1. „Ученики 2-го класса семинаріи во вторую половину учебнаго года должны посѣщать училище преимущественно въ то время, когда преподаетъ самъ учитель. Для этого они раздѣляются на группы по два, три человека и присутствуютъ въ теченіе нѣсколькихъ дней на всѣхъ урокахъ въ училищѣ“ (инст. § 127). Цѣль посѣщенія училища воспитанниками 2-го класса, очевидно, состоитъ въ нѣкоторомъ ознакомленіи ихъ со школьнымъ дѣломъ, такъ какъ съ переходомъ въ 3-й классъ они должны приступить къ преподаванію въ училищѣ. Кромѣ того, если принять во вниманіе, что согласно инструкціи во второе же полугодіе воспитанникамъ 2-го класса сообщаются свѣдѣнія по методикѣ предметовъ начального училища, то становится понятнымъ, что посѣщеніе училища составляетъ весьма полезное дополненіе уроковъ методики. Посѣщая училище, воспитанники лучше уясняютъ значеніе извѣстныхъ способовъ и пріемовъ обученія и знакомятся съ примѣненіемъ ихъ на дѣлѣ.

Школьное дѣло довольно сложно, и отъ вниманія воспитанниковъ могутъ ускользнуть весьма важныя его стороны; отсюда является необходимость руководить воспитанниками при посѣщеніи училища. Въ инструкціи находятся слѣдующія указанія по этому поводу: „преподаватель педагогики во время урока долженъ требовать отъ посѣщавшихъ училище отчетъ въ томъ, что они видѣли, разъясняя имъ значеніе каждаго упражненія“ (инст. § 127). Такимъ образомъ руководство и повѣрка наблюденій воспитанниковъ возлагается на преподавателя педагогики, или, другими словами, на директора семинаріи, такъ какъ по положенію преподаваніе педаго-

гики лежитъ на обязанности директора. Самую повѣрку возможно, по нашему мнѣнію, соединить съ уроками педагогики, распредѣливъ учебный матеріалъ во 2-мъ классѣ по педагогикѣ такъ, чтобы на второе полугодіе приходилась дидактика. Въ такомъ случаѣ преподаватель легко можетъ въ связи съ уроками дидактики дать воспитанникамъ необходимыя указанія для наблюденій и затѣмъ повѣрить и разъяснить эти наблюденія.

Порядокъ распредѣленія воспитанниковъ на группы зависитъ отъ числа воспитанниковъ въ классѣ; чѣмъ болѣе воспитанниковъ въ классѣ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ назначать ихъ въ каждую группу. Для примѣра приведемъ данныя изъ дѣятельности Повоторжской учительской семинаріи за 1876—1877 учебный годъ. Въ этомъ году во 2-мъ классѣ семинаріи было 16 воспитанниковъ; для посѣщенія школы они были распредѣлены на 8 группъ. Каждой группѣ пришлось посѣщать училище два раза, — первый разъ въ теченіе недели, а второй разъ въ теченіе трехъ дней.

Во время посѣщенія училища воспитанниками 2-го класса учебныя занятія въ этомъ классѣ идутъ безъ перерыва; слѣдовательно, посѣщая училище, воспитанники въ это время не могутъ быть въ классѣ и неминуемо должны пропускать уроки. Отсюда является вопросъ, не происходитъ ли при подобномъ порядкѣ посѣщенія училища ущербъ класснымъ занятіямъ воспитанниковъ? Опытъ показываетъ, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать отрицательно и вотъ почему. Известная группа воспитанниковъ, посѣщая училище, бываетъ въ немъ только утромъ, послѣ же обѣда и вечеромъ она совершенно свободна. Приготовленіе уроковъ обыкновенно происходитъ вечеромъ; поэтому воспитанники, посѣщающіе училище, хотя и не присутствуютъ въ классѣ на урокахъ, но тѣмъ не менѣе готовятъ къ нимъ паравнѣ съ своими товарищами и исполняютъ всѣ письменныя работы; все, что было объяснено въ классѣ преподавателями, они узнаютъ отъ товарищей. Подобное приготовленіе къ урокамъ легко наблюдать и контролировать въ тѣхъ учительскихъ семинаріяхъ, въ которыхъ устроенъ интернатъ.

Переходимъ ко второму виду практическихъ занятій — пробнымъ урокамъ.

2. Подъ пробными уроками мы разумѣемъ тѣ уроки, даваемые воспитанниками 3-го класса, на которыхъ присутствуютъ всѣ ихъ товарищи. Для этихъ уроковъ по инструкціи назначено 6 часовъ въ недѣлю, причѣмъ въ это число не входятъ пробные уроки по чистотѣ

писанію. На пробныя уроки по чистописанію отдѣляется особо одинъ часъ въ недѣлю (инст. § 101), а о времени занятій пѣніемъ въ инструкціи указаній нѣтъ. Такъ какъ съ одной стороны пробныя уроки по пѣнію необходимы, а съ другой въ виду многочисленности занятій въ 3-мъ классѣ трудно отдѣлить для этихъ уроковъ особое время, то мы находимъ возможнымъ пробныя уроки по чистописанію чередовать съ уроками по пѣнію такъ, чтобы на одной недѣлѣ давался пробный урокъ по чистописанію, а на другой по пѣнію. При такомъ распредѣленіи, въ теченіе года будетъ дано около 15 пробныхъ уроковъ по чистописанію и около 15 пробныхъ уроковъ по пѣнію; а этого достаточно для уясненія воспитанникамъ общаго хода и частныхъ приемовъ обученія этимъ предметамъ.

На пробныхъ урокахъ присутствуютъ всѣ воспитанники 3-го класса, затѣмъ уроки эти подвергаются подробному разбору въ особыхъ педагогическихъ собраніяхъ (инст. § 131). Вслѣдствіе этого въ ряду практическихъ занятій пробныя уроки занимаютъ первое мѣсто, а потому, при постановкѣ и веденіи ихъ, со стороны совѣта семинаріи требуются особое вниманіе и осмотрительность.

Въ пробныхъ урокахъ замѣчаются слѣдующія стороны: 1) распредѣленіе ихъ, 2) назначеніе темъ, 3) приготовленіе воспитанниковъ къ этимъ урокамъ и 4) разборъ уроковъ. Разсмотримъ каждую изъ нихъ отдѣльно.

„Распредѣленіе практическихъ занятій семинаристовъ старшаго класса должно быть составлено совѣтомъ семинаріи заблаговременно и такимъ образомъ, чтобы каждый изъ нихъ далъ по нѣскольку уроковъ по каждому изъ предметовъ преподаванія въ школѣ“ (инст. § 129).

Учебный матеріалъ въ одноклассной школѣ, какъ извѣстно, распредѣляется на три года, и ученики въ ней обыкновенно дѣлятся на три отдѣленія или группы. Каждая изъ этихъ ступеней ученія имѣетъ свои особенности, обусловливаемыя познаніями и развитіемъ учащихся; кромѣ того, каждый учебный предметъ въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ требуетъ различныхъ приемовъ для усвоенія; не все равно, напримѣръ, вести объяснительное чтеніе въ младшемъ, или старшемъ отдѣленіи школы, вести объяснительное чтеніе, или сообщать свѣдѣнія изъ грамматики. Не слѣдуетъ ли отсюда, что для полнаго ознакомленія воспитанниковъ съ элементарнымъ обученіемъ нужно имѣть въ виду при распредѣленіи пробныхъ уроковъ не только учебныя предметы вообще, но и главнѣйшіе отдѣлы ихъ?

Если примемъ во вниманіе, что пробные уроки даютъ воспитанникамъ возможность испытать и изучить на практикѣ извѣстные приемы обученія и составить полное и отчетливое представленіе о способахъ прохожденія каждаго учебнаго предмета во всемъ объемѣ, то отвѣтъ долженъ быть несомнѣнно утвердительный. Конечно, нѣтъ надобности, да и невозможно, чтобы каждый воспитанникъ далъ пробные уроки по всемъ отдѣламъ. Достаточно, если по каждому отдѣлу дано будетъ нѣсколько уроковъ; цѣль будетъ все таки достигнута, такъ какъ на пробныхъ урокахъ присутствуютъ все воспитанники и уроки подвергаются разбору.

По нашему мнѣнію, эти отдѣлы слѣдующіе:

Въ младшемъ отдѣленіи—предварительныя бесѣды и звуковыя упражненія, прохожденіе букваря, объяснительное чтеніе и чтеніе въ связи съ бесѣдами, изученіе чиселъ 1-го десятка, изученіе чиселъ 2-го десятка и письмо подъ тактъ.

Въ среднемъ отдѣленіи—объяснительное чтеніе и чтеніе въ связи съ бесѣдами, грамматическія свѣдѣнія и письменныя упражненія, чтеніе церковно-славянское, изученіе чиселъ 1-й сотни, именованныя числа въ томъ же размѣрѣ, письмо подъ тактъ.

Въ старшемъ отдѣленіи—объяснительное чтеніе, грамматическія свѣдѣнія и письменныя упражненія, церковно-славянское чтеніе, нумерація и четыре ариѳметическія дѣйствія съ цѣлыми отвлеченными числами, именованныя числа, черченіе въ связи съ изученіемъ геометрическихъ тѣлъ, бесѣды и чтеніе въ связи съ бесѣдами статей историческаго, географическаго и естественно-историческаго содержанія, письмо подъ тактъ.

Разсматривая эти отдѣлы, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ идутъ въ продолженіе цѣлаго года, а другіе—въ теченіе меньшаго періода времени; одни потребуютъ большаго, а другіе—меньшаго числа пробныхъ уроковъ. Это слѣдуетъ имѣть въ виду при распредѣленіи пробныхъ уроковъ.

Мы сказали, что по инструкціи на пробные уроки назначено 7 часовъ въ недѣлю. Эти уроки должны войти въ распisanіе классныхъ занятій воспитанниковъ 3-го класса; слѣд. они не могутъ передвигаться, а должны быть назначены въ опредѣленные часы. Въ видахъ уравновѣшиванія классныхъ занятій, пробные уроки удобнѣе распредѣлять по двумъ недѣлямъ равномѣрно, то-есть, въ одинъ день два урока, а въ остальные по одному. На каждомъ пробномъ урокѣ, какъ мы надѣемся далѣе доказать, долженъ присутствовать

наставникъ, преподающій соотвѣтственный предметъ, или директоръ. Поэтому является необходимость распредѣлить 7 уроковъ по специальности преподавателей. Принявъ въ соображеніе число вышеозначенныхъ отдѣловъ по каждому предмету въ трехъ отдѣленіяхъ и отдѣливъ одинъ урокъ на чистописаніе и пѣніе, можно остальные 6 уроковъ распредѣлить такъ: на русскій и церковно-славянскій языкъ — 3, ариметику и черченіе — 2, бесѣды и чтеніе статей историческаго, географическаго и естественно-историческаго содержания — 1. Опытъ показываетъ, что при такомъ распредѣленіи по каждому отдѣлу получается достаточное число пробныхъ уроковъ.

Теперь слѣдуетъ рѣшить вопросъ, должно ли быть соответствие между росписаніемъ классныхъ занятій семинаріи и начальнаго училища? Въ § 123 инструкціи указывается, что начальное училище при семинаріи должно быть для воспитанниковъ образцомъ хорошо устроенной школы. Такое требованіе вполне понятно; но можетъ ли училище, служащее для практики воспитанниковъ, быть въ то же время образцовымъ? Вопросъ этотъ рѣшается отрицательно, такъ какъ есть семинаріи, при которыхъ существуютъ два училища; — одно образцовое, а другое для практики воспитанниковъ. Но во первыхъ, не всякая семинарія имѣетъ возможность открыть два училища, во вторыхъ, хотя отъ практики воспитанниковъ и замедляется нѣсколько ходъ ученія въ училищѣ, тѣмъ не менѣе учебная часть въ немъ можетъ быть поставлена, если не образцово, то на столько хорошо, что школа будетъ вполне достигать своей настоящей цѣли, — давать ученикамъ элементарное образованіе. Возможность такой постановки учебной части въ училищѣ зависитъ между прочимъ отъ постановки и порядка веденія пробныхъ уроковъ. Пробные уроки замѣняютъ уроки учителя; отсюда является необходимость, чтобы пробные уроки не нарушали правильнаго хода занятій въ училищѣ, а это достигается прежде всего соответствіемъ между росписаніемъ классныхъ занятій семинаріи и училища. Соответствіе это должно выразиться въ томъ, чтобы каждый пробный урокъ давался по тому предмету, какой значится въ данный день по росписанію училища въ извѣстномъ отдѣленіи. Достигнуть этого можно слѣдующимъ образомъ: въ тѣ дни, когда назначены пробные уроки по русскому языку, въ росписаніи училища слѣдуетъ помѣстить отдѣлы этого предмета во всѣхъ отдѣленіяхъ; въ тѣ дни, когда назначены пробные уроки по ариметикѣ, и въ росписаніи училища слѣдуетъ помѣстить ариметику во всѣхъ отдѣленіяхъ. Затѣмъ, для полного соот-

вѣтствія, учителю школы придется иногда измѣнять только порядокъ занятій. Объяснимъ примѣромъ.

По росписанію училища значится:

	1-й ур.	2-й ур.	3-й ур.	4-й ур.	5-й ур.
Млад. отд.	самост. зан.	чтеніе и пис.	самост. зан.	сам. зан.	
Сред. отд.	арном. зад.	писъм. упр.	цер-сл. чт.	грам. упр.	объяс. чт.
Стар. отд.	объяс. чт.	писъм. упр.	самост. чт.	грам.	грам. упр.

Это росписание соответствуетъ тому дню, въ который по росписанію семинаріи значится пробный урокъ по русскому, или церковно-славянскому языку. Пробный урокъ, какъ видно, можетъ быть: въ младшемъ отдѣленіи по чтенію и письму, въ среднемъ отдѣленіи по объяснительному или церковно-славянскому чтенію и въ старшемъ отдѣленіи по объяснительному чтенію или грамматикѣ. Предположимъ, что пробный урокъ въ этотъ день назначенъ въ младшемъ отдѣленіи и приходится на 4-е часы. Учитель начальнаго училища, который, какъ увидимъ далѣе, знаетъ заранѣе подробности о каждомъ пробномъ урокѣ, ведетъ въ этотъ день занятія въ другомъ порядкѣ, примѣрно такъ:

	1-й ур.	2-й ур.	3-й ур.	4-й ур.	5-й ур.
Млад. отд.	сам. зан.	сам. зан.	сам. зан.	чт. и пис.	
Сред. отд.	арном. зад.	цер-сл. чт.	пис. упр.	грам. упр.	объяс. чт.
Стар. отд.	объяс. чт.	пис. упр.	грам.	сам. чт.	грам. упр.

Очевидно, такое измѣненіе порядка занятій не принесетъ никакого ущерба учащимся, но соответствіе между росписаніемъ семинаріи и училища будетъ вполне достигнуто.

Изъ сказаннаго видно, какія условія должны соблюдаться при распредѣленіи пробныхъ уроковъ. Соблюсти эти условія удобнѣе въ томъ случаѣ, когда распредѣленіе пробныхъ уроковъ будетъ производиться однимъ лицомъ, а не нѣсколькими, какъ это бываетъ. Такимъ лицомъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть директоръ семинаріи, какъ главный руководитель практическихъ занятій воспитанниковъ.

Порядокъ, который практикуется въ этомъ случаѣ въ Новоторжской учительской семинаріи, такой: пробные уроки распредѣляются между воспитанниками впередъ на столько дней, сколько воспитанниковъ въ классѣ. Когда всѣ воспитанники дадутъ по одному пробному уроку, тогда дѣлается новое распредѣленіе на слѣдующую очередь и т. д. При распредѣленіи каждому воспитаннику указывается день, въ который онъ долженъ дать урокъ, отдѣленіе школы и предметъ. Для того, чтобы имѣть постоянно свѣдѣнія, по кото-

рымъ можно судить, какіе пробныя уроки даны извѣстнымъ воспитанникомъ и сколько дано пробныхъ уроковъ по отдѣламъ, ведется воспитанниками особаго рода вѣдомость. Въ этой вѣдомости сверху обозначены отдѣлы учебныхъ предметовъ, а съ лѣвой стороны фамиліи воспитанниковъ. Каждый воспитанникъ послѣ урока отмѣчаетъ противъ своей фамиліи въ соответственной отдѣлу графѣ мѣсяцъ и число, когда данъ имъ пробный урокъ. Имѣя подъ руками подобную вѣдомость и росписаніе запятій въ училищѣ, весьма легко дѣлать распределеніе пробныхъ уроковъ съ соблюденіемъ всѣхъ вышеозначенныхъ условій.

Если пробныя уроки не должны нарушать правильнаго хода ученія въ училищѣ, что необходимо въ интересахъ учащихся, то и тема урока не можетъ быть произвольна; она должна быть въ тѣсной связи съ уроками учителя школы. Нельзя же, напримѣръ, назначить темою урока вычитаніе, когда ученикамъ не было объяснено сложеніе. Такимъ образомъ, темою пробнаго урока должно быть именно то, что слѣдуетъ въ данное время по ходу занятій въ училищѣ. Преподаваніе въ училищѣ ведется особымъ учителемъ, а потому естественнѣе всего, что о темѣ пробнаго урока нужно справляться у этого учителя. Кому же лучше и знать о томъ, что предстоитъ пройти въ томъ или другомъ отдѣленіи, по тому или другому предмету въ извѣстное время, какъ не учителю училища? Для учителя же это не составитъ никакого затрудненія, въ особенности если занятія въ училищѣ ведутся по заранѣе составленному подробному плану. И такъ, назначеніе темъ для пробныхъ уроковъ слѣдуетъ предоставить учителю начальнаго училища.

„Приступая къ преподаванію, воспитанники старшаго класса должны по указаніямъ наставника и учителя начальнаго училища добросовѣстно приготовиться къ уроку и составить нисѣменно конспектъ того, что должно быть пройдено въ училищѣ въ назначенное для ихъ занятій время. Конспекты эти прочтываются наставникомъ и исправляются имъ и только тогда воспитаннику можно дозволить дать урокъ“ (инст. § 128). Въ этомъ параграфѣ инструкции ясно указанъ способъ подготовленія воспитанниковъ къ пробнымъ урокамъ. Между прочимъ здѣсь требуется, чтобы воспитанники готовились къ урокамъ подъ строгимъ контролемъ и какъ можно тщательнѣе. Иначе и быть не можетъ: чѣмъ тщательнѣе воспитанники будутъ готовиться къ пробнымъ урокамъ, тѣмъ успѣшнѣе они будутъ вести преподаваніе и слѣдовательно тѣмъ лучше будутъ соблюдены интересы учащихся

въ школѣ. Въ Новоторжской учительской семинаріи при этомъ принять слѣдующій порядокъ. Воспитанникъ, которому предстоитъ пробный урокъ, дня за два и болѣе узнаетъ о темѣ отъ учителя начальнаго училища; при этомъ онъ получаетъ и необходимыя указанія. Если послѣ того для воспитанника остаются какія либо недоразумѣнія, то онъ пользуется указаніями наставника или директора, а затѣмъ составляетъ подробный письменный планъ урока. Въ этомъ планѣ указывается ходъ урока, всѣ вопросы, какіе намѣренъ предложить воспитанникъ, и ожидаемые отвѣты учениковъ. Составленный такимъ образомъ планъ просматривается и исправляется наставникомъ. Понятно, что исправленный планъ долженъ быть въ рукахъ воспитанника по крайней мѣрѣ наканунѣ того дня, въ который назначенъ пробный урокъ.

Прежде чѣмъ разсматривать порядокъ разбора уроковъ, сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно даванія пробныхъ уроковъ. На первые пробные уроки слѣдуетъ назначать болѣе способныхъ и менѣе конфузливыхъ воспитанниковъ. Въ первое полугодіе на пробныхъ урокахъ воспитанники занимаются съ какимъ нибудь однимъ отдѣленіемъ школы, а другимъ отдѣленіямъ дается заранѣе учителемъ самостоятельная работа. Тотъ пробный урокъ, на которомъ ученики плохо усвоили сообщенныя имъ знанія, повторяется учителемъ школы. Вообще учитель школы, присутствуя на пробныхъ урокахъ, обязанъ затѣмъ поправлять по возможности недостатки уроковъ воспитанниковъ. Для успѣшности пробныхъ уроковъ полезно, чтобы лица, присутствующія на урокѣ и дѣлающія письменныя замѣтки, помѣщались позади воспитанника, который даетъ урокъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ гораздо лучше владѣетъ собою и свободнѣе ведетъ урокъ.

Пробные уроки подвергаются подробному разбору въ особыхъ педагогическихъ собраніяхъ. „Въ то время когда одинъ изъ воспитанниковъ даетъ урокъ, другіе дѣлаютъ свои замѣтки о преподаваніи и на педагогическихъ собраніяхъ высказываютъ свои недоразумѣнія для того, чтобы директоръ и наставники могли разъяснить ошибки, сдѣланныя товарищемъ“. (Инст. § 129). Въ инструкціи нѣтъ указаній на то, чтобы на пробныхъ урокахъ долженъ былъ присутствовать наставникъ или директоръ. Но опытъ показываетъ, что воспитанники, особенно въ первое время, замѣчаютъ мелочи, между тѣмъ, какъ крупныя промахи часто ускользаютъ отъ ихъ вниманія. По своей неопытности они замѣчаютъ только то, что рѣзко брасается въ глаза,

напр., оговорки, неправильныя выраженія и т. п. Поэтому, если ограничиться только тѣми замѣтками, которыя дѣлаются воспитанниками, то разборъ пробныхъ уроковъ не принесетъ большой пользы. Другое дѣло, когда на пробныхъ урокахъ будетъ присутствовать болѣе компетентный судья, тогда можно предположить, что будутъ подмѣчены всѣ промахи, обнаружены какъ слабыя, такъ и хорошія стороны пробнаго урока. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что совершенствованіе преподаванія воспитанниковъ возможно въ томъ случаѣ, если они достаточно выяснятъ себѣ, чего нужно избѣгать на урокахъ и такимъ образомъ выработаютъ правильный взглядъ для оцѣнки дѣла. Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому заключенію, что на каждомъ пробномъ урокѣ долженъ присутствовать наставникъ, или директоръ. Тогда пробные уроки принесутъ наибольшую пользу и будутъ служить настоящей школой для учительской практики воспитанниковъ.

Для разбора пробныхъ уроковъ достаточно одного собранія въ недѣлю. Кромѣ того, что такой порядокъ удобнѣе для наставниковъ, занятія которыхъ весьма многочисленны, онъ представляетъ нѣкоторыя выгоды въ педагогическомъ отношеніи. Въ теченіе недѣли будутъ даны пробные уроки по всѣмъ предметамъ школы, слѣд. въ собраніи для разбора пробныхъ уроковъ будетъ присутствовать директоръ и всѣ наставники. Понятно, что такія частныя собранія въ полномъ составѣ послужатъ къ выработкѣ въ педагогической корпорации семинаріи единства взглядовъ и дѣйствій, что весьма важно для успѣшности дѣла въ учебномъ заведеніи.

Что касается до порядка преній при разборѣ пробныхъ уроковъ, то мы предпочитаемъ слѣдующій. Первое слово предоставляется тому воспитаннику, пробный урокъ котораго разбирается; это пріучаетъ воспитанниковъ къ самонаблюденію, которое имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ преподаванія. Затѣмъ дѣлаютъ замѣчаніе воспитанники. Когда замѣчанія ихъ будутъ исчерпаны и разобраны, дѣлаетъ замѣчанія учитель начальнаго училища и наконецъ наставникъ, присутствовавшій на урокѣ. Окончательное мнѣніе и оцѣнка урока высказывается директоромъ, или наставникомъ. Протоколы собраній составляются воспитанниками по очереди.

Выше мы замѣтили о формѣ вѣдомости, какую полезно вести при распредѣленіи пробныхъ уроковъ. Въ Новоторжской учительской семинаріи ведется кромѣ того воспитанниками другая вѣдомость, въ которой указываются подробныя свѣдѣнія о каждомъ пробномъ урокѣ. Вѣдомость имѣетъ такую форму: фамилія воспитанника, мѣсяцъ и чис-

ло, отдѣленіе школы, учебный предметъ, тема урока, лица, присутствовавшія на урокѣ, оцѣнка урока. Последняя вносится директоромъ на педагогическихъ собраніяхъ.

3. Третій видъ практическихъ занятій состоитъ въ очередныхъ дежурствахъ воспитанниковъ 3-го класса въ училищѣ, при чемъ они привимають участіе въ преподаваніи.

„Еженедѣльно два воспитанника старшаго класса присутствуютъ на всѣхъ урокахъ начального училища, при чемъ они впередъ получаютъ указанія о томъ, что будетъ преподаваться въ начальномъ училищѣ въ теченіе этой недѣли. Эти воспитанники помогаютъ учителю при его занятіяхъ, по очереди занимаются отдѣльными группами учениковъ или даютъ уроки всѣмъ отдѣленіямъ школы разомъ. Если директоръ, или одинъ изъ наставниковъ, можетъ присутствовать на урокѣ, то извѣстная группа учениковъ отдѣляется въ особую комнату для того, чтобы одновременно могло происходить преподаваніе учителя и преподаваніе воспитанника подъ наблюденіемъ одного изъ наставниковъ. По окончаніи своихъ занятій въ школѣ, оба воспитанника должны составить по возможности полный отчетъ о своихъ занятіяхъ, указывая на тѣ учебники, которыми они пользовались, и на причины, почему они приняли одни приемы, а не другіе“ (Ивст. § 130).

Нельзя прежде всего не замѣтить, что означенныя занятія являются необходимымъ и важнымъ дополненіемъ пробныхъ уроковъ. Одни пробные уроки, на которыхъ воспитанники ежедневно присутствуютъ въ теченіе только часа, не дадутъ имъ полного представленія о школѣ, и многія стороны учебнаго дѣла останутся для нихъ неясными. Достаточно указать, на примѣръ, что на пробныхъ урокахъ нѣтъ возможности воспитанникамъ ознакомиться подробно съ самостоятельными занятіями, которыя имѣютъ весьма важное значеніе въ народныхъ школахъ. Извѣстно, что въ народныхъ школахъ при одномъ учителѣ ученики дѣлятся на три отдѣленія или группы. Въ какомъ бы порядкѣ ни велись занятія съ тремя отдѣленіями, въ результатѣ все-таки будетъ то, что изъ трехъ лѣтъ ученія только одинъ годъ ученики занимаются съ учителемъ, а остальные два года проводятъ за самостоятельными работами. Такая роль самостоятельныхъ занятій въ народныхъ школахъ требуетъ со стороны воспитанниковъ, какъ будущихъ учителей, обстоятельнаго ознакомленія съ этимъ дѣломъ, что и можетъ быть достигнуто во время недѣльныхъ дежурствъ въ училищѣ. Присутствуя въ училищѣ въ теченіе недѣли и принимая

участіе въ преподаваніи, воспитанники могутъ изучить выборъ самостоятельныхъ работъ, способъ задаванія и повѣрки ихъ и проч. Для основательнаго ознакомленія воспитанниковъ съ этимъ дѣломъ имъ кромѣ того послужитъ подробный учебный планъ занятій въ школѣ, въ которомъ неизмѣнно должны быть указаны всѣ роды самостоятельныхъ занятій по каждому предмету и въ каждомъ отдѣленіи.

Число уроковъ, которое можетъ дать каждый изъ очередныхъ воспитанниковъ въ теченіе недѣли, не должно быть произвольнымъ. При рѣшеніи этого вопроса нужно принять въ соображеніе: 1) научные интересы очередныхъ воспитанниковъ, такъ какъ, присутствуя въ училищѣ, они не бывають на классныхъ занятіяхъ; 2) интересы учениковъ школы, такъ какъ уроки очередныхъ воспитанниковъ замѣняютъ имъ уроки учителя. Правда, въ видахъ соблюденія интересовъ учениковъ школы въ инструкціи указано между прочимъ одновременное преподаваніе учителя и очереднаго воспитанника, при чемъ одна группа учениковъ отдѣляется въ особую комнату; но въ первыхъ, это требованіе не вездѣ исполнимо, — на примѣръ, въ Новоторжской учительской семинаріи, за недостаткомъ помѣщенія, — а во вторыхъ, все-таки слѣдуетъ соблюсти научные интересы воспитанниковъ. По нашему мнѣнію, очередной воспитанникъ долженъ давать уроки черезъ день, такъ какъ при этомъ условіи онъ одинъ день можетъ готовиться къ урокамъ въ училищѣ, а другой день готовить то, что проходитъ въ классѣ во время его отсутствія. Далѣе, въ томъ случаѣ, когда въ семинаріи нѣтъ отдѣльнаго помѣщенія при училищѣ, каждому очередному воспитаннику нельзя поручить болѣе трехъ уроковъ въ недѣлю, потому что даже при этихъ условіяхъ, если принять во вниманіе пробные уроки, воспитанниками въ теченіи недѣли будетъ дана почти половина всего числа уроковъ, назначаемыхъ по росписанію училища. Если же при семинаріи существуетъ отдѣльное помѣщеніе, то къ этимъ тремъ урокамъ можно прибавить то число уроковъ, которое возможно дать въ присутствіи директора или одного изъ наставниковъ.

При небольшомъ числѣ воспитанниковъ въ 3-мъ классѣ, каждому изъ нихъ придется повторить недѣльное посѣщеніе училища въ теченіе года нѣсколько разъ. Въ этомъ случаѣ полезно въ послѣднюю очередь измѣнять нѣсколько порядковъ занятій въ училищѣ очередныхъ воспитанниковъ. Имѣя въ виду, что въ концѣ учебнаго года въ 3-мъ классѣ обыкновенно повторяется все пройденное и что слѣдовательно очереднымъ воспитанникамъ гораздо труднѣе слѣдить за клас-

СНМЪ преподаваніемъ, можно ограничить срокъ пребыванія ихъ въ училищѣ вмѣсто недѣли двумя днями. Затѣмъ, чтобы видѣть, на сколько каждый изъ нихъ приобрѣлъ навыка и умѣнья въ веденіи учебнаго дѣла въ школѣ, полезно поручать каждому изъ нихъ всѣ уроки въ теченіе дня и возлагать на нихъ такимъ образомъ всѣ обязанности учителя. Мы полагаемъ, что подобныя занятія могутъ вполне замѣнять таеъ называемые экзаменаціонные пробныя уроки воспитанниковъ, а черезъ это сократится время, употребляемое на испытанія.

При назначеніи темъ и подготовленіи очередныхъ воспитанниковъ къ урокамъ, соблюдается и здѣсь тотъ же порядокъ, какъ при пробныхъ урокахъ, но для облегченія воспитанниковъ подробный планъ урока замѣняется краткимъ конспектомъ.

По окончаніи своихъ занятій въ училищѣ, очередные воспитанники составляютъ объ этомъ подробный отчетъ. Содержаніе подобныхъ отчетовъ можетъ быть различно, смотря по способностямъ, развитію воспитанниковъ, а также по усердію ихъ. Но чтобы и въ этомъ случаѣ не оставить ихъ безъ надлежащаго руководства и указать тѣ стороны, на которыя во время посѣщенія училища они должны обращать особенное вниманіе, слѣдуетъ указать, какія свѣдѣнія помѣщать въ отчетахъ для нихъ обязательно. Въ Новоторжской учительской семинаріи отъ воспитанниковъ требуется, чтобы они вносили въ отчеты слѣдующія свѣдѣнія:

1. Что пройдено въ теченіе отчетной недѣли по каждому предмету и въ каждомъ отдѣленіи.
2. Какія были самостоятельныя работы.
3. Уроки, данныя очередными воспитанниками, при чемъ указываются: а) руководства, которыми они пользовались б) приемы, употребленные на урокахъ и цѣль ихъ и в) результаты уроковъ.
4. Проступки учениковъ школы и мнѣніе воспитанниковъ о мѣрахъ и взысканіяхъ за эти проступки.

Требуемая свѣдѣнія, какъ видно, относятся къ учебной и воспитательной части. Замѣтимъ, что воспитанникамъ воспрещается входить по какому бы то ни было поводу въ обсужденіе дѣятельности учителя школы. Отчеты прочитываются директоромъ семинаріи и замѣчанія дѣлаются въ классѣ въ присутствіи всѣхъ учениковъ.

Въ заключеніе очерка практическихъ занятій считаемъ не лишнимъ привести числовыя данныя, относящіяся къ практическимъ занятіямъ

воспитанниковъ Новоторжской учительской семинаріи за 1876—77 учебный годъ.

Ученье въ начальномъ училищѣ при семинаріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и практическія занятія воспитанниковъ 3-го класса, начались въ концѣ августа и кончились 12-го мая; 13-го и 14-го мая произведены испытанія ученикамъ школы, на которыхъ присутствовали и воспитанники 3-го класса. Очередныя посѣщенія училища повторялись въ теченіе года три раза и продолжались два раза по недѣлѣ и одинъ разъ по два дня. Въ теченіе всего года на 16 воспитанниковъ пришлось слѣдующее количество пробныхъ уроковъ и уроковъ во время недѣльныхъ посѣщеній:

	проб. ур.	во время нед. пос.
въ младшемъ отдѣленіи		
звуковыя упражненія	4	—
обученіе чтенію и письму.	9	8
объяснительное чтеніе и чтеніе въ связи съ бесѣдами	13	18
изученіе чиселъ 1-го десятка	3	3
изученіе чиселъ 2-го десятка	4	5
письмо подъ тактъ	8	7
въ среднемъ отдѣленіи		
объяснительное чтеніе и чтеніе въ связи съ бесѣдами	15	22
грамматическія свѣдѣнія и письменныя упражненія.	15	10
церковно-славянское чтеніе	5	2
изученіе чиселъ до 100	15	13
именованія числа въ тѣхъ же пре- дѣлахъ	11	9
письмо подъ тактъ	11	3
въ старшемъ отдѣленіи		
объяснительное чтеніе.	10	11
грамматическія свѣдѣнія и письменныя упражненія.	16	7
церковно-славянское чтеніе	5	2
арифметика.	16	20
бесѣды и чтеніе статей историческа- го, географическаго и естествен- но-историческаго содержанія.	32	9
черченіе.	7	3
письмо подъ тактъ	7	8

Пробныхъ уроковъ 192, уроковъ во время недѣльныхъ посѣщеній 160, а всего 352 урока, или 22 урока на каждого воспитанника. Уроки по письму подѣ тактъ получасовые, а потому при общемъ счетѣ два такихъ урока приняты за одинъ.

Изъ всего сказаннаго, полагаемъ, достаточно выяснилось, на сколько система практическихъ занятій, указанная въ общихъ чертахъ инструкціею, цѣлесообразна въ видахъ основательной подготовки воспитанниковъ семинаріи къ учительской дѣятельности въ народной школѣ.

Укажемъ еще на одно важное достоинство этой системы по отношенію практическихъ занятій воспитанниковъ въ училищѣ къ ихъ класснымъ занятіямъ. Недѣльныхъ уроковъ въ 3-мъ классѣ по всемъ предметамъ, за исключеніемъ пѣнія и гимнастики, положено 28. Изъ этого числа только 7, или четвертая часть, отдѣляется на пробные уроки; посѣщеніе же школы очередными воспитанниками 3-го класса, а также и воспитанниками 2-го класса, происходитъ безъ перерыва классныхъ занятій. Такимъ образомъ большая часть практическихъ занятій идетъ совмѣстно съ классными занятіями, при чемъ, какъ мы объяснили въ своемъ мѣстѣ, воспитанники, посѣщающіе училище, имѣютъ полную возможность слѣдить за класснымъ преподаваніемъ и не отставать отъ своихъ товарищей. Слѣдствіемъ этого является то, что въ учительскихъ семинаріяхъ, не смотря на спеціальныя занятія воспитанниковъ, учебный матеріалъ по предметамъ преподаванія распредѣляется на 3 года, или даже на 4, если при семинаріи существуетъ приготовительный классъ.

Указавъ достоинства разсмотрѣнной нами системы, упомянемъ въ заключеніе о двухъ обстоятельствахъ, при которыхъ она можетъ оказаться не совсѣмъ состоятельною. Это: 1) позднее начало и раннее окончаніе ученія въ начальномъ училищѣ и 2) слишкомъ большое число воспитанниковъ въ 3-мъ классѣ. И въ томъ и другомъ случаѣ сокращается количество практическихъ занятій для каждого ученика. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что значеніе этихъ неблагоприятныхъ условій всегда можетъ быть ослаблено особыми мѣрами, принятыми совѣтомъ семинаріи сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ. Впрочемъ, что касается большаго числа воспитанниковъ въ 3-мъ классѣ, то не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться количествомъ, потому что важно не количество выпущенныхъ изъ семинаріи учителей, но качество ихъ.

А. Барановъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗДЪ ВЪ КАЗАНИ ¹⁾

Обычай ученыхъ съездовъ, получившій столь широкое примѣненіе въ нынѣшнее время, весьма успѣшно привился въ Россіи къ той области знаній, которая носитъ названіе археологіи. Состоявшійся въ Казани съ 31-го іюля по 17-е августа 1877 года съездъ русскихъ археологовъ былъ четвертымъ по счету со времени установленія этихъ собраній, и по примѣру прежнихъ съездовъ, во главѣ его стоялъ нашъ почтенный дѣятель на поприщѣ изученія древностей, графъ А. С. Уваровъ, неустанной энергіи и живой инициативѣ котораго русская наука обязана самою идеей установленія русскихъ археологическихъ съездовъ. Ближайшая организація Казанскаго съезда принадлежала предварительному комитету, котораго первое собраніе состоялось въ Петербургѣ, въ августѣ 1876 года, подъ предсѣдательствомъ гр. Уварова, и который затѣмъ въ теченіе цѣлаго года велъ подготовительныя работы въ Казани подъ руководствомъ П. Д. Шестакова. Секретаремъ, какъ предварительнаго комитета, такъ и самаго съезда, былъ доцентъ Казанскаго университета по кафедрѣ русской исторіи Д. А. Корсаковъ. Въ рѣчи, произнесенной при торжественномъ открытіи съезда, гр. Уваровъ выразилъ мысль, что существенную особенность археологическихъ съездовъ составляютъ вопросы мѣстные, изученіе древностей и старины того края, гдѣ происходитъ съездъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Послѣ того, какъ первые два съезда русскихъ археологовъ собраны были въ Москвѣ и Петербургѣ, третій состоялся въ Кіевѣ, и уже на немъ обнаружилось преобладаніе научныхъ вопросовъ, касающихся При-

1) Обзоръ этотъ составленъ на основанія *Извѣстій о занятіяхъ четвертаго археологическаго съезда въ Казани*, издававшихся въ теченіе съезда секретаремъ его Д. А. Корсаковымъ и составляющихъ книгу въ 8-ю долю листа въ сотню почти страницъ.

днѣпровья, надъ вопросами общаго характера или относящимися до другихъ областей Россіи. То же видимъ мы и въ Казани: и здѣсь на первомъ планѣ являются задачи мѣстнаго интереса, касающіяся средняго Поволжья, сѣверо-востока и вообще востока Россіи, и ужь около нихъ группируются другіе вопросы изъ круга русскихъ древностей.

Но особенность Казанскаго съѣзда заключается еще въ томъ, что не только на немъ были поставлены и частію разрѣшены многіе научные вопросы мѣстнаго интереса, но сверхъ того, до открытія съѣзда былъ предпринятъ рядъ подготовительныхъ ученыхъ работъ, посвященныхъ древностямъ и вообще историческому изученію Казанскаго края. Обстоятельства воспрепятствовали полному окончанію всѣхъ этихъ трудовъ; но и то, что сдѣлано, составляетъ цѣнный вкладъ въ науку. Приводимъ изъ рѣчи г. секретаря съѣзда, произнесенной при открытіи его, нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ работахъ: „Казанскій предварительный комитетъ прежде всего озаботился принятіемъ мѣръ къ усиленному исполненію ученыхъ работъ для съѣзда, о которыхъ было заявлено въ двухъ засѣданіяхъ [предварительнаго комитета въ С.-Петербургѣ. Хотя многія изъ этихъ работъ не могли быть вполне окончены къ съѣзду, но комитетъ считаетъ пріятною для себя обязанностью заявить вамъ, мм. гг., что по всѣмъ научнымъ работамъ, намѣченнымъ въ петербургскихъ засѣданіяхъ комитета, имъ приняты мѣры. Трудъ профессора С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“, посвященный IV-му археологическому съѣзду, въ значительной степени отвѣчаетъ многимъ желаніямъ, выраженнымъ въ петербургскихъ засѣданіяхъ предварительнаго комитета. Въ немъ вы найдете, мм. гг., между прочимъ, объясненіе причины, почему не могла быть изготовлена къ съѣзду археологическая карта Казанской губерніи: причина эта заключается въ недостаткѣ точныхъ и вполне достовѣрныхъ матеріаловъ для карты. Тѣмъ не менѣе предварительный комитетъ счелъ возможнымъ представить, хотя не совсемъ удовлетворительный, опытъ археологической карты Казанской губерніи, составленный Е. Т. Соловьевымъ. Объясненія ошибокъ и неточностей этой карты находятся въ запискѣ И. А. Износкова. Въ книгѣ профессора Шпилевскаго вы найдете также весьма обстоятельный сводъ извѣстій мусульманскихъ писателей о Булгарскомъ царствѣ и обзоръ археологическихъ памятниковъ и изслѣдованій въ Казанской губерніи, а также отвѣтъ на одиннадцать вопросовъ и запросовъ программы

съезда. Этнографическая карта Казанской губерніи составлена И. А. Износковимъ при помощи Н. И. Золотницкаго. Пѣсколько древнихъ мусульманскихъ надписей представляется вашему вниманію частію въ подлинникахъ (на могильныхъ камняхъ), частію въ снимкахъ. Обзоръ достопримѣчательностей г. Казани, составленный проф. Шилевскимъ для IV-го съезда естествоиспытателей, бывшаго въ Казани въ 1873 году, вновь просмотрѣнъ и дополненъ авторомъ и начнется печатаніемъ съ 1-го № Извѣстій о занятіяхъ археологическаго съезда. Полная библиографія извѣстій о Казани и Казанскомъ краѣ и указатель къ Казанскимъ періодическимъ изданіямъ, къ сожалѣнію, не могли быть кончены къ съезду по весьма серьезной болѣзни профессора Н. Н. Булича, ревностно принявшагося за обѣ эти работы. Къ первой изъ нихъ у него давно былъ подготовленъ матеріалъ; матеріалъ же для второй былъ собранъ Е. Т. Соловьевымъ и принесенъ имъ въ даръ IV-му археологическому съезду.

Кромѣ этихъ работъ, инициатива, или по крайней мѣрѣ, поддержка которыхъ шла отъ предварительнаго комитета, созваніе археологическаго съезда въ Казани несомнѣнно содѣйствовало вообще оживленію мѣстной научной дѣятельности; такъ, Казанская духовная академія издала къ съезду: „Извлеченія изъ Казанской писцовой книги 1556—1558 годовъ“, а о. протоіерей Платонъ Зарискій напечаталъ: „Очерки древней Казани, преимущественно XVI-го вѣка“ (съ планомъ Казани). Появились и нѣкоторые другіе труды мѣстнаго интереса, менѣе важные.

Сверхъ изготовленія и изданія упомянутыхъ выше трудовъ, предварительный комитетъ озаботился приведеніемъ въ извѣстность архивовъ, заключающихъ въ себѣ матеріалы для исторіи Казанскаго края, и собраніемъ нѣкоторыхъ археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Казанской и смежнымъ губерніямъ (какъ наприимѣръ, о церковныхъ праздникахъ, особо чтимыхъ народамъ). Въ обоихъ этихъ мѣропріятіяхъ комитетъ встрѣтилъ полное содѣйствіе какъ со стороны мѣстныхъ начальствующихъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, такъ и со стороны лицъ частныхъ.

Наконецъ, должно упомянуть, что стараніями предварительнаго комитета организована была при съездѣ археологическая выставка. О составѣ ея могутъ дать понятіе слѣдующія слова г. секретаря съезда въ его рѣчи, произнесенной при открытіи: „Выставка помѣщается въ четырехъ залахъ. Палеонтологическій комитетъ служитъ естественнымъ, такъ сказать, введеніемъ къ выставкѣ первобытныхъ древностей, размѣщенныхъ въ первой залѣ; въ этой же залѣ помѣ-

щены нѣкоторые предметы выставки антропологической и вещественныя древности историческаго періода, а также старинныя карты и планы. Вторая зала заключаетъ въ себѣ памятники языка и письма (нѣкоторыя замѣчательнѣйшія рукописи бібліотекъ Казанской духовной академіи, Казанскаго университета и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ); третья зала—монеты и древности восточныя; четвертая зала—предметы современныхъ намъ этнографіи и быта, преимущественно нашего Поволжскаго края. Находящаяся въ этомъ отдѣлѣ коллекція раскольничьихъ вещей даетъ археологу нѣкоторыя данныя при изученіи старины, которая, какъ извѣстно, благочестиво сохраняется въ расколѣ. Такимъ же комментариемъ при изученіи вѣковъ давно минувшихъ является бытъ нашихъ инородцевъ. Такимъ образомъ, выставка при IV-мъ археологическомъ сѣздѣ служитъ нагляднымъ уясненіемъ той неразрывной связи, которая существуетъ между прошлымъ и настоящимъ, между древностью и современностью“.

Итакъ, значительная часть дѣятельности приготовительнаго комитета Казанскаго сѣзда была посвящена приведенію въ извѣстность и разработкѣ мѣстной древности и старины, какъ предметовъ, на которыхъ должно было въ особенности сосредоточиться вниманіе сѣзда. Но сверхъ этихъ мѣстныхъ задачъ науки, сѣздъ, конечно, коснулся и разныхъ другихъ научныхъ вопросовъ археологіи болѣе или менѣе крупныхъ. На дальнѣйшихъ страницахъ настоящаго обзора будутъ предложены свѣдѣнія о всѣхъ наиболѣе важныхъ сообщеніяхъ и преніяхъ, происходившихъ на Казанскомъ сѣздѣ.

По примѣру большей части ученыхъ конгрессовъ, Казанскій сѣздъ раздѣлился на семь отдѣленій по разнымъ отраслямъ археологическихъ знаній; но засѣданія отдѣленій всегда происходили не одновременно, а въ общемъ собраніи членовъ, и такимъ образомъ всѣ члены имѣли возможность принимать участіе въ занятіяхъ всѣхъ отдѣленій. Приводимъ перечень отдѣленій сѣзда съ означеніемъ должностныхъ лицъ и числа засѣданій по каждому изъ нихъ:

- 1) Первобытныя древности: предсѣдатель—графъ А. С. Уваровъ; секретари — В. Б. Антоновичъ и Л. К. Ивановскій; засѣданій — 7.
- 2) Историческая географія и этнографія: предсѣдатель—П. Д. Шестаковъ; секретари — Е. Е. Замысловскій и И. А. Износковъ; засѣданій—4.
- 3) Памятники искусствъ и художествъ: предсѣдатель—графъ М. В. Толстой, секретарь Х. Г. Пашковскій; засѣданій—2.
- 4) Бытъ домашній и общественный и 5) Бытъ религиозный: предсѣдатель—С. М. Шпилевскій. секретари — Н. П. Загоскинъ и Ф. А. Тернов-

скій, засѣданій—2. 6) Памятники языка и письма: председатель — И. П. Срезневскій, секретари—И. Я. Порфирьевъ, Н. Я. Аристовъ и Л. Н. Майковъ; засѣданій—3. 7) Восточныя древности: председатель—Г. Э. Готвальдъ; секретари—Н. И. Ильминскій и А. Я. Гаркави; засѣданій—3. Всѣхъ засѣданій съездъ имѣлъ 25; изъ нихъ въ 21-мъ съездѣ собирався по отдѣленіямъ, а въ 4-хъ остальныхъ — въ общія собранія. Отрасли науки, представленныя извѣстными отдѣленіями съезда, собиравшимися наиболѣе часто, очевидно, наиболѣе привлекали къ себѣ вниманіе членовъ. А потому мы имѣемъ право расположить настоящее обзорѣніе занятій съезда въ порядкѣ тѣхъ отдѣленій его, которыхъ собранія были всего многочисленнѣе. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о занятіяхъ общаго собранія.

Въ отдѣленіи первобытныхъ древностей доложенъ былъ съезду цѣлый рядъ сообщеній по вопросамъ о каменныхъ орудіяхъ, курганахъ и древнихъ могилахъ, городищахъ и валахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Европейской и частію Азіатской Россіи. Такъ, заявлено было о находкѣ каменныхъ орудій въ Печерскомъ краѣ на правомъ берегу р. Индиги около впаденія р. Большой Щелихи, въ 10-ти верстахъ отъ берега Сѣвернаго океана; далѣе—въ Царевококшайскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, въ Варнавинскомъ—Костромской губерніи и въ Муромскомъ—Владимірской; въ Лифляндіи, гдѣ, изслѣдователь, профессоръ Гревингкъ предполагаетъ даже существованіе цѣлой мастерской или фабрики для ихъ изготовленія; затѣмъ—въ Черниговскомъ уѣздѣ, въ мѣст. Салтыковой-Дѣвицѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Особенно же важнымъ приобрѣтеніемъ науки можно считать находки предметовъ каменнаго вѣка, сдѣланныя гр. А. С. Уваровымъ и кн. Л. С. Голицынымъ въ Муромскомъ уѣздѣ.

Въ имѣніи кн. Л. С. Голицына на р. Ока, между приставями Сапуномъ и Варежомъ такъ называемыя Перемиловскія горы подходятъ къ правому берегу рѣки, а на противоположномъ низкомъ берегу расположены песчаные бугры, изъ которыхъ самый замѣчательный называется Плехановымъ; часть этого бугра спустилась къ Ока, и въ немъ подъ растительнымъ слоемъ оказывается сыпучій песокъ, который частыми и сильными въ той мѣстности южными вѣтрами переносится на вершину бугра и на противоположный скатъ его. Здѣсь же, по заднему песчаному скату бугра, оказались разсыпанными каменныя орудія и черепки. Гр. Уваровъ, съ цѣлью опредѣлить положеніе культурнаго слоя, предпринялъ раскопку бугра сверху, и при этомъ имъ были

встрѣчены слѣдующіе слои: 1) слой пересыпаннаго вѣтромъ песку, покрывающій стволы нѣкоторыхъ сосенъ на извѣстную высоту; 2) тонкій растительный слой, гдѣ простирались корни этихъ деревьевъ; 3) второй слой сыпучаго песку, обнаженный съ юга и весьма толстый; 4) слой угля отъ большихъ деревьевъ, представляющій собою сгорѣвшую рощу; 5) слой красноватаго аллювіальнаго глинистаго песку, и подъ нимъ 6) культурный слой песку съ золой и углемъ до 4-хъ аршинъ толщиной. Здѣсь найдены цѣлыя кучи угля и черепковъ, но судя по нахожденію донышекъ сосудовъ подъ углями, надо думать, что уголь заключался въ этихъ сосудахъ. Въ одномъ изъ такихъ сосудовъ, кромѣ угля, встрѣчено и каменное орудіе. Кромѣ того, находились кучи черепковъ, съ остатками рѣчныхъ раковинъ; затѣмъ цѣлыя залежи раковинъ, при чемъ одна залежь, 3-хъ сажень въ длину и 1¹/₂ сажени въ ширину, состояла изъ черепковъ, раковинъ и орудій, служившихъ для домашняго употребленія; эти залежи суть настоящіе такъ—называемые кухонные остатки. Кромѣ перечисленнаго, земля, какъ можно судить по коричневому цвѣту ея, сохраняла здѣсь остатки отъ какого-то гніенія, можетъ быть, остатковъ рыбъ. Ниже описаннаго культурнаго слоя находился еще слой дилувіальныхъ наносовъ, и еще ниже, въ подошвѣ бугра, чистый рѣчной песокъ. Огромное количество орудій и черепковъ показываетъ, что здѣсь было цѣлое людское поселеніе, или точнѣе говоря, поселеніе было неподалеку въ горахъ, гдѣ есть пещеры со сталактитами и известковыми ломками, а это суть такъ-называемыя мастерскія, гдѣ первобытный человѣкъ дѣлалъ свои орудія и сосуды, насыщалъ свой голодъ и вообще проводилъ довольно долгое время. Но вотъ—произошелъ геологическій переворотъ, аллювіальный слой прикрылъ собою слѣды первобытнаго человѣка, но въ слою угля отъ сгорѣвшей рощи онъ опять видѣнъ. Въ указанномъ слоѣ находятся каменныя орудія отъ самыхъ грубыхъ до сверленныхъ и прекрасно полированныхъ молотковъ, а потому можно заключить, что человѣкъ жилъ здѣсь въ теченіе всего каменнаго періода, вплоть до роковаго переворота, заставившаго уцѣлѣвшихъ искать иного убѣжища. Странно, что въ массѣ остатковъ найдено всего двѣ-три кости; въ виду этого обстоятельства слѣдовало бы допустить, что или первобытные люди питались здѣсь только рыбой, или кости звѣрей истлѣли. Первое предположеніе, по мнѣнію гр. Уварова,—вѣроятнѣе. Горшки, подобно орудіямъ, попадались въ культурномъ слоѣ всѣхъ видовъ—отъ самыхъ грубыхъ, полубоженныхъ, до украшенныхъ весьма изящными узо-

рами, весьма сходными съ узорами, которые усматриваются на находкахъ И. С. Полякова, относящихся къ каменному періоду на сѣверномъ берегу Онежскаго озера. Между другими находками встрѣтились во множествѣ каменные, всевозможныхъ величинъ — отъ величины пяточка до величины нѣсколько менѣе игральной карты, полированные пластинки, которыя на западѣ обыкновенно признаются за грузила для сѣтей; однако множество такихъ пластинокъ минимальной тяжести скорѣе указываетъ на то, что они служили для украшенія шеи въ видѣ ожерелья вмѣстѣ съ другими предметами, безспорно служившими для сей послѣдней цѣли.

Въ дополненіе къ этому сообщенію гр. Уварова, который закончилъ его указаніемъ на необходимость искать слѣдовъ жилища первобытнаго человѣка въ пещерахъ, лежащихъ близъ описанныхъ мѣстополюженій каменныхъ орудій, — кн. Л. С. Голицынъ представилъ нѣсколько соображеній со своей стороны. Во время весеннихъ разливовъ, замѣтилъ онъ, — упомянутые бугры и доселѣ являются островами, и очень можетъ быть, что первобытные обитатели отъѣзжали сюда весной и жили здѣсь подолгу; можно даже съ большою долею вѣроятности предположить, что когда-то эти бугры были островами настоящаго моря, тѣмъ болѣе, что многія изъ встрѣчающихся раковинъ безспорно морскія, а было бы слишкомъ смѣло предположить, что онѣ привозныя. Этимъ обстоятельствомъ, по мнѣнію кн. Голицына, и объясняется, что указанный культурный слой нигдѣ не спускается до подошвы бугровъ, но оканчивается всегда на нѣкоторой высотѣ; высоту эту можно бы даже приблизительно опредѣлить для всѣхъ бугровъ, сдѣлавъ экскурсію во время весеннихъ разливовъ Оки и Волги; кн. Голицынъ думаетъ, что высота эта вездѣ оказалась бы приблизительно одинаковою подѣ уровнемъ разлива.

Столь же замѣчательно, какъ находки въ имѣніи кн. Голицына, другое открытіе, сдѣланное гр. Уваровымъ по части каменнаго періода въ Россіи: мы разумѣемъ совмѣстную находку съ каменными орудіями — костей мамонта. Находка эта сдѣлана также въ Муромскомъ уѣздѣ, въ оврагѣ у с. Карачарова, родины знаменитаго героя русскаго эпоса Ильи Муромца; здѣсь, послѣ обвала берега, усмотрѣнъ былъ слой желтой глины, непосредственно лежащій подѣ черноземомъ, аршина въ четыре толщиною, и въ этомъ слоѣ оказались кости мамонта — бивни, зубы, бедра, въ томъ числѣ одна кость, расколота вдоль и разчищенная съ внутренней стороны; при нихъ найдено шесть кремневыхъ ножей и скребки, а также ядрища (*nucleus*),

къ которымъ ножи приходились. Мамонтовы кости попадались и въ сосѣднихъ оврагахъ, гдѣ также находимы были кости носорога. Вѣроятно, нагорный берегъ р. Оки у с. Карачарова былъ мѣстомъ жилища мамонтовъ, а Карачаровскій оврагъ—мѣстомъ, гдѣ первобытные люди убивали мамонтовъ, дѣлили ихъ мясо и угощались имъ; доказательствомъ въ пользу этого предположенія служить безпорядочное положеніе костей и присутствіе при нихъ только такихъ орудій, которыя употреблялись лишь при ѣдѣ—кожи, скребки и ядрища отъ ихъ приготовленія; жилища же насельниковъ этого края были, вѣроятно, на буграхъ, на низменномъ берегу Оки, гдѣ, кромѣ названныхъ, найдены еще палеолитическія и неолитическія орудія—стрѣлы, конья и пр., въ огромномъ количествѣ.

Третье любопытное сообщеніе относительно каменныхъ орудій также принадлежало графу А. С. Уварову: оно отличалось болѣе общимъ характеромъ и заключало въ себѣ нѣсколько соображеній по слѣдующему вопросу программы съѣзда: (№ 6) „Всѣ ли каменныя орудія, находимыя въ Россіи, принадлежатъ къ каменному періоду? Чтò можно заключить изъ различныхъ формъ каменныхъ орудій и изъ матеріала, изъ котораго они сдѣланы?“ Нѣсколько отрывочныхъ указаній по первой половинѣ этого вопроса представлено было на Казанскомъ съѣздѣ еще прежде, чѣмъ прочтенъ былъ рефератъ гр. Уварова, спеціально трактующій о томъ же предметѣ; такъ П. И. Мельниковъ сообщилъ, что онъ въ 1869 г. нашелъ въ употребленіи каменный молотокъ въ Варшавскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, а А. О. Бычковъ заявилъ, что онъ видѣлъ такой же случай въ Ярославской губерніи; самъ гр. Уваровъ напомнилъ, что въ нѣкоторыхъ европейскихъ музеяхъ хранятся каменные молотки съ надписями египетскою, гностическою и руническою, стало быть, бывшіе въ употребленіи гораздо позже, чѣмъ стали изготовляться орудія изъ металловъ. Въ особомъ рефератѣ, служившимъ отвѣтомъ на представленный выше вопросъ, гр. Уваровъ также отвѣчалъ отрицательно на первую часть его, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвергъ и то мнѣніе, будто въ Россіи не было чистаго каменнаго періода; убѣжденіе противоположное можетъ быть подтверждено многими доказательствами. Затѣмъ, переходя ко второй части вопроса, гр. Уваровъ высказалъ предположеніе, что по способу отдѣлки и матеріалу нельзя заключать о сравнительной древности каменныхъ орудій; не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе всего каменнаго періода одинъ родъ орудій, именно—орудія для употребленія времен-

наго, отдѣлывались грубѣе: таковы были копья, стрѣлы, ножи, скребки; другой же родъ орудій, служившій для постояннаго употребленія, отдѣлывался гораздо тщательнѣе и изящнѣе: таковы были молотки, топоры, долотки и каменные украшенія. Вообще изслѣдованія въ области каменныхъ орудій застаютъ человѣка въ первобытномъ осѣдломъ періодѣ; періодъ же кочевой и пастушеской наступаетъ позже. Отсутствие костей животныхъ на ряду съ костями наиболѣе древняго человѣка ясно указываетъ на то, что пасти ему было не кого, а потому и не приходилось искать пастбищъ.

По другой отрасли первобытныхъ древностей, по курганамъ и древнимъ могиламъ, мы опять встрѣчаемся на Казанскомъ съѣздѣ со многими рефератами; одни изъ нихъ касаются кургановъ и могилъ въ Киевской и Полтавской губерніяхъ, другіе — кургановъ Прибалтійскаго края, губерній Петербургской и Ярославской, третьи — сибирскихъ, четвертые — могилъ на Кавказѣ. Раскопка южно-русскихъ кургановъ и могилъ пошла особенно дѣятельно съ тѣхъ поръ, какъ въ Киевѣ занялись приготовленіями къ археологическому съѣзду, бывшему тамъ въ 1874 году. Въ Казани заявлено было о раскопкахъ В. Ю. Поповскаго, произведенныхъ въ бассейнѣ р. Роси надъ курганами весьма различныхъ формъ, при чемъ въ одномъ курганѣ было найдено до 50 сосудовъ съ пепломъ людей, объ открытіи весьма древняго кладбища въ предѣлахъ самого города Киева, и о раскопкахъ Д. Я. Самовасова, произведенныхъ имъ въ 1875 г. въ Черяславскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи и въ Каневскомъ и Черкасскомъ — губерніи Киевской.

Открытіе древняго кладбища въ Киевѣ сдѣлано было въ 1876 году при постройкѣ одного дома у такъ-называемой Иорданской церкви. Здѣсь уцѣлѣло только четыре могилы, остальные же были разрушены въ началѣ XVIII в. при постройкѣ большаго, впоследствии сгорѣвшаго дома, котораго фундаментъ однако сохранился, и о времени существованія котораго свидѣтельствовали найденныя въ этомъ фундаментѣ вещи, въ томъ числѣ прусскія монеты 1619—1640 годовъ. Изъ четырехъ сохранившихся могилъ въ одной найденъ скелетъ безъ вещей, а въ другой — скелеты лошади и всадника въ желѣзномъ вооруженіи, чашка отъ шпика съ кольчугой, обоюдоострый мечъ, стрѣлы, стремяна, удила, поясная пряжка и бронзовыя украшенія съ серебряною насѣчкой; голова лошади была проломлена большимъ камнемъ; въ третьей могилѣ лежалъ человѣческій остовъ въ горизонтальномъ положеніи, головой на западъ; при немъ находились двѣ большія поясныя сканныя пряжки, у пояса точильный брусокъ, затѣмъ нѣсколько

серегъ, два крестика и диргемъ (монета) халифа Абу-Джафара-Матури (142 г. гиджры), VIII в.; наконецъ, четвертая могила заключала въ себѣ только два сосуда, одна — съ жженымъ зерновымъ хлѣбомъ, а другой — съ жжеными человѣческими костями. По предположенію В. Б. Антоновича, дѣлавшаго сообщеніе объ этой находкѣ въ Казани, описанное кладбище относится къ VIII или IX вѣку и находилось въ самой торговой части древняго Кіева, о чемъ можно судить по часто находимымъ здѣськладамъ саманидскихъ монетъ; кромѣ упомянутого выше диргема, въ пользу догадки г. Антоновича служатъ господство языческаго культа, типъ серегъ и замѣчаемое въ вещахъ неумѣнье сплавливать металлы.

Что касается раскопокъ Д. Я. Самоквасова, то онѣ также представили богатую добычу, но къ сожалѣнію, заключали въ себѣ слишкомъ мало данныхъ для хронологическаго опредѣленія найденныхъ предметовъ. Въ Переяславскомъ уѣздѣ г. Самоквасовъ находилъ въ курганахъ остовы, горизонтально лежащіе головою на востокъ, съ руками, сложенными на животы, бѣдно украшенные серьгами и кольцами, или вовсе безъ украшеній. Въ одномъ курганѣ г. Самоквасовъ нашелъ орудіе, похожее на ланцетъ, и другія орудія коновальства. Въ одномъ изъ кургановъ на р. Росавѣ найдены остовъ лошади, при чемъ въ зубахъ у нея желѣзныя удила, а сбоку стремена, остовъ человѣка въ толстомъ деревянномъ гробу, сбитомъ четырьмя гвоздями — при этомъ остовѣ желѣзная сабля, пачка желѣзныхъ стрѣлъ и желѣзная кольчуга; въ другомъ курганѣ найдено то же, но на головѣ лошади сохранились металлическія бляшки и болѣе ясныя слѣды сѣдла; въ третьемъ курганѣ остовъ съ шапкою на головѣ, украшенною нѣсколькими рядами бляхъ, у головы два толстыхъ золотыхъ кольца, на шеѣ спиральное ожерелье, на правой рукѣ витой браслетъ и серебряный перстень съ камнемъ; сохранились также остатки одежды; въ передней части могилы большой бронзовый сосудъ, и въ немъ остатки деревяннаго окованнаго ведра и глинянаго сосуда. Въ одномъ изъ кургановъ, прежде раскопанныхъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, также найденъ былъ остовъ лошади, стремена, стрѣлы и проч.; въ другихъ курганахъ г. Самоквасовъ находилъ остовы безъ украшеній, при остовахъ попадался только красноватый порошокъ; вообще, по мнѣнію изслѣдователя, эти могилы — очень древнія, остовы въ нихъ совсѣмъ разложились, и нерѣдко въ верхнихъ частяхъ кургановъ оказывались болѣе позднія могилы вооруженныхъ желѣзомъ всадниковъ. Сперва г. Самоквасовъ полагалъ, что эти курганы сторожевыя, но раскопки

доказали ихъ похоронное значеніе. Раскопки въ Черкасскомъ уѣздѣ были произведены г. Самоквасовымъ у с. Пекарей на урочищѣ Княжой Горѣ, и результатомъ ихъ, а равно пріобрѣтенія у мѣстныхъ крестьянъ, были серьги золотыя и серебряныя, серебряная бляха, бусы, мѣдные наконечники стрѣлы, желѣзныя пряжки, удила, шпоры, печать съ надписью митрополита Кирилла (начала XII в.), замки, удочные крючки и пр.—По поводу этого сообщенія В. Б. Антоновичъ заявилъ, что Росавскіе курганы, хотя они—по словамъ г. Самоквасова—и находятся на возвышенныхъ мѣстахъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало считать за сторожевые: курганы этого назначенія встрѣчаются только на водораздѣльныхъ линіяхъ, по коимъ пролегали пути кочевниковъ, вторгавшихся на Русь; Росавскіе же курганы лежатъ въ мѣстности, которая составляетъ уголь, образуемый стеченіемъ двухъ рѣкъ.

Наиболѣе общій интересъ по характеру своихъ заключеній представилъ, относительно южно-русскихъ кургановъ, рефератъ В. Б. Антоновича—о похоронныхъ типахъ въ курганахъ Южно-Русскаго края. Указавъ на сравнительно небольшое число научно-раскопанныхъ до сихъ поръ кургановъ на этомъ пространствѣ (до 50), г. Антоновичъ представилъ опытъ свѣденія полученныхъ такимъ образомъ данныхъ къ нѣсколькимъ типамъ погребальныхъ формъ. По мнѣнію докладчика, такъ-называемые этажные курганы, то-есть, такіе, которые заключаютъ въ себѣ на различной высотѣ нѣсколько разновременныхъ могилъ, даютъ возможность распредѣлить типы погребенія въ преемственномъ порядкѣ. Всѣхъ типовъ, по мнѣнію г. Антоновича, пять: 1) самый древній: скелеты лежатъ глубоко подъ уровнемъ земли горизонтально; вещей при нихъ нѣтъ, иногда они обернуты въ бересту; 2) могилы съ каменными орудіями или съ каменными и металлическими вмѣстѣ; въ нихъ обыкновенно находится по нѣскольку скелетовъ—отъ двухъ до девяти въ каждой; 3) могилы бронзоваго вѣка; покойники сожжены, въ могилахъ сосуды съ жжеными костями; есть курганы исключительно съ бронзовыми вещами, напримѣръ, у с. Должка въ Кіевской губерніи; отсюда видно, что датскій археологъ Ворсо ошибался, говоря, что въ южной Руси не было бронзоваго вѣка; 4) могилы такъ-называемыя скиескія, которыя принадлежали народу, пришедшему въ страну въ то время, когда туземцы впервые вступали въ періодъ бронзоваго вѣка; это пришлое племя обладало богатою культурою; въ скиескихъ могилахъ находятся не только бронзовыя, но и желѣзныя вещи, также терракотовые сосуды, красивые дѣланные на колесѣ сосуды изъ черной глины, песчаниковыя подставки,

стекло, сердоликъ, золото, сѣбра и т. п.; 5) могилы вѣка желѣзнаго, распадающіяся на нѣсколько особыхъ разновидностей по слѣдующимъ видамъ погребенія: а) простые похороны, б) сожженіе на подготовленномъ на курганѣ точкѣ, в) похороны въ сводахъ, и г) похороны на полѣ въ могилахъ, обложенныхъ валунами; въ одной изъ такихъ могилъ найденъ былъ мѣдный сосудъ съ изображеніемъ четырехъ евангелистовъ. Разсмотрѣніе упомянутого сосуда подало поводъ нѣкоторымъ членамъ съѣзда сдѣлать свои замѣчанія. Такъ В. А. Прохоровъ заявилъ, что сосудъ этотъ можетъ быть признанъ кадильницей, и что изображенія на немъ евангелистовъ—романскаго стиля XI в.; спираль же, представленная г. Антоновичемъ изъ одного кургана, употреблялась для поддержанія кожаннаго панциря. Въ противность этому мнѣнію графъ А. С. Уваровъ полагалъ, что спиральная гривна не имѣетъ ничего общаго съ римскою и относится къ бронзовому вѣку. Что же касается отрицанія бронзоваго вѣка въ южной Россіи западными учеными, то—по мнѣнію графа Уварова—оно основывается исключительно на незнаніи фактовъ, которые однако не подлежатъ сомнѣнію.

Другую группу рефератовъ по вопросу о курганахъ составляютъ сообщеніе А. Г. Брикнера—о первобытныхъ древностяхъ, извлеченныхъ изъ могилъ Прибалтійскаго края г. К. Гревингомъ, и докладъ Л. К. Ивановскаго: „Матеріалы для изученія курганнаго періода Водьской пятинны Новгородской земли“. Результаты перваго сообщенія уже изложены на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1877 г., кн. 11); здѣсь же слѣдуетъ упомянуть только о нѣкоторыхъ, высказанныхъ по поводу мнѣній г. Гревинга, замѣчаніяхъ; такъ, Л. К. Ивановскій заявилъ, что считаетъ сообщенія прибалтійскаго археолога о вліяніи готскихъ обычаевъ на Ливовъ, Эстовъ и Фияновъ сильно преувеличенными относительно территоріи: по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ С.-Петербургской губерніи онъ рѣшительно не встрѣчалъ такъ называемыхъ корабельныхъ могилъ, которымъ нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ и г. Гревингъ, приписываютъ готское происхожденіе; съ своей стороны, гр. А. С. Уваровъ замѣтилъ, что онъ не согласенъ съ мнѣніемъ г. Гревинга, что культура каменнаго и бронзоваго вѣка шла въ Прибалтійскомъ краѣ съ востока на западъ: по соображеніямъ гр. Уварова, движеніе ея было обратное; впрочемъ, въ виду отсутствія самого г. Гревинга, гр. Уваровъ не счелъ удобнымъ входить въ подробныя ему возраженія.

Сущность сообщенія г. Ивановскаго о курганахъ Водьской пя-

тины заключастся въ слѣдующемъ: Поверхность Петербургской губернии, на которой расположены изслѣдованныя г. Ивановскимъ группы кургановъ, равняется приблизительно 900 квадратнымъ верстамъ, лежитъ въ уѣздахъ Царскосельскомъ, Петергофскомъ и частью Ямбургскомъ и заключаетъ въ себѣ 58 курганныхъ грунъ, въ коихъ до 9.000 отдѣльныхъ насыпей; изъ послѣднихъ до сихъ поръ изслѣдовано только 2.935. Какъ видно изъ писцовой книги Водской пятины, 1500 года, на этой площади находились погосты: Дягилинскій, Грезневскій, Суйдовскій, Озерецкій, Зарѣцкій, Авѣшскій, Врудскій и Вѣдмицкій, — всѣ эти названія мѣстностей существуютъ и понынѣ. По способу насыпки курганы раздѣляются въ тѣхъ мѣстахъ на три типа: 1) насыпанные прямо надъ почвой, 2) насыпанные подъ почвой, въ которой было сдѣлано небольшое углубленіе, заключающее въ себѣ костякъ, и 3) дальнѣйшее развитіе втораго типа въ могильную яму, подобную нынѣшнимъ, но съ тѣмъ отличіемъ, что въ головахъ могилы ставился большой камень, а весь контуръ ея обносился мелкими булыжниками, то-есть, въ такъ называемую „могильную клѣтку“. Курганы перваго типа устраивались такъ: внутри круга изъ гранитныхъ валуновъ, отъ 1¹/₂ до 4¹/₂ саж. въ діаметрѣ, располагалась — въ западной части круга — куча такихъ же валуновъ; на этой кучѣ съ помощью значительнаго количества топлива сжигалось какое-либо домашнее животное; остатки этого костра покрывали довольно толстымъ слоемъ и камни жертвенника, и все пространство внутри валунной ограды; на этомъ кострищѣ располагался трупъ ногами на восходѣ — или сидя, или лежа, покоясь головою на одномъ изъ камней его подножія. Затѣмъ все засыпалось или рѣчнымъ пескомъ, или грунтомъ, вынутымъ по близости и въ большей части одерновывалось. Курганы получали правильную полусферическую форму съ валунною окладкой основанія. По мѣрѣ разрушенія погребеннаго въ сидячемъ положеніи, ребра, позвонки и черепъ опускались къ тазу, и часть насыпи, слѣдуя за ними, образовывала въ западной половинѣ поверхности кургана кратерообразное углубленіе. Насыпи втораго типа устраивались нѣсколько иначе: выкапывалась могила отъ 2¹/₂ до 3 арш. длиною, въ ³/₄ арш. ширины и глубины; въ нее укладывался, или что бывало рѣже — усаживался погребаемый, въ послѣднемъ случаѣ опираясь спиной и головою на западную стѣнку могилы и приваленный къ ней камень, и засыпался вынутою изъ могилы землею съ нѣкоторою прибавкою песку; поверхъ этого первичнаго землянаго покрова — остатки костра и черепки, и

уже затѣмъ — вторичная насыпь, окончательно увѣнчивавшая курганъ. Непрерывной кладки изъ гранита не дѣлалось, но за то у основанія насыпи располагались 4 или 6 огромныхъ валуновъ, изъ коихъ одинъ, наибольшій, помѣщался въ головахъ, а другой—въ ногахъ. Наконецъ, въ могилахъ третьяго типа погребеніе таково, что костяки всѣ въ лежачемъ положеніи, но признаковъ гробовъ не замѣчено; земля, залпнявшая могильныя клѣтки, часто представляла вкрапины золы, угля и черепковъ. Относительно послѣднихъ можно предположить, что они попадали сюда изъ особыхъ, представлявшихъ собою наслоеніе засыпанныхъ пескомъ кострищъ, кургановъ, въ которыхъ ни вещей, ни остатковъ человѣческихъ костей не встрѣчено, но которые попадались въ тѣхъ группахъ, гдѣ встрѣчены клѣтки. Курганы перваго типа часто содержали въ себѣ на кострищахъ кальцинированныя вслѣдствіе трупосожденія кости человѣка и сплавившіяся и обгорѣвшія вещи. Почти всѣ безъ исключенія остовы во всѣхъ трехъ типахъ могилъ имѣли въ ногахъ горшокъ съ остатками пищи. Женскіе остовы являлись наиболѣе украшенными: найдено множество вѣицовъ, монистъ, бусъ, гривепъ, серегъ, височныхъ колецъ, привѣсокъ, браслетовъ, перстней и колецъ, поясовъ, ножей и поясныхъ привѣсокъ въ видѣ коньковъ съ побрякушками; браслеты сохранили на себѣ полотно отъ сорочекъ, а пряжки на воротѣ—грубое валеное сукно или части звѣриныхъ шкуръ отъ плащей. Обувя не найдено. Мужскіе остовы были гораздо бѣднѣе: пряжка на воротѣ плаща, ремесный поясъ, ножъ, кольцо, грубый браслетъ, топоръ въ ногахъ справа, конье или дротикъ въ правой рукѣ и кремь съ огнивомъ,—вотъ наиболѣе богатый нарядъ. Мужчины достигали до 2 арш. 10 вершк., а женщины—до 2 арш. 4 вершк. росту. Племя было короткоголовое, прямолицое, но женскіе черепа были все-таки короче мужскихъ. Судя по найденнымъ въ курганахъ монетамъ, они относятся къ концу IX вѣка, а также къ X и XI вѣкамъ. Соображеніе нѣкоторыхъ письменныхъ свидѣтельствъ, а также изслѣдованія извѣстнаго финнолога Д. П. Европеуса, приводятъ г. Иваницкаго къ догадкѣ, что курганы эти принадлежатъ Новгородскимъ Славянамъ.

Какъ этотъ выводъ поражаетъ своею новостью для кургановъ Петербургской губерніи, гдѣ не мудрено было бы ожидать найти остатки древнихъ жителей финскаго корня, такъ другое сообщеніе г. Иваницкаго—о курганахъ на р. Сити—дало не менѣе неожиданный результатъ, хотя совершенно противоположнаго смысла. Извѣстно, что

великій князь Юрій Всеволодовичъ, отступая въ 1237 году отъ нашествия Татаръ, расположился на берегахъ р. Сити (въ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи), и по видимому, предполагая продолжать отступление въ Новгородскую область, былъ однако обойденъ Татарами, вынужденъ 4-го марта вступить въ сраженіе съ ними и разбитъ здѣсь на голову. Многочисленные курганы, попадающіеся на берегахъ Сити, давно уже дали поводъ предполагать, что тутъ похоронены жертвы Ситскаго побоища; мѣстное преданіе также подтверждало это предположеніе. Но только раскопки Л. К. Иваловскаго, произведенныя въ 1875 году на протяженіи трехъ четвертей теченія Сити отъ устья ея къ югу, и о которыхъ онъ сдѣлалъ сообщеніе на Казанскомъ съѣздѣ, разъяснили настоящимъ образомъ истинное положеніе дѣла. Г. Ивановскимъ было разрыто 157 могильныхъ насыпей; насыпи эти содержали въ себѣ остовы мужчинъ съ небольшими ножами, огнивами, кремнями и дротиками или топорами при нихъ и горшками съ зубчатыми узорами въ ногахъ; также—остовы женщинъ, украшенные браслетами, монистами изъ бусъ и монетъ, шейными гривнами, кольцами и различными пряжками и бубенчиками; женщины также имѣли при себѣ небольшіе ножи и въ ногахъ глиняные узорчатые сосуды; въ нѣкоторыхъ курганахъ найдены остовы дѣтей отъ четырехъ до восьми лѣтъ отъ роду; остовы лежали на остаткахъ костра и были засыпаны рѣчнымъ пескомъ фута на два; на этомъ бугоркѣ снова встрѣчались зола и угли, а затѣмъ уже дальнѣйшая песочная насыпь, вѣнчавшая курганъ. Самые высокіе изъ кургановъ были семи футовъ вышины и 11 сажень въ окружности; форма ихъ—полушаровидная. Въ курганахъ найдены англо-саксонскія, германскія и фисландскія монеты X и XI вѣковъ, и не найдено ни одного военного орудія, ни одной вещи, которая можно было бы отнести къ XIII вѣку: какъ эти обстоятельства, такъ и присутствіе въ курганахъ женскихъ и дѣтскихъ остововъ, даютъ г. Ивановскому поводъ думать, что ситскіе курганы суть національныя могилы; по характеру же вещей и могилъ изслѣдователь склоненъ полагать, что эти насыпи покрываютъ прахъ не воиновъ великаго князя Юрія Всеволодовича, а мирной Веси, жившей нѣкогда на берегахъ р. Сити. Останковъ Юрьевой рати нельзя, по мнѣнію г. Ивановскаго, найти и въ огромномъ курганѣ у с. Боженокъ, гдѣ думалъ ихъ искать М. П. Погодинъ; подобныя же огромныя курганы хорошо извѣстны г. Ивановскому: они разбросаны по берегамъ Ильменя и Бѣлоозера, а также озеръ Ладожскаго и Онежскаго; они тянутся цѣпами по Волхову, Ловати, Ше-

лони, Мстѣ, Мологѣ, Шекснѣ и другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ названныя озера или вытекающимъ изъ нихъ; о характерѣ и постройкѣ этихъ кургановъ, обстоятельно изслѣдованныхъ г. Ивановскимъ, уже было доложено на второмъ археологическомъ съѣздѣ.

Новость выводовъ г. Ивановскаго относительно ситскихъ кургановъ не могла не вызвать оживленныхъ преній. П. П. Савваитовъ, признавалъ, что сдѣланныя г. Ивановскимъ раскопки вообще опровергаютъ народное преданіе о гибели Юревой рати у с. Боженокъ, полагалъ однако, что изслѣдователь просто не встрѣтилъ собственно мѣста погребенія этой рати на пути своихъ изысканій; между тѣмъ въ с. Боженкахъ во многихъ крестьянскихъ семьяхъ хранятся желѣзные топоры, косари (орудія для щепленія лучины), сдѣланные изъ стараго оружія, а также близъ села было найдено серебряное блюдо съ восточною надписью. На эти замѣчанія Л. К. Ивановскій отвѣчалъ, что народныя преданія указываютъ мѣсто битвы весьма сбивчиво — у селъ Станилова, Юрѣва гроба, Лопатина; притомъ каждый курганъ, если вѣрить народной молвѣ, содержитъ въ себѣ то нетлѣнное тѣло Юрія II, то его голову; наконецъ, не отрицая битвы на Сити, не должно однако упускать изъ виду, что она происходила въ началѣ марта, что убитыхъ пришлось бы хоронить въ мерзлой землѣ и снѣгу, что притомъ въ опустошенномъ краю не кому было хоронить ихъ, и что наконецъ, рать была побиваема вдоль теченія всей рѣки, а въ заситскихъ болотахъ трупы, оставшіеся на поверхности земли, должны были разложиться въ первую же весну. Графъ А. С. Уваровъ съ своей стороны, замѣтилъ, что народное преданіе не можетъ имѣть значенія для археологіи, а лѣтопись не даетъ точныхъ указаній на мѣсто Ситскаго побоища. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ заявилъ, что отсутствіе топографическихъ указаній во всѣхъ спискахъ лѣтописи именно указываетъ на отсутствіе боевыхъ кургановъ на Сити. А. Ѳ. Бычковъ присовокупилъ, что нѣтъ такихъ указаній и въ отдѣльныхъ житіяхъ великаго князя Юрія Всеволодовича. Наконецъ В. А. Прохоровъ обратилъ вниманіе на то, что топоры и косари, упомянутые г. Савваитовымъ, не могли оставаться отъ XIII вѣка, потому что они разложились бы отъ ржавчины. Не смотря на эти опроверженія, П. П. Савваитовъ остался при своемъ мнѣніи и выразилъ желаніе, чтобы для окончательнаго разъясненія возбужденнаго вопроса раскопаны были именно тѣ курганы у с. Боженокъ, которымъ мѣстное преданіе прямо усвоиваетъ боевое значеніе.

Кромѣ кургановъ южной Руси и той средней полосы нашего оте-

чества, гдѣ происходило древнѣйшее соприкосновеніе Русскихъ Славянъ съ Финнами, на Казанскомъ съѣздѣ обращено было вниманіе на курганы Западной Сибири, которымъ обширный рефератъ посвятилъ В. В. Радловъ. Онъ производилъ раскопки съ 1862 по 1866 г. на Енисеѣ, у Алтая, въ Киргизской степи, у Семипалатинска, на р. Или, на озерѣ Иссыкъ-Куль и пр., но при этомъ значительная часть вскрытыхъ имъ кургановъ оказалась уже расхищенною кладовщиками. Сводя свои наблюденія надъ типомъ сибирскихъ кургановъ, г. Радловъ находитъ слѣдующіе семь типовъ: 1) круглыя землячьи насыпи отъ полусажени до 5 сажень высоты; 2) каменные курганы; 3) плоскіе курганы, обставленные каменными плитами, образующими неправильныя клѣтки изъ соприкасающихся четырехугольниковъ; 4) такіе же курганы, на коихъ плитневая обкладка образуетъ круги; 5) такіе же плоскіе курганы съ обкладкой изъ громадныхъ каменныхъ плитъ, превышающихъ высотой всадника; 6) могилы четырехугольныя, обозначенныя десятью камнями — по три на востокъ и на западъ, и по четыре на сѣверъ и югъ; 7) такія же четырехугольныя могилы, но обозначенныя не десятью, а тридцатью или сорока камнями. Два послѣдніе типа могилъ оказывались всегда расхищенными. Во всѣхъ родахъ кургановъ были могильныя ямы и человѣческія кости. Всѣ поименованныя могилы относились къ вѣку бронзовому (четыре послѣдніе разряда) или къ желѣзному. Могилы бронзоваго вѣка найдены только на Енисеѣ, а могилы вѣка желѣзнаго встрѣчались вездѣ. По соображеніямъ г. Радлова, могилы эти принадлежали тремъ народностямъ, о чемъ можно судить по устройству могилъ и положенію костяковъ: въ однѣхъ, шестаго типа, оказывалась яма до 3 аршинъ глубины, съ утоптанномъ поломъ и бронзовыми вещами; въ другихъ, втораго типа, на Маломъ Алтаѣ, сложенныхъ изъ однихъ камней, ямы были очень глубоки — до 8 аршинъ; въ нихъ всегда въ одной сторонѣ находимы были кости лошади, а въ другой, значительно глубже — кости барана и человѣка; вещи тутъ были желѣзныя; вариантъ этого типа встрѣтился и въ Абаканской долинѣ на нижней террасѣ горной возвышенности; наконецъ, въ курганахъ съ плоскими камнями, третьаго типа, оказывались человѣческіе скелеты, покрытые берестой и двумя рядами бревенъ, около головы глиняный сосудъ и на груди бараньи кости; налѣво отъ костяка, на одномъ уровнѣ съ нимъ, находимъ былъ скелетъ лошади; вещи все желѣзныя. Всѣ эти курганы, по мнѣнію г. Радлова, принадлежатъ народностямъ доисторическимъ. Пространство Сибири отъ р. Или до Амура представляетъ такую

полосу, гдѣ по совокупности разныхъ физико-географическихъ и другихъ условій культура могла развиваться; пространство это образуетъ четыре площади—Киргизскую степь, верховья Енисея, Байкальскую равнину и долину Амура; полосѣ этой не доставало только одного условія культуры — путей сообщенія съ сосѣдними народами, вслѣдствіе чего народная жизнь была здѣсь изолирована, и культура разрушалась отъ всякаго натиска враговъ, являвшихся сюда попеременно съ юга и запада. Три народности занимаютъ нынѣ Западную Сибирь: Финскія племена, Енисейцы (по Клапроту) или Енисейскіе Остяки и Тюрки. Финны обитаютъ сѣвернѣе другихъ, между Уральскимъ хребтомъ и Енисеемъ; остатки ихъ встрѣчаются и въ Саянскихъ горахъ. Енисейскіе Остяки живутъ на среднемъ Енисеѣ; это—племя вымирающее, теперь ихъ не болѣе тысячи душъ; но въ Томской губерніи и на Амурѣ они оставили слѣды своего пребыванія въ названіяхъ рѣкъ. Южная часть Западной Сибири занята Тюрками. Можно предполагать, что первые обитатели Южной Сибири были Финны; они оттѣснены были оттуда Енисейцами, прошедшими чрезъ Киргизскую степь. Могила бронзоваго вѣка принадлежатъ, вѣроятно, Финнамъ; Финны знакомы были съ горнымъ промысломъ, умѣли сплавливать бронзу, занимались охотой и скотоводствомъ, но знали только мелкія породы скота (собаку, овцу, козу). Могила желѣзнаго вѣка, обставленная плитами, принадлежитъ Енисейцамъ. Енисейцевъ вытѣснили Тюрки, именно—Киргизы, бывшіе уже тогда въ первомъ періодѣ желѣзнаго вѣка: имъ и принадлежатъ могила, сложенная изъ камней. Тюрки смѣшались въ Южной Сибири съ Финнами, Енисейцами и Монголами и образовали нѣсколько народностей еще до прихода Русскихъ. Послѣ завоеванія Кучумова царства татарскіе жители послѣдняго потѣснились къ востоку, гдѣ отатарили остатки Финскихъ и Енисейскихъ племенъ.

Не останавливаясь на болѣе частныхъ сообщеніяхъ по отдѣлу курганныхъ и могильныхъ древностей разныхъ краевъ Россіи, въ томъ числѣ—и на рефератѣ В. Г. Тизенгаузена о древнихъ могилахъ близъ г. Мцхета въ Закавказьи, въ которомъ главнымъ образомъ оспариваются мнѣнія по поводу найденныхъ тамъ предметовъ, высказанныя раскапывателемъ этихъ могилъ г. Байерномъ, — обращаемся къ тѣмъ сообщеніямъ, которыя были сдѣланы на Казаанскомъ слѣздѣ о городищахъ и другихъ земляныхъ сооруженіяхъ.

Вопросъ о значеніи городищъ, вызывавшій уже различныя толкованія ученыхъ, все еще остается не вполне выясненнымъ въ русской

археологи. Три реферата о памятникахъ такого рода, сообщенные на Казанскомъ съездѣ, представили данныя въ пользу того мнѣнія, что городища были земляными сооружениями, служившими для защиты людскихъ поселеній. Одинъ изъ названныхъ рефератовъ относился къ мѣстности Черниговской губерніи и принадлежалъ Н. А. Константиновичу, а два другихъ, В. Н. Поливанова и Н. П. Загоскина,—къ Поволжью.

По замѣчанію г. Константиновича, въ Черниговской землѣ, не смотря на значительную роль, которую она играла въ русской исторіи, осталось весьма немного памятниковъ, и остатки старины здѣсь состоятъ лишь въ земляныхъ насыпяхъ, такъ какъ въ краѣ этомъ почти нѣтъ камня. Одинъ изъ любопытѣйшихъ памятниковъ этого рода есть городище близъ мѣст. Солтыкова-Дѣвица, въ Черниговскомъ уѣздѣ. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ хорошо сохранившихся концентрическихъ круговыхъ валовъ съ боковыми отрогами, которые могли окружать бывший при городѣ посадъ. По найденнымъ близъ городища вещамъ каменнаго вѣка можно считать его весьма древнимъ, а изъ того, что оно не упоминается въ Генеральной описи Малороссіи, составленной по распоряженію графа П. А. Румянцева во второй половинѣ XVIII вѣка, и въ которой находятся болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія о поселеніяхъ въ Черниговской губерніи съ XVI столѣтія, можно заключать, что поселеніе на описываемомъ городищѣ перестало существовать со времени Татарскаго нашествія.

Городища поволжскія, о которыхъ сообщены были свѣдѣнія на Казанскомъ съездѣ, суть Майнское, въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи на рр. Майнѣ и Утѣ, и Селитряный городокъ, въ Астраханской губерніи на р. Ахтубѣ. По сообщенію В. Н. Поливанова, Майнское городище называется по своему мѣстоположенію Высокимъ; въ окрестностяхъ его были находимы желѣзные топоры; по актамъ XVII в. оно упоминается уже какъ заустѣлое; возведено было или Татарами, или Русскими по завоеваніи Казанскаго царства; по положенію своему среди трехъ другихъ оно было центральнымъ укрѣпленіемъ для обороны края.

Селитряное городище, осмотрѣнное Н. П. Загоскинымъ, есть обширный памятникъ, относящійся къ ранней татарской эпохѣ. Окрестные жители называютъ его Мамасвымъ городкомъ. На немъ находятся развалины древняго города, расположенныя по берегу Ахтубы, занимая пространство приблизительно на версту въ поперечникѣ, вокругъ остатковъ четырехугольной башни, которая стоитъ на цен-

тральномъ пригоркѣ, въ сѣверу отъ с. Селитрянаго. Къ остаткамъ башни можно подойти только по сплошному, довольно толстому слою черепковъ и обломковъ кирпича и изразца. Остатки зданій быстро разрушаются вслѣдствіе выборки мѣстными жителями строительнаго матеріала, какъ для построекъ по близости, такъ и на продажу. На развалинахъ часто находимы были монеты и различныя вещи, напримѣръ, въ 1870 г. найденъ былъ золотой кубокъ.

Ближайшую связь съ городищами, какъ оборонительными укрѣпленіями, представляютъ земляные валы, существующіе въ разныхъ мѣстахъ Россіи. По этому предмету сдѣлано было любопытное сообщеніе В. Б. Антоновичемъ—о валахъ въ Кіевскомъ княженіи. Указавъ мѣстоположеніе валовъ и описавъ ихъ наружный видъ, докладчикъ представилъ изслѣдованіе о томъ, въ какое время и для какой цѣли валы эти были насыпаны; онъ указалъ, что съ I по X вѣкъ по Р. Х. земляные валы составляли на равнинѣ восточной Европы общепринятый способъ укрѣпленія границъ цѣлыхъ областей, употребившійся Римлянами, Германцами и Славянами; онъ перечислилъ свидѣтельства историковъ о валахъ, насыпанныхъ Римлянами, Саксами, Франками, Аварами и т. д., а затѣмъ, переходя къ валамъ Кіевской земли, привелъ преданія о такъ-называемыхъ Змievыхъ валахъ, и сопоставляя эти преданія съ разказомъ лѣтописи объ основаніи Переяславля, пришелъ къ заключенію, что валы возводились жителями Кіевской земли для защиты отъ кочевниковъ вообще и отъ Печенѣговъ въ особенности; въ подтвержденіе этого вывода г. Антоновичъ привелъ свидѣтельства русскихъ лѣтописей и письма архіепископа Мерзебургскаго Брунопа къ Генриху II (1008 г.); изъ этого послѣдняго указанія прямо явствуетъ, что валъ, окружавшій непосредственно Кіевъ, насыпанъ былъ Владиміромъ Святимъ съ цѣлю охраненія Руси отъ печенѣжскихъ набѣговъ.

Въ заключеніе обзора рефератовъ, предложенныхъ на Казанскомъ съѣздѣ по части первобытныхъ древностей, скажемъ вѣсколько словъ о сообщеніи А. О. Лихачева—о древнихъ вещахъ, найденныхъ въ Болгарахъ. Докладчикъ обратилъ преимущественное вниманіе на особую (сфероконической) формы сосуды, находимые весьма часто какъ въ Болгарахъ, такъ и въ Билярскѣ и на развалинахъ Сарая. Подобныя же сосуды г. Лихачевъ видѣлъ изъ Ташкента, Палестины и многихъ другихъ мѣстностей Востока. У насъ о нихъ сложилось мнѣніе, какъ объ архитектурныхъ украшеніяхъ. Въ 1871 г. англійское общество для раскопокъ въ Палестинѣ приняло такіе сосуды за тару для

перевозки ртути на основаніи того обстоятельства, что при химическомъ анализѣ вещества, покрывавшаго сѣроватымъ слоемъ внутреннюю поверхность ихъ стѣнокъ, найдена была металлическая ртуть въ видѣ мельчайшихъ шариковъ. Извѣстный французскій ученый де-Соси (de Saulcy) видѣлъ такіе шишкообразные сосуды изъ Сиріи и Триполи, и на одномъ, вывезенномъ изъ этой послѣдней мѣстности, нашелъ арабское клеймо мѣста производства сосуда; ученый этотъ видѣлъ подобные сосуды съ весьма разнообразною и часто весьма изящною орнаментацией и на основаніи различныхъ соображеній пришелъ къ тому заключенію, что это были разрывныя ручныя гранаты съ греческимъ огнемъ. Съ своей стороны, г. Лихачевъ полагаетъ, что эти сосуды не могли служить архитектурными украшеніями, такъ какъ рисунокъ орнаментовъ на нихъ очень мелокъ и не можетъ быть видимъ въ отдаленіи; по той же причинѣ нельзя принимать ихъ и за гранаты: къ чему бы, въ самомъ дѣлѣ, тщательно украшать предметы, исключительно предназначенные для того, чтобы разлетаться въ безгн. По мнѣнію г. Лихачева, удобнѣе всего принимать описанные сосуды за лампочки для сжиганія, быть можетъ, нефти, которою изобиловала территорія царства Болгарскаго, хотя, впрочемъ, на горлышкахъ сосудовъ не видно никакой копоти. Кромѣ орнамента, референтъ указалъ на нѣкоторые царянные знаки на этихъ сосудахъ: одни изъ нихъ имѣли форму тамги, а другіе въ родѣ индійской свастиги; по мнѣнію г. Лихачева, это — тамги, выражающія знакъ принадлежности предмета тому или другому лицу, что еще болѣе указывало бы на принадлежность самыхъ вещей къ домашнему обиходу.

Докладъ г. Лихачева подалъ поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ со стороны другихъ членовъ съѣзда. Такъ В. В. Радловъ сообщилъ, что сосуды, подобные описаннымъ, встрѣчаются вездѣ, гдѣ были кочевые народы, и высказалъ догадку: не служили ли они набалдашниками для украшенія верхнихъ концовъ палокъ, на которыхъ основываются юрты кочевниковъ; примѣры тому — по свидѣтельству г. Радлова — можно встрѣтить и теперь. Л. К. Ивановскій обратилъ вниманіе на то, что горлышки у разсматриваемыхъ сосудовъ чрезвычайно узки, и что по сводовой части ихъ нѣтъ никакихъ другихъ отверстій, чрезъ которыя уравновѣшивалось бы давленіе, падающее отъ старанія горячаго матеріала внутри сосуда; горѣніе при такихъ условіяхъ не возможно, и потому г. Ивановскій высказалъ предположеніе, что сосуды не могли быть лампочками, а скорѣе служили флаконами для ароматныхъ жидкостей, столь употребительныхъ среди восточ-

ныхъ народовъ, и безъ сомнѣнія, закупоривались пробками. Съ такимъ значеніемъ сосудовъ можно удобно согласовать какъ самую изящную орнаментацию ихъ, такъ и тѣ знаки собственности, на которые указалъ г. Лихачевъ.

Оканчивая на этомъ обзорѣніе докладовъ, предложенныхъ на Казанскомъ съѣздѣ по отдѣленію первобытныхъ древностей, нельзя не сказать, что сообщенія, относящіяся къ этой части, были не только многочисленны и разнообразны по содержанію, но и представили собою богатый вкладъ въ нашу археологію. Рефераты эти свидѣлствуютъ, что изученіе первобытныхъ древностей, получивъ особенно сильное развитіе со времени установленія археологическихъ съѣздовъ въ Россіи, съ каждымъ годомъ идетъ все усиленнѣе, и доставляя множество новыхъ важныхъ данныхъ, успѣло даже поколебать нѣкоторые выводы, слишкомъ поспѣшно высказанные западными археологами, не приваившими ихъ во вниманіе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСНІЯ И СРЕДНІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

А. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

По дѣйствующимъ нынѣ уставу и штату, въ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи положено преподавателей: профессоровъ—5, доцентовъ—8, учителей—3. Къ 1-му января 1877 года имѣлось: профессоровъ—3, доцентовъ: штатныхъ—8, сверхштатныхъ—3, учителей—3. Сверхъ того, занимались преподаваніемъ директоръ института и управляющій институтскимъ имѣніемъ. Вакантною кафедрою состояла одна—по сельскому хозяйству, по случаю увольненія доцента Шинкина, но преподаваніе по ней поручено доценту Хлюдинскому и управляющему институтскимъ имѣніемъ Кубицкому.

Совѣтъ института имѣлъ въ 1876 году 45 засѣданій, изъ коихъ 13 были назначены для производства окончательныхъ испытаній, 5—для экзаменовъ на званіе агрономовъ и лѣсничихъ и по другимъ дѣламъ, прочія же—преимущественно посвящены усиленнымъ работамъ по организаціи института, въ особенности по ученой и учебной дѣятельности, а равно по приведенію учебно-вспомогательныхъ учрежденій въ исполнѣ цѣлесообразное состояніе. Главныя дѣйствія совѣта относились къ внѣшней организаціи, установкѣ порядка въ его формальной жизни и въ его же учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, а именно къ выработкѣ различныхъ правилъ, требуемыхъ уставомъ заведенія или же ходомъ дѣла. Такимъ образомъ нѣкоторые правила и вопросы, числомъ 5, пересмотрѣны и исправлены согласно указаніямъ опыта и требованіямъ дѣйствительности, другія, въ числѣ 13,

установлены вновь вслѣдствіе ихъ необходимости для правильнаго веденія дѣла, и 10 разныхъ предположеній одобрены совѣтомъ. Главными мѣрами были измѣненіе учебнаго плана и установленіе болѣе или менѣе правильныхъ практическихъ занятій учащихся и правилъ контроля надъ занятіями студентовъ. Для устраненія малой дѣятельности учащихся и ихъ усиленной до истощенія силъ работы во время экзаменовъ, совѣтомъ введены, кромѣ практическихъ занятій и требуемыхъ уставомъ репетицій, обязательныя письменныя работы, между которыми особенно важны обязательные отчеты о практическихъ занятіяхъ по спеціальнымъ предметамъ и сочиненія для получения пособій. Совѣтъ также счелъ нужнымъ подвергнуть пересмотру правила для учащихся, измѣнить ихъ редакцію и дополнить ихъ нужными статьями, согласно дѣйствующимъ предписаніямъ и указаніямъ опыта. Въ видахъ поощренія труда и прилежанія учащейся молодежи совѣтомъ установлены правила для освобожденія отъ платы и пользованія стипендіями. Правила эти, обезпечивая по мѣрѣ средствъ института помощь преимущественно несостоятельнымъ студентамъ, отличающимся трудолюбіемъ и прилежаніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаютъ порядокъ въ пользованіи пособиями изъ студентской кассы, которая доселѣ обуславливалась только несостоятельностью. Съ тою же цѣлю совѣтъ одобрилъ предложеніе директора института о вознагражденіи студентовъ за переводы ученыхъ сочиненій преимущественно съ нѣмецкаго языка, въ виду оказавшейся необходимости, между прочимъ, поднять успѣхи въ этомъ языкѣ, особенно важномъ для всѣхъ занимающихся спеціальными предметами точнаго характера. Совѣтъ подвергалъ также разсмотрѣнію и обсужденію два существенно-интересные для мѣстнаго общества и учащейся молодежи вопроса: объ условіяхъ приѣма въ институтъ и о правахъ окончившихъ курсъ въ ономъ. По дѣйствующему уставу института и на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 1875 году, въ заведеніе это принимаются молодые люди, достигшіе 17-лѣтняго возраста и притомъ окончившіе полный курсъ въ гимназіи классической и реальной или удовлетворительно выдержавшіе въ гимназіи полное въ этомъ курсѣ испытаніе и получившіе въ томъ установленное свидѣтельство, а также окончившіе курсъ шести классовъ реальныхъ училищъ по основному отдѣленію, и ученики гимназій и постороннія лица, хотя не выдержавшіе успѣшно испытанія зрѣлости, но получившія установленныя свидѣтельства. Въ видахъ увеличенія числа студентовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и спеціаль-

ныхъ средствъ института, директоръ предложилъ на будущее время, впредь до измѣненій въ уставѣ института, принимать, кромѣ лицъ, поименованныхъ въ уставѣ и Высочайшемъ повелѣніи 1875 года, также и воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ аттестаты объ окончаніи курса среднихъ учебныхъ заведеній, а также получившихъ аттестаты реальныхъ училищъ всѣхъ отдѣленій по планамъ министерства народнаго просвѣщенія, военныхъ гимназій, духовныхъ семинарій (4-хъ общихъ классовъ) и правительственныхъ коммерческихъ и земледѣльческихъ училищъ. Совѣтъ, впрочемъ, отложилъ окончательное рѣшеніе этого вопроса до 1877 года, въ виду предложеннаго на обсужденіе совѣта другаго вопроса — о правахъ окончившихъ курсъ института. По дѣйствующему уставу, окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ институтѣ получаютъ аттестаты, и каждый изъ окончившихъ можетъ получить черезъ годъ званіе агронома или лѣсничаго, если представить каждую третью года отчеты о практическихъ занятіяхъ, выдержать особое испытаніе и защититъ особое разсужденіе. Но какъ аттестаты объ окончаніи, такъ и званіе агронома или лѣсничаго, кромѣ права 1-го разряда по воинской повинности, не даютъ ни правъ государственной службы, ни права пріобрѣтать ученые степени. Такое исключительное положеніе института въ ряду всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи не могло не повліять неблагопріятнымъ образомъ на его дѣятельность. Посему директоръ института проектировалъ слѣдующія одобренныя совѣтомъ измѣненія въ этомъ отношеніи въ уставѣ: 1) окончившіе въ институтѣ съ успѣхомъ курсъ, по истеченіи года, проведеннаго на практикѣ, получаютъ, на основаніи особыхъ правилъ объ испытаніяхъ, степень кандидата или званіе дѣйствительнаго студента сельскаго хозяйства или лѣсоводства; 2) для полученія званія дѣйствительнаго студента, слѣдуетъ, не позже двухъ лѣтъ по окончаніи курса, каждую третью того года, проведеннаго на практикѣ, представлять начальству института отчетъ о занятіяхъ, засвидѣтельствованный завѣдывающимъ имѣніемъ или лѣсничимъ; для полученія же степени кандидата, кромѣ вышеизложеннаго, требуется представленіе разсужденія, которое должно быть одобрено совѣтомъ и защищено въ его присутствіи; по прошествіи двухъ лѣтъ со времени окончанія курса, лица, не выполнившіе вышеуказанныхъ условій, лишаются права полученія званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата, но могутъ пріобрѣсти ихъ по выдержаніи снова окончательнаго въ институтѣ испытанія; 3) пріобрѣвшіе степень кандидата сельскаго

хозяйства или лѣсоводства чрезъ годъ по полученіи этой степени могутъ быть допускаемы въ университетахъ и Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи къ экзамену на степень магистра по соответственной кандидатской степени спеціальности; 4) удостоенные совѣтомъ института званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата, и лица, удостоенныя университетомъ и Петровскою земледѣльскою и лѣсною академіей степени магистра, пользуются правами, присвоенными лицамъ, получившимъ тѣ же степени и званія отъ русскихъ университетовъ.

Для соисканія наградъ медалями въ 1875—1876 году предложены были темы: по сельскому хозяйству — „Воспитаніе телятъ“, по лѣсоводству — „Объ укрѣпленіи летучихъ песковъ“, на которыя разсужденій не было представлено. Въ 1876 году съ тою же цѣлю предложены слѣдующія темы: по земледѣлію — „Оцѣнка различныхъ видовъ пара въ интересахъ мѣстнаго хозяйства“, по скотоводству — „Живой и убойный вѣсъ домашнихъ животныхъ“, по лѣсоводству — „Методъ лѣсоустройства, примѣняемый въ казенныхъ лѣсахъ царства Польскаго“ и „О естественномъ возобновленіи высокоствольныхъ лѣсовъ“, по земледѣльческой химіи — „Методы аналитическаго опредѣленія бѣлковыхъ веществъ и практическое ихъ примѣненіе“, по сельской экономіи — „Описаніе произвольнаго имѣнія А“. Совѣтъ, въ видахъ возбужденія ученой дѣятельности студентовъ, вошелъ съ ходатайствомъ объ измѣненіи дѣйствовавшаго доселѣ порядка относительно медалей за назначенныя темы, именно, чтобы, кромѣ медалей золотыхъ и серебряныхъ, можно было присуждать и почетные отзвы, и чтобы полученные студентами какъ медали, такъ отзвы, освобождали ихъ отъ подачи особыхъ разсужденій, требуемыхъ при испытаніи на агронома или лѣсничаго.

Въ 1876 году преподаватели института и другія служащіи въ немъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоръ Зелинскій — напечаталъ въ *Encyklopedia Rolnicza* статью о косникахъ; профессоръ Карпинскій — напечаталъ „Основы прудоваго хозяйства“ и въ *Протоколахъ V-го съѣзда естествоиспытателей* — „О генерешней болѣзни тутовыхъ шелкопрядовъ“; профессоръ Лей — напечаталъ магистерскую диссертацию „Объ окисленіи окислительнаго ряда“; доцентъ Малевскій — занимался изслѣдованіемъ почвъ, и въ видѣ извлеченія изъ этой работы приготовилъ для *Записокъ Новоалександрійскаго института*: „Анализы институтскихъ почвъ“ и „Отчетъ о геологической экскурсіи въ

1876 году“ и сообщил на V-мъ сѣздѣ естествоиспытателей: „О микроскопическомъ строеніи и химическомъ составѣ бѣлаго пишущаго мѣла изъ Холма“, „О свойствахъ и составѣ мути и наносовъ рѣки Вислы“, „О вывѣтриваніи мѣловаго мергеля Люблинской губерніи при переходѣ его въ слой растительной почвы“ и „О нахожденіи остатковъ костистыхъ рыбъ и ежеватокожихъ въ мѣловой формациі праваго берега Вислы“; доцентъ Бердау—напечаталъ „Лишайники, изслѣдованные до сихъ поръ въ области Варшавскаго учебнаго округа, съ указаніемъ на морфологию и фізіологию лишайниковъ вообще“, и сообщил V-му сѣзду естествоиспытателей о двухъ новыхъ видахъ лишасвъ *Cetraria Lagowski* и *Cetraria Sibirica*; доцентъ Антоновичъ—напечаталъ въ Трудахъ вольно-экономическаго общества „Сельскохозяйственные сервитуты въ Привислянскомъ краѣ“, приготовилъ актовую рѣчь „Адамъ Смитъ въ сельскомъ хозяйствѣ“ и принималъ участіе въ изданіи Русское Богатство; доцентъ Шишкинъ—напечаталъ „Къ вопросу объ уменьшеніи вреднаго дѣйствія засухъ на растительность“; доцентъ Хлюдзинскій — напечаталъ: въ Русскомъ Сельскомъ Хозяйствѣ—„О воспитаніи крупнаго рогатаго скота“, въ Земледѣльческой Газетѣ — „Чесотка овецъ“, „Опытъ откармливанія куръ“ и „Херсонскія шерстомойни“, въ Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства южной Россіи—„О квашеніи камыша“, „О значеніи для южной Россіи свиноводства“ и „О разведеніи эспарсета“; доцентъ Красунскій—приготовилъ для Записокъ института отчетъ о командировкѣ на сѣздѣ лѣсохозяевъ въ Ригѣ и отпечаталъ краткій отчетъ о томъ же сѣздѣ въ *Przegląd leśniczy* и статью „Къ вопросу о предполагаемой къ вырубкѣ въ царствѣ Польскомъ 4 мил. морговъ лѣсу“—въ *Gazeta Rolnicza*; доцентъ Краузе —напечаталъ въ Земледѣльческой Газетѣ: „Камышъ, какъ кормъ для скота“, „О новомъ способѣ приготовленія образцовъ почвъ“, „Сельско-хозяйственный отдѣлъ на всеобщей Финляндской выставкѣ въ Гельсингфорсѣ въ 1876 году“, „Третій всероссійскій сѣздъ лѣсохозяевъ въ Ригѣ“ и „Еще примѣръ степнаго лѣсоразведенія въ имѣніи Корниса“; доцентъ Цихоцкій—приготовилъ для Записокъ института „Отчетъ о технологическихъ экскурсіяхъ въ 1876 году“; ученый садовникъ Скробишевскій—напечаталъ въ *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou* статью „Изъ исторіи развитія въ семействѣ виларисовыхъ“ и сдѣлалъ на V-мъ сѣздѣ естествоиспытателей сообщенія: „Объ эмбриологическомъ развитіи *Stylidium adnatum*“, „О развитіи зародыша у *Pinus Sembra*“ и „Объ эмбриологическомъ развитіи

бобовыхъ растений“; лаборантъ Орловскій—сдѣлалъ на V-мъ съѣздѣ естествоиспытателей сообщенія: „О систематическомъ способѣ полученія новой трикарболовой кислоты“, „О полученіи моно- и дибромоянтарныхъ кислотъ“, „О побочномъ продуктѣ дѣйствія брома на янтарную кислоту“ и „О дѣйствіи синеродистаго серебра на бромистый бром-этиленъ“, и послалъ въ главную физическую обсерваторію метеорологическія наблюденія, производимыя имъ на институтской обсерваторіи. Независимо отъ приведенныхъ трудовъ, всѣ преподаватели вмѣстѣ съ директоромъ принимали болѣе или менѣе участія письменными трудами въ назначавшихся въ 1876 году 16-ти коммисіяхъ по разнымъ вопросамъ институтской жизни.

Денежныя средства института въ 1876 году находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ суммъ: оставалось отъ 1875 года—3,388 руб. 14 коп., по финансовой смѣтѣ отпущено въ 1876 году изъ государственнаго казначейства—46,770 руб., въ теченіе 1876 года израсходовано—46,500 руб., затѣмъ къ 1-му января 1877 года состояло—3,657 руб. 49 коп.; б) спеціальныхъ средствъ института (сборъ за слушаніе лекцій, доходы съ институтскихъ имѣній и остатокъ платы воспитанниковъ бывшаго Консковольскаго земледѣльческаго училища): остатка отъ 1876 года—7,848 руб. 4 коп., въ 1876 году поступило—18,409 руб. 13 коп., въ теченіе года израсходовано—19,132 руб. 4 коп., затѣмъ къ 1-му января 1877 года состояло въ остаткѣ—7,125 руб. 13 коп.

Движеніе учащихся въ институтѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ началѣ 1875—1876 учебнаго года студентовъ было—116, изъ нихъ въ теченіе года вышло—46 (за невзносъ платы—19, по прошеніямъ, для поступленія въ другія учебныя заведенія—4, по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ—8, за окончаніемъ курса—15), затѣмъ къ началу 1876—1877 учебнаго года оставалось—70; въ началѣ 1876—1877 года подало прошенія о приѣмѣ—140, изъ нихъ принято—71 (бывшихъ студентовъ института—5, студентовъ и воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній—18, окончившихъ курсъ гимназій съ аттестатами зрѣлости—5, не выдержавшихъ испытанія зрѣлости—14, окончившихъ съ аттестатами курсъ реальныхъ училищъ—24, окончившихъ съ аттестатами курсъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища—1, окончившихъ съ аттестатами курсъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній—4); въ теченіе перваго полугодія вышло—14 (за невзносъ платы—8, за переходомъ въ другія высшія учебныя заведенія—6); затѣмъ къ 1-му января 1877 состоя-

до 127 студентовъ, которые распредѣлялись: а) по отдѣленіямъ: въ общемъ—76, сельскаго хозяйства—32 (на II-мъ курсѣ—22, на III-мъ—10), лѣсоводства—19 (на II-мъ курсѣ—13, на III-мъ—6); 5) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 25, римско-католическаго — 98, еврейскаго—4; в) по предварительному образованію: поступившихъ изъ университетовъ—5, изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній—23, изъ классическихъ гимназій — 42, изъ реальныхъ училищъ—43, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній—14; г) по сословіямъ: дворянъ потомственныхъ—73, дворянъ личныхъ—32, духовнаго званія—6, мѣщанъ—12, крестьянъ—3, иностранцевъ—1; д) по мѣсто-рожденію: изъ губерній Царства Польскаго—45, изъ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній—63, изъ другихъ губерній имперіи—18, изъ-за границы—1. Вольныхъ слушателей въ институтѣ не полагается. Стипендіатовъ института не полагается, но изъ частныхъ записей одною стипендіей въ размѣрѣ 120-ти руб. пользовался одинъ студентъ въ 1-й половинѣ 1876 года и одинъ во 2-й половинѣ. Для облегченія матеріальнаго положенія студентовъ, въ институтскихъ зданіяхъ устроены постоянныя студентскія квартиры, въ которыхъ помѣщены 22 студента; семь изъ нихъ освобождены отъ всякой платы. съ остальныхъ же предположено взимать по 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ на покрытие издержекъ по содержанію прислуги, отопленію, освѣщенію и ремонту квартиръ. Кромѣ указанныхъ 22-хъ человекъ, пользуются бесплатнымъ помѣщеніемъ въ самомъ институтѣ два студента, завѣдывающіе студентскою бібліотекой. Отъ взноса платы за слушаніе лекцій (50 руб. въ годъ) освобождено было, на основаніи устава: въ первомъ полугодіи—11, во второмъ — 13 студентовъ. Въ видахъ облегченія взноса платы выдаваемы были пособія единовременныя и мѣсячныя, источникомъ которыхъ служили пособія изъ суммъ Варшавскаго учебнаго округа въ размѣрѣ 250 руб. и средства учрежденной при институтѣ особой кассы для несостоятельныхъ студентовъ. На счетъ этихъ источниковъ выданы были пособія: а) ежемѣсячныя — 5 студентамъ, на сумму 160 руб., б) безвозвратныя пособія — 18 студентамъ на сумму 485 руб. и в) займообразныя пособія—38 студентамъ, на 769 руб. Размѣръ пособій составлялъ отъ 6 до 30 руб. включительно. На лѣченіе больныхъ студентовъ въ мѣстной больницѣ институтъ ассигновалъ изъ своихъ средствъ 320 руб. 40 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института находились въ 1876 году въ слѣдующемъ положеніи: въ основной бібліотекѣ было

книгъ и изданій—7.348 названій, 11.453 тома на сумму 26.219 руб. 96 коп. Въ это число вошли прибрѣтенные институтомъ на свои средства—292 названія, 392 тома на 785 руб. и пожертвованныя разными учрежденіями и лицами—165 названій, 271 томъ на 153 руб. Въ профессорской читальнѣ, устроенной лишь въ 1876 году, получалось періодическихъ изданій: общаго содержанія—18 нумеровъ на 190 руб., специальныхъ—43 нумера на 225 руб. 20 коп.; изъ нихъ на русскомъ языкѣ—30, на нѣмецкомъ—25, на французскомъ—6 изданій. Независимо отъ сего можно было пользоваться въ читальнѣ четырьмя обязательно выписываемыми для института официальными изданіями. Въ студентской библіотекѣ съ читальной, также образованнейшей въ 1876 году изъ дублетовъ основной библіотеки и части выписываемыхъ для профессорской читальни періодическихъ изданій, состояло книгъ и періодическихъ изданій—154 названія, 355 томовъ на сумму 755 руб. Библіотекой пользовались 345 человекъ и ими взято было 513 томовъ; читальней же могли пользоваться всѣ студенты въ свободное отъ лекцій время. Въ химической лабораторіи изъ 1876 году состояло разныхъ предметовъ—1,453 названія на сумму 4,650 руб., въ 1876 году цѣнность имущества увеличилась приблизительно на 1,481 руб. 79 коп. Въ лабораторіи въ первомъ полугодіи, кромѣ желающихъ студентовъ, работали: профессоръ института Лей—надъ окисленіемъ оксигскальной и оксиктальной кислотъ, лаборантъ Орловскій—надъ способомъ образованія новой трикарболовой кислоты, продуктами при полученіи моно-бромоянтарной кислоты по способу Каріуса и надъ бромистымъ бромохтиленомъ и соединеніемъ трициалистаго этексила съ синеродистымъ серебромъ, и доцентъ Малевскій—изслѣдованіемъ свойства и состава культурныхъ почвъ, при чемъ онъ произвелъ рядъ анализовъ муги и наносовъ Вислы, бѣлаго Холмскаго мѣла и продуктовъ вывѣтриваніе мергеля. На прибрѣтеніе для земледельческой лабораторіи, устроивавшейся лишь съ 1876 года, разныхъ приборовъ, матеріала и предметовъ перваго обзаведенія израсходовано 4980 руб. Въ метеорологической обсерваторіи состояло приборовъ на сумму 490 руб. Наблюденія производятся съ 1-го августа 1871 года непрерывно, ежедневно, по инструкціи директора главной физической обсерваторіи, въ которую отсылаются книжки наблюденій, по вычисленіи. Въ зоологическомъ кабинетѣ—930 названій на сумму 1,933 руб. При кабинетѣ имѣется отдѣльное помѣщеніе для зоологической лабораторіи, въ которой въ 1876 году была устроена шелководня и хранятся приборы упраздненной въ томъ же году пис-

чины. Въ ботаническомъ кабинетѣ находилось засушенныхъ растений, грибовъ, плодовъ, грибовъ восковыхъ и гипсовыхъ, микроскоповъ, приборовъ, посуды, мебели и проч.—3,722 названія на 1,060 р. Въ минералогическомъ кабинетѣ разныхъ предметовъ—12,963 названія на сумму 2,682 руб. Въ механическомъ кабинетѣ — 211 предметовъ на 2,444 руб. Въ технологическомъ кабинетѣ — 794 предмета на 5,877 р. Въ кабинетѣ моделей земледѣльческихъ орудій и машинъ—844 предмета на 2,745 руб. Въ зоотехническомъ кабинетѣ—37 предметовъ на 951 руб. Кромѣ того, пожертвованныя въ 1876 году: графомъ Замойскимъ — три шерстяныя руна (Соудонской, Дишлей и Голштинской) и директоромъ овцеводства въ Карловкѣ Лейшнеромъ—превосходная коллекція образцовъ шерсти. Въ лѣсномъ кабинетѣ—разныхъ предметовъ на 622 руб. Въ ветеринарномъ кабинетѣ находилось зоологическихъ препаратовъ, образцовъ ковки, хирургическихъ инструментовъ, микроскоповъ, клиническихъ и аптечныхъ приборовъ — 707 предметовъ на сумму 3,027 руб. Въ ветеринарной клиникѣ пользовано было принадлежащихъ институту и постороннихъ животныхъ всего 222 штуки. Въ учрежденіяхъ для пчеловодства, шелководства и искусственнаго разведенія рыбъ, именно въ пчельникѣ, шелководнѣ и piscинѣ—69 названій, 149 предметовъ на сумму 463 руб. Въ садовыхъ учрежденіяхъ состояло: а) въ теплицахъ и оранжереяхъ растений — 2,350 нумеровъ, стоимостію въ 760 руб., б) въ ботаническомъ саду растений—болѣе 700 видовъ, въ питомникѣ—10,529 растений на сумму 1,225 руб., орудій, приборовъ и другихъ принадлежностей—223 штуки на 346 руб.

В. Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ.

Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ составляютъ: а) спеціальныя классы съ трехгодичнымъ курсомъ и б) гимназическія классы, при двухъ древнихъ языкахъ съ 8-ми-лѣтнимъ курсомъ. приготовительнымъ классомъ и пансіономъ при гимназій. Въ спеціальныхъ классахъ состояло въ 1876 году преподавателей: ординарныхъ профессоровъ—2, экстраординарныхъ—4, доцентовъ—1, преподавателей практическихъ занятій—2. Сверхъ того, профессоръ Московскаго университета Герье состоялъ преподавателемъ исторіи Востока на 3-мъ курсѣ. Учащихся въ спеціальныхъ классахъ къ 1-му января 1876 года оставалось: студентовъ—3, стороннихъ слушателей—9; въ теченіе 1876 года поступило: въ студенты—5, сторонними слушателями—

29, всего 34, въ томъ числѣ: изъ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института—7, изъ гимназій—16, изъ духовныхъ семинарій—12, изъ университетовъ—4, изъ технического училища—1, домашняго воспитанія—1; въ теченіе 1876 года выбыло—6, въ томъ числѣ: до окончанія курса—5, по окончаніи курса—1; затѣмъ къ 1-му январю 1877 года оставалось—41 (студентовъ—5, стороннихъ слушателей—36), которые распредѣлены были по курсамъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ курсѣ—26, во 2-мъ—12, въ 3-мъ—3. Изъ числа студентовъ освобождено отъ взиманія платы за слушаніе лекцій—3, что составляетъ 7% общаго числа. Совѣтъ специальныхъ классовъ имѣлъ въ теченіе 1876 года 8 засѣданій, на которыхъ, между прочимъ, разсматривались сочиненія студентовъ и письменные о нихъ отзывы профессоровъ, назначались темы на соисканіе студентами золотой медали, разсматривались списки экзаменныхъ отѣтковъ, полученныхъ студентами и посторонними слушателями, и обсуждался вопросъ объ усиленіи преподаванія французскаго языка. Въ библіотекѣ специальныхъ классовъ состояло къ 1-му январю 1877 года: книгъ—1,046, рукописей—52 названія.

Въ гимназическихъ классахъ состояло учащихся, сверхъ инспектора: законоучителей—3, учителей языковъ и наукъ—15, учитель чистописанія и рисованія—1; изъ 15-ти преподавателей 7 исполняли обязанности классныхъ наставниковъ, каковую должность вели также директоръ и инспекторъ института. Учащихся къ 1-му январю 1877 года было—241, которые распредѣлены были по классамъ слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ классѣ—31, въ I—45, во II—47, въ III—43, въ IV—27, въ V—18, въ VI—11, въ VII—11, въ VIII—8; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—82, армяно-грегоріанскаго—149, римско-католическаго—4, евангелическо-лютеранскаго—5, еврейскаго—1; по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—87, духовнаго званія—21, городскихъ сословій—120, сельскихъ сословій—11, иностранцевъ—2; въ теченіе 1876 года выбыло—58, въ томъ числѣ: по окончаніи курса—10, до окончанія курса—24, по прошеніямъ и по опредѣленіямъ совѣта—21, за безуспѣшность—3. Движеніе учащихся по классамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: изъ общаго числа 241 учащихся перешло въ слѣдующіе классы и окончило курсъ—157, въ томъ числѣ безъ переекзаменовки—130, съ переекзаменовкою—27, осталось въ тѣхъ же классахъ—67; процентное отношеніе оставшихся къ общему числу учениковъ въ классахъ: приготовительномъ—46,1, I—22,8, II—паціонеровъ 42,4, при-

ходящихъ 45,5, въ III—пансіонеровъ 3,33, приходящихъ 4,55; въ IV—пансіонеровъ 2,14, приходящихъ 14,2; въ V—пансіонеровъ 22,2, приходящихъ 33,3; въ VI—пансіонеровъ 14,2, приходящихъ 25; въ VII—66,6, въ VIII—33,3. Малоуспѣвшихъ было: за первую четверть года (изъ 239)—109, во вторую—103, въ третью (изъ 242)—151, въ четвертую—121. Успѣшность каждаго класса представляетъ слѣдующія цифры: въ первомъ полугодіи: приготовительный классъ — 3,22, I классъ—3,28, II—3,16, III—3,24, IV—3,33, V—3,61, VI—3,55, VII—4,06, VIII—4,01; во второмъ полугодіи: приготовительный классъ — 3,16, I классъ—3,22, II—3,01, III—3,16, IV—3,23, V—3,28, VI—3,85, VII—3,96, VIII—3,74. Средняя успѣшность всего заведенія: въ первомъ полугодіи—3,5, во второмъ—3,41. Общее число манкировокъ учениковъ составляло — 7,051; среднее число ихъ на одного ученика въ классѣ составляетъ: въ приготовительномъ классѣ—11,10, въ I классѣ—14,80, во II—11,89, въ III—12,30, въ IV—16,51, въ V—19,83, въ VI—28,63, въ VII—21,20, въ VIII—16,90.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ педагогическимъ совѣтомъ по учебной и воспитательной части, преимущественнаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: 1) Образование самостоятельнаго 8-го класса. Существовавшее дотолѣ раздѣленіе 7-го класса на два отдѣленія, старшее и младшее, упразднено было не разомъ, но постепенно въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ: первоначально классы эти (8-й и 7-й) были отдѣлены только по главнымъ предметамъ, то-есть, математикѣ, латинскому и греческому языкамъ, а въ теченіе 1876 года состоялось раздѣленіе и по всѣмъ остальнымъ предметамъ, за исключеніемъ физики и новыхъ языковъ, которые въ настоящее время преподаются совмѣстно ученикамъ обоихъ классовъ, по съ тѣмъ, чтобы съ началомъ 1877 — 1878 учебнаго года ввести и по симъ предметамъ раздѣльное преподаваніе. 2) Введеніе въ курсъ гимназическій преподаванія логики, которая дотолѣ не преподавалась, такъ какъ одинъ лишній урокъ употреблялся на греческій языкъ, въ видахъ усиленія сего послѣдняго, согласно указаніямъ министерства. Мнѣніе о преподаваніи логики, обсужденное педагогическимъ совѣтомъ, предоставлено на утвержденіе попечителя Московскаго учебнаго округа. 3) Устройство особаго классическаго и филологическаго отдѣла въ фундаментальной бібліотекѣ, которая, не смотря на обиліе въ ней книгъ, до того времени носила преимущественно спеціальнй характеръ и богата была въ особенности изданіями по восточной словесности. На первый разъ постановлено приобрести тѣ книги, которыя

существенно необходимы преподавателямъ при ихъ занятіяхъ съ учениками высшихъ классовъ. 4) По почину преподавателя древнихъ языковъ Торъ-Ланге, въ одномъ изъ старшихъ классовъ, именно 6-мъ, назначенъ сверхъ, установленныхъ урочныхъ часовъ, еще особый часъ для ознакомленія молодыхъ людей, въ краткихъ и доступныхъ ихъ возрасту очеркахъ, съ литературой и древностями классическаго міра, при чемъ имѣется въ виду, съ одной стороны, пріохотить учениковъ къ такого рода занятіямъ, а съ другой — содѣйствовать возможно большому пополненію ихъ знаній по классическимъ языкамъ. Сверхъ того, преподаватели гимназическихъ классовъ Випперъ и Давыдовъ изъявили желаніе: первый — ближайшимъ образомъ руководить чтеніемъ воспитанниковъ пансіона въ свободное отъ ученія время и съ этою цѣлію взять въ свое спеціальное завѣдываніе ученическую бібліотеку; второй — сверхъ обязательныхъ уроковъ, въ особо назначенные вечерніе часы упражнять учениковъ трехъ старшихъ классовъ въ письменныхъ работахъ, дабы способствовать тому, чтобы ученики выучивались лучше владѣть литературнымъ русскимъ языкомъ и развивали вкусъ къ изящной литературѣ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія къ 1-му января 1877 года находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ бібліотекѣ состояло: книгъ — 5,626 названій, рукописей — 558 названій; въ физическомъ кабинетѣ приборовъ и инструментовъ — 175 номеровъ; въ кабинетѣ естественныхъ наукъ — 3,222 номера минераловъ; прочихъ учебныхъ пособій, какъ-то: лексиконовъ, атласовъ, географическихъ и историческихъ картъ, моделей и другихъ предметовъ для рисованія, прописей и рисунковъ — 198 номеровъ.

ВОЗРАЖЕНІЕ Г. РАДЛОВУ.

Въ январской книжкѣ Журн. Минист. Нар. Просв. за прошлый годъ я напечаталъ рецензію на два руководства по русскому языку для татарскихъ народныхъ школъ, и вотъ теперь, ровно черезъ годъ, мнѣ приходится опять возвратиться къ нимъ. Причина заключается въ томъ, что авторъ одного изъ разсмотрѣнных мною руководствъ, имя котораго, означенное двумя буквами В. Р., оставалось неизвѣстно, въ декабрьской книжкѣ Журн. Мин. Народн. Просв. подписался полнымъ своимъ именемъ (г. Радловъ), и заявилъ, что онъ недоволенъ моими замѣчаніями, вслѣдствіе чего и выступилъ съ опроверженіями, которыя я, въ свою очередь, не считаю доказательными.

Сама по себѣ книжка г. Радлова не могла бы подать повода къ продолжительной полемикѣ; но нѣкоторыя обстоятельства, содѣйствовавшія ея распространенію, и особенная самоувѣренность, съ которою г. Радловъ призываетъ въ свидѣтели доброкачественности своего произведенія цѣлый педагогическій міръ, вынуждаютъ меня вторично толковать объ этой далеко не занимательной матеріи.

Г. Радлову прежде всего не понравилась въ моей статьѣ обстоятельность, съ которою я остановился, по поводу его предисловія къ руководству, на вопросѣ о томъ, для кого это руководство составлено — для совсѣмъ ли безграмотныхъ Татаръ, или для подготовленныхъ уже нѣсколько школою, что весьма существенно для установленія точки зрѣнія, съ которою долженъ быть разсматриваемъ учебникъ, и никакому здравомыслящему человѣку не покажется страннымъ. Не стану входить въ опроверженіе всѣхъ возраженій г. Радлова: несостоятельность ихъ очевидна для тѣхъ, кто имѣлъ случай познакомиться съ моимъ разборомъ. Остановлюсь главнымъ образомъ на его приѣмахъ и на его взглядѣ на дѣло, вызвавшее настоящую полемику.

Вмѣсто того, чтобы толковать только о своей грамматикѣ и моихъ на нее замѣчаніяхъ, г. Радловъ ходитъ кругомъ и около, и не чувствуя подъ собою твердой почвы, ищетъ себѣ опоры въ постороннихъ предметахъ и обстоятельствахъ. Самое видное въ его полемикѣ мѣсто занимаетъ огромное количество отовсюду собранныхъ имъ именъ, авторитетомъ которыхъ онъ хочетъ заслонить свою бездоказательность, начиная отъ почтеннаго Н. И. Ильминскаго и г. Никодима, до Кюнера, Крюгера, Цумта, Шульца, Беллермана, Бутмана, Нидерле, Курціуса, даже капитана Алтынъ-Сарына и шакирда Губайдулла Мухтарова включительно, и кончая собственнымъ я, которое однако всѣхъ авторитетнѣе, въ чемъ неоднократно завѣряетъ самъ г. Радловъ (см. Журн. Мин. Народн. Просв., декабрь 1877 г., стр. 113 и 115). Дальше, онъ то и дѣло свои соображенія пересыпаетъ упоминаніями о языкахъ арабскомъ, персидскомъ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, славянскомъ и даже санскритскомъ; поминутно забрасываетъ учеными терминами: аглутинирующій, графическій, силлабическій, фонетическій и т. д. и т. д. Г. Радловъ забываетъ прежде всего, что этотъ пріемъ очень устарѣлъ, что никого имъ теперь не удивишь, что за громкими его фразами скрывается простая несостоятельность въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нужно только знаніе русскаго языка, пониманіе своей задачи и отсутствіе бесплодныхъ мудрствованій. Что авторъ „Грамматики русскаго языка, составленной для Татаръ восточной Россіи“, плохо владѣетъ русскимъ языкомъ, это я теперь могу утверждать еще рѣшительнѣе, послѣ того, какъ мнѣ стало извѣстно, что авторъ упомянутой книжки—г. Радловъ. Что, далѣе, ему не достаетъ знанія требованій современной педагогики, это явствуетъ изъ того, что онъ и послѣ моихъ замѣчаній упорствуетъ въ вѣрованіи въ непогрѣшимость своей, какъ онъ ее называетъ, системы, заявляя: „Я благодаренъ г. Смирнову за его замѣчанія, которыя могутъ служить для улучшенія втораго изданія грамматики, но говорю напередъ, что и оно будетъ составлено въ духѣ изданія перваго“ (стр. 117). Что грамматика его превосходна, г. Радловъ доказываетъ слѣдующимъ соображеніемъ: „Если г. Смирновъ не уяснилъ себѣ хода моего изложенія, то это доказываетъ, что у него мало педагогической опытности,—я же (sic) былъ болѣе десяти лѣтъ преподавателемъ языковъ и убѣдился, что грамматика чужаго (для кого? должно быть для самаго составителя?) языка должна быть составлена иначе, чѣмъ грамматика языка роднаго“ (стр. 113). Слѣдовательно, пробный камень для педагогической опытности тѣхъ, кто изъявилъ бы на нее

претензію, это—изложеніе г. Радлова! Кто не понимает его изложенія, тотъ ничего не понимает; а не то, что его изложеніе отличается специфическимъ свойствомъ быть непонятнымъ. Это ужъ черзчуръ наивно. Раскрывая намъ тайны своей системы, г. Радловъ говоритъ слѣдующее: „При составленіи учебника я долженъ былъ обратить вниманіе на образованіе учителей, которымъ предстояло заниматься по моей грамматикѣ. Незначительное вознагражденіе за это преподаваніе едва ли даетъ возможность опредѣлять учителей, получившихъ какое-нибудь высшее образованіе, и мы должны, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, радоваться если имѣемъ учителей, кончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ. Понятно, что отъ такихъ учителей нельзя требовать научнаго взгляда на фонетику славянскихъ нарѣчій, и всякое объясненіе, выходящее изъ круга ихъ понятій, не облегчило бы пониманіе формъ, но напротивъ того, еще болѣе запутало бы ихъ слабыя познанія. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ составить рядъ практическихъ правилъ, такъ, чтобъ ученикъ могъ усвоить себѣ практическимъ путемъ всѣ флексіи измѣняемыхъ частей рѣчи русскаго языка“ (стр. 103). Итакъ, учителя народныхъ татарскихъ школъ—люди, не получившіе даже средняго образованія; поэтому г. Радловъ составилъ для нихъ руководство, въ которомъ и люди высшаго образованія, притомъ природные Русскіе, не доберутся до смысла; а онъ преспокойно считаетъ за это послѣднихъ „ничего не понимающими“, будучи увѣренъ, что вышеупомянутые учителя все отлично понимаютъ и съ благодарностью пользуются его учебникомъ. По мнѣнію г. Радлова, мы должны отбросить въ сторону всякія другія соображенія, вытекающія изъ непосредственнаго разсмотрѣнія его грамматики, а смиренно положиться на его заявленіе, что эта грамматика, „не смотря на всѣ ея недостатки, принесла на практикѣ значительную пользу“ (стр. 117), и что „первое изданіе ея совершенно разошлось“ (стр. 100). Оба довода необыкновенно убѣдительны: первый провѣрить невозможно иначе, какъ поѣхавъ въ тѣ мѣста, гдѣ грамматика г. Радлова принесла пользу, да еще и значительную; а второй—едва ли нуждается въ провѣркѣ: мало ли какія книги расходятся очень бойко!

За всѣмъ тѣмъ мы до сихъ поръ не знаемъ, что г. Радловъ разумѣетъ подъ „практическимъ путемъ“, который онъ будто бы имѣлъ въ виду при составленіи своей грамматики. По видимому, онъ какъ-то особенно, по своему, понимаетъ практическій приемъ, а не какъ всѣ прочіе современные педагоги, взглядъ которыхъ онъ почему-то счи-

таеть себя однако въ правѣ игнорировать, ничѣмъ, впрочемъ, не оправдывая этого игнорированія, кромѣ своего личнаго произвола, хотя самъ же полагается на судъ педагоговъ (стр. 102). При разборѣ его учебника я заявилъ ясно и опредѣленно что считаю практическимъ приѣмомъ, принятымъ нынѣшнею педагогикою въ преподаваніи языковъ, указавъ на учебникъ русскаго языка для крымскихъ татарскихъ народныхъ школъ г. Казаса, какъ на образчикъ этого приѣма. Но г. Радловъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ (нѣтъ, виноватъ, — одинъ разъ упоминаетъ, но совсѣмъ по постороннимъ дѣлу педагогики обстоятельствамъ) объ учебникѣ г. Казаса, не давъ, кажется, себѣ и труда познакомиться съ нимъ. Г. Радловъ считаетъ „практическимъ“ путемъ смѣсь множества параграфовъ, изложенныхъ неправильнымъ языкомъ и большею частью заключающихъ въ себѣ ложныя правила (будто бы) русской грамматики. Кто желаетъ убѣдиться въ этомъ, тому я рекомендую познакомиться съ грамматикою г. Радлова. Впрочемъ, въ своей антикритикѣ снова привелъ онъ свои соображенія о русскихъ глаголахъ и тѣмъ избавилъ меня отъ необходимости входить въ болѣе подробныя объясненія: соображенія эти сами за себя говорятъ—на сколько тутъ практичности, и сколь значительна должна быть польза, которую обязаны извлечь бѣдные учителя народныхъ школъ изъ этой мудреной системы. Для курьеза укажу на нѣкоторыя мѣста. На стр. 109 авторъ говоритъ: „I. а. Глаголы, основа коихъ оканчивается на *a*, которые отбрасываютъ гласную букву (необходимое теперь поясненіе!) *a* при образованіи настоящаго времени: 1) отбросивъ спрягаются по 1-му классу: *ора* (ть), *орю*,—*ешь* и т. д... 5) по восьмому классу: *спа*(ть), *сп-л-ю*, *сп-ишь* и т. д.; 6) прибавляя буквы *л*, *н*, *м*: *дрема*(ть), *дрем-л-ю*, *-л-ешь* и т. д.“ Я попрошу только обратить вниманіе на подчеркнутые мною глаголы *сплю* и *дремлю*!

Можно также отмѣтить возраженіе г. Радлова на мое замѣчаніе о его глаголахъ, «не подходящихъ подъ классы» (стр. 110). Я ихъ назвалъ «исключеніемъ изъ исключеній», что ему не нравится. Между тѣмъ самъ же авторъ сперва говоритъ, что изобрѣтенные имъ девять классовъ, или какъ онъ ихъ для разнообразія называетъ, категорій, составляютъ «отступленія отъ общихъ правилъ спряженія» (стр. 109) и вслѣдъ за этимъ (стр. 110) заявляетъ, что „г. Смирновъ не понялъ моего раздѣленія. Какъ можно называть его (?) исключеніемъ изъ исключеній?“. Но г. Радловъ самъ же тотчасъ прибавляетъ: „класса, въ которомъ *x* перешла (а не перешло) бы въ

д, нѣтъ въ нашемъ раздѣленіи“. Вся бѣда, слѣдовательно, въ томъ, какъ осмѣлился я принять отступленія г. Радлова за исключенія: ему кажется, что это не одно и то же.

Красугольный камень, и вмѣстѣ съ тѣмъ камень преткновенія въ глагольной системѣ г. Радлова составляютъ основы. Чтобы убѣдить читателей въ легкости отыскиванія татарскими учениками основъ, въ такой легкости, что „ученики пріучивались отыскивать основы въ теченіе какого-нибудь получаса“ (стр. 106), г. Радловъ изобразилъ цѣлую картину экспериментовъ надъ основами въ татарской учительской школѣ, и между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „послѣ этого учитель обращался къ формамъ глагола „работать“, и ученики убѣждались, что здѣсь нельзя найти такой самостоятельной формы, которая могла бы служить основой, но что во всѣхъ формахъ находятся три слога „работа“, къ которымъ прибавляются всегда окончанія спряженія. Эти три слога была названы „основой“ (асл.), и было объяснено, что эта основа въ русскомъ языкѣ не употребляется въ живой рѣчи“. Я несколько не удивляюсь, что татарскіе ученики удовлетворились послѣднимъ объясненіемъ школьнаго учителя и убѣдились, что „три слога „работа“ въ русскомъ языкѣ (хотя бы даже и по случайному фонетическому совпаденію) не употребляются въ живой рѣчи; но я желалъ бы видѣть, на сколько убѣдительно оказалось бы это объясненіе, если бы невѣдомый намъ учитель потребовалъ сдѣлать его передъ русскими мальчиками. Вотъ каковъ „практическій путь“ г. Радлова!

Мало того: разглагольствованіе объ этихъ злополучныхъ „основахъ“ дало г. Радлову случай сдѣлать еще одно знаменательное открытіе и блеснуть при этомъ своими знаніями въ санскритскомъ, латинскомъ, греческомъ и славянскомъ языкахъ, хотя онъ великодушно воздержался привести примѣръ изъ санскритскаго языка, вѣроятно, предполагая, что читатели его статьи не поймутъ такой мудрости. Въ примѣчаніи (на стр. 105) онъ восклицаетъ: „Г. Смирновъ спрашиваетъ: есть ли такіе языки, гдѣ основы существуютъ самостоятельно? Значитъ, ему неизвѣстны спряженія тюркскихъ глаголовъ; но есть еще много другихъ языковъ, даже индо-европейскихъ, съ самостоятельно употребительными основами, не говоря ужъ о санскритскомъ языкѣ—какъ напрямѣръ, латинскій: ama! mene! audi! греческій: φέρε, λβε! славянскій: жено, рече“.

Теперь позволю себѣ привести здѣсь то мѣсто изъ своей статьи, которое навело г. Радлова на его открытіе. Вотъ оно: „Что, напри-

мѣрь, могло бы значить хоть это замѣчаніе автора грамматики: „хотя основы глаголовъ безъ окончаній не употребляются въ русскомъ (?) языкѣ, все-таки ихъ надо знать для правильнаго образованія временъ?“. Только вопросительный знакъ при словѣ въ русскомъ поставленъ мною, а все остальное есть текстъ изъ грамматики г. Радлова. Дальше я уже говорю отъ себя слѣдующее: „Какъ будто въ одномъ только русскомъ языкѣ основы глаголовъ не употребляются безъ окончаній: даже въ татарскомъ языкѣ, въ которомъ, вслѣдствіе его спайной природы, основа большей части глагольныхъ формъ имѣетъ и самостоятельное значеніе, все-таки мы встрѣчаемся съ основами, которыя, отдѣльно взятыя, не употребляются въ смыслѣ знаменательныхъ словъ“ (стр. 17). Прошу обратить вниманіе на слова, отмѣченныя мною, и сличить ихъ съ выше приведеннымъ замѣчаніемъ г. Радлова! Слѣдуетъ предположить, что, плохо зная русскій языкъ, онъ просто-на-просто не понялъ моихъ словъ и сдѣлалъ открытіе, доказавъ самостоятельное употребленіе глагольной

• темы взятыми на прокатъ примѣрами изъ латинскаго, греческаго и славянскаго языковъ (жаль, что и не изъ санскритскаго), и заявилъ, что мнѣ неизвѣстны спряженія (которыхъ всего на все одно только и есть) тюркскихъ глаголовъ.

Особенно горячо ратуетъ г. Радловъ по вопросу о транскрипціи татарскихъ словъ русскимъ алфавитомъ. Наговорившись вдоволь объ Англичанахъ, Французахъ, Нѣмцахъ, о „силлабическомъ графическомъ принципѣ, совершенно чуждомъ не только греческому, но и непосредственно изъ него развивавшемуся (?) кирилловскому алфавиту“, и т. д., г. Радловъ въ заключеніе заявляетъ: „А что русская азбука въ такомъ видѣ, въ какомъ она употребляется для русскихъ текстовъ, не годится для передачи текстовъ татарскихъ, въ этомъ долженъ сознаться каждый знатокъ татарскаго языка. Я считаю себя въ этомъ вопросѣ компетентнымъ судьей. Никто—могу это смѣло сказать (!)—болѣе меня не написалъ татарскихъ текстовъ русскими буквами, и я сознаюсь, что болѣе привыкъ писать по татарски русскими буквами, чѣмъ арабскими“ (стр. 115). Г. Радловъ, желая убѣдить, что онъ—компетентный судья въ вопросѣ объ алфавитѣ, приводитъ въ свидѣтели какого-то капитана Алтынъ-Сарына, который призналъ, что „эта письменность (то-есть, русское письмо) никогда не можетъ быть употреблена на практикѣ“. Къ такому заключенію капитанъ пришелъ потому, что г. Радловъ показалъ ему „киргизскую хрестоматію г. Терентьева, писанную подобно текстамъ русскаго языка,

безъ всякихъ знаковъ, какъ желаетъ г. Смирновъ, и мы (то-есть, гг. Радловъ и Алтынъ-Сарынъ) не были въ состояннн добраться до смысла приведенныхъ тамъ текстовъ безъ помощи русскаго перевода". Г. Терентьевъ сдѣлалъ неудачную транскрипцію (русскими буквами); г. Радловъ и г. Алтынъ-Сарынъ не разобрали ея, слѣдовательно, русскій алфавитъ не годится для транскрипціи татарскихъ словъ—удивительный выводъ! А между тѣмъ самъ г. Радловъ, обличая меня въ неправильности произношенія мною персидскаго слова, которое по персидскому книжному его произношенію, надо читать равишъ, а по татарскому — рэуш, съ успѣхомъ прибѣгаетъ къ помощи столь нежалуемаго имъ русскаго алфавита, такъ какъ арабское начертаніе этого слова допускаетъ и то, и другое его чтеніе. Все дѣло, видите ли, заключается въ священной неприкосновенности арабскаго шрифта, но убѣжденію не только Татаръ, но и мусульманъ всего міра, потому что хотя „Турки открыто высказывались о неудобствѣ арабскаго алфавита“, но г. Радловъ лучше ихъ это знаетъ. „Эти Турки“, говоритъ онъ,—„совершенно неправильно названы (къмъ и гдѣ?) мусульманскими архистаровѣрами; я думаю, что софты и имамы не соглашаются съ ихъ мнѣніемъ. Въ мусульманскомъ мірѣ, гдѣ я вращаюсь пятнадцать лѣтъ, такіе (какіе?) Турки называются полуневѣрными“, и т. д. (стр. 117). Чтò хотѣлъ сказать авторъ въ этомъ длинномъ противоположеніи Турокъ архистаровѣровъ и имамовъ, я рѣшительно не понимаю, да и никто, вѣроятно, не пойметъ. Такая же непроницаемая тьма и въ разсужденіяхъ г. Радлова по поводу придуманнаго имъ термина азабъ рэуши, который я назвалъ нелѣпымъ, чтò и теперь утверждаю, не смотря на такой, приведенный имъ сильный авторитетъ, какъ шакирдъ Кашкардскаго (?) медресе Губайдула Мухтаровъ, и въ чемъ, надѣюсь, согласятся со мною специалисты. Тутъ г. Радловъ, вопреки всѣмъ персидскимъ лексиконамъ, утверждаетъ, что слово равишъ и въ персидскомъ значить только видъ, положеніе, а не походка и манера; навязываетъ мнѣ значеніе слова рэушъ—похожденіе, котораго у меня вовсе нѣтъ въ статьѣ; далѣе предполагаетъ, что мнѣ „неизвѣстно сопоставленіе двухъ именъ существительныхъ“ въ тюркскихъ языкахъ и приводитъ два способа такого сопоставленія (а ихъ существуетъ цѣлыхъ четыре, о чемъ онъ можетъ справиться въ любой грамматикѣ); затѣмъ онъ проводитъ тонкую параллель между татарскими выраженіями азабъ рэушъ и азабъ рэуши и русскими состояніе страданія и страдательное состояніе; но все это

не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Другое дѣло— запятая, относительно которой я думалъ, что г. Радловъ произвелъ ея татарское названіе отъ глагола, означающаго „сѣсть“, въ смыслѣ „остановиться“; но тутъ я сдѣлалъ промахъ: я старался отыскать хоть какой-нибудь смыслъ въ этомъ quasi-татарскомъ имени русской запятой, а оказывается, что г. Радловъ руководился „художественнымъ“ взглядомъ на запятую: онъ далъ ей имя одного надстрочнаго арабскаго знака (который г. Радловъ зоветъ „дамой“, а мы, простые смертные— „заммой“), который имѣетъ сходство лишь по внѣшности, а не по сущности, съ запятою, употребляясь и Татарами для обозначенія звуковъ *o* и *y*; а г. Радловъ сочинилъ изъ этой своей „дамы“ русскія „ковчички“. Но вѣдь трудно проникнуть въ такую разносторонность приемовъ г. Радлова, который открылъ же въ русской орѳографіи какую-то „точку сократительную“.

Г. Радловъ такъ заканчиваетъ свою полемику: „Надѣюсь, что мое возраженіе опровергаетъ большую часть нападокъ моего рецензента. Во всякомъ случаѣ, продолженіе спора я считаю бесполезнымъ. Это— мое послѣднее слово“ (стр. 119).

Кто ограничится только статьею г. Радлова, тотъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ раздѣлитъ съ нимъ его надежды; но кто знакомъ съ моею рецензіей, тотъ, полагаю, сочтетъ ихъ тщетными: всѣ тѣ странности, которыми переполнена его грамматика, онъ счелъ удобнымъ обойти молчаніемъ въ своемъ возраженіи. Онъ полагаетъ даже, что я „радуюсь, отыскавъ у него опечатку, неточность“ (стр. 101). Онъ неоднократно сѣтуетъ на меня за то, что я „не обнаруживаю желанія исправить его ошибки“ (стр. 100), или приносить мнѣ благодарность за мои „замѣтки, которыя могутъ служить для улучшенія втораго изданія его грамматики“ (стр. 117). Г. Радловъ идетъ дальше: ему не нравится, что на сколько моя критика изобилуетъ замѣчаніями о русскомъ переводѣ его грамматики, на столько она бѣдна относительно татарскаго текста, который, по его мнѣнію, и „долженъ бы былъ болѣе всего (?) интересоватъ ученаго ориенталиста“. Но и угрозы, и сѣтованія, и благодарность мнѣ г. Радлова я съ признательностью возвращаю ему. Въ сѣтованіяхъ, что я не поучаю г. Радлова, меня болѣе всего удивляетъ то, что они никакъ не вяжутся съ самопревознесеніемъ автора, который старается убѣдить всѣхъ и cadaго въ своей компетентности и педагогической опытности. Въ одномъ мѣстѣ онъ обращается ко мнѣ съ слѣдующими словами: „Г. Смирнову извѣстно, что я жилъ болѣе пятнадцати

лѣтъ среди Татарскихъ племенъ; извѣстно ему, что въ теченіе всего этого времени я занимался изученіемъ ихъ языка“ и т. д. (стр. 119). Но неужели же г. Радловъ такъ знаменитъ, что, разбирая грамматику г. В. Р., я долженъ былъ знать, что буквы В. Р. означаютъ не что иное, какъ В. Радловъ; неужели я долженъ былъ знать, что г. Радловъ столько-то лѣтъ жилъ среди Татарскихъ племенъ и все это время занимался изученіемъ ихъ языка. Сознаюсь чистосердечно и теперь въ своемъ невѣжествѣ: я знаю, что авторъ критикованной мною грамматики есть г. Радловъ; слышалъ, что онъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Барнауль, что онъ издалъ пѣсни и другія сказанія тюркскихъ народцевъ; знаю, что онъ владѣетъ русскимъ языкомъ какъ иностранецъ и все-таки сочиняетъ грамматику русскаго языка, — это я знаю; но сколько лѣтъ онъ жилъ среди Татарскихъ племенъ, и занимался ли онъ изученіемъ ихъ языка—это мнѣ было не извѣстно. Я думаю, что и не представлялось даже нужды въ подобныхъ свѣдѣніяхъ. У меня были подъ рукою два руководства по русскому языку, и я долженъ былъ лишь по нимъ судить о достоинствахъ автора. Г. Радловъ обратился ко мнѣ, между прочимъ, съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Если г. Смирновъ издастъ когда-нибудь грамматику, годную для нашихъ (?) школъ, увѣряю его, что не стану продолжать своихъ трудовъ на этомъ довольно чуждомъ для меня (sic) поприщѣ“ (стр. 108). Изъ моей статьи онъ долженъ былъ узнать о существованіи руководства г. Казаса, который говоритъ въ предисловіи къ нему слѣдующее: „Чтобы приспособить мой учебникъ къ употребленію и въ татарскихъ народныхъ училищахъ Казанскаго учебнаго округа, я уже приступилъ къ передѣлкѣ его на татарское казанское нарѣчіе“ (Краткій практическій учебникъ русскаго языка для татарскихъ начальныхъ школъ И. Казаса. Одесса. 1873, стр. VI). Учебникъ г. Казаса, какъ небо отъ земли, разнится отъ грамматики г. Радлова, а г. Радловъ знать ничего не хочетъ: онъ увѣряетъ всѣхъ, что его грамматика—совершенство, и еще хочетъ печатать ее вторымъ изданіемъ, въ ожиданіи, пока я не напишу своей грамматики. Нѣтъ, я не напишу ея, да и г. Радлову не совѣтую: найдутся люди, которые сдѣлаютъ это лучше насъ обоихъ. Иное дѣло собирать и издавать тюркскія народныя пѣсни, и иное дѣло сочинять руководства для русскихъ школъ. Первое можно дѣлать не только при знаніи татарскаго языка, которымъ, можетъ быть, и обладаетъ г. Радловъ, но и съ плохимъ знаніемъ, и даже безъ всякаго знанія: „Достаточно для этого только слушать хорошенько, да умѣть вос-

пользоваться услугами какого-нибудь толковаго туземца“, какъ недавно объ этомъ замѣчено было въ собраніи Географическаго Общества однимъ почтеннымъ ученымъ, который самъ занимался собираніемъ чужезычныхъ народныхъ сказаній, и на авторитетъ котораго можно положиться ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ на авторитетъ г. Радлова. А чтобы сочинять руководства по русскому языку, да еще для Татаръ, нужно кое-что другое: кромѣ знанія, нужно ясное представленіе цѣли и нѣкоторое участіе къ дѣлу, нужно немножко побольше того, чтобы считать это дѣло „довольно чуждымъ“ для себя. Послѣ такого откровеннаго сознанія г. Радлова я не могу понять, какой должны имѣть смыслъ патетическія восклицанія, дѣлаемая имъ по поводу защиты святости и неприкосновенности арабскаго письма у Татаръ, въ родѣ слѣдующихъ: „Должны ли мы (?) вредить своему дѣлу, твердя Татарамъ теперь, когда мы (?) еще не приобрѣли ихъ довѣрія: „Ваша письменность вѣкуда не годится, бросьте ее и употребляйте русскія буквы“. Должны ли мы (?) стать въ положеніе враждебное къ мулламъ-учителямъ и дать фанатикамъ поводъ къ распространенію вредныхъ для нашего (?) дѣла слуховъ... Нѣтъ, громкими фразами нельзя измѣнить истиннаго положенія дѣлъ! Если мы (?) желаемъ ввести русскій языкъ какъ полезный для Татаръ (только?) предметъ въ ихъ школы, то должны связать приобретенныя учениками знанія съ тѣми знаніями, которыя мы (?) намѣрены имъ привить“ (стр. 117). Кто это мы? Чье это наше дѣло? Какія это мы знанія намѣрены прививать Татарамъ? Неужели русскій языкъ надо вводить въ татарскія школы только какъ предметъ полезный для самихъ же Татаръ? Хороши также и тѣ познанія, которыя будутъ прививаться Татарамъ съ помощью такихъ руководствъ, какъ грамматика г. Радлова! Онъ говоритъ, что его статья есть послѣднее слово; я же заявляю, что считаю своимъ долгомъ и впредь указывать на неприглядныя явленія въ дѣлѣ, для г. Радлова „довольно чуждомъ“, но для всѣхъ Русскихъ очень близкомъ и серьезномъ.

В. Смирновъ.

Ю. В. ТОЛСТОЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

19-го января настоящаго года, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ, происходило погребеніе тѣла товарища оберъ-прокурора святѣйшаго синода, тайнаго совѣтника и сенатора Ю. В. Толстаго. Онъ скончался 2-го января, на пятьдесятъ-четвертомъ году своей жизни, въ Савъ-Ремо, гдѣ искалъ исцѣленія отъ тяжкой болѣзни: но благодатный климатъ береговъ Средиземнаго моря не могъ возстановить его потрясеннаго здоровья, и Юрій Васильевичъ сошелъ въ могилу, горько оплакиваемый, какъ своими близкими, такъ и всѣми, кто его зналъ по частнымъ или служебнымъ отношеніямъ.

Юрій Васильевичъ воспитывался въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицѣѣ и кончилъ тамъ курсъ въ 1842 году въ составѣ XII-го выпуска; по выходѣ изъ лицей, онъ служилъ сперва въ военномъ министерствѣ, затѣмъ занималъ должность секретаря при директорѣ Императорскаго ботаническаго сада, потомъ поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и затѣмъ перечислился въ государственный контроль. Въ 1857 году онъ совсѣмъ было оставилъ государственную службу и нѣсколько лѣтъ провелъ за границею, преимущественно въ Англии; но въ 1862 году снова возвратился къ административнымъ занятіямъ и былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Тверь. Въ январѣ 1866 года послѣдовало назначеніе его въ должность товарища оберъ-прокурора святѣйшаго синода, а 24-го декабря минувшаго года онъ призванъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ, съ сохраненіемъ своей должности по вѣдомству православнаго исповѣданія. Здѣсь не мѣсто оцѣнивать административныя заслуги покойнаго, но нельзя не сказать, что на всѣхъ прои-

денныхъ имъ степеняхъ государственной службы, какъ и въ частной жизни, онъ всегда проявлялъ просвѣщенный умъ, замѣчательную любовь къ труду, высокое благородство характера, самое строгое безкорыстіе, неподдѣльную доброту сердца и ту удивительную простоту обращенія, которая привлекала къ нему всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ какія-либо сношенія.

Юрій Васильевичъ потрудился для Россіи не только какъ административный дѣятель: онъ оставилъ по себѣ почетную извѣстность и въ нашей ученой литературѣ, хотя не былъ присяжнымъ специалистомъ. Въ особенности интересовала его русская исторія; обладая превосходнымъ знаніемъ англійскаго языка и литературы и проживъ нѣсколько лѣтъ въ Англии, онъ обратилъ свое вниманіе на исторію старинныхъ сношеній между Англійей и Россіей, изучалъ сочиненія о Россіи, написанныя англійскими дипломатами, торговыми и учеными людьми въ XVI и XVII вѣкахъ, и занимался въ Лондонскомъ королевскомъ архивѣ (London State Paper Office), библиотекѣ Британскаго музея и Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; плодомъ этихъ изученій былъ рядъ статей по означенному предмету, представляющихъ весьма много любопытныхъ свѣдѣній и отличающихся вмѣстѣ съ тѣмъ занимательнымъ изложеніемъ. Считаемо не лишнимъ изчислить здѣсь эти труды: 1) Сказанія Англичанина Горсея о Россіи въ исходѣ XVI вѣка — Отеч. Записки 1859 г., № 9; 2) Флетчеръ и его книга о Русскомъ государствѣ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ—Библиотека для чтенія 1860 г., №№ 1 и 2; 3) Последнее посольство Англійской королевы Елизаветы къ царю Ивану Васильевичу. Сэръ Еремей Баусъ — Русск. Вѣстникъ 1861 г., № 11; 4) Списки съ царскихъ грамотъ, хранящихся въ Лондонскомъ королевскомъ архивѣ—Чтенія въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ 1864 г., № 2; 5) Первые сношенія Россіи съ Англійей. Ричардъ Ченслоръ—Русск. Вѣстникъ 1873 г., № 6; 6) „Московія“ Джона Мильтона, со статей и примѣчаніями—Чтенія М. Общ. ист. и др. Росс. 1874 г., № 3, и отдѣльно: М. 1875; 7) Первые сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англійей. 1553—1593. С.-Пб. (обширное введеніе къ этой книгѣ было предварительно печатано въ Вѣстникѣ Европы 1875 года). Этотъ послѣдній трудъ, содержащій въ себѣ собраніе документовъ о первоначальныхъ сношеніяхъ между Россіей и Англійей, составляетъ частью результатъ, а еще болѣе—дополненіе предшествующихъ его работъ; какъ

трудъ болѣе обширный, онъ былъ изданъ отдѣльною книгой, и представленъ въ Академію Наукъ на соисканіе Уваровскихъ наградъ, удостоенъ былъ въ 1877 году половиною преміи (извлеченіе изъ разбора этого труда см. въ декабрьской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. за прошлый годъ). Въ послѣдніе годы своей жизни, Юрій Васильевичъ занимался приготовленіемъ къ печати статейныхъ списковъ русскихъ посольствъ въ Англію и предполагалъ печатать ихъ въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, котораго состоялъ членомъ. Изъ позднѣйшей эпохи англо-русскихъ отношеній Ю. В. Толстымъ напечатаны были два труда: 1) Записка англійскаго резидента Рондо о нѣкоторыхъ вельможахъ Русскаго двора въ 1730 году, съ примѣчаніями—Чтенія Моск. Общ. ист. и древн. Росс. 1861 г., № 2 (перепечатана при Письмахъ леди Рондо, изд. С. Н. Шубинскимъ, С.-Пб. 1874); 2) Записки сэра Роберта Вильсона о нашествіи Наполеона на Россію и объ отступленіи его арміи — Русск. Вѣстникъ 1862 г., № 1.

Кромѣ этихъ трудовъ по исторіи отношеній между Россіей и Англіей, Ю. В. Толстымъ напечатано въ разное время значительное количество другихъ историческихъ статей, замѣтокъ и документовъ, при чемъ послѣдніе всегда снабжались необходимыми объясненіями и примѣчаніями, а именно: 1) Русскія прописи 1620 года—въ Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. Росс. 1864 г., № 2; 2) Мелочи изъ прошлаго (о братѣ Робеспьера въ Россіи) — въ Русскомъ Архивѣ 1865 г.; 3) Письма князя М. П. Долгорукова—тамъ же; 4) Подлинныя бумаги по дѣлу объ убіеніи шведскаго курьера Синклера, тамъ же, 1866 г.; 5) Замѣтки о Н. С. Струйскомъ—тамъ же; 6) Бумаги о кончинѣ и погребеніи въ Одессѣ Цареградскаго патріарха Григорія—тамъ же, 1871 г.; 7) Пять писемъ прошлаго вѣка—тамъ же, 1875 г.; 8) Очеркъ жизни и службы Е. А. Головина — Девятнадцатый Вѣкъ, изд. П. И. Бартенева, т. I; 9) О духовномъ союзѣ Е. О. Татариневой — тамъ же. Сверхъ того, отдѣльною книгой изданъ имъ весьма полезный справочный указатель: Списки архіереевъ и архіерейскихъ кафедръ іерархіи Всероссійской со времени учрежденія святѣйшаго правительствующаго синода. С.-Пб. 1872.

Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ учено-литературныя занятія еще не часто привлекаютъ къ себѣ людей, не отдающихся имъ по профессіи, подобныя занятія Ю. В. Толстаго заслуживаютъ особеннаго сочувствія. Надобно при этомъ замѣтить, что самъ онъ былъ чрезвы-

чайно скромнѣ въ этомъ отношеніи, какъ и вообще во всемъ, во что вносилъ работу своей мысли. Но не смотря на то, и административная дѣятельность, и учено-литературные труды, и частная жизнь Юрія Васильевича вполне справедливо доставили ему глубокое общественное уваженіе, и потому память объ этомъ благородномъ и просвѣщенномъ человѣкѣ не минется во вѣки.

DE TYRTAEI PATRIA.

Cum de Tyrtaei vita ita disserere, ut singulas quae ad eam pertineant res plane perspectas habeamus, non facile sit, tum de patria eius multa quae nobis sunt tradita tam obscura sunt, ut si quis aut non videat ea pleraque esse ficta aut nesciat vera a falsis discernere, necessario accidat, ut vel alia vel etiam perversa de patria eius pro veris habeat. Iam veteres scriptores inter se ita dissenserunt, ut alii Atheniensem alii Lacedaemonium Tyrtaeum dicerent alii Aphidnaeum alii Milesium. Quo factum est, ut nostra quoque aetate viri docti inter se discrepent et incerti sint, cuius ille gentis fuerit ubique sit natus. Nam Bachius Tyrtaeum genti Ionicae adnumerare studet, cum Aphidnis eum, in pago quodam prope Athenas sito, natum posteaque Atheniensem factum esse dicat ¹⁾. Hanc sententiam sequuntur plerique. Accedit Hecker, qui in epistula critica, quam ad Schneidevinum misit perquirens, quibus partibus Tyrtaeus usus sit Spartaee, non fuisse eum Atheniensem dicit; eos enim magis ad verum accedere, qui eum stirpis Doricae esse existiment ²⁾. Cuius sententiae argumenta nec omnia quae proferri possunt attulit nec quae attulit satis accurate exposuit. Neque vero me fugit, Heckerum reprehendisse opinionem eorum qui Tyrtaeum natum quidem Spartanum, gente vero Atheniensem fuisse putarent. Sed cum eius opinionis auctorem neque ipse attulerit neque ego reperire potuerim, suspicio mihi occurrit Heckerum iudiciis de Tyrtaei vita veterum scriptorum et Bachii commixtis deceptum opinionem, quae nullius fuit viri docti, sibi finxisse atque refutasse. Iam si quis fuit qui hanc opinionem revera protulerit atque argumentis firmare studuerit, eum utrum veri quid an falsi viderit facile nisi fallor docebit is qui accurate eam rem examinaverit. Quid Schwepfinger de ea quam tractaturi sumus re cogitaverit equidem nescio, qui ut eius de Tyrtaei vita dissertationem inspicerem, operam multam quidem, sed vanam impende-

rim. Quamquam ex ea re non multum detrimenti in me redundare opinor, cum ille praestitisse non videatur quae memoratu digna sint. Neque enim ab aliis, velut a Bachio, Franckio, qui de Tyrtaeo Schwepfingeri aetate scripserunt, illa de poetae patria dissertatio commemoratur neque altera eiusdem quae est „De aetate Tyrtaei“ tanti momenti videtur, ut eo auctore multum in re investiganda nos proficere putemus. Reliqua autem, quae de patria Tyrtaei sunt dicta a Klotzio, Brigio ceterisque omittere malo, cum nullum fructum ex eorum scriptis enasci existimem.

Quibus omnibus Thierschii sententia opposita est, qui omnino fuisse Tyrtaeum negat ³). Sed refutavit eam Bachius qui fingere sibi Thierschium causas quibus rem suam confirmet plane ac dilucide ostendit ita, ut nemo ex illo tempore quod quidem sciam eas acceperit ⁴). Quod bene et acute ut consuevit Bernhardius professus est iudicans haec Thierschii verba nihil valere ⁵). Quin etiam ipse Thierschius in extrema dissertatione sibi diffusus esse mihi videtur, cum nullo pacto Platonis locum quo fuisse Tyrtaeum legitur suae sententiae accommodare potuerit ⁶). Ergo mihi in rem ingredienti operae pretium esse non videtur diiudicare, utrum fuerit Tyrtaeus necne. Quod cum ita sit, iam non dubito patria eius quae sit quaerere, quam quaestionem nondum diiudicatam esse etiam Bernhardius dicit ⁷).

Veterum scriptorum qui de Tyrtaeo agunt discernamus necesse est eos qui fabulas quae de poeta fuerint referunt ab illis quorum verbis fides habenda est. Equidem principem illorum qui comminiscuntur et esse et haberi puto Pausaniam qui uberrime illas de poeta narratiunculas composuit conscripsitque. Reliqui qui ea quae vulgo credebantur tradunt sunt Platonis scholiasta, Diodorus, Themistius, Iustinus. Qui quamquam aut Pausaniam sequuntur ut scholiasta et Themistius aut ex fonte aliquo communi narratiunculas hauriunt ut Diodorus et Iustinus: tamen easdem res de Tyrtaei vita referunt, id quod ex ipsorum verbis cognoscere licet. Et Pausaniae quidem sunt haec (IV, 15, 3): Ἐγένετο δὲ καὶ Λακεδαιμονίῳ μάντευμα ἐκ Δελφῶν τὸν Ἀθηναῖον ἐπάγγελσθαι σύμβουλον. ἀποστέλλουσιν οὖν παρὰ τοὺς Ἀθηναίους τὸν τε χρησμὸν ἀπαγγελοῦντας καὶ ἄνδρα αἰτοῦντας παραινέσοντα ἢ γρήσσειν. Ἀθηναῖοι δὲ οὐδέτερα θέλοντες, οὔτε Λακεδαιμονίους ἀνευ μεγάλων κινδύνων προσλαβεῖν μοῖραν τῶν ἐν Πελοποννήσῳ τῆν ἀρίστην, οὔτε αὐτοὶ παρακοῦσαι τοῦ θεοῦ, πρὸς ταῦτα ἐξευρίσκουσι, καὶ ἦν γὰρ Τυρταῖος διδάσκαλος γραμμάτων νοῦν τε ἤκιστα ἔχειν δοκῶν καὶ τὸν ἕτερον τῶν ποδῶν χωλός, τοῦτον ἀποστέλλουσιν ἐς Σπάρτην. Tum Scholiastae ad Plat. Legg. p. 448 ed. Becker:

Ὁ Τυρταῖος οὗτος Ἀθηναῖος ἐγένετο, εὐτελής τὴν τόχην· γραμματιστὴς γὰρ ἦν καὶ χολὸς τὸ σῶμα, καταφρονούμενος ἐν Ἀθήναις. τοῦτον Λακεδαιμονίους ἔχρησεν ὁ Ἀπόλλων μεταπέμψασθαι, ὅτε πρὸς Μεσσηνίους εἶχον τὴν μάχην καὶ ἐν ἀπορίᾳ κατέστησαν πολλῇ ὡς δὴ ἱκανοῦ αὐτοῖς ἐσομένου πρὸς τὸ συνιδεῖν τὸ λυσιτελές· αὐτῷ γὰρ ἐπέτρεψε χρῆσασθαι συμβούλῃ. ἀφικόμενος δὲ αὐτός εἰς Λακεδαίμονα καὶ ἐπίπλους γενόμενος συνεβούλευσεν αὐτοῖς ἀνελεῖσθαι τὸν πρὸς Μεσσηνίους πόλεμον, προτρέπων παντοίως, ἐν οἷς καὶ τὸ φερόμενον εἰπεῖν ἔπος·

Μεσσηνὴν ἀγαθὴν μὲν ἀροῦν, ἀγαθὴν δὲ φυτεύειν.

Deinde Diodori (XV, 66): Ὑστερον δὲ δουλευόντων Μεσσηνίων τοῖς Λακεδαιμονίοις, Ἀριστομένης ἔπεισε τοὺς Μεσσηνίους ἀποστῆναι τῶν Σπαρτιατῶν καὶ πολλὰ κακὰ διεργάσατο τοὺς Σπαρτιάτας, ὅτε καὶ Τυρταῖος ὁ ποιητὴς ὑπὸ Ἀθηναίων ἡγεμῶν ἐδόθη τοῖς Σπαρτιάταις. Deinde Themistii Orat. (XV, p. 197): Λακεδαιμονίους τοῖς πάλαι πολέμῳ πιεζομένοις ὑπὸ Μεσσηνίων ἀνεῖλεν ὁ θεὸς συμμαχίαν αἰτεῖσθαι Ἀθήνηθεν. πρεσβευσασμένοις δὲ τοῖς Λάκωσιν οἱ Ἀθηναῖοι καὶ συμμαχίαν τὴν Πυθόχρηστον αἰτησασμένοις οὐχ ἔπλα τε ἔδοσαν οὐδὲ μὰ Δία φιλοῦς ἢ γομνήτας, ἀλλὰ Τυρταῖον τὸν ποιητὴν ἤδεσαν γὰρ ἅτε σοφοὶ ὄντες Ἀθηναῖοι, τοῖς μὲν σώμασι Λακεδαιμονίους Μεσσηνίων οὐχ ἠττωμένους, θάρσει δὲ καὶ προθυμίᾳ βελτίους γενέσθαι, — ἀναστῆσαι δὲ τούτους ἐπιτηχότας καὶ ἀνεγειρεῖν αὐτῶν τὰ φρονήματα καὶ πρὸς τὸν ἀρχαῖον ζῆλον ἀναγαγεῖν ἱκανός μὲν ἦν καὶ Τυρταῖος, ἱκανωτέρα δὲ φιλοσοφία. Postremo Iustini (III, 5): „... Lacedaemonii de belli eventu oraculo Delphis consulto iubentur ducem belli ab Atheniensibus petere. Porro Athenienses, cum responsum cognovissent, in contemptum Spartanorum Tyrtaeum poetam claudo pede misere“.

His perlectis cum nemo sit qui non facile perspiciat omnes illos in rebus de Tyrtaeo narratis, si a paucis discesseris, ita consentire ut iure aliquantisper haesitari possit quis cui praeferendus sit, nobis propositum est, ea tantum quae Pausanias tradidit perlustrare, unde quae in hunc cadant eadem in reliquos pertinere apparebit.

Ex his locis, quos supra commemoravimus, praeter reliqua discimus tria, quae ad Tyrtaeum pertinent: fuisse dementem, claudum, ludimagistrum. Quas res qui subtilius accuratiusque examinaverit facere non poterit, quin fictas esse profiteatur. Namque imprimis incredibile quidem est Spartiatas, quippe quibus nihil unquam pluris quam mens sana in corpore sano fuerit, hominem omnibus et animi et corporis virtutibus infirmum excepisse atque adeo belli ducem regibus ipsis posthabitis fecisse. Tyrtaeum autem revera belli ducem fuisse praeter Diodorum (l. c.) testantur complures alii scriptores, ut Philochorus (ap. Athen.

XIV. p. 630. F.); Strabo (VIII, 4, 10); Plutarchus (Apophthegm. Lac. pag. 230); Suidas (tom. III. pag. 520); Lycurgus (in or. contra Leocr. c. 28). Neque vero esse ignoro qui alias partes ei tribuant velut Paus. qui l. c. narrat a Lacedaemoniis Delphos missis legatis Dei responsum fuisse ut Atheniensem consiliarium sibi arcesserent (τὸν Ἀθηναῖον ἐπάγεσθαι σύμβουλον). Tum Tyrtaeum esse missum qui in proelio quod fuisset ad Apri monumentum non ipse quidem obisset belli munera, sed in extrema acie milites ad pugnandum incitasset. Quae sive vera sunt sive falsa, id certum est hominem claudum et dementem ad Lacedaemoniorum animos erigendos nihil valuisse. Sed quid multa?

Hanc enim rem plane fabulosam esse, nemo negabit, qua de causa iam Mueller in libro de Dor. Pausaniae illa in fabularum quas dicimus Romanensium numero esse referenda iudicavit ⁹⁾. Restat ut quaeramus, cur Pausanias Tyrtaeum perhibuerit ludimagistrum. Quid autem veri falsive in hac narratione lateat, inde iam elucet, quod Tyrtaeus eo tempore fuisse dicitur quo literae non essent, nedum florerent, ita ut nihil aus disci aut doceri posset. Quam ob rem tam acute quam recte Thierschius mihi videtur dixisse Tyrtaeum eo tempore fuisse, quo Athenis vel duo vel nemo literas vel sciret vel disceret ⁹⁾. Quid vero de Pausaniae fide atque auctoritate commemorem? Bene Hecker iudicavit: „idem eodem iure i. e. nullo de alijs quoque narrari“. Velut pervulgata est narratiuncula illa de Dionysio, Syracusarum tyranno, qui haut dubie ab inimicis ludimagistri partes, cum esset expulsus, habuisse dicitur. Eodem modo Phemius qui Homeri matrem uxorem duxisse fertur παῖδας γράμματα διδάσκων dicitur ¹⁰⁾ et ipse Homerus ¹¹⁾. Adde Protagoram ludibrio dictum esse ludimagistrum ab Epicuro ¹²⁾. Haec exempla quibus alia facile addi possunt sufficere arbitror ¹³⁾. Iam si quis quaerat quare in errorem ut ludimagistrum Tyrtaeum nominaret adductus sit Pausanias, is certe unde haec fabula manaverit edocebitur his Lycurgi verbis ¹⁴⁾: τίς γὰρ οὐκ οἶδε τῶν Ἑλλήνων, ὅτι Τυρταῖον στρατηγὸν ἔλαβόν παρα τῆς πόλεως, μεθ' οὗ καὶ τῶν πολεμίων ἐκράτησαν καὶ τὴν περὶ τοὺς νέους ἐπιμέλειαν συνετάξαντο, οὐ μόνον εἰς τὸν παρόντα κίνδυνον ἀλλ' εἰς ἅπαντα τὸν αἰῶνα βουλευσάμενοι καλῶς. Κατέλιπε γὰρ αὐτοῖς ἐλεγεία ποιήσας, ὧν ἀκούοντες παιδεύονται πρὸς ἀνδρείαν. Quae verba cum ab audientibus et legentibus falso intellexerentur videntur effecisse, ut postea Pausanias reliquique Tyrtaeum ludimagistrum vocarent. Quenam autem sententia illis verbis insit, recte mihi perspexisse videtur Hecker, qui l. c. p. 453 copiosius hac de re disputat. Nam, „significant“, inquit, „severiolem disciplinam legibus a Tyrtaeo firmatam quo prae-

sidio rempublicam a iuventutis vi et studio rerum novarum tuitus est et in posterum tutam reddidit“. Has enim partes Tyrtaei fuisse in seditione quae de legibus agrariis exorto altero bello Messeniaco renovata est a nonnullis ex iuventute nobilium qui cum plebe frumenti inopia irritata coniuncti erant, constat testimonio Aristotelis et Pausaniae. Cfr. *Ar. Pol.* V, 7: ἐν ταῖς ἀριστοκρατίαις γίνονται αἱ στάσεις—ὅταν οἱ μὲν ἀπορῶσι λίαν, οἱ δ' εὐπορῶσι· καὶ μάλιστα ἐν τοῖς πολέμοις τοῦτο γίνεται, συνέβη δὲ καὶ τοῦτο ἐν Λακεδαιμόνι ὑπὸ τὸν Μεσσηνιακὸν πόλεμον· δῆλον δὲ καὶ τοῦτο ἐκ τῆς Τυρταίου ποιήσεως τῆς καλουμένης Εὐνομίας· ὀλιβόμενοι γὰρ τινες διὰ τὸν πόλεμον ἤξιον ἀνάστατον ποιεῖν τὴν χώραν. *Paus.* IV, 18, 1: καὶ ἀπὸ τοῦτου σιτοδεία ἐγένετο ἐν Σπάρτῃ καὶ ὁμοῦ τῇ σιτοδείᾳ στάσις· οὐ γὰρ ἠναίχοντο οἱ ταύτῃ (in Messenia et Messeniae confiniis) τὰ κτήματα ἔχοντες τὰ σφέτερα ἀργὰ εἶναι· καὶ τοῖτοις μὲν τὰ διάφορα διέλυε Τυρταῖος. Neque vero ludimagistrum putari posse Tyrtaeum duo mihi sunt auctores, *Lycurgus* et *Plato*, quorum hic (de Legg. p. 629) Τύρταιον ¹⁵), τὸν φῶσει μὲν Ἀθηναῖον, τῶνδε δὲ πολίτην γενόμενον vocat, alterius autem verba iam supra legimus, unde hos quidem scriptores nescios esse eius rei cognoscimus. Neque enim *χωλός* vocabulo subiicienda est vis tam certa quam *Thierschius* (a. mon. tom. III. pag. 594) ei subiecit cum dixit: „ita quod pede claudum fixerunt eum, non inconcinne ad carminum genus, quo inclaruit, relatum est“. Neque etiam cum *Nitzschio* consentio, qui eo audacia procedit, ut (hist. Hom. 1, p. 11) dicat „ita quicumque se... historiae addixit, non invitus mecum ludimagistrum in doctorem carminum scriptorum refinget“.

Ex iis quae adhuc diximus illa *Pausaniae* de Tyrtaeo verba non vera esse apparet. Quaerendum nunc est, num illi narratiunculae quae *Tyrtaeus* oraculo Delphico ab Atheniensibus missus esse *Lacedaemoniis* dicitur fides sit habenda. Qua de re quid liqueat ut inveniamus meum est perscrutari, quo modo *Pausanias* eiusque ut ita dicam socii ad errorem inducti sint. — Ante omnia constat permultas de rebus in bellis *Messeniacis* gestis antiquissimis iam temporibus fabulas exortas esse. Quis enim est qui credat *Aristomenem* ter centum homines diu immolasse, quam rem nobis tradunt *Plut.* (Rom. 25) et *Plin.* (H. N. 11, 70) eundem ter in summo vitae discrimine versatum: primum a vulpe cuius foveam persecutus carceri in quo esset inclusus se subduxisset servatum esse, tum custodes qui somno oppressi essent laqueis restibusque igne combustis effugisse; denique eundem fuga impedita esse interfectum, interfecti in corpore inventum cor villosum. — Ex his aliisque quae eiusdem sunt generis efficitur, ut pro comperto habere possimus, anti-

quissimis iam temporibus rebus bellis illis gestis multa esse immixta, quae fabulosa essent. Quae quidem fabulae profectae sunt a scriptoribus et poetis quorum ex suo quisque arbitrio quasdam narratiunculas aut addidit aut omisit. Quo in numero est Aeschylus quidam Alexandrinus qui Messeniaca scripsit. Maxime autem clari facti sunt Myron et Rhianus. Illum qui de primo bello Messeniaco usque ad Aristodemi mortem scripsit Pausanias iudicat vera et falsa ut liberet arripuisse. Unde fit, ut Aristomenem belli iam primi temporibus ducem fuisse arbitretur. Atque hunc Diodorus sequi videtur Cleonem qui bello primo interfuerat Aristomenis commilitonem fuisse existimans. Cf. Diodor. fragm. 10 pag. 637 ed. Wesseling: Quas res inter se consentaneas esse ut docerent Wesselingius et Boivinus oleum et operam perdiderunt. Rhianus autem Bennae, in oppido quodam Cretico, natus, aetate Ptolemaei Evergetae circiter Ol. 138 quaecumque hoc de bello pervulgata erant carmine suo quod inscribitur τὰ Μεσσηνιακά complexus est. Ex quo carmine Pausaniam, quamquam paucas quasdam res ex Tyrtaei versibus refutasset ¹⁶), tamen permulta depromsisse Siebilisius ostendit ¹⁷). — Quas res Messeniacas non solum scriptores et poetae affingendo confuderunt, sed multo magis in concionibus exornaverunt Athenienses oratores et sophistae qui aetate belli Peloponnesiaci, ut animos sibi propensos facerent, gloriam maiorum extollere studebant, unde factum est, ut ceterarum gentium Graecarum de laudibus detraherent. Ex his autem Atheniensium sophistarum studiis quasdam Pausaniae sociorumque eius narrationes profectas esse facillime intellegitur ex ratione ea qua Themistius fabulam composuit hanc: ἤδεσαν γὰρ ἅτε σοφοὶ ὄντες Ἀθηναῖοι τοῖς μὲν σώμασι Λακεδαιμονίους Μεσσηνίων οὐχ ἡττωμένους, θάρσει δὲ καὶ προθυμίᾳ βελτίους γενέσθαι, — ἀναστῆσαι δὲ τούτους ἐπιτηχότας καὶ ἀνεγείραι αὐτῶν τὰ φρονήματα καὶ πρὸς τὸν ἀρχαῖον Ἕλληνα ἀναγαγεῖν ἱκανὸς μὲν ἦν καὶ Τυρταῖος, ἱκανωτέρα δὲ φιλοσοφία ¹⁸). Non auderem haec Themistii verba in meum usum afferre, nisi auctorem haberem Thierschium qui l. c. pag. 595 haec dicit: „Si autem ornatum quem rhetores et panegyristae fabulae addiderunt, detrahas, remanet sententia Atticorum vanitati atque odio in Spartanos congrua, nempe Atheniensem vel ludimagistrum eumque insipidum sapere inter Lacones eiusque belli ducem esse satis idoneum.“ Et Bach. (pag. 49) „unde“, inquit, „conficitur totam rem ab Atheniensibus ita esse inversam, ut omnia ad suam gloriam virtutemque spectarent, Lacones autem sapientia saltem ac prudentia deteriores evaderent“. Quid igitur credibilis quam quo essent gloriandi studio simulasse Athenienses Tyrtaei cuius esset vita permultis iam fabulis

exornata patriam esse Athenas? Sed fortasse quispiam de Attica quidem Tyrtaei origine dubitari non posse dixerit ob illud Lycurgi testimonium quod supra iam legimus. Quamvis ea non raro ad veritatem proxime accedere putem quae a Lycurgo narrantur: nihilominus tamen constat eum permultis locis vera cum falsis confudisse. Nam tali indole etiam hunc fuisse arbitror quali ceteros Athenienses id quod satis ex iactatione qua utitur in describendis Atheniensium rebus gestis cognoscitur. Quae accusatio quam vera sit, facile ex verbis illis oratorie dictis intellegi potest: τίς γάρ οὐκ οἶδα κτλ. Nonne enim apparet Lycurgi permultum illo loco interesse ut in civium animis memoriam maiorem et patriae amorem excitet? Nihil vero Lycurgi narratio valet, si Heckerum sequimur, qui l. c. pag. 461: „Cimon enim“, inquit, „optimatum princeps et Lacedaemoniis amicissimus populum in comitiis obsecratus est, ne pateretur Graeciam claudam fieri et alterum ex Graeciae ocellis erui, quasi vix parumper abesset, quin ipsa urbs Lacedaemon capta everteretur et Spartanorum dominationi finis imponeretur. Quod Cimonis in Spartanos studium laudavit Critias apud Plat. earundem in republica partium studiosus: Κίμωνά φησι Κριτίας τὴν τῆς πατρίδος αὔξησιν ἐν ὑστέρω θεμενον τοῦ Λακεδαιμονίων συμφέροντος ἀναπέσαντα τὸν ὄψιμον ἐξελλθεῖν βοηθοῦντα (scilicet βοηθήσαντα) μετὰ πολλῶν ὀπλιτῶν. Ὁ δὲ Ἴων ἀπομνημονεύει καὶ τὸν λόγον, ᾧ μάλιστα τοὺς Ἀθηναίους ἐκίνησε παρακαλῶν, μήτε τὴν Ἑλλάδα χωλὴν μήτε τὴν πόλιν ἑτερόβουχα περιδεῖν γεγεννημένην. Sed ab altera parte factio popularis, ducibus Ephialte et Pericle, qui per Ephialtem plurima agebat, populum obtestata est ne auxilia mitteret urbi aemulae et inimicae eamque viribus suis fulciret, cum Atheniensibus expediret, civitatem Spartanorum quam infirmissimam esse, ἀλλ' εἶν κείσθαι καὶ πατηθῆναι τὸ φρόνημα τῆς Σπάρτης (Plut, l. c.). Athenis igitur pro lubitu oratorum omnia alienissima admixta sunt. Quos cum noverimus saepissime blandimenta plebi dedisse, quibus eam in suas partes pertraherent, v. Arist. Ach. 635—640, ut famam de pace Cimonica rhetoribus maxime populo ab blanditis (?) deberi puto, idem tunc in altercationibus de ope Spartanis ferenda factum esse admodum verisimile, unde repetendam puto fabularum originem, quae inter Athenienses de Tyrtaco fama sparsae fuerunt. Scilicet Cimon eiusque socii, quo causam eorum populo vincerent, finxisse videntur Spartanos etiam secundo bello Messeniaco dei Delphici iussu imperatorem ab Atheniensibus petivisse, qui sibi rem restitueret, et Tyrtaeum ab Atheniensibus datum esse, cuius opera Messenios vicissent Spartani. Quod cum Atheniensibus auditu admodum

esset iucundum, adversarii huic narrationi fidem denegare noluerunt, neque fortasse potuerunt diligentioris investigationis incuriosi, sed, ne Athenienses hoc maiorum exemplum sibi imitandum putarent, iecerunt (?) imperatorem quidem a populo datum esse sed eum, quem ab aemula civitate dari consentaneum esset, claudum, stolidum et rei bellicae imperitum, ut specie opis ferendae Spartanis nocerent Athenienses, qua in re spes eos fefellerit. Hinc mihi videntur fabulae de Tyrtaeo fluxisse, nam si revera Tyrtaeus eum in republica tenuit locum, quem in superioribus ei tribuendam esse demonstrare conatus sum, sponte sequitur, eum alienigenum esse non potuisse, cum Spartani hospitum odio prae ceteris Graecis flagrantes, advenam hominem in summum honorum gradum non provecturi fuissent¹⁹. Cuius narrationis qua Tyrtaeus Atheniensis fuisse traditur utrum Cimon auctor fuerit an alius quis, equidem diiudicare nequeo. Id vero inter omnes constat Athenienses quaecumque laudabilia essent ea sibi ipsis tribuere consuesse. Itaque Bernhardio optimo iure Thierschius qui ab Atticis „παρ negyristis et rhetoribus“ inventas esse istas de Tyrtaeo fabulas demonstrat inanitatem vulgaris de poeta fama videtur aperuisse¹⁹).

Ex his quae deinceps exponemus satis apparet si quid video non omnia a Pausania de Tyrtaeo relata esse probanda, haec tamen duoceteris deductis tanquam rerum summam prodire:

I. fuisse Tyrtaeum poetam,

II. eum bellis Messeniacis apud Lacedaemonios stipendia meruisse.

Ne quis autem me accuset omnibus in his rebus diiudicandis omnino facilius esse videre quid falsum quam invenire quid verum sit: nunc quae fuerit patria exquirendum est. Ac profecto sunt, qui eum non Athenis, sed alio loco natum esse dicant. Quo in numero princeps Strabo habetur, qui sic refert²⁰): Τὴν μὲν οὖν πρώτην κατάκτησιν αὐτῶν φησι Τυρταῖος ἐν τοῖς ποιήμασι κατὰ τοὺς τῶν πατέρων πατέρας γενέσθαι τὴν δὲ δευτέραν, καθῆν ἐλόμενοι συμμάχους Ἡλείους καὶ Ἀργείους καὶ Πισάτας ἀπέστησαν ἥνικα φησὶν αὐτὸς στρατηγῆσαι τὸν πόλεμον τοῖς Λακεδαιμονίοις· καὶ γὰρ εἶναι φησὶν ἐκεῖθεν ἐν τῇ ἐλεγείᾳ, ἣν ἐπιγράφουσι Εὐνομίαν.

αὐτὸς γὰρ Κρονίων καλλιπτεφάνου πόσις Ἥρης

Ζεὺς Ἡρακλείδαις τήνδε δέδωκε πόλιν

οἷσιν ἅμα προλιπόντες Ἐρινεὸν ἠνεμόεντα

εὐρεῖαν Πέλοπος νῆσον ἀφικόμεθα.

ὥστε ἢ ταῦτα ἀκρωτέα (editur ἠκώρωται) τὰ ἐλεγεία, ἢ Φιλοχόρφ ἀπιστητέον καὶ Καλλισθένει καὶ ἄλλοις πλείοσιν εἰποῦσιν ἐξ Ἀθηναίων καὶ (emend. ἦ) Ἀφιδῶν ἀφικόμεθα, δεηθέντων Λακεδαιμονίων κατὰ χρησμόν,

δὲ ἐπέταττε παρ' Ἀθηναίων λαβεῖν ἡγεμόνα. Ἐπὶ μὲν οὖν τοῦ Τυρταίου ὁ δεύτερος ὑπῆρξε πόλεμος, τρίτον δὲ καὶ τέταρτον συστήναι φασιν, ἐν ᾧ κατελύθησαν οἱ Μεσσήνιοι. Quo ex loco id primum efficitur, veteres iam scriptores de Tyrtaei patria dissensisse. Neque vero utrum ille natus sit Athenis, qua de re supra diximus, an Aphidnis, id quod postea tractabimus, nunc a nobis disceptabitur. Prius videamus quid Straboni haec de re persuasum fuerit.

Cuius si verba accuratius perspicimus, nos fugere non potest Tyrtaeum ab eo habitum esse Lacedaemonium. Eam iam veterum scriptorum opinionem fuisse Suidas hoc loco testatur: Τυρταῖος, Ἀρχυβρότου, Λάκων ἢ Μιλήσιος, ἐλεγιστοποιὸς καὶ ἀθλητῆς· ὃν λόγος τοῖς μέλεσι χρησάμενον παροτρύναι Λακεδαιμονίους, καὶ πολεμοῦντας Μεσσηνίους ταύτη ἐπικρατεστέρους ποιῆσαι.... Ἐγραψε πολιτείαν Λακεδαιμονίους, καὶ ὑποθήκας δι' ἐλεγείας καὶ μέλη πολεμιστήρια, βιβλία εἰς ²¹). Deinde hoc loco edocemur etiam fuisse qui Tyrtaeum haberent Milesium. Hanc opinionem Boettiger secutus est qui coniecit poetam Mileto Athenas venisse; unde in Peloponnesum profectus sit ²²). Sed mirificum ille laborem in re indaganda ponit, quam, cum praeter Suidam nullus ei auxilio adsit alius auctor, in medio relinquere cogimur.

Restat igitur, ut nullo alio loco Tyrtaeum, nisi Lacedaemone natum esse arbitremur. Sed alia quoque praesto sunt argumenta quibus haec nostra sententia adiuvetur. Nam ipse poeta compluribus locis patriam suam prodit. Audiamus frag. prim. ed. Bach., quod a Strabone traditum nemo exstitit qui in dubium vocaverit:

Αὐτὸς γὰρ Κρονίων, καλλιστεφάνου πόσις Ἥρης,
Ζεὺς Ἡρακλείδαις τήνδ' ἐδέωκε πόλιν,
οἷσιν ἅμα προλιπόντες Ἐρινεὸν ἡνεμόεντα
εὐρεῖαν Πέλοπος νῆσον ἀρικόμεθα.

His versibus ipse dixit poeta se Doriensem esse. Adnumerat maiores suos illis Doribus, qui Heraclidis ducibus ex quattuor illis urbibus Doricis, quae τὴν Τετράπολιν conficiebant et sitae erant ad Oetam montem et Cephisum flumen in Peloponnesum Spartamque descenderunt. Erineum autem unam ex illis quattuor urbibus fuisse testatur Strabo ²³). Habemus igitur in his verbis figuram, quae a grammaticis „pars pro toto“ vocatur saepissimeque apud poetas legitur. Addamus huic loco frag. tert.:

Ἡμετέρῳ βασιλῆϊ, θεοῖσι φίλῳ Θεοπόμπῳ,
ὃν διὰ Μεσσηνίην εἴλομεν εὐρύχορον,
Μεσσηνίην, ἀγαθὴν μὲν ἀροῦν, ἀγαθὴν δὲ φοτεῦειν.

et frag. quart.:

Ἄμφ' αὐτὴν δ' ἐμάχοντ' ἑννέα καὶ δέκ' ἔτη,
νωλεμέως, αἰεὶ ταλασίφρονα θυμὸν ἔχοντες
αἰχμηταὶ πατέρων ἡμετέρων πατέρες.

Qui hos tres locos perlegens integre iudicaverit, is Doriensem Tyrtaeum fuisse certe concedet. Nam qui potuisset se adnumerare Lacedaemoniis quorum maiores Erineo descenderant Spartam, si fuisset peregrinus? An si fuisset Atheniensis i. e. homo Ionicus, Theopompum qui erat Sparta rex «suum» regem vocare potuisset? Quam denique inepte dixisset maiores suos Lacedaemonios undeviginti per annos cum Messeniis bellum gessisse, si advena fuisset! Quae verba quamquam apertissima ac luculentissima sunt, tamen inveniuntur qui ea pro nullis argumentis habeant. Sed enim aliud iis qui ratione utuntur convenit, aliud placet iis qui Pausaniae plus fidei quam ipsi poetae habeant. Quod cum e laqueis quibus qui Pausaniam sequuntur impliciti sunt nulla relicta sit spes se expediendi, ad nugas nescio quas confugiunt. Dicunt enim verba:

οἷσιν ἄμα προλιπόντες κτλ.

non valere:

Erineo amissa una cum Heraclidis pervenimus in Peloponnesum
i. e. nostri maiores eo pervenerunt;

sed in eam sententiam accipiunt, ut interpretentur:

Iupiter hanc urbem dedit Heraclidis quorum socii vel quibuscum
foedere coniuncti nos Athenienses Erineum reliquimus.

Quorum interpretum alteri concludunt Erineum a poeta dici qui fuerit Atticae pagus. Iam primum nemo aliunde demonstrabit Erineum Atticae omnino pagum fuisse, deinde neutiquam intellegi potest, quo modo Tyrtaeus una cum Heraclidis ex Attica in Peloponnesum descendere potuerit. Alteri autem fabulam composuerunt superiori simillimam: Tyrtaeum, cum dux belli Lacedaemoniis mitteretur, socios et itineris comites sibi elegisse eisque imperavisse ut Erineum convenirent, quo cum convenissent, eum in Peloponnesum descendisse. Atque multo audacius Franckius interpretatur qui dicit: «Ἐρινεόν» litera initiali maiuscula recte quidem scribi apud Strabonem qui verba falso intellexerit, sed ipsum Tyrtaeum haud dubie caprificum intellexisse, imitatum Homer. Il. X, 145:

οἱ δὲ παρὰ σκοπὴν καὶ ἐρινεὸν ἡνεμόεντα κτλ.

Unde statim sibi novam fingit fabulam: «Convenerant igitur Tyrtaei comites in Attica ad caprificum quandam atque inde fuerant profecti in Peloponnesum».

Sic fieri non potest, quin cum falsae pravaeque opiniones concipiantur, tum si ex male intellectis verbis vel ad res historicas vel ad quamlibet aliam antiquitatis partem explicandam testimonia atque argumenta petantur, inania commenta proveniant; quibus qui fidem habeat ab uno ad alium deinceps errorem abducetur. Sed omittamus eius modi interpretationes quae cum absurdae sint nobis ostendunt quas in difficultates qui sequantur Pausaniam non opinati inciderint ²⁴). Quam quidem viam interpretandi etsi Thierschius repudiavit, tamen alium in errorem illapsus est. Nam cum Pausaniae verbis poetae ipsius versus accommodare non possit, negare mavult fuisse Tyrtaeum quam ei Doricam patriam concedere ²⁵). «Sed ne probabilia, inquit, tantum sequamur utque has fabularum nebulas clara veritatis luce dispellamus, conspicuo ipsorum, de quibus agimus, carminum loco efficitur. Nam in tanta uberrimorum elegorum iactura sortis alicuius his iteris propitiae beneficio accidit, ut inter paucissimas reliquias fragmentum Tyrtaei servaretur, quod doceret, a peregrino aliquo poeta, quisquis ille fuerit, carmina haec Spartanis non fuisse composita et ne componi quidem potuisse, sed originem habere vere doricam et Spartanam. Sunt autem versus de quibus loquimur quattuor illi, quos a Strabone I, VIII, pag. 556 C. afferri supra vidimus ²⁶). Et postea (pag. 600): „Iam vero“, inquit Thierschius, „patet, haec inter Spartanos dici non posse a poeta peregrino, sive Atticus sive Milesius ille fuerit, sed dici tantum potuisse a poeta indigena, cuius genus ab illis Doriensibus Heraclidarum sociis derivaretur. Haec si vera sunt, omnis illa de Tyrtaeo narratio cadit et carmina quae Tyrtaeo tribuuntur non Spartae solum sed etiam Spartanorum ingenio nata esse evictum est“. Quae alia affert Thierschius argumenta quibus suam rem confirmet, omittere liceat, cum omnia a Bachio iam refutata sint. Examinemus solam eam conclusionem qua praecipue nititur Thierschius. Est haec:

Cum nullus alius poeta nisi Lacedemonius illa verba scribere potuerit, Pausanias autem Atheniensem fuisse Tyrtacum tradiderit: prorsus non fuit Tyrtaeus.

Rectius sic conclusisset:

Cum nullus alius poeta nisi Lacedemonius illa verba scribere potuerit, Tyrtaei patria non Attica fuit, sed Lacedaemon.

Restat ut Bachii sententiam perlustremus. Qui item elaborat, ut

illos versus quos supra commemoravimus suae de Tyrtaei patria sententiae consentaneos reddat. Quod ut fiat Platonis et Plutarchi auctoritate nisus illos versus ita interpretatur, ut dicat Atheniensem quidem fuisse Tyrtaeum sed civium Spartiatarum in numerum ascitum ²⁷). At nulla huic Plutarchi loco fides mihi videtur habenda esse quia tota illa narratio nimium prae se fert speciem fabellae. Plus valet illud Platonis. Sed ne hic quidem hoc loco mihi est autor, cum ea aetate fuerit qua narratiunculae de Tyrtaei vita verae et falsae iam essent commixtae neque is fuerit cuius hac in re interesset vera a falsis discernere. Sed ne longus sim, omnia omittamus quae contra dicere possumus; afferamus ea tantum argumenta quibus omnino Platonis illud refutatur. Nam obstat maxime, quod apud Lacedaemonios peregrinum in civitatem ascisci legibus vetitum erat, quoniam ea Spartiatarum tantum patebat milibus novem. Quare incredibile est Spartiatas peregrinum eundemque hominem Ionicum, ut tum tempora erant Laconumque mores, in civitatem ascivisse. Omnino autem quanti Graeciae gentes nondum erepta libertate civitatem aestimaverint quamque parci fuerint in ea largienda multis exemplis demonstrari potest. Cuius rei testes Corinthii exstant qui cum eam offerrent Alexandro Magno doni tenuitatem ridenti gloriati esse dicuntur a se nunquam hoc honore quemquam dignum habitum nisi ipsum et Herculem ²⁸). Idem de Megarensibus narrat Plutarchus ²⁹). Religiosissime etiam Aeginetae et Oritae civitatis suae ut ita dicam integritatem custodiebant, id quod exemplis confirmat Demosthenes ³⁰). Lacedaemonii autem quorum nota est *ξενηλασία* e peregrinis Tisameno sacerdoti eiusque fratri Hegiae, Eleis, non sua sponte neque quod ii egregie de republica meruissent, sed oraculo ac superstitione permoti civitatem paullo ante proelium Plataeense impertiti sunt ³¹). Patet igitur nunquam Spartiatas antiquis temporibus neque postea cuiquam nisi illis quos commemoravimus civitatem tribuisse ³²). Qua de causa Meursius ut Platonis illud defenderet ita coniecit: „Tyrtaeo concessam quidem in speciem fuisse civitatem datumque habitare Spartae quod omnino non liquisset peregrino, sed iura tamen omnia civium illi non data esse“. Sed taceamus ea de re quam refutare opus non est. His argumentis quae adhuc protulimus addas quaeso hanc rationem. Cum nemo negare possit civitate donari solum eum qui de republica optime meruerit, non qui ad eam accessurus sit; non potuit Tyrtaeus civitate ornatus esse eo tempore quo illos versus cecinit; nam initio belli seditione propter frumenti penuriam exorta eum id carmen fecisse constat ³³). Atque si

quis esset, qui vel illud Platonis constare diceret: tamen ei concedendum esset Bachium non recte dixisse Tyrtaeum iu civitatem Lacedaemoniorum esse receptum. Nam ne tum quidem cum civis esset factus maiores suos, quippe qui fuissent peregrini, cum Doribus confundere et Heraclidis socios addere poterat.

Tertio loco accedit quod ipsius poetae dicendi ratione nos ubi sit natus edocemur. Carminum quae scripsit duo genera distinguenda sunt, elegiaca et anapaestica, quorum illa HomERICA sunt composita dialecto, haec dorica. Hoc ideo factum esse equidem non iudicaverim quod poetae in versibus elegiacis usi sint dialecto epica, in anapaesticis dorica (nam obstat in poesi lyrica maxime legi dialectum aeolicam) sed potius hanc esse causam veram, quod fuerit homo Doriensis. Nam se Doriensem fuisse carminibus prodit adeo elegiacis; cuius rei exempla pauca tantum proferre licet cum pauci tantum nobis manserint versus. Cfr. frag. 2, 7;

προσβυγενεῖς δὲ γέροντας, ἔπειτα δὲ δημότας ἄνδρας.

et frag. 5:

δεσπότας οἰμώζοντες, ὁμῶς ἄλοχοί τε καὶ αὐτοί,

quibus in versibus δεσπότας et δημότας legimus correpta ultima. Haec autem apud Dores tantum reperiri nos docet (Ahrens ⁵⁴). Neminem arbitror esse qui dicat hominem qui modo ex Attica advenerit talia scripsisse in versibus epicis. His autem exemplis adde frag. I, 1:

Αὐτὸς γὰρ Κρονίων, καλλιστεφάνου πόσις Ἥρης

quo loco Κρονίων legitur anapaestus quae mensura abhorret a consuetudine HomERICA. Nam Homerus hoc nomine ita utitur, ut paenultimam in nominativo producat, in ceteris autem casibus corripiat. Praeter Tyrtaeum paenultimam corripit etiam Pindarus. Cfr. Pyth. 4. 39; Nem. 1, 23; 9, 66. Cum res ita se habeat, nullo modo fieri potuit, ut pedes sic mensos Ionici hominis aut auribus ferrentur aut ore pronunciarentur.

Atque ipsum patris nomen demonstrat Doricae stirpis fuisse Tyrtaeum. Suidas enim poetam fuisse filium Archimbroti cuiusdam l. c. nobis tradidit. Bene Thierschius: „hoc ipsum“, inquit, „nomen Δακωνικὸν κόμμα habet. Lacorum enim nomina plura a βροτος composita sunt et in eam terminationem exeunt, ut Thebanorum in ὠνδας“. Quod argumentum quamvis Bachius debilitare studeat repertis tribus nominibus quae sunt Ἐχεμβρότου Ἀρκάδος, Καλλιμβρότου Καλιωνιάτου, Στεσημβρότου Θασίου,

tamen ut ea nomina Atheniensium fuisse putemus, nondum effecit; potius facile mihi concedi puto nomina quae in βροτος exeant apud Athenienses usitata non fuisse. Insuper cogitandum est eam concludendi rationem de antiquissimis tantum temporibus quibus nulla fuit gentium nominumque mixtio locum habere. Inprimis autem nomina quae exeunt in βροτος maxime apud Lacedaemonios usitata fuisse multa testimonia nobis in promptu sunt. Satis est commemorasse τοὺς Κλεομβρότους ³⁵⁾.

Reliquum est anquirere quid sibi Philochorus et Callisthenes velint qui dixerunt Aphidnaeum fuisse poetam ³⁶⁾. Fuisse autem binas Aphidnas cognovi ex Steph. Byz. pag. 200, ubi haec: Ἄφιδνα, δῆμος Ἀττικῆς τῆς Δεοντίδος φυλῆς.—ἐστὶ δὲ καὶ πληθοντικὸν Ἄφιδναί. ἐστὶ καὶ τῆς Δακωνικῆς, ὅθεν ἦσαν αἱ Δευκιπίδες κτλ. ³⁷⁾. Quaeritur utrae Aphidnae hoc loco sint probandae. Et Philochorum quidem Atticas intellexisse Aphidnas perlegenti verba ὡστ' ἢ ταῦτα — ἀφικέσθαι manifestum est. Quodsi has Aphidnas acciperemus, Tyrtaeum Ionicae fuisse gentis diceremus. Quod falsum esse cum supra demonstraverimus, alteras Aphidnas intellegamus necesse est. Atque hunc δῆμον si statuimus Tyrtaei patriam fuisse, multum nos hac in disceptatione proficere arbitror. Facile tum qui factum sit ut suas Aphidnas Athenienses Tyrtaeo patriam supposuerint, intellegitur. Nam suarum Aphidnarum vicinia Athenienses „sophistae et panegyristae“ de Tyrtaei patria et in errore adiuti et ad fraudem inducti sunt. Ergo quamvis, cum nullis alijs hac de re argumentis adiuvemur, sane dubitari liceat num Laonicis Aphidnis natus sit Tyrtaeus, tamen Doricae stirpis eum fuisse nobis persuasum est.

¹⁾ Cfr. Bach. ed. Tyrt. pag. 46 praef.: «habes igitur Tyrtaeum proprie quidem Aphidnaeum, sed eundem Platonis saltem tempore etiam Atheniensem».

²⁾ Cfr. Philol. a. MDCCL. pag. 451 sqq. ubi illa epistula legitur.

³⁾ Cfr. diss. de gnom. carm. Graec. in «Act. Monac. philol.» tom. III. fasc. IV. pag. 596 sqq.

⁴⁾ Cfr. Bach. l. c. pag. 69 sqq.

⁵⁾ Cfr. Bernh. Grundriss der griechischen Litteraturgesch. ed. II. vol. II. p. 1. pag. 434.

⁶⁾ Cfr. l. c. p. 645.

⁷⁾ Cfr. Bernh. l. c. p. 434: «Es bleibt demnach hier ein ungelöstes Problem».

⁸⁾ Cfr. Bernh. l. c. p. 141. Schou in seinen Liedern erscheint manches in einem anderem Lichte, als in dem Roman des Pausanias».

⁹⁾ Cfr. Bernh. l. c. p. 593.

¹⁰⁾ Cfr. Vit. Hom. 4.

¹¹⁾ V. certam. Hom. et Hes. p. 34. 15 ed. Westerm.: Κολοφώνιοι δὲ καὶ τόπον δεικνύουσιν, ἐν ᾧ φασιν αὐτὸν γράμματα διδάσκοντα τῆς ποιήσεως ἄρξασθαι.

¹²⁾ Cfr. Diog. Laert. X, 8.

¹³⁾ Cfr. Heck. l. c. p. 452.

¹⁴⁾ Cfr. Lyc. c. Leocr. c. 28.

¹⁵⁾ Ne in incerto sis, cur ΤΥΡΤΑΙΟΣ modo περισπώμενον modo προπροξότονον legas, scito Τυρταίων scriptum esse apud omnes veteres scriptores excepto Platone cuius omnes codd. praeter unum Vaticanum Τύρταϊον exhibent. Cfr. Bach. l. c. pag. 37.

¹⁶⁾ Cfr. Paus. 4, 15, 4.

¹⁷⁾ Siebelisii disp. de Rbiano. Budissae 1829, pag. 15 sqq. Cfr. Jacobs. antholog. ind. auct. Müller de Dor. pag. 144.

¹⁸⁾ Cfr. supra ubi totum locum exscripsimus.

¹⁹⁾ Bernh. l. c. pag. 434: «Uebrigens enthüllte Thiersch richtig die innere Nichtigkeit der Vulgärsage, deren Quelle die Panegyriker Athens seien.

²⁰⁾ Strabo VIII, 4, 10. Vide quod Bernhardus hoc de loco iudicat l. c. pag. 433: «Aber die Kritik der Sage liegt in Strabo VIII. pag. 362. Einzelheiten dieser Stelle, die uns ein Gewebe loser Notizen ist, hat Thiersch pag. 591 viel zu skeptisch beurtheilt; ἤνικα φησὶν—Λακεδαιμονίους fordert keinen Beleg mit Worten des Tyrtaeus, und wie lückenhaft auch καὶ γὰρ — ἐκείθεν aussieht, so spricht es doch ohne Zusatz des ἀνέκαθεν im Sinne Strabo's deutlich aus, dass der Dichter von Lacedaemoniern abstamme».

²¹⁾ Cfr. Thiersch. l. c. pag. 592: «quem locum satis confirmatum esse apparet primum ex eo, quod subiungitur is locus, quo vulgaris de Tyrtaeo fama continetur: Τυρταῖος. Οἱ Λακεδαιμόνιοι ὤμοσαν ἢ Μεσσήνην αἰρήσειν ἢ αὐτοὶ τεθνήξεσθαι. Χρῆσαντος δὲ τοῦ θεοῦ στρατηγὸν παρὰ Ἀθηναίων λαβεῖν, λαμβάνουσι Τυρταῖον τὸν ποιητὴν χωλὸν ἄνδρα, ὃς ἐπ' ἀρετὴν αὐτοῦς παρακαλῶν εἶλε τῷ Κ ἔτεε τὴν Μεσσήνην. Suidas enim utrumque locum separatim in lexico posuit. id quod etiam alibi eum fecisse constat — ut diversam de rebus et personis, quas commemorat, famam in opere suo ostenderet. Deinde ex eo quod nomen patris Tyrtaei, quod a nullo alio refertur, traditur»

²²⁾ Cfr. Boettiger in Wielandii Mus. Attic. part. I. pag. 336. Thiersch. l. c. pag. 584.

²³⁾ Cfr. Strabo. IX, 4, 10: Τοῖς δὲ Λοκροῖς τοῖς μὲν ἐσπερίοις συνεχεῖς εἰσὶν Αἰτωλοὶ, τοῖς δὲ Ἐπικνημιθίοις Αἰνιᾶνες οἱ τὴν Οἴτην ἔχοντες καὶ μέσοι Δωριεῖς. οὗτοι μὲν οὖν εἰσὶν οἱ τὴν Τετράπολιν οἰκήσαντες, ἣν φασὶν εἶναι μητρόπολιν τῶν ἀπάντων Δωριέων· πόλεις δ' ἔσχον Ἐρινεόν, Βοῖον, Πίνδον, Κοτίνεον. ὑπέρχεται δ' ἡ Πίνδος τοῦ Ἐρινεοῦ· παρὰρῆβει δ' αὐτὴν ὁμώνυμος ποταμὸς ἐμβάλλων εἰς τὸν Κεφισσοῦν οὐ πολὺ τῆς Ἀιλαίας ἀπωθεν. — ἐνεσθὲν ὀρμηθεῖσι τοῖς Ἑρακλείδασι ὑπῆρξεν ἡ εἰς Πελοπόννησον κάθοδος.

²⁴⁾ Cfr. Bach. l. c. pag. 79. ubi plura leges.

²⁵⁾ Cfr. Thiersch. l. c. pag. 595.

²⁶⁾ Verba Strabonis a nobis allata supra.

²⁷⁾ Cfr. Plat. de Legg. I, p. 629. A.; Τύρταϊον τὸν φύσει μὲν Ἀθηναῖον, τῶν δὲ [Λακεδαιμονίων] δὲ πολίτην γενόμενον. Plut. Arophetegm. Lac. pag. 230. Πυνθισμένου δὲ τινος, διὰ τί Τυρταῖον τὸν ποιητὴν ἐποίησαντο πολίτην· Ὅπως, ἔφη, μηδέποτε ἕνος φαίνεται ἡμῶν ἡγεμῶν.

²⁸⁾ Cfr. Senec. de benef. V, 13.

²⁹⁾ Cfr. Plut. praec. civ. IX, pag. 286.

²⁰⁾ Cfr. Demosth. c. Aristocr. pag. 691 et 211 sqq.

²¹⁾ Cfr. Herod. IX, 33—35.

²²⁾ Cfr. Schoemann. Grace. antiqu. I, 277 sqq. Muell. de Dor. II, 8, sqq. 396 sqq.

²³⁾ Sunt illi versus τῆς Εὐνομίας quae inscribitur. Composuit poeta primis belli temporibus.

²⁴⁾ «*De dial Dor.* 21, 1.

²⁵⁾ Terminationem -βροτος a dorica quadam forma viri docti ducunt. Cfr. Ahrens de dial. dor. pag. 349; Buttm. lexil. I. pag. 131. sqq. Atque ex verbis quae in -βροτος terminantur, quamquam nonnulla apud Homerum leguntur, ut ἀμφίβροτος, μιξόμβροτος, πεισιμβροτος, τερψίμβροτος, φαειμβροτος, φθισίμβροτος, ψθερίμβροτος, tamen plurima apud poetas Doricos et Aeolicos inveniuntur, velut apud Pindarum ἄμβροτος, δαμασιμβροτος, φαυσιμβροτος, ὀπιθόμβροτος, πλειστόμβροτος, ἀλεξιμβροτος, ἐναφιμβροτος κτλ. Cfr. Boeckh. ind. ad Pind. — Paucissima apud scriptores Ionicos usitata fuerunt, velut φαειμβροτος apud Euripidem; ἄβροτος exhibet schol. ad Aesch. Pr. 2; μιξόμβροτος Aesch. Suppl. 563. πεισιμβροτος Aesch. Cho. 361. et Empedoclem animam γθόνα ἀμφίβροτην dixisse Plut. conv. disp. 5, 8, 2 narrat. Haec mihi videntur sufficere, ex quibus concludam nomina quae terminantur in -βροτος Athenis nunquam in communem usum abisse, sed ex Homero profecta esse potissimum ad Doros et Aeoles. Quod cum constet eorum opinio concidit qui natu quidem Spartanum, stirpe vero Atheniensem Tyrtaeum putant.

²⁶⁾ Cfr. Strabonis locum supra allatum.

²⁷⁾ Cfr. Paus. I. 17, 6. II. 22, 7. III. 18, 3.

A. Hoelbe.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Андріанка (Andria) П. Теренція А. (P. Terentii A.) Изъ академическихъ чтеній по кафедрѣ латинской словесности, читанныхъ заслуженнымъ профессоромъ Академіи *Давидомъ Подгурскимъ*. Кіевъ, 1874 г.

„Андріанка“ г. Подгурскаго состоитъ изъ предисловія.—можно бы сказать введенія—и перевода съ нѣкоторыми замѣчаніями подъ текстомъ. Мы сказали „перевода“, потому что авторъ самъ себя называетъ переводчикомъ; но вѣрнѣе слѣдовало бы сказать „передѣлка“. Конечно, недостижимъ такой переводъ, который выражалъ бы всѣ мысли подлинника со всѣми ихъ отгѣнками. Необходимость заставляетъ то замѣнять мысли опредѣленныя болѣе общими и такимъ образомъ отказываться отъ такихъ чертъ, которыя придаютъ мысли наглядность и полноту, или на оборотъ: представлять мысли въ болѣе яркомъ освѣщеніи, или же выражая главные понятія, вмѣстѣ съ тѣмъ вызывать такія представленія, какихъ не находится въ подлинникѣ. Отъ того-то никакой переводъ не можетъ вполнѣ замѣнить подлинникъ. Тѣмъ не менѣе огромная разница между передѣлкою, при которой допускаются и измѣненія подлинника и перифразы, и переводомъ, отступающимъ отъ оригинала лишь на столько, на сколько это требуетъ свойство другого языка. Впрочемъ переводъ переводу рознь, смотря по тому, отступаетъ ли переводчикъ отъ буквальной передачи только потому, что мысль автора была бы иначе непонятна, или передаетъ эти мысли самостоятельно. О буквальномъ переводѣ, не заботящемся о томъ, употребляется ли извѣстная фраза въ томъ языкѣ, на который перелгается оригиналъ, и говорить нечего: онъ имѣетъ значеніе не самъ по себѣ, но лишь какъ предварительный шагъ къ настоящему переводу. Мы остановились на этихъ понятіяхъ о различныхъ видахъ перевода потому, что на нихъ должна основываться оцѣнка лежащаго передъ нами труда. Если въ немъ переданы только

мысли Теренція, хотя съ упомянутыми выше модификаціями, то мы должны будемъ смотрѣть на него какъ на переводъ; если же вмѣсто Теренціевыхъ мыслей отчасти встрѣтятся другія, то это будетъ передѣлка.

Остановимся прежде всего на предисловіи. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: о прологѣ, о лицахъ Андрианки, о содержаніи. Въ первомъ отдѣлѣ, въ началѣ 3-й страницы, сказано, будто прологу Андрианки дано особенное назначеніе, такъ какъ въ немъ авторъ отражаетъ нападки враждебныхъ ему поэтовъ, между тѣмъ какъ обыкновенно въ прологахъ своихъ онъ знакомитъ зрителю съ дѣйствующими лицами и содержаніемъ комедій. Последнее не вѣрно. Плавтъ дѣйствительно такъ поступалъ; но Теренцій ни въ одномъ прологѣ не предваряетъ публики о содержаніи пьесы; о лицахъ же хотя и говоритъ, но впервыхъ только въ трехъ пьесахъ, а во вторыхъ такъ, что это нисколько не составляетъ главнаго содержанія прологовъ. Въ прологѣ къ „Евпху“ онъ сознается, что лицо паразита и хвастливаго солдата заимствованы имъ, но сознается только для того, чтобы защитить себя отъ нападковъ противника, чему и посвященъ весь прологъ. Въ прологѣ къ „Adelphi“ упоминается, что изъ *Synprothnescontes* Дифила заимствованы характеры юноши и сводника, но опять и тутъ вся суть дѣла въ полемикѣ съ недоброжелателями поэта. Наконецъ, въ прологѣ къ „Форміону“ говорится, что *primas partes qui aget is erit Phormio parasitus*, и заявленіе это хотя вызвано и не полемикой, но является послѣдствіемъ ея. Полемикѣ посвященъ и прологъ къ „*Neautontimorumenos*“. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи прологъ къ *Andria* не только не стоитъ особнякомъ, но подходитъ подъ четыре другихъ пролога и разнится лишь отъ пролога къ „*Несуга*“. Затѣмъ, старый поэтъ, съ которымъ споритъ Теренцій, называется (стр. 3) Люціемъ Лавиніемъ; но схоли въ Бембовской, то-есть, въ самой древней рукописи, четыре раза представляютъ *Lauvinus* (Ср. *Dziatzko* въ изданіи *Форміона*, стр. 100), и на этомъ основаніи эта форма имени въ последнее время общепринята. Въ томъ же мѣстѣ неточно упомянуто о враждебныхъ Теренцію поэтахъ, давно уже „устарѣвшихъ“. Правда, Люція Лавина Теренцій называетъ *vetus poeta*, но онъ не говоритъ о *poetis veteribus*; напротивъ, въ оправданіе свое, ссылается на самыхъ древнихъ римскихъ поэтовъ въ самомъ прологѣ Андрианки. Неточности встрѣчаются и въ предлагаемомъ въ концѣ 3-й страницы переводѣ послѣднихъ 4-хъ стиховъ пролога. *Favete* не значить „сохраните

доброе расположеніе къ нему“, ибо этимъ предполагается, что лица, къ которымъ обращается поэтъ, имѣютъ уже къ нему расположеніе, о которомъ тутъ и помину нѣтъ; *favete* здѣсь вообще не относится къ расположенію, но значить то же, что *favete linguis* или εὐφραμίετε, то-есть, молчите, будьте спокойны; такая просьба о тишинѣ часто встрѣчается въ прологахъ, и даже со словами *adeste aequo animo* соединена *Neauntontim. prol. 35. 36*. Упомянутыя слова *adeste aequo animo* также не означаютъ „выслушайте со вниманіемъ предлагаемую піесу“, но скорѣе „будьте справедливыми зрителями“, справедливыми въ томъ отношеніи, чтобы не ошибать піесу еще не зная какова она; на это указываютъ и слѣдующія затѣмъ слова. „Могутъ ли онѣ обращать на себя вниманіе ваше“ не совсѣмъ то, что *spectandae sint*. Латинское выраженіе сильнѣе: „надобно ли смотрѣть“.

Второй отдѣлъ предисловія содержитъ списокъ лицъ, съ краткою характеристикой ихъ, въ первыхъ дѣйствующихъ, имена которыхъ объяснены при этомъ, затѣмъ и не дѣйствующихъ. Тутъ не слѣдовало къ словамъ „дѣйствующія лица“ прибавлять въ скобкахъ *personae interlocutores*, потому что *interlocutor* — новолатинское слово. Если же за словами „лица, не дѣйствующія на сценѣ, но входящія въ піесу“ прибавлено въ скобкахъ *personae mutae*, то надо замѣтить, что *personae mutae* или *χωρὰ πρὸςωπτα* хотя и не говорятъ, но являясь, даже дѣйствуютъ на сценѣ, а потому сюда не подходятъ тѣ лица, о которыхъ въ піесѣ только упоминается, какъ на примѣръ Хрисиды. Съ другой стороны, слуги Симона, строго говоря, дѣйствуютъ на сценѣ, убирая купленные припасы, хотя они *personae mutae*.—Въ концѣ 3-го отдѣла, о содержаніи, авторъ говоритъ, что въ раздѣленіи Андрианки на акты всѣ издатели рукописей согласны между собою, но относительно сценъ — „что изданіе, то разница“. Мы не знаемъ, о какомъ разногласіи идетъ здѣсь рѣчь, но очевидно авторъ упустилъ изъ виду, что первый актъ оканчивается въ большей части изданій по окончаніи 5-й сцены, а Флеккейзенъ, изданіе коего наиболѣе употребительно, заключаетъ первый актъ послѣ первой сцены; изъ остальныхъ сценъ перваго акта, по обыкновенному раздѣленію, онъ составляетъ 2-й актъ; третій актъ начинается съ начала 2-го акта и продолжается до конца обыкновеннаго третьяго, такъ что только съ начала 4-го акта изданіе его согласуется съ другими. Изъ послѣднихъ строкъ предисловія мы еще узнаемъ, что переводчикъ слѣдуетъ новѣйшему изданію Панкука.

Передъ предисловіемъ помѣщена дидаскалія, на которую мы

указываемъ потому, что въ ней встрѣчаются слова: *tibiis paribus, dextris et sinistris*. Они попадаются и во многихъ изданіяхъ Теренція, но это еще не служитъ имъ оправданіемъ, потому что *vulgata* дидаскаліи не прямо вытекла изъ лучшихъ рукописей, но изъ эмендацій Ant. Govsani; что же касается дидаскаліи въ Андрианкѣ, то она въ наилучшемъ спискѣ (Bembinus) утрачена и восстановлена по Донату, у котораго это мѣсто не совсѣмъ ясно. Мы не знаемъ, какое авторъ составилъ себѣ представленіе о *tibiis paribus (dextris et sinistris)*. Если онъ разумѣетъ тутъ то же, что и другіе, то-есть флейты одинаковаго рода или обѣ правыя (въ другихъ мѣстахъ говорится *duabus dextris, a duae sinistrae* не упоминаются), то по примѣру новѣйшихъ издателей долженъ былъ бы вычеркнуть *dextris et sinistris*.

У переводчика каждому явленію предшествуетъ обзоръ происходящаго въ немъ дѣйствія. Въ обзорѣ перваго явленія, на стр. 11, подъ конецъ сказано: „Симонъ выходитъ изъ дому на улицу и встрѣчаетъ возвращающихся съ базара слугъ съ закупленными Созіею для свадьбы съѣстными припасами“. Тутъ мы не станемъ спорить о томъ, выходитъ ли дѣйствительно Симонъ изъ дому. Можетъ быть, оно и такъ, хотя ничто не препятствуетъ предположить, что вмѣстѣ съ другими и самъ Симонъ возвращается съ рынка. Но съѣстные припасы никакъ не могутъ быть куплены „для свадьбы“, по той простой причинѣ, что свадьбы вовсе не предвидится; Симонъ только намѣренъ говорить съ сыномъ о свадьбѣ, чтобы, въ предвидѣнномъ случаѣ отказа, получить право упрекать его и заставить Дава безъ вреда исчерпывать свою хитрость, какъ онъ самъ признается стр. 157 сл.: *Et nunc id operam do, ut per falsas nuptias vera obiurgandi causa sit, si denegat: Simul sceleratus Davos si quid consilii. habet, ut consumat nunc, quom nil obsint doli.* То же самое вытекаетъ и изъ того, что говоритъ Давъ ст. 360 (*Paululum obsoni*) и 451. сл. (*Vix, inquit, drachumis est obsonatus decem: Num filio videtur uxorem dare? Quem, inquit, vocabo ad cenam meorum aequalium potissimum nunc?*).

Пора однако, обратиться къ самому переводу и оправдать наше замѣчаніе, что нерѣдко вмѣсто Теренціевыхъ мыслей выражаются въ немъ другія. Уже I, 1, 2. *paucis te volo* передано „я хочу съ тобою кое о чемъ поговорить“. Кто хочетъ поговорить кое о чемъ, тотъ вовсе не говоритъ о продолжительности разговора, но указываетъ только на неопредѣленное число предметовъ, о которыхъ пойдетъ рѣчь. Гораздо вѣрнѣе поставленное внизу, въ примѣчаніи къ словамъ *volo*

te tribus verbis: „прошу тебя на пару словъ“. I, 1, 12. Quod habui summum pretium persolvi tibi переведено: „я наградилъ тебя тѣмъ, что для тебя выше и дороже всего“. Дѣло тутъ не въ томъ, что Созія не могъ получить большей награды, а въ томъ, что Симонъ не могъ дать больше; вѣрнѣе поэтому было бы сказать: „я уплатилъ тебѣ самую высокую цѣну, которая была у меня“. I, 1, 19, 20: „Если такъ, то скажу тебѣ напередъ въ чемъ дѣло: свадьбы, къ которой мы готовимся и въ дѣйствительности которой ты нисколько не сомнѣваешься, вовсе не будетъ; это одна только мистификація“. А у Теренція читаемъ слѣдующее: Ita faciam. Hoc primum in hac re praedico tibi. Quas credis esse has, non sunt verae nuptiae. Слѣдовательно, впервыхъ, не переведено ita faciam, то-есть, „хорошо“, — слово, часто употребляемое для обозначенія согласія; затѣмъ безъ всякой нужды прибавлено „если такъ“; пропущено in hac re; hoc, относящееся къ слѣдующему стиху, замѣнено словами „въ чемъ дѣло“; has не можетъ значить: къ которой мы готовимся, потому что не дѣлается никакихъ приготовлений, а просто свадьбу относятъ къ говорящему лицу, въ смыслъ: нашу свадьбу, то-есть, свадьбу, которая, какъ кажется, будетъ у насъ; наконецъ у Теренція нѣтъ ровно ничего соответствующаго словамъ „это одна только мистификація“. I, 1, 38. Non iniuria передано „и конечно“, но скорѣе это значить „по дѣломъ“, причѣмъ подразумѣвается gaudebas, тогда какъ фраза перевода содержитъ какъ бы утвердительный смыслъ. I, 1, 35. facile omnes perferre ac pati переведено: „со всѣми былъ ласковъ и любезенъ“; это черезъ чуръ опредѣленно; скорѣе слѣдовало бы сказать: „легко ладилъ и уживался со всѣми“. Напротивъ, I, 1, 36. „никого не чуждался“ гораздо слабѣе, чѣмъ латинское выраженіе eis sese dedere, то-есть, привязывался ко всѣмъ. Ib. 38. invenias laudem — „онъ заслуживалъ похвалу“; тутъ безъ всякой нужды общая мысль замѣнена разказомъ о Намфилѣ; если ib. 40. извѣстныя слова: namque hoc tempore obsequium amicos, veritas odium parit переведены: „ибо и въ наше“ и пр. (въ скобкахъ еще прибавлено „какъ и всегда“), то тутъ приписывается Теренцію не только мысль, которой онъ не выражаетъ, но такая, которая противоположна его мысли. Вѣдь говоря hoc tempore онъ очевидно намекаетъ на то, что прежде дѣла происходили не такъ. Иначе онъ не прибавилъ бы hoc tempore, подобно тому, какъ эти слова выпускаетъ Цицеронъ Lael. 24, 89, гдѣ онъ говоритъ вообще о всѣхъ временахъ. Слова „скромно, даже въ большой нуждѣ“ также не соответствуютъ латинскимъ

ib. 47. *parce ac duriter*. Последнее нарѣчіе относится только къ труду, въ противоположность нѣжной и праздной жизни содержанки, точно такъ какъ Ter. *Adelph. I, 1, 20* сказано: *semper parce ac duriter se habere*, послѣ словъ: „ego haec clementem vitam urbanam atque otium secutus sum. Libidinem ib. означаетъ не „нѣгу и удовольствіе“, но скорѣе „чувственность“. Neus puer ib. 84 имѣетъ не ласкательный оттѣнокъ: „послушай, дружокъ“, чему по латыни болѣе соответствуетъ *o bone* (Horat. *Sat. II, 3, 31*), но „эй, малый“. Ib. 63. *nil ad Pamphilum quicquam attingere* не значитъ „что никакого подозрѣнія не падало на моего Памфила“, но „что Памфилъ тутъ рѣшительно ни при чемъ“; Теренцій говоритъ, что Памфилъ непричастенъ любви къ Хризидѣ, а переводчикъ, что онъ не подавалъ повода къ подозрѣнію. Ib. 67. *neque commovetur animus in ea re tamen* переведено: „я не увлечется шаткостью ихъ поведенія“; но о шаткости поведенія тутъ нѣтъ ни слова; *in ea re* значитъ: „въ такомъ случаѣ“. Ib. 69. *Quom id mihi placebat, tum uno ore omnes omnia bona dicere et laudare fortunas meas* передано: „такое лестное для меня мнѣніе поддерживалось и общею молвою: всѣ отзывались о мнѣ весьма хорошо и всѣ завидовали моему счастью“;—о лестномъ мнѣніи и зависти не говоритъ Теренцій, какъ переводчикъ, въ свою очередь, не говоритъ о радости и похвалѣ. I, 77. *Fere in diebus paucis, quibus haec acta sunt* переведено „спустя нѣсколько дней послѣ этого“; по латыни это значитъ: *paucis in diebus quum*, какъ и у Sueton. Tib. 60. Теренціевы слова означаютъ: въ теченіи тѣхъ немногихъ дней, когда происходили эти переговоры. Ib. 76, не было никакой причины объективное латинское выраженіе *O factum bene* замѣнить субъективнымъ русскимъ: „какъ и радъ“. Ближе къ подлиннику было бы: „прекрасно“. Ib. 87, пропущено слово *officia* (услуги), въ переводѣ „все это происходитъ“. Ib. 89, *scies* гораздо проще перевода „сейчасъ узнаешь все“. Ib. 90. *imus* не то, что „провожаемъ“. Ib. 92. переводчикъ ошибся въ падежѣ, вмѣсто *bona* сказавъ: „хорошенькая“, такъ какъ изъ количества буквы *a* видно, что *bona* творительный, относящійся къ *forma*; если мы позволимъ себѣ отнести къ самому лицу то, что въ подлинникѣ отнесено къ его *forma*, то въ такомъ случаѣ и выше слѣдовало бы вмѣсто „красоты“ употребить означеніе лица, не говоря уже о томъ, что изъ *bona* видимъ, что *forma* тутъ употреблена не въ смыслѣ красоты, а въ смыслѣ наружности. Тамъ же *et vultu* не значитъ „я по виду и собою“, но „лицомъ“. Ib. 95. *forma* не значитъ „наружная манера“, которая состоитъ въ поведе-

ній, но: видъ, то-есть наружность, по отношенію къ стану и чертамъ лица. Странное недоразумѣніе встрѣчается I, 1, 101. Теренцій говоритъ: *Quam times quorsum evadas*, очевидно желая выразить: боюсь, какъ это у тебя выйдетъ! то-есть каковъ будетъ конецъ разсказываемаго тобою дѣла. Точно такъ Цлавтъ Роеп. I, 1, 44. говоритъ: *Intellego hercle, sed quo evadas nescio*, и самъ подобнымъ образомъ Теренцій Нес. I, 2, 118. *Sane curae est, quorsum eventurum hoc siet*; *Andr. I, 2, 5. heri lenitas verebar quorsum evaderet*. Что же изъ этого сдѣлалъ переводчикъ? „И къ чему вамъ выходить было? какъ я боюсь за васъ!“ Значить, онъ не только отрываетъ вопросительное предложеніе отъ *times* и прибавляетъ къ этому глаголу „за васъ“, но не относитъ *evadere* къ выходу Симона на похороны. О томъ, что *ib. 101. sepulcrum* переведено „костеръ“ мы не будемъ спорить; если же *ib. 102. fletur* переведено „оплакивать“, то мы, съ своей стороны, не видимъ, почему не принять это слово въ безличномъ смыслѣ „плачутъ“, хотя Хризида въ предыдущихъ словахъ составляетъ подлежащее. Точно такъ *ib. 106. mediam mulierem complectitur* не значить „схватываетъ ее въ свои объятія“, но „обхватываетъ женщину за талію“; *ib. 107. quor te is perditum*, то-есть, „что ты губишь себя“ — сильнѣе употребленнаго выраженія „зачѣмъ ты подвергаешь себя явной опасности“. *Ib. 116. Quid facias illi, qui dedit damnum aut malum* не значить, „какъ должны бы уже поступать съ нимъ, въ томъ случаѣ“, но содержитъ общую мысль, не относящуюся къ Памфилу. *Ib. 123. Satis vemens causa* не „побудительная“ но достаточная причина. *Ib. 125.* сказано „скоро настанетъ время, говорили вы“, между тѣмъ какъ въ латинскихъ словахъ *prope adest, quom*, нѣтъ никакого намека на то, что это приписывается другому лицу, но просто приведено то, что, въ свое оправданіе, могъ бы сказать Памфилъ. *Ib. 129. En prima ab illo animadvertenda iniurias* переведено „то въ этомъ будетъ состоять вся вина его“: надлежащее объясненіе встрѣчается уже у Доната: *ut iam hoc sit peccatum, quod recusat nuptias, non quod peccat adolescens*; слѣдовательно смыслъ таковъ: „это только есть съ его стороны неправда, заслуживающая кары“. *Ib. 130, id operam dant vera oburgandi causa sit, si deneget* нисколько не значить „я стараюсь вывести наружу истину, и пожурить его, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ отказываться отъ женитьбы“. *Vera causa* противопоставляется несправедливой причинѣ; у переводчика же вышло то, о чемъ у Теренція и рѣчи нѣтъ. *Ib. 137. Mala mens, malus animus*: „у кого злое сердце, у того и умъ хитеръ“; значить,

animus принято за подлежащее, *mens* за сказуемое. Но, не говоря уже о томъ, что если одному изъ двухъ быть подлежащимъ, то скорѣе, по порядку словъ, слову *mens*: связь мыслей и предыдущія слова, въ которыхъ подлежащее составляетъ Давъ, требуютъ эти два выраженія, въ качествѣ сказуемыхъ, отнести къ тому же Даву.

До сихъ поръ мы говорили только о замѣнѣ Теренціевыхъ мыслей другими, но весьма часто случается, что переводчикъ безъ нужды или вносить свои мысли въ подлинникъ или же сжатое латинское выраженіе обращаетъ въ длинное, объяснительное русское. Если I, 1, 2. *adesdum* переведено: „останься на время“, то „на время“ излишне; точно также *ib.* 9, для передачи „*clemens fuerit segvitus*“, довольно было бы сказать „кротко я обращался съ тобою“, и не слѣдовало прибавлять „даже ласково“. *Ib.* 13. *In memoria habeo* переведено: „я этого никогда не забуду и навсегда сохраню добрую память о васъ“. Совершенно достаточно было бы сказать: „помню“, слогъ ничего не выигрываетъ ни двойнымъ, утвердительнымъ и отрицательнымъ, выраженіемъ мысли, ни другими прибавленіями, не говоря уже о томъ, что время измѣнено. У Теренція Совія утверждаетъ только, что онъ не забывалъ о благодареніяхъ Симона. И какая надобность была въ томъ же стихѣ три латинскихъ слова: *haud muto factum* растягивать въ такой длинный оборотъ: „и я не измѣню того, что сдѣлалъ для тебя, и не сожалѣю объ этомъ“. *Ib.* 16. безъ нужды вставлено „признаюсь вамъ“, *ib.* 17. „просто упрекать въ неблагодарности“. *Ib.* 40. *Sapienter* передано „умно, разумно“, а достаточно было бы одного изъ двухъ. *Ib.* 56. *Observabam* переведено „тутъ я сталъ слѣдить“. *Ib.* 76. *Quid obstat quor non verae fiant (nuptiae)* не только переведено: „что же мечтаетъ привести это предположеніе въ исполненіе“, но сверхъ того еще прибавлено: „и что васъ заставляеть вводить другихъ въ заблужденіе?“ *Ib.* 79. Къ переводу словъ *metui a Chryside* присовокуплено „боялся за Памфила“. *Ib.* 107. *inquit* переведено „въ слухъ всѣхъ произноситъ слѣдующія слова“; *ib.* 112. *Quid feci*— „что я сдѣлалъ худаго; *ib.* 114. *Honesta oratio est*, — „оправданіе благородное и уважительное“. Конечно, нельзя отрицать, что иногда вся сила латинскаго прилагательнаго передается не иначе какъ двумя русскими, но тутъ вполне достаточно было сказать: „благородная рѣчь“. *Ib.* 133. *quom nil obsint doli* переведено „но никакія коварства его ничего не помогутъ ему и мнѣ не сдѣлаютъ никакой помѣхи“. Понятно, что при такихъ приемахъ переводъ часто принимаетъ

какой-то растянутый характеръ, вовсе не свойственный ни сжатости передаваемого подлинника, ни характеру русской комедіи. Наша характеристика перевода была бы, однако, не полна, если бы мы не замѣтили, что иногда и латинскія слова остаются не переведенными. I, 1, 58. *sodes ib.* 64. *enimvero, ib.* 79. *ibi, ib.* 123 *cedo* не выражены по русски, хотя къ послѣднему слову подъ текстомъ находится вѣрное объясненіе его. Также *ib.* 134. *manibus pedibusque* не переведено, если не считать за переводъ слова: „всѣ возможны“, которыя, однако, соотвѣтствуютъ слову *omnia*.

Легко было бы тотъ же самый характеръ перевода прослѣдить во всей комедіи, но мы боимся утомить терпѣніе читателя. Поэтому ограничимся первыми явленіями остальныхъ дѣйствій, не отдѣляя уже невѣрныхъ переводовъ отъ излишнихъ прибавокъ, но просто слѣдуя порядку стиховъ. II, 1, 3. въ переводѣ сказано: „насколько душа моя, находясь между надеждою и страхомъ, доселѣ сохраняла свойственную ей дѣятельность“, а по латинѣ: *ut animus in spe atque in timore usque antehac attentus fuit*; здѣсь мы не находимъ никакого намека на дѣятельность, но только напряженіе, прежде всего относящееся къ чувствамъ. *Ib.* 4. „Лишаясь надежды“ не то что „*postquam spes adempta est; cura confectus* не просто то, что „обезсиленная“; „терзаемая въ отчаяніи“ не то, что *stupet*. Отчаяніе бываетъ разныхъ родовъ; есть отчаяніе, которое всѣ силы напрягаетъ до крайней степени, а здѣсь рѣчь идетъ объ оцѣнѣннѣи. *Ib.* 7. *Quanto satius*, конечно, не много отличается отъ „гораздо лучше“, но, такъ какъ въ русскомъ языкѣ существуетъ точь въ точь соотвѣтствующая фраза: куда лучше,—то зачѣмъ не употребить ее? *Ib.* 10. *aliter sentias* переведено: „иначе бы чувствовалъ себя и не то бы заговорилъ“. Послѣднія слова излишни; первая однострочно относится къ чувству, тогда какъ чувства Бирріи здѣсь врядъ ли принимаются въ расчетъ, но, въ противоположность его мыслямъ о преимуществѣ устраненія любви, говорится, что онъ думалъ бы иначе, если бы самъ былъ влюбленъ. Въ томъ же смыслѣ *sentire* употреблено *Cic. de rep.* III, 21. *si ita sensit, ut loquitur, est homo impurus; sin aliter, oratio est tamen immanis.* *Ib.* 10. *Age: age* переведено: „Ну дѣлайте же, дѣлайте“. Мы предпочитали бы: „ну, ну“, — потому что въ *age* значеніе глагола чуть ли не совершенно исчезло. Бирріа тутъ не увѣщеваетъ Харина что-нибудь сдѣлать, но допускаетъ, что дѣло таково, какъ говоритъ Харинъ. *Ib.* 11. *certumst* не значитъ „рѣшусь“, но „рѣшено“. Сверхъ того въ словѣ *exurgit* имѣть ничего, что оправдывало бы прибавку „чтобы не жаловаться по-

томъ на самого себя". Наконецъ, *quid hic agit?* не значитъ „что онъ это говорить?“ *Agere* не *dicere* или *loqui*, но Биррія, услышавъ, что барипъ его рѣшилъ все испытать, поднимаетъ вопросъ, что это онъ имѣеть въ виду или затѣваетъ? Ib. 12, переводъ слова *supplicabo* черезъ „брошусь предъ нимъ на колѣна“ выражаетъ скорѣе первоначальный, чѣмъ обыкновенный смыслъ этого слова. Трудно, судя по тому, что вслѣдъ за тѣмъ происходитъ, представить себѣ, что Харинъ бросается на колѣна. Ib. 14, *fiet aliquid* не то, что „обстоятельства неремѣнятся“, но относится къ послѣднему, какъ причина къ слѣдствію; Харинъ рассчитываетъ на какое-нибудь счастливое приключеніе. Еще менѣе удаченъ переводъ: „эти обстоятельства ничего добраго тебѣ не принесутъ“ вмѣсто *Id aliquid nil est*. Вся острота отвѣта Бирріи такимъ образомъ пропадаетъ. Ib. 16, *si nil impetres* болѣе объяснено, чѣмъ переведено словами: „если не удастся тебѣ упросить его“; *paratum*, при переводѣ „готовиться“, принято о еще продолжающемся дѣйстви, между тѣмъ какъ оно относится къ совершенному дѣйствию; наконецъ *si illam duxerit* не слѣдовало бы координировать со словами *si nihil impetres* „если неуд. т. у. е., а онъ между тѣмъ женится“, потому что слова *si nihil impetres* содержатъ протестъ къ аподозису *arbitretur*, а слова *si illam duxerit* относятся къ тому аподозису, который скрывается въ словахъ *sibi paratum moschum* (*fore*). Пропустить *illam* при *duxerit* также неумѣстно, потому что дѣло не въ томъ, что Памфилъ женится вообще, но въ томъ, что женится на Филуменѣ. Ib. 18, *Charinum video* передано: „что я вижу? Это ты Харинъ!“ „Вотъ Харинъ!“ — было бы вполне достаточно. Ib. 19, *Advenio* не только не значитъ „сиѣшу“, но „сиѣшу“ здѣсь и не соответствуетъ дѣлу, потому что Харинъ вовсе не слѣдуетъ къ Памфилу, но прежде еще совѣтуется съ Биррією, подойти къ нему или нѣтъ. Не понятно и то, почему въ томъ же мѣстѣ пропущена „надежда“ (*spes*). Ib. 20, словамъ *neque rei consilii locum habeo* *neque ad auxilium coriam* предпослана фраза „миѣ теперь не до того, я самъ нуждаюсь во всемъ этомъ“, затѣмъ еще прибавлено „и въ спасеніи“. Впрочемъ *neque locum neque coriam habeo* не точно передано „я нуждаюсь“. I, 22. *Ei mihi* значитъ: „горе мнѣ“, а не: „какъ мнѣ тяжело“. Безъ соответствующихъ словъ въ подлинникѣ сказано затѣмъ „лучше бы и не спрашивалъ ты меня! — услуги миѣ на этотъ разъ“ — и вмѣсто *huic dic* „объяснись съ моимъ Памфиломъ вмѣсто меня“; тутъ *hic* очевидно употреблено не какъ часть, по отношенію къ говорящему лицу, а *δεικτικῶς*. Ib. 24, „увѣрь

же его, что мы съ нимъ на этотъ разъ совершенно расходимся и въ мысляхъ и въ чувствахъ“, а у Теренція вмѣсто повелительнаго стоитъ только утвердительная частица *ne*, вмѣсто же всего остальнаго *iste haud mecum sentit*. Тамъ же *enō*, то-есть, эй, переведено „однако“. *Ib.* 26, *obsecro* переведено „умоляю и закливаю“; *ib.* 27. *dabo equidem operam* „даю тебѣ слово, что употребляю все стараніе“. Но *equidem* не излишне. Памфилъ говоритъ, что по крайней мѣрѣ будетъ стараться не жениться, хотя и не можетъ ручаться за благоприятный результатъ этихъ стараній. *Ib.* 29. *Audi nunciam* переведено „такъ пойми же меня наконецъ“. Тутъ „такъ“ не только не соответствуетъ никакому латинскому слову, но даже и мысли автора; вѣдь оно заключаетъ въ себѣ нѣкоторый консекүтивный смнслъ, а слова Памфила находятъ скорѣе въ отрицательномъ отношеніи къ предыдущимъ словамъ Харина, такъ какъ послѣдній предполагаетъ въ Памфилѣ любовь къ Филуменѣ, а Памфилъ отрицаетъ ее. Затѣмъ „пойми меня“ было бы по латыни: *intellige quid velim* или нѣчто подобное; *audire* относится только къ слушателю. Затѣмъ *nunciam* не значитъ „наконецъ“, но „теперь же“. „Наконецъ“ было бы умѣстно только въ томъ случаѣ, если бы Памфилъ, желая говорить, былъ прерванъ Хариномъ, а этого не случилось. *Ib.* 33. Теренцій говоритъ *aut tu aut hic Vurgia*, а переводчикъ: „дѣлайте съ своимъ Вирріемъ“. Значитъ, римскій поэтъ довольствуется дѣйствіемъ одного изъ двухъ, а переводчикъ требуетъ, чтобы оба дѣйствовали. Кромѣ того *hic* нисколько не равносильно русскому „свой“, но, какъ примѣчаетъ Допать, *δακτυλός quasi efficaciorē ostendit*. Мы перевели бы: „или ты или вотъ Вирріа“. *Ib.* 34, вмѣсто *qui detur tibi* сказано „чтобы тебѣ жениться на ней“; *ib.* 35, вмѣсто *mihi qui ne detur* „чтобы мнѣ не жениться на ней“. Разумѣется, кому *datur* ухот, тотъ и женится; тѣмъ не менѣе оба выраженія не равносильны и не въ одинаковой степени умѣстны здѣсь. При *uxorem dare* дѣйствіе принадлежитъ родителямъ, при „жениться“ жениху; а Памфилъ и Харинъ хотятъ дѣйствовать на родителей, чтобы не быть принужденными жениться или достичь согласія ихъ на бракъ, слѣдовательно надобно было сказать: чтобы выдали за тебя, чтобы не выдали за меня. Въ томъ же 35 стихѣ *video Davom* не точно переведено „Давъ идетъ сюда“. *Ib.* 36, *quoius consilio fretus sum* достаточно было перевести „я полагаюсь на его умъ“, а не надобно было прибавлять ни „вполнѣ“ ни „и надѣюсь на него“. *Ib.* 37, *quae nil opus sunt* совершенно достаточно было передать: „въ чемъ мнѣ нѣтъ никакой

надобности"; слова „и чего я вовсе не желалъ бы слышать“ — излишни.

Теренцій говоритъ: *firmavit tidem* и вслѣдъ за тѣмъ объясняетъ это подробнѣе: *nam quod peperisset iussit tolli*; переводчикъ говоритъ: „покаялся ей въ вѣрности своей“ и ниже *nam* переводитъ „даже“, а *iussit* „рѣшился“. Ib. 6, переводчикъ изъ *Iuppiter* сдѣлалъ „О боги верховные“. Ib. 9, вставлены въ переводѣ слова „надо спѣшить къ ней“; *ne in moга illi sis* переведено „чтобы намъ не опоздать“, и *sequor* „готова, идемъ“. Ib. 10, *huic malo* переведено „противъ этой новой бѣды и этой дурной огласки“. Кажется, заключающееся въ послѣднихъ словахъ объясненіе не пужно и даже не совсѣмъ вѣрно; вѣдъ упомянутая бѣда состоитъ не въ самой огласкѣ, но въ томъ, что Симонъ изъ разговора женщинъ узнаеть, что вскорѣ у Памфила будетъ ребенокъ. Ib. 11, *iam scis* переведено „а! понимаю“; но „уже“ передъ „знаю“ или „понимаю“ было бы точно такъ на мѣстѣ, какъ по латынѣ *iam*. Ib. 12, *Quid hic sensisse ait?* переведено „что онъ этимъ хочетъ сказать: „понимаю“ и „на силу въ толкъ взялъ?“ Вопросъ относится только къ предмету пониманія, а не къ какому-нибудь загадочному смыслу, скрывающемуся въ предшествовавшихъ словахъ. Ib. 13, вмѣсто *haec primum adfertur iam mi ab hoc fallacia* сказано: „это одна изъ пилюль, приготовленныхъ уже для меня этимъ бездѣльникомъ“. Но между тѣмъ какъ *pilula* обозначаетъ непріятность, *fallacia* содержитъ только понятіе обмана. Также неудачно *ib. 14, simulant ragesse* передано „пустили слухъ“. Если бы пустили слухъ, то стали бы говорить о предстоящихъ родахъ Гликеріи не передъ однимъ Симономъ, но передъ многими другими. И что значить „она расходилась съ своими родами“, какъ переведено *adproperat ib. 17?* *Ib. 18. Divisa temporibus haec* переведено „распредѣлены дѣйствія съ обстоятельствами“; очевидно, однако, Симонъ намекаетъ на неудобное время, въ которое Гликерія рождаетъ, такъ что *tempora* тутъ времена. Сравнѣе всего переводъ послѣднихъ стиховъ этого явленія: *Hicine me si inparatum in veris nuptiis adortus esset, quos mihi ludos redderet. Nunc huius periculo fit, ego in portu navigo, то-есть: „какія штуки выкинулъ бы этотъ малый со мною, если бы онъ при настоящей свадьбѣ напалъ на меня не приготовленнаго. Теперь онъ въ отвѣтѣ, а я плаваю въ гавани“. А вотъ что находимъ у переводчика: „И этотъ негодяй вздумалъ нападать на меня и подозрѣвать дѣйствительность свадьбы, не видя къ ней достаточныхъ приготовленій!*

Что онъ, шутить или смѣется надо мною? Пусть же самъ теперь несетя на подводные камни, а я—у пристани“.

IV, 1, 2, tanta recordia innata cuiquam ut siet переведено: „чтобы кто-либо былъ такъ золь отъ природы“; но *recors* вовсе не тотъ, который другому желаетъ или дѣлаетъ зло и поэтому называется злымъ, но безумный. Ib. 5, изъ слѣдующихъ за вопросомъ *idnest verum?* словъ *immo id hominumst genus pessimum* явствуется, что *verum* употреблено въ смыслѣ „справедливо“, какъ напримѣръ *Caes. b. G. IV, 8, 1, neque verum esse, qui suos fines tueri non potuerint, alienos occipare*; а въ переводѣ сказано „возможно ли это на самомъ дѣлѣ?“ и слѣдуетъ отвѣтъ: „да! не только возможно, но и есть такого рода люди; только это не люди, а выродки изъ людей, уроды“. Послѣ *ib. 8. tum coacti necessario se aperiant* слѣдуетъ объясненіе: *et timent et tamen res premit denegare*. Рѣчь идетъ о слабыхъ людяхъ, у которыхъ силы не хватаетъ ни на отказъ ни на исполненіе даннаго слова, и которые въ концѣ концовъ дерзко и прямо выставляютъ свое корыстолюбіе, откровенно говоря: *proximus sum egomet mihi*. А переводчикъ вставляетъ слова: „забываютъ стыдъ и сваливаютъ всю вину на обстоятельства“, очевидно не идущія сюда, и присовокупить еще „которые не то что заставляютъ ихъ отказаться отъ слова, а поставляютъ въ невозможность выполнить его“. Ib. 11, *quor meam tibi, то-есть, sponsam* переведено „изъ-за чего я стану жертвовать для себя своимъ? Ib. 13. *Si roges* переведено „о томъ и не спрашивай“; *nil pudet* „это (то-есть, слово) у нихъ ни по чемъ“. Ib. 14, безъ нужды уменьшена сжатость латинскаго выраженія: *ubi opus est* переведено „гдѣ нуженъ стыдъ при самомъ исполненіи обѣщанія“, а *ubi ni opust* „гдѣ вовсе нечего стыдиться и слѣдуетъ только сказать: да или нѣтъ“. Ib. 15, „потребовать у него удовлетворенія за нанесенную мнѣ обиду“ не то же, что *cum eo iniuriam hanc expostulem*, слова, которыя сейчасъ объясняются словами: *ingeram mala multa* и слѣдовательно скорѣе значать: жаловаться на обиду, потребовать объясненія объ обидѣ. Харинъ не претендуетъ на какое-нибудь удовлетвореніе за мнимую потерю Филумены, но просто хочетъ, въ своей досадѣ, отвести душу, или, какъ переводчикъ говоритъ послѣ упомянутой фразы „высказать ему въ горькихъ словахъ всю его низость“. Впрочемъ такое растягиваніе фразы опять не соответствуетъ сжатости латинскаго выраженія. Ib. 18, чуждая Теренцію градация внесена въ переводъ словами: *imprudens* „по неволѣ или

по глупости". Ib. 19, пропущено tandem и невѣрно solvisti fidem переведено „хорошо же ты отдѣлываешься отъ даннаго тобою слова“; solvere fidem просто значитъ „исполнить слово“, какъ и Flor. I, 1, 2, и такъ какъ здѣсь говорится иронически, то обозначается противоположное „ты не сдержалъ своего слова“. Ib. 20, опять пропущено tandem, такъ какъ слова Quid tandem? переведены „что ты этимъ хочешь сказать?“ Ib. 22, tuum animum ex animo spectavi meo переведено „по себѣ судилъ о тебѣ“, а этимъ словамъ предпослана фраза: „а я думалъ, что ты также простъ и чистъ въ душѣ своей, какъ и я въ своей“. Подобнымъ образомъ ib. 23, hoc gaudium болѣе объяснено, чѣмъ переведено словами „твоего блаженства въ обладаніи моею возлюбленною“, а въ ст. 24, falsa spe переведено „надеждою на нее, для того только, чтобы потомъ коварно обмануть меня въ этой надеждѣ“ и вслѣдъ затѣмъ habeas „владѣй и наслаждайся ею!“ Ib. 29, вмѣсто cum patre altercasti dudum сказано „вы съ отцомъ своимъ давно уже ведете объ этомъ переговоры“; однако altercare значитъ „спорить“, вести переговоры было бы agere. Но гораздо хуже, что въ томъ же и слѣдующемъ стихѣ вмѣсто et is nunc propter ea tibi succenset nec te quivit hodie cogere illam ut duceres сказано „и онъ не перестаетъ убѣждать и заставлять тебя, чтобы ты женился на ней“. У Теренція отецъ не могъ уговорить сына и поэтому сердится на него: у переводчика о гнѣвѣ и поминѣ нѣтъ и убѣжденія еще продолжаются. Ib. 31 и сл. у Теренція сказано: Immo etiam, quo tu minus scis aegumplas meas: hae nuptiae non adparabantur mihi, то-есть, въ дословномъ переводѣ: „напротивъ, и тѣмъ менѣе ты знаешь мое горе“, иначе сказать „тѣмъ болѣе я долженъ сказать, что ты горя моего не знаешь; эта свадьба не готовилась для меня“. А переводчикъ поставилъ: „мало же ты знаешь, въ чемъ дѣло; ты не только ошибаешься, но и насколько не знаешь моего горя: этой свадьбы, къ которой повидимому готовятся, вовсе и не предполагалось“. Конечно, обращеніе латинскаго придаточнаго предложенія въ русское главное совершенно соотвѣтствуетъ духу русскаго языка; но почему же не сказать просто „мало ты знаешь мое горе“ и пр.? зачѣмъ вставлять слова „въ чемъ дѣло?“, зачѣмъ immo etiam изъ одного предложенія переносить въ другое? Вѣдь имъ, кажется, по намѣренію переводчика, должно соотвѣтствовать выраженіе „не только — но и“, но на самомъ дѣлѣ смыслъ ихъ тотъ, что Памфилъ не только не далъ себя принудить къ извѣстной свадьбѣ, но даже этой свадьбы

не имѣлось въ виду. Ib. 36, у Теренція нарочно опущено подлежащее; сказано только *nunquam destitit etc.*, и послѣ слѣдуетъ вопросъ *quis homo istuc?*; отвѣтъ—*Davos*. Такой вопросъ является почти лишнимъ, если мы съ переводчикомъ въ видѣ подлежащаго прибавимъ „этотъ бездѣльникъ“. Слѣдовало бы сказать только „онъ“. Занятый мысленно своимъ Давомъ Памфилъ и забываетъ назвать его. Ib. 38, *otage* переведено, безъ всякой нужды, двумя глаголами „просить, умолять“. Ib. 40, вмѣсто *Nisi mihi deos satis scio fuisse iratos, qui auscultaverim* сказано: „знаю, что я, послушавшись его, крѣпко, должно быть, прогнѣвилъ боговъ, когда они оставили меня“; но относительное предложеніе замѣняетъ собою винословное, относящееся къ *scio*, то-есть, изъ того, что послушался Дава, Памфилъ выводитъ, что онъ прогнѣвилъ боговъ, видя въ этомъ послушаніи ослѣбленіе, непосланное въ наказаніе. Слѣдовательно по русски можно сказать: „знаю, что послушавъ его прогнѣвилъ боговъ“—или, „боги были сердиты на меня и поэтому я слушалъ его“; прибавлять „когда они оставили меня“ не было никакого повода. Боги не оставили Памфила, но заставили его послушаться Дава. Ib. 41, лучше было бы *factum hoc est?* перевести „вѣрно ли это?“ вмѣсто „такъ это ты виновникъ всему этому!“ Ib. 42, *exitium duint* не совсѣмъ то что „да накажутъ“. Ib. 43, не только *eio* не переведено, но изъ *dic mihi* и слѣдующаго вопроса сдѣлано „знай“ съ повѣтвовательнымъ предложеніемъ. Тамъ же *si hunc coniectum in nuptias velent* не значить „если бы задумали вмѣшаться въ эту свадьбу“, но „если бы хотѣли его видѣть принужденнымъ къ браку“, а *quod nisi hoc consilium darent?* не значить „не придумали бы въ своемъ совѣтѣ злѣе этого“, но „какой совѣтъ дали бы ему кромѣ этого?“. Ib. 45, дословному переводу *deceptus sum, at non defatigatus* предпосланы лишнія слова „неожиданный оборотъ дѣла измѣнилъ мнѣ, но я не теряю духа и надежды на успѣхъ“; сюда же прибавлены не менѣе лишнія слова „и поля битвы не оставляю“. Послѣ 47 ст. слѣдуетъ цѣлый періодъ, сочиненный переводчикомъ. Ib. 49, пропущено *immo etiam*, и вслѣдъ затѣмъ *satis* передъ *credo; si advigilaveris* скорѣе значить „если ты будешь на сторожѣ“ чѣмъ „если ты не умѣришь своей дѣятельности“. Ib. 50, *ex unis nuptiis* значить: изъ одной свадьбы, а не „вмѣсто о. с.“. Ib. 52, *conari* стараться, а не „служить вѣрно“ и еще меньше „дѣлалъ я“, равно какъ *debeo capitis periculum adire* не можетъ означать „я рисковалъ“, и *dum prosim tibi* значить „только бы быть тебѣ полезнымъ“, а не „угодить тебѣ“.

Ib. 56, при *melius* *gerere* пропущено *melius*. Ib. 58. Нем вовсе не заключаетъ въ себѣ увѣщанія къ молчанію, какъ „тсъ! тсъ!“, но выражаетъ, что Давъ въ своихъ мысляхъ остановился на только что высказанномъ требованіи *at iam hoc opust*. Тамъ же *conseruit ostium* не значить „кто-то стучится въ двери“, но „скрипнула дверь“, именно потому что кто-то вышелъ. Ib. 59, слова „ты бредишь, что-ли“ составляютъ не нужную прибавку, а *iam hoc tibi inventum dabo* относятся къ будущему и слѣдовательно нельзя ихъ перевести: „онѣ у меня готовы“.

V, 1, 2. Теренцій кратко говоритъ *grandi iam finem face*. Переводчикъ вѣрно выразилъ смыслъ, говоря „и ты не станешь болѣе упрашивать меня“, но безъ всякой нужды растягиваетъ фразу, вставляя слова „пора уже положить конецъ этому“ и въ концѣ прибавляя „и поставитъ на своемъ“. Ib. 3, мысль Теренція нѣкоторымъ образомъ измѣняется, когда *obsequi* переводится „всячески угодить“. Последнее выраженіе намекаетъ на множество уступокъ, а рѣчь идетъ лишь объ одной, именно о согласіи на бракъ Филумены съ Памфиломъ. Тамъ же фраза *inlusi vitam filiae* по своей сжатости не въ примѣръ сильнѣе русской „я игралъ счастьемъ и рисковалъ жизнью своей дочери“. Ib. 12, *gnato ut medicarer tuo* переведено: „чтобы укрѣпить твоего сына и залечить его раны“; вторая половина не только излишня, но извращаетъ смыслъ фразы. Ib. 14. *Patrum hinc civem esse aiunt, puer est natus* нарочно сказано потому что рожденіе сына разсматривается какъ неоспоримый фактъ, а право Гликеріи на гражданство пока еще подлежитъ сомнѣнію. Переводомъ „что онъ прижилъ ребенка“ это различіе уничтожено. Послѣ *ib. 15*, вставлены слова „они нарочно распускаютъ эти нелѣпые слухи“, и вслѣдъ затѣмъ: „а это имъ и нужно, чтобы только очернить его“. Если Теренцій говоритъ „*quibus id maxime utilest illum esse quam deterrimum*“, то имѣетъ въ виду не дурную молву, а фактъ; онъ хочетъ сказать, что для Гликеріи было бы выгодно, если бы она родила ребенка отъ Памфила. Ib. 18, Теренцій говоритъ о будущемъ: *ubi ea causa — erit adempta his, desinent*, а переводчикъ о настоящемъ „не будь этой побудительной причины, не было бы и этой суматохи“. Ничему не соотвѣтствуютъ въ подлинникѣ слѣдующія слова: „и будь увѣренъ, что чѣмъ скорѣе порѣшится у насъ дѣло, вслѣдствіе чего отнимется у нихъ всякій поводъ къ подобнымъ дриграмъ, тѣмъ скорѣе они замолчатъ и успокоятся“.

Р. Фохтъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).